

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

МАЙ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія Е. Н. Ахматовой.	273	VIII. Матеріалы для исторіи русской цензуры, 1809—1815 гг.	459
II. Литовскій митрополитъ Іосифъ Стѣпашно въ 1839—1844 гг. Сообщ. г. Ж.—въ.	313	IX. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка М. И. Семенова по Россіи въ 1888 г.: Москва.—М. Г. Черняевъ.—Троице-Сергіева лавра и люди науки.	489
III. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. Составилъ П. О. Бобровскій. Гл. III.	325	X. Матеріалы и стихотв.: ген.-фельдцейхм. Минихъ 1730 г. (458).—А. С. Шишковъ 1824 г. (466).—Къ сатиры «Домъ сумасшедшихъ» (468).—А. П. Лакомте, 1812—1842 гг. (471).—Михаилъ Шуйскій (473).—Н. П. Огаревъ (388).—Поэтъ Цедлицъ (474).—М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (475).—Н. О. Сухозанетъ, 1861 г. (477).—Къ Воспомн. Сорокина (480).—Н. М. Пржевальскій (482).—Т. П. Пассекъ, † 24-го марта 1889 г. (485).—Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ (511).—300-лѣтіе Саратова (512).—Поправки.	
IV. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Гл. IV.	357	XI. Библиографическій листокъ.	
V. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Михаилъ Дмитриевичъ Спобелевъ въ 1870—1882 гг.	389		
VI. Послѣдній бой за Шипву. По поводу воспоминаній В. В. Верещагина. Очеркъ ген.-майора Л. Н. Соболева. 1877—1878 гг.	411		
VII. О кончинѣ царевича Симеона и о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ. Сообщ. А. Н. Труворовъ.	451		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Кирилловича Бобровскаго, греко-уніатскаго каноника; гравировалъ художникъ П. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

DK
1
R59
v. 62

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1889 г.

155

Рейнгольд Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изд. Археографич. комиссіи. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. LXXXVI+309+29.

Названный адъеъ трудъ принадлежитъ писателю, прославившемуся въ польской историографіи многими историческими произведеніями, и весьма важенъ въ русской исторической литературѣ, какъ сказаніе, появившееся вскорѣ послѣ окончанія войны царя Ивана Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ изъ-за обладанія Ливоніей,—сказаніе, почти современное событіямъ. Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайной точности и тщательности перевода, довольно сказать, что книга эта принадлежитъ къ числу изданій археографической комиссіи; переводу «Записокъ» предпослано обширное и весьма хорошо составленное изслѣдованіе объ авторѣ комментаріевъ, о судьбѣ его труда, обратившаго вниманіе многихъ ученыхъ и государственныхъ людей Европы XVI и XVII вѣковъ и, наконецъ, о цѣлой, такъ сказать, литературѣ дневниковъ, записокъ, актовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ изданнымъ нынѣ мемуарамъ Гейденштейна. Русскій ихъ переводъ обставленъ примѣчаніями и сопровождается указателями личныхъ именъ и географич. названій. Переводъ исполняетъ П. П. Виноградовымъ, подъ редакцію извѣстнаго ученаго проф. В. Г. Васильевскаго, которому принадлежитъ и введеніе къ книгѣ.

Новые матеріалы и труды о патриархѣ Никонѣ, ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 78.

Оттискъ изъ «Извѣстій» университета св. Владимира, монографія уважаемаго профессора этого университета. Въ этомъ изслѣдованіи и очеркѣ матеріаловъ и трудовъ, посвященныхъ характеристикѣ личности и дѣятельности патр. Никона,—съ замѣчательною полнотою и обстоятельностью обзорно все, что появилось въ печати о знаменитомъ патриархѣ, людяхъ и событіяхъ, до него относящихся. Историкъ-профессоръ изъ своего прекраснаго труда дѣлаетъ тотъ выводъ, что «въ изданныхъ по настоящее время матеріалахъ накопилось уже достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ становится возможнымъ составленіе обстоятельной и всесторонне

разработанной монографіи о патр. Никонѣ. Полный сводъ и оцѣнка свидѣтельствъ современниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, оказывающихся болѣе многочисленными, чѣмъ обыкновенно пользуются ими, проверенныхъ фактами личной дѣятельности и взглядами знаменитаго патриарха, сопоставленныхъ съ разнообразными отношеніями и интересами, съ которыми приходилось ему соприкасаться или вести борьбу, религиозными, умственными, общественными и политическими, наконецъ, доподневныхъ многочисленными бытовыми чертами, выступающими съ такою рельефностью въ знаменательный періодъ борьбы стараго порядка съ новымъ—такова, по мнѣнію уважаемаго В. В. Иконникова, задача, предстоящая будущему изслѣдователю, который рѣшится посвятить на это свой досугъ и трудъ,—задача, вполне заслуживающая вниманія и сочувствія».

Кубанское казачье войско 1696—1888 гг. Сборникъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. Е. Д. Фелицинь. Воронежъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 438, съ иллюм. красками картою города Екатеринодара, портретами и полтипажами.

Заботливо изданная и хорошо составленная книга, въ которой собраны свѣдѣнія къ исторіи возникновенія Черноморскаго войска, переселенія его на Кубань, самоуправленія и землевладѣнія черноморскихъ казаковъ, данныя объ ихъ экономическомъ бытѣ, линейной службѣ, борьбѣ съ горцами, характерные ея эпизоды и проч.; затѣмъ помѣщены біографич. записки о двадцати пяти атаманахъ этого доблестнаго войска, за время съ 1788-го по 1888 г., съ ихъ портретами.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министертва Юстиціи.—Книга пятая.—Москва, 1888 г., въ 6. 8 д., стр. XIII+508+156. Цѣна 3 руб.

Архивъ мин-ства юстиціи неуклонно продолжаетъ дѣло описанія своихъ историческихъ и юридическихъ сокровищъ. Выпустивъ въ 1869 году первую книгу этого описанія, архивъ нынѣ издалъ пятый томъ; въ него вошли слѣдующіе труды: Исторія Разряднаго архива (1711—1812), А. А. Гоздово-Голомбѣевскаго. Исторія Вотчиннаго арх. до 1812 г., Н. Н.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ

(баронъ Брамбеусъ).

Воспоминанія Е. Н. Ахматовой.

Помѣщая вслѣдъ за симъ интересный очеркъ изъ воспоминаній Елизаветы Николаевны Ахматовой, очеркъ, въ которомъ ярко обрисовывается личность крупнаго и блестящаго, по таланту и учености, русскаго писателя и журналиста Осипа Ивановича Сенковского, мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ настоящаго разсказа.

Елизавета Николаевна Ахматова принадлежитъ къ числу старѣйшихъ по времени и весьма заслуженныхъ въ средѣ русскихъ современныхъ писательницъ. Она, если можно такъ выразиться, была изъ числа тѣхъ пионеровъ женскаго интеллигентнаго труда, который вслѣдъ затѣмъ, мало по малу, получилъ, уже въ наши дни, право полной гражданственности въ русскомъ образованномъ обществѣ. Тѣмъ симпатичнѣе заслуги Елизаветы Николаевны на литературномъ поприщѣ.

Е. Н. Ахматова родилась 2-го декабря 1820 года, въ селѣ Началовѣ, Черепаха то-жъ, въ 12 верстахъ отъ Астрахани. По происхожденію она принадлежитъ къ старинной русской дворянской фамиліи. Отецъ ея, Николай Федоровичъ, былъ сыномъ контръ-адмирала Федора Антиповича Ахматова и Маріи Ивановны Ахматовой, рожденной Соловцовой. Эта Соловцова была племянницей Никиты Аванасьевича Бекетова, прославившагося, между прочимъ, въ качествѣ отличнаго хозяина, положившаго начало винодѣлію въ Астраханской губерніи. Матерью Елизаветы Николаевны была Александра Михайловна Ахматова, рожденная Гарновская, дочь ближайшаго наперсника князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, полковника Михаила Антоновича Гарновскаго, обширныя и

весьма интересныя записки котораго были помѣщены въ «Русской Старинѣ»¹⁾. Записки Гарновскаго представляютъ, какъ извѣстно, въ высшей степени цѣнный матеріалъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, а самая личность этого человѣка крайне характерна, такъ какъ онъ отличался замѣчательнымъ, по своему времени, умомъ, образованіемъ и энергіей. О томъ же Гарновскомъ еще не такъ давно на страницахъ «Русской Старины» были любопытныя извѣстія въ запискахъ Александра Михайловича Тургенева²⁾. Память о томъ-же Гарновскомъ сохраняется въ Петербургѣ, соединенная съ громаднѣйшимъ зданіемъ казармъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, у Измайловскаго моста, на Фонтанкѣ, каковой домъ былъ нѣкогда дворцомъ Гарновскаго и до сихъ поръ именуется его фамиліей.

Елизавета Николаевна Ахматова, внучка Гарновскаго, получила отличное домашнее образованіе и, увлекаемая необыкновенною склонностью къ литературнымъ занятіямъ, продолжала его чтеніемъ множества книгъ, какія только могли быть ею добываемы. Она особенно хорошо ознакомилась съ иностранными языками (англійскимъ и французскимъ) и слѣдила внимательно за современной ей европейской литературой.

Въ мѣстномъ губернскомъ обществѣ рано замѣтили ея отличное образованіе и ея красоту. Пылкая, увлекающаяся, она не могла между литературными свѣтилами своего времени не замѣтить блестящаго по уму барона Брамбеуса и обратилась къ нему съ письмомъ. Тотъ, въ свою очередь, быстро отвѣтилъ на обращеніе къ нему даровитой провинціалки, и вотъ завязалась въ высшей степени интересная переписка, въ которой О. И. Сенковскій вполнѣ обрисовывается.

Въ 1845 г. Елизавета Николаевна отправилась въ Петербургъ и здѣсь познакомилась съ Сенковскимъ. Въ концѣ 1848 г. она окончательно переселилась на берега Невы и стала трудиться на литературномъ поприщѣ. Любовь ея къ литературѣ выразилась не въ однихъ трудахъ переводныхъ и оригинальныхъ. Она пожертвовала на это дѣло весь свой небольшой капиталъ, отдавъ его въ распоряженіе редакціи «Библіотеки для Чтенія». Въ 1851 году она уѣзжаетъ за границу, а съ конца 1853 г., по возвращеніи въ Петербургъ, продолжаетъ усердно заниматься переводами преимущественно въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Съ 1856 г. появляется ежемѣсячное изданіе: «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ» въ переводѣ на русскій

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томы XV и XVI.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. I.VIII, стр. 545 — 559, LIX, стр. 8 и 230.

языкъ. Это періодическое изданіе производилось первоначально на средства Андрея Александровича Краевскаго. Е. Н. Ахматова была только редакторомъ этого сборника; съ 1863 г. Елизавета Николаевна, оставаясь редакторомъ Собранія романовъ и повѣстей, сдѣлалась его издателемъ.

Тридцать лѣтъ продолжалось это изданіе и прекратилось лишь въ 1885 году.

Въ 1864—1866 гг., включительно, Елизавета Николаевна издавала дѣтскій журналъ «Дѣло и Отдыхъ».

Эта многолѣтняя, неустанная, энергическая литературная дѣятельность даровитой русской женщины, рано обратившейся къ самостоятельному литературному труду, всеконечно заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія, именно потому, что эта дѣятельность была вполне плодотворна. При отличномъ образованіи, Елизавета Николаевна имѣла полную возможность, и прекрасно пользовалась этою возможностью, останавливать вниманіе своихъ многочисленныхъ читателей и читательницъ на лучшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ Франціи, Германіи и Англіи. Дѣйствительно, на страницахъ ея сборника читатели постоянно находили всѣхъ лучшихъ писателей Европы текущаго столѣтія; но, вмѣстѣ съ произведеніями знаменитыхъ писателей, Елизавета Николаевна Ахматова представляла множество произведеній и мало извѣстныхъ у насъ европейскихъ авторовъ, произведеній вполне пригодныхъ для семейнаго чтенія, въ какому она, главнымъ образомъ, и предназначала свой сборникъ. Что касается до извѣстныхъ европейскихъ авторовъ, то Е. Н. Ахматовой безспорно принадлежитъ заслуга, что она одна изъ первыхъ по времени ознакомила русскую публику съ произведеніями Уильяма Коллинза, Андре Лео, Троллопа (почти всѣ лучшіе его романы переведены въ ея изданіи), Чарльза Рида, Генри Удъ; ею же издано множество романовъ Бульвера, Диккенса, Теккерея, Эдварда Дженкинса, Джорджа Эліота, Виктора Гюго, Жоржа Занда, Эрмана Шатріана, Октава Фелье и многихъ другихъ, даже современныхъ французскихъ романистовъ, каковы Гюи Мопассанъ и Золя включительно. Не остались внѣ ея вниманія романы новыхъ американскихъ писателей; таковы были также ею переведены въ достаточномъ количествѣ.

Языкъ переводовъ самой Е. Н. Ахматовой, при ея отличномъ знаніи языковъ англійскаго и французскаго и языка отечественнаго, и при ея чрезвычайной опытности въ трудѣ переводчицы, всегда отличался чистотою и изяществомъ. Сотрудницъ у нея, въ 30 лѣтъ ея труженической жизни, было немного, но онѣ были высоко образованныя женщины.

Всѣ эти труженицы — русскія женщины—владѣвали въ свои переводы массу добросовѣстнаго и усерднаго труда. По свидѣтельству Е. Н. Ахматовой, каждое выраженіе, относящееся къ какой бы то ни было отрасли знанія, каждый намекъ на историческую или въ какомъ бы то ни было отношеніи замѣчательную личность, провѣрялись специалистами; множество примѣчаній, разъясненій, замѣтокъ разсыпано на страницахъ трехъ сотъ сорока четырехъ (344) объемистыхъ томовъ «Собранія романовъ», изданныхъ въ русскомъ переводѣ Е. Н. Ахматовой и ея сотрудницъ. Добросовѣстныя труженицы совѣтовались въ этихъ случаяхъ со многими уважаемыми писателями и учеными, и тѣ не отказывали имъ въ своихъ совѣтахъ и разъясненіяхъ.

Какая масса труда вообще поднята этой писательницей—о томъ свидѣствуетъ прилагаемый вслѣдъ за симъ перечень ея оригинальныхъ произведеній, переводовъ и отдѣльныхъ изданій.

Теперь, когда женскій трудъ получили право почти полной гражданственности въ нашемъ отечествѣ, когда во всѣхъ сферахъ знанія, науки, литературы, искусствъ мы имѣемъ многочисленныхъ и притомъ нерѣдко весьма образованныхъ и даровитыхъ труженицъ, когда въ числѣ европейскіхъ свѣтилъ науки блестятъ такія славныя русскія имена, какъ, напр., профессоръ Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, еще недавно получившая наивысшую награду за ученые заслуги въ области математики, награду отъ парижской академіи наукъ; когда мы имѣемъ такой высоко-художественный талантъ, каково дарованіе госпожи Хвощинской (по мужу Заіончковская), (псевдонимъ Крестовскій) или даровитыхъ писательницъ для юношества, каковы графиня Е. В. Саліасъ (Евгенія Туръ), Е. Н. Семевская (Водозова) и другія; когда, наконецъ, возникаютъ цѣлыя артели или общества литературныхъ труженицъ, какъ, напр., общество въ Харьковѣ, прославившееся изданіями превосходнаго, обширнаго труда «Что читать народу», и т. д.,—«Русской Старинѣ» вполне подобаешь останавливать вниманіе современныхъ читателей и читательницъ на первоначальницахъ женскаго русскаго литературнаго труда въ нашемъ отечествѣ...

Мы съ особымъ удовольствіемъ даемъ въ настоящей книгѣ «Русской Старины» мѣсто весьма интересному разсказу Е. Н. Ахматовой объ Осипѣ Ивановичѣ Сенковскомъ, весьма извѣстномъ въ свое время литературномъ дѣятелѣ, подъ псевдонимомъ баронъ Брамбеусъ.

Еще два слова.

Надо отдать справедливость русскимъ людямъ 1840 годовъ. Они встрѣтили съ полнѣйшимъ сочувствіемъ литературныя начинанія и затѣмъ дальнѣйшія труды Е. Н. Ахматовой; они поддерживали ее одобреніями, своимъ участіемъ, своею дружбою. Въ первые же годы по пріѣздѣ и водвореніи Е. Н. Ахматовой въ Петербургѣ, въ ея скромной гостиной, на ея литературныхъ вечерахъ весьма часто можно было встрѣтить А. В. Никитенко, А. В. Дружинина, А. А. Краевского, В. П. Гаевского и другихъ видныхъ литературныхъ дѣятелей ея времени.

То были ближайшіе друзья тогда молодой, красивой и высоко образованной русской дѣвушки, которая, смѣло оставя предрасудки своихъ современницъ, выступила на литературное поприще и рѣшилась отвоевать себѣ самостоятельное положеніе въ современномъ ей обществѣ исключительно литературнымъ трудомъ. Личность Елизаветы Николаевны настолько тогда-же выдвинулась и умою, и дарованіемъ, что Николай Ивановичъ Пироговъ, познакомившись съ ней, сохранилъ къ ней чувство дружбы и уваженія во всю свою жизнь.

Михаилъ Семеновскій.

Литературные труды и изданія Е. Н. Ахматовой

1847—1888 гг.

I.

Оригинальные.

- 1848 г. Замосковская лѣтопись, въ «Библіотекѣ для Чтенія».
- 1849 г. Вторая замосковская лѣтопись, тамъ-же.
- 1850 г. Третья замосковская лѣтопись, тамъ-же.
- 1851 г. Мачиха, тамъ-же.
- 1853 г. Кандидатки на званіе старыхъ дѣвъ, тамъ-же.
- 1854 г. Современный разсказъ, тамъ-же.
- 1855 г. Пріключенія моея пріятельницы, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».
- 1857 г. Вторая жена, въ «Сынѣ Отечества».
- 1858 г. Блистательная партія, въ «Сынѣ Отечества». Эта повѣсть была написана въ 1852 г. для «Отечественныхъ Записокъ», но запрещена цензурой и тамъ, и въ «Библіотекѣ для Чтенія».

1858 г. Помѣщица, въ «Литературномъ Сборникѣ въ пользу Смирдина».

1881 г. Три дня въ жизни молодого человѣка, въ юбилейномъ номерѣ «Собранія Романовъ».

1882 г. Завѣщаніе, въ «Собраніи Романовъ».

II.

Переводы.

1842—1855 гг. Множество романовъ и мелкихъ статей въ «Библиотекѣ для Чтенія» и нѣсколько романовъ въ «Отеч. Запискахъ».

1860 г. Четыре Георга, Теккерей, съ примѣчаніями, въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

1856—1835 гг. Ботѣ трехъ сотъ большихъ романовъ въ «Собраніи Романовъ».

1885 г. Маленькій герой, отдѣльная книжка, изданная А. С. Сувориннымъ.

1887 г. Игралище судьбы, съ англійскаго, въ «Русской Мысли».

III

Изданія Е. Н. Ахматовой.

1856—1885 гг. «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ»

1864—1866 гг. Дѣтскій журналъ «Дѣло и Отдыхъ».

Изъ числа разныхъ другихъ книгъ, изданныхъ Е. Н. Ахматовой, должно упомянуть объ исторической повѣсти Н. И. Костомарова: «Сынъ» и книгѣ «Тайны общества всѣхъ вѣковъ и странъ, сочиненіе Чарльза Уильяма Геркерторна», переводъ съ англійскаго.

I.

Годы моей молодости.—Первыя письма О. И. Сенковского ко мнѣ до моего личнаго знакомства съ нимъ.

Мои воспоминанія объ О. И. Сенковскомъ тѣсно связаны съ моею собственной литературной дѣятельностью, и я должна прежде всего извиниться, что мнѣ придется много говорить о самой себѣ, а для того, чтобы письма Осипа Ивановича ко мнѣ, такъ ярко характеризующія личность этого замѣчательнаго, въ свое время, человѣка, были вполне понятны для читателей, необходимо упомянуть о первыхъ годахъ моей молодости и о той средѣ, въ которой я росла.

Я родилась, воспитывалась и жила до двадцатитрехлѣтняго возраста на одной изъ дальнихъ окраинъ Россіи, въ прелестномъ уголкѣ въ двѣнадцать верстахъ отъ Астрахани.

Село Началово, Черепаха то-жь, помѣстье моего отца Николая Федоровича Ахматова, славилось винодѣліемъ, шелководствомъ и фруктовыми садами. Въ то время, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, и сообщенія съ чужими краями были затруднительнѣе, чѣмъ теперь, виноградъ изъ сада села Черепахи посылался ко двору.

Черепаха была оазисомъ среди степей, un morceau tombé du ciel, какъ выразился одинъ французъ, и главная ея прелесть заключалась въ томъ, что въ ней не было никакихъ барскихъ затѣй, ни статуй, ни мостиковъ, ни искусственныхъ прудовъ, ни изукрашенныхъ бесѣдокъ,—вся красота ея громаднаго великолѣпнаго сада заключалась въ роскошныхъ виноградныхъ лозахъ и въ чудесныхъ кустахъ розъ. Это прелестное мѣсто, которое представляется мнѣ теперь какимъ-то видѣніемъ изъ Тысячи одной ночи, какимъ-то волшебнымъ сномъ, я тогда такъ мало цѣнила, что рвалась изъ него въ далекій и холодный Петербургъ.

Казалось бы, что роскошная обстановка, согрѣтая жаркимъ солнцемъ юга, полное приволье деревенской барской жизни должны располагать къ лѣности и нѣгѣ, а во мнѣ, напротивъ, съ каждымъ годомъ развивалась любовь къ труду. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ я не знала что значить лѣность, во мнѣ кипѣла жажда дѣятельности, стремившейся, однако, не туда, куда должна бы направлять ее окружающая среда. Сельское хозяйство, чрезвычайно интересное на Черепахѣ, меня не привлекало, ко всѣмъ красотамъ и прелестямъ черепашенскаго сада я оставалась равнодушна и уже долго спустя, по оцѣнкѣ, сдѣланной памятью моего сердца, я поняла какъ Черепаха была мнѣ дорога.

Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, во мнѣ преобладали двѣ наклонности—любовь къ чтенію и уединенію, хотя уединяться я не имѣла никакого повода, я росла въ дружной семьѣ. Мать моя—отецъ мой умеръ, когда мнѣ минуло пять лѣтъ—души во мнѣ не слышала и я сама горячо ее любила; братья и кузина, воспитывавшаяся вмѣстѣ съ нами, не только любили меня, но и уважали—я была старше ихъ не столько по лѣтамъ, сколько по своей серіозности—и, не смотря на разность нашихъ характеровъ, а можетъ быть именно поэтому, мы уживались очень хорошо. Александръ Мартенъ въ своемъ сочиненіи *L'éducation du caractère* говоритъ, что человѣкъ родится ни добрымъ, ни злымъ, ни лѣнивымъ, ни трудолюбивымъ, ни лгуномъ, ни великодушнымъ. Это нелѣпое мнѣніе, которое можетъ опровергнуть всякая умная и внимательная мать, наблюдающая за природными наклонностями своихъ дѣтей съ ихъ младенчества, вполне опровергала и наша семья. Мы росли подъ однимъ надзоромъ, въ одной

обстановкѣ, у насъ были одни наставники, одни учителя, а между тѣмъ по наклонностямъ и характерамъ мы не имѣли никакого сходства между собой. Я, молчаливая и серьезная не по лѣтамъ, съ дѣтства пристрастилась къ умственнымъ занятіямъ; братъ Михаилъ, спокойный, хладнокровный, съ жилкой остроумія и юмора, имѣлъ страсть и способность къ музыкѣ; братъ Федоръ былъ задумчивъ и религіозенъ; кухня Феликитана—или, какъ мы ее называли, Фелица—мастерица на всѣ женскія работы и нрава очень веселаго. Наша домашняя жизнь, направляемая свѣтлымъ умомъ и разумной любовью къ намъ моей матери, производила на меня самое благотворное вліяніе, и въ обществѣ мнѣ было хорошо. Въ Астрахани въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ много веселились, и хотя одно время я увлеклась вихремъ свѣтскихъ удовольствій, я все-таки считала себя вполне счастливою только въ своей комнатѣ за книгой, и наединѣ сама съ собой.

Хотя я имѣла самыхъ лучшихъ учителей, какихъ можно было имѣть тогда въ отдаленномъ губернскомъ городѣ, по ученіе не удовлетворяло мою любознательность. Въ то время заучиванье наизусть играло въ урокахъ главную роль, и я училась съ пользой и охотно только языкамъ. Потомъ чтеніе окончило мое образованіе; у насъ была обширная бібліотека, устроенная еще моимъ дѣдомъ, пополняемая новыми русскими журналами; въ астраханскомъ обществѣ выписывались въ складчину французскіе беллетристы, и я, любя дѣлиться моими впечатлѣніями, часто читала моей матери, которая иностранныхъ языковъ не знала, французскую книгу по русски, какъ читаютъ ноты, à livre ouvert. Легкость, съ какою мнѣ давались эти словесные переводы, внушила мнѣ желаніе попробовать мои силы на бумагѣ и я принялась усердно дѣлать выписки и переводить.

Но, наконецъ, мои дилетантскія занятія литературой перестали меня удовлетворять, и въ одинъ прекрасный день, достопамятный для меня на вѣки, 1 октября 1842 г., я послала въ редакцію «Бібліотеки для Чтенія», на имя Осипа Ивановича Сенковского, письмо и переводъ повѣсти графини Дашъ, «Мальтійскій кавалеръ». Повѣсть была послана какъ образецъ моего слога, а въ письмѣ заключалась просьба помѣстить въ «Б. для Ч.» большой историческій романъ, переведенный мною съ французскаго, «Фрейлина», или продать его книгопродавцу, чтобы издать отдѣльно. Конечно, это было очень наивно съ моей стороны. Можно ли было надѣяться, чтобы на просьбу неизвѣстной переводчицы изъ отдаленной провинціи обратилъ вниманіе петербургскій журналистъ? Однако, именно это и случилось. Я до сихъ поръ приписываю мою удачу какому-то невѣроятному счастью; фаталисты назвали бы это судьбой; я не фата-

листка, въ судьбу никогда не вѣрила и не вѣрю, а должна сказать, что письмо, написанное въ удачную минуту, имѣло вліяніе на всю мою остальную жизнь и доставило мнѣ то, что я выше всего цѣнила, а именно, честь сдѣлаться членомъ, хотя и самымъ младшимъ, литературной семьи. Черезъ полтора мѣсяца послѣ отправленія посылки и письма я получила отъ О. И. Сенковскаго слѣдующій отвѣтъ:

3 ноября 1842 г.

«Мил. гос. Лизавета Николаевна. Я легко представляю себѣ, какое убѣждающее выраженіе умѣете вы придать голосу и словамъ вашимъ при личномъ объясненіи, суди по любезности строкъ, которыхъ вы меня удостили. Вы справедливо были увѣрены заранѣе, что я ни въ чемъ не буду имѣть жестокосердія отказать вамъ, когда вы станете просить такъ мило и такъ плѣнительно. Благодарю васъ за довѣріе, которымъ вы меня почтили, и обѣщаю употребить всѣ мои усилія, чтобы исполнить ваши желанія. Прежде всего долженъ я объяснить вамъ два обстоятельства, которыя, по отдаленности мѣстъ, могутъ быть неизвѣстны вамъ. Послѣ паденія Смирдина у насъ рѣшительно нѣтъ ни одного книгопродавца, который бы издавалъ на свой счетъ книги и былъ въ состояніи покупать рукописи. Эти люди живутъ и торгуютъ безъ капиталовъ и безъ кредита. Что касается до «Б. для Ч.», то она имѣетъ отдѣльную редакцію, а я тутъ только директоръ и руководитель, выборъ матеріаловъ я предоставилъ совершенно редакціи, оставивъ за собою только право одобренія или неодобренія. Въ такомъ положеніи дѣлъ вы напередъ уже знаете, что я сдѣлаю: я употреблю мое предстательство у редакціи, чтобы она нашла мѣсто для вашего «Мальтійскаго кавалера», если эта повѣсть не была уже напечатана ни въ какомъ другомъ журналѣ и если къ напечатанію ея нѣтъ важныхъ препятствій. Во всякомъ случаѣ, помѣщеніе ея въ «Б. для Ч.» не можетъ исполниться немедленно: мѣсто всегда занято заранѣе на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Но я поговорю, попрошу: ахъ! если бы я умѣлъ просить такъ мило, какъ вы, все сдѣлалось бы сейчасъ по первому слову и согласно моему нетерпѣнію доставить вамъ удовольствіе!..»

Что касается до «Fille d'honneur», то не думаю, чтобы этотъ романъ могъ найти мѣсто въ моемъ журналѣ: во первыхъ, онъ уже не новъ, во вторыхъ, его нужно было бы сократить. За это можетъ быть не возмущатся, да и вы сами вѣрно не согласитесь. Содержанія этого романа я не знаю, но чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ можно

было бы употребить его, я прочитаю книгу и увижу самъ. Остаются затѣмъ книгопродавцы, на нихъ мало имѣю надежды, однако-жъ, буду стараться всѣми силами найти для васъ издателя между ними, если редакція не возьметъ вашей рукописи. Я дѣйствую вопреки моему удовольствію, обѣщая вамъ съ перваго слова сдѣлать все, что только можетъ быть пріятнымъ для васъ и будетъ зависѣть отъ меня; мнѣ слѣдовало бы поторговаться съ вами, то естѣ выторговать у васъ еще два или три такихъ же милыхъ писемъ, какъ это. Но я полагаюсь на вашу добросовѣстность. Не правда ли, вы не обманете меня? Не правда ли—это не послѣднее письмо ваше? Я готовъ даже притвориться разсѣяннымъ и лѣнтяемъ для вѣрности. Да! я ужасно разсѣянъ: не забудьте, безконечно любезная Лизавета Николаевна, что меня надо побуждать, надо часто напоминать мнѣ мое обѣщаніе и все точно такими же остроумными и любезными письмами, какъ это первое, непременно такими же!.. Это—единственное средство со мной, такой я—разсѣянный. Сенковскій».

Адресъ: Его высокородію Осипу Ивановичу С—му, на большой набережной Васильевского острова, домъ Усова, № 21.

Можно себѣ представить мой восторгъ. Я, конечно, выразила всю мою признательность въ новомъ письмѣ. Оно вызвало такой отвѣтъ, который чуть не свелъ меня отъ радости съ ума. Надо вспомнить, что я жила, такъ сказать, на краю свѣта, и хотя въ обществѣ образованномъ, но не литературномъ; надо вспомнить также всю мою любовь къ умственнымъ занятіямъ, чтобы понять—какъ я оцѣнила это чудесное письмо.

3 декабря 1842 г.

«Когда я вамъ писалъ, остроумная, милая и—я хотѣлъ сказать почтенная, нѣтъ, вы, вѣрно еще не почтенная, Лизавета Николаевна, что я очень разсѣянъ и что меня нужно понуждать прелестными и плѣнительными письмами, подобными вашимъ, а только шутилъ и можетъ быть неумѣстно: я ни мало не забылъ вашего порученія и сегодня сяду уже писать вамъ объ успѣхахъ моего старанія, какъ вдругъ, къ великой радости моей, получаю очаровательную розовую бумажку изъ Астрахани и на этой бумажкѣ столько ума, столько тонкости, столько добраго и благороднаго чувства, что все это показалось мнѣ вторымъ волшебствомъ Наяны, вторымъ замкомъ Черномора, вылитымъ изъ воды, огня, золота и воздуха, наполненнымъ розами и мечтами, которые я вчера видѣлъ или, скорѣе, слышалъ, сквозь живописные звуки музыки Глинки. Это письмо тронуло меня:

я говорю вамъ откровенно. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно меня смутило. Почему-жѣ вы считаете меня такимъ тщеславнымъ, такимъ самодовольнымъ, что предполагаете, будто я заранѣе разсчиталъ эффектъ моего письма и отправилъ его къ вамъ въ той увѣренности, что оно васъ какъ вы говорите, осчастливитъ? Такой волшебной силы я никогда не приписывалъ моимъ посланіямъ, и я имѣю привычку менѣе о себѣ воображать, нежели какъ вы думаете. Я очень сожалѣю, что не пользуюсь счастіемъ быть вамъ лично знакомымъ. Вы тогда убѣдились бы совершенно, что самонадѣянность—не мой порокъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. За будущее не отвѣчаю: напротивъ, очень боюсь, что ваши обворожительныя письма, исполненныя такихъ лестныхъ для меня выраженій, дѣйствительно, сдѣлаютъ меня тщеславнымъ и самонадѣяннымъ. Клянусь вамъ, ничего больше какъ одна неизъяснимая прелесть вашего письма заставила меня отвѣчать вамъ, меня, врага переписокъ, человѣка, вовсе не расположеннаго вдаваться въ корреспонденціи, которыя поглотили бы все мое время, если бы я сталъ отвѣчать на всѣ письма, сыплющіяся на меня каменнымъ дождемъ ежедневно. Дѣлая безпримѣрное въ моихъ нравахъ и обычаяхъ изъятіе для вашего милаго письма, я только искалъ моего личнаго удовольствія. Мой отвѣтъ былъ невольнымъ выраженіемъ того наслажденія, которое доставилъ мнѣ вашъ прелестный умъ. Я хотѣлъ только продолжить для себя это наслажденіе, бесѣдуя съ вами. Одно только я сдѣлалъ съ разчетомъ и надѣюсь, вы не упрекнете меня за него. Видя васъ «на краю свѣта», въ Астрахани, съ такимъ образованнымъ умомъ, съ такими проблесками дарованія, съ такою жаждою благороднаго и изящнаго занятія для души и воображенія, мнѣ показалось, что я обязанъ помочь вамъ и что вамъ, заброшенной за три-девять земель въ царство царя Берендея, будетъ пріятно найти въ Петербургѣ исполнителя вашихъ порученій, для которыхъ у васъ, навѣрное, немного здѣсь приказчиковъ. Это удовольствіе я, дѣйствительно, хотѣлъ вамъ доставить и я увѣренъ, что если бы вы жили въ Петербургѣ, а я въ Астрахани, и я бы обратился къ вамъ съ какойнибудь просьбою въ родѣ того легкаго порученія, котораго вы меня удостоили съ такой добродушной довѣренностью, вы, конечно, сдѣлали бы то-же самое для меня, хотя я былъ и вовсе не извѣстенъ вамъ. Я васъ такъ понимаю и даже не хочу понимать иначе. Торжественное доказательство того, что ваши письма доставляютъ мнѣ положительное и несомнѣнное удовольствіе вы имѣете въ той готовности, съ какой я, занятый до крайности и не спавшій уже нѣсколько ночей сряду, принимаюсь снова за переписку съ вами—даже въ самой величинѣ листа бумаги, который

взялъ я для этого письма, а надобно вамъ знать, что я пишу всегда на самыхъ крошечныхъ бумажкахъ и славлюсь лаконизмомъ моего эпистолярнаго слога на весь Петербургъ, отвѣчая всегда на самыя длинныя письма однимъ или двумя словами. Но за этимъ листомъ я нарочно ходилъ въ шкафъ: мнѣ казалось, что у меня такъ много чего сказать вамъ! что я никогда не выплачу вамъ того долга, который наложилъ на себя, требуя вашего новаго письма, новаго моего удовольствія, и получивъ отъ васъ снова столько милыхъ словъ, столько любезныхъ выраженій, сказанныхъ съ такой прелестью и, какъ мнѣ кажется, чистосердечно отъ полноты прекрасной души, притворяться невиннымъ не стану; скажу вамъ откровенно, что и довольно, даже слишкомъ привыкъ къ письмамъ обоего пола, наполненнымъ незаслуженной лестью, или по крайней мѣрѣ тѣмъ, что могло бы льстить моему тщеславію, если-бъ тщеславіе принадлежало къ числу моихъ недостатковъ. Письма этого рода уже мнѣ прискучили и я имѣю слабость думать, что съ тою долей проницательности, которую получилъ отъ природы, могу довольно вѣрно опредѣлить характеръ и сердце человѣка по его письму.

Если я отвѣчалъ вамъ и опять отвѣчаю, это ясно доказываетъ, что вашихъ писемъ, на основаніи сказанной доли проницательности, я отнюдь не смѣшиваю съ тѣми, о которыхъ только что шла рѣчь у насъ; что сквозь ваши письма, подъ этой прелестью ума, подъ этимъ розовымъ облакомъ тонкости и остроумія я вижу доброе сердце, теплую и благородную душу. Если я ошибаюсь, Лизавета Николаевна, то моя проницательность слѣпа и глупа и я больше употребляю ее не стану. Вотъ уже послѣдняя страница, а я еще не началъ собственно моего письма. Придется идти за вторымъ листомъ. Ничего! пойду!—я нахожу—не знаю какъ и почему—несказанную пріятность писать къ вамъ какъ можно долѣе, бесѣдовать съ вами безконечно. Знаете-ли, что эта фантазія—оно фантазія!—даже обольщаетъ меня? Теперь уже пятый часъ ночи — все спитъ — кругомъ мертвая тишина—и я черезъ всю длину широкой и далекой Россіи разсуждаю, говорю, болтаю — не знаю съ кѣмъ — не знаю о чемъ! Это почти — бесѣдовать съ мечтою. И можетъ быть еще лучше! — какъ женщина вы заключаете въ себѣ всѣ условія мечты съ прибавкою опредѣленной формы. Если принесеннымъ удовольствіемъ, оказанною услугою и отсутствіемъ притязаній на благодарность можно пріобрѣтаетъ себѣ друзей въ дальнихъ странахъ міра Божьяго, то — почему знать! — можетъ быть буду я имѣть одного друга на «краю свѣта», именно въ той, которая увѣряетъ меня, будто я ее «осчастливилъ!» Дружба двухъ человѣкъ, которые не знаютъ другъ друга въ

лицо, ничего не знаютъ взаимно, другъ о другѣ, раздѣлены четвертью вселенной и, вѣроятно, никогда не увидятъ другъ друга — вещь довольно любопытная. Почти стоило бы испытать! А можетъ быть это гораздо лучше, чѣмъ дружба двухъ знакомцевъ, которые видятся каждый день, наблюдаютъ другъ за другомъ, дурно хранить тайны одинъ другаго и пріятельски злословятъ другъ друга за глаза. Въ этихъ короткихъ дружбахъ всегда съ одной стороны бываетъ скрытый эгоизмъ, съ другой довѣрчивая и добродушная преданность, эгоизмъ овладѣваетъ преданностью, держитъ ее подъ гнетомъ чаръ слова «дружба», какъ гремучая змѣя птичку, становится ея тираномъ, обращаетъ ее въ свою жертву и, наконецъ, платитъ ей неблагодарностью. О дружбѣ хорошихъ знакомцевъ я имѣю весьма жалкое понятіе—увы! по опыту. Это гораздо меньше, чѣмъ счастье, и немножко больше, чѣмъ глупость. Напротивъ, дружба двухъ человѣкъ, вовсе другъ другу неизвѣстныхъ, отдаленныхъ и не надѣющихся никогда увидаться, какъ я теперь соображаю, представляетъ большія удобства. Если-бъ это, напримѣръ, были мы съ вами? Мы не похитимъ одинъ у другаго никакой тайны, не оклеветаемъ другъ друга изъ участія, измѣна между нами невозможна, а удовольствіе заслужить уваженіе и преданность взаимныя равняются всему, что люди называютъ счастьемъ. Вы говорите, что вамъ часто очень скучно на «краю свѣта». Я дамъ вамъ очень хорошее занятіе или развлеченіе. Когда вамъ станетъ очень скучно, вспомните, что вы можете наполнить удовольствіемъ на другомъ краю свѣта человѣка, который почти не знаетъ удовольствій и ведетъ жизнь очень тяжкую и трудную, и въ такія минуты, прекрасная Лизавета Николаевна, пишете ко мнѣ одно изъ тѣхъ прекрасныхъ писемъ, которыя вы пишете такъ прекрасно! Для меня отвѣчать вамъ будетъ всегда наслажденіемъ, продолженіемъ того наслажденія, которое доставитъ мнѣ вашъ очаровательный умъ и ваше доброе, ласковое слово. Одно только условіе полагаю я въ этомъ, безъ сомнѣнія, взаимномъ удовольствіи: не показывать никому моихъ писемъ, какъ я не показываю тѣхъ, которыми осчастливляютъ меня: счастье одно изъ святыхъ таинствъ. И притомъ я не люблю, чтобы обо мнѣ говорили люди, они обыкновенно не умѣютъ сказать ничего умнаго! Когданибудь вы нарисуете мнѣ своимъ прелестнымъ языкомъ и слогомъ свой собственный портретъ, наружный и внутренній. Это будетъ такъ умно, такъ тонко написано, что я буду знать васъ совершенно. Если вы тоже, когданибудь, спросите меня, что я о себѣ думаю, я скажу вамъ откровенно, хоть и не такъ мило, какъ вы. Не правда-ли, что это очень интересное занятіе для ума и прекрасная защита противъ

скуки? Вы будете имѣть случай упражнять свой талантъ, слогъ, остроуміе, всѣ свои прекрасныя способности. Пишите все, что вамъ ни придетъ въ голову, вѣдь вы теперь меня «не бойтесь, нисколько не бойтесь». А тутъ и подавно нечего бояться: то, что вамъ придетъ въ голову, не можетъ не быть очень мило и изящно. Въ другія времена переводите, потому что вы любите переводить. Я буду доставлять вамъ для переводовъ вещи, достойныя вашего труда, и сдѣлаю такъ, что вашъ трудъ будетъ всегда употребленъ. Я прочиталъ *La fille d'honneur*. Это—прелестный романъ. Я дамъ его въ Б. для Ч. Оканчивайте его смѣло. Книгопродавца, который бы взялся издать его отдѣльно, я не нашелъ ни одного, не смотря на всѣ мои усилія. Остается Б. для Ч., и она возьметъ его съ удовольствіемъ. Вы говорите, что не умѣете сокращать и въ Астрахани вамъ не съ кѣмъ посоветоваться: присылайте романъ, какъ онъ есть, я самъ сокращу его для васъ, а тамъ вы увидите, какъ это дѣлается, и съумѣете сами. Дѣло простѣе и легче, нежели какъ вы думаете. Я пособлю вамъ моими совѣтами. Объ одномъ только буду просить васъ, пощадите мои глаза, прикажите, если можно, переписать свой переводъ четко и хорошими чернилами. День весь похищаютъ у меня люди безъ дѣла: я работаю всегда при свѣчахъ, по ночамъ, и большой трудъ, писанный очень мелко, съ нѣкотораго времени утомляетъ мнѣ зрѣніе. Если у васъ переписывать некому, не затрудняйтесь этимъ нисколько: я прикажу переписать здѣсь. Поступайте всегда дружески со мною и докажите на дѣлѣ, что вы меня уже не бойтесь, нисколько не бойтесь. Не совѣститесь: для васъ это можетъ быть затруднительно. Для меня—стоитъ только сказать: перепишите!—и будетъ переписано. Вашъ «Мальтійскій Кавалеръ» напечатается въ Б. для Ч.: нельзя не напечатать такого милаго перевода! Вы начинаете совершенно такъ, какъ начала мой покойный другъ Зенеида Р*** (Елена Андреевна Ганъ), которой имя такъ хорошо вамъ извѣстно и какъ астраханской жительницѣ, и какъ читательницѣ Б. для Ч. Она была моей литературной ученицей и я, по справедливости, могу гордиться такой ученицей: ея удивительный талантъ развился, такъ сказать, въ моихъ рукахъ. Точно съ такой же довѣренностью обратилась она ко мнѣ, незнакомая, и тоже съ переводомъ: почему знать, можетъ быть, я буду содѣйствовать къ развитію для русской словесности другаго столь же блистательнаго таланта, помогая вамъ защищаться отъ скуки! Я могу ошибаться — фраза для вашей скромности—но дѣло очень возможное. Она начала далеко не съ такой образованностью и не съ такимъ приготовленіемъ, какъ вы. Когда дрожащая, несмѣлая, искала она во мнѣ помощи и руковод-

ства на поприщѣ умственнаго труда, ей было только двадцать два года; она не знала даже правописанія своего языка, имѣла очень слабыя свѣдѣнія во французскомъ языкѣ и никакого другаго языка не знала. Воспитаніе ея было очень небрежно, чтобъ не сказать болѣе—идеи дики, способности ничего не обѣщали. Чтобы помочь ей, надлежало прежде всего научить ее писать: изъ участія, не смотря на мои занятія, я принужденъ былъ пройти съ нею грамматику Греча, толковать каждое правило языка и показывать ей ошибки въ собственномъ трудѣ ея, грубомъ переводѣ «Годольфина», романа lady Charlotte Bury. Я уговорилъ ее потомъ написать что-нибудь оригинальное, потому что переводить она рѣшительно не могла. Первую свою повѣсть написала она почти въ моемъ домѣ, подъ моимъ руководствомъ. Я долженъ былъ поправлять ей каждое слово. Въ короткое время этотъ самородный талантъ развернулся такъ счастливо и сдѣлалъ такіе успѣхи въ образованіи, что русская словесность приобрѣла въ немъ чрезвычайно примѣчательную писательницу. Когда я сравниваю вашу образованность, вашъ слогъ, вашъ тонкій вкусъ и милый умъ при первомъ началѣ съ началомъ Е. А. Ганъ, я не могу не прельщаться самой лестною надеждою на то, чѣмъ вы быть можете, и не ободрять васъ къ усовершенствованію вашего дарованія, если у васъ есть довольно времени для этого. Не зная вашихъ мнѣній объ Е. А. Ганъ, я смѣшу прибавить маленькое объясненіе слова «мой другъ», употребленнаго возлѣ ея имени. Она, дѣйствительно, долгое время питала ко мнѣ, могу сказать, живѣйшую признательность и почти романическую преданность, что весьма понятно при восторженности ея характера, пользовалась дружбой моего семейства, ея родные были мои друзья и ея даровитая молодость, ея неопытность привлекали къ себѣ мое полное участіе: она была тогда мнѣ другомъ, потомъ уже не знаю чѣмъ была. Миръ праху ея! Я имѣю въ моемъ характерѣ тотъ важный недостатокъ, что никогда не измѣняю моихъ чувствъ къ тѣмъ, кому однажды даю мою дружбу. Вы видите, что и втораго листа не достало. Теперь только примѣчаю, что и я тоже не боюсь васъ, нисколько не боюсь! О. Сенковскій.

P. S. Позвольте мнѣ быть вашимъ поставщикомъ англійскихъ книгъ. Завтра поѣду къ книгопродавцамъ, выберу для васъ, что найду лучшаго и пошлю къ вамъ на «край свѣта».

Вообразите, семь часовъ утра!

A propos, êtes vous dame ou demoiselle? Quant à moi, je suis dame. Vous m'écrirez très souvent, n'est ce pas?

Je vous écris cela en français, car le français prend moins de place.

Excusez moi, si je vous envoie une lettre remplie de ratures. Je suis si fatigué, que je ne vois pas ce que j'écris. Et je vous dirai pourquoi: vous m'en louerez dans votre bon coeur. Vous lirez dans la livraison de décembre de la «Библ. для Чт.» un article sur le nouvel opéra de Glinka. Lisez-le, je vous en prie. C'était le 30: la livraison devait paraître le jour suivant. Par les intrigues des malveillans, à la tête desquels s'était mise la «Съверная Пчела», la plus belle musique qu'on ait écrite de nos jours était fort mal reçue à la première représentation et l'Abeille du Nord avait insulté l'homme de génie, le compositeur dont la Russie à juste titre peut s'enorgueillir. J'en fus affligé profondément. L'excellent Glinka était au désespoir. Je crus de mon devoir d'employer tous mes moyens pour réparer son échec et pour lui faire rendre justice. Il fallait expliquer au public ignorant ce que c'est que l'opéra de Glinka, quelles sont les beautés de cette grande oeuvre, quelles sont les conditions d'une musique de féerie et de quelle manière on doit composer et écouter un tel opéra. J'ai travaillé quatre jours et quatre nuits sans relâche, j'ai dû examiner toute la partition qui est immense, revoir plusieurs ouvrages anciens de ce genre avec Koukolnik qui s'est dévoué pour m'aider dans cette bonne action, j'ai ajouté à la livraison du journal cet article, qui est grand et le libretto de l'opéra, Glinka, de son côté, a fait des coupures et des abréviations sur lesquelles nous avons insisté et tout est réparé. Le public a compris son magnifique ouvrage musical. Je reviens du théâtre. Après une chute complète, succès complet, furibond! Glinka a été applaudi à outrance. Il doit être heureux à présent. J'avoue que de mon côté je ne me possède pas de joie. J'en suis tout heureux et c'est au milieu de ce bonheur que je vous écris. C'est doubler le bonheur et vous voyez que je sais m'y prendre. Partagez ma joie à l'autre bout du monde et mon bonheur sera triplé».

[Переводъ]. Кстати, вы дама или дѣвица?

Что касается меня, то я дама.

Вы очень часто будете писать ко мнѣ, не правда ли?

Я пишу вамъ это по французски, потому что французскій языкъ занимаетъ меньше мѣста. Извините, что я посылаю къ вамъ письмо наполненное помарками. Я такъ усталъ, что не вижу, что пишу. И я вамъ скажу почему. Вы меня похвалите въ вашемъ добромъ сердцѣ. Вы прочтете въ декабрьской книжкѣ «Библ. для Чтен.» статью о новой оперѣ Глинки. Прошу васъ прочесть ее. Это было 30. Журналъ долженъ былъ выйти на слѣдующій день. По интригамъ не-

доброжелателей, во главѣ которыхъ встала «Сѣверная Пчела», прекраснѣйшая музыка, написанная въ наше время, была дурно принята на первомъ представленіи и «Сѣверная Пчела» оскорбила гениальнаго человѣка, композитора, которымъ Россія по справедливости можетъ гордиться. Я былъ глубоко этимъ огорченъ. Добрѣйшій Глинка былъ въ отчаяніи. Я счелъ своей обязанностью употребить всѣ силы, чтобы поправить его неудачу и заставить оказать ему справедливость. Надо было объяснить невѣжественной публикѣ, что такое опера Глинки, каковы красоты этого великаго произведенія, каковы условія волшебной музыки и какимъ образомъ слѣдуетъ сочинять и слушать такую оперу. Я работалъ четыре дня и четыре ночи безъостановочно, я долженъ былъ просмотрѣть всю партитуру, которая громадна, и нѣсколько старинныхъ сочиненій въ такомъ же родѣ, съ Кукольниковомъ, который вызвался помочь мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ; я прибавилъ къ журналу эту статью, которая велика, и либретто оперы. Глинка съ своей стороны сдѣлалъ урѣзки и сокращенія, на которыхъ мы настояли, и все поправлено. Публика поняла его великолѣпное музыкальное произведеніе. Я сейчасъ изъ театра. Послѣ полнаго паденія успѣхъ полный, неистовый! Глинкѣ аллодировали безъ конца. Онъ теперь долженъ быть счастливъ. Признаюсь, что я, съ своей стороны, не помню себя отъ радости. Я совершенно счастливъ и среди этого счастья пишу къ вамъ. Это значитъ удвоить счастье. И вы видите, что я умѣю это дѣлать. Раздѣлите мою радость на другомъ краю свѣта и мое счастье утроится.

Черезъ два дня послѣ этого я получила третье письмо на англійскомъ языкѣ:

December 5, 1842.

«I beg Your pardon for sending no more than some twelve volumes. I found nothing else that may deserve your attention, or your simp'e curiosity among the new english publications. The booksellers expect for some novelties. As soon as these new works will be received, I hope I will be able to furnish you with a more interesting lecture. May these trifles, which I send you to day, spare meanwhile a particle of ennui to the most spirited woman that has ever inhabited the extremity of the world and to the most enchanting writer of delightful letters, that have ever been read by truly yours J. S.».

Декабря 5, 1842.

[Переводъ]. Прошу у васъ извиненія, что посылаю не болѣе двѣнадцати книгъ. Я не нашелъ ничего другаго, заслуживающаго вашего вниманія или простаго любопытства, между новыми англійскими изданіями. Книгопродавцы ждутъ

новостей; какъ только эти новыя сочиненія будутъ получены, я буду имѣть возможность доставить вамъ болѣе интересное чтеніе. Пусть эти бездѣлицы, которыя я посылаю вамъ сегодня, разсѣять пока хоть частичку скуки самой остроумной женщины, когда либо обитавшей на краю свѣта, и самой очаровательной писательницы восхитительныхъ писемъ, когда либо читанныхъ искренно вамъ преданнымъ.

II.

Отъѣзда О. И. Сенковскимъ его собственной дѣятельности.

Отвѣтъ мой на второе письмо О. И. Сенковскаго вызвалъ отъ него четвертое письмо на двадцати страницахъ, гдѣ онъ высказался такъ, какъ, по его собственному признанію, не высказывался никогда и никому.

Я приписываю это исключительно той наивной искренности, которою отличались мои письма. Могу сказать по чистой совѣсти, что во всѣхъ моихъ письмахъ, словахъ и поступкахъ я всегда была искренна и мнѣ кажется, что именно эта черта моего характера понравилась ему.

Спб., февраля 14, 1843 г.

«Уже по одному формату этой бумаги вы можете догадываться сколько истиннаго, глубокаго, живѣйшаго удовольствія нахожу я писать такой милой и умной особѣ, какъ вы, и самая немедленность моихъ отвѣтовъ въ состояніи доказать вамъ какое неизъяснимое наслажденіе доставляютъ мнѣ ваши очаровательныя письма. Зачѣмъ же каждый разъ грозите мнѣ, что слѣдующее письмо я получу не скоро, зачѣмъ повторяете эти горчительныя увѣренія, что не закидаете меня своими письмами? Закидайте меня ими, ради Бога! Я хочу быть закиданнымъ вашимъ прелестнымъ умомъ, вашими добрыми и благородными чувствованіями, всѣми этими обворожительными порывами и движеніями теплой, прекрасной души, которыми оживлена каждая ваша строчка. Кто не захочетъ, чтобы его закидали счастьемъ? А читать ваши письма, писать къ вамъ—конечно, для меня счастье, большое счастье: скажу даже—потребность души. Думаете ли вы, что столько умственной прелести, столько умѣнья чувствовать тонко и прекрасно встрѣчаются на этомъ свѣтѣ при всякомъ шагу, что эти вещи такъ обыкновенны, что я не знаю ни цѣны ихъ, ни возвышенности, ни рѣдкости, ни той чудесной свѣжести, которая удваиваетъ и цѣну ихъ, и возвышенность, и рѣдкость! О! нѣтъ, нѣтъ, только въ ваши лѣта, когда свѣтъ кажется еще весною и сія-

ніемъ можно и простительно не знать этого. Я старѣе васъ двадцатью годами и горькая опытность жизни научила меня очень высоко цѣнить подобныя качества, считать открытіе ихъ важнѣе открытій всякаго кладу и возможность пользоваться ими ставить выше всѣхъ земныхъ наслажденій,—наравнѣ съ блаженствомъ ангеловъ. Будьте увѣрены, мой невидимый другъ, невидимый и добрый, какъ тѣ таинственныя существа, которыя воображеніе наше любитъ почитать хранителями человѣка, будьте увѣрены, что ни одно изъ этихъ святыхъ движеній вашей души къ добруму и прекрасному для меня не потеряно; что каждое изъ нихъ находитъ себѣ въ моемъ сердцѣ правосуднаго и опытнаго цѣнителя, и каждое умножаетъ привязанность мою къ такому сердцу и уму, какъ ваши, и преданность мою къ такимъ чистымъ, безкорыстнымъ, небеснымъ чувствованіямъ. Съ такимъ умомъ, съ такимъ сердцемъ я считаю величайшимъ благомъ состоять въ сообщеніи: мнѣ легче, просторнѣе съ ними; мнѣ съ ними привольнѣе; кажется, какъ будто бы я здѣсь въ той стихіи, которую дышетъ духъ, истеченіе божества, и въ которомъ уже нѣтъ ничего земнаго—все свѣтло и свято. Вашъ прекрасный умъ пойметъ это лучше и яснѣе, нежели какъ я могу выразить словами. Я прибавлю только, что, по моему, мудрость человѣческая именно и состоитъ въ умѣннѣ перенестись въ эту свѣтлую стихію, если судьба позволяетъ намъ открыть ее въ туманахъ нашей жизни, или если счастливый случай приводитъ насъ къ ней неожиданно: тамъ только и сосредоточены истинныя наслажденія души; тамъ только она и свободна отъ тяжелыхъ узъ житейской положительности и совершенно предается своимъ божественнымъ волненіямъ. Жить въ лучахъ вашего воображенія—развѣ это не значитъ жить уже въ эфирной области духа? Существовать въ прекрасныхъ чувствахъ вашей дружбы, носиться въ святыхъ звукахъ вашей чистой молитвы—развѣ это уже не то бытіе, которое обѣщано праведнымъ и добродѣтельнымъ? О! я живо, глубоко умѣю чувствовать такое завидное положеніе и то рѣдкое счастье, которое вы въ своей душѣ такъ прелестно создаете для моей. Не скрою отъ васъ, что послѣднее письмо ваше, полученное мною вчера, невыразимо тронуло меня. Вы явились въ немъ съ новой, еще болѣе очаровательной, стороны, и съ этой минуты вся дружба, какую только я могу чувствовать,—а я могу чувствовать много, очень много и сильно, вся эта дружба, лучшее и возвышеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ чувствованій—ваша, совершенно ваша. Вотъ вамъ моя рука: во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, всѣхъ случаяхъ, которые хранятъ для васъ будущность и судьба, если только сочтете меня способнымъ оказать вамъ малѣйшую услугу, помощь, облегченіе,

умножить ваши радости, усладить ваши печали—располагайте мною и полагайтесь на меня совершенно, пока я живъ. У меня нѣтъ дѣтей, вы мое возмечтанное дити и я даю вамъ надъ собою всѣ права довѣренности и упованія, какія могъ бы дать родному дитяти. Надѣюсь, что не отвергнете приношенія, даннаго отъ полноты тронутой вами души. Если у васъ есть родители—это сохранится вами и мною для невѣдомой будущности. Не забывайте только, что я никогда не отнимаю однажды отдавнаго мною чувства: не перебѣняйтесь; вы жестоко огорчите меня и, можетъ быть, сдѣлаете меня злымъ, потому что это уже будетъ *la dernière de mes illusions*: и послѣ того я не стану вѣрить никому и ничему. Да благословить васъ Богъ въ вашихъ прекрасныхъ чувствованіяхъ, въ вашей ангельской дружбѣ и да сдѣлаются они сокровищемъ и утѣшеніемъ вашей жизни; вотъ чего я желаю вамъ и себѣ!

Замѣтилъ ли я ваше продолжительное молчаніе? Какъ могли вы и спрашивать объ этомъ? Тысячу разъ благодарю васъ за ту плѣнительную самоувѣренность, съ какою вы заранѣе предполагаете, что я непременно замѣтилъ: значитъ, вы уже меня понимаете. Не могу высказать вамъ, какъ меня это обрадовало и очаровало. Можно ли не замѣтить отсутствія такихъ умныхъ, добрыхъ, прелестныхъ писемъ? Я уже составилъ изъ нихъ мое тайное наслажденіе, постоянное, исключительное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое, и жду ихъ съ нетерпѣніемъ; и вы меня глубоко огорчите, если заставите ждать ихъ долго и если лишите меня такихъ сладостныхъ минутъ долѣе предполагаемаго срока. Пишите ко мнѣ хоть каждую недѣлю, а въ двѣ недѣли разъ непременно, когда вы здоровы и не влюблены. Не только замѣтилъ, но даже безпокоился. По истеченіи двадцати шести дней отъ моего послѣдняго письма, каждое утро, входя въ кабинетъ, я—первое дѣло—перебиралъ письма, принесенныя съ почты, ища между ними вашего. Прежде у меня было это послѣднее дѣло. Видите ли, какія чары заключаются въ вашихъ письмахъ! Переворотъ въ человѣкѣ!.., признаюсь, я не зналъ чему приписать ваше молчаніе. Болѣзнь вапа, которую я такъ опечаленъ теперь, не приходила мнѣ въ голову. Я остановился на другаго рода предположеніи, согласитесь, тоже очень естественномъ и правдоподобномъ: письма ваши показывали мнѣ своимъ слогомъ и особенными, едва уловимыми, отгѣнками разныхъ оборотовъ, разныхъ выраженій, что вы вовсе—не почтенная. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ было сказано, что вы ужасно самолюбивы. Это, по моему соображенію, могла только сказать или молодая женщина, пользующаяся успѣхами въ обществѣ за свой необыкновенный умъ безъ красоты, или большая красавица, или, наконецъ,

умная и прекрасная шалунья, которой позволительно обвинять себя во всемъ въ той увѣренности, что ей все простится. Не смѣя имѣть никакого сужденія о вашей красотѣ, пока вы сами не скажете, что долженъ думать я объ этой статѣ, я просто и скромно предполагалъ васъ молодою женщиною, дамою или дѣвицею, это все равно— и на этомъ основаніи, для утѣшенія себя въ вашемъ безконечномъ молчаніи, составилъ совершенно логическое умозаключеніе, что вы должны быть влюблены и что вамъ теперь не до переписокъ съ посторонними. Неправда ли, когда вы будете влюблены, когда будете страдать, когда будете счастливы — вы все это скажете мнѣ, какъ своему лучшему другу? Я ожидаю отъ васъ этой откровенности. Изъ дважды повторенныхъ вами словъ — одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни, я готовъ былъ даже заключить, что вы уже любили и были любимы: что за такой океанъ жизни—двадцать два года! и какіе тутъ могутъ быть счастливейшіе дни другаго рода? Скажите сами, не ясно ли было это? Но я не стану придираться далѣе къ разнымъ выраженіямъ вашихъ писемъ: чтобъ не быть разгаданной, вы готовы впередъ взвѣшивать каждое слово и ваши письма потеряютъ половину своей прелести. Не дѣлайте этого. Будьте всегда такъ же милы и беззаботны въ своихъ выраженіяхъ, какъ были до сихъ поръ. Пусть ваши письма всегда будутъ зеркаломъ вашей души, она прекрасна и можетъ смѣло глядѣться въ стекло, въ присутствіи доброй и нѣжной дружбы. Словомъ, я васъ предполагалъ занятою такимъ чувствомъ, которое отвлекаетъ отъ всего посторонняго, заставляя забывать даже о лучшихъ друзьяхъ своихъ. Что касается до опасенія вашего, будто я преувеличиваю ваше дарованіе и откажу вамъ въ дружбѣ, въ моихъ письмахъ, если бы паче чаянія оно не сбылось на дѣлѣ, то не страшитесь ни того, ни другаго. Если вы найдете, что я не чуждъ проникательности въ другихъ вашихъ отношеніяхъ, то можете смѣло повѣрить той же проникательности и касательно своего дарованія: у меня есть нѣсколько опытности и сноровки въ этомъ дѣлѣ. А если дарованіе не сбудется, то есть если вы не захотите сами, или обстоятельства, любовь, замужество, здоровье не позволяютъ вамъ развить и усовершенствовать его, то вамъ уже нечего дѣлаться достойною моей дружбы, потому что она ваша собственность по праву, вы ее вполне заслужили и я считалъ бы себя посрамленнымъ въ собственныхъ глазахъ моихъ, если бы не зналъ цѣны такихъ благородныхъ чувствованій, какъ ваши, и не заплатилъ бы вамъ за нихъ той преданностью, какой они достойны предъ людьми и передъ Богомъ. На этотъ счетъ оставайтесь совершенно спокойною—не будете обмануты.

Изъ вашихъ писемъ я уже имѣю достаточное понятіе о вашемъ характерѣ и мнѣ кажется, что въ немъ много сходства съ моимъ: можетъ быть, это обстоятельство и прельстило меня въ васъ; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что вы можете совершенно полагаться на меня и не смѣшивать меня съ толпою, ни моихъ чувствованій съ ея чувствованіями.

Я очень сожалѣю, что портретъ, по которому вы меня такъ хорошо знаете, совсѣмъ не похожъ на меня, до того не похожъ, что Карлъ Брюлловъ не позволилъ Смирдину выставить на этой гравюрѣ своего имени. Акварель Брюллова, съ котораго скопированъ этотъ портретъ въ Лондонѣ, совершенно исковеркана тамошними граверами, такъ что не осталось никакого сходства. По причинѣ его негодованія дважды переправляли гравюру и еще хуже испортили ее. Но еще болѣе сожалѣю о томъ, что по объявленію вашему я никогда ничего знать о васъ не буду. Почему-жъ бы вамъ не писать ко мнѣ о себѣ все, что могло бы дать мнѣ настоящее понятіе о моемъ невидимомъ другѣ? Я не вижу ни малѣйшаго неприличія въ этомъ. Подобными подробностями вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе. Впрочемъ, это вполнѣ зависитъ отъ вашей воли. Умоляю васъ, берегите свое здоровье; я не позволяю вамъ переписывать самимъ своего перевода; выправьте его, прочтите и присылайте въ черновой ко мнѣ: я прикажу переписать здѣсь и самъ займусь имъ. Не слѣшите окончаніемъ его; книгъ я вамъ пришлю, сколько угодно: глотайте ихъ, будьте веселы, будьте здоровы и пишите ко мнѣ какъ можно чаще, пишите часто и длинно: это—условіе нашей дружбы. Друзья тоже должны, обязаны и любить другъ друга: такъ любите же меня за мою дружбу, пока не влюбитесь въ кого-нибудь; а какъ влюбитесь, тогда, разумѣется, я останусь въ сторонѣ: но когда пройдетъ, то опять любите меня за мою дружбу; *et ainsi de suite*. Вѣрное средство — никогда не страдать ужаснѣйшею изъ болѣзней—пустотою въ сердцѣ. Я не имѣю никакого права сомнѣваться въ искренности вашихъ словъ и вѣрить имъ—мое счастье, сладчайшая награда за труды и усилія всей моей жизни, самое упоительное изъ моихъ ощущеній; я вамъ вѣрю: вы говорите, что «писать ко мнѣ для васъ—блаженство» и что когда вы читаете мои письма и пишите ко мнѣ, вы тогда не чувствуете скуки. Что же мѣшаетъ вамъ наслаждаться этимъ «блаженствомъ» безпрестанно? Переливайте какъ можно чаще ваши добрыя чувствованія, ваши добрыя мысли, ваши радости, печали, надежды въ это дружеское сердце, гдѣ онѣ всегда найдутъ чистое и нѣжное сочувствіе, и блаженствуйте. А что касается до скуки, то ужъ я постараюсь преградить ей приступъ къ ней цѣлымъ валомъ моихъ писемъ,

потому что писать къ такой умной, доброй особѣ, повторяю вамъ, для меня тоже—блаженство. Въ эти минуты я удивительно счастливъ: передъ моимъ невидимымъ другомъ я, какъ передъ невидимымъ судьей моей души— Богомъ, я одинъ въ цѣломъ мірѣ и она одна меня слушаетъ, понимаетъ и судитъ съ добротою и кротостью ангела, въ всѣхъ житейскихъ страстей, отношеній и мѣрилъ. Это сообщеніе душъ, отдѣляющихся отъ всего вещественнаго, земнаго и входящихъ другъ съ другомъ въ гармоническія волненія чрезъ невѣдомое пространство, дѣйствуетъ на меня съ силою могущественнѣйшихъ чаръ. Пишите же! Я уже говорилъ вамъ и еще разъ говорю, что для образованія своего слога, сужденія, таланта вы много выиграете въ постоянной перепискѣ съ другомъ, которому все можно сказать, до самыхъ тайныхъ сотрясеній сердца и души, не считая уже нашего общаго удовольствія: вы научитесь здѣсь выражать легко, ясно и тонко свои мысли, живописать свои ощущенія, разсуждать о многомъ, чего бы вы иначе не приняли въ соображеніе; научитесь хорошо чувствовать, хорошо мыслить и хорошо говорить на бумагѣ. Если потомъ захотите написать что-нибудь оригинальное, все это послужитъ вамъ могущественнымъ пособіемъ къ красотѣ изложенія вашихъ идей, которыя не могутъ не развиться въ постоянномъ сообщеніи съ человѣкомъ, много мыслившимъ, много перечувствовавшимъ и много опытнымъ въ жизни и искусствѣ. Простите меня: это похоже на похвалу самому себѣ, но съ вами я могу говорить безъ стыда все, что о себѣ думаю. Сто десять томовъ «Библіотеки для Чтенія» доказываютъ, что огромная масса идей прошла чрезъ мою голову, и дѣятельныя сношенія съ людьми разныхъ умовъ, разныхъ понятій, характеровъ, званій, путешествія, наблюденія, изслѣдованія, все это не могло не познакомить меня довольно хорошо съ человѣкомъ во всѣхъ его видахъ. Таковы преимущества, которыя можете вы найти въ вашихъ очаровательныхъ сношеніяхъ со мною, и при вашемъ чудесномъ умѣ нельзя вамъ не извлечь изъ нихъ никакой пользы для себя и своего юнаго дарованія. Пока вы любите переводить, то есть заниматься чужими идеями: переводите, я вамъ помогу; послѣ у васъ наберется много своихъ идей и вы почувствуете въ себѣ мученія таланта, который рвется осуществить созданіемъ накопившейся въ душѣ запасъ своего прекраснаго, потому что настоящій талантъ состоитъ весь изъ идей. Но скажите мнѣ, милый и юный другъ мой, какъ это случилось, что вы въ ваши лѣта, когда женщины любятъ только чувствовать и веселиться, вы очень любите переводить, то есть любите серіозныя занятія, трудъ, уединеніе, чтеніе, общество съ идеями? въ Астрахани долженъ быть страшный недостатокъ въ пріятныхъ

молодыхъ мужчинахъ! Я не могу объяснить себѣ иначе этого необыкновеннаго явленія. Въ вашихъ письмахъ, въ вашихъ мысляхъ, въ вашихъ выраженіяхъ, въ вашемъ слогѣ я вижу подлѣ самыхъ свѣжихъ чувствъ молодого сердца обороты, тонкости, оттѣнки, изложенія, свойственные уже твердому тридцати-лѣтнему уму, кого рый упитался наблюденіемъ жизни и долго жилъ въ дружбѣ съ идеями. Вы скучаете! Это понятно; женщинѣ съ вашимъ умомъ не можетъ быть весело въ Астрахани. Но какъ образовали вы этотъ чудесный умъ въ такомъ возрастѣ, когда женщины незамужнія, не испытавшія жизни лично, еще и мыслить не начинаютъ ¹⁾. Не льщу вамъ: я удивился, узнавъ, что вамъ только двадцать два года: по вашимъ письмамъ я полагалъ — около двадцати осьми. Почему вы говорите, что черезъ два три года будете «старою дѣвою»: развѣ вы рѣшились не выходить замужъ? Скажите, скажите все, что у васъ въ мысляхъ, въ душѣ, въ сердцѣ. Я хочу знать.

Какъ вы милы! какъ вы добры, вы такъ живо приняли мою сторону въ дѣлѣ Глинки, что хотите даже ненавидѣть Булгарина. Благодарю васъ за этотъ плѣнительный порывъ благородной дружбы вашей. Но Булгаринъ не стоитъ ни любви, ни ненависти. Это чело-вѣкъ безъ характера, безъ всякаго правила въ поведеніи, несчастная игрушка своихъ собственныхъ страстей, которыя попеременно дѣлаютъ его то ужаснымъ, то смѣшнымъ, то довольно порядочнымъ. Въ одно и то же мгновение онъ въ состояніи сдѣлать и величайшую низость и прекрасный подвигъ благородства, самъ вовсе не зная этого. Я давно принялъ съ нимъ и его братьей роль хладнокровнаго наблюдателя, котораго уже не обижаютъ ихъ мерзости, но который всегда готовъ отдать справедливость ихъ хорошимъ сторонамъ. Эта роль бѣситъ ихъ. Они называютъ меня гордецомъ, прославили чело-вѣкомъ неприступнымъ, надменнымъ, возмутили противъ меня цѣлую тучу завистливыхъ посредственностей, которая терзала и еще терзаетъ меня своей глупою злобою и всѣми гнусностями клеветы. Но моя колебимость въ предначертанной себѣ роли побѣждаетъ всѣ эти мутныя волненія мелочныхъ и грязныхъ страстей: когда я захочу, они все-таки сдѣлаютъ по моему и тотчасъ смиряются, чтобы помириться со мною. Я обыкновенно довольствуюсь тѣмъ, что, удостовѣрившись во власти своей надъ ними, снова дѣлаюсь для нихъ неприступнымъ и держу ихъ въ отдаленіи отъ себя. Тогда они снова начинаютъ бранить меня: а я этого и хочу. Миѣ это очень нужно. Я не могу смѣшиваться съ ними и не желаю, чтобы смѣшивали

¹⁾ Писано сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ.

меня съ такими людьми въ публикѣ. Оттого вы видите, что всѣ наши журналы попеременно то носятъ меня, то восхищаются мною. Когда я ласковъ съ которымъ нибудь изъ нихъ, тотчасъ является въ немъ великолѣпная похвала моему уму, моимъ познаніямъ и прочая. Но для меня не выгодно, чтобы эти люди долго хвалили меня: порядочная часть публики тотчасъ подумала бы, что я уже веду съ ними дружбу и компанію. Давъ имъ время явиться моими льстецами, я вдругъ оборачиваюсь къ нимъ спиною и они въ бѣшенствѣ снова начинаютъ терзать меня до новой вѣжливости съ моей стороны. Это—моя забава и моя тактика. Независимость моего положенія даетъ мнѣ всѣ средства играть съ ними эту немножко жестокою комедию, но они не стоятъ ничего лучшаго: они вполнѣ заслуживаютъ ее. Для нея я даже жертвую очень многимъ, между прочимъ, и моимъ состояніемъ. Но иначе нельзя! Они думаютъ, всѣ думаютъ, что я очень богатъ. Я одинъ знаю, что это неправда: но пусть ихъ думаютъ!... это располагаетъ ихъ къ готовности продать себя мнѣ при первомъ изъявленіи съ моей стороны охоты купить ихъ и такимъ образомъ я всегда въ состояніи показать свѣту всю мѣру ихъ низости, всю причину ихъ злобы и ихъ раболѣпства. Когда мнѣ нужно сорвать маску ожесточенія съ котораго-нибудь изъ этихъ людей, я умѣю очень искусно бросить ему поживу, пять, десять тысячъ рублей—и онъ у ногъ моихъ, пока я самъ не оттолкну его. О! они дорого мнѣ стоятъ! Но надо выдержать свою роль. Вы не знаете здѣшнихъ обстоятельствъ и многое для васъ потеряно, между тѣмъ какъ для петербургской и даже для московской публики оно совершенно ясно: поэтому я дамъ вамъ ключъ къ послѣдному происшествію, которое надѣлало здѣсь большаго шуму и которое, конечно, проскользнуло передъ вашими глазами, не будучи примѣченнымъ. Въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» за нынѣшній годъ вы вѣрно видѣли, а можетъ быть и читали, «Лѣтопись» въ странной формѣ водевиля-трагедіи. Вы совсѣмъ не поняли ея, неправда ли? Это потому, что надо знать имена. Были и небылицы—сочиненіе Полеваго. Это—самъ Полевой, котораго драма «Елена Глинская» наполнена покражами изъ Шекспира и который всегда живетъ чужимъ умомъ. Прочія имена не важны: Опытъ—это сумасшедшій Брандтъ, который десять разъ ползалъ передо мною и десять разъ поносилъ меня, все въ печати. Томъ Стихотвореній это—Молчановъ, ничтожная и завистливая посредственность; Изслѣдованіе—это Моршкинъ, бездарный педантъ; Голосъ за родное это—М. В. Кологривова, умная и даровитая дама, но нѣсколько приторная въ своихъ напыщенныхъ и жеманныхъ сочиненіяхъ: впрочемъ, она пошла сюда въ эту честную компанію безъ всякой цѣли,

случайно. Сила вся—въ Выляхъ и небылицахъ, въ Полевомъ. Прочитайте теперь эту трагедію-водевиль: вы лучше поймете ее и можетъ быть она размѣнитъ васъ. Согласенъ, что Полевой осмѣянъ, отдѣланъ и униженъ въ ней жестоко. Но я, отвѣчая всегда презрительнымъ молчаніемъ на всѣ его бѣснованія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могъ теперь не объявить всей русской публикѣ моего образа мыслей объ этомъ человѣкѣ, которому Богъ далъ талантъ, большой талантъ, какъ бы для того, чтобы показать все ничтожество такого дара при неблагородной душѣ. Въ этой же самой книжкѣ напечатано и его сочиненіе «Ломоносовъ»: въ публикѣ, которая вообще презираетъ его какъ человѣка, нерѣдко уважая какъ писателя, тотчасъ бы подумали, будто я сблизился съ Полевымъ, будто и съ нимъ подружился, будто онъ уже мой сотрудникъ и пріятель и будто я ничѣмъ не лучше Булгарина, Греча и имъ подобныхъ, которые вчера бранились съ Полевымъ, сегодня съ нимъ закадычные друзья и возносятся другъ друга похвалами, завтра опять будутъ въ ссорѣ и станутъ ругаться, какъ извозчики. Положеніе мое было тѣмъ опаснѣе, что въ то-же время, какъ я снова позволилъ открыть мой журналъ Полевому, онъ напечаталъ великолѣпную похвалу мнѣ въ другомъ журналѣ, думая, что принятіе его сочиненія въ «Библ. для Чт.» ведетъ уже къ дружбѣ со мною. Я рѣшился показать въ той-же самой книжкѣ, что я смѣюсь и надъ остервененіемъ и надъ лестью Полеваго, что я могу всегда имѣть его восторги за деньги, его совъѣсть за копѣйку, и что, отдавая справедливость его таланту открытіемъ ему моего журнала, я тутъ же торжественно обнаруживаю презрѣніе мое къ нему, какъ къ человѣку, который уже нѣсколько разъ былъ моимъ злѣйшимъ врагомъ, настоящимъ Донъ-Кихотомъ литературнаго ожесточенія, и столько же разъ заставлялъ меня краснѣть посредствомъ своихъ низкопоклонныхъ восторговъ, когда онъ попадалъ въ бѣду, въ несчастіе, въ нищету и я спѣшилъ протянуть ему руку помощи и поднять его передъ публикою и литературою: а надо вамъ знать—Е. А. Ганъ была свидѣтельницею этого — что этотъ человѣкъ, когда я содержалъ его съ семействомъ въ самые бѣдственныя годы ихъ существованія, подъ гнетомъ преслѣдованій, когда я одинъ имѣлъ смѣлость защищать его противъ сильнаго угнетенія, этотъ человѣкъ писалъ и печаталъ, что онъ обожаетъ во мнѣ человѣчество (его собственная фраза); и когда я же поставилъ его въ возможность обойтись безъ моей милостыни и снова явиться въ приличномъ и почетномъ видѣ передъ обществомъ, онъ въ то-же мгновеніе, не проглотивъ еще послѣднаго куска моего хлѣба, заплатилъ мнѣ самой черной неблагодарностью, объявилъ себя моимъ

непримиримымъ врагомъ, публично обѣщаль смести меня съ лица земли, кричалъ: я или онъ, и простеръ свое безстыдство до того, что писалъ и печаталъ, будто онъ вовсе меня не знаетъ, ничѣмъ мнѣ не обязанъ, и даже не знаетъ, что я за человѣкъ. Какія послѣ того употреблялъ онъ средства, чтобы, какъ самъ говорилъ, смести меня съ лица земли, этого я даже не стану описывать, изъ уваженія къ чистотѣ вашего воображенія, къ счастью, не догадывающагося еще о всей превратности и чернотѣ людей. Но вы сами видите, что я долженъ былъ оттолкнуть отъ себя всякое подозрѣніе въ дружескихъ сношеніяхъ съ такимъ отвратительнымъ характеромъ. Когда въ Новый годъ явилась первая книжка Библ. для Чт., съ сочиненіемъ Полеваго и съ этимъ водевилемъ, признаюсь, многіе ахнули, и вы не можете представить себѣ впечатлѣнія, какое произвелъ въ литературныхъ интригантахъ этотъ неожиданный ударъ. Но ударъ былъ хорошо разсчитанъ: всѣ въ публикѣ поняли, что ни мало я не намѣренъ становиться рядомъ съ людьми, недостойными уваженія, что я выше ихъ мелочныхъ разсчетовъ, отдѣляю себя торжественно отъ ихъ общества, ограждаюсь даже отъ предположенія связи съ ними и всѣ литературные интриганты съ горечью и страхомъ почувствовали, что я знаю цѣну чувствъ каждаго изъ нихъ на деньги. Самъ Полевой, говорятъ, былъ нѣсколько дней какъ будто убитый: онъ старался видѣться со мною, объявилъ мнѣ, что признаетъ себя виновнымъ, что онъ (будто бы!) не понималъ какъ должно вести себя и что совершенно перемѣнить свой образъ дѣйствованія. Я притворился, будто вѣрю этому. Богъ съ нимъ! Я даже не любопытенъ знать—въ чемъ будетъ состоять исправленіе грѣшника, и прощаю ему оптомъ все прошедшее и все будущее. Я предварилъ Полеваго нѣсколько разъ черезъ его друзей, чтобы онъ не полагался на мою терпѣливость и на то непоколебимое молчаніе, которое донныя служило единственнымъ отвѣтомъ на всѣ его публичныя поношенія и всѣ тайныя козни, что въ брань, разумѣется, я съ нимъ не вступаю; но выжду удобную минуту, и если она представится, то дамъ ему страшный урокъ. Этотъ урокъ онъ получилъ и полно: отнынѣ я о немъ забываю навсегда; можетъ вести себя со мною какъ угодно, какъ ему присовѣтуетъ собственное его благоразуміе.

Зная теперъ этого человѣка, одного изъ трехъ дюжинъ того же разбора человѣкъ, вы можете легко вообразить, что преслѣдованіе, поднятое ими противъ Глинки, изъ самыхъ неблагородныхъ побужденій, должно было наполнить меня негодованіемъ Я не думаю, чтобы характеръ Глинки былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, или чтобы пріятели его были самые очаровательные люди; но все же это

не оправдывает гнусной затѣи этихъ господъ, изъ за личностей стараться унизить талантъ, которымъ Россія можетъ гордиться, убить на первомъ шагу шестилѣтній трудъ, уронить славу русскаго композитора, которому всякій изъ насъ долженъ оказывать уваженіе, какъ человѣку истинно гениальному. Къ счастью, статья, которую вы читали (благодарю васъ за это), спасла оперу Глинки, исполненную большихъ недостатковъ, но все-таки достойную стоять въ ряду лучшихъ волшебныхъ оперъ: театръ до сихъ поръ всегда полонъ, пьеса благополучно достигла двадцать пятаго представленія, и число обожателей этой оригинальной и остроумной музыки нынѣ уже огромно. Притомъ, благодаря употребленію моего личнаго вліянія на моихъ любезныхъ друго-враговъ, которыхъ я поспѣшилъ поласкать, они тоже унялись и перестали поносить «Руслана и Людмилу». Теперь уже отъ самого Глинки зависитъ поддержать свою репутацію новымъ твореніемъ, написаннымъ съ лучшимъ расчетомъ театральныхъ эффектовъ ¹⁾.

¹⁾ Привожу замѣтку, которую я вырвала изъ какой газеты и когда—теперь не помню. Она озаглавлена «Мелочи» и подписана Библиофилъ. Прошу извиненія у невѣстнаго автора, что привожу ее цѣликомъ, но мнѣ такъ пріятно привести нѣсколько добрыхъ словъ о человѣкѣ, о которомъ такъ мало сказано добрыхъ словъ.

«Копаясь въ старыхъ журналахъ, я нашелъ диковинку, о существованіи которой едва ли многіе знаютъ, даже изъ числа людей заинтересованныхъ. Дѣло идетъ о музыкѣ вообще и специально объ оперѣ «Русланъ и Людмила». Извѣстно, что опера эта извлечена изъ небрежнаго забвенія настойчивыми напоминаніями здравствующихъ гг. Стасова и Кюи и сдѣлалась, дѣйствительно, едва ли не самою любимую оперою по прелести и роскоши музыки. Но кто еще говорилъ объ этой оперѣ съ восторгомъ?—Сенковскій, знаменитый въ свое время баронъ Брамбеусъ. Онъ написалъ, послѣ первыхъ представленій этой оперы, статью, дышащую и умомъ, и вкусомъ, и увлеченіемъ, хотя, быть можетъ, ему и недоставало кое-какихъ специальныхъ знаній и хотя онъ былъ не правъ, требуя сокращеній въ такихъ мѣстахъ, которыя того отнюдь не заслуживали, но требовалъ ихъ для обезпеченія большаго успѣха оперы, для того, чтобы публика не скучала въ тѣхъ прекрасныхъ мѣстахъ, которыми можетъ наслаждаться знатокъ, но которыя совсѣмъ недоступны массѣ. Стало быть, и то, что онъ совѣтовалъ сократить, онъ считалъ прекраснымъ и глубокимъ, но не для всѣхъ понятнымъ. Въ оцѣнкѣ же цѣлага и подробностей онъ по большей части вѣрно опредѣлялъ значеніе оперы. «Русланъ и Людмила» — chef-d'oeuvre, говоритъ онъ, въ полномъ смыслѣ слова, отъ первой до послѣдней ноты. Это—прекрасно, величественно, безподобно. Никто лучше нашего композитора не владѣлъ и не владѣетъ оркестромъ; никто не развивалъ въ одномъ сочиненіи такого множества смѣлыхъ, счастливыхъ и оригинальныхъ мыслей: ни въ одной оперѣ не найдется такого разнообразія красотъ, рождающихся одна изъ другой безконечною цѣпью». «Мы имѣемъ въ Глинкѣ одинъ изъ

Вы страстно любите музыку! какъ я люблю васъ за это! Играете-ли вы на чемъ нибудь?—то есть натурально на фортепіано? Въ такомъ случаѣ я пришлю вамъ хорошихъ и новыхъ нотъ. Поете-ли вы? Тогда я пришлю вамъ партицію «Руслана и Людмилы» для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано. Въ началѣ будущаго мѣсяца я пошлю вамъ также нѣсколько новыхъ книгъ для глотанія.

Не могу вамъ сказать, какъ опечаленъ я тѣмъ, что не знаю—какъ удовлетворить вашу милую просьбу. Вы хотите, чтобы я прислалъ вамъ какое-нибудь изъ моихъ сочиненій и именно то, которое люблю я болѣе всѣхъ прочихъ. Я чувствую всю деликатность, всю нѣжную тонкость вашей просьбы, но затрудненіе, во первыхъ, въ томъ, что я не люблю ни одного изъ моихъ сочиненій; я такъ глупо распорядился моимъ временемъ, столько трачу его для другихъ, чтобы получать въ награду за это неблагодарность, что никогда не могу обдѣлать своихъ собственныхъ произведеній, какъ слѣдуетъ и какъ бы мнѣ хотѣлось. Всѣ они написаны наскоро и далеки отъ того вида, который я желаю придать имъ, какъ скоро вполнѣ освобожусь отъ нынѣшнихъ моихъ занятій и обязанностей. Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что я почти ничего не напечаталъ доннѣ отдѣльно. Все разбросано по разнымъ періодическимъ и не періодическимъ изданіямъ; а объ изданіи моихъ сочиненій я до сихъ поръ еще и не подумалъ. Не найдется, можетъ быть, во всемъ литературномъ мірѣ человѣка, болѣе равнодушнаго къ своимъ сочиненіямъ; едва они напечатаны, я не вижу ихъ болѣе, не читаю, забываю ихъ навсегда. Что почитаю я лучшимъ изъ всего написаннаго мною? Клянусь вамъ честью—не знаю и не могу сказать! Мнѣ кажется, что все никуда не годится. Надо вамъ знать, что я—ужасный мотъ: мои труды, мои идеи, плоды моихъ соображеній и изысканій я бросаю горстями куда ни попало, очень часто въ чужія сочиненія, вовсе не думая о возможности и даже обязанности извлечь изъ нихъ пользу для моей личной славы. Я помню, что отдѣльно книгою напечаталъ я нѣкогда «Фантастическія путешествія». Ихъ хвалили во время

огромнѣйшихъ талантовъ, какіе только существовали въ музыкѣ и владѣли орудіями звука». «Четвертый актъ — колоссальное созданіе, которое навсегда останется въ музыкѣ памятникомъ того, что можетъ сдѣлать великій талантъ со звуками, гаммами и инструментами, и какъ все тутъ повинуетъя могучей волѣ». Мы могли бы привести много подобныхъ сужденій изъ этой статьи, напечатанной въ 1842 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» и по газетнымъ размѣрамъ составляющей добрыхъ два фельетона. Пускай хоть музыканты помянутъ добрыхъ О. Н. Сенковскаго, которому много досталось отъ литераторовъ».

Е. А.

бно, но что въ нихъ заключается—теперь не помню ни одного слова. Я издалъ также отдѣльно нѣсколько сочиненій ученыхъ, т. е. очень скучныхъ; но такъ какъ эти сочиненія интересны и понятны исклю-чительно ученымъ читателямъ, педантамъ, то я писалъ ихъ на фран-цузскомъ языкѣ и на другихъ, смотря по сущности предмета. Этихъ сочиненій я вамъ не рекомендую: прочитавъ двѣ—три страницы, вы, пожалуй, подумаете, что я—старый книгоѣдъ въ синихъ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ, образецъ всего скучнаго и непонятнаго. Въ ученомъ свѣтѣ хвалили ихъ: явное доказательство, что они очень, очень скучны. Я не хочу показывать вамъ себя съ такой невыгодной сто-роны. Мнѣ кажется, что вы и безъ того уже не чужды нѣкоторыхъ предубѣждений противъ меня. По тону, которымъ вы просите прислать вамъ самое любимое изъ моихъ сочиненій и по другимъ выраженіямъ вашихъ писемъ, я вижу, что вамъ тоже наговорили, будто я гордъ, надмененъ, неприступенъ. Выкиньте это изъ вашей умной головы: увѣрю васъ, что нѣтъ въ свѣтѣ человѣка болѣе готоваго оказать каждому услугу, угодность, одолженіе; но вытерпѣвъ уже много отъ людской превратности, узнавъ на опытъ, какъ злы и опасны двуногія существа безъ перьевъ, а всѣми мѣрами отдѣляю себя отъ нихъ—не по гордости, Богъ мнѣ свидѣтель!—а со страху. Я боюсь людей, боюсь ихъ злобы и ограждаю себя отъ соприкосно-венія съ ними и съ нею, оцѣпляюсь какъ среди чумы. Не употребляйте со мною такихъ предисловій: когда чего пожелаете, требуйте отъ меня со всею довѣренностью искренно раздѣляемой дружбы. Видите, какъ я уже люблю васъ, когда пишу къ вамъ такія беско-нечныя письма! Но сказать вамъ по правдѣ, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ писать, въ первый разъ и напелъ я истинное удовольствіе въ этомъ занятіи—угадайте, когда и какъ?—Я увѣренъ, что вы уже угадали? Тутъ не нужно даже быть ужасно самолюби вою, какъ вы изволите выражаться. Доказательства у васъ передъ глазами. Не влюбленъ-ли я въ вашъ прелестный умъ, въ ваше чудесное сердце? Какъ вы думаете.... Я очень боюсь за себя! Но я знаю, что вы отвѣтите, вы отвѣтите: «о! нѣтъ!... Вы это дѣлаете только для того, чтобы уменьшить мою скуку.... просто по добротѣ вашего сердца!» Пусть и такъ!

Между тѣмъ, вы видите и самъ я примѣчаю, что я не только пишу къ вамъ съ истиннымъ удовольствіемъ и очень длинно, но и пишу обо всемъ. Благодарю васъ очень за обѣщаніе никому изъ постороннихъ не сообщать моихъ писемъ: это обѣщаніе я считаю залогомъ вашей дружбы, святымъ залогомъ и только подъ его защитою могу откровенно изливать мои мысли, мнѣнія, чувство-

ванія, огорченія. На счетъ послѣднихъ, то есть огорченій, я очень гордъ: я никогда не люблю признаться, что огорченъ кѣмъ бы то ни было, готовъ скорѣе заболѣть, скрывая тайную рану, чѣмъ обнаружить, что я получилъ ее. Если бы мы были лично знакомы съ вами, я вѣроятно, даже навѣрное, не былъ бы вполнину такъ откровененъ. Но вы—мечта; вы—невидимый ангель-хранитель. Отъ невидимыхъ духовъ ничего нельзя скрывать. И какъ сладостно хоть разъ въ жизни ничего не скрывать! Какъ приятно излить все сердце передъ такой душою, какъ ваша! Вы живете далеко, уже на востокъ: мнѣ кажется, будто вы живете въ Перистанѣ и сами вы—Пери. Храните же, моя милая Пери, кладъ, который я вамъ ввѣряю. Спрячьте его въ вашей слезѣ, въ біеніи вашего сердца и еще глубжѣ. Пусть никто его не видитъ кромѣ вашей прекрасной и благородной мысли.

Я тоже по нѣскольку разъ перечитываю ваши письма.

Ne signez pas vos lettres. J'ai effacé votre signature et votre adresse dans vos premières lettres, par précaution et par prudence. Si je venais à mourir, personne ne saura de qui proviennent ces délicieuses pages, auxquelles j'aurais attaché tant de prix durant ma vie. Vous réclamerez votre correspondance auprès de mes héritiers, si je n'avais pas le temps de vous la renvoyer avant de mourir. Ainsi vous pouvez m'écrire très-sûrement tout ce qui passera par votre tête et par votre cœur, sans crainte d'être jamais compromise par ces honnêtes et ravissantes effusions de la plus belle des âmes. Adieu, je vous serre la main. Je ne vous écrirai pas avant de recevoir une lettre de vous. Ne me faites pas languir, ma charmante amie: n'est-ce pas, c'est ainsi qu'il faut désormais vous nommer? Adieu, adieu, il fait jour et je ne me suis pas encore couché, sans songer que je dois sortir à dix heures du matin. J. S.

Le 15 février.

Depuis la délicieuse nuit que j'ai passée à vous écrire ces pages, une journée s'est écoulée, une triste journée, et voici derechef minuit.. Cette lettre ne partira que demain: il m'est si doux de causer avec vous encore quelques instants. Tâchez de me faire parvenir une charmante lettre de votre part pour le 19 mars, jour de mon anniversaire. Ce jour-là j'aurai quarante trois ans—c'est déjà si près de la tombe!—et je souhaite de tout mon cœur avoir la consolation de lire ce jour-là quelques bonnes lignes, tracées par la main de la spirituelle et excellente amie que le ciel vient de m'envoyer. Je ne saurais vous

dire, comme je passe tristement mon temps: nous sommes aujourd'hui au mardi du carnaval; je n'ai vu personne depuis longtemps, je ne reçois personne, je ne sors pas. Une tristesse indicible m'accable tout cet hiver. Je n'ai jamais tant désiré mourir, que cet hiver. Oh! avec quelles délices j'aurais quitté la vie en ce moment-ci! J'aurais au moins été vivement regretté par beaucoup de personnes; ma mort prématurée serait d'un si grand avantage pour moi-même; une vie, interrompue tout à coup au milieu de son été, aurait laissé dans beaucoup de coeurs qui me sont dévoués, des souvenirs pleins de charme; je sens tout cela, et je sens aussi que si je vis plus longtemps, si je dure jusqu'à la vieillesse, tout cela s'usera, se fânera, se decolorera, se perdra sans retour. Personne ne s'avisera de regretter un vieillard qui n'aura pas satisfait aux attentes exagérées qu'avait inspirées sa jeunesse à bien des imaginations. Je serai dépouillé de tout ce prestige qui m'environne encore. Est-ce la peine de mourir alors... Savez-vous que c'est précisément votre charmante demande de vous envoyer celui de mes ouvrages, que j'aime le plus, qui a redoubé ma tristesse et mon vif désir de mourir. Je me suis mis à passer dans ma mémoire tout ce que j'ai produit jusqu'à ce jour; et je vois, que décidément je n'ai rien fait qui vaille, qui puisse rester après moi, qui donne la mesure de l'immense travail que je m'étais imposé depuis ma tendre jeunesse pour me préparer à bien travailler et à être utile: j'ai si mal employé ma vie, mes études, mes moyens; je me suis engagé dans une voie où mon caractère m'a porté forcément à dépenser tout cela pour les autres, à tout sacrifier aux autres, sottement, car je n'en ai recueilli qu'ingratitude et calomnie, et à ne rien faire pour moi-même, pour la solidité de ma propre gloire, pour mes intérêts positifs enfin, car les intérêts positifs ont aussi leur valeur quand on approche de la vieillesse. Que restera-t il après ma mort? Une foule de travaux épars, à peine ébauchés, inachevés, que j'avais toujours entrepris avec l'intention de les lier ensemble, de les perfectionner, de leur donner de grands développements, d'en faire des ouvrages solides et remarquables; et toujours en me laissant aller follement à cette malheureuse dissipation de mes idées et de mes moyens au profit des autres, je les ai laissés incomplets et oubliés, faute de temps et par suite de cette complication d'occupations, dans laquelle je me suis enfoncé sans y songer et dont il m'est si difficile aujourd'hui de sortir, malgré tous les efforts, que je fais pour y parvenir, afin de me rendre à moi-même et de travailler à ce qui doit me survivre. Le succès qu'ont eu toutes ces ébauches, tout ces riens, plus au moins brillants, ne m'aveugle nullement: je sens mieux que qui ce soit qu'ils n'ont aucune valeur

réelle, et la haute idée qu'ils ont donnée de mes moyens au public, est un poids qui m'écrase, car je crains, je vois, que la mort me surprendra avant que j'aie les coudes libres pour prouver à mes concitoyens que je valais réellement l'estime qu'ils m'avaient accordé d'emblée, et qu'ils ne s'étaient pas trompés sur la force de mes capacités. Avouez que pour un homme, qui sait bien sentir, pour un homme de coeur, pour quiconque n'est point dépourvu d'un peu d'ambition généreuse, l'idée de tromper toutes les attentes, et de les tromper par sa propre faute, ne peut qu'être accablante. Vous concevez à présent la cause de ces cruelles tristesses qui m'assaillaient de temps à autre, et de ce désir, je dirais même, de cet amour, que j'ai pour une mort prématurée, qui me ferait disparaître sans anéantir tout le prestige. Si je ne réussis pas à sortir de ma position actuelle et à trouver du temps pour terminer mes ouvrages, pour démentir ma vraie valeur, je donne gain de cause à mes ennemis, à tous ceux qui aujourd'hui ravallent mon talent par envie. C'est déjà humiliant que de penser qu'une telle canaille puisse un jour avoir raison contre moi, grâce à mon imprévoyance! On a dit, que je n'ai que des ennemis acharnés ou des amis fanatiques: si cela est vrai, je me moque bien de mes ennemis acharnés, je leur prouve bien tous les jours, que je me moque d'eux et que je ne les crains pas; mais je sens en même temps, et très-vivement, que j'ai de grandes obligations envers ceux qui m'honorent de leur fanatisme amical, et que je dois avant tout justifier leurs préventions honorables en ma faveur par des productions dignes d'eux et de moi-même. Vous ne sauriez croire quels sacrifices je fais pour acheter ce temps précieux qui m'est si nécessaire pour bien mériter de mes amis; et jusqu'à présent rien ne me réussit: au commencement de chaque année je me dis: enfin, me voilà libre, presque libre, et je pourrai m'occuper tranquillement de mes propres ouvrages! Vain espoir!—peu-à-peu tous les travaux retombent sur moi, et à la fin de l'année, le sacrifice est consommé et le poids de mes occupations n'a point diminué d'un cheveu. Cette année-ci j'ai fait des sacrifices plus grands que jamais: et je vois déjà que cela ne va pas sans moi et que tout mon temps sera peu-à-peu dépensé pour aider les autres: aider—c'est tout bonnement faire soi-même! — Vous me direz peut-être: «mais ces cent gros volumes de la «Библия для Чт.» sont déjà d'assez bon titres à la gloire; vous y avez semé une foule d'idées neuves sur une foule de choses; ils ont produit plus d'une impulsion salutaire». Supposons que cela soit vrai, puisque cela a été dit et redit cent fois par mes amis et même par mes ennemis: mais qu'est-ce que la «Библия для Чт.»! C'est une chose

éphémère; il ne reste même pas un seul exemplaire de ces cent volumes dans le commerce; tout a été acheté, lu, déchiré, perdu; on ne les réimprimera jamais, et la mémoire de tous mes travaux immenses, de toutes ces impulsions, de toutes ces révolutions intellectuelles s'effacera bien vite: il ne restera de moi qu'une vague tradition. Dans une dizaine d'années d'ici, vous oublierez vous-même tout ce qui s'y trouvait et vous-vous demanderez peut-être avec étonnement: mais qu'a-t-il donc fait cet homme, pour m'avoir jadis inspiré tant d'estime et tant d'amitié!—Parvenir à un tel résultat, après avoir tant travaillé, c'est affreux, rien qu'à y songer! Votre cœur généreux saura comprendre la tristesse, la mélancholie, l'abattement, qui souvent en découlent pour moi. Tout cela exerce même une grande influence sur ma manière de vivre. Je tiens ici une maison fort élégante, une des plus belles de la ville, et montée de manière à pouvoir y recevoir tous les jours quarante ou cinquante personnes; souvent aussi ma maison a été citée comme une des plus brillantes et des plus agréables de St.-Pétersbourg; une société d'élites, toutes les célébrités, des hommes et des femmes d'esprit, s'y pressent et s'y amusent: on brigue alors la faveur d'y être admis; puis, au milieu de tout cela, mes idées sombres, le mécontentement de moi-même, s'emparent de moi: ma maison se ferme, je ne vois personne, je deviens invisible pour tout le monde; et, me rappelant de la méchanceté des hommes, je commence à les craindre et à les éviter; on me traite d'orgueilleux, on me déchire, on fait toutes sortes de sottises suppositions sur mon compte, tantôt on me représente comme un avare qui amasse des richesses, tantôt on m'attribue des vices dégoûtants que je craindrais de trahir; et moi, en attendant, je me débats contre une tristesse extrême; contre une espèce de désespoir involontaire d'avoir si mal employé ma vie qui aurait pu être si heureuse et si facilement glorieuse, glorieuse pour longtemps et à l'abri de toutes ces haines, de toutes ces envies, de toutes ces mauvaises passions qui s'agitent sur mon chemin et qui ne me laissent pas libre de m'appartenir à moi-même, car enfin je ne pouvais pas abandonner la partie dans la lutte acharnée qu'elles avaient soulevée contre moi: plus elles s'agittaient, plus je devais montrer du courage, et mon honneur m'imposait le devoir d'en sortir vainqueur à force de persévérance, de sang-froid et de travail utile. On me croit heureux, on m'envie, et souvent je succombe sous le fardeau de ce bonheur imaginaire: souvent des larmes amères baignent mes joues et une affreuse mélancholie m'obsède dans la brillante solitude de ma belle maison; le travail et la musique sont alors les seules choses que j'aime et le désir de mourir devient l'unique souhait de mon cœur.

L'hiver actuel est précisément un de ces mauvais quart-d'heures. Je vis dans un désert. Vous m'avez créé un plaisir inconnu, c'est de vous écrire et de songer avec tendresse à votre touchante amitié, et je vous en remercie: vous êtes ma bienfaitrice. Que c'est heureux d'ailleurs, que vous êtes à l'autre bout du monde et que je ne vous connais pas: je vous aurais peut-être fuie, comme je fais ceux qui m'entourent! Toute-fois, ce que je vous dis, vous ne devez pas le prendre pour une façon de vous refuser l'objet de votre aimable demande: je songerai, j'examinerai mes travaux précé lents, et si j'y trouve quelque chose qui me plaise aujourd'hui, je vous l'enverrai comme un souvenir de mon amitié. Mais écoutez: ne serait-ce pas mieux de me donner un peu de temps? En effet, attendez quelques mois, un an tout au plus: j'écrirai quelque chose exprès pour vous; cela me réussira peut-être, sous votre inspiration, sous l'étoile de votre charmant esprit, de votre excellent coeur. J'ai tant l'envie de vous plaire, que, ma foi, je crois que cette fois-ci j'écrirai quelque chose de bon. Bénissez-moi avec votre coeur dans vos prières, et le ciel me bénira dans cette entreprise. Adieu. J. S.

P. S. A propos: recevez-vous la «Б. для Чт.» cette année-ci? Si vous ne la recevez pas, je vous l'enverrai. Marquez moi le jour et l'année de votre naissance: je vous enverrai votre horoscope en arabe, puisque vous aimez déjà l'arabe,—même l'arabe!.. Vous êtes incomparable de bonté!

[Переводъ].

«Не подписывайте вашихъ писемъ, я зачеркнулъ вашу подпись и вашъ адресъ въ вашихъ первыхъ письмахъ изъ предосторожности и благоразумія. Если я умру, никто не узнаетъ, кто написалъ эти восхитительныя страницы, которыя я такъ цѣнилъ во время моей жизни. Вы потребуете ваши письма у моихъ наслѣдниковъ, если я не успѣю самъ отослать ихъ вамъ передъ смертью. Такимъ образомъ вы можете писать мнѣ все, что придетъ вамъ въ голову и сердце, не боясь быть компрометированной честными и восхитительными изліяніями прекраснѣйшей души. Прощайте, жму вамъ руку. Я не стану къ вамъ писать, прежде чѣмъ получу письмо отъ васъ. Не заставляйте меня томиться, мой очаровательный другъ,—не правда-ли, теперь такъ надо васъ называть? Прощайте, прощайте, уже разсвѣло, а я еще не ложился, не подумавъ о томъ, что долженъ выѣхать въ десять часовъ утра.»

[Переводъ съ французскаго].

15 февраля.

Послѣ восхитительной ночи, въ которую я написалъ вамъ эти страницы, прошелъ цѣлый день, день печальный, и вотъ опять полночь. Это письмо отправится только завтра, а мнѣ такъ пріятно поговорить съ вами еще нѣсколько минутъ. Постарайтесь прислать мнѣ очаровательное письмо къ 19 марту, дню моего рожденія. Въ этотъ день мнѣ минетъ сорокъ три года—это уже такъ близко къ могилѣ! и я желаю отъ всего моего сердца имѣть утѣшеніе прочесть въ этотъ день нѣсколько добрыхъ строкъ, начертанныхъ рукою остроумнаго и добруйшаго друга, посланнаго мнѣ небомъ. Не могу сказать вамъ, какъ печально провожу и время: сегодня у насъ вторникъ масляницы, я давно уже никого не видалъ, никого не принимаю, не выхожу. Неописанная грусть гнететъ меня всю эту зиму. Я никогда не желалъ такъ умереть, какъ въ эту зиму. О! съ какимъ наслажденіемъ оставилъ бы я жизнь въ эту минуту! Обо мнѣ, по крайней мѣрѣ, сильно пожалѣли бы многіе; моя преждевременная смерть была бы очень выгодна для меня; жизнь, прерванная вдругъ, среди своего лѣта, оставила бы во многихъ преданныхъ мнѣ сердцахъ воспоминанія, исполненные очарованія; я знаю все это и чувствую также, что если проживу дольше, если протяну до старости, все это изотрется, завянетъ, обезцвѣтится, пропадетъ безвозвратно. Никто не станетъ сожалѣть о старикѣ, который не удовлетворилъ преувеличенныхъ ожиданій, внушенныхъ его молодостью воображенію многихъ. Я не буду лишень всего престижа, который окружаетъ меня еще. Стоитъ ли умирать тогда?... Знаете ли, именно ваша очаровательная просьба прислать вамъ то изъ моихъ сочиненій, которое я люблю больше всего, увеличила мою грусть и мое сильное желаніе умереть. Я принялся перебирать въ моей памяти все, что написалъ до сихъ поръ, и вижу, что рѣшительно не сдѣлалъ ничего хорошаго, что могло бы остаться послѣ меня, что было бы соразмѣрно съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, который я наложилъ на себя съ ранней юности, чтобы приготовитися работать хорошо и быть полезнымъ; я такъ дурно распорядился моей жизнью, моими познаніями, моими способностями; я вступилъ на такой путь, который принудилъ меня насильно тратить все это для другихъ, всѣмъ жертвовать для другихъ,—глупо, потому что я получилъ за это только неблагодарность и клевету, и ничего не сдѣлалъ для себя самого, для прочности моей собственной славы, для моихъ матеріальныхъ интересовъ, наконецъ, потому что и матеріальные интересы имѣютъ также свою цѣну, когда приближаешься къ старости. Что останется послѣ моей смерти? множество работъ, разбросанныхъ,

едва начатыхъ, не конченныхъ, которыя я всегда предпринималъ съ намѣреніемъ связать ихъ вмѣстѣ, усовершенствовать, придать имъ большее развитіе, сдѣлать изъ нихъ произведенія прочныя и замѣчательныя; и всегда предаваясь сумасбродно несчастной тратѣ моихъ идей и способностей на пользу другихъ, я оставлялъ не конченными и забытыми по недостатку времени и вслѣдствіе того усложненія занятій, въ которое я вдался, необдуманно, и изъ котораго мнѣ теперь трудно выбраться, не смотря на всѣ мои усилія достигнуть этого, чтобы отдаться самому себѣ и работать надъ тѣмъ, что должно пережить меня. Успѣхъ, который имѣли всѣ эти наброски, всѣ эти пустяки, болѣе или менѣе блестящіе, нисколько не ослѣпляетъ меня; я знаю лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что они не имѣютъ настоящаго достоинства и высокое понятіе, какое они дали публикѣ о моихъ способностяхъ — тяжесть, подавляющая меня, потому что я боюсь, вижу, что смерть настигнетъ меня прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь свободенъ, чтобы доказать моимъ согражданамъ, что я дѣйствительно стоилъ того уваженія, которое они отдали мнѣ сразу, и что они не обманулись въ моихъ способностяхъ. Признайтесь, что для человѣка, умѣющаго чувствовать сильно, для человѣка съ сердцемъ, для того, кто не лишень благороднаго честолюбія, мысль обмануть всѣ ожиданія и обмануть по своей собственной винѣ не можетъ не быть убійственной. Вы понимаете теперь причину этой жестокой грусти, которая овладѣваетъ мною время отъ времени, и этого желанія, я скажу даже этой любви къ преждевременной смерти, которая заставила бы меня исчезнуть, не уничтоживъ всего престижа. Если я не успѣю выйти изъ моего настоящаго положенія и найти время, чтобы кончить мои сочиненія, чтобы показать свои истинныя дарованія, я дамъ одержать надо мною верхъ моимъ врагамъ, всѣмъ тѣмъ, кто теперь унижаетъ мое дарованіе изъ зависти. Уже и то унижительно думать, что такая сволочь можетъ когда нибудь одержать надо мною верхъ, благодаря моей непредусмотрительности. Говорили, что у меня есть только ожесточенные враги или фанатическіе друзья; если это такъ, я насмѣхаюсь надъ моими врагами, я доказываю имъ каждый день, что насмѣхаюсь надъ ними и не боюсь ихъ; но чувствую въ то же время и очень сильно, что имѣю большія обязательства къ тѣмъ, кто удостоиваетъ меня своимъ дружескимъ фанатизмомъ, и что я прежде всего долженъ оправдать ихъ лестное пристрастіе произведеніями, достойными ихъ и меня. Вы не можете повѣрить, какія жертвы я приношу, чтобы купить то драгоценное время, которое мнѣ такъ необходимо, чтобы заслужить уваженіе моихъ друзей, и до сихъ поръ ничто не удается мнѣ: въ началѣ каждаго года я говорю себѣ: наконецъ, я свободенъ,

почти свободенъ, и могу спокойно заняться моими собственными произведеніями! тшгная надежда: мало по малу всѣ работы сваливаются на меня и въ концѣ года жертва принесена, а тяжесть моихъ занятій не уменьшилась ни на волосъ. Нынѣшній годъ я принесъ еще большіи жертвы и уже вижу, что безъ меня не идетъ и что все мое время будетъ истрчено на помощь другимъ, а помогать — просто значить дѣлать все самому!—Вы мнѣ скажете, можетъ быть: но эти сто толстыхъ томовъ Б. для Ч. уже довольно хорошіи права на славу; вы разсыпали тамъ множество новыхъ идей о множествѣ предметовъ; они произвели не одинъ умственный переворотъ въ нашей странѣ; они дали не одинъ спасительный толчекъ. Положимъ, что это правда, потому что это было сказано и повторено сто разъ моими друзьями и даже моими врагами: но что такое Б. для Ч.? Это вещь эфемерная; въ продажѣ не осталось даже ни одного экземпляра изъ этихъ ста томовъ; все было прочитано, изорвано, потеряно, этого не перепечатаютъ никогда и память о моихъ громадныхъ трудахъ, обо всѣхъ этихъ толчкахъ, обо всѣхъ этихъ умственныхъ переворотахъ изгладится очень скоро: обо мнѣ останется только одно смутное преданіе. Лѣтъ черезъ десять вы сами забудете все, что тамъ находилось, и можетъ быть спросите себя съ удивленіемъ: но что же такое сдѣлалъ этотъ человекъ, внушившій мнѣ когда-то столько уваженія и дружбы? Достигнуть такого результата послѣ столькихъ трудовъ—объ этомъ страшно подумать! Ваше благородное сердце съумѣетъ понять грусть, меланхолію, уныніе, часто овладѣвающее мною отъ этого. Все это имѣетъ даже большое вліяніе на мой образъ жизни. Я живу здѣсь очень изящно, мой домъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ и устроенъ такимъ образомъ, что я могу принимать каждый день человекъ сорокъ или пятьдесятъ; часто также о моемъ домѣ говорили какъ объ одномъ изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ пріятныхъ въ Петербургѣ; избранное общество, всѣ знаменитости, умные мужчины и женщины любятъ бывать у меня и находить удовольствіе; добиваются быть принятымъ у меня; потомъ, среди всего этого, мои мѣлкіи идеи, недовольство самимъ собою овладѣваютъ мною, мой домъ закрывается, я не принимаю никого, я дѣлаюсь невидимъ для всѣхъ; и вспоминая злость людей, я начинаю бояться и избѣгать ихъ; меня называютъ гордецомъ, меня поносятъ, дѣлаютъ всякаго рода глупыя предположенія на мой счетъ; то меня представляютъ скупцомъ, который копитъ богатства, то приписываютъ мнѣ отвратительные пороки, которые я боюсь обнаружить; а я между тѣмъ преодолеваю крайнюю грусть, какое-то невольное отчаяніе, что такъ дурно употребилъ мою жизнь, которая могла бы быть

такъ счастливо и такъ легко достославна, достославна надолго. и въ всей этой ненависти, всей этой зависти, всѣхъ этихъ дурныхъ страстей, которыя мечутся на моей дорогѣ и не даютъ мнѣ возможности принадлежать самому себѣ, потому что, наконецъ, не могъ же я отстать въ той ожесточенной борьбѣ, которую они подняли противъ меня; чѣмъ болѣе они бѣсновались, тѣмъ болѣе я долженъ былъ выказать мужества и моя честь предписывала мнѣ обязанность выйти изъ этой борьбы побѣдителемъ, посредствомъ настойчивости, хладнокровія и полезнаго труда. Меня считаютъ счастливымъ, мнѣ завидуютъ, а я часто изнемогаю подъ тяжестью этого воображаемаго счастья; часто горькія слезы орошаютъ мои щеки и ужасная меланхолія гнететъ меня въ блестящемъ уединеніи моего роскошнаго дома; тогда я люблю только трудъ и музыку, и желаніе умереть становится единственнымъ желаніемъ моего сердца. Нынѣшняя зима именно одно изъ такихъ непріятныхъ для меня времявъ. Я живу въ пустынѣ. Вы создали мнѣ невѣдомое удовольствіе—писать къ вамъ и думать съ нѣжностью о вашей трогательной дружбѣ, и я благодарю васъ за это. Вы моя благодѣтельница. Какое счастье, впрочемъ, что вы находитесь на другомъ краю свѣта и что я васъ не знаю: я, можетъ быть, бѣжалъ бы отъ васъ, какъ бѣгу отъ тѣхъ, кто окружаетъ меня! Впрочемъ, то, что я вамъ говорю, вы не должны принимать за отказъ на вашу любезную просьбу, я подумаю, разсмотрю мои прежніе труды и если найду что-нибудь по моему вкусу—пришлю вамъ на память о моей дружбѣ. Но послушайте: не лучше ли дать мнѣ немножко времени? Въ самомъ дѣлѣ, подождите нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть годъ; я напишу что нибудь нарочно для васъ, это можетъ быть мнѣ удастся подъ вашимъ вдохновеніемъ, подъ звѣздой вашего очаровательнаго ума, вашего превосходнаго сердца. Я такъ желаю угодить вамъ, что право думаю, что на этотъ разъ напишу что нибудь хорошее. Благословите меня вашимъ сердцемъ въ вашихъ молитвахъ и небо благословитъ меня въ этомъ предпріятіи. Прощайте. О. С.

«P. S. Кстати, получаете ли вы «Б. для Ч.» нынѣшній годъ? Если не получаете, я вамъ пришлю.

«Скажите мнѣ день и годъ вашего рожденія, я пришлю вамъ вашъ гороскопъ по арабски, потому что вы любите уже арабскій языкъ—даже арабскій!... Доброта ваша безпримѣрна!»

Письмо это окончательно скрѣпило дружбу, начатую такимъ необыкновеннымъ образомъ и не прерывавшуюся никогда. Все, что Осипъ Ивановичъ обѣщалъ въ порывѣ великодушнаго чувства незнакомой,

онъ сдержалъ свято, и во всю мою жизнь у меня не было друга преданнѣе его. Восторженное чувство, основанное на глубокой признательности и вполнѣ понятное съ моей стороны къ человѣку, отдавшему свое довѣріе женщинѣ, которую онъ только по письмамъ счелъ способною его понять, чувство, укрѣпившееся при личномъ знакомствѣ, долго составляло главное счастье моей жизни и служило утѣшеніемъ этому достойнѣйшему человѣку, которому до сихъ поръ не отдано надлежащей справедливости и который былъ одаренъ всѣми лучшими качествами сердца и ума.

Е. Н. Ахматова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ІОСИФЪ СЪМАШКО

въ 1839—1844 гг.

Въ мартѣ 1839 года въ церковно-исторической жизни западной Россіи произошло событіе первостепенной важности—это воссоединеніе униатовъ съ православною церковію. Главнымъ двигателемъ воссоединенія униатовъ былъ литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, пламенной ревности и неутомимой дѣятельности котораго западно-русскіе униаты обязаны своимъ обращеніемъ въ лоно православной церкви.

Въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ принималъ живое и горячее участіе самъ императоръ Николай Павловичъ, который потому уже самому не могъ не оцѣнить заслугъ Іосифа Сѣмашки. Дѣйствительно, не далѣе какъ въ самый день воссоединенія униатовъ, 25-го марта 1839 года, Іосифъ получилъ званіе архіепископа, а 30-го марта 1852 года онъ былъ пожалованъ въ митрополита.

Не смотря на великія заслуги, оказанныя митрополитомъ Іосифомъ и русской православной церкви, и русскому государству, не смотря даже на личное благоволеніе къ нему самого государя, онъ не всегда пользовался со стороны высшаго духовнаго начальства вполне заслуженнымъ имъ уваженіемъ и почетомъ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія высшая духовная власть Россіи представляла изъ себя слѣдующее зрѣлище. Кресло первенствующаго члена синода занималъ тогда слабый и духомъ и тѣломъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Антоній Рафалъскій, ни по образованію, ни по дѣятельности нисколько не соотвѣтствовавшій званію старѣйшаго и вліятельнѣйшаго первосвятителя русской церкви. Оберъ-прокурорство въ синодѣ находилось тогда въ рукахъ столь

извѣстнаго въ исторіи синодальнаго управленія—графа Протасова. Путемъ нѣкоторыхъ интригъ, удаливъ безвозвратно изъ синода двухъ самыхъ вліятельныхъ его членовъ—Филарета, митрополита московскаго, и Филарета, митрополита кievскаго, Протасовъ, чрезъ слабого и большаго митрополита Антонія самымъ безцеремоннымъ образомъ владычествовалъ надъ русскою церковію. Конечно, такой новый и вліятельный членъ синода, какимъ выступилъ преосвященный Іосифъ, не могъ нравиться деспоту оберъ-прокурору, а потому между тѣмъ и другимъ скоро установились очень натянутыя отношенія. Протасовъ, питомецъ и слуга іезуитовъ, держалъ себя очень двусмысленно по отношенію къ преосвященному Іосифу. Послѣдній, самъ много лѣтъ боровшійся съ іезуитами и съ католичествомъ, отлично понималъ настоящій смыслъ поведенія оберъ-прокурора и, конечно, также не могъ быть имъ доволенъ. Впрочемъ, нерасположеніе графа Протасова къ преосвященному Іосифу имѣло болѣе глубокія основанія. Преданный всей душою интересамъ православной церкви и ведшій постоянную борьбу съ латинствомъ, Іосифъ Сѣмашко и здѣсь не только не получалъ надлежащей поддержки со стороны оберъ-прокурора, но даже, напротивъ, встрѣчалъ почти систематическое противодѣйствіе. Въ оберъ-прокурорѣ св. синода находили себѣ покровителя скорѣе католики, нежели православные. Происходило ли это дикое и уродливое явленіе непосредственно отъ самого Протасова, очень симпатизировавшаго католичеству, или же отъ его довѣрнѣйшаго чиновника Сербиновича, тайнаго католика, неизвѣстно, но что это было такъ, подтвержденіе тому можно находить въ письмахъ митрополита Іосифа къ московскому митрополиту Филарету. Въ одномъ изъ своихъ писемъ литовскій архипастырь такъ выражался: «поляки и римляне считаютъ пріобрѣтшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя тамъ именно, куда всякій православный долженъ обращаться съ полною довѣренностію».

Въ маѣ 1844 года литовскій архіепископъ Іосифъ написалъ обширное конфиденціальное письмо къ московскому митрополиту Филарету, въ которомъ и изложилъ свое тягостное положеніе, созданное недоброжелательствомъ къ нему со стороны оберъ-прокурора св. синода.

— «Еще не время, писалъ въ этомъ письмѣ литовскій владыка, чтобы ходъ и обстоятельства благополучно совершившагося воссоединенія къ православной церкви бывшихъ въ имперіи униатовъ могли быть вполне раскрыты, и я не могу ожидать, чтобы оцѣнено было по всей справедливости участіе мое въ совершеніи сего дѣла. Думаю,

однако жъ, что участіе это не столь безъизвѣстно, чтобы я не могъ на него указать и призвать Бога въ свидѣтели чистоты моихъ намѣреній и побужденій. Въ порывѣ пламенной ревности я считалъ себя какъ бы призваннымъ свыше для совершенія этого дѣла, и если иногда мечталъ о земной наградѣ, то она представлялась мнѣ лишь въ мирномъ уединеніи, защищенномъ высшею властію отъ предстоявшихъ мнѣ неприяностей. Этой мечты или, лучше сказать, постоянного желанія не припишите, высокопреосвященнѣйшій владыка, недостатку твердости и усердія къ дальнѣйшему служенію церкви,—кто прошелъ подобное моему пятнадцатилѣтнее поприще, кажется, долженъ быть свободенъ отъ такового обвиненія. Но устраненіе мое я считалъ всегда необходимымъ послѣдствіемъ моего поприща. Естественно, совершеніе уніатскаго дѣла возбудило ко мнѣ ненависть господствующей въ западныхъ губерніяхъ политическо-религіозной партіи поляковъ и римлянъ, ненависть тѣмъ сильнѣйшую, что она сопровождалась опасеніемъ дальнѣйшаго моего вліянія на его участь—и я никогда не ожидалъ имѣть отъ правительства столько покровительства, чтобы оно могло меня обезопасить противъ этой партіи. Напротивъ, я всегда думалъ, что, наконецъ, и ему наскучить меня поддерживать, а его чиновники будутъ и рады пожертвовать мной, и тѣмъ заслужить тысячи благодарностей. Въ церкви православной я не ожидалъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, ни столько сочувствія, ни столько довѣренности, сколько нужно для полезнаго служенія въ нѣдрахъ ея—и это тоже естественно. Я новый пришелецъ, котораго дѣйствія въ пользу церкви мало кому и то невольнѣ извѣстны, а иными даже превратно толкуются, да притомъ чуждое воспитаніе и привычки, изъ дѣтства вкоренившіяся, на всякомъ шагу будутъ оправдывать предубѣжденія противъ меня слабыхъ, невѣдущихъ. Возможно ли въ подобномъ положеніи дальнѣйшее полезное мое служеніе? И не должно ли было поприще мое кончатся необходимо паденіемъ, тѣмъ болѣе для меня позорнымъ, а для враговъ моихъ и православныя церкви утѣшительнымъ, что оно совершилось бы посредствомъ самой сей церкви и правительства? Съ другой стороны, я думалъ, что назначеніе на мое мѣсто достойнаго древле-православнаго архіерея замѣнитъ меня съ сугубою пользою. Поддерживаемый полною довѣренностію церкви, не имѣя противъ себя никакихъ предубѣжденій, онъ не только сталъ бы твердою ногой въ средѣ иновѣрцевъ, но и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ бы на утвержденіе и устройство воссоединенной паствы. Убѣжденный въ семъ вполнѣ, я при самомъ довершеніи уніатскаго дѣла подалъ при-

лагаемую при семь всеподданѣйшую просьбу отъ 26-го февраля 1839 г. объ увольненіи меня совершенно отъ дѣлъ, послѣ упроченія послѣдовавшаго воссоединенія. Четыре, протекшіе отъ сего, года не только не поколебали прежнее мое убѣжденіе, но, напротивъ, воплѣ оное оправдали. Посему отношеніемъ отъ 18-го декабря 1842 г., а еще съ большею настойчивостію отношеніемъ отъ 26 февр. 1843 г., просилъ я, посредствомъ г. синодальнаго оберъ-прокурора, объ окончательномъ удовлетвореніи означенной выше всеподданѣйшей моей просьбы. Въ отношеніяхъ этихъ, прилагаемыхъ у сего въ списокъ, съ полною, думаю, для всякаго убѣдительною изложены причины, по которымъ дальнѣйшее мое служеніе было и безнужно и едва ли возможно. Однако-же, причины сіи не были уважены—я даже не получилъ отвѣта на мои отношенія. Между тѣмъ, улучшилось ли положеніе мое со времени отправления оныхъ? Можетъ быть, я теперь болѣе прежняго могу полагаться на участіе ко мнѣ православной церкви? Напротивъ, поляки и римляне считаютъ приобрѣтшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя тамъ именно, куда всякій православный долженъ обращаться съ полною довѣренностію; а обстоятельства, въ которыхъ я не только не участвовалъ, но о которыхъ даже не зналъ, едва ли не усилили предубѣжденій противъ меня между православнымъ духовенствомъ. Можетъ быть, я болѣе прежняго могу теперь заставляться покровомъ правительства? Напротивъ, увольненіе меня отъ должности председателя бѣлорусско-литовской коллегии съ ея закрытіемъ, а также обстоятельства, сему сопутствовавшія и послѣдовавшія, заставляютъ думать всѣхъ, что меня прогнали. И послѣ этого, когда все направлялось къ тому, чтобы меня уронить въ общемъ мнѣніи, замарать, когда я не вижу, откуда мнѣ надѣяться помощи и покровительства, когда, напротивъ, всюду ожидаютъ меня недоброжелательство и противодѣйствіе, мнѣ предстоитъ преобразование паствы, исключительно составленной изъ воссоединенныхъ, — отступившей болѣе другихъ мѣсть отъ древняго церковнаго порядка, — перемѣшанной на пространствѣ трехъ губерній съ преобладающимъ непріязненнымъ римско-католическимъ населеніемъ, раздраженнымъ новыми рѣзкими преобразованиями и ожидающимъ еще дальнѣйшихъ! Мнѣ предстоитъ устройство новой епархіи, съ матеріальными средствами, съ гораздо скуднѣйшими противъ другихъ западныхъ епархіи. На меня возложено перенесеніе епархіальнаго управленія съ каедральнымъ и училищными штатами въ городъ Вильно, кипящій ненавистнымъ фанатизмомъ противъ православныхъ, — лежащій внѣ круга право-

славнаго населенія, съ крайнимъ отягощеніемъ для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ этому управленію, и для большей части прочаго духовенства! Не простительна ли для меня мысль, часъ отъ часу болѣе утвердившаяся, что меня высылаютъ туда, дабы только сбыть съ рукъ,—предать вѣрной погибели, съ поруганіемъ предъ врагами православія, бросить въ лужу, дабы пройти по мнѣ сухой ногой?

«Я не хочу обвинять никого лично—боюсь приписать одному то, что, можетъ быть, произошло совершенно отъ кого другаго; тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, я получалъ неоднократно удары, не зная, откуда они направлены. Я не знаю: кто дѣйствовалъ противъ меня по личному недоброжелательству, а кто по заблужденію; кто какъ орудіе польско-католической партіи, а кто по собственнымъ видамъ или мелочной зависти и самолюбію? Да судить ихъ Господь и собственная ихъ совѣсть!

«Но когда я ожидаю одного лишь страданія, однихъ препятствій съ той именно стороны, откуда долженъ былъ ожидать помощи и защиты; когда за приготовленную погибелъ подарятъ меня развѣ гримасой фарисейскаго сожалѣнія; когда, вѣроятно, будутъ чернить самое имя мое и стануть преслѣдовать его клѣветой даже за гробомъ: извинительно для меня оставить хотя нѣсколько строкъ въ единственное теперъ возможное оправданіе. Вотъ причина, по которой рѣшился я изложить вашему высокопреосвященству прописанныя вами обстоятельства. Если мнѣ суждено запечатлѣть кровію настоящее поприще, если сподобитъ меня Всевышній положить страдальческую голову тамъ, гдѣ покоятся мощи трехъ первыхъ мучениковъ православныя церкви, пострадавшихъ въ Литвѣ за вѣру Христову: помолитесь, владыко, о грѣшной душѣ моей и поручите меня сочувствію православныя церкви! Если-жъ мнѣ предстоитъ долготѣнее гоненіе и отъ своихъ, и отъ враговъ, то еще больше прошу молитвъ вашихъ, да подкрѣпятъ меня Всемогущій твердостію, не допустить предаться унынію въ предстоящей тяжелой борьбѣ и избавить меня отъ клеветы человѣческія! И вы, владыко, отдайте мнѣ иногда справедливость предъ людьми, какъ я отдаю ее, съ полнымъ упованіемъ, предъ судомъ правильнымъ Божиимъ! Впрочемъ, личную мою участь я всегда подчинялъ пользамъ службы, и всѣ страданія, всѣ непріятности постоянно скрывалъ въ глубинѣ моего сердца, такъ что даже о бумагахъ, препровождаемыхъ нынѣ къ вашему высокопреосвященству, никто до сихъ поръ не знаетъ, по крайней мѣрѣ, отъ меня. Посему прошу и васъ, владыко, сохранить ихъ, какъ мое завѣщаніе, не предавая преждевременному разглашенію,

дабы жребій, приготовленный одному человѣку, не повредилъ дѣламъ общественнымъ, церкви и государства. Богъ видитъ, страдать и умереть отъ враговъ церкви и государства для меня не страшно, я на это всегда былъ готовъ и ожидалъ. Но видѣть себя оставленнымъ, если даже не преданнымъ тѣмъ-же врагамъ отъ правительства, отъ начальства православныя церкви — грустно, весьма грустно. Впрочемъ, облегчивъ сердце симъ душевнымъ признаніемъ предъ архипастыремъ, къ личнымъ качествамъ коего и высокимъ заслугамъ церкви питалъ я всегда высокое уваженіе, я иду нетрепетно, безъ малодушія по пути, предназначенному мнѣ Провидѣніемъ. «Да будетъ святая воля Его! и да поможетъ мнѣ Богъ быть еще полезнымъ сколько нибудь церкви православной!»

P. S. «Утѣшите меня, высокопреосвященнѣйшій, увѣдомленіемъ о полученіи сей бумаги, а то я подумаю и ее къ вамъ не допустили» ¹⁾).

Митрополитъ Филаретъ, получивъ исполненное глубокой горести о своей судьбѣ письмо литовскаго архипастыря, не замедлилъ преподать своему унывающему собрату слово утѣшенія. Не далѣе, какъ по прошествіи всего лишь нѣсколькихъ дней по полученіи письма архіепископа Юсифа, митрополитъ Филаретъ уже послалъ ему отвѣтное письмо.

«Преосвященнѣйшій владыко, многочтимый о Господѣ братъ,— такъ писалъ московскій архипастырь. По требованію вашего высокопреосвященства, извѣщаю, что отношеніе отъ 7-го мая за № 757 получено мною 28 дня, съ признаками вѣрнаго доставленія ²⁾). Съ участіемъ скорби взираю на изображаемое вами трудное положеніе, вмѣсто успокоенія, заслуженнаго долговременнымъ, труднымъ и полезнымъ для православной церкви и отечества подвигомъ.

«Дабы облегченіе ваше соединить съ пользою общую, по моему мнѣнію, не устраненіе ваше отъ дѣлъ надобно, а другія средства. Не простирайтесь о семъ къ разсужденію пѣтъ для меня права....

«Если дѣло ваше и не совсѣмъ понятно: видить оное Сердцевѣдецъ и православная церковь сохранить о немъ правую память. Должно уповать, что и православное правительство благочестивѣйшаго государя, по мѣрѣ трудности подвига, будетъ поддерживать васъ своимъ подкрѣпленіемъ.

¹⁾ Записки митрополита Юсифа, изд. академіею наукъ.

²⁾ Значить, при оберъ-прокурорствѣ графа Протасова не пренебрегли іезуитскимъ способомъ вскрывать даже чистую переписку членовъ синода.

«Небеснаго Пастыреначальника моля о всякомъ вамъ благопо-спѣшеніи, паче ихъ же просимъ или разумѣемъ, и себя молитвамъ вашимъ поручая, съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга, Филаретъ, митрополитъ московскій» ¹⁾).

Къ сожалѣнію, и на мѣстѣ своего служенія, въ Вильнѣ, преосвященный Іосифъ также встрѣчалъ много неприятностей со стороны начальниковъ западнаго края, которые вмѣсто поддержки литовскаго архіепископа, какъ борца православія и русской народности въ западномъ краѣ, вредили и ему лично и тому святому дѣлу вѣры и русской народности, за которое онъ стоялъ. Въ концѣ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ виленскимъ генераль-губернаторомъ былъ И. Г. Бибииковъ 2-й, человекъ, по отзыву одного изъ преданныхъ ему чиновниковъ (котораго, значитъ, нельзя заподозрить въ преувеличеніи), отличавшійся, при весьма ограниченномъ, если только не больше, умѣ, крайнею надменностію, безтактностію, неограниченнымъ самолюбіемъ и крайнею невоздержностію на слова. Такими вопіющими недостатками Бибииковъ совершенно уронилъ себя въ общественномъ мнѣніи и потерялъ всякое уваженіе въ краѣ до того, что его словамъ никто не вѣрилъ. Понятно, такой недостойный начальникъ края только позорилъ русское имя....

Однако, такой-то ничтожный человекъ, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности въ краѣ, выступилъ противникомъ преосвященнаго Іосифа и при каждомъ удобномъ случаѣ унижалъ его, дорогое для cadaго истинно-русскаго и истинно-православнаго человека, имя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то святое дѣло православной вѣры и русской народности, за которое онъ стоялъ въ западномъ краѣ. Безтактный И. Г. Бибииковъ доходилъ до того, что публично, никого не стѣсняясь, называлъ преосвященнаго Іосифа «простымъ, но хитрымъ попомъ».

Около трехъ лѣтъ преосв. Іосифъ молчаливо сносилъ выходки генераль-губернатора, но, наконецъ, въ октябрѣ (20 числа) 1851 г. вынужденъ былъ обратиться съ конфиденціальнымъ письмомъ къ оберъ-прокурору св. синода графу Протасову. И замѣчательно, въ то самое время, какъ Бибииковъ открыто унижалъ литовскаго архіепископа, публично позволялъ себѣ противъ него оскорбительныя выходки, преосвященный Іосифъ даже въ конфиденціальномъ письмѣ, которое предостав-

¹⁾ Записки митрополита осифа, изд. Академіею наукъ.

ляло болѣе простора для слова, не коснулся личныхъ счетовъ: онъ если и писалъ противъ И. Г. Бибикова, то только по поводу направленія его административной дѣятельности, весьма вредно отзывавшейся на положеніи православія и русской народности въ западномъ краѣ. Вотъ самое письмо архіепископа Іосифа къ оберъ-прокурору св. синода графу Протасову.

— «Бытность вашего сіятельства въ Вильнѣ, прошлый годъ, должна была убѣдить меня въ хорошихъ отношеніяхъ вашихъ къ Ильѣ Гавриловичу, а слѣдовательно, обнадежить о добромъ съ его стороны участіи въ дѣлахъ православныя церкви. Хотя я вскорѣ увидѣлъ, что дѣйствія Ильи Гавриловича имѣютъ совершенно другой характеръ, и что нѣкоторыя мои попытки поправить дѣло не только не принесли пользы, но даже были употреблены во зло; за всѣмъ тѣмъ, изъ уваженія къ вамъ, Николай Александровичъ, я болѣе уже полутора года воздерживался отъ явной борьбы; а теперь, когда дальнѣйшее съ моей стороны молчаніе было бы преступно, я отправляю при семъ въ ваши руки шесть рапортовъ св. синоду и одно конфиденціальное отношеніе, за №№ 3,400, 3,403, 3,434, 3,436, 3,449, 3,455 и 3,462. Они нѣсколько компрометируютъ Илью Гавриловича, и я предоставляю вашему сіятельству дать симъ бумагамъ такой ходъ, какой признаете полезнѣйшимъ для службы.

«Эти бумаги относятся только къ нѣкоторымъ дѣламъ, но и онѣ, кажется, достаточно убѣждаютъ, что нельзя вовсе полагаться на пособіе со стороны Ильи Гавриловича, дѣйствующаго скорѣе на разстройство, нежели на упроченіе дѣлъ православныхъ. Илья Гавриловичъ избралъ легкій путь, хотя, по евангельскому слову, легкій путь не есть лучшій. Ему хочется заслужить любовь и довѣренность сильной, богатой, польской партіи, по примѣру всѣхъ пріѣзжающихъ сюда, чтобы удобно и пріятно пожить, а не послужить съ пользою. Жаль, что Илья Гавриловичъ не хочетъ видѣть, что для него не все то полезно и прилично, что полезно и прилично для его секретарей и адъютантовъ, что едва ли онъ можетъ заслужить любовь и довѣренность партіи, которая и существуетъ только жизнью, непріязненною русскимъ и Россіи, и что, даже въ случаѣ возможности этого, Ильѣ Гавриловичу, брату Димитрія Гавриловича, должно для сего вдвойнѣ предательствовать противу службы, нежели кому другому.

«Какъ бы то ни было, Илья Гавриловичъ отдался сказанной партіи и окружилъ себя людьми, дѣйствующими въ ея пользу. Онъ увидѣлъ, что самый вѣрный способъ понравиться сей партіи есть дѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, прикидываться дѣйствующимъ про-

тивъ православныхъ; а чтобы поддержать за собою славу и ревностнаго православнаго, онъ, подобно многимъ у насъ великороссамъ, покровительствуетъ нѣсколькимъ древлеправославнымъ попамъ и порицаетъ воссоединенное вѣдомство. Жалкое, смѣшное фиглярство, достойное какого-нибудь мелочнаго полицейскаго, а не высокаго государственнаго сановника.

•Достойна сожалѣнія и приманка, на которой держатъ здѣсь теперь Илью Гавриловича, подобно другимъ великороссамъ. Ихъ успѣли увѣрить, что здѣсь въ особенности любятъ и уважаютъ великороссіянь—и они тому повѣрили. Никому не придетъ на мысль, на чемъ основывается это мнимое предпочтеніе. Въ трехъ губерніяхъ не найдется и сотни чиновниковъ изъ великороссіянь. Нѣкоторыхъ изъ нихъ задобрить лестію, другихъ деньгами, а всѣхъ обмануть, какъ здѣсь новыхъ, гораздо легче, нежели всю массу здѣшнихъ русскихъ православныхъ, нежели духовенство воссоединенное, которое, приведя свою паству на лоно православной церкви, честію и совѣстію обязано пещись объ утверженіи оной въ единеніи и въ охраненіи противъ вражды и посягательства преобладающихъ въ здѣшней странѣ иновѣрцевъ.

•Извините, Николай Александровичъ, нѣкоторыя рѣзкія выраженія—я слишкомъ долго терплю, чтобы не имѣть права высказать правду на отрѣзъ. Притомъ же я пишу только для васъ, а вы обязаны отвѣтственностію по нашимъ дѣламъ столько же, какъ я, если не болѣе. Вы имѣете возможность и средства помочь имъ; я же долженъ по большей части только терпѣть безмолвно, когда меня топчутъ и предають въ жертву партіи непріязненной Россіи и церкви православной. Я знаю давно, что мнѣ не ожидать другой участи, но все же больно» ¹⁾.

Графъ Протасовъ, получивъ письмо преосвященнаго Іосифа, отнесся къ нему, какъ слѣдовало ожидать, не съ должнымъ довѣріемъ, хотя оно и снабжено было документальными доказательствами. Онъ взглянулъ на письмо литовскаго архіепископа и изложенныя въ немъ обстоятельства, какъ только на плодъ личныхъ счетовъ между представителями духовной и гражданской властей въ Вильнѣ, и потому вздумалъ секретно, подъ рукою, надлежащимъ образомъ узнать, какія отношенія существовали между литовскимъ архіепископомъ и виленскимъ генераль-губернаторомъ. Результатомъ секретныхъ розысканій Протасова былъ слѣдующій, находящійся въ рас-

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, изд. академіею наукъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1889 г. томъ LXXI, май.

поряжені редакціи «Русской Старины», документъ, переданный ей изъ бумагъ самого графа Протасова.

«М. г. графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ ¹⁾! Г. начальникъ штаба сообщилъ мнѣ, что вашему сіятельству угодно знать, какія существуютъ отношенія между виленскимъ архіепископомъ Іосифомъ и мѣстнымъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ 2-мъ, и чтобы объ оныхъ я донесъ вашему сіятельству.

«Отношенія эти, почти съ самаго начала управленія генераль-адъютантомъ Бибиковымъ сямъ краемъ, не были хороши. Архіепископъ человекъ характера твердаго и самостоятельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ властолюбиваго и скрытнаго, далеку отъ того, чтобы напомянуть о своихъ заслугахъ и о томъ вниманіи, которымъ почтило его правительство, но не проститъ тому, кто бы это забылъ и показалъ ему хотя малѣйшій знакъ неуваженія.

«Невидимый туземнымъ дворянствомъ, за содѣйствіе въ возвращеніи уни къ православной церкви, тѣмъ болѣе вправѣ ожидать почтительности отъ высшихъ правительственныхъ лицъ и отъ всѣхъ насъ русскихъ. Въ этой-то почтительности Илья Гавриловичъ постоянно ему отказывалъ, отзываясь о немъ, какъ о обыкновенномъ, простомъ, но хитромъ попѣ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ имѣетъ личные виды ²⁾. Конечно, нашлись люди, передавшіе архіерею такое мнѣніе о немъ главнаго начальника края, родилось же это мнѣніе или по интригамъ дворянства, или по внушеніямъ окружающихъ генераль-губернатора, которымъ необходимо было отвлечь его вниманіе на какой либо предметъ, чтобы самимъ болѣе было свободы распорядиться дѣлами.

«Цѣль достигнута какъ нельзя лучше!

«Я бываю иногда у преосвященнаго Іосифа, но по его осторожности и недовѣрчивости, онъ никогда мнѣ и намеку не сдѣлалъ на неприязненные свои отношенія съ генераль-адъютантомъ Бибиковымъ, тогда какъ послѣдній, въ сужденіяхъ своихъ о немъ, ни предъ кѣмъ и никогда не стѣсняется, что особенно слѣдуетъ отнести къ необыкновенной его словоохотливости, заносчивости и пренебреженію рѣшительно ко всему.

«Такъ прошло болѣе года.

«Въ недавнее время, генераль-адъютантъ Бибиковъ 2-й предположилъ въ трехъ церквахъ военнаго вѣдомства: домовоі Александров-

¹⁾ Орловъ.

²⁾ Собственныя слова Ильи Гавр. Бибикова.

ской, госпитальной и вновь освященной Благовѣщенной (собственно для воинскихъ командъ г. Вильны) назначить благочиннаго; не говоря ничего съ мѣстнымъ архіепископомъ, онъ уладилъ это посредствомъ своихъ сношеній съ оберъ-священникомъ арміи и флота.

«Такое распоряженіе, повидимому, огорчило преосвященнаго Іосифа; онъ отзывался предъ нѣкоторыми, что у насъ въ Вильнѣ есть другой архіерей. Илья Гавриловичъ, болѣе и болѣе приходилъ въ конфузное и раздражительное положеніе—полагали, что ему пишутъ изъ столицы, чтобы ладилъ съ преосвященнымъ.

«14-го ноября возвратилась супруга генераль-губернатора изъ С.-Петербургa. 17-го она отправилась съ визитомъ къ архіерею, и поднесла ему въ подарокъ четки, и когда онъ ее спросилъ: что же она привезла своему мужу? Получивъ отвѣтъ, онъ ей сказалъ: Напрасно, и его превосходительству слѣдовало бы привезти четки, и тутъ высказалъ вмѣшательство его въ дѣла церкви и проч. и проч. и проч.

«Варвара Петровна Бибикова, послѣ такого разговора, поѣхала въ первый ближайшій знакомый домъ ¹⁾ и огорченная въ волненіи, рассказала все и совѣтывалась передать ли такой приемъ мужу. Вѣроятно, она его передала, потому что на другой день, т. е. 18-го ноября, Илья Гавриловичъ былъ у преосвященнаго и провелъ у него около двухъ часовъ. Что было за объясненіе между ними—положительно неизвѣстно: архіерей ни съ кѣмъ объ этомъ не говоритъ, а генераль-адъютантъ Бибиковъ 2-й, что бы ни рассказывалъ, никто ему не вѣритъ.

«Нигдѣ какъ здѣсь, а особенно къ такой личности, какъ личность преосвященнаго Іосифа, подобныя отношенія главнаго начальника края на многое имѣютъ весьма вредное вліяніе.

«4-го ноября было торжественное освященіе возобновленнаго храма въ Троицкомъ монастырѣ; генераль-губернаторъ не былъ на церемоніи. 22-го августа, когда вся Россія праздновала 25-тилѣтіе царствованія Монарха Благодѣтеля, наконецъ 20-го ноября, день восшествія на престолъ, у насъ послѣ литургіи всѣ разошлись по своимъ угламъ и говорятъ потому генераль-губернаторъ и въ церковь не ходитъ и обѣдовъ въ высокоторжественные дни не дѣлаетъ, чтобы не встрѣчаться съ преосвященнымъ Іосифомъ. Я не сомнѣваюсь, что г. Бибиковъ въ душѣ убѣжденъ, что во многомъ неправъ, потому что онъ не такой уже дурной человѣкъ, какимъ кажется, но его надмѣнность,

¹⁾ Помощнику попечителя учебнаго округа, коллежскому совѣтнику Ц. Н. Батюшкову, нынѣ (1889 г.) почетн. опекунъ, дѣйст. тайн. совѣтн.

безтактность, неограниченное самолюбие и весьма вредная невоздержность на слова ¹⁾ много здѣсь его уронили, и препятствуютъ ему обнять какъ бы слѣдовало вѣренное управление и смотрѣть на вещи съ надлежащей точки.

«Почтительнѣйше доводя о семъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, имѣю честь быть съ безпредѣльнымъ уваженіемъ и искреннею душевною преданностію ваш. сіят. и проч. Андрей Куцынскій.

1 декабря 1851 г.
г. Вильно.

Ж.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ О чемъ и я осмѣлился нѣсколько разъ ему говорить и просить не быть такъ откровеннымъ и такъ довѣрчивымъ къ людямъ.

МИХАИЛЬ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

III ¹⁾.

Богословское образованіе, ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ и занятія на кафедрѣ св. писанія въ виленскомъ университетѣ (1808—1833 гг.).

Ученыя степени.—Рукоположеніе 1814 г.—Вступленіе на кафедру священнаго писанія, 1814 г.—Назначеніе брестскимъ каноникомъ.—Ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822).—Предложенныя Бобровскимъ реформы въ главной духовной семинаріи, 1823.—Неудовольствіе базилианскихъ монаховъ.—Отрѣшеніе отъ кафедры и удаленіе въ Жировицы, 1824.—Переписка съ Кеппеномъ, 1825 и 1826 гг.—Возстановленіе на кафедрѣ.—Школа слагано-вѣдѣнія въ Вильнѣ съ 1826 г.—Занятія профессора въ Вильнѣ до преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую академію.—Главнѣйшіе труды М. К. Бобровскаго.—Избраніе въ члены ученыхъ обществъ.—Предложеніе графа Сierasнскаго.—Бобровскій ищетъ спокойнаго угла.—Отставка.—Характеристика личности профессора ²⁾.

Не желая затруднять читателя подробностями, имѣющими спеціальныи характеръ (хотя и не лишеныи значенія для исторіи греко-уніатской церкви XIX ст.), мы ограничиваемся

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116; т. LX, стр. 333—352.

²⁾ Арх. св. син. по 2-му депар. 1809 г. № 4, 1815 г. № 6, 1817 г. № 34, 1819 г. № 40, 1822 г. № 61, 1826 г. № 11, 1827 г. № 47, 1828 г. № 73, 1829 г. № 123, 1833 г. № 153. Арх. мин. нар. проsv. Кат. 1067 г. № 6559. Послужн. списки отъ университета виленскаго, составленныя въ 1833 г. Пл. Янковскаго «Протоіерей Михайль Бобровскій», Холм. мѣсяц. на 1867 г. «Древняя хартеіная псалтирь», Лит. епарх. вѣд. на 1866 г. № 20 и 21. Ягича «Письма Добровскаго и Копитара», изд. 1833 г. Сборникъ собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго.

въ этой главѣ біографическаго очерка перечисленіемъ главнѣйшихъ фактовъ, собственно для связи предыдущаго нашего разсказа съ послѣдующими событіями, относящимися въ эпохѣ воссоединенія.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира супрасльская епархія вошла въ составъ брестской, изъ которой въ 1809 году образована виленская митрополичья. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь остался попрежнему независимымъ отъ Литовской базилианской провинціи, управленіе которой находилось въ виленскомъ Св. Троицкомъ монастырѣ. Между тѣмъ, для высшаго богословскаго образованія духовенства римскаго и греческаго обрядовъ, по мысли и настоянію попечителя виленскаго учебнаго округа, образована была, при виленскомъ университетѣ, главная духовная семинарія на 50 влириковъ, въ томъ числѣ 15 греко-уніатскихъ. Учрежденіе главной духовной семинаріи встрѣчено было враждебно всѣми монашескими орденами западной Россіи (а ихъ было до 30), потому, во 1-хъ, что расходы на ея содержаніе были отнесены на счетъ доходовъ монастырей, по раскладкѣ, сдѣланной въ 1805 г. архіепископомъ Лисовскимъ и митрополитомъ Сестренцевичемъ, и во 2-хъ, она не была подчинена не только епархіальному начальству, но и высшему духовному учрежденію. Такое изыятіе соотвѣтствовало тому направленію, которое господствовало въ дѣлахъ католической церкви въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ, когда свѣтская власть папы была подорвана. Русская грекоуніатская церковь въ эпоху Тильзитскаго міра была подавлена господствомъ базилианскаго ордена, который, какъ и іезуитскій, пользовался покровительствомъ нашего правительства. Престарѣлый Лисовскій не могъ поэтому дожидаться исполненія своего проекта. Между тѣмъ, по настоянію князя Чарторыйскаго, главная семинарія была открыта въ 1808 г. Бобровскій рѣшился вступить въ духовное званіе и, имѣя отличныя рекомендаціи отъ своего епархіальнаго начальства, поступилъ въ числѣ 17 греко-уніатскихъ влириковъ перваго приѣма. Замкнутое заведеніе и строгій внутренній порядокъ охраняли семинарскую молодежь отъ крайняго увлеченія патріотическо-польскими чувствами, коими заражены были преимущественно студенты университета. Напротивъ, многія условія поддерживали въ этомъ богословскомъ инсти-

тутъ отличный нравственный духъ и согласіе во взаимныхъ отношеніяхъ учащихся (Антоній Зубко). Богословское преподаваніе велось въ духъ реакціонномъ, противоположномъ фанатизму богословскихъ студій римско-католическихъ и базилианскаго орденовъ; профессора каноническаго права Алоизій Капелли и пастырскаго богословія Иванъ Конти Ходани, оба италіянца, съ безпощадною критикою относились къ злоупотребленію римскихъ папъ и къ фанатической нетерпимости ультрамонтанъ. Въ томъ же направленіи преподавалъ догматическое богословіе каноникъ Клонгевичъ (зам. Іосифа Сѣмашки, Плакида Янковскаго). Профессоръ св. писанія Голянскій способствовалъ развитію способностей къ изложенію проповѣдей.

Нельзя тутъ не замѣтить, что епархіальное начальство съ самаго начала отнеслось большею частию небрежно къ выбору клириковъ въ гл. семинарію, оттого въ первоначальный періодъ ея существованія было много неудачниковъ: изъ 17 человекъ перваго приѣма окончили курсъ съ успѣхомъ только 7 человекъ (изъ нихъ 3 со степенью магистра).

Михаилъ Кирилловичъ прошелъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ съ полнымъ успѣхомъ и при выпускѣ въ 1812 году удостоенъ ученыхъ степеней магистра богословія и философіи, кромѣ того онъ еще 23 апрѣля 1811 г. выдержалъ экзаменъ по словесному факультету наукъ изъ литературы, поэзіи, греческаго и латинскаго языковъ и признанъ совѣтомъ университета въ степени „магистра свободныхъ художествъ“ (*Magister Artium Liberalium*). Строго философскій умъ Бобровскаго отличался многосторонними познаніями. Немедленно по окончаніи отечественной войны, онъ снова явился въ Вильну, гдѣ посѣщалъ въ университетѣ курсы уголовного и гражданскаго права и продолжалъ заниматься еврейскимъ и италіанскимъ языками. Въ 1814 г. Бобровскій былъ приглашенъ къ занятію должности профессора св. писанія (на мѣсто Голянскаго), а въ слѣдующемъ году, послѣ защиты диссертациі, утвержденъ въ должности профессора. Только въ 1815 году (на 31 году жизни) онъ принялъ священство (29 іюня), затѣмъ назначенъ членомъ виленской консисторіи, а въ 1817 году возведенъ въ санъ брестскаго каноника.

Надо замѣтить, что послѣ заключенія священнаго союза и

возстановленія власти римскаго папы въ западныхъ губерніяхъ замѣтно усилилась латино-польская пропаганда, чему въ значительной степени способствовали библейскіе комитеты и школы, бывшія во власти монашескихъ орденовъ. Само правительство посредствомъ университета поощряло (до 1822 г.) польскую цивилизацію въ обширномъ виленскомъ округѣ.

Между тѣмъ, римско-католическое духовенство и базилианы, руководимые провинціалами и нѣкоторыми епископами, подъ предлогомъ раззоренія и упадка монастырей послѣ отечественной войны, противились возобновленію главной духовной семинаріи. 1-й департаментъ римско-католической коллегіи, основываясь на донесеніяхъ визитатора виленскаго греко-уніатскаго епископа Адріана Головни, вошелъ съ представленіемъ о закрытіи навсегда главной семинаріи. Эту ревизію онъ производилъ, когда въ семинаріи не было учениковъ. Князь Голицынъ предложилъ попечителю дать свое заключеніе на представленіе 1-го депар. коллегіи. Не смотря на противодѣйствіе монаховъ, главная семинарія была возобновлена въ 1816 г. и совѣтъ университета, поддерживаемый княземъ Чарторыйскимъ въ своемъ мнѣніи, представляя объ упадкѣ богословскаго образованія въ епархіальныхъ семинаріяхъ, управляемыхъ епископами, находилъ необходимымъ сохранить этотъ полезный институтъ, между прочимъ и для того, чтобы поднять въ духовенствѣ сколько нибудь богословское образованіе. Въ первые четыре года своего существованія главная семинарія доставила епархіямъ 34 достойныхъ іереевъ, изъ коихъ „нѣкоторые употребляются къ учительскимъ должностямъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, другіе преподаютъ слово Божіе, значительно сіе званіе отличая, а младшіе, приобрѣтѣ спасительное воспитаніе, занимаются своими приходами съ истинно христіанскою ревностью ¹⁾).

Неудавшаяся интрига монаховъ и епископа Головни усилила только злобу монашескихъ орденовъ противъ семинаріи. Это обна-

¹⁾ Арх. мин. нар. проев. Карт. 1087, № 6559: «А что такое епархіальная семинарія за послѣднія 20 лѣтъ? въ нихъ упало благовоспитаніе, въ епархіяхъ не много способныхъ проповѣдниковъ и ученыхъ богослововъ. Совѣтъ семинаріи долженъ былъ вернуть по неспособности къ наукамъ и дурному поведенію 36 клириковъ» и т. д.

ружилось, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая: когда въ день св. Троицы для привѣтствія своего епископа въ монастырь явился профессоръ М. Бобровскій съ греко-униатскими клириками, обучавшимися въ главной семинаріи, настоятель монастыря Цезарій Каминскій встрѣтилъ ихъ такими словами: „Зачѣмъ вы сюда пришли? Подите прочь, это нашъ епископъ, а не вашъ, вашъ архіепископъ схизматикъ въ Полоцкѣ“. Послѣ такого приѣма Бобровскому оставалось одно—отвести воспитанниковъ въ главную семинарію ¹⁾... Вообще неудовольствіе виленскихъ базилианъ и другихъ монаховъ противъ главной семинаріи обратилось, можно сказать, въ систематическое преслѣдованіе обучавшихся въ ней клириковъ. Оно выражалось особенно въ крайне неакуратномъ взносѣ денегъ на ея содержаніе и въ представленіяхъ объ ограниченіи правъ ея воспитанниковъ для занятія епископскихъ мѣстъ.

Желая поднять богословское образованіе главной семинаріи на ту высокую степень, на которомъ оно находилось въ современныхъ подобныхъ жѣ учрежденіяхъ за границую, попечитель предложилъ совѣту университета командировать въ Европу одного изъ профессоровъ богословскаго отдѣленія. Выборъ совѣта палъ на профессора Бобровскаго, который выдѣлялся отъ другихъ своими способностями въ языкознанію (кромя древнихъ языковъ, онъ основательно былъ знакомъ съ языками нѣмецкимъ, французскимъ и италіанскимъ). Бобровскому поручено было ознакомиться съ состояніемъ богословскаго образованія за границую и усовершенствовать себя въ знаніи восточныхъ языковъ, какъ необходимаго пособія для преподаванія библейской археологіи, а въ виду основательнаго его знакомства съ церковно-

¹⁾ Разсказъ очевидца Василя Лужинскаго (въ его «Запискахъ»). Въ то время обучались въ главной семинаріи Игнатій Пильховскій, Августинъ Бѣлиновичъ, Иванъ Игнатовичъ, Василій Лужинскій и Іосифъ Сѣмашко. Послѣдніе двое, какъ извѣстно, были главными дѣятелями по соединенію униі съ православіемъ. Можно сказать, само Провидѣніе готовило ихъ исподоволь къ этому поприщу. Въ одинъ и тотъ же 1822 годъ оба попали въ столицу: Лужинскій личнымъ секретаремъ при архіепископѣ Красовскомъ, противъ котораго базилианъ и митрополитъ Булакъ воздвигли систематическое преслѣдованіе, Сѣмашко—членомъ коллегіи. Оба были ближайшими свидѣтелями перелома въ правительственномъ взглядѣ при Шишковѣ на греко-униатскую церковь и т. д. Но Сѣмашко превосходилъ своего товарища-соперника практическимъ тактомъ, служебною выдержкою и настойчивостію въ работѣ.

славянскимъ языкомъ совѣтъ призналъ полезнымъ поручить ему-же ознакомиться и съ славянскими нарѣчіями. Какъ видно изъ многихъ примѣровъ, командированіе преподавателей въ заграничные университеты для усовершенствованія въ наукахъ тогда входило въ систему подготовки профессоровъ для всѣхъ русскихъ университетовъ.

Михаиль Кирилловичъ пробылъ за границею около пяти лѣтъ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны 17-го сентября 1817 года и вернулся лишь въ августъ 1822 г. Въ это время Вѣна славилась своими профессорами богословскаго факультета, академіей восточныхъ языковъ и обществомъ ученыхъ ориенталистовъ. Бобровскийъ засталъ еще въ живыхъ знаменитаго Яна (Jah, Gantz), прославленнаго своими изслѣдованіями по восточной литературѣ и искусствамъ и своимъ классическимъ трудомъ по библейской археологіи; онъ прослушалъ курсы Оберлейтнера (ученика знаменитаго Ариды), Руттенстоха, Ценгерле, Аккермана и другихъ, усовершенствовалъ свои познанія въ библейской археологіи, герменевтикѣ (правилахъ толкованія св. Писанія) и церковной исторіи, изучилъ языки еврейскій (и ранѣе ему знакомый), сирійскій, халдейскій и собралъ свѣдѣнія объ устройствѣ вѣнской главной семинаріи, куда поступали воспитанники, окончившіе курсъ лицеевъ и университетовъ. Изъ отчета Бобровскаго и изъ послѣдующихъ событій въ его жизни видно, что виленская семинарія во многихъ отношеніяхъ стояла ниже вѣнской, и при всемъ томъ главная семинарія въ Вильнѣ была лучшимъ духовнымъ институтомъ въ западно-русской окраинѣ. Въ Вѣнѣ же Бобровскийъ воспользовался богатствомъ древнихъ рукописей славянскихъ (12,000 рук.) въ императорской библіотекѣ и въ библіотекѣ графа Оссолинскаго и развилъ еще болѣе свои познанія въ славянской филологіи. Здѣсь же, пользуясь любезнымъ гостеприимствомъ извѣстнаго филолога Вареоломея Копитара, Михаиль Кирилловичъ свелъ знакомство съ учеными славянами, посѣщавшими столицу австрійской монархіи.

Съ начала 1819 года начинается путешествіе М. К. Бобровскаго по славянскимъ землямъ Чехіи, Моравіи, Краинѣ, Хорватіи и пр. и посѣщеніе извѣстнѣйшихъ библіотекъ—въ Прагѣ, Велеградѣ, Люблянѣ, Рагузѣ, Дубровникѣ, Задрѣ, Венеціи, Болоніи, Флоренціи, Римѣ. Въ Прагѣ онъ познакомился и

сблизился съ „отцемъ славянства“ Іосифомъ Добровскимъ, съ молодымъ ученикомъ его Венцеславомъ Ганкою, съ Юнгманомъ, въ Венеціи съ Павломъ Соларичемъ „радостію и милотою сербскою“, въ Дубровникѣ съ хорватскими филологами и литераторами Маріемъ Францискомъ Аппендини, Павломъ Міосичемъ и проч. Въ октябрѣ 1820 г. Бобровскому привелось принять участіе на съѣздѣ свѣдущихъ славянъ, собранныхъ въ Задрѣ, съ разрѣшенія правительства, для составленія однообразнаго письменнаго языка въ руководство при печатаніи учебныхъ книгъ въ Далмаціи. Древнѣйшіе памятники—рукописи и старопечатныя книги—становились существеннымъ матеріаломъ для филологической критики языка, для обработки словарей и грамматикъ, провѣрки историческихъ фактовъ и оцѣнки этнографическихъ особенностей соплеменниковъ. И Михаилъ Кирилловичъ съ увлеченіемъ ученаго, проникнутаго величіемъ задачи славянъ, стремившихся къ объединенію въ области литературы, занялся изученіемъ и собираніемъ знаменитѣйшихъ памятниковъ Кирилловскаго и Глаголическаго письма, повсюду, особенно же въ Прагѣ, Вѣнѣ, Римѣ, а потомъ въ Парижѣ. Свои филологическія и библиографическія замѣтки, какъ видно изъ дневника, онъ въ каждомъ городѣ записывалъ аккуратно въ особыя тетради, прилагая къ нимъ снимки. Въ Римѣ, пользуясь вниманіемъ Ангела Майя (Angelo Mai), Бобровскій составилъ на латинскомъ языкѣ ученый каталогъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ Ватиканской бібліотеки, подъ заглавіемъ „Codicis Slavici“. Кромѣ библиографическаго описанія, которое сопровождается справками, онъ имѣлъ у себя снимки (fac simile) съ каждой рукописи, заслуживающей его особаго вниманія. Весьма древнюю хорватскую рукопись, помѣщенную въ описаніи подъ № 1-мъ, онъ списалъ всю сначала до конца; онъ считалъ ее древнѣйшею послѣ Несторовой и полагалъ впослѣдствіи издать (Ягича „Письма Добровскаго и Копитара“). Описание ватиканскихъ рукописей, первый намъ извѣстный трудъ Бобровскаго, относящійся къ 1820 г., напечатанъ въ 1830 г. въ извѣстномъ сборникѣ Ангела Майя, подъ заглавіемъ: „Nova Collectio Veterum“. О своихъ открытіяхъ Бобровскій сообщалъ Копитару, Добровскому и Ганкѣ и посылалъ къ нимъ снимки

изъ Рима и Парижа. Познакомившись гдѣ-то за границею съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, Бобровскій сообщалъ ему о предметахъ болѣе всего интересовавшихъ знаменитаго покровителя славянской науки и служилъ посредникомъ для снятія копій и пересылки цѣлыхъ рукописей въ Россію, а также нѣкоторыхъ древнѣйшихъ книгъ.

Въ концѣ 1821 года мы застаемъ Бобровскаго изучающимъ въ Парижѣ, у знаменитаго ученаго де Сасси, арабскій языкъ. Въ маѣ 1822 года онъ двинулся въ обратный путь, черезъ Бауценъ (Будышинъ), гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Іосифомъ Добровскимъ для совмѣстнаго путешествія по странѣ лужичанъ (вендовъ или сербо-лужичанъ); но обстоятельства задержали Добровскаго въ Прагѣ и Бобровскій, пользуясь радушнымъ приемомъ представителей угасавшей сербско-лужицкой литературы— Лоцке, Фульке и Лубенскаго, могъ дать впоследствии отчетъ о состояніи этой горсти славянъ, такъ много пострадавшихъ подъ вліяніемъ своихъ побѣдителей германцевъ.

Послѣ восторженной встрѣчи на своей родинѣ, старѣйшими представителями Брестскаго капитула, Гавріиломъ Янковскимъ, Тупальскимъ, Сосновскимъ и окрестнымъ духовенствомъ, Михаилъ Кирилловичъ въ августѣ 1822 года явился въ Вильну и отерылъ въ университетѣ рядъ публичныхъ чтеній о священномъ Писаніи и его источникахъ. Предложенія ученаго богослова выходили изъ разряда обыкновенныхъ: онъ предъявилъ совѣту университета совершенно новую программу для преподаванія богословскихъ наукъ въ тѣсной связи съ обученіемъ восточнымъ языкамъ, не исключая, разумѣется, славянскаго, указавъ новые методы толкованія св. Писанія, основаннаго на первыхъ источникахъ (а для этого требуется знаніе греческаго, еврейскаго, халдейскаго, сирійскаго и даже арабскаго языковъ), и, наконецъ, устроить главную духовную семинарію на широкихъ основаніяхъ (съ семилѣтнимъ курсомъ). Лекціи профессора греко-уніата и предложенныя имъ радикальныя реформы богословскаго курса, причемъ лекторъ являлся на кафедрѣ съ запасомъ громадной ученой эрудиціи, взволновали латинское духовенство, особенно виленскихъ монаховъ, болшею частію послѣдователей моднаго, но поверхностнаго ученія библейскаго общества о „внутренней церкви“, которое было подъ особымъ покровительствомъ въ то

время еще всемогущаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына.

Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія Бобровскаго за границею, въ западныхъ губерніяхъ Россіи произошли большія переменѣны: подъ покровительствомъ (библейскихъ) комитетовъ развилась между греко-уніатами латино-польская пропаганда; епископы и базилиане, поддерживаемые митрополитомъ Булгакомъ, вице-предсѣдателемъ русскаго библейскаго общества, распространяли въ русскомъ народѣ польскіе азбуки, молитвенники, новый завѣтъ и, наконецъ, біблію (московскаго изданія); епископы разрѣшали печатаніе книгъ несоотвѣтственныхъ духу греческаго обряда: въ Почаевской базилианской типографіи напечатанъ былъ славянскій служебникъ съ возмутительными нововведеніями¹⁾; въ греческихъ обрядахъ появились несвойственные Кирилло-Меѳодіевскимъ книгамъ латинскіе возгласы, пѣлись польскіе рожанцы, кантики и т. д.

Протесты Брестскаго капитула противъ злоупотребленій базилианскихъ монаховъ (съ 1810 по 1820 г.) въ греко-уніатской церкви не встрѣчали въ столицѣ поддержки: князь Голицынъ, вопреки намѣреніямъ императора Александра I, не только не способствовалъ разрѣшенію вопросовъ, обусловленныхъ упраздненіемъ нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей, но, напротивъ, обращалъ всѣ жалобы къ митрополиту Булгаку, который, будучи во власти базилианскихъ коноводовъ - провинціаловъ, Каминскаго, Смыковича и своего секретаря іеромонаха Мудровича, всѣми способами противодействовалъ реформамъ въ униі, намѣченнымъ еще митрополитомъ Лисовскимъ. Однако, съ конца 1821 года въ правительственныхъ сферахъ столицы произошла крутая реакція. Предложеніе 28-го октября 1822 года, вызванное категорическимъ повелѣніемъ императора Александра о приведеніи въ исполненіе его прежнихъ указовъ объ униатахъ,

¹⁾ Въ славянской литургіи львовскаго изданія 1776 г. было такое моленіе въ ектеніи: «Подать папѣ мирное церковное правленіе, раззореніе же злохульнаго ересп, истребленіе раздоровъ и всякаго отступническаго, злобнаго, неприязненнаго католическому исповѣданію умышленія и ученія искорененіе, и вознести повсюду истинную вѣру». — Викарный епископъ Сѣроцинскій разрѣшилъ ее напечатать въ Почаевской типографіи, выбросивъ только три слова: «неприязненнаго католическому исповѣданію».

оживило надежды блага духовенства Брестской и Виленской епархій въ устройству епархіальныхъ семинарій и улучшенію быта блага духовенства. Въ этомъ отношеніи русскіе греко-уніаты находились несравненно въ худшемъ положеніи, чѣмъ австрійскіе и даже чѣмъ польскіе (Холмской епархіи).

Крайній упадокъ монашеской дисциплины (какъ можно видѣть во многихъ дѣлахъ архива бывшей римско-католической коллегіи), очевидно, былъ слѣдствіемъ роскоши и тунеядства. Въ 400 монастыряхъ (въ томъ числѣ до 90 базилианскихъ) монахи большею частью вели жизнь праздную, занимались политическими интригами, тяжбами. Въ своихъ проповѣдяхъ брестскій каноникъ Бобровскій не могъ скрывать неодобренія фанатизму, которымъ превозносились тогда виленскіе монахи. Многіе изъ латинскихъ монаховъ (а изъ базилианъ даже епископъ суффраганъ Головня) были членами масонскихъ ложъ, библейскихъ комитетовъ и разныхъ благотворительныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ политическія цѣли. Все это возмущало духъ строго-религіознаго уніата. До сихъ поръ вовсе еще не изслѣдованы подстрекательства виленской учащейся молодежи духовными властями, враждебно относившимися къ виленскому университету вообще и въ частности къ главной семинаріи. Поэтому въ нашей литературѣ сужденія о виленскихъ событіяхъ въ 1823, 1824 и 1825 годахъ лишены полноты и критики.

Какъ бы то ни было, въ Вильнѣ образовалась сильная партія, враждебная ученію профессора Бобровскаго, который, будучи горячимъ приверженцемъ греко-восточнаго обряда, не могъ одобрять ни латинской вульгаты (Пл. Янковскій), ни особенно перевода ея на польскій языкъ, ни распространенія польскихъ богослужебныхъ книгъ въ греко-уніатскомъ духовенствѣ, обязанномъ совершать богослуженіе по греческому обряду на славянскомъ языкѣ, ни латинизаціи греческихъ обрядовъ въ уніи....

М. К. Бобровскій былъ удаленъ изъ Вильны подъ предлогомъ оскорбительнымъ для его внутренней совѣсти, какъ преступникъ, безъ слѣдствія и суда ¹⁾, и поселенъ въ Жировицахъ,

¹⁾ «Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противудѣйствующая университетскому начальству партія». Указъ 14 августа 1824 г. См. разъясненіе событій въ виленскомъ университетѣ въ учебномъ 1823—24 году, въ брошюрѣ Онацевича «Nowosilzow w Wilnie 1823—24», изд. 1831 г.

въ маленькой кельѣ базилианскаго монастыря, подъ надзоромъ духовнаго начальства.

Пишущіе о событіяхъ въ Вильнѣ по поводу университетскихъ безпорядковъ, по нашему мнѣнію, не обращаютъ вовсе вниманія на партіи, бывшія въ виленскомъ обществѣ, особенно-же на ту партію клерикаловъ, которая опасалась упраздненія монастырей. Самъ Новосильцовъ, какъ кажется, былъ орудіемъ этой партіи и польскихъ магнатовъ: въ то время крѣпостное право управляло всѣми дѣйствіями нашей администраціи въ западной Россіи; поэтому и во многихъ распоряженіяхъ Новосильцова видна непослѣдовательность и явное потворство шляхетскимъ интересамъ; отсюда, вѣроятно, и враждебное отношеніе попечителя къ бѣлому греко-уніатскому духовенству, между тѣмъ какъ это духовенство стремилось къ восстановленію чистоты греческаго обряда, защищало свои права по управленію дѣлами церкви, возставало противъ распространенія богослужебныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, вмѣсто славянскихъ! Новосильцевъ отрицалъ пользу богословскаго образованія священниковъ, пользу особыхъ семинарій, а тѣмъ менѣе училищъ. А если нужно готовить священниковъ, то это дѣло слѣдуетъ предоставить базилианамъ!..

Въ жировицкомъ изгнанникѣ приняли горячее участіе: графъ Руманцевъ, графъ Остерманъ-Толстой, ученый Кеппенъ, профессоръ російской литературы въ университетѣ Лобойко и даже самъ адмиралъ Шишковъ. Въ началѣ февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, Бобровскій былъ восстановленъ на кафедрѣ св. писанія, съ воспрещеніемъ, однако, говорить проповѣди. Но спустя годъ, въ апрѣлѣ

Въ этомъ дѣлѣ Новосильцовъ слѣдовалъ по стопамъ Магницкаго въ Казани и Рунича въ Петербургѣ, Сухомяновъ «Матеріаль для ист. проsv. въ Россіи»; Пшенинъ, Россійское библейское общество, «Вѣст. Европы»; Стоюнинъ, Адмиралъ Шишковъ, и др. Непосредственнымъ поводомъ къ удаленію профессора Бобровскаго изъ Вильны была проповѣдь, сказанная въ день св. Іосифа Обручника, кромѣ того онъ защищалъ пользу преподаванія философіи. Самое преподаваніе герменевтики (т. е. толкованія св. писанія) по первымъ источникамъ вѣнялось въ вину ученому богослову-слависту. См. у Шмида, «Исторія средн. учебн. заведеній», какъ смотрѣли на преподаваніе «герменевтики» нѣкоторые изъ членовъ правленія училищъ и ученаго комитета, напримѣръ—Стурдза.

1827 года, отмѣнено было и это ограниченіе. Напротивъ, ректоръ университета Пеликанъ—„авторъ прегрѣшенія“ Бобровскаго, въ своемъ ходатайствѣ призналъ за проповѣдями ученаго профессора полезное для юношества воспитательное значеніе!...

Уединеніемъ въ Жировицахъ (съ сентября 1824 г. по апрѣль 1826 г.) Бобровскій воспользовался для занятія славистикой, для приведенія въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ и продолженія своихъ филологическихъ изслѣдованій открытыхъ имъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей. Издатель библиографическихъ листовъ Кеппенъ, черезъ посредство профессора Лобойки, вошелъ въ переписку съ Бобровскимъ; послѣдній думалъ даже выйти изъ духовнаго званія и переселиться въ столицу, чтобы сблизиться съ источниками славянской старины въ публичной библиотекѣ; онъ доставилъ Кеппену, кромѣ разныхъ библиографическихъ замѣтокъ и справокъ, свѣдѣнія объ открытой имъ знаменитой Супрасльской рукописи. Эта любопытная переписка хранится въ императорской академіи наукъ. Къ сожалѣнію, значительная часть жировицкаго труда Михаила Кирилловича (по его словамъ годичный запасъ), отъ неосторожно оставленной свѣчи, сдѣлалась жертвою пламени, при чемъ едва не погибла подлинная Супрасльская рукопись. Но составленный имъ и уже переписанный набѣло отчетъ о путешествіи по Европѣ, къ величайшему сожалѣнію, погибъ и уже не могъ быть восстановленъ. Остались черновыя записки, весьма краткія, но кто ихъ сохраняетъ—неизвѣстно. Нервная болѣзнь довершила рядъ несчастій, постигшихъ нашего ученаго, который, по словамъ его ученика Янковскаго, послѣ такой болѣзни, не обладалъ уже тою колоссальною памятью, какою надѣленъ былъ отъ природы.

Вмѣстѣ съ восстановленіемъ Михаила Кирилловича на кафедрѣ богословскихъ наукъ, министръ Шишковъ возложилъ на него преподаваніе славянскаго языка греко-уніатскимъ клирикамъ; открытая имъ въ Вильнѣ школа славяновѣдѣнія въ маѣ 1826 г. была первою въ Россіи. Въ его вступительной лекціи выражена надежда на восстановленіе языка церковно-славянскаго, пришедшаго въ забвеніе въ школахъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства не благопріятствовали укорененію занятій славянской филологіей подъ руководствомъ даровитаго ученаго въ западно-русской окраинѣ; занятія славяновѣдѣніемъ прекрати

лись съ послѣднимъ выпускомъ греко-уніатовъ, окончившихъ курсъ главной семинаріи; послѣ того Бобровскій писалъ къ Востокову въ 1831 году: „нѣтъ никого въ Вильнѣ—да простятъ мнѣ сказанное—это могъ бы эту древнюю рукопись (супрасльскую) правильно прочитатъ и переписать“... Клирикамъ профессоръ акуратно, съ археологическою точностію, показывалъ въ Николаевской церкви каждому особо, какъ должно совершать богослуженіе по греческому обряду. И эти приемы не остались безплодными, ибо чинъ богослуженія въ уніатской церкви былъ искаженъ множествомъ заимствованій у латинянъ.

Слушавшіе профессора Бобровскаго за послѣдній періодъ профессорской дѣятельности сохранили воспоминаніе о плодотворныхъ занятіяхъ его герменевтикою и библейскою археологіей. „Рѣдкій изъ наставниковъ пользовался наравнѣ съ нимъ такимъ общимъ уваженіемъ и любовію учениковъ“. „Съ особенною попечительностію онъ заботился о соблюденіи греческихъ обрядовъ и самъ руководилъ ими въ церкви, работая съ каждымъ клирикомъ по заведенной очереди“. „Онъ насъ научилъ цѣнить великое значеніе славянской науки, призывалъ насъ къ участію по разработкѣ источниковъ и памятниковъ“. (Зам. протоіерея Пл. Янковскаго, архіепископовъ Филарета (Малишевскаго) и Михаила (Голубовича). Сердечное отношеніе профессора къ церковно-славянскому богослужебному языку тѣмъ болѣе было благотворно для греко-уніатскихъ воспитанниковъ, что на преподаваніе его въ базилианскихъ школахъ не обращалось никакого вниманія, многіе монахи просто его не знали.

Послѣ возстанія въ Варшавѣ, которое нашъ профессоръ въ своихъ письмахъ къ Тупальскому называетъ „беззаконнымъ и безумнымъ конституціоннымъ неистовствомъ, измѣною“ (nikczemna zdrada), становилось неизбѣжнымъ паденіе русской уніи. Поэтому Бобровскій не видѣлъ никакой необходимости въ образованіи особой комиссіи для исправленія богослужебныхъ книгъ и греческихъ обрядовъ, какъ предлагали нѣкоторые представители въ уніатской іерархіи.

Кромѣ ряда статей, помѣщенныхъ въ виленскихъ періодическихкихъ изданіяхъ того времени ¹⁾, изъ коихъ большая часть

¹⁾ Dzieje Dobroczynności (Дѣяніе благотворительности), Dziennik wileński (Денникъ Виленскій) издавались при главной семинаріи и универ-

помѣщена была вслѣдъ за симъ Каченовскимъ въ „Вѣстникѣ Европы“, Бобровскій составилъ: „Записки славянской библіографіи“ (предполагалъ ихъ издать), „Записки герменевтики (не изданныя); въ 1829 г. онъ напечаталъ переведенную имъ же съ нѣмецкаго на латинскій языкъ Библейскую археологію по Яну („Archaeologia Biblica.“ Т. Wilna, 1829), съ значительными дополненіями (вторая часть издана въ 1836 г., при его же участіи); затѣмъ Бобровскій составилъ, по высочайшему повелѣнію, „краткій катехизисъ“ для римско-католическаго юношества въ Россіи и большую часть пространнаго катехизиса, для того же юношества. Наконецъ, онъ готовилъ къ изданію и знаменитую супральскую рукопись ¹⁾.

Кромѣ трудовъ на своей кафедрѣ, Бобровскій принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ ученыхъ работахъ, какъ членъ совѣта главной духовной семинаріи и цензурнаго комитета. Съ 1828 г. онъ былъ настоятелемъ русской Св. Николаевской церкви и виленскимъ благочиннымъ, въ 1829 г. назначенъ соборнымъ протоіереемъ Жировицкаго кафедральнаго собора, въ 1830 г. въ качествѣ члена Жировицкой комиссіи завѣдующимъ митрополичьими имѣніями, Ваккою и Шешолями. Нельзя не упомянуть о поддержкѣ Бобровскимъ официала Антонія Сосновскаго въ его полемикѣ съ базилианскими властями, при чемъ оба брестскіе каноники содѣйствовали рѣшимости министра Шишкова къ обнародованію извѣстнаго указа 9 октября 1827 г. относительно воспрещенія принимать въ монахи

святѣ. Въ нихъ Бобровскій помѣстилъ нѣсколько статей, относящихся къ его путешествію по славянскимъ землямъ: въ Далмацію, въ Лузацію и проч. Тутъ-же и его публичныя лекціи о св. писаніи, о значеніи арабскаго языка и литературы, о существѣ Бога по пятикнижю Моисея, переводъ съ италіанскаго языка книги Совича, «О незнаніи славянскаго литературнаго языка въ Далмаціи» и проч.

¹⁾ Въ 1833 году графъ Сперанскій предполагалъ привлечь Бобровскаго къ составленію сравнительнаго словаря славянскаго языка. Въ своемъ отвѣтѣ Даниловичу по этому поводу Михаилъ Кирилловичъ, разобравъ состояніе словарей и грамматикъ у всѣхъ славянъ, приходитъ къ выводу, что такая работа преждевременная. Удивляется, почему для этой цѣли избрана Прага, а не Москва или Петербургъ? Сборн. писемъ М. К. Бобровскаго. Письмо отъ 16 февраля 1833 г. Это и нѣкоторыя другія письма Бобровскаго по славистикѣ мы печатаемъ въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» изд. В. В. Комарова, № 12 и слѣд.

лицъ, не знакомыхъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и греческими обрядами. Этотъ указъ легъ въ основаніе доклада 22 апрѣля 1828 года, коимъ намѣчены реформы въ греко-уніатской церкви, при чемъ Бобровскому полагалось поручить устройство полоцкой греко-уніатской академіи. Его же совѣтами пользовались Антоній Зубко и Тупальскій, для выбора преподавателей въ жировицкую семинарію (открытую въ 1828 г.) и при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, относившихся къ реформамъ. Іосифъ Сѣмашко велъ дѣятельную переписку съ Бобровскимъ.

Для исправленія обрядовъ греко-уніатской церкви председатель консисторіи Тупальскій предлагалъ созвать въ Петербургѣ особый комитетъ въ составѣ митрополита Булгава, епископовъ Мартусевича, Сѣроцинскаго и Сѣмашки, председателя литовской консисторіи Тупальскаго, профессора Бобровскаго и двухъ провинціаловъ (литовскаго и польскаго). Планъ этотъ остался безъ послѣдствій. Неудачу его Тупальскій приписывалъ профессору Бобровскому. По этому поводу Тупальскій писалъ ему, 8 января 1830 г., слѣдующее: вы, illustvssimus, послали епископу Сѣмашкѣ свое мнѣніе, поэтому я и вижу, что мой проектъ долженъ остаться безъ послѣдствій, и такимъ образомъ долго еще останется хаосъ въ нашемъ служебникѣ, отъ чего могутъ быть дурныя послѣдствія.“—На это Бобровскій, между прочимъ, отвѣчалъ Тупальскому (18 января 1830 г.), что его проектъ о комитетѣ не удался, потому вѣроятно, что не согласуется съ цѣлью реформъ, что въ своихъ двухъ послѣднихъ письмахъ къ Сѣмашкѣ онъ даже не касался служебниковъ и что готовъ прислать Тупальскому свои замѣчанія на уніатскій служебникъ. „Но ради чего намъ давать себѣ лишнюю работу и хлопотать надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, когда таковыя имѣются и давно уже исправлены великимъ критикомъ патріархомъ Никономъ и многими другими православными, и изданы тщательно въ Москвѣ и Кіевѣ“. (Сборн. собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго).

Еще ранѣе закрытія виленскаго университета и образованія изъ богословскаго факультета и главной семинаріи римско-католической академіи, Бобровскій получилъ, взамѣнъ Николаевскаго прихода въ Вильнѣ, Шерешевскій приходъ, близъ Пружанъ

(Гродненской губ.), съ деревнею Обрубъ въ пожизненное пользование. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны, 3 ноября 1833 года, Бобровскій писалъ епископу Юсифу Сѣмашкѣ, по поводу поданнаго имъ прошенія министру Блудову о пенсіи: „Удаленіе меня изъ университета почти на два года покрыто великодушнымъ помилованіемъ Государя Императора, который всемилостивѣйше возстановилъ меня въ прежнихъ правахъ и преимуществъ профессора.“ „Не имѣя въ Вильнѣ никакого дѣла, забравъ свою бібліотечку, завтра выѣзжаю въ Шерешево, на службу своему приходу, гдѣ, при настоятельскихъ занятіяхъ, надѣюсь имѣть спокойный кусокъ хлѣба, и буду имъ довольствоваться, хотя бы и не удалось получить эмеритуры, безъ нея же не для чего мнѣ и заниматься исполненіемъ дальнѣйшихъ обязанностей“¹⁾.

Извѣстнѣйшія иностранныя ученые общества приняли нашего филолога и богослова въ число своихъ сочленовъ: въ 1822 г. ему присланъ дипломъ на званіе члена Римской академіи древностей и свидѣтельство на званіе члена Парижскаго азіатскаго общества, въ 1827 г. на званіе члена Лондонскаго азіатскаго общества, въ 1828 г. Бобровскій избранъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей русскійскихъ. Труды профессора Бобровскаго на богословскомъ факультетѣ и въ области славянской филологіи, а равно его заслуги для греко-уніатской церкви еще ждутъ историка. Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ ученыхъ людей своего вѣка и справедливо считался украшеніемъ университета и свѣточемъ іерархіи греко-уніатской церкви своего времени.

При отъѣздѣ Бобровскаго изъ Вильны академики поднесли любимому ученѣйшему и достойнѣйшему профессору портретъ, гравированный на камнѣ съ латинскою надписью, приведенною нами въ самомъ началѣ настоящаго біографическаго очерка. (Введеніе, примѣч.: *Hanc viri doctissimi, praeseptoris suis carissimi*). Бобровскому тогда было 49 лѣтъ. (Снимокъ съ портрета приложенъ къ этой книгѣ „Русск. Стар.“) Онъ еще сохранилъ свѣжія силы и многіе годы могъ бы служить наукѣ. Но провидѣніе устроило иначе.

Къ этому изображенію виленскаго ученаго богослова и сла-

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 28 на оборотѣ. Не можемъ догадаться о какихъ здѣсь «обязанностяхъ» говорить профессоръ.

ванскаго филолога считаемъ умѣстнымъ присоединить характеристику личности профессора, данную бывшимъ ученикомъ его, протоіереемъ Янковскимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, полныхъ глубокаго чувства и совершенно правдивыхъ:

„Ей (т. е. природѣ) угодно было, чтобы покойный только исподволь и, такъ сказать, шагъ за шагомъ завоевывалъ себѣ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, отъявленный врагъ тщеславія, гордости и вообще двоедушія, Бобровскій легко могъ казаться слишкомъ требовательнымъ и тяжелымъ человѣкомъ. А какія-то антично-суровыя черты лица и какъ-бы къ нимъ подобранная интонація голоса, въ свою очередь, не предупреждали вовсе въ пользу обходительности. Между тѣмъ подъ этою причудливою оболочкою скрывалось—и то не въ глубинѣ, а тутъ же на поверхности—столько теплаго чувства, доброты и теплоты сердечной, что, при одномъ видѣ подобной находки, обезоружилась бы самая непримиримая обида, не только что предубѣжденіе. Не могъ ли кому либо нанести личную обиду тотъ, кто такъ глубоко почиталъ таинственную святыню человѣческой совѣсти, что никогда, во всю свою жизнь, не коснулся, не только укоромъ, но даже подозрѣніемъ, этого единственнаго изъ правъ ближняго, поставленнаго внѣ нашего взаимнаго суда и контроля? Настаиваемъ съ намѣреніемъ на этой благородной особенности характера профессора Бобровскаго. Она довольно рѣдка, и, что прискорбнѣе сказать, почти никогда не оцѣнивается по достоинству, при жизни человѣка, не смотря на то, что она то именно составляетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ мира на землѣ, заповѣданнаго намъ нѣкогда самими небожителями. Вотъ отъ чего, между прочимъ, общество Бобровскаго имѣло для всѣхъ рѣшительно какую-то бессознательно притягательную силу, а для него самого было такъ легко и естественно примѣняться ко всѣмъ отношеніямъ жизни, и на всѣхъ ея ступеняхъ сохранять достоинство правдиваго человѣка». „Письма покойнаго профессора Бобровскаго, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Янковскій, мы хранимъ какъ святыню. Въ нихъ онъ весь, какъ человѣкъ. Благородная душа, безцѣнное сердце, неподдѣльная веселость и слогъ, какъ во всемъ, что выходило изъ его пера, золотой ¹⁾.“

¹⁾ Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между униатами: I. Протоіерей Михаилъ Бобров-

IV.

Возсоединеніе съ православіемъ.

Спокойный уголь въ Шерешевѣ.—Михаилъ Кирилловичъ слѣдитъ за реформами обрядовъ въ униі.—Продолженіе переписки съ епископомъ Сѣмашкою и протопресвитеромъ Тупальскимъ.—Цѣль поѣздки Юсіфа Сѣмашки по епархіи въ 1834 г.—Первыя подписки.—Объясненіе хода униатскаго вопроса вилненскому базилианину Босяцкому 1835 г.—Критическое время въ униі.—Графъ Остерманъ Толстой въ Шерешевѣ, поѣздка съ нимъ Бобровскаго въ Варшаву къ Паскевичу.—Поѣздки по епархіи съ епископомъ Антоніемъ.—Ревизія Бобровскимъ Любешовскаго благочинія 1837 г. и его отзывъ.—Поѣздки въ Жировицы.—Успѣшный ходъ подписки духовенства на возсоединеніе въ Литовской епархіи.—Отклоненіе вызова въ коллегію осенью 1837 г.—Письмо Сѣмашки.—Представленіе Бобровскаго въ званіи старшаго соборнаго протоіерея и отзывъ о немъ Сѣмашки 1838 г.—Послѣдній часть пробилъ для униі.—Сужденія Бобровскаго по поводу Полоцкаго акта возсоединенія 12 февраля 1839 г.—Участіе протоіерея Бобровскаго въ торжественномъ богослуженіи въ Вильнѣ 3 сентября 1839 г.

Жизнь въ деревнѣ и занятія приходскаго священника въ соединеніи съ заботами по хозяйству служили наградою трудолюбивому заслуженному профессору и доставили ему спокойный кусокъ хлѣба и нравственное удовлетвореніе. Ничего болѣе онъ не желалъ и ни къ чему болѣе не стремился. Въ обстоятельствахъ сельскаго уединенія онъ находилъ себѣ успокоеніе. Какимъ онъ представляется въ письмахъ къ своему другу И. Н. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ, такимъ и остался онъ во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ жизни, не соглашаясь на заманчивыя предложенія и оставаясь довольнымъ своей скромной участію сельскаго пастыря. Съ переселеніемъ въ м. Шерешево „заслуженный профессоръ университета и членъ корреспондентъ

скій. Холм. мѣсяц. на 1867 г., стр. 115. Мы обращались къ дочери протоіерея Янковскаго съ просьбою доставить намъ копія съ имѣющихся у нея писемъ, но, къ сожалѣнію, она ихъ еще не розыскала, и гдѣ теперь эти письма—ей неизвѣстно.

разныхъ заграничныхъ и отечественныхъ ученыхъ обществъ принимается за отписку номерной корреспонденціи; а знаменитый философъ оріенталистъ, знавшій, при томъ, въ совершенствѣ всѣ новѣйшіе языки Европы, начинаетъ аккуратно, по воскресеніямъ и праздникамъ, произносить поученія на народномъ (червоно-русскомъ, или галицкомъ) нарѣчій, именуемомъ съ нѣкотораго времени вовсе неправильно бѣлорусскимъ“. (Янковскій).

Въ сельской обстановкѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ, въ заботахъ о своей паствѣ, объ украшеніи церкви, о семьѣ своего больного брата, поселившагося въ деревнѣ Обрубѣ (предоставленной Михаилу Кирилловичу въ пожизненное пользованіе), незамѣтно для ученаго міра прошли послѣднія пятнадцать лѣтъ этого перваго труженика русской науки въ западной Россіи. Великимъ людямъ дана способность находить въ самомъ себѣ источникъ для счастья своего и своихъ окружающихъ. Бобровскій счастливъ былъ тѣмъ, что могъ и въ своемъ скромномъ положеніи благодѣтельствовать другимъ, а какъ ученый богословъ оріенталистъ быть полезнымъ духовному начальству и своимъ ученикамъ въ жгучемъ вопросѣ воссоединенія. Какъ пастырь, онъ оказывалъ духовной власти полное повиновеніе и для исполненія ея велѣній, случалось весьма щекотливыхъ и серьезныхъ, не отказывался отъ помощи, когда къ нему обращались за нею. Въ письмахъ къ духовнымъ особамъ, не одобрявшимъ реформы обрядовъ въ униі, а тѣмъ болѣе стремленій къ воссоединенію, протоіерей Бобровскій старался внушать необходимость покоряться волѣ Божіей и дѣлать то, что велитъ совѣсть и долгъ вѣрноподданнаго. Общее благо онъ ставилъ выше всякихъ личныхъ интересовъ. Реформы обрядовъ въ странахъ католическихъ, напимѣръ въ Австріи, не могли поколебать унию, но у насъ, напротивъ, возстановленіе греческаго обряда, рано или поздно, должно было привести къ воссоединенію съ православіемъ.

Вчитываясь въ письма Михаила Кирилловича къ людямъ различныхъ партій и положеній, мы можемъ только до нѣкоторой степени открыть внутреннее міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, одно слово котораго, казалось, могло бы создать въ это тревожное время большія затрудненія для достиженія цѣли, скрытой въ апрѣльскихъ указахъ 1828 года; но эта цѣль, какъ мы знаемъ, была ясна для Бобровскаго, и онъ съ покорностію волѣ Божіей шелъ на встрѣчу событій.

„Существованіе уніи въ Литвѣ или ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Нужно покоряться Божественному промыслу. Его пути не досягаемы. Быть и существованіе уніи зависитъ не отъ преобразования обрядовъ, но отъ той цѣли, къ которой стремятся правительственныя реформы. Подписка на воссоединеніе, данная епископами, возвѣщаетъ, что уже пробилъ послѣдній часъ уніи. Дѣло священниковъ повиноваться своимъ пастырямъ, которымъ верховная власть ввѣрила свое стадо. Если нужно, я готовъ служить своему архипастырю до послѣднихъ дней своей жизни, но при этомъ не желаю занимать въ іерархіи выдающагося положенія: для этой роли берите достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ, я же ничего не желаю, кромѣ того, что мнѣ дано Высочайшею волею Государя. Нашъ мудрый Государь одинаково покровительствуетъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и никого не принуждаетъ къ измѣненію своей вѣры, добровольный переходъ въ православіе все не означаетъ нарушенія вѣротерпимости. Отвѣтъ Богу дадутъ только тѣ, которые принуждаютъ къ перемѣнѣ религіи простыхъ людей или корыстными видами, или обѣщаніями, или подстрекательствами“.

„Паденіе базилианскаго ордена и угасаніе уніи не подлежатъ сомнѣнію. Кто причиною тому—узнаютъ наши потомки.“ „Убѣждены ли вы, что можете воскресить прежнюю славу вашего Св. Троицкаго виленскаго монастыря, который держался уніи и поддерживалъ унію. Если имѣете охоту заглядывать въ архивныя свитки, покрытыя плѣсенью, то раскопайте вашъ монастырскій архивъ и тамъ найдете матеріалы для рѣшенія занимающаго васъ вопроса.“ (Письмо къ базилианину).

Въ другомъ письмѣ, по поводу закрытія базилианскихъ монастырей, ученый уніатъ замѣчаетъ, что упраздненію вообще монастырей у насъ удивляться нечего: „во время путешествія за границую, въ самыхъ могущественныхъ государствахъ, я встрѣчалъ монастыри въ развалинахъ, которыя теперь служатъ только убѣжищемъ для совъ („Słyszalem jak sowy huczą“).

„Что касается до меня, то я желалъ бы остаться до могилы въ той вѣрѣ, въ которой родился, но вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю быть вѣрнымъ слугою своего монарха, котораго считаю самымъ лучшимъ отцемъ своихъ подданныхъ, насъ всѣхъ“.

Таковъ общій смыслъ всей хранящейся у насъ и еще не опубликованной переписки М. К. Бобровскаго.

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ
БРЕСТСКІЙ ГРЕКО-УНИАТСКІЙ КАНОНИКЪ, ПРОФЕССОРЪ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
ВЪ 1814 — 1832 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 30 МАРТА 1889 Г.

ОБЪЕДИНЕНІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЪ МАРЪ.

Протопресвитеръ Тупальскій, согласно желанію Сѣмашки и самого Бобровскаго, аккуратно доводилъ до свѣдѣнія Михаила Кирилловича о всѣхъ новостяхъ изъ столицы и всѣхъ предпріятіяхъ правительства. Сообщая съ своей стороны о болѣе важныхъ событіяхъ протоіерею Сосновскому, который перешелъ въ послѣдствіи въ оппозицію, Бобровскій видимо желаетъ успокоить своего стараго пріятеля тономъ убѣжденнаго, что „унія приходитъ къ концу“, что „послѣдній часъ уніи уже пробилъ“, что „уже все кончено“. Къ сожалѣнію, отношеніе къ событіямъ дня у Антонія Сосновскаго не имѣло того равновѣсія и той широты взгляда, той многосторонней критики, какія мы видимъ въ свѣтломъ умѣ отца Михаила Бобровскаго; поэтому о. Сосновскій, съ такою ревностію заботившійся о реформѣ обрядовъ церкви, остановился на полудорогѣ и запутался въ интригахъ противниковъ воссоединенія.

Покорность волѣ Божіей, промыслу Божію, провидѣнію—господствующій мотивъ въ отвѣтахъ Бобровскаго ученому базилианину, вызывающему его на откровенность по вопросу о воссоединеніи уніатовъ съ православіемъ и дѣлающаго ему упреки. „Я сколько могъ отстаивалъ монашество, когда Брестскій капитулъ требовалъ упраздненія лучшихъ монастырей, но вы-то сами—въ состояніи ли вы удержать свой орденъ отъ паденія, а безъ монашества духовенство подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на одну или на другую сторону“.

Впечатлѣніе на читателя могло бы быть болѣе полнымъ, если бы мы имѣли всѣ тѣ письма къ профессору Бобровскому, на которыя написаны его отвѣты.

Передача полного содержанія чрезвычайно интересныхъ писемъ Бобровскаго къ епископу Сѣмашкѣ, протопресвитеру Тупальскому, игумену Св. Троицкаго монастыря Босацкому, протоіерею Сосновскому въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ расширила бы до значительныхъ размѣровъ объемъ нашего труда. Но, не желая лишить читателя возможности ознакомиться съ отношеніями ученаго, весьма вліятельнаго въ клирѣ уніата, къ нѣкоторымъ явленіямъ—въ послѣдній періодъ существованія греко-уніатской церкви, мы въ подтвержденіе сказаннаго выше дѣлаемъ изъ недавно доставленнаго намъ сборника писемъ Михайла Кирилловича самыя существенныя извлеченія.

Спустя два мѣсяца по прибытіи въ м. Шерешево, 6-го января

1834 года, протоіерей Бобровскій написалъ два письма: одно протопресвитеру Тупальскому, другое епископу Сѣмашкѣ.— „Я получилъ письмо отъ епископа (Сѣмашки) съ увѣдомленіемъ о назначеніи мнѣ эмеритуры въ 750 руб. Въ письмѣ дѣлается намекъ, что епископъ будетъ радъ служить со мною для блага клира. Эта добавка для меня какая-то министерская загадка. О происходящихъ перемѣнахъ епископъ предлагаетъ ожидать увѣдомленія изъ Жировиць. За доставленіе же таковыхъ я вамъ буду благодаренъ. Надѣюсь самъ скоро быть въ Жировицахъ“ ¹⁾.

Въ письмѣ къ епископу Сѣмашкѣ, выразивъ радость по случаю назначенія новыхъ епископовъ (Василія Лужинскаго, Антонія Зубки и Іосафата Жарскаго), чѣмъ умножается наша небольшая іерархія, Бобровскій благодаритъ за его содѣйствіе о назначеніи ему эмеритуры. „Мнѣ извѣстны были препятствія, которыя нужно было преодолѣть въ двухъ министерствахъ; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія моимъ ходатаемъ былъ князь Долгоруковъ (виленскій военный губернаторъ), но въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго больше зависѣлъ исходъ моего дѣла, я никого не имѣлъ, кто могъ бы оправдать прежнія мои прегрѣшенія—прости Господи автору ихъ Целикану,—кромѣ вашего преосвященства, за что готовъ платить вамъ вѣчною благодарностью и готовъ служить клиру при своемъ владыкѣ, заботящемся о его благѣ“ ²⁾.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 года собравшіеся въ столицѣ греко-уніатскіе епископы составили постановленіе о введеніи въ богослуженіи уніатовъ церковно-славянскихъ книгъ московской печати и выработали извѣстнаго рода программу, относительно очищенія обрядовъ и обычаевъ, измѣненныхъ въ русской церкви, вслѣдствіе вліянія латинизаторовъ, преимущественно базилианъ. Наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе предположеній, клонившихся къ возсоединенію уніи съ православіемъ, возлагалось въ литовской епархіи на епископа Іосифа Сѣмашку, а въ

¹⁾ Сборникъ писемъ Михаила Кирилловича Бобровскаго съ 1830 по 1847 годъ. Л. 29.

²⁾ «I zato wdzięcznością się wyplacać będę do ostatniego tchu życia mojego, a mając za czem będzie mi z zaszcytem służyć klerowi przy boku starającego się o dobro swoich Pasterza». Тамъ же, л. 29 об.

Бѣлоруссіи на викарнаго епископа (Оршанскаго) Василія Лужинскаго ¹⁾.

У М. К. Бобровскаго, на поляхъ письма къ Іосифу Сѣмашкѣ (отъ 16-го октября 1834 года), записано слѣдующее: „Епископу Іосифу Сѣмашкѣ назначено 1000 руб. сер. изъ суммы, опредѣленной на будущую полоцкую академію, для обозрѣнія своей епархіи съ цѣлью введенія обрядовъ восточной церкви. Обозрѣніе свое онъ началъ въ іюль. 2-го іюля былъ въ Пружанѣ (14 в. отъ Шерешева), 3-го въ Кобринѣ, далѣе на Волини. 3-го августа въ Высоко-Литовскѣ, 4-го въ Клещеляхъ, 5-го въ Бѣльскѣ, 6-го въ Супрасли, потомъ въ Гроднѣ, въ первыхъ числахъ сентября навѣстилъ благочинія Лидскаго и Новоградскаго уѣздовъ. Вездѣ присутствовалъ при отправленіи литургіи, исправлялъ сдѣланныя въ ней измѣненія, поручалъ священникамъ держаться уставовъ восточной церкви, чтобы бросили обряды латинниковъ, органы, колокольчики, присѣданіе на колѣнахъ (przysłękanie), чтобы для ознакомленія съ церковными уставами обращались въ Жировицы, чтобы согласно восточной церкви устроили иконостасы, ризы и церковные сосуды, чтобы посылали своихъ сыновей въ духовныя училища: Жировицкое, Кобринское и Супрасльское. Благочиннымъ поручалъ наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе этихъ и имъ подобныхъ распоряженій или изъ коллегіи присланныхъ, или имъ данныхъ“ ²⁾.

Въ началѣ сентября Іосифъ Сѣмашко возвратился со своей поѣздки въ Жировицы и пожелалъ видѣться съ протоіереемъ М. Бобровскимъ. Но болѣзнь глазъ воспрепятствовала послѣднему удовлетворить желанію епископа. Отвѣчая съ соболѣзнованіемъ Сѣмашкѣ, Михаилъ Кирилловичъ не теряетъ надежды видѣть своего пастыря будущею весною. „Я буду счастливъ,

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, т. I, стр. 79, прил. № 55, стр. 663, 664.—«По униатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества наданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ они позднѣе. Важнѣйшій недостатокъ этихъ книгъ—небрежность въ отношеніи обрядовъ богослуженія. Величественные и прекрасные обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены, внутреннее устройство церкви и самыхъ священныхъ облаченій и церковной утвари измѣнено, выведены изъ употребленія нѣкоторыя церковныя моленія». Слѣди это мѣсто съ письмомъ Бобровскаго къ Тупальскому въ январѣ 1830 г. по поводу богослужебныхъ книгъ.

²⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 30. Сравни въ «Запискахъ митрополита Іосифа», т. I, стр. 664.

если мнѣ Богъ позволить видѣться съ своимъ пастыремъ, вмѣстѣ съ другими, стремящимися привести къ единству вѣры нашихъ предковъ и къ миру во Христѣ *)“.

Но Сѣмашко не пріѣхалъ въ Жировицы ни въ 1835, ни 1836 годахъ. Многія обстоятельства были тому причиною.

Съ прошедшаго 1833 года начались подписки на воссоединеніе: первыми подписались епископы: Сѣмашко, Лужинскій, Зубко и Жарскій (последній, не смотря на то, что принадлежалъ базилианскому ордену). Затѣмъ, во время лѣтней поѣздки 1834 г. для ревизіи полоцкой семинаріи и выше намѣченнаго объѣзда литовской епархіи, Сѣмашкѣ удалось получить еще подписки, но не болѣе какъ отъ десяти лицъ: отъ засѣдателя коллегіи В. Маркевича, предсѣдателя Литовской консисторіи А. Тупальскаго, вице-предсѣдателей обѣихъ консисторій, М. Голубовича и Конюшевскаго, ректоровъ жировицкой и полоцкой семинаріи, И. Гомолицкаго и М. Шелепина, и еще отъ четырехъ. Подписавшіеся на воссоединеніе занимали извѣстные посты и были большею частію воспитанниками главной духовной семинаріи; согласіе свое на подписку шесть духовныхъ особъ, изъ 10, обусловливали общимъ воссоединеніемъ всѣхъ униатовъ, по примѣру своего епархіальнаго начальства, „которому, по словамъ св. Писанія, должно повиноваться“, и дозволеніемъ оставаться безъ бороды и въ нынѣшнемъ платьѣ. Въ числѣ подписавшихся былъ только одинъ благочинный (Дорогичинскій) Горбацевичъ, занимавшій тогда мѣсто засѣдателя консисторіи.

Такой результатъ нельзя было назвать успѣшнымъ и это обстоятельство, какъ увидимъ, имѣло не совсѣмъ хорошія послѣдствія, особенно въ бѣлорусской епархіи.

Слухи о подпискѣ, данной епископами и только нѣкоторыми изъ духовныхъ должностныхъ лицъ въ 1834 г., не могли оставаться тайною въ епархіяхъ. Настоятель виленскаго Св.-Троицкаго базилианскаго монастыря Викторъ Босяцкій въ письмѣ къ Михаилу Кирилловичу отвѣтственность за паденіе русской униатской церкви приписывалъ бѣлому духовенству и призывалъ оное

*) Сборн. пис., т. 30. — Письмо къ епископу І. Сѣмашкѣ 16-го сентября 1834 г. изъ Шерешева. Въ концѣ приписка: «Посылаю вашему преосвященству послѣднюю мою виленскую работу, изд. въ 1834 г. подъ заглавіемъ: «Katechizm większy» (Катехизисъ бдльшій) въ такомъ переплетѣ, какой можно было сдѣлать въ Шерешевѣ».

къ покаянію. Такое обвиненіе не понравилось шерешевскому отшельнику. Бобровскій послалъ къ Босацкому отъ 21 января 1835 г. (№ 3) длинное посланіе. Въ виду большой важности этого документа мы должны познакомить читателя съ содержаніемъ отвѣта Бобровскаго нѣсколько подробнѣе. Кромѣ историческаго интереса, его посланіе къ монаху базилианину объясняетъ взглядъ перваго на близившійся къ разрѣшенію вопросъ о воссоединеніи и его личное отношеніе къ этому вопросу.

Свое посланіе протоіерей Бобровскій начинаетъ обращеніемъ къ настоятелю въ такихъ выраженіяхъ, какія употребляли „наши предки“ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ:

„Преподобному отцу Босацкому отецъ Михаилъ Кирилловичъ желаетъ здравія“.

„Наклоненіе къ упадку базилианскаго ордена и самой уніи, преподобный отецъ, кажется, приписываешь дѣйствіямъ свѣтскаго клира греко-уніатской церкви, между которыми и меня считаешь, такъ какъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, упомянувъ о нынѣшней реформѣ обрядовъ нашей церкви, восклицаешь тономъ, взывающимъ къ покаянію: „Uderzcie się w piersi za wasze robotki“ (что значитъ: „ударьте себя по груди за ваши дѣла“).

„Это несправедливо. Когда дѣло шло о секуляризаціи самыхъ значительныхъ монастырей, виленскаго и жировицкаго, и объ обращеніи въ приходскія церкви мелкихъ монастырей, я совѣтовалъ, насколько могъ, офиціалу Тупальскому падить орденъ базилианскій, какъ единственную опору уніи, съ паденіемъ или ослабленіемъ котораго клиръ не въ состояніи будетъ остаться при уніи: „разсыпанный мелкими семьями и приниженный ничтою, онъ, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на ту или другую сторону“. Мнѣ извѣстны, однако, настоятельныя дѣйствія, особенно предсѣдателя капитула Янковскаго и бывшаго офиціала Сосновскаго, подавшихъ представленія въ столицу о возвращеніи захваченныхъ базилианами фундушей, съ цѣлію устройства брестской каеодры, епархіальной семинаріи, брестскаго капитула и проч. Я даже читалъ нѣкоторые изъ этихъ отзыовъ, но эти отзывы, по своему положенію, я не подписывалъ.

„Въ Жировицахъ, въ качествѣ вице-предсѣдателя консисторіи, я былъ приглашенъ (январь 1826 г.) для рѣшенія спора между клиромъ и орденомъ, относительно фундушей семинаріи: покойный Каминскій упорно отстаивалъ неприкосновенность фундушей

своего ордена. Тѣмъ дѣло и кончилось. Были отзывы въ столицу отъ Сосновскаго о неудобствахъ соединенія униатовъ съ латынянами въ главной семинаріи, отъ чего семинаристы-униаты приобрѣтають наклонность къ латинскимъ обрядамъ и такимъ способомъ латинизируютъ и отмѣняютъ греческіе обряды, которые уже давно искажены латинниками и которые поэтому должно исправить, возвратясь къ обрядамъ, сохраняемымъ въ греко-восточной церкви“.

„Вопросы эти разрѣшились: сначала отдѣленіемъ греко-униатскихъ клириковъ отъ латинскихъ, потомъ прекращеніемъ пріема ихъ въ главную семинарію, проектомъ устройства полоцкой академіи, а для образованія дѣтей священниковъ для духовнаго или свѣтскаго состоянія устроены семинаріи жировицкая и полоцкая и духовныя училища въ Кобринѣ, Супрасли, Борунѣ и т. п. Къ чему стремится жировицкая семинарія—можно видѣть изъ рѣчи ея инспектора Фердинанда Гомолицкаго, напечатанной въ Гроднѣ въ 1834 г. Хотя къ секуляризаціи базилианскихъ монастырей и къ реформѣ обрядовъ церкви привели недоразумѣнія и споры между орденомъ и свѣтскимъ клиромъ, но эти обстоятельства могутъ служить только предлогомъ къ кореннымъ перемѣнамъ, истинныхъ же причинъ мы не знаемъ и знать намъ объ этомъ не годится. Пусть же сами латинники скажутъ, почему закрываютъ ихъ монастыри? уменьшаютъ ихъ приходы? Почему намъ, греко-униатамъ, воспрещается совмѣстная служба съ католиками? Все это дѣло промысла Божія. Его пути не досягаемы. Только наши потомки объ этомъ узнаютъ. Существованіе уни и ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Быть и существованіе ея зависитъ не отъ реформы обрядовъ, но отъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится реформа“....

Разсказавъ исторію упадка уни со временъ Лисовскаго и до настоящаго времени (1835 г.), когда теперь дѣло сближенія ея съ греко-россійской церковью подвигается гигантскими шагами, и упомянувъ объ отзывѣ холмскаго епископа, который не соглашается на предложеніе — о совмѣстномъ дѣйствіи съ русскими униатами въ Литвѣ, Бобровскій заключаетъ: „если справедливо, что наши епископы, не исключая Жарскаго, дали подписки на присоединеніе къ православію — то уже насталъ конецъ уни въ Литвѣ—, to juz po unii w Litwie“.

Въ заключеніе, упомянувъ о вѣротерпимости государя, не

принуждающаго мѣнять свою религію, и осудивъ принужденіе народа къ перемѣнѣ религіи разными льстивыми обѣщаніями—чѣмъ нарушается общественное спокойствіе—Михаилъ Кирилловичъ такъ заканчиваетъ свое посланіе: „Тебѣ вѣренъ Свято-Троицкій монастырь, который постоянно держался уніи и удерживалъ унію, и тебѣ, какъ настоятелю, слѣдуетъ поступать по своему убѣжденію: защищай—если можешь спасти славу своего ордена. Однако, ты сдѣлалъ бы большую услугу, если бы собралъ матеріалы, относящіяся къ дѣламъ падающаго своего ордена и угасающей церкви уніатской. Имѣешь подъ рукою архивъ и можешь обо всемъ знать лучше всякаго другаго; при хозяйскихъ хлопотахъ это будетъ служить развлеченіемъ для любящаго заглядывать въ архивные свитки, покрытые плѣсенію. Пишу тебѣ откровенно, сохрани все для себя, потому что можетъ быть нѣкоторыя вещи преждевременно вырвались изъ-подъ моего пера“¹⁾.

Опасенія Михаила Кирилловича о распространеніи волненія въ народѣ и духовенствѣ, по поводу распространенныхъ слуховъ и частныхъ обращеній уніатовъ въ православіе (при чемъ не обходилось безъ насилій), особенно въ мѣстахъ, прилегавшихъ къ православнымъ епархіямъ, къ сожалѣнію, оказались справедливыми. Помѣщики и латинскіе священники, особенно монахи, раздражали народное спокойствіе. Въ народѣ они распускали смутные толки. Въ эту интригу вовлекались нѣкоторые уніатскіе священники; къ числу ихъ принадлежали даже протоіереи, какъ, напримѣръ, А. Сосновскій. Онъ полагалъ, конечно, ошибочно, что съ паденіемъ базилианскаго ордена унія все-таки можетъ существовать, и сталъ возбуждать духовенство бѣлостокской области къ противодѣйствію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прихожане уніаты крестили новорожденныхъ въ римскую вѣру, чтобы таковые не были православными. Толки о насильномъ обращеніи уніатовъ доходили до столицы и возбуждали колебанія въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ правительственныхъ органовъ. Самъ Іосифъ Сѣмашко, чувствуя неустойчивость положенія уніатскаго вопроса, готовился принять православіе и, лѣтомъ 1836 года, уполномочилъ

¹⁾ Сборникъ писемъ Бобровскаго, л. 31, 32. Письмо 21 января 1836 года изъ Шерешева: Превелебному отцу Виктору Бозяцкому, настоятелю Св.-Троицкаго базилианскаго монастыря.

своего викарнаго епископа Антонія Зубку дѣйствовать въ литовской епархіи по своему усмотрѣнію.

Время съ 1835 года было крайне тягостнымъ для протоіерея Бобровскаго, который лично желалъ оставаться греко-уніатомъ, хотя паденіе уніи считалъ неизбѣжнымъ; рѣшеніе, принятое въ Жировицахъ нѣкоторыми его друзьями, его учениками, казалось ему преждевременнымъ и, главное, неосторожно оглашеннымъ. По своему авторитету профессора и по тому глубокому уваженію, которымъ онъ повсемѣстно пользовался, Бобровскій, однако, не могъ не сознавать, что ему нельзя долѣе остаться совершенно въ сторонѣ отъ дѣла, такъ близко касавшагося интересовъ всего духовенства и спокойствія сотней тысячъ народа. Обстоятельства оказались сильнѣе его доброй воли. Жировицкій кружокъ, имъ навѣщаемый и такъ имъ любимый, и посѣщавшіе перешевское его уединеніе ученики его должны были вызвать въ почтенномъ профессорѣ рѣшимость обнаружить болѣе твердо свой образъ мыслей. Его согласіе на подписку несомнѣнно должно было привлечь сотни колебавшихся священниковъ. Дѣло становилось весьма серіознымъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы будемъ слѣдовать письмамъ и фактамъ, не подлежащимъ сомнѣнію, чтобы объяснить поводы къ принятому протоіереемъ Бобровскимъ рѣшенію въ зиму съ 1836 по 1837 годъ.

Въ ноябрѣ 1835 г. Михаилъ Кирилловичъ, совершенно неожиданно, получилъ письмо отъ графа Остермана-Толстаго, который жилъ въ своемъ имѣніи Остермановкѣ, Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губ. Графъ Остерманъ приглашалъ Бобровскаго проѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, чтобы навѣстить намѣстника Царства Польскаго графа Паскевича. Бобровскій отвѣчалъ: „Въ своей жизни я ничего не имѣлъ болѣе желаннаго, какъ получить отъ васъ письмо съ выраженіемъ теплаго участія“.

Далѣе Михаилъ Кирилловичъ поздравляетъ графа Остермана съ высочайше пожалованнымъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, говоритъ, что самъ собирался писать къ нему ранѣе и изъявляетъ готовность исполнить что ему будетъ угодно и сопроводить его въ Варшаву.

„Не богатъ мой домикъ, но какъ я счастливъ тѣмъ, что вы желаете навѣститъ въ немъ слугу своего. Съ живѣшимъ нетер-

пѣніемъ буду ожидать этой минуты, драгоценной для моего благодарнаго сердца“.

Въ тотъ же день Бобровскій написалъ письмо къ Іосифу Сѣмашкѣ, о разрѣшеніи ему отпуска, съ передачею, на время отсутствія, управленія приходомъ викарному свящ. М. Савинскому, человѣку испытанному.

„Извѣстный своимъ самоотверженіемъ подъ Кульмомъ генералъ Остерманъ Толстой приглашаетъ меня сопутствовать ему въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, для засвидѣтельствованія своего почтенія князю Варшавскому, и выражаетъ намѣреніе проѣздомъ остановиться на ночлегъ въ моемъ шерешевскомъ домикѣ. Отсюда онъ меня возьметъ съ собою. Помня исключительное вниманіе этого героя, когда я сопутствовалъ ему изъ Рима въ Неаполь, и его высокое покровительство, благодаря которому я возвращенъ былъ къ обязанностямъ профессорскимъ (1825—1826 гг.) я не могъ не согласиться на его предложеніе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, если получу на то разрѣшеніе моего духовнаго начальства“ и проч. ¹⁾.

Имѣло ли путешествіе Бобровскаго съ Остерманомъ-Толстымъ къ графу Паскевичу какое-либо отношеніе къ движенію части униатскаго духовенства въ холмской епархіи — сказать не можемъ но должны замѣтить, что въ польскомъ греко-униатскомъ духовенствѣ вовсе не было той подготовки къ реформамъ въ церкви съ цѣлью восстановленія чистоты греческихъ обрядовъ, какую получила исподволь извѣстная часть духовенства въ русской униі въслѣдствіе борьбы съ базилианами. Благодаря такой подготовкѣ, особенно благодаря условіямъ образованія въ главной духовной семинаріи, въ литовской Руси могло совершиться спокойно преобразование въ обрядахъ, подготовившее пути къ воссоединенію. Въ необходимости реформъ съ цѣлію восстановленія чистоты греческаго обряда были убѣждены наиболѣе просвѣщенные изъ униатовъ, особенно же бывшіе воспитанники главной семинаріи; массу необразованнаго духовенства необходимо было, однако, убѣдить, что реформы обрядовъ не одно и то-же, что воссоединеніе съ православіемъ и что, напротивъ, сохраненіе ла-

¹⁾ Сборникъ писемъ, т. 33, 34. Письма изъ Шерешева 15 ноября 1833 года графу Остерману-Толстому и епископу Сѣмашкѣ.

тинскихъ обрядовъ въ уніи только искажаетъ смыслъ греко-уніатской церкви, какъ церкви греко-славянской, устроенной въ IX ст. Епископъ Антоній Зубко, жившій въ Жировицахъ, въ этомъ центрѣ интеллигенціи греко-уніатской церкви того времени, съ ревностію глубоко убѣжденнаго о преимуществахъ греческихъ обрядовъ передъ латинскими, совершалъ многократныя поѣздки по литовской епархіи, съ цѣлію объясненія таковыхъ и для указанія, что они происходятъ преемственно отъ древней апостольской церкви. Но случалось, что и ему не подъ силу было бороться съ предубѣжденіемъ упорствовавшихъ скептиковъ. Въ такихъ случаяхъ епископу приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ ученому слависту. „При объѣздѣ моемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, говоритъ Антоній Зубко, я бралъ съ собою знаменитаго въ то время протоіерея Михаила Бобровскаго, бывшаго профессора виленскаго университета. Изъ Рима рапортовалъ онъ объ упадкѣ просвѣщенія въ папской области и о господствующемъ тамъ фанатизмѣ. Мнѣ рассказывали ученики Бобровскаго, что онъ публично въ аудиторіи, когда одинъ изъ учениковъ назвалъ греко-россійскую церковь схизматическою, отозвался: „они ли, или мы схизматики, объ этомъ Богу, а не намъ, судить“. Впрочемъ, по многостороннему образованію и добродушію, онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикою. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-уніатское духовенство. Бобровскій, при разъѣздахъ со мною, подтверждалъ своимъ авторитетомъ мое ученіе и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ“ ¹⁾).

Но къ содѣйствію протоіерея Бобровскаго приходилось прибѣгать и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ концѣ 1836 года ему поручено было произвести ревизію Любешовскаго благочинія (Пинскаго уѣзда) для его усмиренія и введенія порядка въ управленіи богослуженія по греческому обряду, а также для устраненія какихъ-то злоупотребленій. Въ концѣ февраля мѣсяца 1837 года протопресвитеръ Тупальскій писалъ Бобровскому слѣдующее: „Вѣроятно, ваша ревизія церквей приходитъ къ окончанію, необходимо вмѣстѣ съ Любешовскимъ благочиннымъ

¹⁾ Антоній Зубко. О греко-уніатской церкви въ западномъ краѣ, «Русск. Вѣстн.» 1864 г., стр. 330, 331.

составить списокъ церквей всего благочинія и раздѣлить оное на три или четыре округа, назначивъ въ каждомъ вице-благочиннаго, изъ числа достойнѣйшихъ священниковъ. Мнѣ вѣжется, что должно было обнаружиться много безпорядковъ, какъ то: не употребляется 5 просфоръ въ проскомидіи; богослуженіе отправляется по старымъ служебникамъ въ прежнихъ короткихъ ризахъ; послѣ возгласа „вонмемъ! святая святыхъ“ не вливаютъ въ вино теплоты; не закрываютъ царскихъ вратъ, согласно описанію въ служебникѣ; служатъ литургію читанную и не соблюдаютъ на выходахъ кажденія; причастіе даютъ по прежнему, а не въ царскихъ вратахъ; послѣ „со страхомъ Божиимъ“ вытираютъ чашу въ алтарѣ, а не у жертвенника и т. д. Но, какъ слышно, за эти отступленія хорошо платятъ благочинному; переви большею частію запущены; благочинный, будучи самъ вотчиннымъ владѣльцемъ, допускаетъ всѣ эти послабленія, за что и пользуется благодѣянiami помѣщиковъ“. Въ заключеніе Тупальскій извѣщаетъ Бобровскаго, что именнымъ указомъ уніаты подчинены оберъ-прокурору св. Синода, которымъ назначенъ графъ Протасовъ, знакомый ему по Жировицамъ, и проситъ Михаила Кирилловича прибыть въ Жировицы для различныхъ объясненій послѣ такой важной ревизіи, иначе придется его беспокоить перепискою.

Письмо предсѣдателя консисторіи Тупальскаго (отъ 27-го февраля) не захватило Бобровскаго въ Гнѣвчицахъ и доставлено благочиннымъ Олешевичемъ въ Шерешево. Въ своемъ отвѣтѣ (18-го марта) Михаилъ Кирилловичъ сожалѣетъ, что несвоевременное полученіе имъ письма лишило его возможности заѣхать въ Жировицы, чтобы удовлетворить любопытству господъ (рапоу). „Кто это такія удивительныя вещи разбарабанилъ о Любешевскомъ благочиніи? я же въ немъ нашелъ соблюденіе всѣхъ консисторскихъ указовъ, относящихся въ реформѣ нашихъ обрядовъ; напротивъ, священники тамъ болѣе склонны въ нимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чѣмъ даже въ нашемъ Пружанскомъ благочиніи. Правда, они не дѣлаютъ только одного: не вливаютъ теплой воды (теплоты) въ чашу передъ употребленіемъ евхаристіи, но и въ каедрѣ Жировицкой этого не дѣлали, когда я былъ у васъ осенью; вливаніе теплоты въ чашу съ виномъ введено еще не давно, о чемъ не только не

было указа, но такой обычай не существуетъ въ древнихъ греческихъ служебникахъ, а введенъ на литургіи въ холодномъ климатѣ, чтобы распушить замерзшее вино въ чашѣ. При введеніи реформъ нашихъ обрядовъ начали требовать такихъ мелочей, какихъ нѣтъ у самихъ православныхъ. Мнѣ рассказывали въ Пинсѣ, что епископъ Антоній Зубко, будучи тамъ проездомъ изъ Тороканъ на ревизію церквей Слуцкаго благочинія (въ январѣ сего года), замѣтилъ на престолѣ въ церкви Пинскаго православнаго монастыря чашу (puszka), а не кивотъ. На его указаніе архимандриту объ отступленіи, не согласномъ съ обрядами восточной церкви, получилъ отвѣтъ, что это вполне прилично. Точно также архимандритъ нашель, что старый нашъ (греко-уніатскій) служебникъ вполне согласенъ съ порядкомъ службы (здѣсь все на ряду). „Надлежало бы желать, чтобы и у насъ (православныхъ) издавались подобные служебники, тогда не надобно было во время литургіи переворачивать нѣсколько книгъ» *Tibi solo*.

Въ заключеніе своего посланія Бобровскій энергично защищаетъ благочиннаго Олешкевича. «Распорядительностію и осторожностію въ своихъ требованіяхъ онъ достигъ того, что всѣ священники его благочинія приняли рѣшительно все то, чего желало начальство, и онъ ни одного не скомпроментировалъ, подобно другимъ благочиннымъ, поступавшимъ неосторожно, съ горячностію и поспѣшностію. Ни одинъ священникъ не заявилъ мнѣ жалобы на него о взяточничествѣ. Въ прежнія времена, пожалуй, водилось, что священники давали подарочки даже и ревизующимъ. Теперь же бѣдные священники сами должны пахать и косить сѣно.... Ктиторы, лишившись своего права, не даютъ имъ теперь даже работниковъ» ¹⁾.

П. О. Вобровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 36, 37.—Письмо Тупальскаго (подлинное) 27-го февраля 1837 г. Письмо Бобровскаго, 18-го марта 1837 г.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

IV ¹⁾.

Изъ предшествовавшей главы мы видѣли, что послѣдними дѣйствіями Н. И. Евдокимова русская власть окончательно утвердилась на значительной части плоскости большой Чечни. Что касается малой Чечни, то тамъ все пространство между Сунжею и предгоріями давно уже было въ нашихъ рукахъ; но небольшая часть жителей, не пожелавшая остаться въ расположенныхъ на плоскости покорныхъ аулахъ, ушла на передовые уступы Черныхъ горъ, въ рѣчныя ущелья, и тутъ въ мѣстахъ малодоступныхъ основала новые поселки, куда укрывались и бѣглецы изъ мирныхъ обществъ, преслѣдуемые за разныя преступленія. Такимъ образомъ, въ этихъ притонахъ скопилось населеніе изъ самыхъ враждебныхъ намъ элементовъ, отличавшееся своею воинственностію. Шамиль очень дорожилъ этими людьми, какъ надежною преградою на пути движеній нашихъ въ горы, какъ джигитами, всегда готовыми тревожить нашу кавказскую линію; ближайшимъ къ нимъ аргунскимъ обществамъ онъ приказалъ, въ случаѣ опасности, немедленно оказывать имъ помощь.

Николай Ивановичъ, держась своей постоянной системы: не увлекаться впередъ, не обезпечивъ своего тыла и фланговъ, и предвидя, что вышепомянутые удалцы могутъ сильно навредить

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; томъ LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506.

намъ при имѣвшемся въ виду овладѣніи Черными горами, рѣшился, во что бы то ни стало, истребить ихъ гнѣздо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближе ознакомиться съ занимаемымъ ими участкомъ нагорнаго пространства, которое въ недалекомъ будущемъ могло сдѣлаться театромъ еще болѣе серьезныхъ дѣйствій.

Около середины октября 1857 г. онъ исподволь стянулъ отдѣльныя части своихъ войскъ въ кр. Грозную, Бердыкель и въ ауламъ: большой Чечень и Алханъ-Юртъ, и сталъ распускать слухи о намѣреніи своемъ двинуться на р. Бассъ (т. е. въ совершенно противоположную сторону отъ намѣченнаго пункта). Непріятель вдался въ обманъ и стянулъ туда всѣ свои силы, оставивъ прочія мѣста почти безъ наблюденія; а тѣмъ временемъ войска наши, выступивъ изъ мѣстъ своего расположенія, ночью на 19 октября, къ разсвѣту уже соединились на переправѣ черезъ р. Гойту, подъ общимъ названіемъ Гойтенскаго отряда (10½ баталіоновъ, 22 сотни казаковъ и милиціи, при 26-ти орудіяхъ). Благодаря отвлеченію горцевъ въ другую сторону, отрядъ этотъ безпрепятственно дошелъ до Гойтенскаго ущелья, у самаго входа въ которое открылись враждебныя аулы, густою цѣпью покрывавшіе все нагорное пространство между рр. Мартаномъ и Энгеликомъ.

Ключемъ къ обладанію всею окрестною мѣстностію являлся аулъ Чижногой, на который Н. И. Евдокимовъ и повелъ (20 октября) главную атаку двумя колоннами, подъ предводительствомъ генераль-маіоровъ: Мищенко и Кемпферта. Давно уже войскамъ нашимъ не приходилось встрѣчать такого сопротивленія, какое ожидало ихъ здѣсь: абреки, настигнутые въ своемъ мнимо-недоступномъ убѣжищѣ, дрались какъ изступленные; выбиваемые изъ ауловъ, они не отступали, но, сплотившись, снова бросались въ шашки и гибли на штыкахъ. Вопреки ихъ отчаянной храбрости наши солдаты неудержимо стремились впередъ, овладѣли ауломъ Чижногой и добрались до самаго хребта лежащей за нимъ высоты, гдѣ Н. И. Евдокимовъ остановилъ ихъ, приказалъ занять позицію и укрѣпиться. Подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля устроено было нѣсколько заваловъ и редуть; много ауловъ было предано пламени; перестрѣлка продолжалась до поздняго вечера.

Бой 20 октября хотя стоилъ намъ не дешево (болѣе 100 чел.

выбыло изъ строя), но за то онъ сильно озадачилъ противниковъ и рѣшилъ судьбу непокорнаго населенія, гнѣздившагося между Аргуномъ и Мартаномъ. Успѣхъ сего дня послужилъ основою для послѣдующей удачности дѣйствій нашихъ въ этомъ періодѣ экспедиціи.

Слѣдующіе три дня были посвящены истребленію враждебныхъ ауловъ и рекогносцировкамъ окрестной мѣстности, при чемъ упавшіе духомъ чеченцы почти не оказывали намъ сопротивленія мало-мальски энергическаго. Тогда Н. И. Евдокимовъ, покончивъ съ передовымъ горнымъ пространствомъ между Мартаномъ и Гойтою, рѣшился сдѣлать то-же самое и на сосѣдномъ восточномъ участкѣ, вплоть до Воздвиженской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмотрѣть мѣстность, для проложенія прямаго пути отъ названной вѣрности до мартановскаго ущелья, по самымъ подошвамъ Черныхъ горъ.

Съ 23 по 26 октября войска занимались рубкою лѣса между рр. Гойтою и Ангеликомъ, устройствомъ переправъ, рекогносцировками и т. п. Шамиль, встревоженный нашими послѣдними дѣйствіями въ горахъ Малой Чечни, послалъ на помощь мѣстнымъ жителямъ нѣсколько тысячъ тавлинцевъ съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ сына своего, Джемаль-Эдина; но послѣдній, вѣроятно убѣдившись въ бесполезности всякаго серьезнаго сопротивленія, не пошелъ далѣе верховьевъ ущелья рѣки Гойты, ограничивался наблюденіемъ за нами и легкою перестрѣлкою съ дальняго разстоянія.

Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ, добравшись до Ангелика, сталъ распоряжаться тамъ такъ же, какъ на Гойтѣ и Мартанѣ, не смотря на то, что непріятель успѣлъ собрать противъ него довольно крупная скопища. Благодаря искусному развлеченію силъ и вниманія горцевъ, ангеликскіе аулы были заняты нами почти безпрепятственно и преданы пламени. Непріятель такъ упалъ духомъ, что даже не преслѣдовалъ нашихъ войскъ во время ихъ отступленія въ отрядный лагерь, расположенный у разрушеннаго аула Устархана (на Гойтѣ). Столь же спокойно прошелъ отрядъ и въ вр. Воздвиженскую (28 числа), прямою дорогою по подошвамъ горъ, гдѣ мѣстность представляла чеченцамъ всѣ удобства для нанесенія намъ вреда.

Князь Барятинскій, получивъ донесеніе объ одержанныхъ

Евдокимовымъ успѣхахъ, привѣтствовалъ его слѣдующимъ письмомъ:

„Поспѣшаю, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, душевно благодарить васъ за блестящее начало вашихъ зимнихъ дѣйствій и посылаю вамъ при семъ добрую горсть георгиевскихъ крестовъ, для возложенія ихъ на достойнѣйшихъ изъ вашихъ сотрудниковъ; благодарите также всѣхъ отъ меня участвовавшихъ въ прекрасныхъ дѣлахъ въ Малой Чечнѣ, и въ особенности благодарю генераловъ Кемпферта и Мищенко; васъ же, любезный Николай Ивановичъ, обнимаю сердечно, и увѣренъ, что дѣйствія ваши въ Аухѣ, о которыхъ донесеніе ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ, будутъ также увѣнчаны полнымъ успѣхомъ ¹⁾).

Хотя въ Малой Чечнѣ оставалось еще не мало работы, но необходимость подать руку войскамъ Прикаспійскаго края, при современныхъ ихъ дѣйствіяхъ на сѣверо-востокѣ Кавказа, заставила Н. И. Евдокимова направить туда же свои главныя силы. Малую Чечню онъ, однако, изъ виду не выпускалъ, и рѣшилъ посѣтить ее опять еще въ теченіи текущей зимы.

29-го октября войска его перешли къ Бердыкелю, а 1-го ноября двинулись по направленію на аулы: Чухумъ-Барзъ и Агшпатай; въ то же время, другой отрядъ, подъ начальствомъ барона Николаи, стоявшій на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и занялъ съ боя Эспенъ-ауль. Направленіе, данное нашимъ войскамъ, заставило Шамиля предполагать, что мы затѣваемъ экспедицію въ глубь Большой Чечни и движемся или вверхъ по Мичику, или по старой дорогѣ генерала Граббе. Вслѣдствіе сего имамъ стаянулъ туда свои главныя силы и принялъ личное надъ ними начальство. Къ какому нибудь серьезнымъ дѣйствіямъ онъ, однако, не приступалъ и ограничивался болѣе наблюденіемъ за нами; такъ что войска Н. И. Евдокимова почти безпрепятственно подавались впередъ, рубя лѣсъ и производя рекогносцировки.

Шамиль, уже имѣвшій случаи оцѣнить своего противника по достоинству, конечно, опасался и на этотъ разъ какой нибудь неожиданной съ его стороны выходки и съ особою бди-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43. Письмо кн. Барятинскаго отъ 16-го ноября.

тельностью слѣдилъ за всѣмъ, что предприметь „Учгѣзъ“. По слѣдній, имѣя въ виду двинуться въ земли ауховскаго общества, также хорошо понималъ, какъ важно было предупредить тамъ непріятеля и какъ необходимо было для этого ускользнуть, хотя на время, отъ его бдительности. На сей конецъ, прибывъ къ вечеру 4-го числа на Хоби-Шавдонъ, онъ оставилъ тамъ на ночлегѣ соединившуюся съ нимъ колонну барона Николаи, а самъ съ остальными войсками перешелъ, подъ покровомъ ночной темноты, къ укрѣпленію Куринскому. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня присоединилась къ нему опять остававшаяся на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ колонна, и весь отрядъ двинулся къ Яманъ-Су.

Тутъ только Шамиль разгадалъ настоящія наши намѣренія. Выбравъ изъ своего скопища всѣхъ доброконныхъ, онъ бросился съ ними въ Аухъ, надѣясь предупредить насъ тамъ, но было уже поздно: мы очутились на цѣлый переходъ впереди его.

Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ, прибывъ 6-го ноября въ Хасавъ-Юртъ, присоединилъ ожидавшія его здѣсь войсковыя части къ своему главному отряду, принявшему названіе „Ауховскаго“ и состоявшему теперь изъ 17¹/₂ баталіоновъ, 2 дивизіоновъ драгунъ и 20 сотенъ казаковъ и милиціи, при 28 орудіяхъ и 4 мортирахъ. Войска эти расположились лагеремъ на пространствѣ отъ аула Ярымъ-Су-Ауха до извѣстныхъ уже намъ Гойтемировскихъ воротъ. Ущелье это хотя и оказалось укрѣпленнымъ сильнѣе прежняго, но и на этотъ разъ было оставлено непріателемъ безъ защиты. Скопища, набранныя Шамилемъ въ Чечнѣ, сюда еще не успѣли, а дагестанцы были отвлечены дѣйствіями войскъ Прикаспійскаго края.

Распорядившись прорубкою отсюда просѣки назадъ, на Хасавъ-Юртъ, Н. И. Евдокимовъ, 10-го ноября, перевелъ свой отрядъ къ аулу Кишень, затѣмъ произвелъ рекогносцировку по направленію на Зондакъ и, между обоими названными аулами, на заранѣе намѣченномъ пунктѣ, составлявшемъ узелъ дорогъ изъ Ауха въ Салатавію, заложилъ укрѣпленіе. Работы по устройству этого укрѣпленія, равно какъ по вырубѣ окрестнаго лѣса и проложенію новой дороги на протяженіи 8 верстъ, продолжались 10 дней (съ 13-го по 23-е число); при чемъ для устраненія помѣхи со стороны непріятеля высылались ежедневно, по

разнымъ направлениамъ, наблюдательныя колонны. Впрочемъ, ауховцы не оказывали никакого существеннаго противодѣйствія нашимъ работамъ: имъ, въ это время, было не до того, потому что Шамиль, убѣдившись, что страна эта для него потеряна, сталъ понуждать мѣстныхъ жителей къ переселенію въ дальніе горныя участки, при чемъ, по обыкновенію, не стѣснялся прибѣгать къ насилію. Каждый день получались у насъ извѣстія объ истребленіи тавлинцами того или другаго аула и объ уводѣ обывателей въ Ичкерію.

Подобный образъ дѣйствій имама былъ, въ сущности, весьма для насъ выгоденъ. Такъ какъ для прочнаго утвержденія въ Аухѣ предполагалось устроить тамъ новую штабъ-квартиру для одного изъ пѣхотныхъ полковъ, то сдѣлать это было гораздо удобнѣе въ странѣ обезлюдѣвшей, гдѣ не приходилось бы вступать въ пререканія съ мѣстными жителями изъ за разныхъ угодій; съ другой же стороны, при чрезмѣрномъ скопленіи переселенцевъ въ горахъ, необходимо долженъ былъ скорѣе ощутиться тамъ недостатокъ въ средствахъ къ существованію, а это, въ свою очередь, вело къ упадку энергіи и къ сознанію необходимости покориться русской власти.

Въ виду этого Н. И. Евдокимовъ не только не мѣшалъ хозяйничанью Шамиля въ Аухѣ, но, чтобы побудить его къ ускоренію насильственныхъ мѣропріятій, сталъ распускать слухи о своемъ намѣреніи идти къ аулу Біймеръ-Курганъ, гдѣ стоялъ самъ имамъ съ своими тавлинцами, и атаковать его. Къ концу ноября онъ, повидимому, рѣшилъ, что Аухъ уже достаточно очищенъ и что пора самому горному владыкѣ оттуда убраться, а потому, 28-го числа, сообщилъ лазутчикамъ, что на другой-же день двинется къ Біймеръ-Кургану. Извѣстіе это, конечно, сейчасъ же дошло туда, и Шамиль, съ своимъ скопищемъ, послѣшно бѣжалъ изъ занятаго имъ аула, даже не попытавшись оказать намъ какого либо сопротивленія.

Положеніе имама, въ это время, сдѣлалось весьма тяжелымъ: продолжительное напряженіе силъ въ текущемъ году (сначала противъ войскъ Прикаспійскаго края, а потомъ противъ отряда Н. И. Евдокимова) такъ утомило и ослабило его приверженцевъ, что трудно было ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, новаго собранія крупныхъ скопищъ. Между тѣмъ, жители Большой

Чечни, ожидая появленія русскихъ войскъ, настойчиво требовали помощи; но на этотъ разъ имамъ долженъ былъ ограничиться высылкою къ нимъ лишь нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, утѣшая чеченцевъ тѣмъ, что при множествѣ дѣлъ, предстоявшихъ русскимъ въ Аухѣ, они врядъ ли управятся тамъ ранѣ весны.

Николай Ивановичъ, зорко слѣдившій за своимъ противникомъ, зналъ объ истощеніи его силъ въ данный моментъ и не преминулъ воспользоваться этимъ, для нанесенія новаго рѣшительнаго удара Большой Чечнѣ:

Здѣсь остатки непокорнаго населенія плоскости сгруппировались на низовьяхъ рр. Хулхулау и Шавдонъ, среди сплошной чащи орѣшниковъ, представлявшихъ войскамъ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ самыя старыя лѣса. Топкія побережья Шавдона дѣлали эту мѣстность почти недоступною.

Отдѣливъ отъ своего отряда войска, взятыя на Кумыкской плоскости, Н. И. Евдокимовъ, 5-го декабря, перешелъ въ окрестности Куринскаго укрѣпленія, 6-го прибылъ на Мичикъ, а 7-го, искусно замаскировавъ свое дальнѣйшее движеніе, неожиданно появился въ самой срединѣ хулхулаускихъ ауловъ. Нападеніе было столь внезапно, что жители даже не успѣли спасти своего имущества. Обычное истребленіе ихъ жилищъ и вырубка окрестнаго лѣса не оставляли чеченцамъ другаго исхода, какъ или удалиться въ негостепримныя горы, или покориться русской власти. Они избрали послѣднее, и въ слѣдующую же ночь явились къ начальнику отряда депутаты отъ всего населенія долины Хулхулау съ изъявленіемъ покорности и готовности переселиться въ наши предѣлы; при этомъ они просили только о томъ, чтобы переходъ ихъ туда былъ прикрытъ нашими войсками, такъ какъ Шамиль, которому особенно не нравились подобныя переселенія, приказалъ своимъ наибамъ всячески тому препятствовать; на сей конецъ собраны имъ были и посланы въ Чечню новыя партіи тавлинцевъ.

Н. И. Евдокимовъ, съ своей стороны, не замедлилъ принять всѣ надлежащія мѣры для обезпеченія новыхъ русскихъ подданныхъ, такъ что мюриды, пытавшіеся нападать на переселенческіе таборы, повсюду встрѣчались съ нашими войсками и были отгоняемы. Для содѣйствія главнымъ силамъ, щедшимъ на аулъ Сартали, двинуть былъ туда же, изъ кр. Воздвиженской, отрядъ

генер.-маіора Мищенко. Вездѣ на пути движенія нашихъ войскъ валились вѣсковые лѣса. Наибы, въ отчаяніи, писали Шамилю: „Чечня горитъ! Владыко, приходи гасить ее!“

Но съ этимъ пожаромъ имамъ уже не могъ справиться. Н. И. Евдокимовъ не давалъ ему ни отдыха, ни срока, и истребивъ хулхулаускіе аулы, немедленно двинулся противъ тѣхъ, которые расположены были на Шавдонѣ и его притокахъ. Здѣшняя мѣстность оказалась невообразимо-трудною и пересѣченною; но на наше счастье непріятель и тутъ былъ захваченъ врасплохъ, а потому и результаты оказались тѣ-же, что при дѣйствіяхъ на р. Хулхулау: жители стали массами заявлять покорность и готовность къ выселенію. Такимъ образомъ, въ теченіи одной недѣли перешло въ наши предѣлы около 2,000 семей. Блестящій результатъ этотъ достался намъ за весьма недорогую цѣну: съ 7-го по 14-е декабря вышло изъ строя около 60 чел. нижн. чиновъ.

„Большая чеченская плоскость покорена,—пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи,—ни одной сакли въ ней не осталось. Немногіе десятки упорныхъ должны были уйти въ горы. Такъ кончилась ожесточенная война на чеченской плоскости, продолжавшаяся почти 18 лѣтъ и стоившая намъ столько крови“.

„Войскамъ, мнѣ ввѣреннымъ, предстоитъ теперь новый подвигъ—покореніе Черныхъ горъ, прилегающихъ къ плоскостямъ, уже намъ неотъемлемо принадлежащимъ. Мы, съ благословеніемъ Божиимъ, скоро приступимъ къ совершенію подвига этого.

„Съ 19-го октября длится настоящая кампанія. Продолжительные труды и частые бои, бывшіе въ теченіи этого времени и имѣвшіе результатомъ покореніе главнѣйшей части нагорья Малой Чечни, ауховскаго общества и всей плоскости Большой Чечни, дадутъ войскамъ право на кратковременный отдыхъ, для исправленія матеріальной части и освѣженія“¹⁾.

Такимъ образомъ, войска чеченскаго отряда, послѣ почти двухъ-мѣсячныхъ непрерывныхъ трудовъ, возвратились, 14-го декабря 1857 года, въ кр. Грозную, а 17-го числа распущены были по станицамъ, чтобы тамъ отдохнуть и собраться съ силами для новыхъ, важныхъ предпріятій.

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,597 6.

Декабрьскія дѣйствія Н. И. Евдокимова въ Большой Чечнѣ были послѣднимъ актомъ драмы, разыгрывавшейся до тѣхъ поръ на плоскости, и имѣли важное для насъ значеніе: разгромляя аулы по Хулхулау и Шавдону и приводя въ наше подданство массы непокорныхъ чеченцевъ, онъ имѣлъ въ виду до послѣдней возможности ослабить силы Шамиля и тѣмъ облегчить предстоявшія въ наступавшемъ 1858 году дѣйствія. Расчетъ былъ вѣренъ: уводя изъ-подъ власти имама до 2,000 покорныхъ ему дотолѣ семействъ, онъ отнималъ у нихъ такое же, если еще не большее, количество добрыхъ воиновъ и значительно подрывалъ его матеріальные ресурсы, періодически извлекавшіеся изъ жителей, въ видѣ денежныхъ, хлѣбныхъ и т. п. поборовъ.

Кампанію 1858-го года Н. И. Евдокимовъ предполагалъ открыть давно имѣвшимся въ виду прорывомъ въ Аргунское ущелье, составлявшее ключъ стратегической позиціи Шамиля въ Чечнѣ. Овладевъ имъ, мы, ранѣе или позже, становились фактическими хозяевами Черныхъ горъ, могли открыть себѣ путь въ тылъ главнымъ убѣжищамъ имама, угрожать его сообщеніямъ съ Дагестаномъ и прервать таковыя же съ Малою Чечнею.

Но прорваться въ Аргунское ущелье было крайне трудно; прежнія противъ него попытки всегда оканчивались неудачею и стоили намъ большихъ потерь.

Ущелье это, лежащее въ 5-ти верстахъ къ югу отъ вр. Воздвиженской, представляетъ собою тѣснину, огражденную съ обѣихъ сторонъ, у входа въ нее, высокими горами, которыя въ то время были покрыты густымъ лѣсомъ; между ними, въ отвѣсныхъ почти берегахъ, имѣющихъ отъ 10 до 15 саж. высоты, съ бѣшеною быстротою стремится Аргунъ ¹⁾). Разстояніе между контрфорсами, образующими самое ущелье, не превышаетъ пистолетнаго выстрѣла. Дорога изъ Воздвиженской танулась по лѣвому берегу рѣки и, вступая въ ущелье, плотно прижималась

¹⁾ Рѣка Аргунъ образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ: Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, соединяющихся почти передъ самой южной оконечностью тѣснины, вѣсколько ниже находящагося тутъ же большаго аула Дачу-Барзой.

въ горѣ; въ недалекомъ разстояніи отъ входа она пересѣкалась глубокимъ оврагомъ и только по переходѣ черезъ оный становилась нѣсколько удобнѣе. Эта, уже сама по себѣ малодоступная, мѣстность была, сверхъ того, усилена искусственными преградами, такъ какъ еще съ осени 1857-го года между горцами стали носиться темные слухи о намѣреніи нашемъ овладѣть Аргунскимъ ущельемъ; вдоль всего праваго берега тѣснины, по краю обрыва, былъ устроенъ заваль, изъ-за котораго всѣхъ, идущихъ другимъ берегомъ, по дорогѣ, можно было бить на выборъ, хоть изъ пистолета; перпендикулярно къ нему, при входѣ въ ущелье, тянулся отъ вершины горы до самаго обрыва другой заваль, съ глубокимъ и широкимъ рвомъ впереди; дорога по лѣвому берегу рѣки была совершенно преграждена уничтоженіемъ переправы черезъ оврагъ, на противоположномъ берегу котораго возвышалось два завала; три яруса таковыхъ же заваловъ, сложенныхъ изъ толстыхъ бревенъ, защищали крутой подъемъ на высоты, ограждающія ущелье съ западной стороны. Очевидно, всѣ мѣры были приняты для самой упорной обороны.

Какъ ни громадна была опытность, приобрѣтенная Н. И. Евдокимовымъ во время различныхъ видоизмѣненій кавказской войны, но тутъ и ему пришлось серьезно призадуматься; тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы оправдать безграничное къ нему довѣріе кн. Барятинскаго, для котораго, какъ мы видѣли, взятіе Аргунскаго ущелья составляло завѣтную мечту. Князь Барятинскій зналъ, что туда готовится движеніе и, конечно, не безъ душевной тревоги ожидалъ результатовъ онаго. 19-го января, когда въ Тифлисѣ еще не получено было извѣстіе объ исходѣ экспедиціи, начальникъ штаба кавказскихъ войскъ, между прочимъ, писалъ Николаю Ивановичу слѣдующее:

„Его сіятельство съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ перваго отъ васъ курьера съ донесеніемъ объ успѣхѣ предпринятаго вами движенія. Въ настоящую минуту, вѣроятно, существенное дѣло уже рѣшено. Дай Богъ, чтобы оно совершилось успѣшно и сколь можно съ меньшею потерею. Но вамъ остается еще труднѣйшее дѣло—утвердиться въ занятомъ пунктѣ и дать ему то значеніе, которое можетъ измѣнить совершенно наше положеніе въ цѣломъ краѣ. При всѣхъ трудахъ и заботахъ, которые

ваше п—во теперь выносите, вы имѣете утѣшеніе—надѣяться на великіе результаты вашихъ предпріятій ¹⁾“.

Мы видимъ изъ этого, какое крупное значеніе придавалось высшимъ кавказскимъ начальствомъ занятію Аргунскаго ущелья. Тѣмъ тяжелѣе была нравственная отвѣтственность, падавшая на Н. И. Евдокимова, который и самъ, лучше чѣмъ кто либо, понималъ важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшную трудность подлежащей ему задачи. Атаковать ущелье при тѣхъ силахъ, которыя—какъ намъ было извѣстно—были сосредоточены для его обороны, значило бы, даже въ случаѣ успѣха, пожертвовать массою людей; съ другой же стороны, и обмануть Шамиля какими либо демонстраціями тоже немного представлялось надежды, такъ какъ старый имамъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не раскусить тактики своего противника по прежнимъ его дѣйствіямъ, а потому сталъ еще вдвое осмотрительнѣе и недовѣрчивѣе. Тѣмъ не менѣе, Николай Ивановичъ порѣшилъ опять прибѣгнуть къ своей обычной снаровкѣ—развлечь вниманіе врага, — и она, какъ мы увидимъ, опять увѣнчалась удачею.

„Руководствуясь моимъ правиломъ, — пишетъ онъ—достигать предположенной цѣли съ возможно меньшею потерею, планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы оттянуть непріятельскія силы на другой какой либо пунктъ; броситься быстро и неожиданно въ ущелье, при чемъ распределить свои войска такимъ образомъ, чтобы лишить непріятеля возможности вредить намъ съ праваго берега“ ²⁾.

Для достиженія намѣченной цѣли Н. И. Евдокимовъ сталъ распространять слухъ о намѣреніи своемъ строить укрѣпленіе въ Автурахъ (въ Большой Чечнѣ). Чтобы придать этому слуху болѣе вѣроятія, онъ приказалъ часть фуража перевезти изъ Воздвиженскаго къ аулу Шали, заподрядить подводы для доставки сѣна къ отряду въ Автуры, а 15-го января даже сосредоточилъ большую часть своихъ войскъ ³⁾ у Бердыкеля, на правомъ берегу Аргуна, какъ бы готовясь двинуться въ восточномъ направленіи

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо генер. Милютина, отъ 19 янв. 1858 г

²⁾ Воен. Уч. Арх., отд. 2, № 6602, в.

³⁾ Для зимнихъ дѣйствій въ 1858 г. состояло подъ начальствомъ Евдокимова 19½ баталіоновъ, 4 эскадр. драгунъ, 17½ сотенъ казаковъ и милиціи при 28 орудіяхъ. Войска эти собирались въ Чертугаѣ, Грозной и Воздвиженской.

ген.-маіору Мищенко, находившемуся съ отрядомъ въ Воздвиженскомъ, тоже было приказано перевести обозы на правый берегъ рѣки.

Всѣ эти слухи и подготовительныя мѣры въ концѣ концовъ ввели непріятеля въ новое заблужденіе: уже въ началѣ января сторожившія Аргунское ущелье партіи андійцевъ, чаберлоевцевъ и ичкеринцевъ потянулись въ ущелья Басса и Хулхулау; охрану же завѣтной тѣснины Шамиль поручалъ шубутовскому наibu Батока ¹⁾, подъ начальствомъ котораго осталось около 2-хъ тыс. человѣкъ.

Заручившись, такимъ образомъ, удаленіемъ значительнѣйшей части противниковъ, Н. И. Евдокимовъ, не теряя времени, приступилъ къ выполненію своего предпріятія. Атака ущелья назначена была на 16-е января; вести ее положено двумя колоннами, по обоимъ берегамъ Аргуна. Первая колонна, которой предстояло совершить значительный обходъ по правому берегу, по весьма трудной мѣстности и безъ дорогъ, поручена была начальству ген. маіора Кемпферта и выступила изъ лагеря у Бердыкеля еще наканунѣ, въ 9 ч. вечера, дабы одновременно съ второю колонною подоспѣть ко входу въ ущелье. Вторая же колонна, вѣренная ген. маіору Мищенко, должна была выдти изъ Воздвиженскаго утрома 16-го числа.

Войска Кемпферта, двигавшіяся по колѣно въ снѣгу, только къ 5-ти часамъ утра подошли на высоту Воздвиженскаго и, не останавливаясь, двинулись далѣе. Такъ какъ и дальнѣйшее движеніе предстояло имъ совершать лѣсомъ и по крайне трудной мѣстности, то колонна Мищенки тронулась впередъ только въ 7 ч. утра. Когда, около 9 ч., она приблизилась къ ущелью, то, по сигнальнымъ выстрѣламъ горскихъ пикетовъ, завалы на обоихъ берегахъ Аргуна немедленно наполнились толпами защитниковъ. Между тѣмъ, лѣвая колонна наша, замедляемая въ своемъ движеніи невѣроятными мѣстными препятствіями, еще не показывалась.

Осмотръ непріятельской позиціи еще болѣе убѣдилъ Н. И. Евдокимова (находившагося при колоннѣ генерала Мищенко),

¹⁾ Шубутовское или шатоевское общество составляли лежація по верхнему теченію Чанты-Аргуна аулы: Варанды, Зонахъ и др.

что атака оной съ фронта,—даже при совмѣстномъ дѣйствіи обѣихъ колоннъ,—поведеть къ страшнымъ потерямъ, и что потому надо предпринять обходное движеніе. На сей конецъ, расположивъ вправо и влѣво отъ дороги 10 орудій и разсыпавъ по лѣвому берегу рѣки сводно-линейный стрѣлковый баталіонъ, онъ приказалъ артилеріи громить непріятельскіе завалы и отвлекать на себя вниманіе ихъ защитниковъ. Между тѣмъ, въ обходъ лѣваго фланга непріятельскихъ укрѣпленій двинуты были 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, съ командою охотниковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Рихтера ¹⁾).

Въ теченіе двухъ часовъ шла неумолкаемая канонада; гранаты наши сильно донимали горцевъ и заставляли ихъ временно покидать то тотъ, то другой заваль. Въ 11 ч. утра замѣчено было у насъ, что непріятель очищаетъ завалы праваго берега, изъ чего можно было заключить о приближеніи колонны Кемпферта; а вскорѣ за симъ, противъ лѣваго непріятельскаго фланга, на высотѣ, командующей горскою позиціею, появилась наша обходная колонна. Стоявшіе тутъ горцы, пораженные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать; оставленные ими завалы заняты были 1-мъ баталіономъ куринцевъ, между тѣмъ какъ стрѣлковый баталіонъ направленъ былъ прямо по дорогѣ, дабы преслѣдовать, или, если возможно, отрѣзать спускавшіяся съ горъ партіи. Къ сожалѣнію, всякое дальнѣйшее преслѣдованіе оказалось невозможнымъ, такъ какъ переправа черезъ оврагъ, пересѣкавшій дорогу, была уничтожена и на восстановленіе ея, хотя бы только для одной пѣхоты, потребовалось бы слишкомъ 2 часа времени. Не смотря, однако, на невозможность преслѣдованія, горцы, подъ вліяніемъ паники, отступили такъ поспѣшно, что даже оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ.

По устройствѣ, на скорую руку, переправы черезъ преграждавшій намъ дорогу оврагъ, котораго непріятель и не покушался отстаивать, Н. И. Евдокимовъ перевелъ свои войска къ южному выходу изъ ущелья; но далѣе идти въ этотъ день они уже не могли,—такъ велико было общее утомленіе. О трудностяхъ, которыя должны были наши солдаты преодолѣть въ пути,

¹⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ и начальникъ главной квартиры е. и. величества.

можно судить по тому, напр., что колонна ген.-маіора Кемпферта на прохожденіе 8-ми верстнаго разстоянія отъ Воздвиженской до Аргунскаго ущелья употребила 7 часовъ времени; колоннѣ полковника Рихтера, во время обходнаго движенія ея, тоже приходилось бороться на каждомъ шагу со страшными мѣстными препятствіями.

Такъ кончился первый актъ покоренія грознаго Аргунскаго ущелья. Оплаченъ онъ былъ—благодаря искусству начальника—потерею ничтожною: всего вышло изъ строя 1 оберъ-офицеръ и 7 нижн. чиновъ.

„Войска, — пишетъ Н. И. Евдокимовъ, въ своемъ донесеніи, — рвались въ бой и горѣли желаніемъ пролить свою кровь, и не одной просьбѣ атаковать съ фронта завалы долженъ былъ я отказать, въ полномъ убѣжденіи, что результатъ, пріобрѣтенный безъ пролитія крови, будетъ болѣе цѣнимъ, нежели самые блистательные подвиги храбрости, ведущіе за собою бесполезную трату людей“¹⁾.

На слѣдующій день колонна Кемпферта безъ выстрѣла заняла обширный аулъ Дачу-Барзой, лежащій нѣсколько южнѣе извѣстнаго уже намъ оврага, на просторной полянѣ, дающей проходы въ два ущелья, изъ которыхъ выбѣгаютъ Шаро и Чанты-Аргунъ; прочія же войска приступили къ рубкѣ просѣкъ вдоль горы, ограждающихъ главную тѣснину, и къ разработкѣ дороги; между тѣмъ самъ начальникъ отряда съ частью кавалеріи производилъ рекогносцировку лежащихъ далѣе къ югу ущелій. При обратномъ движеніи его къ лагерю, на лѣвомъ берегу Чанты-Аргуна, появилась было непріятельская конница; но пущенные въ атаку казаки и милиціонеры заставили ее послѣшно убраться.

Донесеніе о взятіи Аргунскаго ущелья было для кн. Барятинскаго, конечно, однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ извѣстій, которыя онъ когда либо получалъ: осуществилась, наконецъ, его давнишняя, завѣтная мысль, и довѣріе къ исполнителю его предначертаній опять блистательно оправдалось. Признательность свою Евдокимову онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Вы меня сколько обрадовали, столько и удивили, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ. Обрадовали заяв-

¹⁾ Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6602, в.

тѣмъ Аргунскаго ущелья, потому что всѣмъ и каждому на Кавказѣ извѣстно, какое съ этимъ словомъ связано прошедшее и будущее. Удивили неизмѣрно-малою потерею людей: попытки туда до сихъ поръ всѣ были неудачны и кровопролитны. Душевно васъ благодарю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправляю сегодня же курьера къ государю императору со всеподданнѣйшею просьбою достойно оцѣнить вашъ подвигъ. Его величество въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ отъ 14-го января изъявляетъ особенное свое удовольствіе за первый періодъ вашихъ дѣйствій и жалуется вашему отряду по рублю сер. на человѣка. Я же съ своей стороны обнимаю васъ дружески, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и желаю вамъ счастья и успѣховъ въ нынѣшнемъ году, будучи увѣренъ впередъ, что съ умѣніемъ и опытностію вашими вы окажете вновь основательныя услуги, которыя приблизятъ паденіе Шамиля“....

....„Баронъ Врангель назначается на мѣсто князя Орбеляна и поѣдетъ въ Т. Х. Шуру черезъ Грозную, чтобы имѣть свиданіе съ вами, можетъ быть въ Аргунскомъ ущельѣ. Основываясь на глубокомъ знаніи вашемъ Дагестана и той связи, которая существуетъ между тѣми и войсками лѣваго крыла, я просилъ барона Врангеля ѣхать къ вамъ на совѣщаніе“....

....„Полковника Старицкаго посылаю къ вамъ съ изъясненіемъ монаршей милости и съ 17-ю знаками отличія за Аргунское дѣло. Въ общемъ итогѣ вы получили отъ меня, во время зимнихъ дѣйствій, уже 114 крестовъ. Затѣмъ надѣюсь имѣть еще случай посылать вамъ такого рода гостинцы и предоставляю вамъ, въ свою очередь, при общихъ представленіяхъ увеличить еще число кавалеровъ“....

.... „Ожидая съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ вашихъ извѣстій и военныхъ предположеній, касательно новыхъ вашихъ завоеваній, прошу принять увѣреніе искренней моей благодарности и чувствъ полнаго уваженія къ блистательнымъ вашимъ заслугамъ“¹⁾.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43. Письмо кн. Барятинскаго отъ 26-го января 1858 года.

Хотя первый и самый главный шагъ былъ сдѣланъ, но за тѣмъ Чеченскому отряду предстояло впереди еще много трудовъ для того, чтобы утвердиться на покоренной мѣстности, проникнуть далѣе, въ ущелья Шаро и Чанты-Аргуна, гдѣ продолжали гнѣздиться крупныя непріятельскія партіи, и уже потомъ, согласно прежде начертаннымъ планамъ, приступить къ окончательнымъ предпріятіямъ противъ послѣднихъ убѣжищъ Шамиля. Въ виду сего Н. И. Евдокимовъ, воздерживаясь, до поры до времени, отъ дальнѣйшаго движенія, занялся устройствомъ прочныхъ сообщеній между отряднымъ лагеремъ и кр. Воздвиженскою, а также возведеніемъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ полевыхъ укрѣпленій. Не смотря на одержанный блестящій успѣхъ, онъ былъ въ это время сильно удручаемъ безчисленными дѣлами и заботами, какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ. Это видно, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ его къ полковнику Бѣлику, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Въ работахъ нашихъ въ Аргунскомъ ущельи хотя много успѣха, однако, много еще и работы. Это обстоятельство сильно меня беспокоитъ; ибо время бѣжить, а впереди занятій много и кромѣ Аргунскаго ущелья. Не знаю, какъ мнѣ Богъ поможетъ со всѣмъ этимъ управиться“¹⁾).

Между тѣмъ, непріятель, на первыхъ порахъ озадаченный и потерявшійся, успѣлъ оправиться и сталъ опять заявлять о своемъ существованіи: 18-го января прибылъ въ ущелье Шаро-Аргуна сынъ Шамиля, Кази-Магома, съ партіею тавлинцевъ и двумя пушками; въ то-же время скопище наиба Батоки стало вновь собираться въ верховьяхъ Чанты-Аргуна. Вслѣдъ затѣмъ, горцы, приближаясь къ нашему расположенію, ежедневно открывали артилерійскую пальбу по авангардному лагерю ген.-маіора Кемпферта и вели перестрѣлку съ нашими цѣпями. Хотя стрѣльба эта причиняла намъ очень мало вреда, но Н. И. Евдокимовъ, желая нѣсколько осадить дерзость горцевъ, рѣшилсѣ уничтожить лежавшій невдалекѣ отъ авангарднаго лагеря аулъ Чалги-Ирзау, служившій притономъ для передовыхъ непріятельскихъ партій, а при этомъ сдѣлать и рекогносцировку праваго берега

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 1. Письмо 28-го января 1858 г. (Бѣликъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Евдокимова, по дѣлу водворенія переселенцевъ и надзору за ними).

Шаро-Аргуна. Оба эти предприятия исполнены были 3-го февраля безъ всякой съ нашей стороны потери; при чемъ, изъ собранныхъ свѣдѣній и обзорѣній оказалось, что главныя силы Кази-Магомы расположены вверхъ по помянутой рѣкѣ, въ аулахъ: Измаиль-юртъ, Дукотень и Улусъ-Керты. При подобномъ сосѣдствѣ, отрядъ Кемпферта, равно какъ и рабочіе, занимавшіеся у Дачу-Барзоя возведеніемъ новаго укрѣпленія — Аргунскаго, не могли ни одного дня рассчитывать на совершенное спокойствіе; а потому рѣшено было отогнать скопища Кази-Магомы куда нибудь подальше, и главные притоны ихъ истребить. Для выполненія этого предприятия, двинуты были, 5-го февраля, вверхъ по обоимъ берегамъ Шаро-Аргуна, двѣ колонны, подъ начальствомъ ген.-маіоровъ: Рудановскаго и Кемпферта. Мѣстность, по которой имъ пришлось идти, представляла много хорошихъ оборонительныхъ позицій для горцевъ; тѣмъ не менѣе, отпоръ со стороны послѣднихъ былъ весьма слабъ; рѣшительному наступленію нашему они, повидимому, не считали возможнымъ сопротивляться и, по взятіи послѣдняго аула, Улусъ-Керты, разбѣжались въ разныя стороны, бросивъ на произволь судьбы своего предводителя, который едва успѣлъ спастись, съ небольшимъ числомъ мюридовъ, въ лѣсистомъ оврагѣ. Вся экспедиція эта стоила намъ 20-ти чел. ранеными.

Хотя разбѣжавшіеся горцы стали, вслѣдъ за тѣмъ, опять собираться и даже предпринимать на насъ нападенія, но ихъ враждебныя попытки не имѣли никакого успѣха. Къ концу февраля работы въ Аргунскомъ ущельи уже настолько подвинулись впередъ, что намъ представлялась возможность въ скоромъ времени обратиться къ новымъ предприятиямъ.

Предприятия эти уже давно были обдуманы Н. И. Евдокимовымъ. Еще въ самомъ пачалѣ названнаго мѣсяца онъ представилъ вн. Бяратинскому нижеслѣдующую записку:

„По занятіи Аргунскаго ущелья, представляется два пути дѣйствій для завоеванія полосы Черныхъ горъ“.

„1) Повернувъ правое плечо впередъ, прорваться окончательно черезъ лѣсную полосу (около 6 верстъ), взять направленіе черезъ Ведень или Дарго, на Кишень-Аухъ, и линіею полковыхъ штабъ-квартиръ и укрѣпленій отрѣзать Ичкерію отъ Дагестана, а затѣмъ съ разныхъ сторонъ дѣйствовать для

окончательнаго покоренія отрѣзаннаго пространства. Планъ этотъ въ настоящее время неудобноисполнимъ, ибо суровое время года до крайности затрудняетъ дѣйствіе въ безлѣсной полосѣ; нужно выждать іюня мѣсяца. Еще болѣе важное неудобство, при непосредственномъ исполненіи этого плана, состоитъ въ томъ, что, врываясь далеко въ горы, мы оставляемъ въ тылу нашемъ, съ одной стороны, Малую Чечню и немирныя общества, живущія въ верховьяхъ Ассы и Чанты-Аргуна, а съ другой стороны—нагорную часть Большой Чечни и Ичкерію; такимъ образомъ, дѣйствуя въ горахъ, въ значительномъ разстояніи отъ линіи, мы подвергнемъ опасности наши поселенія по Сунжѣ и Тереку и нашу операціонную линію.

2) Другое предположеніе состоитъ въ томъ, чтобы утвердиться при выходѣ изъ Аргунскаго ущелья, окончить сперва завоеваніе горнаго пространства между Терекомъ и Аргуномъ и, обезпечивъ такимъ образомъ тылъ свой съ одной стороны, обратиться къ исполненію перваго плана. Второе предположеніе, давая вначалѣ менѣе блистательные результаты, послужитъ за то прочнымъ основаніемъ къ будущему завоеванію Ичкеріи и всего пространства до Андійскаго хребта.

Планъ этотъ можно будетъ приводить въ исполненіе въ слѣдующей постепенности. Нынѣ же приступить къ рубкѣ просѣки вверхъ по ущелью Чанты-Аргуна (около 10 верстъ), дабы приготовить къ лѣту свободный доступъ въ безлѣсное пространство, и затѣмъ броситься въ Малую Чечню, чтобы очистить отъ враждебнаго намъ населенія всѣ горныя ущелья притоковъ Сунжи; если окажется необходимымъ, то у подножія горъ заложить одно центральное временное укрѣпленіе, до окончательнаго устройства края. Съ наступленіемъ лѣта направить военныя дѣйствія въ общества, лежація въ верховьяхъ Ассы и Чанты-Аргуна, въ смыслѣ окончательнаго завоеванія этихъ обществъ. Если время и обстоятельства дозволятъ, то въ то-же время сдѣлать рекогносцировку по направленію къ Веденю, и даже утвердиться въ безлѣсной полосѣ“.

На приведенной запискѣ кн. Барятинскій сдѣлалъ (7 февраля) слѣдующую надпись:

„Планъ этотъ утверждаю, но съ тѣмъ, чтобы просьба въ направленіи къ Веденю была бы непременно исполнена теперь-

же, шириною не менѣе 500 сажень, съ совершеннымъ истребленіемъ вырубленнаго лѣса ¹⁾“.

Во исполненіе воли главнокомандующаго, Н. И. Евдокимовъ, едва управившись съ необходимыми работами по утвержденію нашему въ Аргунскомъ ущельи, немедленно приступилъ къ проложенію оттуда пути, по направленію на Ведень. Пунктомъ для выхода въ тылъ ущелій Большой Чечни онъ, соображаясь съ имѣвшимися свѣдѣніями, избралъ лежавшую на юго-востокъ отъ нашихъ позицій гору Даргинъ-Дукъ, имѣющую до 6,000 фут. высоты и покрытую въ то время вѣковымъ лѣсомъ. О неимѣрныхъ трудностяхъ предстоявшаго восхожденія Николаю Ивановичу, вѣроятно, мало было извѣстно; видѣлъ онъ только ясно, что дѣйствовать надо было сколь возможно быстрѣе, дабы пройти лѣсную полосу прежде, чѣмъ могли собраться тамъ непріятельскія партіи, занявшія, въ значительномъ числѣ, ущелье Чанты-Аргуна и аулъ Шари-Хатой, по дорогѣ къ р. Бассу.

28 февраля, еще до разсвѣта, войска наши двинулись по указанному направленію. Авангардомъ, выступившимъ ранѣе, начальствовалъ ген.-маіоръ Кемпфертъ; за нимъ, верстахъ въ двухъ, шли главные силы подъ командою ген.-маіора Мищенко; при нихъ же находился вьючный обозъ съ 10 дневнымъ провіантомъ. Не смотря на адскую мѣстность, движеніе это было произведено столь быстро и, главное, — неожиданно для непріятеля, что онъ узналъ о дѣйствительномъ направленіи, взятомъ нашими войсками, только тогда, когда колонна Кемпферта успѣла занять вершину Даргинъ-Дука, гдѣ уже кончался дремучій лѣсъ и начиналась болѣе открытая мѣстность. Здѣсь Н. И. Евдокимовъ, прибывшій къ авангарду, остановилъ его, а самъ, съ состоявшею при отрядѣ конницею и частію пѣхоты, предпринялъ рекогносцировку ближайшихъ окрестностей, гдѣ непріятель, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, уже успѣлъ собраться и сталъ зажигать отдѣльные хутора и склады сѣна. Быстро атакованные нашими милиціонерами, горцы разбѣжались, въ то-же время нѣсколько семей, уведенныхъ мюридами въ горы изъ разоренныхъ нами ауловъ, явились съ изъявленіемъ покорности, и были, подъ прикрытіемъ войскъ, переведены въ нашъ лагерь.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43.

Въ виду трудности доставки на Даргинь-Дукъ фуража и за недостаткомъ воды, Н. И. Евдокимовъ на другой же день спустиль въ Дачу-Барзою ¹⁾ всю конницу, всѣхъ вьючныхъ и большую часть артиллерійскихъ лошадей, оставя при отрядѣ только необходимую упряжку для 4 горныхъ орудій и сотню милиціонеровъ; пѣхота же наша должна была, не теряя времени, приступить къ рубкѣ просѣки назадъ и трассировкѣ отлогой дороги по склонамъ Даргинь-Дука, отъ Гамагиринаскаго оврага до вершины горы. Благодаря усердію войскъ, уже къ 21 марта прорублена была просѣка такой ширины (смотря по свойствамъ мѣстности, отъ 300 до 500 сажень), что отряды наши могли двигаться по ней безопасно; въ то-же время, на протяженіи 9¹/₂ верстъ, разработана была дорога, удобная для полевой артиллеріи.

За все это время непріятель мало насъ тревожилъ. Изъ орудій онъ—по условіямъ мѣстности—дѣйствовать не могъ, а застать врасплохъ наши сторожевыя дѣли тоже было мудрено. Не видя возможности предпринять что либо рѣшительное на Даргинь-Дукѣ, или противъ Дачу-Барзоя, горцы стали дѣлать покушенія противъ колоннъ, высылаемыхъ для поддержанія сообщеній между обоими отрядами нашими; но и здѣсь попытки ихъ кончались полною неудачею, благодаря бдительности нашихъ начальниковъ. Особенно несчастливо было ихъ предпріятіе, затѣянное противъ колонны маіора Эрнота (1 батал. съ 2-мя горн. орудіями), которая, 9-го марта, отправлена была въ Дачу-Барзой за разными припасами. Н. И. Евдокимовъ, лично слѣдившій за движеніемъ оной и замѣтившій, что непріятель, поджидая ея возвращенія, устроилъ засаду въ лежащемъ на пути оврагѣ, немедленно выслалъ ей на встрѣчу сильное подкрѣпленіе, и горцы, сами неожиданно атакованные, поспѣшно разсыпались по своимъ трупамъ.

Дѣйствуя противъ Шамиля оружіемъ, Н. И. Евдокимовъ, какъ мы знаемъ, не упускалъ изъ виду и другихъ средствъ для ослабленія его силъ. Имѣя обширныя знакомства между горцами, онъ, въ настоящемъ случаѣ, воспользовался ими, чтобы завязать сношенія съ шубутовскимъ наибомъ Батока. Послѣдній,

¹⁾ Въ этомъ аулѣ оставался особый отрядъ, подъ начальствомъ полковника Кауфмана.

въ виду нашихъ необычайныхъ успѣховъ, конечно, сознавалъ, что паденіе имама должно совершиться въ недалекомъ будущемъ; а потому непрочъ былъ, на такой конецъ, подготовить себѣ наиболѣе выгодный исходъ изъ дѣла, т. е. удержать свое наивство и подъ русскою властью. Заявленіе готовности покориться со всѣмъ своимъ обществомъ сдѣлано было имъ (конечно, подъ покровомъ глубочайшей тайны) еще въ началѣ марта, но переговоры затянулись вслѣдствіе движенія нашего въ Малую Чечню; а пока русскія войска были далеко, Батоба, разумѣется, тщательнѣ скрывалъ свои замыслы, потому что Шамиль, при малѣйшемъ подозрѣніи, имѣлъ еще возможность расправиться съ нимъ по свойски. Тѣмъ не менѣе, разъ завязавшія сношенія съ набомъ, задумавшимъ измѣнить своему владыкѣ, могли отразиться выгоднымъ для насъ образомъ при послѣдующихъ дѣйствіяхъ, и кн. Барятинскій былъ очень доволенъ этимъ дипломатическимъ ходомъ ¹⁾.

Напряженная дѣятельность Николая Ивановича, за послѣднее время, далеко не ограничивалась лишь борьбою съ непріателемъ и природою. Соединенныя съ этимъ заботы о снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ, при ихъ поистинѣ гигантскихъ трудахъ, усложнялись безконечными хлопотами и безпокойствами по устройству и администраціи ввѣреннаго ему обширнаго края, и особенно Большой Чеченской плоскости, только что, поневолѣ, смирившейся, но непрерывно посѣщаемой партіями мюридовъ, которыхъ Шамиль высылалъ туда для развлеченія нашего вниманія и для воспрепятствованія выселенію остальныхъ жителей въ наши предѣлы. Заботъ по водворенію переселенцевъ тоже была масса: неудачное распредѣленіе между ними земель могло бы повести къ новымъ волненіямъ, и это сильно тревожило Н. И. Евдокимова. Изъ огромной текущей переписки его съ ген. Кемпфертомъ, полк. Бѣликомъ и др. лицами можно видѣть что за бездна сложныхъ, разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ заботъ обременяла его въ эту эпоху. Кромѣ того, хотя онъ и имѣлъ могучую поддержку въ кн. Барятинскомъ, но съ другой стороны не могъ не знать, что, по мѣрѣ одержанія имъ новыхъ успѣховъ, возрастала и безъ того уже крупная цифра его завист-

¹⁾ См. приложенія.

никовъ и недоброжелателей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли сильныя связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и которые готовы были, при первомъ промахѣ или неудачѣ, сломить ему шею. Приходилось постоянно быть насторожѣ, каждый шагъ дѣлать съ оглядкою.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если подобное физическое и нравственное напряженіе приходилось иногда не подѣ силу даже такому закаленному жизнью человѣку, каковымъ былъ Николай Ивановичъ, и его обычное душевное равновѣсіе подѣ-часъ расплывалось, особенно если ему по чему либо представлялось, что высшее начальство не вполне довольно его дѣйствіями. Любопытнымъ примѣромъ подобной раздражительности, или мнительности, является отвѣтъ его начальнику штаба Кавказской арміи, по поводу письма отъ 10-го февраля 1858 г., въ которомъ тотъ, между прочимъ, говорить слѣдующее:

„Сегодня полковникъ Старицкій привезъ реляцію послѣдняго дѣла, происходившаго на Шаро-Аргунѣ. Желательно было бы задать еще болѣе острaтки непріятелю, для нравственнаго вліянія и на туземцевъ, и на наши войска. Пусть успѣшное занятіе Аргунскаго ущелья будетъ громовымъ ударомъ для горцевъ“¹⁾.

Какъ отнесся Н. И. Евдокимовъ къ этимъ безобиднымъ словамъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго отвѣта его начальнику штаба, на другое письмо послѣдняго, отъ 27-го февраля. Поблагодаривъ за поздравленіе по случаю награжденія его орденномъ Бѣлаго орла (за взятіе Аргунскаго ущелья), онъ продолжаетъ такъ:

„Въ письмѣ отъ 10-го февраля, писанномъ вами по полученіи донесенія моего о дѣлахъ при взятіи ауловъ Улусъ-Керты и Дуютень, ваше п—во выразили желаніе, чтобы дать непріятелю еще болѣе острaтки, для нравственнаго вліянія и на туземцевъ, и на наши войска. Ужъ не думаете ли вы въ самомъ дѣлѣ, что я уклоняюсь отъ боя ради излишней осторожности?—Выхожу изъ предѣловъ постоянного правила молчать о собственныхъ своихъ дѣлахъ и постараюсь, къ опроверженію такого мнѣнія,—если оно въ самомъ дѣлѣ есть,—привести здѣсь нѣ-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

сколько фактовъ, совершенно достаточныхъ для разрѣшенія подобнаго обстоятельства“.

„Не при мнѣ ли прорублены просѣки черезъ всѣ важнѣйшія мѣста Большой Чечни? Давно ли Малая Чечня, гордая воспоминаніемъ прежнихъ своихъ успѣховъ, потерпѣла поражение, укротившее ея кичливость? Не я ли открылъ дорогу до Зондава? Не мною ли выведено 2 т. семействъ чеченцевъ изъ такихъ мѣстъ, куда никто доселѣ проникнуть не рѣшался?—и, наконецъ, не со мною ли прошли войска черезъ всю лѣсистую полосу Черныхъ горъ и сдѣлали себѣ дорогу въ обходъ неприступныхъ ихъ ущелій!—Потрудитесь развернуть карту, посмотрите на театръ войны и на успѣхи прошедшихъ лѣтъ, сравните то и другое съ невѣроятными успѣхами послѣднихъ экспедицій, и вы получите убѣжденіе, что подобныя дѣйствія не могли быть исполнены безъ рѣшимости къ бою; а если его не было въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бывало прежде, то это единственно отъ того, что, занимаясь настоящимъ дѣломъ, я не искалъ бою тамъ, гдѣ желалъ непріатель; а тотъ, въ свою очередь, не находилъ выгоднымъ драться безъ надежды на успѣхъ. Какъ бы ни было, однако, война въ Чечнѣ недавно измѣнилась; чеченцы стали бояться русскихъ войскъ, а духъ солдатъ нашихъ, увѣрившихся въ возможности сокрушать и преграды, и жилища непріательскія безъ значительныхъ утратъ, возвысился. Это скажетъ каждый, кто вслушивался въ ихъ нынѣшній голосъ. Давно ли заботы наши стремились только къ упроченію за собою плоскостей, а нынѣ положено уже основаніе покоренію Черныхъ горъ, за которымъ вскорѣ можетъ исполниться и завоеваніе остальной страны. Все это совершилось въ такой короткій срокъ, который достаточенъ для засвидѣтельствованія, что при исполненіи не было упускаемо благоприятныхъ обстоятельствъ; а, не смотря на это, отъ меня требуется еще больше. Отъ чего это? Неужели я сдѣлалъ меньше другихъ?“

„Легко теперь идти и послѣдовательно отнимать у Шамиля его способы къ войнѣ съ нами. Онъ самъ видитъ это съ безпокойствомъ, но, вѣрный своей системѣ, терпѣливо ждетъ нашихъ ошибокъ, чтобы, улучивъ благоприятное ему время, вдругъ лишить насъ торжества и отодвинуть назадъ. Сохрани насъ Боже отъ подобнаго несчастія; но оно можетъ случиться: излиш-

нее, несвоевременное увлеченіе и пренебреженіе къ врагу, сильному еще на крѣпкомъ основаніи могущества своего у горцевъ, можетъ имѣть большое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи нашихъ предпріятій. Судите безпристрастно все, что высказалъ я выше, но будьте, ради Бога, снисходительны къ простотѣ слога стараго кавказскаго солдата, не посвященнаго въ тайну дипломатической мудрости. Побужденный необходимостью оправдать предполагаемую, какъ видно, во мнѣ нерѣшительность, я сказалъ въ письмѣ этомъ можетъ быть больше, чѣмъ бы слѣдовало; но какъ же поступить иначе, когда я вижу, что отъ меня требуется свыше моихъ силъ, а для обсужденія исполненнаго выбирается худшая сторона“.

„Приказывать легче, чѣмъ выполнять, ибо не всегда видны тѣ препятствія, какія долженъ преодолевать исполняющій; а если сей послѣдній лишень при этомъ и довѣренности, то затрудненія удесятерятся, и дѣло отъ того не выиграетъ. Теперешнюю войну нельзя сравнивать съ войною на плоскостяхъ. Каждый нынѣшній шагъ, кромѣ рубки лѣса, требуетъ проложенія дорогъ, на что необходимо иногда болѣе средствъ и времени, чѣмъ на первое. Я совершенно добросовѣстно бралъ на себя дальнѣйшую работу по занятіи Аргунскаго ущелья; но вырубкою просѣки на Ведень князю угодно было увеличить урокъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$ всего дѣла. Не знаю, хватитъ ли времени и силъ выполнить остальное, ибо надо же подумать и о людяхъ, трудящихся безъ отдыха, и о работахъ, предстоящихъ лѣтомъ“¹⁾.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ поспѣшилъ, съ свойственною ему деликатностью, успокоить стараго кавказца, очевидно, чѣмъ-то задѣтаго за живое. Въ письмѣ своемъ, отъ 22-го марта, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„...Признаюсь вамъ, сколько порадовало меня письмо, заключавшее это извѣстіе (о готовности шубутовскаго наиба изъявить покорность), столько же удивило другое, отъ 14-го марта, въ коемъ ваше п—во сочли нужнымъ оправдывать свои дѣйствія противъ дѣлаемыхъ будто бы упрековъ въ нерѣшительности ихъ.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо Д. А. Милютину, отъ 14-го марта 1858 г.

Право, не понимаю, что могло подать поводъ къ подобнымъ съ вашей стороны объясненіямъ, особенно теперь, послѣ послѣднихъ вашихъ движеній, столь отважныхъ и счастливыхъ, что самъ Государь Императоръ, въ письмѣ къ главнокомандующему отзывался въ чрезвычайно лестныхъ для васъ выраженіяхъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ваше неудовольствіе могло быть вызвано одною фразою моего письма, написаннаго безъ малѣйшаго намека, въ совершенной простотѣ души. Согласитесь сами, что всякій знающій Аргунское ущелье и что значить занятіе такого пункта былъ въ правѣ выразить надежду, что теперь-то вы и „зададите неприятелю острастку.“ Развѣ въ этомъ заключается малѣйшій упрекъ вашимъ прежнимъ дѣйствіямъ? Сохрани Богъ, если подобная мысль западетъ въ ваше сердце, и я никакъ не ожидалъ, чтобы моимъ словамъ могло быть дано подобное истолкованіе. Еще менѣе можетъ придти кому нибудь въ мысль—упрекнуть васъ въ томъ, что вы не ищете кровопролитныхъ сраженій; напротивъ того, всѣ прославляютъ именно тѣ успѣхи, которые достаются безъ пожертвованій. Занятіе горы Дарга—есть безспорно отважный шагъ; всѣ, не исключая и самого Шамиля, убѣждены въ томъ, что вы стали теперь на открытой дорогѣ къ Веденю и, конечно, не покинете уже этой дороги, не дадите неприятелю укрѣпиться на ней и, образумившись, принять мѣры къ загражденію вамъ въ другой разъ этого труднаго доступа. Мнѣ кажется, что позиція, вами занятая, можетъ быть удержана оставленіемъ тутъ двухъ или трехъ баталіоновъ Куринскаго полка, въ томъ же видѣ, какъ занять Кишень, т. е. въ видѣ временнаго передоваго пункта, впредь до окончательнаго выбора мѣста для будущей штабъ-квартиры. Точно также и въ Шубутѣ,—въ предполагаемое вами укрѣпленіе можетъ быть выдвинуто баталіона 2 или 3 Навагинскаго полка, впредь до выбора въ томъ краѣ штабъ-квартиры для этого же полка. Тогда Малая Чечня отрѣзана будетъ окончательно отъ Шамиля и едва ли даже онъ можетъ удержаться по сю сторону Андійскаго хребта“.

„Всѣ эти соображенія я излагаю совершенно какъ мои личныя мысли; простите, если я не угадалъ вашихъ собственныхъ видовъ, и убѣдительно прошу васъ, Николай Ивановичъ, на будущее время не искать въ моихъ письмахъ никакихъ изворотливыхъ намековъ, а принимать мои слова за чистосердечное выра-

женіе моего горячаго соучастія въ вашихъ успѣхахъ, столь важныхъ для будущности края и для собственной вашей славы ¹⁾“.

Окончательныя работы на Аргунѣ и Даргинѣ-Дукѣ продолжались съ 21-го по 29-е марта; во время производства ихъ, непріятель попрежнему тревожилъ насъ мало, обыкновенно по ночамъ. Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ уже соображалъ дальнѣйшія свои дѣйствія, главнымъ объектомъ которыхъ, согласно прежде составленному плану, являлась Малая Чечня ²⁾. Прежде, однако, чѣмъ выступить туда, онъ призналъ нужнымъ отодвинуть еще дальше отъ Аргунскаго укрѣпленія передовыя пункты непріятеля и для сего уничтожить ближайшіе аулы, лежавшіе по теченію рѣчки Вашинѣ-Дара (впадающей въ Аргунѣ) и рѣки Чанты-Аргунѣ. Закончивъ это предпріятіе въ теченіи двухъ дней (29 и 31 марта), онъ, не теряя времени и не давая отдыха, ни себѣ самому, ни войскамъ, бросился въ Малую Чечню.

31-го марта выслана была на р. Энгеликѣ передовая колонна (3 бат., 2 сотни, 4 орудія), подъ начальствомъ полковника Рихтера. На другой день двинулся туда же самъ начальникъ чеченскаго отряда, съ главными силами (10½ бат., 5 сотенъ конницы, 6 орудій). Въ Аргунскомъ укрѣпленіи оставленъ былъ 1 баталіонъ, а для предупрежденія всякихъ покушеній изъ ущелья Чанты-Аргуна расположено было на этой рѣкѣ 4½ бат. и 1 сотня съ 4-мя горными орудіями.

Въ послѣдніе пять дней положеніе Чеченскаго отряда было, по словамъ Н. И. Евдокимова, „самое крайнее“ ³⁾. Отъ сильной оттепели и проливныхъ дождей дорога, проложенная въ мягкомъ грунтѣ, испортилась до такой степени, что движеніе по ней не только обозовъ, но и самыхъ войскъ сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Вода въ обѣихъ Аргунахъ поднялась такъ высоко, что унесла во второй разъ временный мостъ на Чанты-Аргунѣ и сдѣлала прежніе броды опасными: только пѣхота могла пробраться по кладкамъ, наскоро накинутымъ на сваи, вбитыя для постоянного моста. Въ довершеніе затрудненій, обвалъ съ горы, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Аргунскаго

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

²⁾ См. выше, записку отъ 3 февр., представленную имъ кн. Барятинскому.

³⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій Чеченскаго отряда, съ 21-го марта по 2-е апрѣля 1858 г. (Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,602 в.).

ущелья, разрушилъ дорогу и сдѣлалъ проходъ тамъ повозокъ почти невозможнымъ. Неимовѣрныхъ усилій стоило войскамъ перевозить черезъ ущелье артиллерію; такія же задержки встрѣчала доставка припасовъ изъ Воздвиженскаго къ Дачу-Борзою. Огромнаго запаса энергіи, настойчивости и знанія дѣла требовалось и отъ начальника, и отъ его подчиненныхъ, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы съ природою, послѣ только что понесенныхъ почти двухъ-мѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ, но Н. И. Евдокимовъ, всегда скупой на кровь своихъ солдатъ, не оказывалъ пощады тамъ, гдѣ это считалъ необходимымъ, ихъ физическимъ силамъ. Трудясь самъ почти безъ передышки, онъ заставлялъ и солдата работать до послѣдней крайности.

Важныя причины заставляли его торопиться движеніемъ въ нагорную часть Малой Чечни: 1) перенося главныя дѣйствія въ самыя нѣдра Кавказскихъ горъ, надо было разъ навсегда покончить съ мало-чеченскимъ населеніемъ, гнѣздившимся въ труднодоступныхъ ущельяхъ притоковъ Сунжи, на пространствѣ отъ Аргуна до р. Ассы, откуда такъ легко было непріятелю тревожить набѣгами наши линіи и волновать мирные аулы, 2) упадокъ нравственныхъ силъ непріятеля, вслѣдствіе предшествовавшихъ успѣховъ нашихъ, подавалъ надежду, что это нѣкогда необузданное населеніе, при первомъ появленіи русскихъ войскъ, изъявитъ покорность и выселится на плоскость.

Чтобы подготовить почву для выполненія своего плана, Н. И. Евдокимовъ уже заранѣе, находясь еще въ Аргунскомъ ущельѣ, послалъ довѣренныхъ изъ туземцевъ въ нагорную полосу Малой Чечни, поручивъ имъ возвѣстить почетнѣйшимъ жителямъ тамошнихъ ауловъ, что на будущее время онъ не будетъ терпѣть въ этой странѣ присутствія непокорныхъ и что онъ предоставляетъ имъ на выборъ или покориться намъ добровольно и исполнить его требованія, или, оставивъ свои жилища и поля на раззореніе, уходить далѣе въ горы, гдѣ въ скоромъ времени мы ихъ тоже неминуемо достигнемъ. Всѣхъ добровольныхъ выходцевъ Николай Пвановичъ обѣщалъ надѣлать землю на плоскости; тѣмъ же, которые будутъ упорствовать и не принесутъ немедленной покорности, приказалъ объявить, что впослѣдствіи покорность хотя и будетъ отъ нихъ принята, но что, при выходѣ изъ горъ, въ чему неминуемо принудятъ ихъ обстоятель-

ства въ весьма скоромъ времени,—они лишатся права какъ на полученіе земли, такъ и на всякое снисхожденіе начальства.

Вопросъ о переселеніи, какъ видимъ, былъ поставленъ ребромъ, и чеченцы знали, что „Учгѣзъ“ не такой человекъ; чтобы угрозы и обѣщанія стали пускать на вѣтеръ. То и другое по дѣйствовало на нихъ магическимъ образомъ. 1-го апрѣля, едва лишь прибылъ нашъ главный отрядъ на р. Энгеликъ, какъ отъ гойтинскаго общества, обитавшаго между этою рѣкою и р. Мартаномъ, явились депутаты съ изъявленіемъ покорности и просьбою прикрыть ихъ переселеніе отъ враждебныхъ свопищъ, появившихся между истоками Гойты и Энгелика. Н. И. Евдокимовъ обласкалъ депутатовъ и хотя помянутыя свопища состояли въ распоряженіи наиба Батока, съ которымъ уже были завязаны сношенія, однако, не довѣряясь вѣроломному татарину, онъ разставилъ войска свои такъ, чтобы куда ни сунулся противникъ, вездѣ встрѣтилъ должный отпоръ ¹⁾). Попытки прорваться сквозь цѣпь нашихъ отрядовъ и напасть на переселенцевъ точно предпринимались, но непріятель дѣйствовалъ при этомъ весьма нерѣшительно и при первыхъ съ нашей стороны выстрѣлахъ обращался въ бѣгство. Благодаря столь удачному стеченію обстоятельствъ, переселенцы успѣли въ теченіи трехъ дней вывезти все свое имущество изъ прежнихъ ауловъ, которые вслѣдъ за тѣмъ предавались пламени.

Примѣру гойтинцевъ немедленно послѣдовали и сосѣди ихъ, гехинцы. На пространствѣ отъ р. Гойты до р. Теньги повторилось то-же, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, происходило въ верховьяхъ Гойты и Энгелика. Не смотря на крайне дурное состояніе дорогъ, къ 15-му апрѣля переселеніе было вполне закончено. Всего вышло на плоскость болѣе 2,500 семей; ауловъ сожжено 96. Уронъ нашъ, при стычкахъ съ шайбами Батова, ограничивался 2-мя убитыми и 9-ю ранеными нижн. чинами.

Итакъ, расчеты и ожиданія Н. И. Евдокимова и на этотъ разъ тоже вполне оправдались.

¹⁾ Батока, очевидно, поколебался въ своихъ прежнихъ намѣреніяхъ, если только они были искренни, потому что, какъ увидимъ ниже, продолжалъ дѣйствовать противъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не добрались до самой его резиденціи.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ такимъ почти безкровнымъ успѣхомъ и на донесеніи начальника Чеченскаго отряда ¹⁾) собственноручно начерталъ: „Весьма утѣшительный результатъ, за что объявить мое благоволеніе въ приказѣ ген. Евдокимову и всѣмъ начальникамъ; нижнимъ чинамъ по $\frac{1}{4}$ р. сер.“.

Не менѣе доволенъ, конечно, былъ и кн. Барятинскій: еще на одинъ и весьма крупный шагъ подвинулись мы въ дѣлѣ покоренія восточнаго Кавказа.

„Вы не перестаете радовать меня блестящими успѣхами вашими, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ,—писалъ онъ Евдокимову. Спѣшу благодарить васъ отъ всей души. Дѣйствіями и совѣтами вы мощно помогаете мнѣ къ низверженію власти Шамиля. Посылаю вамъ 28 крестовъ, дабы украсить достойныя войска ваши и тѣмъ изъявить сколько я цѣню ихъ труды и мужество. Я рассчитываю, что недѣли двѣ, не болѣе, вамъ предстоитъ еще быть въ тревогѣ отъ покушеній Шамиля; затѣмъ настанутъ полевыя работы, которыя отнимутъ у него средства къ большимъ сборамъ.... Обнимаю васъ дружески и благодарю еще разъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили“ ²⁾).

Одновременно съ симъ, новое изъявленіе полнаго довѣрія главнокомандующаго къ Н. И. Евдокимову выразилось въ письмѣ къ послѣднему отъ начальника штаба.

.... „Его сіятельство,—пишетъ онъ,—изволилъ поручить мнѣ сообщить вашему п—ву, что не только во время предстоящаго вамъ въ нынѣшнее лѣто движенія въ горы, но и во всѣхъ вообще случаяхъ дѣйствія и распоряженія ваши отнюдь не должны быть стѣснены несвоевременнымъ испрашиваніемъ разрѣшеній. Князь Александръ Ивановичъ имѣетъ столько довѣрія къ вашей опытности и благоразумной твердости, что вполне предоставляетъ вамъ принимать на мѣстѣ, по собственному усмотрѣнію вашему, всѣ мѣры, какія по ходу военныхъ дѣйствій признаете вы полезными и нетерпящими отлагательства“.... ³⁾).

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,602 в.

²⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 96. Письмо кн. Барятинскаго, отъ 25-го апрѣля 1858 г.

³⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 50. Письмо А. Д. Милюткина отъ 25-го апрѣля 1858 г., № 76.

Къ сожалѣнію, выраженная кн. Барятинскимъ (въ вышеприведенномъ письмѣ) надежда, что Шамиль, въ теченіи предстоящихъ весны и лѣта, будетъ обреченъ на невольное бездѣйствіе, далеко не оправдалась. Не смотря на одержанные нами въ послѣднее время необычайные успѣхи, престарѣлый имамъ не терялся, не падалъ духомъ, рѣшилъ бороться до конца и, пустивъ въ дѣло всѣ находившіяся еще въ его распоряженіи средства, натворилъ Н. И. Евдокимову множество хлопотъ и безпокойствъ, отчасти съ такой стороны, съ которой тотъ менѣе всего ихъ ожидалъ.

И. О.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приложенія къ гл. IV.

Письмо Н. И. Евдокимова начальнику главн. штаба Кавказской арміи, отъ 15-го марта 1858 г.

1.

«Наибъ шубутовскій, Батока, имѣетъ расположеніе къ принятію покорности съ дѣльмъ обществомъ, на условіи, что его оставятъ наибомъ и обезпечать содержаніемъ. Вчера являлся ко мнѣ его довѣренный, а надняхъ мы повидаемся лично.

Я съ своей стороны полагаю весьма полезнымъ воспользоваться подобнымъ предложеніемъ, ибо примѣръ наива въ одномъ обществѣ можетъ найти послѣдователей въ другихъ, и это облегчитъ и ускоритъ паденіе горцевъ.

Въ Шубутѣ необходимо построить крѣпость, сдѣлать переправу черезъ Аргунъ и обезпечить ее башнею. Это также входитъ въ предложеніе Батока. Эту самую мысль имѣю я въ виду при выполненіи экспедиціи къ Шубуту, и какъ при этомъ самые пункты укрѣпленія и переправы посланный Батока указалъ тѣ, которые замѣчены у меня изъ разспросовъ, то и остается вѣрить въ истину намѣренной сказаннаго наива.

Покорнѣйше прошу ваше п—во доложить сказанное выше обстоятельство его с—ву г. главнокомандующему и исходатайствовать у него наставленія: какъ поступить въ настоящемъ случаѣ и какъ дѣйствовать въ подобныхъ будущихъ.

Наибъ Батока знаетъ, что старшій надъ нимъ будетъ русскій начальникъ и, для обезпеченія довѣренности къ себѣ, готовитъ отдать къ намъ аманатомъ собственнаго сына. Отвѣта буду ожидать съ нарочнымъ»...

2.

Въ отвѣтѣ отъ 22-го марта на вышеприведенное письмо начальникъ штаба Д. А. Малютинъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Сообщаемое вами извѣстіе о желаніи шубутовскаго наиба покориться вмѣстѣ съ цѣлымъ обществомъ—есть одна изъ самыхъ пріятныхъ новостей, какую только можно было ожидать послѣ счастливаго занятія Аргунскаго ущелья. Князь Александръ Ивановичъ былъ чрезвычайно обрѣдованъ этимъ результатомъ вашей блестящей кампаніи, и вмѣстѣ съ симъ, въ особомъ письмѣ, я сообщаю вашему п—ву разрѣшеніе главнокомандующаго по этому предмету. Заранѣе поздравляю васъ, Н. И., съ этимъ новымъ успѣхомъ»...

3.

Въ тотъ же день Д. А. Милютинъ, особымъ официальнымъ письмомъ (за № 62) сообщалъ Н. И. Евдокимову слѣдующее:

«Въ письмѣ отъ 15-го сего марта ваше п—во изволите сообщать мнѣ извѣстіе о желаніи шубутовскаго наиба Батока покориться съ цѣлымъ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы: 1) онъ былъ оставленъ наибомъ означеннаго общества, 2) чтобы ему было назначено содержаніе и 3) чтобы при его содѣйствіи была возведена въ самомъ Шубутѣ крѣпость съ обеспеченнымъ мостомъ на Аргунѣ

Главнокомандующій, узнавъ о столь важномъ оборотѣ дѣла по вѣрному вамъ краѣ и приписывая это рѣшительнымъ и успѣшнымъ вашимъ дѣйствіямъ въ Аргунскомъ ущельи,—поручить мнѣ изволил сообщить вашему п—ву, что его с—во совершенно одобряетъ ваши предположенія, и не только разрѣшаетъ вамъ принять покорность шубутовскаго наиба на вышеозначенныхъ условіяхъ, но даже проситъ васъ непременно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы положить прочное начало покорности нагорной Чечни. Построеніе крѣпости на Аргунѣ есть необходимое условіе покоренія Шубута. Относительно же содержанія наибу Батока ваше п—во сами можете лучше сообразить, въ какомъ размѣрѣ оно должно быть назначено, такъ, чтобы, не обременяя казны слишкомъ большою издержкою, если-бъ и другіе наибы послѣдовали примѣру шубутовскаго,—можно было бы, однако жъ, надѣяться, что Батока будетъ вполне доволенъ назначеннымъ ему содержаніемъ. Этимъ средствомъ онъ будетъ привязанъ къ нашей службѣ сильнѣе, чѣмъ крѣпостію и аманатами.

Всѣ прочія подробности принимаемой покорности г. главнокомандующій предоставляет на собственное ваше обсужденіе и о послѣдующей развязкѣ этого важнаго дѣла будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать вашего донесенія».

4.

Письмо это застало Н. И. Евдокимова уже въ Малой Чечнѣ, въ лагерѣ на р. Энгеликѣ, откуда онъ, 4-го апрѣля, отвѣчалъ генер. Милютину:

«На отзывъ вашъ отъ 22-го марта спѣшу увѣдомить ваше п—во, что снѣшенія мои съ набомъ Батока только въ началѣ, и развязка ихъ не можетъ быть такъ скоро, чтобы я могъ увѣдомить теперь же. Развязка этой прѣжде и ожидать нельзя, какъ по вступленіи войскъ нашихъ въ Шубутъ, а до того времени сношенія мои съ Батокою должны оставаться тайною.

Найдя въ вышеупомянутомъ отзывѣ вашего п—ва тѣ указанія г. главнокомандующаго, которыя были необходимы мнѣ для руководства въ столь важномъ дѣлѣ, я теперь только могу приняться за него съ необходимою увѣренностію. Плоды этого начала поспѣшу представить его с—ву въ свое время» (Арх. гр. Евдокимова, № 50).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLII ¹⁾.

На могилѣ друга.

[посвящено ІЕРЕЮ МИХАИЛУ].

Я посѣтилъ твою могилу,
 Твой юный прахъ благословилъ,
 И вспомнилъ: нѣкогда таила
 Твоя душа въ забыткѣ силъ
 Зерно высокихъ помышлений,
 И полный сильныхъ убѣждений
 Его ты въ колосѣ возрастилъ.
 Но бурей вдругъ перенесенный
 Въ страну безплодную степей
 Какъ алакъ на почвѣ раскаленной
 Сгараеть—такъ въ огнѣ скорбей,
 Такъ въ пламени негодованья
 Сгорѣлъ и ты въ твоемъ изгнаньи
 Межъ чуждыхъ для тебя людей.

И вотъ, когда служитель Бога
 Среди разбросанныхъ могилъ
 Къ твоей мнѣ указалъ дорогу—
 Твой прахъ слезой я оросилъ
 И далъ въ твое воспоминанье
 Меня приведшему лобзанье:
 Какъ я, и онъ тебя любилъ...
 И вѣрилъ въ это я мгновенье,
 Что ты насъ свыше увидалъ,
 И неземное утѣшенье
 Въ любви друзей твоихъ узналъ.
 А мы домой пошли угрюмо
 И каждый молча грустной думой
 Твой ликъ забытый воскрешалъ.

Твой черный крестъ символъ страданья,
 И примиренія символъ,
 На вѣкъ въ моемъ воспоминаньи
 Черту глубокую провелъ.
 Теперь уже изъ нѣдръ могилы
 Тебя спасительною силой
 Къ духовной жизни онъ возвелъ.

Н. П. Огаревъ.

Саратовъ. Августъ 1839 г.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; чад. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ

въ 1870—1882 гг. ¹⁾.

Скобелевъ былъ годомъ моложе меня. Онъ перешелъ на службу въ Туркестанъ въ бытность мою тамъ, но когда именно—не помню. Много слышавши объ его извѣстномъ дѣдѣ, я ничего не зналъ ни объ его отцѣ, ни о немъ самомъ, пока не стряслась надъ нимъ исторія, надѣлавшая въ свое время не мало шума въ Туркестанскомъ краѣ. Какъ теперь помню мое первое знакомство съ Скобелевымъ, въ 1870 году, въ единственномъ ресторанѣ города Ташкента. Нѣкто Жираре, очень милый французъ, учившій дѣтей тогдашняго генералъ-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, стройнаго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника Скобелева.

Я пожалъ руку офицера, почтительно поклонившагося и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ рассыпавшагося въ чувствахъ уваженія и проч.

Фигура юнаго Скобелева была такъ привлекательна, что нельзя было отнестись къ нему безъ симпатіи, не смотря на то, что исторія, висѣвшая въ это время на его шеѣ, была самаго некрасиваго свойства. Дѣло въ томъ, что, возвратившись изъ рекогносцировки по бухарской границѣ, онъ донесъ о множествѣ разбитыхъ, преслѣдованныхъ и побитыхъ бухарскихъ разбойниковъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, какъ оказалось, и которые были имъ просто сочинены для реляціи.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LX, ноябрь, стр. 445—463, и декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., томъ LXI, мартъ, стр. 587—630.

Дѣло разыгралось бы, пожалуй, «въ ничью», какъ множество подобныхъ дутыхъ донесеній, если бы не замѣшалась личная месть. Скобелевъ въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ казаковъ и хотя послѣ представилъ его въ урядники, но уралецъ-«дворянинъ», какъ они себя величаютъ, на этомъ не помирился, а сталъ громко говорить, что «офицеръ сочинилъ, отъ начала до конца, всю исторію о разбойникахъ, вовсе и не видѣнныхъ ими».

Вышелъ великій скандалъ, не только для высшихъ, но и для нашихъ слоевъ общества офицеровъ; выразителемъ первыхъ явился генералъ-губернаторъ, вторыхъ—двое офицеровъ изъ золотой молодежи Ташкента: кирасиръ Г., сынъ извѣстнаго генерала Г. (кончившаго жизнь въ Варшавѣ всѣмъ извѣстною трагическою смертью), и П., адъютантъ генералъ-губернатора — оба вызвали Скобелева на дуэль.

Я готовился въ это время ѣхать въ Коканъ и, живя временно въ гостинницѣ, видѣлъ всѣ совѣщанія и приготовленія къ поединкамъ, разумѣется, не имѣя права вмѣшиваться въ нихъ; мнѣ жаль было ювошу, увлекающагося въ погонѣ за отличіемъ до такой некрасивой продѣлки, и я говорилъ П.:

— Да перестаньте вы конспирировать, пощадите малаго-то!

П. рассказывалъ послѣ, что Скобелевъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ во время дуэли, такъ что по окончаніи ея они пожали другъ другу руки. Г. получилъ рану, кажется бывшую впоследствии причиною смерти этого милаго, симпатичнаго юноши. Принуждены были, какъ говорю, отозваться на этотъ шумъ и сверху: генералъ-губернаторъ, онъ же и командующій войсками Туркестанскаго края, экстренно созвалъ офицеровъ въ большой залъ своего дома и сурово, жестко распекъ Скобелева.

Затѣмъ Скобелевъ долженъ былъ оставить Туркестанъ, гдѣ его положеніе сдѣлалось со всѣхъ сторонъ невыносимо. Передъ отъѣздомъ онъ былъ до того жалокъ, что, признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему:

— Да плюньте вы, все перемелется...

Десять лѣтъ спустя этотъ осрамленный, ошельмованный штабс-ротмистръ былъ генераломъ отъ инфантеріи, командиромъ небольшой, отдѣльно оперировавшей, арміи, и необходимо сейчасъ же добавить, что отличія свои взялъ не по протекціи, а съ бою, грудью; только одинъ разъ, не утерпѣвши, сдѣлалъ опять промахъ, не такой, правда, большой, какъ въ 1870 году, но, однако, и не малый: онъ повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы съ одной стороны въ то самое время, какъ съ другой—городская депутація выходила съ хлѣбомъ-

солю, для выраженія командующему войсками полной и безусловной покорности.

Генераль Кауфманъ разсказывалъ мнѣ, что, зная уже о сдѣлѣ города и готовясь вѣхать въ него, онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и крики «ура», словомъ, настоящій штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и Шъ.

* * *

Справедливо сказать, что въ этомъ же самомъ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ, дѣйствительно, отличился, выдвинулся изъ ряда товарищей дерзки-молодецкимъ поступкомъ. Какъ ни посмѣивались потомъ П. и другіе надъ тѣмъ, что Скобелевъ все таки не докончилъ, не довелъ до конца предпринятаго, я считаю, что онъ выкинулъ такую лихую штуку, за которую Георгіевскій крестъ былъ только справедливою наградою. Не вѣрю, чтобы, какъ утверждали досужіе люди, онъ хлопоталъ только объ этомъ крестѣ, который ему не давалъ покоя и статутъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ наизусть еще съ юныхъ лѣтъ. Скобелевъ былъ всегда лихой офицеръ и я вѣрю, что въ поступкѣ его было не мало «искусства для искусства».

Вотъ что онъ сдѣлалъ: изъ трехъ отрядовъ, посланныхъ на Хиву, одинъ кавказскій, подъ начальствомъ полковника Маркозова, не дошелъ до мѣста назначенія; слишкомъ торопясь придти раньше другихъ, они измучили лошадей и заморили выючныхъ животныхъ, такъ что въ концѣ концовъ должны были, во избѣжаніе гибели въ степи, воротиться, не дойдя до Хивы 70 верстъ. Это пространство въ 70 верстъ осталось, такимъ образомъ, не разслѣдованнымъ, а для пополненія пробѣла въ свѣдѣніяхъ имѣлось въ виду снарядить небольшой отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Скобелевъ вызвался сдѣлать одинъ эту поѣздку, также какъ и глазомѣрную съемку не пройденнаго пути.

Генераль Кауфманъ согласился.

Переодѣвшись въ туркменское платье, Скобелевъ поѣхалъ съ двумя джигитами и, дѣйствительно, изслѣдовалъ путь и набросилъ разпросную карту, не дойдя лишь 15—17 верстъ до тѣхъ колодець, отъ которыхъ кавказцы повернули назадъ и у которыхъ въ это время, по свѣдѣніямъ, былъ расположенъ сильный туркменскій отрядъ въ 15,000 человекъ.

— Неужели вы никого не встрѣтили на пути, кто бы призналъ въ васъ русскаго? спрашивалъ я Скобелева.

— Конечно, встрѣчался народъ, но я всегда высылалъ впередъ моихъ джигитовъ; они заводили разговоры о томъ, о семъ, главнымъ образомъ, разумѣется, объ урусахъ, разсказывали при нуждѣ и не-

былицы, чѣмъ отвлекали ихъ вниманіе, а я тѣмъ временемъ про-
скальзывалъ стороною впередъ...

За эту рекогносцировку Скобелевъ прямо по статуту получилъ
давно желанный имъ Георгіевскій крестъ. Генераль Кауфманъ раз-
сказывалъ мнѣ въ 1874 году въ Петербургѣ, что, поздравляя Скобе-
лева съ крестомъ, онъ прибавилъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки, но
уваженія моего еще не заслужили.

Жестко!

* *
*

Это уваженіе почтеннаго Константина Петровича Кауфмана Скобе-
левъ заслужилъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ же Коканскомъ по-
ходѣ, во время котораго онъ окончательно выдвинулся какъ боевой офи-
церъ, отлично приготовленный, разумный, храбрый и предприимчивый.

Будучи въ Коканѣ во время вспыхнувшего тамъ мятежа противъ
хана, онъ, начальствуя конвоемъ русской миссіи, отступилъ отъ гор.
Кокана къ русской границѣ, охраняя и русскихъ чиновниковъ, и
самого хана со свитою, не потерявъ ни одного человѣка. Одной не-
ловкости, одного выстрѣла со стороны горсти отступавшихъ было
достаточно, чтобы вызвать рѣзню; Скобелевъ понималъ, что десятки
тысячъ наступавшихъ со всѣхъ сторонъ узбековъ, конечно, разда-
вили бы его ничтожную силу, если бы дѣло дошло до кровопролитія,
почему предпочелъ дѣйствовать на непріятеля страхомъ, импониро-
вать дисциплиною, и совершилъ отступленіе съ полнымъ успѣхомъ.

Конечно, не трусость, какъ нѣкоторые говорили, и не недоста-
токъ охоты подраться побудили его къ этому миролюбію — открыв-
шаяся затѣмъ кампанія противъ возставшаго Кокана служить тому
лучшимъ доказательствомъ.

Скобелевъ, занимая въ этомъ походѣ должность начальника кавалеріи,
поспѣвалъ всюду и рубилъ, рубилъ, рубилъ съ азартомъ, съ
упоеніемъ, рубилъ безъ усталы, безъ конца...

Въ битвѣ подъ Махрамомъ онъ сдѣлалъ такое кровопусканіе
кокандцамъ, что К. П. Кауфманъ, любившій иногда щеголять сло-
вами, выразился въ донесеніи государю: «Дѣло сдѣлано чисто!»

Во время этой кампаніи Скобелевъ повторилъ маневръ, просла-
вившій многихъ кавалеристовъ, включая израильянина Гедеона и
великаго могола Индіи Акбара: извѣстясь о томъ, что по близости
расположилось большое скопище коканской конницы, рассчитывавшей
ударить на насъ врасплохъ, онъ съ отборною сотнею оренбург-
скихъ казаковъ, подъ начальствомъ лихаго молодца Машина, под-
крался ночью къ непріятельскому стану, и безъ факеловъ и крик-

«мечъ Бога и Кауфмана!», съ однимъ «ура», такъ налетѣлъ на крѣпко спавшихъ непріятелей, что они въ паникѣ, давя и убивая другъ друга, разбѣжались во все стороны, не проявивши ни малѣйшаго сопротивленія.

По словамъ Скобелева, на другой день было собрано на полѣ битвы 2,000 чалмъ. Даже если и 1,000 чалмъ только, то дѣло сдѣлано было недурно, т. е. опять таки «чисто».

Мнѣ нравится въ разсказѣ Скобелева ¹⁾ объ этой лихой атакѣ черта искренности: онъ откровенно сознавался, что въ темнотѣ потерялъ Машина изъ виду и только слышалъ шумъ пронесшейся сотни, какъ бы шумъ вихря, такъ что попалъ на поле битвы уже когда все дрогнуло и побѣжало. Это сознаніе было, очевидно, слѣдствіемъ той относительной честности военной, которую М. Д. сталъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе усвоивать. Конечно, и подъ Геокъ-Тепе цифры силъ и потерь непріятеля не свободны еще отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, но уже переходъ къ нимъ отъ бухарскихъ разбойниковъ разительнъ: да къ тому же, надо сказать, что военные всеѣхъ народовъ и временъ прибавляли, прибавляютъ и будутъ прибавлять, т. е. подвирали, подвираютъ и будутъ подвирать. По пословицѣ «сухая ложка ротъ дереть» и офицеры, и солдаты любятъ начальника, который прикрашиваетъ реляціи, потому что тогда выходитъ больше наградъ и отличій и, въ концѣ концовъ, врядъ ли кто изъ военныхъ будетъ въ правѣ въ этомъ отношеніи бросить камнемъ въ Скобелева послѣднихъ годовъ, т. е. Скобелева, строгимъ присмотромъ за собою значительно исправившагося.

Не мѣшаетъ сказать, что К. П. Кауфманъ былъ послѣ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со Скобелевымъ и письма покойнаго начальника Туркестанскаго края, полученныя Михаиломъ Дмитриевичемъ во время турецкой кампаніи—нѣкоторыя мнѣ доводилось читать—дышали все искреннимъ расположеніемъ и дружбою.

Мимоходомъ сказать, одно изъ этихъ писемъ, написанное до начала нашихъ плевненскихъ неудачъ, было чисто пророческимъ: Кауфманъ находилъ линію нашихъ силъ слишкомъ растянутою, не довольно сильною и высказывалъ опасеніе за необезпеченность фланговъ....

* * *

На поле русско-турецкой войны Скобелевъ явился генераль-майоромъ, уже съ Георгіемъ на шеѣ, и хотя въ началѣ надъ туркестан-

¹⁾ Разсказывалъ онъ мнѣ, Струкову, Изыкову и Васильчикову, во время послѣдней турецкой кампаніи, когда мы стояли въ городѣ Чарлу. В. В.

скою его славою смѣялись, говорили, что онъ еще долженъ заслужить эти кресты, что, пожалуй, и роту солдатъ опасно довѣрить этому мальчишкѣ — онъ взялъ таки свое и кончилъ войну съ репутаціею перваго боеваго офицера, храбраго изъ храбрыхъ, народнаго героя-воина!

Помню, какъ неловко было положеніе его до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и нѣкоторое время послѣ того. Какъ мучился онъ тѣмъ, что оставилъ Туркестанъ, снова хотѣлъ проситься туда. Сколько разъ слушалъ я его горькія жалобы, утѣшалъ и обнадеживалъ, совѣтовалъ подождать. «Буду ждать, Вас. Вас., я ждать умѣю», отвѣчала Скобелевъ.

Посланный, въ явную немилость, начальникомъ штаба къ своему отцу, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему казачьею дивизіею, онъ спустилъ всю работу очень разумному офицеру капитану генеральнаго штаба Сахарову, а самъ проводилъ большую часть времени или въ составленіи разныхъ проектовъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ не мало надоѣдалъ многимъ, или пребывалъ въ Бухарестѣ, гдѣ веселился потолкину, поколику позволяли ему скудныя средства, доставляемыя расчетливымъ отцомъ, и на деньги, перехватываемыя направо и налево съ отдачею и безъ отдачи.

И то сказать, генераль-майору, бывшему начальникомъ огромной области и командовавшему войсками въ ней, командирствовать надъ штабомъ дивизіи далеко не привлекательно.

Отъ бездѣйствія Скобелевъ выкинулъ было опять штуку, которая могла стоить многихъ сотенъ жизни, если бы не здравый смыслъ казачьихъ командировъ. Онъ сталъ увѣрять своего отца въ возможности переправить казачьи полки черезъ Дунай вплавь. Положимъ, цѣль была резонная: кавалерія на той сторонѣ была крайне нужна, но вѣдь рѣка-то была въ разливѣ, около трехъ верстъ въ ширину!

Осторожный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ — «паша», какъ его называли у насъ — собралъ на совѣтъ полковыхъ командировъ, прося высказаться по этому вопросу. Пріятель мой Кухаренко, командиръ Кубанскаго полка, первый объявилъ со своимъ обычнымъ заиканіемъ: «не-е-е-возмо-о-ожно! всѣ-ѣ перето-о-о-немъ!»

Бравый Левисъ, командиръ владикавказцевъ, сказалъ, что «попробовать можно», но вѣроятно большая часть людей перетонетъ». Въ томъ же смыслѣ высказались Орловъ и Панкратьевъ.

Тогда Михаилъ Скобелевъ вызвалъ охотниковъ — явилось нѣсколько офицеровъ и казаковъ. Всѣ воротились или только окунувшись въ глубь, или проплывши около $\frac{1}{2}$ версты до настоящаго лѣваго берега Дуная, начавшаго показываться изъ воды и образовывавшаго въ это время длинный островокъ.

Михаилъ Дмитріевичъ одинъ поплылъ далѣе, хорошо понимая, что кому другому, а ему повернуть назадъ немислимо — засмѣють.

Отецъ его все время стоялъ на берегу и, пока голосъ его могъ быть слышенъ, кричалъ: «Воротись, Миша, утонешь! Миша, воротись!» Но тотъ не послушалъ, не вернулся и почти доплылъ до противоположнаго берега, недалеко отъ котораго его, уже совсѣмъ измучившагося, приняла лодка; лошадь же, освободившись отъ всадника, сначала державшагося за гриву, а потомъ за хвостъ, благополучно добралась, хотя лошадь эта была не изъ особенно замѣчательныхъ, ни по силѣ, ни по красотѣ; но вѣтъ сомнѣнія, что казаки на своихъ тяжелыхъ пузатыхъ лошаденкахъ не отдѣлались бы такъ благополучно и по всей вѣроятности, какъ говорилъ Кухаренко: «пер-е е-тону-ули-бы»!

Для Скобелева лично этотъ опытъ переправы былъ не первый — онъ дѣлалъ его, хотя и не въ такомъ крупномъ, рискованномъ видѣ и прежде и послѣ.

Какъ я слышалъ, незадолго передъ смертью, управляя маневрами своего корпуса, онъ приказалъ одному кавалерійскому полку переправиться черезъ рѣку.

— Люди замялись, полковой командиръ позволилъ себѣ выразить боязнь — не перетонули бы! Тогда Скобелевъ взялъ изъ строя первую попавшуюся лошадь, сѣлъ на нее и, какъ та ни бросалась, ни фыркала, заставилъ переплыть на тотъ берегъ и назадъ.

— «Вы видите, братцы, какъ это дѣлается, сказалъ онъ людямъ, — тетерь сдѣлайте то-же самое». Полкъ переплылъ туда, переплылъ обратно и не потерялъ ни людей, ни лошадей. Правда, что рѣка была не въ три версты шириною.

* *

Передъ переправою за Дунай Скобелевъ-отецъ лишень былъ командованія дивизіею, такъ что сынъ остался рѣшительно не при чемъ, между небомъ и землею. Во время переправы онъ, на свой страхъ, пристроился къ генералу Драгомирову, какъ ординарецъ, и тутъ буквально поразилъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и безстрашіемъ; гуляя въ огнѣ какъ на бульварѣ, разнося приказанія, присматривая за ходомъ битвы, ободряя молодыхъ сфицеровъ и солдатъ, онъ велъ себя по истинѣ блистательно, какъ вполне опытный боевой офицеръ, и это по отзыву самого генерала Драгомирова, репутація котораго у насъ была и есть очень высока.

Какой же нагоняй былъ потомъ Скобелеву, отъ высшаго начальства, за то, что онъ суется туда, «куда его не спрашиваютъ».

Потомъ ему приказано было сдѣлать рекогносцировку въ сторону

Рушука, но такъ какъ не дали въ его распоряженіе никакихъ силъ, то онъ уклонился отъ доли простаго «соглядатая обѣтованной земли» и за это обрушилъ на себя цѣлую бурю гнѣва.

Во время второй атаки на Плевну Скобелеву рѣшились довѣрить кромѣ казаковъ еще одинъ баталіонъ пѣхоты—съ этимъ однимъ баталіономъ онъ положительно спасъ наши отбитыя, разбитыя войска и князь Шаховской оффиціально донесъ, что корпусъ его отомель сравнительно благополучно, только благодаря своевременной, энергической диверсіи, произведенной Скобелевымъ.

Съ горстью людей онъ дошелъ до самой Плевны и крѣпко нажалъ на турокъ, никакъ не полагавшихъ, что они имѣютъ дѣло лишь съ нѣсколькими сотнями людей, ни кѣмъ не поддерживаемыхъ.

Отвлекши на себя вниманіе непріятеля, онъ, конечно, отступилъ, когда разстроенные полки корпуса Шаховскаго отошли.

Здѣсь кстати привести рыцарскую черту характера Скобелева: онъ призвалъ покойнаго брата моего Сергѣя, которому обыкновенно довѣрялъ самыя опасныя порученія, и сказалъ: «довѣрю вамъ убрать всѣхъ раненыхъ; я не отступлю, пока не получу отъ васъ извѣщенія, что всѣ подобраны». Уже поздно было, когда братъ мой съ одной стороны и сотникъ Ш... съ другой явились къ Скобелеву и донесли что: «ни одного раненаго не осталось на полѣ битвы».

— «Я вамъ вѣрю», отвѣтилъ Скобелевъ, и только тогда приказалъ отступать.

Братъ мой, убитый потомъ 30-го августа 1877 г., состоялъ при М. Д. волонтеромъ; онъ былъ съ нимъ все время этой дерзкой атаки и Скобелевъ рассказывалъ, что когда подъ нимъ убили лошадь, юный художникъ соскочилъ съ сѣдла и расшаркнулся: «ваше превосходительство, не угодно-ли взять мою?»

— «Смотрю, говоритъ Скобелевъ—дрянная гнѣдая с.....ва!—Не хочу, нѣтъ-ли бѣлой?»

Однако, пули и гранаты сыпались въ такомъ количествѣ, а турки нацпирали такъ сильно, что пришлось-таки сѣсть и на гнѣдую с.....ву, которая, въ концѣ концовъ, вынесла изъ огня не хуже бѣлой.

* *

Битва подъ Ловчею была первою, въ которой Михаилъ Скобелевъ, 34-хъ лѣтній генералъ, самостоятельно распоряжался отрядомъ въ 20,000 человекъ. Онъ былъ подъ началомъ генерала князя Имеретинскаго, хорошаго, благоразумнаго генерала, не стѣснявшаго Скобелева въ его распоряженіяхъ.

Когда форты, которые, пожалуй, никто другой изъ русскихъ ге нераловъ не осилилъ бы, были таки взяты, послѣ самаго крово-

пролитнаго боя, князь Имеретинскій въ своемъ донесеніи главно командующему назвалъ Скобелева «героемъ дня».

Справедливо прибавить, что у М. Д. былъ въ свою очередь неоцѣненный помощникъ въ лицѣ умницы офицера, капитана Куропаткина.

Для меня лично — можетъ быть я и ошибаюсь — нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Скобелевъ взялъ бы Плевну 30-го августа. Но что было дѣлать! Когда съ ничтожными сравнительно силами онъ занялъ, послѣ трехдневной битвы, турецкій редуть, буквально висѣвшій надъ городомъ и орудія котораго до того безпокоили Плевну, что Османъ-паша рѣшилъ отступить, если не удастся отобрать его, когда онъ умолялъ о посылкѣ подкрѣпленій—ему не дали ихъ, а прислали лишь небольшую поддержку. Разумѣется, Османъ-паша, никѣмъ не безпокоемый съ другихъ сторонъ, съ огромными силами напалъ на бѣднаго «бѣлага» генерала, въ продолженіе многихъ дней безъ усталости и побѣдоносно водившаго солдатъ на штурмы, разбилъ, выбилъ и прогналъ его даже за старыя позиціи....

Офицеры генеральнаго штаба говорили, что Скобелевъ занялъ не тотъ редуть, который слѣдовало, что его во всякомъ случаѣ выжали бы оттуда огнемъ съ сосѣдняго болѣе возвышеннаго и болѣе сильнаго укрѣпленія, но я не вижу бѣды въ томъ, что Скобелевъ схватилъ покаместъ меньшій редуть, — во-время подкрѣпленный, онъ взялъ бы и сосѣдній.

..... По печальной для меня необходимости я проѣзжалъ 31-го августа мѣстами расположенія нашихъ войскъ.

31-го, т. е. на другой день третьей атаки плевненскихъ редутовъ, узнавъ отъ адъютанта главнокомандующаго Дерфельдена, воротившагося съ лѣваго фланга, что одинъ братъ мой раненъ, другой убитъ, самъ еще безногий—я бросился въ отрядъ Скобелева, чтобы привезти перваго и отыскать, коли возможно, тѣло втораго.

Проѣзжая мимо всѣхъ нашихъ позицій, я видѣлъ массу войска, ружья въ козлы, прислушивавшагося къ трескотнѣ на лѣвомъ флангѣ.....

Не часто случалось мнѣ слушать такую непрерывную дробь выстрѣловъ, приправленныхъ отчаянными воплями: ура, ура!... Алла! Алла! Алла!..

.

Пріѣхавъ на Зеленныя горы, я нашелъ князя Имеретинскаго съ Паренцовымъ, Грековымъ и нѣсколькими другими офицерами, лежавшими, сидѣвшими и прогуливавшимися. Генералъ, какъ разъ

закусывавшій, предложилъ мнѣ остатокъ бывшей передъ нимъ вареной курицы и стаканъ краснаго вина, причемъ спросилъ: «не знаю-ли я, намѣрены имъ сегодня помогать или нѣтъ?»

Я не отказался съѣсть курицу и выпить вино, но на вопросъ могъ только отвѣтить, что въ главной квартирѣ о распоряженіи помогать имъ не слышалъ, да и по дорогѣ хотя совершенно готоваго войска видѣлъ не мало, кажется, расположенія идти къ нимъ на помощь не замѣтилъ.

— Ну, такъ намъ будетъ плохо, очень плохо! сказалъ генераль.

У Скобелева въ это время было что-то невозможное: р, р, р, р, р, р, р, р, р, р, р!!!

За душу шемила меня эта полная безпомощность браваго лѣваго фланга, точно забытаго, брошеннаго, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ неудачъ и потерь. Страдая сильно отъ раны, еще незатянувшейся, я ѣздилъ въ колясочкѣ, нанятой въ Бухарестѣ, и поэтому двигался только по дорогамъ, т. е. медленно, иначе, конечно, я бросился бы къ главнокомандующему, можетъ быть и не знавшему объ истинномъ положеніи дѣла.....

Я настаиваю—какъ многимъ не покажется смѣло и безавторитетно мое настаиваніе—на томъ, что подкрѣпленный Скобелевъ взялъ бы и сосѣдній редутъ, послѣ чего туркамъ не оставалось бы ничего иного, какъ очистить городъ, расположенный прямо подъ нашими выстрѣлами.

Три съ половиною мѣсяца спустя, когда Плевна пала, я ѣздилъ со Скобелевымъ на панихиду, заказанную имъ по защитникамъ несчастнаго «скобелевскаго редута». Тяжелыя воспоминанія передалъ мнѣ тогда Михаилъ Дмитріевичъ.

Чтобы легче было идти на штурмъ, взбираться на высоты, солдаты побросали шанцевые инструменты, такъ что, когда пришлось послѣ рыть траншею, со стороны наступавшихъ турокъ, они пустили въ дѣло штыки и свои пятерни! Конечно, не успѣли вырыть и ничтожнаго прикрытія, какъ турки налетѣли, навалились и кучку нашихъ храбрыхъ, сжавшихся для послѣдней защиты за траверзомъ, въ углу редута — подняли на штыки.

Указывая мнѣ эту канавку, рытую пальцами, Скобелевъ буквально залился слезами и потсмъ во время панихиды опять горько плакалъ. Признаюсь, всплакнулъ и я вмѣстѣ съ бѣльшею частію присутствовавшихъ.

Въ жарь, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь,

когда вспоминаю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я «холоднымъ умомъ сочиняю небылицы».....

*
* *

Въ концѣ 1878 года, въ Петербургѣ, братъ мой какъ-то пришелъ сказать, что Скобелевъ очень, очень проситъ придти къ нему, — что-то нужное.

Прихожу: — «что такое?»

— Очень, очень нужно, увидите!

Затворяетъ двери кабинета и таинственно:

— «Дайте мнѣ дружескій совѣтъ, Василій Васильевичъ, вотъ въ чемъ дѣло: князь Болгарскій (Батенбергъ) предлагаетъ мнѣ пойти къ нему военнымъ министромъ; онъ даетъ слово, что какъ только поставитъ солдатъ на ноги, не позже чѣмъ черезъ два года, затѣетъ драку съ турками, втянетъ Россію, будетъ снова большая война—принять или не принять?»

Я расхохотался. — Признайтесь, говорю, что вы не равнодушны къ бѣлому перу, что болгарскіе генералы носятъ на шапкахъ, вамъ оно было бы къ лицу!

— «Чортъ знаетъ, что вы говорите! Я у васъ серьезно спрашиваю совѣта, а вы смѣетесь, толкуете о какомъ-то перѣ—вѣдь это не шутка».

— Знаю, что не шутка, отвѣчалъ я, и серьезно напалъ на него за безнравственную легкость, съ которою онъ тамъ съ какимъ-то княземъ болгарскимъ рассчитываютъ втянуть Россію въ новую войну.

— Что Батенбергъ это затѣваетъ, оно понятно—онъ авантюристъ, которому нечего терять; но что вы, Скобелевъ, такими страшными усиліями добившійся теперешняго вашего положенія, поддаетесь на эту нятригу, это мнѣ не понятно. Плюньте на это предложеніе, бросьте и думать о немъ!

— Да что же дѣлать, вѣдь я уже далъ почти свое согласіе!

— Откажитесь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, скажите, что васъ не отпускаетъ начальство...

— Онъ обѣщалъ говорить объ этомъ съ государемъ.

— Ну вотъ и попросите, чтобы государь отказалъ ему.

Въ концѣ концовъ Батенбергу было сказано, что Скобелевъ нуженъ здѣсь; на этомъ дѣло кончилось. Военнымъ министромъ въ Болгарію былъ назначенъ другой генералъ.

Что мнѣ случалось слышать отъ Скобелева въ дружескихъ бесѣдахъ, то теперь, конечно, не приходится рассказывать. Довольно замѣтить, что онъ былъ сторонникомъ развитія Россіи и движенія ея впередъ, а не назадъ.

* *
*

Скобелевъ очень много занимался, много читалъ, еще болѣе писалъ. Писалъ не совсѣмъ кругло и складно, но весьма убѣдительно. Кладищевъ, бывшій начальникомъ награднаго отдѣленія во время турецкой кампаніи, говорилъ мнѣ, что нѣтъ возможности отказать въ наградѣ по представленію Скобелева, такъ наглядно излагалъ онъ заслуги своихъ подчиненныхъ и такъ хорошо подгонялъ ихъ подъ статуты орденовъ, которые отлично зналъ.

Записки, поданныя Михаиломъ Дмитриевичемъ во время этой войны главнокомандующему, о положеніи офицеровъ и солдатъ и вѣроятной причинѣ нашихъ неудачъ, полны наблюдательности, вѣрныхъ, мѣткихъ замѣчаній. Живя вмѣстѣ со Скобелевымъ въ Плевнѣ, я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, по словамъ его, нѣкоторымъ лицамъ очень не понравившихся.....

Скобелевъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и литературу этихъ странъ, въ особенности военную, зналъ отлично. Иногда вдругъ обратится со словами:

— А помните, Василій Васильевичъ, выраженіе Наполеона I?

Въ серединѣ Шейновскаго боя, напр., онъ такимъ образомъ цитировалъ что-то изъ Наполеона и, не желая обезкураживать его, я отвѣтилъ:

— Да, что-то помню въ этомъ родѣ.

Но когда онъ вскорѣ опять спросилъ, помню ли я, что Наполеонъ сказалъ передъ такой-то атакой, я ужъ положительно отвѣтилъ:

— Не помню, не знаю.

Надобно сказать, что онъ высоко цѣнилъ военный талантъ Наполеона I, а изъ современныхъ Мольтке, который, съ своей стороны, повидимому, былъ неравнодушенъ къ юному, бурному, но многоталантивому собрату по оружію; по крайней мѣрѣ, когда я говорилъ съ Мольтке о Скобелевѣ, послѣ смерти послѣдняго, въ голосѣ «великаго молчальника» слышалась нѣжная, отеческая нота, которой я не ожидалъ отъ прусскаго генерала.

О большинствѣ нашихъ дѣятелей во время турецкой войны Скобелевъ отзывался не важно—по меньшей мѣрѣ.

.

* *

Скобелевъ очень любилъ мѣняться Георгіевскими крестами—это родъ военнаго братства, практикуемаго обыкновенно съ выборомъ, имъ же направо и налево,—со всѣми. Когда онъ пріѣхалъ къ арміи въ Румыніи еще, то предложилъ мнѣ помѣняться крестиками, я согласился, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать это послѣ перваго дѣла, въ

которомъ оба будемъ участвовать. Много спустя, кажется въ Плевно, мы размѣнялись-таки, но такъ какъ на другой же или на третій день онъ уже рѣшилъ опять съ кѣмъ-то побрататься, то я вытерепилъ мой крестикъ назадъ, подъ предлогомъ, что онъ мнѣ дорогъ, какъ подаренный Кауфманомъ. Всученный имъ мнѣ былъ прескверный казенный, а мой прекрасный, хорошей эмали, чуть ли не «изъ французскаго магазина»¹⁾.

Послѣднее время, впрочемъ, онъ пересталъ практиковать это военное братство со всѣми, сталъ болѣе цѣнить себя.

Надобно сказать, что Скобелевъ положительно совершенствовалъ свой нравственный характеръ. Вотъ, напр., образчикъ военной порядочности изъ его дѣятельности послѣднихъ лѣтъ: на третій или четвертый день послѣ Шейновской битвы я засталъ его за письмомъ.

— Что это вы пишете?

— Извинительное посланіе; я при фронтѣ распеку этого бѣднаго Х., какъ вижу, совершенно напрасно, поэтому хочу, чтобы мое извиненіе было также гласно и публично, какъ и выговоръ...

Начальникъ отряда, извиняющійся передъ неважнымъ офицеромъ (это былъ майоръ Владимірскаго полка), да еще письменно — это такой фактъ, который, конечно, не часто встрѣтишь въ какой бы то ни было арміи.

* *
*

Хотя извѣстно, что Скобелевъ не проживалъ, а увеличивалъ свое состояніе, но скупымъ онъ никогда не былъ, скорѣе, напротивъ, могъ быть названъ слишкомъ тароватымъ. Однако, въ денежныхъ дѣлахъ, по славянской его натурѣ, у него былъ всегда великій беспорядокъ, въ особенности при жизни отца, когда ему никогда не хватало денегъ, и когда забывать отдать небольшіе долги случалось частенько таки. При встрѣчѣ съ нищимъ онъ иногда приказывалъ кому-либо изъ бывшихъ съ нимъ молодыхъ людей «дать золотой», и такъ какъ эти подаянны обыкновенно забывались, то выходило, что встрѣчи съ нищими для бравыхъ ординарцевъ его были страшнѣе столкновеній съ непріателемъ.

¹⁾ Когда генераль Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія II-го класса, этотъ крестъ былъ подаренъ ему однимъ высокопоставленнымъ лицомъ и никто ничего не замѣтилъ неладнаго въ крестѣ, очень изящно исполненномъ; но когда генераль представлялся покойному Государю, Его Величество, зоркій на самыя малѣйшія неправильности формы, замѣтилъ: «А ты крестъ, Кауфманъ, вѣрно, купилъ во французскомъ магазинѣ—Георгій-то не въ ту сторону скачетъ!»

В. В.

Встрѣчаетъ разъ Скобелевъ младшаго брата моего на Невскомъ проспектѣ.

— Верещагинъ, пойдемъ вмѣстѣ стричься.

Тотъ очень доволенъ честью продѣлать эту операцію вмѣстѣ съ генераломъ, который ведетъ его къ своему знакомому парикмахеру. Около нихъ суетятся, ухаживаютъ, а они сидятъ себѣ рядкомъ, шутятъ, смѣются. При выходѣ, М. Д. спрашиваетъ счетъ старый и новый, оказывается 30 рублей.

— Верещагинъ, заплатите, пожалуйста, и заплатилъ бѣдняга, да только и видѣлъ свои денежки.

Помню, разъ въ Парижѣ, въ гарготкѣ, гдѣ мы завтракали, Скобелевъ размѣнялъ билетъ въ 1,000 франковъ и, вѣроятно, по этому случаю вздумалъ оставить дѣвушкѣ, намъ прислуживавшей, 100 фр.! Лишь послѣ самаго энергическаго вмѣшательства моего онъ положилъ только 20 фр.

Мнѣ извѣстно, что не мало народу обращалось къ Скобелеву за помощью и что онъ многимъ помогалъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ завѣщать капиталъ на устройство богадѣльни, но намѣренію этому не суждено было осуществиться, ему помѣшали.....

* * *

Передъ началомъ туркменской экспедиціи я засталъ Михаила Дмитриевича въ бесѣдѣ съ полковникомъ Гродековымъ; онъ прочилъ его себѣ тогда въ начальники штаба, какъ хорошо изучившаго мѣстности, по которымъ и близъ которыхъ предстояло дѣйствовать нашимъ войскамъ—извѣстно, что Гродековъ одинъ изъ хорошихъ знатоковъ Средней Азии, ибо ѣздилъ даже по Афганистану и смежнымъ съ нимъ степямъ. Они обсуждали права, которыя имъ слѣдовало выговорить для себя у министерства иностранныхъ дѣлъ, на случай возможныхъ переговоровъ съ индійскимъ правительствомъ.

— Что такое, что такое, сказалъ я Скобелеву,—о какихъ это переговорахъ съ индійскимъ правительствомъ толкуете вы? Ничего этого вамъ не нужно...

— Какъ не нужно, а если мы дойдемъ...

— Ничего не нужно; вамъ надобно вздуть хорошенько туркменъ, сломить ихъ сопротивленіе и больше ничего. Хотите слышать мой совѣтъ?

— Пожалуйста, отвѣтилъ Скобелевъ. Потрудись, обратился онъ къ Гродекову, вынуть записную книжку, занеси то, что онъ будетъ говорить—навѣрное все будетъ практично.

Гродековъ благополучно здравствуетъ, сколько я знаю, и, вѣроятно, пмѣетъ еще въ своей памятной книжкѣ замѣтку эту, весьма впрочемъ не длинную.

— Во-первыхъ, вамъ нужны верблюды, во вторыхъ—верблюды и въ третьихъ, еще верблюды. Будутъ у насъ верблюды, т. е. перевозочныя средства, вы побѣдите; не будутъ—васъ прогонятъ, не смотря на всю вашу храбрость, какъ гоняли прежде посылаемые отряды, храбрость тутъ не поможетъ. Не жалѣйте денегъ на верблюдовъ; доставьте ихъ, сколько нужно, во что бы то ни стало.

При этомъ я сообщилъ главную, по моему мнѣнію, причину недо-вѣрія населенія при поставкѣ вьючныхъ животныхъ. Въ началѣ открывающейся кампаніи объявляютъ обыкновенно, что нужно столько-то животныхъ за такую-то цѣну. По окончаніи войны, во время которой, разумѣется, большинство верблюдовъ падаетъ, уплату оттяги-ваютъ до тѣхъ поръ, пока не удастся внушить старшинамъ и бѣямъ, т. е. почетнымъ людямъ, что было бы актомъ хорошаго подданни-чества ударить челомъ суммою въ 300 или 400,000 рублей, причи-тающеюся за верблюдовъ. Тѣмъ что—верблюды не ихъ, а бѣдныхъ людей, они получаютъ награды и отличія, а байгуши плачутъ и ужъ, конечно, когда снова понадобится сгонять животныхъ, ухо-дятъ, откочевываютъ въ степь или, силою заставленные, разбѣ-гаются, при первомъ удобномъ случаѣ, съ первыхъ же приваловъ войскъ.—Не довѣряйте ни подрядовъ, ни денегъ интендантскимъ чиновникамъ, говорилъ я Скобелеву, распорядитесь и платите деньги или сами вы, или черезъ начальника штаба, чтобы онѣ не прилипали къ пальцамъ.

Мнѣ пріятно было слышать потомъ отъ брата моего, котораго Скобелевъ взялъ съ собою въ походъ, что именно такъ и было сдѣ-лано, что даже осуждали Скобелева за излишнее бросаніе денегъ на верблюдовъ. Поставщикъ вьючныхъ животныхъ, лихой купецъ Гро-мовъ (бывшій прикащикъ архи-лихаго Хлудова), призвавши вла-дѣльцевъ верблюдовъ, объявилъ имъ, что къ такому-то сроку ему нужно столько-то животныхъ, и лишь только тѣ начали чесать затылки, прибавилъ:

— Заплачено вамъ будетъ сейчасъ-же по доставкѣ, а покамѣстъ вотъ вамъ на чай,—при этомъ высыпалъ къ ихъ ногамъ мѣшокъ золота.

Черезъ короткій срокъ верблюды были доставлены.

Для заказа и закупки провіанта, какъ я слышалъ, ѣздилъ въ Персію самъ Гродековъ. Встрѣтившись съ нимъ въ самый день отъ-ѣзда его изъ Петербурга, я, прощаясь, шепнулъ таки еще на ухо;

— Не давайте воровать!

— «Не дадимъ, будьте поко ны, отвѣтилъ онъ». Возможно, что: настоянія мои быч не лишни, не бесполезны.

Скобелевъ подарилъ мнѣ на память свой боевой значекъ, бывшій съ нимъ въ 22 сраженіяхъ, съ приложеніемъ списка этихъ сраженій, имъ самимъ обстоятельно составленнаго. Значекъ этотъ виситъ теперь у меня въ мастерской. Это большой кусокъ двойной красной шелковой матеріи, съ желтымъ шелковымъ же крестомъ, набитый на казачью пику, порядочно истрепанный пулями и непогодами. Ухвативши въ послѣдній свой туркменскій походъ, онъ хватился значка и проспль или отдать старый, или прислать въ замѣнъ новый.

Старый я положительно отказался отдать, но и новый не рѣшался послать—вдругъ не понравится и онъ отдастъ его солдатамъ на портянки! Однако, послалъ таки, наконецъ, очень нарядную штуку: съ одной стороны индійская шаль, купленная мною въ Кашмирѣ, въ самомъ Шринагурѣ, съ другой—красная, атласная китайская матерія, перерѣзанная голубымъ Андреевскимъ крестомъ, буквами М. С. и годами 1875—1878. Я самъ кроилъ и налаживалъ значекъ, жена моя шила его.

Узнаю отъ брата моего, бывшаго ординарцемъ у Скобелева, что значекъ очень понравился всѣмъ: и генераль и мирные туркмены не наглядятся на него.

Но тутъ бѣда, неудача: изъ Геокъ-Тепе дѣлаютъ вылазку, убиваютъ у насъ много народа, захватываютъ много ружей, пушку, знамя!

Скобелевъ въ отчаяніи—отдай я ему старый значекъ, новый принеситъ несчастья!—Я не отдаю.—Новая вылазка, новый уронъ и потери съ нашей стороны—новыя требованія отдать счастливый значекъ и взять назадъ несчастливый! Не отдамъ! отвѣчаю.—Наконецъ, Скобелевъ беретъ штурмомъ Геокъ-Теке, въ свою очередь убиваетъ, крошитъ множество народа, беретъ массу оружія и всякаго добра, однимъ словомъ торжествуетъ и значекъ мой снова входитъ въ милость, снова и генераль, и туркмены любятъ наряднымъ подаркомъ моимъ—теперь осѣчающимъ гробницу Скобелева въ селѣ Спаскомъ, Рязанской губерніи.

Очень интересна также, какъ рисующая характеръ Скобелева, присланная имъ мнѣ въ подарокъ карта — планъ атаки французами Оporto, препровожденный Михаиломъ Дмитриевичемъ начальнику нижеверовъ подъ Геокъ-Тепе, для изученія и руководства ¹⁾. На поляхъ имъ изложены мотивы, заставившіе его предложить этотъ чертежъ къ руководству нашимъ войскамъ, а въ правомъ углу характерная надпись: «Глубокоуважаемому, сердцу русскому дорогому Ва-

¹⁾ Объ этой картѣ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., томъ LXI, артъ, стр. 629—630

силію Васильевичу къ свѣдѣнію, не безызвѣстной гордости моей. Скобелевъ. 4-го августа 1881 г. Село Спасское». Какъ человѣкъ, искренно любящій свое дѣло, онъ рассказывалъ мнѣ потомъ о причинѣ, побудившей прислать мнѣ этотъ документъ—желаніе показать пріятелю, что онъ помнитъ примѣры и уроки исторіи (о чемъ у насъ былъ разговоръ ранѣе).

* *

Суевѣріе этого милаго симпатичнаго человѣка было очень велико. Онъ вѣрилъ въ счастливые и несчастливые дни, счастливыя встрѣчи и предзнаменованія. Онъ ни за что не сталъ бы сидѣть за столомъ въ числѣ тринадцати человѣкъ, не допустилъ бы трехъ свѣчей на столѣ, а просыпанную соль считалъ всегда за дурное предзнаменованіе.

Онъ вѣрилъ, что будетъ болѣе невредимъ на бѣлой, чѣмъ на другой масти лошади, хотя въ то-же время вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь.

Я никогда не спрашивалъ Скобелева о его женитьбѣ, такъ какъ понималъ изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, что это его больное мѣсто. Но я положительно подмѣтилъ у него стремленіе къ семейной жизни и когда онъ разъ горячо сталъ оспаривать это, я прибавилъ:

— Необходимо только, чтобы жена ваша была очень умна и съумѣла бы взять васъ въ руки.

— Это, пожалуй, вѣрно, согласился онъ.

Другой разъ, помню, въ Плевнѣ я смѣялся, что мы еще увидимъ маленькихъ Скобелятъ, которые будутъ ползать по его колѣнямъ и таскать его за бакенбарды. М. Д. хотъ и проворчалъ: «что за чушь вы говорите, Вас. Вас.», однако, предобродушно смѣялся надъ моею картинною.

Незадолго передъ смертью, Скобелевъ хотѣлъ, какъ я слышалъ, жениться на бѣдной, но образованной дѣвушкѣ, чему помѣшалъ, однако, его разводъ,—извѣстно, что онъ развѣхался со своею женою и, во что бы то ни стало, настоялъ на разводѣ, такъ что ему пришлось принять на себя грѣхъ дѣла, со всѣми его стѣснительными послѣдствіями. Я говорю объ этомъ потому, что Скобелевъ считался, да и любилъ, чтобы считали его отчаяннымъ противникомъ не только женитьбы, но и всякой прочной связи съ женщиною.

Я не могу распространяться о томъ, какъ Скобелевъ умеръ. Очень ему хотѣлось умереть на полѣ чести, на полѣ настоящей битвы! Что дѣлать, «повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить»—не могъ помириться Михаилъ Дмитріевичъ съ фактомъ, что ему уже не 20 лѣтъ!

Онъ былъ ребячески наивенъ въ своихъ похожденіяхъ, на которыя

обыкновенно настойчиво зазывалъ и послѣдствій которыхъ крѣпко боялся. Въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Туркменскій походъ, встрѣчаю Скобелева на Невскомъ проспектѣ. Я утаптываю тротуаръ, онъ ѣдетъ на парѣ сѣрыхъ.

— Стой, стой! Василій Васильевичъ! поѣдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ, самъ Богъ васъ послалъ.

— Да что такое?

— Увидите; самъ Богъ посылаетъ васъ.

Пріѣзжаемъ.

М. Д. насилу выходитъ изъ экипажа, брюзжитъ на прислугу, грозитъ прогнать всѣхъ, распекаетъ адъютанта и ординарца—какъ страшно попало бѣдному Баранку, я долженъ былъ вступиться—запираетъ двери.

— Вас. Вас., голубчикъ, я боленъ. я себѣ пушу пулю въ лобъ.

Я ужаснулся. Разспросилъ его—онъ, какъ младенецъ невинный, подробно рассказалъ все, видимо ничего не скрывая. Я потребовалъ только, чтобы, по крайней мѣрѣ, на три дня онъ легъ въ постель.

— Не могу, забушевалъ Скобелевъ, что вы говорите! Я каждый день долженъ ѣздить на работу съ военнымъ министромъ и начальникомъ штаба—и думать объ этомъ нечего!

— Знать ничего не хочу, отвѣчалъ я, на три дня въ постель безъ разсужденій! и представилъ ему серьезно подумать о томъ, какой будетъ результатъ его дѣятельности на войнѣ, если онъ принужденъ будетъ уѣхать не выздоровѣвши.

Это подѣйствовало.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ моему пріятелю профессору Чудновскому, силою схватилъ его и привелъ къ герою. Тотъ еще разъ выслушавши, что опаснаго ничего нѣтъ, но что покой въ нѣсколько дней абсолютно необходимъ, ворча, недовольный, улегся въ постель и, чтобы не терять золотаго времени, принялся читать «Нана», извѣстия, разумѣется, начальство о внезапномъ нездоровѣ своемъ.

* * *

Кто не былъ въ огнѣ со Скобелевымъ, тотъ положительно не можетъ себѣ понятія составить о его спокойствіи и хладнокровіи среди пуль и гранатъ,—хладнокровіи тѣмъ болѣе замѣчательномъ, что, какъ онъ сознавался мнѣ, равнодушія къ смерти у него не было; напротивъ, онъ всегда, въ каждомъ дѣлѣ, боялся, что его прихлопнуть и, слѣдовательно, ежеминутно ждалъ смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое безпрестанное напряженіе нервовъ, чтобы побороть страхъ и не выказать его!

Благоразумные люди ставили въ упрекъ Скобелеву его без-

оглядную храбрость; они говорили, что «онъ ведетъ себя какъ мальчишка», что «онъ рвется впередъ какъ прапорщикъ», что, наконецъ, рискуя «безъ нужды», онъ подвергаетъ солдатъ опасности остаться безъ вышлага командованія и т. д. Надобно сказать, что это все рѣчи людей, которые заботятся прежде всего о сбереженіи своей драгоценной жизни—а тамъ что Богъ дастъ; пойдеть солдатъ безъ начальства впередъ—хорошо, не пойдеть—что тутъ подѣлаешь: не для того же дослужился человекъ до генеральскихъ эполетъ, чтобы жертвовать жизнью за трусовъ.—А почему бы и нѣтъ! разсуждалъ Скобелевъ; понятіе о трусости и храбрости относительное; тотъ же самый солдатъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть и трусомъ, и храбрымъ, смотря по тому, въ какихъ онъ рукахъ. Одно вѣрно, что солдатъ обыкновенно не дуракъ: увлечь его можно, но заставить идти, не показавши примѣра, трудно. Этотъ-то примѣръ и солдатамъ, и офицерамъ Скобелевъ и считалъ себя обязаннымъ показывать.

Я видѣлъ не мало умниковъ, уговаривавшихъ солдатъ идти впередъ, указывавшихъ путь къ славѣ и проч., и проч.—ничего не беретъ! пройдетъ или пробѣжитъ отрядъ нѣсколько шаговъ, да и засядетъ въ канавѣ, а въ реляціи напишутъ: «атаковали въ штыки, но были отбиты, не совладѣли съ численнымъ превосходствомъ» — благо численное-то превосходство непріятеля можетъ провѣрить одинъ Богъ.

Никогда не рисковалъ Скобелевъ жизнью по пусту, всегда онъ показывалъ примѣръ безстрашія и презрѣнія къ жизни, и примѣръ этотъ никогда не пропадалъ даромъ: однихъ приводилъ въ совѣсть, другихъ училъ, увлекалъ, перерождалъ!

* *
* *

Всегда толковый, разумный, увлекательный на полѣ битвы, Скобелевъ въ частной жизни былъ хотя и симпатиченъ, но часто нервенъ, капризенъ. При разговорѣ онъ рѣдко сидѣлъ, это видимо стѣсняло его; онъ шагаль, какъ звѣрь въ клѣткѣ, какъ бы мала ни была комната, даже тогда, когда, какъ въ Парижѣ, кабинетъ его, дѣйствительно, уподоблялся клѣтушкѣ. Когда же онъ сидѣлъ, то непремѣнно вертѣлъ что-нибудь въ рукахъ, что попадалось подъ руку; за обѣдомъ всегда усленно мялъ хлѣбный мякишъ. Случалось, видя эту нервную непрерывную работу пальцевъ, взять его за руку и остановить со словами: «хоть теперь-то успокойтесь!» Но приостановка всегда была не надолго, черезъ нѣсколько секундъ ужъ опять пальцы мнутъ, лѣпять, изъ силъ выбиваются.

Такъ чертовски храбрый на полѣ битвы, Скобелевъ былъ порядочный трусъ передъ очень высокопоставленными лицами, какъ будто съеживался въ ихъ присутствіи, принималъ жалостливый видъ. Всегда заново одѣтый и надушенный передъ солдатами, подъ пулями,

въ главной квартирѣ онъ ходилъ какимъ-то отчаяннымъ, шинель на боку, фуражка на затылкѣ—точно онъ боялся, чтобъ не засмѣяли, не поставили ему въ вину щегольство одеждою, какъ ставили въ вину храбрость.

Когда, послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ, я, снова возвращаясь на Дунай, зашелъ къ матери Михаила Дмитріевича—мимоходомъ сказать, весьма милой и умной женщиной—она просила доставить сыну ящичекъ, очень нужный. На границѣ вскрыли ящикъ и онъ оказался биткомъ набитымъ стеклянками духовъ.

* * *

Выходки Скобелева противъ австрійцевъ и нѣмцевъ не были такъ неосновательны, какъ многіе думали и у насъ, и особенно за границею. Никто, конечно, такъ крѣпко какъ я не распекалъ Скобелева за эти рѣчи, но надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ имѣлъ основаніе «кликнуть кличъ славянамъ». Я положительно не соглашался съ нимъ, не раздѣлялъ его увѣренности въ томъ, что вотъ-вотъ на носу у насъ война съ нѣмцами, которые будто бы перестали уже церемониться, скрываться и прямо угрожаютъ намъ.

Но Скобелевъ возвратился съ маневровъ германской арміи совершенно проникнутый увѣренностію, что столкновение наше съ нѣмцами близко.

Въ Парижѣ, въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, онъ съ возбужденіемъ рассказывалъ мнѣ, какъ отпускалъ его въ прощальной аудіенціи старый императоръ германскій. Рассказывая, М. Д., какъ тигръ, бродилъ изъ угла въ уголъ, останавливаясь по временамъ, чтобы представить сидящаго на лошади покойнаго Вильгельма или нѣкоторыхъ лицъ свиты его.

Его германское величество сидѣлъ-де подбоченившись на конѣ и отъ него, въ обѣ стороны, тупымъ угломъ, стояла громадная, безконечная свита изъ нѣмецкихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ и военныхъ агентовъ всѣхъ государствъ. Когда Скобелевъ выѣхалъ, чтобы откланяться, Василій Ѳедоровичъ (какъ называли русскіе престарѣлаго императора) сказалъ ему:

— Vous venez de m'examiner j'usqu'aux mes boyaux. Vous venez de voir deux corps, mais dites à Sa Majesté, que tous les 15 saurons au besoin faire leurs devoir aussi bien, que ces deux là...

(Вы меня проэкзаменовали до моихъ внутренностей. Вы видѣли два корпуса, но скажите его величеству, что всѣ 15 съумѣютъ, въ случаѣ надобности, исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два).

Можетъ быть, я ошибаюсь въ одномъ или нѣсколькихъ словахъ, но смыслъ рѣчи былъ таковъ—Скобелевъ тогда же занесъ эти слова въ свою записную книжку, откуда онъ и читалъ ихъ мнѣ. Этого-то смысла, признаюсь, и казался мнѣ очень простымъ и натуральнымъ въ устахъ стараго монарха; но Скобелевъ думалъ иначе: по его убѣжденію, и самыя слова, и интонація ихъ, особенно въ виду обстановки, т. е. множества иностранныхъ, по большей части далеко не дружественно расположенныхъ къ намъ офицеровъ, указывали на враждебный умыселъ.

Еще болѣе усилилъ въ Скобелевѣ увѣренность въ томъ, что намъ не избѣгнуть въ близкомъ будущемъ разрыва съ нѣмцами изъ-за австрійцевъ, покойный принцъ Фридрихъ-Карль, должно быть, на правахъ лихаго кавалериста, считавшаго возможнымъ говорить то, о чемъ дипломаты помалчивали. Дружески ударивъ Скобелева по плечу, принцъ вдругъ выпалилъ:

— Lieber Freund! macht was ihr wolt—Oesterreich muss nach Saloniki gehen.

(Любезный другъ! дѣлайте, что хотите—Австрія должна занять Салоники).

— Такъ такъ-то! говорилъ мой Михаилъ Дмитріевичъ, бѣшено шагая по своей клѣтушкѣ; такъ это значить уже рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ Салоники—они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть—нѣтъ, врешь, мы этого не допустимъ!

Интересно, что только въ послѣдніе годы своей жизни Скобелевъ всецѣло отдался славянской идеѣ, вытѣснившей въ его умѣ мысль о необходимости исключительной заботы о развитіи нашего могущества въ Азіи, походѣ въ Индію и проч., и мнѣ, кажется, довелось повліять въ значительной степени на эту переищу въ его мысляхъ.

Нѣсколько разъ случалось мнѣ охлаждать его «туркестанскій» пылъ и разъ я прямо высказалъ, вѣрно ли, нѣтъ ли, что въ настоящую минуту средне-азиатскія наши владѣнія важны для насъ политически потоплику, поколику они даютъ возможность угрожать изъ нихъ нашимъ европейскимъ врагамъ, сѣющимъ славянскую рознь; иначе, прибавилъ я, «игра не стоила бы свѣчь». Скобелевъ внимательно отнесся къ этимъ доводамъ, хотя не вязавшимся съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ Туркестану, но видимо поразившимъ его.

— «Можетъ быть, вы и правы, сказалъ онъ мнѣ тогда»; впоследствии же настолько усвоилъ эту мысль, что въ известномъ письмѣ къ Каткову цѣликомъ повторилъ ее, только вмѣсто словъ: «игра не стоила бы свѣчь», сказалъ: «овчинка не стоила бы выдѣлки».

Я говорилъ объ этомъ М. Н. Каткову, когда толковалъ съ нимъ о Скобелевѣ.

* * *

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ дорогимъ Михаиломъ Дмитриевичемъ въ Берлинѣ, куда онъ пріѣхалъ послѣ своихъ извѣстныхъ словъ въ защиту братьевъ босняковъ-герцеговинцевъ, сказанныхъ въ Петербургѣ. Мы стояли въ одной гостинницѣ, хозяйинъ которой сбился съ ногъ, доставляя ему различныя газеты съ отзывами. Кромѣ переборки газетъ, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, такъ какъ заказывать не было времени; масса этого добра была принесена изъ магазина и приходилось выбирать по росту, виду и цвѣту.

— Да посмотрите же, Вас. Вас.! говорилъ онъ, поворачиваясь передъ зеркаломъ. — Ну, какъ? — Какая это все нѣмецкая дрянь, чортъ знаетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ, остановился онъ, съ одобренія моего и еще стараго пріятеля его Жиранде, который съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ, на какомъ-то гороховомъ облаченіи; признаюсь, однако, послѣ, на улицѣ, я покаялся—до того несчастно выглядѣла въ немъ красивая и представительная фигура Скобелева.

Послѣ камешка, брошеннаго имъ вскорѣ въ огородъ нѣмцевъ, нѣкоторые берлинцы, видѣвшіе насъ вмѣстѣ, спрашивали меня потомъ:

— Такъ это-то и былъ Скобелевъ?!

Во время этого послѣдняго свиданія я крѣпко журилъ его за несвоевременный, по мнѣнію моему, вызовъ австрійцамъ; онъ защищался такъ и сякъ и, наконецъ,—какъ теперь помню, это было въ зданіи Панорамы, что около Главнаго штаба,—осмотрѣвшись и увѣрившись, что кругомъ нѣтъ «любопытныхъ», выговорилъ:

— «Ну, такъ я тебѣ скажу, Василій Васильевичъ, правду — они меня заставили»; кто они, я, конечно, помолчу.

Во всякомъ случаѣ онъ далъ мнѣ честное слово, что болѣе такихъ рѣчей не будетъ говорить; но вслѣдъ за тѣмъ, попавши въ среду французовъ, увлекся и снова заговорилъ..

Прощай, милый симпатичный человекъ, высокоталантливый воинъ—до скорого свиданія!

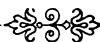
В. В. Верещагинъ.

ПОСЛѢДНІЙ БОЙ ЗА ШИПКУ.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Очеркъ ген.-маіора Л. Н. Соболева.

1877—1878.

1877—1878.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXII, май].

ПОСЛѢДНІЙ БОЙ ЗА ШИПКУ.

По поводу воспоминаній В. В. Верещагина.

Очеркъ ген.-маіора Л. Н. Соболева.

1877—1878 гг.

Нашъ геніальный художникъ, В. В. Верещагинъ, составляющій нашу народную гордость, желая подѣлиться съ обществомъ тѣми впечатлѣніями, которыя онъ испыталъ во время славной нашей войны съ турками, написалъ воспоминанія о набѣгѣ русскихъ войскъ на Адрианополь, помѣщенные въ «Русской Старинѣ» (изд. 1888 г., томъ LX, ноябрь).

Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ, между прочимъ, упомянулъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали отправленіе меня изъ Казанька въ Петербургъ для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору шипкинскаго дѣла.

Въ великолѣпной кисти этого художника мы привыкли видѣть великую правду, часто доходящую до суровой строгости. Начавъ читать замѣтки В. В. Верещагина, я думалъ, что онъ будутъ отличать тѣми же достоинствами, какъ и произведенія его кисти. Но вышло не такъ, и писатель въ этомъ отношеніи не идетъ въ сравненіе съ художникомъ. Воображеніе его, какъ писателя, пошло гораздо далѣе того воображенія, которое свойственно ему, какъ художнику. Онъ невѣрное принимаетъ за вѣрное,—такъ онъ говоритъ, что увѣренъ, что я представилъ Государю Императору все дѣло «шиворотъ на выворотъ».

Для того, чтобы подобная увѣренность не была ошибочною, не достаточно еще обладать широкимъ воображеніемъ, надо знать и человѣка, о которомъ рѣшаешься говорить, и тѣ обстоятельства, которыя сопровождаютъ извѣстныя его дѣйствія.

Такъ какъ почти все, что пишетъ В. В. Верещагинъ обо мнѣ въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., не заключаетъ въ себѣ даже приблизительной правды, а на страницахъ такого уважаемаго историческаго

изданія, какова «Русская Старина», не можетъ не господствовать одна только правда, то я счелъ необходимымъ возстановить истину, и представляю вслѣдъ за симъ очеркъ тѣхъ событій, которыхъ касаются воспоминанія В. В. Верещагина.

Очеркъ мой состоитъ изъ двухъ частей—въ трехъ главахъ; въ первой излагаются въ общихъ чертахъ обстоятельства славной обороны Шипки, а во второй—мои возраженія на замѣчанія В. В. Верещагина. Первая часть (глава I) составлена мною для лучшаго уясненія личныхъ моихъ возраженій. Ко второй части (главы II и III) приложена копія съ моего рапорта, въ которомъ описанъ путь моего слѣдованія отъ Тырнова въ Казанлыкъ въ іюль 1877 года.

По этому самому пути чрезъ Балканы, въ концѣ декабря того же года, прѣшла колонна князя Святополка-Мирскаго 2-го.

Есть чудная русская пословица: «нѣтъ худа безъ добра». Воспоминанія В. В. Верещагина имѣютъ ту добрую сторону, что дають поводъ отгнѣвить нѣкоторыя подробности событій 1877—1878 гг., какъ это сдѣлалъ В. Панюгинъ въ своей замѣткѣ: «Къ воспоминаніямъ В. В. Верещагина», напечатанной въ январьской книгѣ «Русской Старины», т. LXI, за нынѣшній годъ, и какъ дѣлаю теперь я; съ другой стороны, В. В. Верещагинъ своими очерками знакомитъ насъ съ новыми сторонами въ своемъ характерѣ и жизни, а знать что либо новое о великомъ художникѣ и любопытно, и полезно.

Л. Н. Соболевъ.

28 февраля 1880 г.
С.-Петербургъ.

I.

Одинадцать слишкомъ лѣтъ протекло со дня послѣдняго боя за Шипку. Геройская безпримѣрная оборона этой балканской выси ждетъ своего историка, который расскажетъ намъ объ отважномъ духѣ русскаго солдата, оборонявшаго снѣжныя горы отъ многочисленнаго и мужественнаго непріятеля, и повѣдуетъ намъ о томъ, что этотъ солдатъ перенесъ такія страданія, которыхъ не можетъ даже себѣ представить тотъ, кто не раздѣлялъ съ нимъ этихъ страданій.

Въ ноябрѣ 1877 года мы осаждали турокъ подъ Плевною, а турки осаждали насъ на Шипкѣ. Руссукская армія прикрывала съ востока всѣ наши операціи за Дунаемъ.

Главнокомандующій турокъ, Сулейманъ-паша, рѣшился од-

нимъ ударомъ освободить Плевну отъ осады и заставить русскихъ очистить шипкинскіе Балканы. 14 ноября онъ атаковалъ насъ подъ Мечкой и Тростеникомъ, намѣреваясь пробиться чрезъ наши линіи, стать на сообщенія нашей арміи съ Дунаемъ и заставить тѣмъ снять осаду Плевны и отступить отъ Шипки; но онъ былъ разбитъ 12 корпусомъ великаго князя Владиміра Александровича. Тогда Сулейманъ бросился подъ Елену, занялъ этотъ городъ, но дальнѣйшій его успѣхъ былъ остановленъ сосредоточеніемъ значительныхъ русскихъ силъ къ востоку отъ Тырнова.

28 ноября пала Плевна и Османъ-паша съ его арміею были взяты въ плѣнъ.

30 ноября армія Сулеймана-паши сдѣлала третью отчаянную попытку прорваться чрезъ ряды рущукской арміи, но была на голову разбита его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ.

Эти побѣды оказали рѣшающее вліяніе на ходъ войны. Вся сѣверная Болгарія отъ Дуная до Балканъ переходила въ нашу власть. Сознавая это, правительство султана предложило Сулейману-пашѣ перевести его армію въ Румелію и оставить въ главныхъ крѣпостяхъ сѣверовосточной Болгаріи лишь необходимые для непосредственной ихъ обороны гарнизоны. Армія эта, перейдя Балканы, должна была стать въ резервъ турецкихъ корпусовъ, занимавшихъ позиціи у Арабъ-Конака и Шипки.

Тотчасъ же послѣ паденія Плевны и побѣдъ на правомъ нашемъ флангѣ, его императорское высочество главнокомандующій дѣйствовавшею арміею принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ переходу арміи чрезъ Балканскій хребетъ и къ внесенію войны въ Румелію.

Планъ его высочества, лично ему принадлежавшій, заключался въ движеніи чрезъ Балканы широкимъ фронтомъ правымъ крыломъ впередъ. Ранѣе всѣхъ долженъ былъ перейти сильный отрядъ генерала Гурко, за нимъ отрядъ генераль-маіора Комаровскаго, дивизія генерала Карцева и, наконецъ, войска 8-го корпуса. Для облегченія выхода послѣднихъ двухъ отрядовъ изъ горъ, было предположено отдѣлить за Балканами одну гвардейскую дивизію и направить ее долинами Гюпса и Тунджи.

Въ виду же того, что противъ генерала Радецкаго былъ расположенъ сильный турецкій корпусъ, его высочество повелѣлъ усилить 8-й корпусъ 3-ю стрѣлковою бригадою и 16-ю пѣхотною дивизіею.

Такимъ образомъ у генерала Радецкаго составлялся значительный корпусъ войскъ, силою въ четыре пѣхотныя дивизіи, двѣ стрѣлковыя бригады и болгарское ополченіе.

Чтобы точнѣе уяснить послѣднія событія геройской обороны Шипки, кончившіяся рѣшительнымъ переходомъ въ наступленіе и плѣномъ турецкой арміи, я приведу нѣсколько телеграммъ, относящихся до сего дѣла, которыя не были еще преданы гласности.

Въ телеграммѣ отъ 8 декабря, въ которой начальникъ штаба арміи сообщаетъ генералу Радецкому о предположенномъ переходѣ генерала Гурьо чрезъ Балканы и о движеніи одной дивизіи въ долины Гюпса и Тунджи, сказано: „Кромѣ того, на поддержку вамъ будутъ направлены 3-я стрѣлковая бригада и 16 пѣхотная дивизія отъ Плевны. Полагаете ли вы необходимымъ выждать прибытіе этихъ послѣднихъ частей, или найдете возможнымъ начать операціи для овладѣнія Шипкою со своими силами. Прошу телеграфировать. 3-я стрѣлковая бригада выступаетъ изъ Плевны въ Ловчу 9 декабря, а 16-я пѣхотная дивизія съ 9-мъ казачьимъ полкомъ 10 декабря. Послѣдняя прибудетъ въ Сельви 13 декабря“.

Въ тотъ же день генералъ Радецкий отвѣтилъ слѣдующею телеграммою. „Движеніе одной дивизіи по долинѣ Тунджи я считаю крайне рискованнымъ, ибо она можетъ встрѣтить всю балканскую армію, которая, какъ извѣстно, занимаетъ горы только передовыми частями. Поэтому не признаете ли ваше высокопр—во болѣе полезнымъ усилить 3-ю пѣх. дивизію 16-ю дивизіею и 3-ю стрѣлковою бригадою, тѣмъ болѣе, что Тетевенскій, Троянскій и Росалитскій перевалы въ нашихъ рукахъ и теперь было бы весьма удобно направить эти части изъ Ловчи прямо на соединеніе съ генераломъ Карцевымъ. Движеніе же здѣсь, въ обходъ шипкинской позиціи, большими силами, которымъ негдѣ развернуться вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, болѣе чѣмъ въ полторы сажени, въ настоящее время, невозможно, а потому я предпочитаю въ то время, какъ генералъ Карцовъ зай-

меть окрестности Шипки, форсировать проходъ съ фронта, для чего силъ у меня будетъ достаточно“.

Въ тотъ же день была послана генераломъ Радецкимъ другая слѣдующая телеграмма: „Я предполагалъ овладѣть деревнею Шипкою, обойдя съ горной артиллеріей турокъ съ обоихъ фланговъ—Иметли и Сельцы. Занятіемъ Шипки, откуда туркамъ подвозится ежедневно на позицію все продовольствіе, непріятель долженъ немедленно сдаться или разбѣжаться. Въ настоящее время, имѣя въ виду, что со стороны Арабъ-Конака будетъ направлена въ долину Тунджи пѣхотная дивизія, я считаю движеніе моего отряда до появленія ея въ окрестностяхъ Шипки преждевременнымъ, почему прошу ваше высочайше не оставить меня увѣдомленіемъ когда можно рассчитывать на прибытіе дивизіи въ окрестностяхъ Шипки. Во всякомъ случаѣ я ничего не начну ранѣе прибытія 3-й стрѣлковой бригады и 16-й пѣх. дивизіи“.

Изъ этой телеграммы видно, въ чемъ собственно заключался планъ генерала Радецакаго. Онъ состоялъ изъ движенія чрезъ Балканы, въ обходъ Шипки, двухъ колоннъ. Колонны эти, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, переваливъ горы, могли соединиться и стать на сообщеніе турокъ. Дабы воспрепятствовать такому соединенію, туркамъ пришлось бы принять бой за Балканами. Въ случаѣ нашего успѣха они были бы поставлены въ самое критическое положеніе; имъ бы предстояло два исхода: или пробиться, во что бы то ни стало, или положить оружіе. Въ случаѣ, если-бы турки не дали соединиться обходнымъ колоннамъ, то все же положеніе ихъ было бы крайне затруднительно, ибо ихъ сообщенія были бы непрестанно подъ ударами отрядовъ, которые расположились-бы въ выходахъ балканскихъ проходовъ.

Для достиженія рѣшительнаго успѣха на Шипкѣ необходимо было направить чрезъ горы обходные отряды такой силы, чтобы они могли хотя-бы нѣкоторое время дѣйствовать самостоятельно, такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ Балканы, вслѣдствіе господствующихъ снѣжныхъ бурь, становятся почти непроходимыми.

Необходимо знать, что происходило на Шипкѣ въ то время, когда происходилъ обмѣнъ телеграммъ о переходѣ черезъ ту часть хребта, которая была занята арміею Весселя-паши. Должно

также знать, въ какомъ положеніи въ то время находился Шипкинскій гарнизонъ.

5-го декабря 1877 г. на Шипеѣ начались крѣпкіе морозы и снѣжная мятель. Мятель, переходившая въ бурю, продолжалась 5-го, 6, 7, 8, 9 и 10-го декабря; 11-го новая сильнѣйшая мятель; 12-го сильный вѣтеръ и морозъ; съ 14-го на 15-е мятель; въ ночь съ 16-го на 17-е начался снѣжный ураганъ.

Войсковыя части таили. Полки обращались въ баталіоны, баталіоны въ роты. Горная батарея лишилась всей своей прислуги, до одного человѣка. Къ 13-му декабря, еще до урагана, въ шести полкахъ, занимавшихъ Шипку, было больныхъ 90 офицеровъ и 8,968 нижнихъ чиновъ.

Въ артиллеріи, мужественно оборонявшей ввѣренныя ей позиціи, оставалось среднимъ числомъ по пяти нумеровъ на орудіе.

Тысячи рукъ и ногъ были отрѣзаны въ Габровѣ, какъ болѣе негодныя въ употребленію.

Положеніе людей на позиціи, особенно на Николаѣ, было болѣе чѣмъ ужасное. Тѣ, кто не видалъ этого положенія, просто слонны не вѣрять рассказамъ очевидцевъ.

Вотъ что пишетъ комендантъ Николая, полковникъ Духонинъ, въ своемъ донесеніи отъ 17-го декабря: „Въ ночь съ 16-го на 17-е поднялась снѣжная буря, достигшая на верхнихъ скалахъ горы св. Николая степени урагана. Баталіоны 55-го и 56-го пѣхотныхъ полковъ поднялись на гору съ величайшими затрудненіями гуськомъ; проводники едва могли отыскать среди снѣжной бури свои ложементы и довести роты. Всю ночь и до настоящаго времени (10 час. дня) всѣ люди въ движеніи. Гг. офицеры не смыкали глазъ, ободряя людей, и наблюдали лично, чтобы не было дремлющихъ; и только благодаря такому высокому и самоотверженному исполненію долга при 12° мороза на позиціи и 20° на верхнихъ скалахъ, охватывающихъ со всѣхъ сторонъ порывами вѣтра, удалось спасти людей отъ замерзанія, хотя ознобившихся не мало, но все это легкіе ознобы носа, щеки, ушей и пальцевъ, всѣ эти люди немедленно отправлены съ позиціи въ околотовъ. Счастливый исходъ сегодняшней ужасной бури, въ отношеніи спасенія людей, долженъ быть отнесенъ къ безконечному усердію офицеровъ, проявленному ими въ эту трудную минуту—высокому сознанію своихъ обязанно-

стей; о семъ по долгу службы обязаннымъ себя считаю засвидѣтельствовать передъ в. п—мъ. Въ теченіе сегодняшней ужасной бури верхнія и нижнія передовыя скалы занимала 1-я рота 55 пѣх. Подольскаго полка и на разсвѣтѣ смѣнена ротою Брянскаго полка. Возвращаясь по смѣнѣ, 1-я рота 55 полка въ полномъ составѣ была свалена вихремъ вѣтра и повалилась. Люди, кое-какъ удерживая другъ друга, поднялись и дошли до своихъ теплыхъ помѣщеній въ порядкѣ и даже съ неудавшеюся попытою затянуть пѣсню. Такому высоко-примѣрному духу и состоянію этой роты она обязана командиру роты, подпоручику Войницкому—рота его возвратилась со спасенными людьми и всего съ двумя легко ознобленными. Въ настоящую минуту положеніе людей на верхнихъ скалахъ выше описанія и потому послѣ всего перенесеннаго 1-ю ротою 55 полка люди сняты съ верхнихъ скалъ и удерживаются въ нижнихъ ложементѣхъ передовыхъ скалъ, верхніе же будутъ занимать лишь по тревогѣ по всей позиціи; ни въ одной траншеѣ огня развести нельзя; одежда всѣхъ офицеровъ и солдатъ изображаетъ изъ себя сплошную ледяную кору (напримѣръ, башлыковъ развязать нельзя; при попыткѣ сдѣлать это—куски его отваливаются); для отправленія естественной..... .. ружья покрыты сплошной ледяной корой и съ чрезвычайнымъ усиліемъ поддерживаютъ въ хорошо смазанныхъ масломъ ружьяхъ исправное дѣйствіе затвора и выбрасывателя, постоянно приводя ихъ въ движеніе своими окоченѣлыми пальцами. При испытаніи стрѣльбы винтовки Курька дѣйствуютъ исправно; Берданки, тщательно смазанныя керосиномъ, даютъ первые выстрѣлы осѣчки, а затѣмъ дѣйствуютъ исправно. Отъ траншей къ секретамъ выставлены люди, чтобы подать необходимую всякаго рода помощь выдвинутымъ впередъ постамъ. Перестрѣлка идетъ только ружейная противъ скалъ и жолоба. Энергическая служба офицеровъ поддерживается неизмѣнно; буря еще сильна и опасность еще не миновала“.

Все сказанное не есть преувеличеніе. Это голая самая вѣрная картина той непрерывной драмы, которая происходила на Шипкѣ.

Это эпопея русскаго солдата. Разбирая Шипкинское сидѣнье, невольно приходятъ на память слова способнаго офицера генеральнаго штаба германской арміи, видѣвшаго часть позиціи:

„на позиціи этой трудно продержаться три дня“. Если-бы кто либо изъ обучающихся въ военной академіи выбралъ такую позицію при рѣшеніи тактической задачи, его исключили-бы изъ академіи. Если-бы нашелся такой профессоръ, который, принявъ во вниманіе значеніе на войнѣ нравственнаго элемента, сталъ-бы утверждать, что такую позицію можно защищать при хорошихъ войскахъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ противъ превосходнаго числомъ и мужественнаго непріятеля, въ холодную осень и крайне суровую зиму, его признали бы умалишеннымъ.

Шипкинская позиція походила на длинную, вытянутую въ концахъ подкову, сплюснутую почти на половинѣ своей длины. Какъ съ востока, такъ и съ запада позиція обстрѣливалась съ командующихъ высотъ. Навысшая точка позиціи, гора св. Николая, была подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на командующихъ высотахъ. На позиціи вообще не было точки, которая не обстрѣливалась-бы съ двухъ, а иногда и съ трехъ сторонъ. Сообщение позиціи съ Габровымъ проходило по единственному узкому шоссе, которое на значительномъ протяженіи пролегалo подъ выстрѣлами непріятеля. Тутъ, то есть въ тылу позиціи, была знаменитая райская долина. „Войдешь, значить, въ эту долину—тотчасъ попадешь въ рай“—поговаривали солдаты. Днемъ было опасно ходить здѣсь. На полъ-горѣ отъ позиціи въ Габрову была расположена не менѣе знаменитая „Шипкинская Италия“. Въ этой Италиі сравнительно было тепло: когда снѣжный ураганъ завывалъ на Николаѣ и морозъ достигалъ—20° Р., въ ней была снѣжная мятель съ болѣе слабыми порывами вѣтра и всего при 10° Р.

Начавшаяся съ 5-го декабря въ Балканахъ мятель совершенно ослабила и безъ того слабый составъ 24-й пѣх. дивизіи. 14-я пѣхотная дивизія тоже была въ слабомъ состояніи; и 9-я пѣх. дивизія, входившая въ составъ 8-го корпуса, была слаба: Брянскій полкъ этой дивизіи стоялъ на Шипкѣ и подвергался общей шипкинской участи; полки Орловскій и Сѣвскій понесли, 22-го ноября, въ дѣлѣ подъ Еленой, значительныя потери и не были еще укомплектованы.

Все это взятое вмѣстѣ даетъ объясненіе слѣдующей телеграммѣ генерала Радецева начальнику штаба арміи: „движеніе

на деревню Шипку прямо по дорогѣ я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ въ Шипеѣ укрѣпляется турками съ начала августа, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестной обороной во многихъ мѣстахъ. Поэтому при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть Шипкою и долиною Тунджи движеніемъ сильнаго отряда отъ Тетевена или Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла. Вслѣдствіе этого я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій его высочества. Для полученія приказаній я командирую въ Боготъ начальника штаба генерала Дмитровскаго“.

Въ тотъ же день, 10-го декабря, его высочество главнокомандующій послалъ слѣдующія двѣ телеграммы генералу Радецову. 1-я: „Сообщаю вамъ только что полученныя свѣдѣнія. Сулейманъ получилъ приказаніе двинуть свою армію въ Румелию, оставивъ въ крѣпостяхъ лишь необходимые гарнизоны. Онъ прибылъ въ Константинополь, чтобы присутствовать на совѣтѣ, разработывающемъ операціонный планъ“. 2-я телеграмма: „Изъ получено свѣдѣніе, что Мегмедъ-Али прибылъ въ Константинополь и объявилъ, что Турціи остается одно—вступить въ мирныя переговоры непосредственно съ Россіей, ибо всякое вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно считаю необходимымъ ускорить наступленіе сколь возможно, дабы усилить давленіе на Турцію, не теряя времени“.

Изъ предыдущаго было видно, что генералъ Радецкій не имѣлъ достаточныхъ силъ для начатія рѣшительнаго движенія за Балканы. Хотя его корпусъ усиливали пѣхотною дивизією и стрѣлковою бригадою, но усиленіе это было условное, такъ какъ 24 пѣхотная дивизія, пришедшая въ крайне слабый составъ, была снята съ Шипки и расположена въ резервѣ, на отдыхъ въ Сельви.

Такъ что къ 17 декабря въ составѣ 8-го корпуса въ сущности было 3 пѣхотныхъ дивизіи; 2 стрѣлк. бригады, 2 казачьихъ полка и болгарское ополченіе. И съ этими силами приходилось защищать Шипку и произвести обходное движеніе за Балканы. Силъ этихъ было недостаточно для рѣшительнаго наступленія противъ турецкихъ войскъ, стоявшихъ на Шипеѣ

и въ ея окрестностяхъ; но ихъ хватало на производство демонстраціи за Балканами и для угроженія коммуникаціонной линіи турокъ, при условіи, конечно, что непріятель не произведетъ за это время атаки нашей позиціи.

17-го декабря, въ ту самую ночь, когда страшный снѣжный ураганъ чуть было не погубилъ Шипкинскій гарнизонъ, генераль Радецкій даетъ приказаніе генералу Скобелеву выступить немедленно изъ Сельви и расположиться близъ Зеленаго дерева и Топлица, противъ Иметлійскаго перевала. Елецкій полкъ съ горною батареею былъ вызванъ изъ Хаинкойскаго перевала и направленъ въ Травно, гдѣ сосредоточивалась лѣвая обходная колонна подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Святополка-Мирскаго 2-го. Выступление этой колонны, а равно и правой, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го, первоначально было назначено на 20-е декабря, но засимъ отложено на 24-е число.

20-го декабря генераль Радецкій телеграфировалъ слѣдующее его высочеству главнокомандующему: „Ранѣе 24-го числа, какъ я уже телеграфировалъ вашему высочеству, движеніе начать не могу, такъ какъ къ этому только числу, по заявленію генерала Скобелева, будетъ готова его колонна. Эту колонну составятъ: 16-я пѣх. дивизія съ 2 ротами саперъ, 3-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе, 9-й казачій полкъ, уральская сотня и 2-я горная батарея. Со стороны Травны, въ колонну князя Мирскаго войдутъ 3 полка 9-й пѣхотной дивизіи, 4-я стрѣлковая бригада, 23-й казачій полкъ, рота саперъ и горная батарея. Колонну эту считаю слишкомъ слабою, потому прошу прислать еще дивизію. Если удастся перевалить на ту сторону, то буду ожидать появленія генерала Гурко и ни въ какомъ случаѣ атаковать армію Сулеймана, если она спустится ранѣе прихода генерала Гурко, не буду. 14-я дивизія и Брянскій полкъ (9-й дивизіи) останутся для занятія шипкинской позиціи. Прошу прислать также телеграфный паркъ въ Драново и устроить тамъ станцію съ тѣмъ, чтобы связаться линіей съ отрядомъ Мирскаго. За здѣшними ураганами будетъ весьма затруднительна доставка чрезъ горы продовольствія и снарядовъ. Дѣлая движеніе чрезъ горы ранѣе прихода отряда генерала Гурко, исполняю приказаніе вашего императорскаго высочества, но по

долгу совѣсти доношу, что съ своей стороны движеніе за горы ранѣе прибытія генерала Гурко считаю преждевременнымъ и рискованнымъ“.

21-го декабря его высочество телеграфировалъ генералу Радецкому, что генералъ Гурко не пойдетъ въ долину Тунджи, а съ главными силами направится по долинѣ Марицы. Къ сему его высочество добавилъ: „Каждая минута намъ дорога“.

Генералу Радецкому не было извѣстно, куда направилась армія Сулеймана. Она могла выйти къ Сливнѣ и затѣмъ быстро появиться у Шипки. Тогда противъ 8-го корпуса могла образоваться армія въ 120 таборовъ при 200 орудіяхъ, противъ которой во всякомъ случаѣ слѣдовало дѣйствовать крайне осмотрительно. Сообразно этому даны инструкціи генераламъ Скобелеву и Мирскому.

Генералу Скобелеву было предписано перейти Балканы, занять Иметли, укрѣпиться и ждать приказаній. Къ сторонѣ Лысой горы—выслать боковой авангардъ.

Генералу князю Мирскому—наступать отъ Травны до Янины; двигаться крайне осторожно въ виду того, что Сулейманъ переходитъ Балканы. При чемъ, если въ составъ колонны не будетъ добавлена дивизія, ограничиться демонстраціею, дабы привлечь на себя Сулеймана и не допустить его до Шипки. Если же будутъ свѣдѣнія, что изъ Сливны не идетъ непріятель, то занять Янину. Если будетъ дана дивизія, то все же двигаться осторожно, прикрывая себя сильнымъ боковымъ отрядомъ со стороны Маглиша.

Эти инструкціи даны были начальникамъ колоннъ до 20-го декабря 1877 г. Въ ночь съ 20-го на 21-е генералъ Радецкій получилъ телеграмму отъ великаго князя главнокомандующаго о томъ, что генералу Делинстаузену приказано отправить, 23-го декабря, въ составъ 8-го корпуса 30-ю пѣх. дивизію взамѣнъ 24-й, которая, какъ мы уже знаемъ, 17-го числа была спущена съ Шипки и поставлена въ Сельви. 30-я дивизія была направлена изъ Тырнова въ Травно и поступила въ составъ лѣвой обходной колонны.

23-го декабря начальникъ штаба арміи телеграфировалъ генералу Радецкому о томъ, что начальнику 1-й кавалерійской дивизіи приказано имѣть три полка собранными въ Сельви и

ожидать приказаній отъ Радецкаго куда, когда и сколько направитъ, и что гренадерскій корпусъ 25-го направляется на Габрово въ шесть переходовъ поѣшелонно, въ каждомъ эшелонѣ по бригадѣ.

Распоряженія эти совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ районѣ Шипки. Въ составъ 8-го корпуса поступали двѣ свѣжія дивизіи, пѣхотная и кавалерійская. Въ его тылу, въ резервѣ, становился гренадерскій корпусъ. При такихъ обстоятельствахъ не было страшно и появленіе у Шипки всей арміи Сулеймана. Генераль Радецкій быстро рѣшается на самое смѣлое наступленіе, зная хорошо, что быстро и правильно направленный ударъ есть залогъ для успѣха военнаго дѣла, ранѣе обдуманнаго со всѣхъ сторонъ.

Того же 23-го числа онъ мѣняетъ инструкціи, данныя начальникамъ обходныхъ колоннъ.

Генералу Скобелеву онъ предписываетъ начать наступленіе вечеромъ 24-го числа и двигаться на селеніе Шипку. По приходѣ въ Иметли онъ долженъ былъ устроиться и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, не дожидая прихода генерала Карцова, атаковать Шипку одновременно съ княземъ Мирскимъ. При этомъ командиръ корпуса увѣдомлялъ его, что лѣвая колонна начнетъ свою атаку не ранѣе 27-го декабря.

Князю Мирскому того же 23-го числа послано новое, слѣдующее приказаніе: 24-го, утромъ, выступить изъ Травны. Первый переходъ сдѣлать до Крестца. Далѣе двигаться черезъ горы, энергично. Если, по прибытіи въ Гузово, уже перейдя Балканы, станетъ извѣстно, что къ Шипкѣ идутъ турецкія подкрѣпленія, то цѣль отряда—не допустить ихъ соединиться съ арміею Веселя-паши; если же со стороны Сливны не будетъ непріятеля, то въ случаѣ, если генераль Скобелевъ будетъ атакованъ турками въ Иметли или самъ атакуетъ—атаковать правый флангъ турокъ. При этомъ генераль Мирскій былъ поставленъ въ извѣстность, что 24-го числа въ Травну, въ составъ его колонны, прибудетъ 30-я пѣхотная дивизія.

Въ дополнительномъ приказаніи генерала Радецкаго дано было знать князю Мирскому, что движеніе генерала Скобелева основано на разчетѣ, что лѣвая колонна 26-го подойдетъ къ Гузову и 27-го будетъ въ состояніи поддержать атаку правой колонны.

Такимъ образомъ, турецкую армію предположено было атаковать съ обонхъ фланговъ и тыла, при чемъ инициатива предоставлена была генералу Скобелеву.

Движеніе обходныхъ колоннъ началось согласно даннымъ командиромъ корпуса приказаніямъ.

Объ колонны, при перевалѣ черезъ Балканы, испытали страшныя затрудненія, какъ отъ того, что имъ пришлось двигаться по горнымъ тропинкамъ съ необыкновенными крутизнами, такъ и потому, что мятели, господствовавшія въ Балканахъ, покрыли горы глубокимъ пластомъ снѣга. Но мужество русскихъ войскъ было также велико, какъ велики были трудности. Войска, воодушевленные начальниками, боролись съ суровою природою и побѣдили ее. Въ лѣвой колоннѣ, въ самыхъ глубокихъ снѣжныхъ заносахъ, въ снѣгу были прорыты траншеи такой глубины, что мѣстами не видать было пива казака, ѣхавшаго по траншеѣ. Придя къ Крестцу, лѣвая колонна, чтобы не задерживаться въ движеніи, бросила свою полевую артиллерию, оставивъ лишь 7 горныхъ орудій. Правая колонна хотѣла во что бы то ни стало перетащить на салазкахъ легкую полевую батарею, для чего была употреблена пѣхота. Обстоятельство это задержало движеніе колонны генерала Скобелева, которая вышла за Балканы позже колонны генерала князя Мирскаго, хотя путь движенія послѣдней колонны былъ втрое длиннѣе. Оно измѣнило первоначальныя предположенія объ атакѣ турокъ за Балканами и инициатива дѣйствій перешла изъ рукъ Скобелева въ руки Мирскаго.

Не имѣя достаточнаго матеріала для всесторонней и вполне точной оцѣнки двухдневнаго боя за Балканами, за обладаніе Шипкою, мы пока воздержимся отъ этой оцѣнки. Замѣтимъ, что положеніе генерала Радецкаго, стоявшаго съ небольшими силами противъ фронта непріятеля, было самое тягостное. Приказаніе его высочества о проведеніи телеграфной проволоки въ отрядъ князя Мирскаго не было исполнено, и колонна генерала Скобелева не была связана съ Шипкою, а слѣдовательно, не имѣла сообщенія съ колонною Мирскаго. Между тѣмъ, если бы телеграфное дѣло было поставлено надлежащимъ образомъ, то вся операція эта была бы исполнена такъ, какъ было предположено, и наша потеря за 27 и 28 декабря была бы не 5,000 человекъ,

а, вѣроятно, не болѣе половины. Неимѣніе телеграфнаго сообщенія съ обходными колоннами отнимало у генерала Радецкого возможность судить вполне правильно о взаимномъ положеніи колоннъ. Командиръ корпуса крайне сожалѣлъ объ этомъ и въ телеграммѣ отъ 26-го декабря говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Не смотря на всю переписку, доношу вашему высочеству, что телеграфной линіи не устроено отъ Дрянова къ Травнѣ и далѣе за отрядомъ князя Мирскаго“.

Судя по донесеніямъ, которыя получалъ генералъ Радецкій въ первые три дня движенія обходныхъ колоннъ, онъ имѣлъ полное основаніе полагать, что все будетъ исполнено такъ, какъ было предположено. Колонна князя Мирскаго, оставивъ свою полевую артилерію по сѣверную сторону Балканъ, и не взирая на встрѣченные страшные снѣжные заносы, шла какъ бы по маршруту, данному въ мирное время. Съ этой стороны, повидимому, не ожидалось никакихъ особыхъ затрудненій къ перевалу чрезъ хребетъ, тѣмъ болѣе, что выходы изъ ущелій были слабо заняты турками.

26-го декабря генералъ Скобелевъ послалъ донесеніе генералу Радецкому, начинавшееся словами: „Сосредоточиваюсь для дебушированія съ огромными трудностями“, и кончавшееся такъ: „Завтра (27-го), въ полдень, атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Если бы Мирскій атаковалъ ранѣе, то во всякомъ случаѣ поддержу его со всѣмъ, что будетъ подъ рукой“.

Въ ночь съ 26-го на 27-е генералъ Скобелевъ донесъ генералу Радецкому, что 2-я бригада 16 пѣх. дивизіи спущена въ долину, засимъ онъ говоритъ: „туда же направляю всѣ прибывающія войска, при чемъ сдѣлаю распоряженіе объ укрѣпленіи позиціи впереди дебуше. Быть готовымъ къ атакѣ въ 12 часовъ дня завтра (27-го) со всѣми силами оказывается почти невозможнымъ, такъ какъ, по страшной трудности дороги, главные силы до сихъ поръ еще не спустились. Сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы атаковать турокъ завтра (27-го) къ вечеру, но во всякомъ случаѣ и въ которомъ часу бы ни было, если увижу атаку лѣвой колонны, поддержу ее какими бы силами я ни располагалъ. Считаю все-таки предпочтительнѣе атаковать позже и буду дѣйствовать въ этомъ смы-“

слѣ, если обстоятельства не измѣнятся. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю ваше превосходство, что если придется атаковать, то буду это дѣлать самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ считаю отступление по той же дорогѣ, по которой наступалъ, если не невозможнымъ, то весьма и весьма затруднительнымъ“.

Генераль Радецкій рѣшился повончить съ этимъ дѣломъ. Ровно въ одиннадцать часовъ дня 27-го декабря къ князю Мирскому, развернувшему свои войска въ боевой порядокъ, прискакалъ казакъ и подалъ записку отъ корпуснаго командира. Генераль Радецкій приказывалъ князю Мирскому наступать рѣшительно на Шипку, при чемъ увѣдомлялъ, что генераль Скобелевъ дебушируетъ успѣшно и поддержитъ атаку.

Приказаніе это было исполнено въ точности. Черезъ нѣсколько минутъ по полученіи записки въ колоннѣ князя Мирскаго все пришло въ движеніе. Началось общее наступленіе войскъ колонны. Войскамъ, поставленнымъ въ первую линію, отдано было категорическое приказаніе идти впередъ безостановочно, безъ выстрѣла и, сблизившись съ противникомъ, перейти въ наступленіе въ штыки и овладѣть укрѣпленіями, виднѣвшимися по обѣимъ сторонамъ шоссе. Всѣ двинулись впередъ. Горная батарея вскорѣ опередила вторую линію и выѣхала впередъ, почти въ цѣпь, въ разстояніи 350 не болѣе саженой отъ противника. Удачнымъ залпомъ этой батареи на большомъ турецкомъ передовомъ курганѣ, вооруженномъ артиллеріею, былъ взорванъ зарядный ящикъ. Войска, осыпаемая градомъ пуль и артиллерійскими снарядами, двинулись на это и сосѣднія укрѣпленія, и къ половинѣ втораго пополудни укрѣпленія эти были взяты. Дрались въ рукопашную и съ крайнимъ остервенѣніемъ. Бросали ружья и хватались руками. У одного солдата были вырваны глаза. Мы понесли громадную потерю, въ общемъ превосходящую 1,800 человекъ. Это была настоящая штыковая атака.

Ровно черезъ полчаса послѣ этой атаки колонна генерала Скобелева сосредоточилась за Балканами. „Сегодня, доносить генераль Скобелевъ отъ 27 декабря, часа въ два пополудни ввѣренный мнѣ отрядъ дебушировалъ почти цѣликомъ. Не атаковалъ рѣшительно турокъ только потому, что ждалъ появленія въ долинѣ колонны князя Мирскаго“. Генераль Скобелевъ не

зналъ, конечно, что въ эту минуту лѣвая колонна, окончивъ свою атаку, занялась усиленно переноскою раненыхъ, на время атаки остававшихся, за неизбѣннѣмъ людей, безъ всякой помощи. Будь исполнено категорическое повелѣнiе его высочества главнокомандующаго относительно телеграфа, этого бы, конечно, не случилось. Генераль Скобелевъ въ своемъ рапортѣ отъ 3 января 1878 г. за № 11 слѣдующимъ образомъ доносить генералу Радецкому о томъ, почему онъ не вступилъ въ бой 27 числа: „Предпринять въ этотъ же день (27) что либо противъ Шейнова я считалъ невозможнымъ, во 1-хъ, вслѣдствiе поздняго времени дня, во 2-хъ въ виду необходимости укрѣпиться на занятой позици и, наконецъ, въ 3-хъ, въ виду необходимости сосредоточить мои силы, такъ какъ отъ вашего высокопр—ва получилъ лично приказанiе не начинать боя, не собравъ весь отрядъ“.

27 числа генераль Радецкiй въ сопровожденiи генерала Петрушевскаго, командовавшаго войсками шипкинской позици, отправился на гору св. Николая, откуда въ ясную погоду отлично была видна долина Казанлыка. Къ частію, въ этотъ день погода была ясная. Часовъ въ 10 утра генераль Радецкiй слышалъ выстрѣлы, доносившіеся изъ обѣихъ обходныхъ колоннъ ¹⁾). За симъ съ Николая было ясно видно движенiе войскъ лѣвой колонны. „Въ 12 часовъ, говоритъ генераль Радецкiй въ своемъ донесенiи его высочеству главнокомандующему отъ 5 января 1878 г. за № 25, колонна эта развернулась для атаки и стала упорнымъ боемъ наступать на непріятельскія укрѣпленія. Со стороны колонны генераль-лейтенанта Скобелева хотя и слышны были выстрѣлы, но приближенія войскъ этой колонны къ сторонѣ Шипки не замѣчалось“. Получивъ донесенiе отъ генерала Скобелева, что 27-го послѣдній не можетъ атаковать, генераль Радецкiй послалъ ему приказанiе атаковать непріятеля 28-го утромъ. „Я надѣялся, пишетъ онъ въ томъ же рапортѣ, что эта колонна (визя Мирскаго), удачно атаковавшая непріятеля 27-го, въ состоянiи будетъ удержаться 27-го и ночь на 28-го, до прихода колонны ген. Скобелева“.

¹⁾ Часть колонны Мирскаго въ это время занимала съ боемъ селеніе Яннуу.

Между тѣмъ генералъ Радецкій получилъ отъ генерала князя Мирскаго крайне тревожное донесеніе. Донося, что колонна его дралась цѣлый день, никѣмъ не поддержанная, что потери большія, что въ войскахъ недостатокъ въ патронахъ и продовольствіи и что онъ рѣшился ночевать передъ турецкими траншеями въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, онъ просилъ выручить его изъ его такого крайняго положенія. „О генералѣ Скобелевѣ ничего не знаемъ“, говоритъ онъ въ этомъ донесеніи. Въ донесеніи, посланномъ въ корпусному командиру въ 3 часа 45 мин. утра 28-го, онъ говоритъ, что патроновъ хватитъ всего на одинъ день и добавляетъ: „а все телеграфъ“.

Да, именно телеграфъ былъ причиною тому, что нельзя было ни донести, ни приказать своевременно. Даже за отсутствіемъ телеграфа, 27-го числа, въ виду ясной солнечной погоды, колонны могли бы переговорить между собою и съ генераломъ Радецкимъ, если бы въ войскахъ имѣлся гелиографъ. Къ сожалѣнію, гелиографы лежали гдѣ-то въ складахъ на берегу Дуная.

Генералъ Радецкій рассчитывалъ, какъ это онъ доноситъ въ своемъ рапортѣ № 25, что генералъ Скобелевъ начнетъ атаку Шейнова въ 8 часовъ утра и въ 12 успѣетъ дойти до селенія Шипки.

Для поддержанія этой атаки и удержанія турокъ въ горахъ, онъ рѣшился, въ 12 час. дня 28-го числа, атаковать съ фронта непріателя.

Въ 5 часовъ утра 28-го передовыя части колонны генерала Мирскаго были атакованы турками. Перестрѣлка была слышна на Николаѣ. Генералъ Радецкій ждалъ атаки Скобелева. Наступило 12 часовъ и онъ перешелъ въ наступленіе, направивъ съ Николая внизъ бригаду пѣхоты 14 дивизіи. Атака была стремительная и кровавая. Началась атака; была мертвая тишина, продолжавшаяся четверть часа. Засимъ послышалось громкое ура!—это подольцы овладѣли первою траншеею. Но вотъ открылся жестокой огонь со стороны турокъ. Наши имъ отвѣчали тѣмъ же. Черезъ 5 минутъ загремѣла страшная артиллерійская канонада съ обѣихъ сторонъ. Турецкія гранаты и бомбы съ мортирныхъ батарей, стрѣлявшихъ залпами, ложились на Николаѣ и вдоль узкаго (всего 7 шаговъ) шоссе, по которому

двигалась наша бригада въ атаку. Послѣ первой траншеи взята была вторая, но уже съ громадными потерями, а въ третьей траншеѣ очутились одни тѣла.

„Много пало храбрыхъ, говорить въ своемъ рапортѣ генераль Радецкій, бригада потеряла 1,700 человекъ и половину офицеровъ, но великую пользу принесла она дѣлу, удержавъ противъ себя 22 табора, всю артиллерію и поставивъ турокъ въ безвыходное положеніе, окончившееся безусловнымъ ихъ плѣненіемъ“.

Войска генерала князя Мирскаго, не взирая на потери, понесенныя 27-го, 28-го утромъ, частями перешли въ наступленіе. Вскорѣ штурмомъ было занято селеніе Шипка и шоссе, идущее отъ Казанлыка въ Габрово. Такимъ образомъ, та часть турецкой арміи, которая стояла въ долинѣ, была разобщена съ 22 таборами, расположенными въ горахъ. Телеграфная проволока турокъ была порвана. Въ 11 часовъ дня отрядъ князя Мирскаго услышалъ громкое ура! со стороны Иметли, слышались звуки русской музыки; ружейная и артиллерійская перестрѣлка усилилась.

То была атака колонны генерала Скобелева. Началась атака шейновскаго лагеря со стороны обѣихъ обходныхъ колоннъ. На Николаѣ было спокойно. Сражавшіеся внизу по временамъ поглядывали на вершины Балкана. Но туманъ, сгустившійся съ утра, мѣшалъ наблюденію. Въ началѣ перваго часа, когда внизу выпѣлъ страшный бой, на перевалѣ слышались частые ружейные залпы, а засимъ открытъ былъ огонь изъ 200 орудій. Это была такая минута, которую трудно описать. Никто, ни одинъ человекъ, участвовавшій въ обходныхъ колоннахъ, не зналъ, что генераль Радецкій рѣшится атаковать турокъ въ лобъ.

Атака эта считалась просто невысказанною. Глядя на балканскія выси, покрытыя густымъ туманомъ, въ нашемъ воображеніи рисовались самыя страшныя сверхъестественныя картины. „Что это тамъ?“ „Господи!“ „Взгляните!“ „Это адъ, настоящій адъ!“ „Это Радецкій атакуетъ!“ „Ну рѣзня!“—такія восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ. Многіе крестились. Возбужденіе было всеобщее. „Что-то тамъ, на Николаѣ“—думалось, а самимъ было дѣло по горло. Идя въ атаку, мы то и дѣло что взглядывали на верхъ.

Очевидно было, что тамъ настоящій адъ кипитъ. И у насъ былъ адъ, но тамъ, тамъ неизвѣстность, тамъ глубокая тайна, которую мы не въ силахъ были разгадать. Залпы десятковъ тысячъ ружей, издававшіе какою-то отрывистый звукъ, сухой звукъ, и гулъ сотенъ орудій—все это сливалось во что то страшное, загадочное; временами намъ слышенъ былъ въ горахъ чрезвычайный шумъ, точно буря тамъ гудѣла, а среди бури раздавались точно крики людей и бряцанье ихъ оружія.

Рѣшительная атака генерала Скобелева, поддержанная таковою же атакою генерала Мирскаго, увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ.

Къ двумъ часамъ пополудни турки были сбиты съ позицій и значительная часть ихъ, нѣсколько тысячъ, сосредоточилась на большомъ курганѣ, расположенномъ въ центрѣ всей позиціи.

На курганѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ и турецкій главнокомандующій, Вессель-паша, сдался и послалъ приказаніе таборама, расположеннымъ въ горахъ, положить оружіе передъ побѣдителями. Генералъ Скобелевъ, которому передалъ Вессель-паша свою пашку, послалъ на Николай генерала Столѣтова въ сопровожденіи турецкихъ штабъ-офицеровъ.

На Николаѣ не знали судьбы дѣла обходныхъ колоннъ; тамъ, какъ генералъ Радецкій, такъ и всѣ офицеры и солдаты, спокойно выжидали донесеній. На Шипкѣ всегда было спокойно и ея защитники всегда были увѣрены, что не сдадутъ ея иначе, какъ положивъ за нее свои головы. Какова же была ихъ радость, когда среди нихъ появился генералъ Столѣтовъ и заявилъ, что турецкая армія сдается и владеть передъ ними оружіе. Въ Балканахъ Шипки и его окрестностяхъ наступила мертвая тишина и люди, привыкшіе къ боевымъ тревогамъ, не слыша выстрѣловъ и не зная куда преклонить голову, чтобы отдохнуть, почувствовали какую-то непонятную, неопредѣленную тоску.

Точно кончилось веселье и наступила скука. Но это чувство было вскорѣ заглушено заботами о дальнѣйшемъ наступленіи въ долину Тунджи и далѣе къ Адрианополу.

Сдавшаяся турецкая армія состояла изъ 41 табора. Взято 93 орудія и 6 знаменъ.

Наши потери простирались до 5,302 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 136 офицеровъ. На долю колонны князя Мир-

скаго пришлось: 70 офицеровъ и 2,030 нижнихъ чиновъ; въ колоннѣ генерала Скобелева — 44 офицера и 1,430 нижнихъ чиновъ; въ войскахъ, спустившихся съ Николая — 22 офицера и 1,706 нижнихъ чиновъ.

Воспоминанія объ этомъ славномъ двухдневномъ боѣ подъ Шипкою, имѣвшемъ самое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи 1877 — 1878 гг., навсегда останутся славными страницами военной исторіи нашей доблестной арміи.

Оборона же Шипки — это эпопея русскаго офицера и солдата. Съ такими офицерами и солдатами полководецъ можетъ на все рѣшиться. Необыкновенныя ихъ мужество и выносливость, особенно въ трудныя минуты, тянутся непрерывною чертою чрезъ рядъ многочисленныхъ войнъ, къ которымъ призвана была Россія, начиная съ Великаго Петра, и которыя возвеличили и укрѣпили русскій народъ и прославили его державныхъ вождей.

II.

В. В. Верещагинъ говоритъ, что я исказилъ, въ виду якобы моего недоброжелательства къ покойному генералу М. Д. Скобелеву, истину послѣдняго шипкинскаго боя. В. В. Верещагинъ выражаетъ увѣренность, что при личномъ моемъ докладѣ объ этомъ дѣлѣ въ Бозѣ почивающему государю императору, я представилъ его величеству все дѣло „шиворотъ навыворотъ“. Эту свою увѣренность онъ доказываетъ тѣмъ, что М. Д. Скобелевъ получилъ за эту блистательную битву маловажную награду.

О дѣйствіяхъ генерала Скобелева за время войны 1877—1878 гг. у меня составилось опредѣленное мнѣніе, какъ полагаю у большинства лицъ, близко знакомыхъ съ событіями прошлой войны. Мнѣнія этого я не имѣлъ случая высказать г. Верещагину. Впрочемъ, если бы я его высказалъ, то ничего бы новаго, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, онъ бы отъ меня не узналъ. Скобелева цѣнила вся Россія; покойный же Государь императоръ наградилъ его за его службу щедрою рукою и настолькоъ зналъ его выдающіяся способности, что довѣрилъ ему

ведение трудной и крайне щекотливой въ политическомъ отношеніи турьменской экспедиціи.

Не въ этомъ, однако, дѣло, а дѣло въ томъ, что все, что говоритъ г. Верещагинъ по поводу послыки меня его высочествомъ главнокомандующимъ въ Петербургъ — есть плодъ его воображенія.

Генераль Скобелевъ, по словамъ Верещагина, предлагалъ послать къ государю своего начальника штаба, полковника графа Келлера, „но, говоритъ г. Верещагинъ, такъ какъ боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, чего именно не хотѣли, то выбрали, напротивъ, С. (Соболева), офицера генеральнаго штаба при отрядѣ Мирскаго и болѣе другихъ возстававшего противъ Скобелева“.

Кто это боялся? Кто это не хотѣлъ?

Чтобы разъяснить это обстоятельство, а также и то, почему именно меня послалъ въ Петербургъ главнокомандующій дѣйствующей арміи, а не кого другаго, считаю необходимымъ связать нѣсколько подробностей по этому вопросу.

Въ половинѣ іюля 1877 г. я былъ посланъ, по повелѣнію главнокомандующаго, переданнымъ мнѣ княземъ Черваскимъ, съ тремя офицерами и тремя казаками, вслѣдъ за отрядомъ генерал-лейт. Гурко. Дабы пройти Балканы новымъ путемъ, неизвѣстнымъ войскамъ, я рѣшился на свою отвѣтственность прослѣдовать проходомъ, ведущимъ изъ Травны на Сельцы и Гузово. Попытка оказалась удачною и вскорѣ мы достигли гор. Казанлыка. Обратномъ мы перешли горы, слѣдуя чрезъ шипкинскій перевалъ. Вскорѣ послѣдовали грозныя атаки Сулеймана-паши на балканскую нашу позицію. Въ это время я былъ въ Тырновъ. Генераль-лейтенантъ Радецкій пригласилъ меня слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ на Шипку, и я имѣлъ честь состоять въ его свитѣ въ ту знаменательную минуту, 11-го августа 1877 г., когда появленіемъ передовыхъ частей 8-го арм. корпуса спасена была Шипка и наша кампанія. 15-го августа я былъ въ глазной квартирѣ, въ Горномъ Студенѣ, и часть дороги отъ Тырново сопутствовалъ тяжело-раненому на Шипкѣ ген.-лейт. Драгомирову. Тотчасъ по пріѣздѣ я имѣлъ честь доложить его высочеству главнокомандующему о шипкинскихъ бояхъ.

Изъ-за Шипки остановлены были операціи къ Ловчѣ и Плевнѣ.

Къ Габрову были стянуты сильныя резервы. Его высочество повелѣлъ мнѣ высказать мое мнѣніе по шипкинскому дѣлу, и я рѣшился замѣтить, что по моему мнѣнію Сулейманъ-паша, разстроенный своими атаками, попался въ ловушку, ибо если двинуть дивизію пѣхоты чрезъ Травну и Сельцы къ Казанлыку, то легко напасть на тылъ Сулеймана и заставить его отступить. Въ тотъ же день я обѣдалъ у великаго князя. За обѣдомъ его высочество сказалъ начальнику штаба арміи, генералъ-адъютанту Непокойчицкому, что онъ, по высочайшему повелѣнію, долженъ ѣхать тотчасъ же послѣ обѣда на Шипку. «Съ вами отправится полковникъ Соболевъ», добавилъ великій князь, обращаясь ко мнѣ. Чрезъ часъ послѣ обѣда начальникъ штаба арміи съ своимъ сыномъ выѣхалъ въ экипажѣ въ Габрово (болѣе 100 верстъ). Я поѣхалъ за нимъ верхомъ, о дву-конь. На слѣдующій день 16-го утромъ въ Габровѣ на военномъ совѣтѣ былъ рассмотрѣнъ вопросъ о движеніи дивизіи за Балканы чрезъ Сельцы.

Рѣшено было не переходить въ наступленіе до разрѣшенія вопроса о Плевнѣ.

Началось шипкинское сидѣніе, продолжительность котораго зависѣла отъ исхода атаки, а за симъ — обложенія Плевны. Плевна пала 28-го ноября. Его высочество главнокомандующій немедленно повелѣлъ привести въ исполненіе свой планъ перехода арміи чрезъ Балканы, въ то время покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

11-го декабря съ Шипки, въ главную квартиру, въ Боготъ, послана была телеграмма генераломъ Радецимъ, въ которой онъ проситъ о моемъ приѣздѣ на Шипку. 14-го числа великій князь главнокомандующій, призвавъ меня къ себѣ и повелѣвъ мнѣ ѣхать немедленно къ генералу Радецкому, объяснилъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ свой планъ перехода чрезъ Балканы и дальнѣйшаго движенія по Румелин къ Филиппополю и Адрианополю. Въ юртѣ его высочества въ это время находились генералы: Непокойчицкій и Левицкій. Его высочество приступилъ къ обсужденію вопроса о томъ, какимъ порядкомъ можно атаковать шипкинскія позиціи турокъ. Спрошенный, я доложилъ почти то-же, что докладывалъ въ Горномъ Студенѣ 15-го августа. Великій князь главнокомандующій зналъ, что одна изъ колоннъ генерала Радецаго, именно лѣвая, будетъ .

направлена по тому пути, который был мною обследованъ еще въ іюль мѣсяцѣ ¹⁾) и планъ котораго мною былъ представленъ главнокомандующему и генералу Радецкому. Пожелавъ счастливаго успѣха и приказавъ передать командиру 8-го корпуса все, о чемъ была рѣчь, великій князь отпустилъ меня. На слѣдующій день я выѣхалъ верхомъ изъ-подъ Плевны и 16-го прибылъ въ Габрово. Дорогою была страшная гололедица. 17-го я представился генералу Радецкому въ его домикѣ, въ Шипчинской Италіи.

24-го декабря 1877 г. лѣвая колонна, подъ начальствомъ князя Святополка-Мирскаго 2-го, выступила изъ Травны. Преодоливъ страшныя затрудненія, пройдя два огромные перевала и утопая въ глубокомъ снѣгу, на протяженіи 60 почти верстъ, колонна эта 27-го, въ полдень, атаковала съ тыла турокъ и послѣ короткаго, но упорнаго боя овладѣла передовою укрѣпленною позиціею. Я находился все время при этой колоннѣ. 28-го числа послѣ лихой атаки правой колонны генерала Скобелева и отчаянной атаки въ лобъ генерала Радецкаго, турецкая армія сдалась цѣликомъ на капитуляцію.

Черезъ два или три дня, точно не помню, я поѣхалъ на шипчинскій перевалъ, сопровождая плѣннаго турецкаго главнокомандующаго Вессель-пашу. Мы ѣхали на встрѣчу великому князю. Когда его высочество, спустившись съ Балканъ въ долину розъ, вступилъ на то мѣсто, гдѣ происходилъ бой 27-го и 28-го, онъ приказалъ мнѣ рассказать о ходѣ движенія лѣвой колонны и, какъ теперь помню, дивился и посмѣялся тому, что наши траншеи, вырытыя 27-го вечеромъ, состояли почти цѣликомъ изъ снѣга. Тутъ же его высочество мнѣ сказалъ, что посылаетъ меня къ государю императору въ Петербургъ для доклада его величеству всего хода шипчинской операціи и представленія трофеевъ.

Вотъ какъ произошла моя посылка курьеромъ въ Петербургъ. В. В. Верещагину, описывающему впечатлѣнія войны лишь на память и не знавшему того, что знали лица, непосредственно у дѣла стоявшія, конечно, не могли быть извѣстны тѣ побудитель-

¹⁾ Въ приложеніи помѣщается мой рапортъ отъ 28-го іюля 1877 г. за № 4, въ коемъ описанъ этотъ путь.

ныя причины, которыми руководился главнокомандующій, посылая меня, а не кого либо другаго къ государю императору. Если бы вопросъ шелъ лишь о томъ, чтобы послать наиболѣе отличшагося офицера, наиболѣе достойнаго награды, ибо посылка курьеромъ къ государю сама по себѣ считается высокою наградою, то, конечно, предпочтеніе было бы отдано многимъ другимъ, а въ томъ числѣ и полковнику графу Келлеру, но посылая меня, его высочество имѣлъ особыя цѣли, о коихъ будетъ упомянуто вслѣдъ засимъ.

Когда узнали въ Казанлыкѣ о моей командировкѣ, начались происки. Кто ихъ началъ, въ чемъ именно они заключались—я этого не зналъ. Но я услышалъ, что генераль Скобелевъ просилъ о посылкѣ, взаимѣнъ меня, своего храбраго начальника штаба, полковника графа Келлера. Я не предпринялъ рѣшительно ничего, дабы отклонить эти происки, хотя мнѣ страстно хотѣлось побывать дома, гдѣ моя жена, похоронивъ нашу единственную дочь, умершую во время войны, ждала меня съ нетерпѣніемъ. Я прошу меня извинить за эту подробность, ничего общаго не имѣющую съ великими событіями войны 1877—1878, но что-же дѣлать: всѣ мы люди и всякій изъ насъ желаетъ себѣ лучшаго. Я желалъ ѣхать въ Россію и былъ опечаленъ, узнавъ, что начались противъ этой поѣздки происки.

Генералу Скобелеву ставили въ упрекъ то, что онъ не поддержалъ, 27-го декабря, атаку князя Святополка-Мирскаго 2-го тѣми силами, которыя у него были подъ рукой. Упрекъ этотъ, по моему крайнему разумѣнію, вполне основателенъ, и я имѣлъ случай какъ въ Казанлыкѣ, такъ и послѣ войны нѣсколько разъ высказываться въ этомъ смыслѣ предъ покойнымъ генераломъ Скобелевымъ. Кто не дѣлаетъ ошибокъ и особенно на войнѣ? Да и что такое война? Не есть ли это рядъ ошибокъ и не остается ли въ выигрышѣ тотъ, кто сдѣлалъ ошибкою меньше?

Его высочество главнокомандующій не измѣнилъ своего рѣшенія и, позвавъ меня къ себѣ, сказалъ, чтобы я немедленно ѣхалъ, не останавливаясь, въ Петербургъ. При этомъ онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

— „Посылаю тебя къ государю еще потому, что ты можешь представить его величеству всю картину шипкинской обороны и особенно дѣлъ 27 и 28-го, а также можешь доложить даль-

нѣйшій планъ кампаніи, тебѣ извѣстный. Писать мнѣ некогда, тороплюсь въ Адрианополь. Да вотъ что, непременно сдѣлай это, ступай въ Скобелеву и выслушай подробно его разсказъ о томъ, что онъ дѣлалъ до соединенія съ княземъ Мирскимъ, и доложи государю такъ, какъ онъ тебѣ разскажетъ“.

Въ тотъ же вечеръ я былъ у Скобелева и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Я выразилъ ему волю главнокомандующаго и онъ, съ свойственною ему логикою, разсказалъ мнѣ все, что онъ сдѣлалъ съ 24 по 29-е декабря 1877 г.

Я просилъ его начертить планъ его движенія.

Онъ тотчасъ же это сдѣлалъ.

Я просилъ его написать на поляхъ плана тѣ главныя мысли, на которыхъ онъ настаиваетъ.

Онъ это сдѣлалъ также охотно.

Я ему сказалъ, что доложу Государю императору все такъ, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, и представлю его величеству его планъ.

Скобелевъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Да и кто изъ насъ въ то время не былъ въ возбужденномъ состояніи? У всѣхъ нервы были крайне напряжены. Скобелевъ говорилъ безъ умолку, краснорѣчиво, убѣдительно, умно. Онъ такъ умѣлъ доказывать, что съ нимъ нельзя было не согласиться. И съ нимъ соглашались. Это былъ безспорно выдающійся человѣкъ, обладавшій многими талантами, человѣкъ усидчиваго труда, увлекавшійся и увлекавшій другихъ. Въ разговорѣ со мною онъ увлекся и сказалъ мнѣ слѣдующее:

— „Наконецъ, я желаю, чтобы ты констатировалъ передъ государемъ императоромъ, что я, понимаешь, я, взялъ въ плѣнъ армію Весселя-паши!“

Сознаюсь откровенно, что я не утерпѣлъ и отвѣтилъ ему слѣдующее: „никогда я этого не скажу, такъ какъ это неправда“.

Онъ мнѣ ничего на это не отвѣтилъ, а я ему началъ горячо доказывать, что не онъ взялъ въ плѣнъ турецкую армію, а войска 8-го корпуса, которыя караулили ее всю осень и зиму, а лѣтомъ отразили всѣ ея атаки, что слѣдовательно всѣ войска, окружившія турецкія позиціи, заслужили славу, но что если

ужь приписывать одному лицу славу всего этого шипкинскаго дѣла, то этотъ человѣкъ есть генералъ Радецкій.

Когда я окончилъ, Скобелевъ мнѣ сказалъ: „ты совершенно правъ, и я вполне съ тобой согласенъ“.

В. В. Верещагинъ, принимавшій, какъ можно думать изъ его воспоминаній, самое дѣятельное участіе въ крупныхъ дѣлахъ войны 1877—1878 гг., въ удивленію вмѣшался въ такое въ сущности мелкое дѣло, какъ посылка того или другаго лица съ донесеніемъ въ Петербургъ. Онъ говоритъ слѣдующее: „я указалъ Скалону на то, что докладъ Государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ, и тотъ, хотя и самъ не долюблялъ Скобелева, сказалъ, однако, С. (Соболеву): „смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю и что за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать противоположное вашему, если вы увлечетесь“.

Не знаю навѣрное, говорилъ-ли В. В. Верещагинъ Д. А. Скалону о томъ, что мой докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ, но положительно заявляю, что я не получалъ отъ Д. А. Скалона того именно напутствія, которое г. Верещагинъ вложилъ въ его уста. А. Д. Скалонъ говорилъ со мною, при моемъ отправленіи изъ Казанька, и, сколько могу припомнить, лишь по поводу надписей, которыя были сдѣланы на отбитыхъ у турокъ знаменахъ.

В. В. Верещагинъ, какъ уже упомянуто выше, выражаетъ свою увѣренность, что я представилъ государю императору все шипкинское дѣло „шиворотъ навыворотъ“. Я удивляюсь его смѣлости утверждать то, о чемъ онъ совершенно не могъ знать.

Чтобы объяснить эту неумѣстную увѣренность автора „Набѣга на Адрианополь“, я расскажу въ краткихъ словахъ мой докладъ государю императору о шипкинскихъ бояхъ. Расскажу это не на память, а на основаніи обстоятельно и своевременно составленной записки.

III.

3-го января 1878 года вечеромъ, забравъ съ собою отбитыя у турокъ знамена, я выѣхалъ верхомъ изъ Казанлыка. 4-го перешли Балканы. 5-го—выѣхалъ изъ Габрово. 6-го и 7-го сидѣлъ въ Систовѣ: по Дунаю шелъ ледъ. 8-го числа, два часа спустя по остановкѣ ледохода, я перешелъ по льду. Впереди шли люди, пробуя прочность льда древками знаменъ. Дунай миновали благополучно. Медленно двигаясь по желѣзнымъ дорогамъ Румыніи и засимъ двигаясь по русскимъ дорогамъ, я прибылъ въ Петербургъ въ 10 часовъ утра 15 января 1878 г. Въ половинѣ одиннадцатаго я подѣхалъ къ Салтыковскому подѣзду Зимняго дворца; распаковавъ знамена, поднялся наверхъ, въ пріемную залу и заявилъ о себѣ дежурному флигель-адъютанту.

— „Васъ ждетъ государь, сказалъ онъ, сейчасъ доложу“.

Спустя минутъ пять, меня позвали къ Государю. Его величество встрѣтилъ меня, подалъ руку, которую я поцѣловалъ, и сказалъ: „ты присланъ съ личнымъ докладомъ?“

— „Такъ точно, ваше императорское величество. Великій князь главнокомандующій повелѣлъ мнѣ всеподданнѣйше доложить шипкинскую операцію и особенно послѣдніе бои, а также планъ дальнѣйшей кампаніи въ Румеліи“—отвѣтилъ я.

Выслушавъ меня, государь императоръ подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него красную коробку и, вынимая изъ нея Георгій 4-го класса, сказалъ: „благодарю тебя за хорошую службу“. Я принялъ Георгіевскій крестъ изъ рукъ государя.

— „Садись и расскажи о вашемъ славномъ дѣлѣ на Шипкѣ!“ сказалъ государь, садясь.

Я сѣлъ противъ его величества и началъ докладъ по отчетной картѣ, составленной мною еще въ Казанлыкѣ.

Очертивъ весьма кратко общую операцію на Шипкѣ и сосредоточеніе обходныхъ колоннъ, я приступилъ къ разсказу о движеніи чрезъ Балканы лѣвой колонны князя Святополка-Мирскаго 2-го и боя 27 декабря 1877 г. Засимъ, вынувъ чертежъ, составленный генераломъ Скобелевымъ, я доложилъ государю императору все то, что мнѣ говорилъ генералъ въ Казанлыкѣ.

Смѣю увѣрить В. В. Верещагина, что я былъ правдивъ и, между прочимъ, сказалъ государю императору, что генералъ Скобелевъ, о чемъ онъ особенно поручилъ мнѣ доложить, не начиналъ атаки, до сосредоточенія всей своей колонны, въ виду того, что полагалъ имѣть дѣло со всею арміею Сулеймана-паши, которая, какъ онъ думалъ, могла къ тому времени подойти на выручку Весселя-паши.

Доложивъ о Скобелевѣ лишь то, о чемъ онъ просилъ меня доложить, и кратко рассказавъ его атаку 28-го декабря и о плѣненіи турецкой арміи, я представилъ его величеству докладъ объ атакѣ генерала Радецкаго въ лобъ турецкой укрѣпленной позиціи.

Его величество слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣсколько разъ прерывалъ меня восклицаніями: „славно! экіе молодцы“! Особенно понравилось государю: атака князя Мирскаго передовыхъ турецкихъ позицій, веденная безъ выстрѣла, въ штыки; атака Скобелева всѣми силами и геройская рѣшимость генерала Радецкаго атаковать турокъ съ фронта.

— Я думаю, ваше величество, сказалъ я, быстрота этого дѣла и конечный результатъ были не ожиданны.

— „Да... все это вышло блистательно... и какіе результаты воскликнулъ государь и затѣмъ прибавилъ: Какой большой процентъ убыли офицеровъ! Хорошіе офицеры!“

Взглянувъ пристально на меня, государь сказалъ: „а у тебя готово на груди мѣсто для Георгія“? Дѣло въ томъ, что я забылъ повѣсить на мундиръ Владиміръ 4-й степени и началъ было привѣшивать на его мѣсто Георгій, но это выходило неловко. Государь быстро подошелъ ко мнѣ. Я уже стоялъ. Взявъ крестъ изъ моихъ рукъ, его величество сказалъ: „дай, я на тебя его надѣну“! Руки у государя дрожали. Надѣвъ на меня крестъ, государь обнялъ меня; я поцѣловалъ его руку.

— А ты зналъ, что представленъ къ Георгію?

— Не зналъ, Ваше Величество, отвѣтилъ я.

По окончаніи доклада я представилъ Государю чертежи мои и Скобелева. Его Величество, взявъ ихъ, сказалъ:

— „Эти планы я оставлю у себя; когда получатся подробныя донесенія, они мнѣ пригодятся“.

Я сказалъ Государю, что не докладываю Его Величеству

плана главнокомандующаго за-балканскаго похода, ибо все то, что его высочество предполагалъ исполнить, уже исполнено и войска ушли далѣе, чѣмъ предполагалось.

Дорогою въ Петербургъ я былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Мнѣ все казалось, что я не буду въ силахъ представить докладъ Государю Императору въ настоящемъ видѣ. Знамена, которыя я везъ, и унтеръ-офицеръ, состоявшій при нихъ, доставили мнѣ много самыхъ неприятныхъ хлопотъ. Въ Румыніи не хотѣли ихъ принимать въ вагонъ; требовали, чтобы я ихъ сорвалъ съ деревьевъ и чтобы послѣднія бросилъ. На нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, благодаря комендантамъ, дѣло обошлось благополучно, но въ тѣхъ вагонахъ, гдѣ были положены знамена, путешественники были крайне стѣснены. Изъ Казаньки я ѣхалъ въ Петербургъ 12 дней. Спалъ я очень плохо и мало. При всякомъ непривычномъ стуѣ я просыпался въ тревогѣ; мнѣ все казалось, что гдѣ-то вдали стрѣляютъ изъ орудій, а иногда я слышалъ отчетливо ружейные залпы. Передъ Москвой, гдѣ я полагалъ встрѣтить семью, я не могъ сомкнуть глазъ въ теченіе сутокъ.

Какъ теперь помню, когда я взошелъ къ Государю Императору въ кабинетъ, я весь дрожалъ. Мнѣ казалось, что у меня дрожитъ всякій мускулъ моего тѣла, всякая жилка. Но странное дѣло: послѣ первыхъ словъ Государя во мнѣ все разомъ успокоилось. Точно будто что-то мнѣ подсказало, что я долженъ во что бы то ни стало овладѣть всѣми моими чувствами. Вѣдь я стоялъ предъ всемогущимъ монархомъ, власть коего простирается отъ Бѣлаго до Чернаго моря и отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана.

Я сдѣлалъ докладъ Государю Императору отчетливо, отгвѣняя каждую крупную черту послѣднихъ боевъ на Шипекѣ. Особенно точно я выражался, когда очерчивалъ дѣйствія М. Д. Скобелева. И это сдѣлалъ я въ виду категорическаго повелѣнія главнокомандующаго. Нервы мои были страшно возбуждены. Когда я кончилъ, я почувствовалъ крайнюю усталость.

— „Пойдемъ, я представлю тебя Государынѣ,“ сказалъ Государь. Дверь отворилась и послышался голосъ: „Ея Величество изволила выдти“. Государь взялъ меня за руку и повелъ въ софидную комнату. Императрица стояла близъ двери. За нею сто-

яли великіе князья: Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ.

— „Полковникъ Соболевъ, сказалъ Государь, пріѣхалъ съ Шипки“.

Ея Величество дала мнѣ поцѣловать руку и что-то сказала; я отвѣтилъ, но что мнѣ было сказано и что я отвѣтилъ—рѣшительно не могъ вспомнить.

Второй вопросъ я вспомнилъ вечеромъ и записалъ. Государыня спросила: „Трудно вамъ было на Шипкѣ?“

Я отвѣтилъ: „Да, Ваше Величество, но благодаря милостямъ вашимъ и вниманію почти всей Россіи шипкинскія войска во всемъ были облегчены ¹⁾.“

Затѣмъ Государыня мнѣ что-то еще сказала, я отвѣтилъ, но не помню что. Она вновь подала мнѣ руку поцѣловать.

— „Подожди здѣсь, сказалъ мнѣ Государь, послѣ обѣдни я тебя опять позову“.

Въ пріемной залѣ въ 12 часамъ собралось до 30 генераловъ и такое-же почти число штабъ-офицеровъ. Тутъ же были разставлены привезенныя мною знамена. Я сталъ на лѣвомъ флангѣ. Въ залѣ были великій князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ, генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ. Государь Императоръ вошелъ къ намъ тотчасъ-же по окончаніи обѣдни. Начался пріемъ.

— „Новый георгіевскій кавалеръ“, сказалъ Государь, указывая на меня. Окончивъ пріемъ, Его Величество сказалъ мнѣ: „пойдемъ ко мнѣ“.

Въ кабинетъ вошли великій князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ. Государь предложилъ сѣсть. Взявъ мой чертежъ, Его Величество приказалъ мнѣ рассказать дѣло. Я началъ, но Государь тотчасъ же перебилъ меня и началъ рассказывать великому князю и военному министру все то, что я докладывалъ до обѣдни.

Великій князь задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, относящихся до подробностей.

— „Такъ значитъ Мирскій цѣлые сутви дрался съ турками

¹⁾ Я разумѣлъ здѣсь помощь, оказанную защитникамъ Шипки Краснымъ Крестомъ. Л. С.

до появления Скобелева?“ спросилъ, между прочимъ, меня великій князь.

— Цѣлый день 27-го, ночь и утро 28-го, отвѣтилъ за меня Государь.

Мы оставались въ кабинетѣ цѣлый часъ. Наконецъ, доложили о прибытіи государственнаго канцлера. Отпуская меня, Государь сказалъ: „ну, отдыхай себѣ“.

Смѣю еще разъ увѣрить В. В. Верещагина, что напрасно онъ полагалъ, что я представилъ Государю Императору все дѣло „шиворотъ наыворотъ“. Шипкинскіе бои 27 и 28 декабря 1877 г. настолько ясны, что правду нельзя было представить неправдой. Участіе колоннъ въ этихъ бояхъ можно сосчитать по часамъ. Самое тяжелое дѣло выпало на непосредственныхъ защитниковъ Шипки, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Радецкій—это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Колонна князя Мирскаго, пройдя путь втрое длиннѣйшій пути, по которому шла колонна генерала Скобелева, вступила въ бой съ турецкою арміею въ полдень 27 декабря. Это тоже не подлежитъ сомнѣнію. Генералъ Скобелевъ вступилъ въ бой около полудни 28 числа. Его атака, горячо поддержанная генераломъ Радецкимъ и Мирскимъ, продолжалась не болѣе двухъ часовъ; потери его были меньше потерь каждой изъ колоннъ. Это точно такъ-же не подлежитъ сомнѣнію. Въ чемъ же дѣло? И какимъ образомъ можно было представить эти вполне ясныя и точныя событія „шиворотъ наыворотъ“?

Л. Н. Соболевъ.

Приложенія.

I.

Завѣдующему гражданскими дѣлами при Его Высочествѣ главнокомандующему дѣйствующею арміею. Репортъ отъ 28-го іюля 1877 года за № 4.

15-го іюля утромъ, согласно словеснаго приказанія вашего сіятельства, я выѣхалъ изъ Тырнова въ объѣздъ южныхъ частей занятаго нами края. При мнѣ слѣдовали: полковникъ Домети, штабъ-капитанъ Ширманъ, штабъ-капитанъ Стахіевъ и поручикъ Кутеповъ. При насъ находились три казака.

Черезъ часъ по выѣздѣ нашемъ изъ Тырнова мы прибыли въ селеніе Дебелецъ. Прекрасно устроенное, это селеніе имѣетъ школу и церковь, расположенную близъ дороги, на видномъ мѣстѣ. Зданія весьма хорошей постройки, крыты черепицею. Большая часть зданій двухъ-этажныя, низъ выложенъ изъ камня, верхъ постройки каркасной. Селеніе тонетъ въ садахъ, обнесенныхъ каменными заборами. По улицѣ, ведущей отъ Тырнова въ Дреново, расположено нѣсколько корчмъ и лавочъ. Селеніе имѣетъ видъ богатаго населеннаго мѣста, во всемъ виденъ достатокъ и благосостояніе. Въ селеніи считается свыше 200 домовъ, изъ коихъ 27 турецкихъ. Турки бѣжали всѣ, оставивъ дома пустыми, а хлѣба въ поляхъ не убранными. Хлѣбъ этотъ убирается болгарами.

За селеніемъ Дебелецъ, по дорогѣ къ Дренову, на разстояніи слишкомъ четырехъ верстъ, тянутся виноградники. Урожай хлѣбовъ превосходный.

По близости хана Ганчовеца, въ пяти верстахъ отъ шоссе, расположено селеніе Ялово, изъ котораго бѣжали всѣ турки, оставивъ 120 домовъ пустыми. Хлѣбъ ихъ убирается болгарами изъ Дренова.

До Дренова всего ѣзды 3 часа 52 минуты, что опредѣляетъ разстояніе отъ Тырнова въ 21 версту.

Мѣстечко Дреново имѣетъ 560 дворовъ, изъ коихъ 510 болгарскихъ и 50 турецкихъ. Мѣстечко расположено въ лоцинѣ, окруженной горами. Большая часть домовъ двухъ-этажныя, крытыя камнемъ, а не черепицей. Камень для крышъ берется изъ сосѣднихъ горъ, заключающихъ въ числѣ породъ, изъ которыхъ слагаются, разные сланцы: кремнистые, глинистые и друг. Мѣстечко имѣетъ видъ богатаго села, съ значительнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ лавочъ. Населеніе на видъ гораздо развитѣе физически населенія горъ Тырнова. Причину этому обстоятельству, какъ надо полагать, хорошій горный воздухъ, а быть можетъ нѣкоторая обособленность отъ турокъ, которыхъ такъ много находилось въ Тырновѣ.

Въ пять часовъ пополудни того же дня въ конакѣ была собрана временная административная комисиія: мухтары, учителя школъ, духовенство и значительное число домохозяевъ. Временная комисиія образовалась сама собою, безъ правильныхъ выборовъ, тотчасъ же по уходѣ турецкихъ войскъ. Большинство членовъ состоитъ изъ людей богатыхъ (шеременованъ составъ управленія).

Въ Дреновѣ находится болгарскихъ школъ: мужскихъ три и женскихъ одна. Учениковъ и ученицъ насчитывается до 450. (Учителей 5, учительница 1).

Въ мѣстечкѣ находится 3 православныхъ храма и 1 мечеть. Замѣчательно, что въ большей части мѣстечекъ и селъ находится много священниковъ. Такъ, въ Дреновѣ ихъ 14.

Временная комиссія заявила мнѣ, что съ появленіемъ русскихъ войскъ главная забота ея заключалась въ удовлетвореніи ихъ потребностей, а со времени бѣгства турокъ—въ сохраненіи тишины и въ водвореніи порядка.

Комиссіи, мухтарамъ и населенію мною въ главныхъ чертахъ разъяснены начала будущаго управленія Болгаріею, при чемъ подробно объяснены тѣ постановленія, которыя къ тому времени уже получили утвержденіе высшаго правительства. Выяснилось, между прочимъ, что жители не знали о высочайшей милости—отмѣнѣ навсегда беде ля. Объяснивъ имъ эту милость, я подробно разъяснилъ основанія взыскаія деньгами десятины, при чемъ большинство стоявшихъ спросило меня—будеть-ли приниматься въ податъ турецкая монета бешлия? Имѣя въ виду, что съ этимъ вопросомъ ко мнѣ обращались во многихъ мѣстахъ и что разрѣшеніе его, по множеству обращающихся въ населеніи бешликовъ, составляетъ вопросъ общій для края, я заявилъ, что представляю его на разрѣшеніе вашего сіятельства.

Вечеромъ того же дня я имѣлъ случай говорить отдѣльно со многими болгарами, при чемъ изъ разговоровъ съ ними вывелъ заключеніе, что временная комиссія, состоя изъ людей богатыхъ, не популярна между населеніемъ. Повидимому, болѣе интеллигентные болгары желаютъ обратиться съ просьбою о производствѣ правильныхъ выборовъ. Населеніе понимаетъ ясно начала самоуправленія и, при извѣстномъ веденіи въ этомъ направленіи дѣла, выдвинетъ способныхъ и вѣстныхъ съ симъ практическихъ дѣятелей. Въ настоящее же время всѣ временныя комиссіи, которыя мнѣ пришлось видѣть, состоятъ изъ людей, весьма мало опытныхъ въ практическомъ веденіи дѣлъ управленія. Многие даже не знаютъ какъ приступить къ дѣлу.

Въ Дреновѣ мнѣ рассказали, что по занятіи гор. Тырнова русскими и бѣгства турокъ изъ мѣстечка (Дренова) молодые люди, въ числѣ 60 человекъ, заявили рѣшимость вступить въ ряды болгарскихъ дружинъ и сдѣлаться такимъ образомъ борцами съ заклятыми врагами родины, турками. Между этими молодыми людьми были дѣти богатыхъ гражданъ мѣстечка. Не желая дозволить своимъ сыновьямъ подвергаться опасностямъ войны, зажиточные граждане употребили всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы разстроить задуманное молодежью дѣло, а такъ какъ никому не было объявлено о пополненіи дружинъ до штата, то старанія богатыхъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и дѣло, дѣйствительно, разстроилось.

При полиціи Дренова находится 10 ружей системы Пибоди, оставленныя турками, и 320 патроновъ. Прекрасныя ружья эти содержатся очень небрежно.

Изъ 50 турецкихъ домовъ Дренова только 6 остались занятыми хозяевами, 44 дома брошены.

Выше я имѣлъ честь доложить вашему сіятельству, что изъ сосѣдняго съ Дреновымъ селенія Ялово всѣ турки бѣжали. Примѣру этому, однако, не всѣ послѣдовали; такъ въ сел. Каиджикъ изъ 90 турецкихъ домовъ опустѣло только 4. Изъ сел. Ялари (80 турецкихъ домовъ) бѣговъ не было. Община этого турецкаго селенія обратилась къ временной дреновской комиссіи съ просьбой о

назначеніи къ нимъ трехъ сторожей изъ болгаръ съ платою отъ общества каждому сторожу по 150 піастровъ въ мѣсяцъ.

16-го іюля утромъ мы оставили Дреново и направились въ мѣстечко Трявна. Въ 5½ верстахъ отъ Дренова, у хана Царево-Ливадія, дорога раздѣлилась на двѣ части: одно шоссе идетъ на Габрово, другое на Трявну.

Отъ Дренова до Трявны всего два часа ѣзды (верхомъ), т. е. разстояніе—11 верстъ. Шоссе между этими двумя мѣстечками устроено чрезвычайно искусно; мѣстами оно проходитъ среди лѣса; все время оно идетъ горами, которыя значительно возвышаются надъ долинами многочисленныхъ горныхъ ручейковъ. Культура превосходная, окрестныя горы обработаны; даже на вершинахъ горъ, гдѣ нѣтъ лѣса, земля засѣяна хлѣбами, урожай которыхъ повидному очень обильный. Воды изобиліе. Отъ Царево-Ливадіи прекращается культура виноградниковъ. Замѣчу кетати, что шоссе, не доходя пяти верстъ до Трявны, на всемъ этомъ протяженіи вырублено въ горахъ и укрѣплено съ одной стороны правильно обдѣланными каменьями.

Того же 16-го іюля въ Трявнѣ были мною собраны временная комиссія, духовенство, мухтары и населеніе. Такъ какъ у конака собралось почти все населеніе мѣстечка, то я распорядился немедленнымъ выборомъ мухтаровъ. Мужское населеніе (домохозяева) трехъ кварталовъ мѣстечка (горный махале, средний махале и дольный махале) было разставлено въ три отдѣльныя группы и каждой группѣ предложено было выбрать въ мухтары человѣка наиболѣе уважаемаго, дѣятельнаго, обладающаго извѣстнымъ достаткомъ и вполнѣ честнаго; (далѣе говорится о выборахъ и о заявленіи жителей быть причисленными къ Тырнову).

Въ Трявнѣ находится двѣ мужскія школы съ 220 учениками и двѣ женскія съ 110 ученицами. Учителей 5, учительницъ 3.

Въ мѣстечкѣ двѣ православныя церкви и одинъ архимандритъ и 10 священниковъ....

Такъ какъ ваше сіятельство приказали мнѣ осмотрѣть въ возможной подробности эксплуатируемыя каменно-угольныя копи, то изъ Трявны, оставя шоссе, идущее на перевалъ Сельчанскій, мы направились въ горы, по горнымъ тропинкамъ. Вечеромъ 16-го мы прослѣдовали Боневъ-ханъ, Пеню-Аладже-ханъ, кулибы: Стеговцы и Баарецы и остановились на ночлегъ въ Станчево-ханъ. Крутые подъемы, таковыя же спуски, каменная тропа—составляютъ характеристику этого горнаго пути.

Станчевъ-ханъ составляетъ центръ окружающихъ его кулибъ (выселки), имѣетъ церковь, священника и школу на 70 учениковъ. Хлѣбопашество составляетъ главную отрасль промышленности. Впрочемъ, скотоводство, благодаря обилію горныхъ пастбищъ, какъ мнѣ объяснили жители, развито въ значительной степени.

Въ эти мѣста никогда не заходили русскія войска.

Такъ какъ мы находились внѣ района нашихъ развѣздовъ, а жители еще недавно укрывались отъ значительныхъ шаекъ баши-бузуковъ, то я потребовалъ отъ мухтара, чтобы онъ приказалъ явиться ко мнѣ четыремъ болгарамъ, вооруженнымъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, системы Шибоди.

Въ Станчевъ-ханъ и окрестныя кулибы не доходили вовсе свѣдѣнія о какихъ бы то ни было прокламаціяхъ Государя Императора и Его Император-

скаго Высочества главнокомандующаго. Удивленными глазами смотрѣли на меня жители, когда я имъ объяснилъ, что произошло за послѣднее время въ Болгаріи; они знали, что русскія войска пришли воевать съ ихъ врагами турками, знаютъ, что отъ нихъ требуютъ рабочихъ на Шипкинскій перевалъ, но не знали, что русскіе пришли водворить въ странѣ человѣческіе и болѣе справедливые порядки управленія, что русскіе навсегда желаютъ прекратить неправду турокъ. (Далѣе слѣдуетъ описаніе Бѣльковрагскихъ каменно-угольныхъ копей, осмотрованныхъ 17-го числа, способы добычи угля, перевозки его и т. д.).

Получивъ разрѣшеніе вашего сіятельства посѣтить Казанлыкъ, я рѣшился перейти Балканы не Шипкинскимъ переваломъ, а переваломъ Сельчанскимъ, какъ потому, что этимъ сокращался значительно мой путь въ долину Тунджи, такъ главнымъ образомъ потому, что этимъ путемъ не проходилъ никто изъ русскихъ.

Изъ Станчева-хана я направился прямо на кулибу Мрозецъ, вдоль ручья Шуреканке.

Отъ Станчева-хана до урочища Кресцы разстояніе 3½ версты.

Кресцы—пересѣченіе дорогъ.

Отъ Травны до Кресца весьма порядочная колесная дорога; тутъ готовилось шоссе, полотно дороги сдѣлано во всю ширину, половина щебня положена на полотно, половина лежитъ по сторонамъ дороги въ кучкахъ.

Отъ Кресца на 1½ версты къ югу полотно дороги разработано, камень приготовленъ въ видѣ щебня и лежитъ по сторонамъ дороги.

Марковъ-токъ есть небольшая вершина горъ (къ югу отъ водораздѣльной линіи Балканъ, въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи). Отъ границы Казанлыкской казы дорога значительно ухудшается: здѣсь могутъ пройти пѣхота и кавалерія, но безъ колеснаго обоза. При незначительной разработкѣ колесный обозъ и артиллерія пройти могутъ. Отъ Маркова-тока идетъ небольшой спускъ на протяженіи не болѣе 100 сажень, затѣмъ на протяженіи 25 минутъ ходьбы (около 2 версты) идетъ тяжелый подъемъ, дорога впрочемъ удобна, довольно широка, мѣстами крута. На площадку Пидицу мы вѣхали въ 11 ч. 20 мин. дня. Это самая высшая точка Балкановъ Сельчанскаго перевала.

Отъ Пидицы идетъ спускъ посредственный, затѣмъ маленькій подъемъ на голую гору Улей. Съ горы Улей спускъ крутой, длинный (до 25 минутъ), скверный.

Вплоть до самой горы Улей, горы покрыты густымъ буковымъ лѣсомъ; деревья достигаютъ очень значительной высоты и толщины. Почти весь сѣверный склонъ хребта покрытъ лѣсомъ, главную породу котораго составляетъ исключительно букъ. Отъ Кресцовъ къ сѣверу букъ перемежанъ съ дубомъ, а къ Травнѣ дубъ является преобладающей древесной породой.

На протяженіи всего Сельчанскаго перевала самое трудное мѣсто это спускъ съ горы Улей, затѣмъ тяжелъ подъемъ на Пидицу. По разсказамъ жителей Травны оба эти препятствія легко обойти проведеніемъ боковой дороги прямо отъ Сельци къ западу отъ этихъ подъема и спуска такимъ образомъ, что дорога выйдетъ изъ Сельци прямо на Марковъ-токъ. Турецкое правительство имѣло въ виду это новое направленіе и нѣсколько лѣтъ тому назадъ австрійскіе инженеры дѣлали здѣсь свои измѣренія. Провожавшій меня болгаринъ

(изъ Трянны) говорилъ мнѣ, что на проведеніе по этому направленію шоссе не потребовалось-бы болѣе двухъ мѣсяцевъ работы.

Если соображеніе это дѣйствительно имѣетъ серьезное основаніе, то въ виду того, что въ этой части Балканскаго хребта существуютъ значительныя залежи каменнаго угля, необходимо обратить на этотъ вопросъ самое обстоятельное вниманіе и разсмотрѣть его въ будущемъ, въ связи съ попросомъ о возможномъ пересѣченіи Балканъ желѣзною дорогою.

Въ селеніи Сельци (Селци) мы прибыли въ часъ пополудни и оставались въ немъ до половины пятаго.

Мы были первые изъ русскихъ, посѣтившихъ это селеніе. Насъ встрѣтили съ чрезвычайнымъ радушіемъ и даже съ нѣкоторымъ торжествомъ. Почти каждый изъ сельчанъ (все болгары) подходилъ къ каждому изъ насъ, не исключая казаковъ, и привѣтствовалъ насъ горячимъ рукопожатіемъ. Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ болгаре слушали мои объясненія о тѣхъ порядкахъ, которые предполагались въ дѣлѣ переустройства Болгаріи. Нѣсколько разъ они изъявляли всеобщее сочувствіе, и особенно за отмѣну военной поголовной подати и за измѣненія порядковъ взиманія десятиннаго налога.

Въ половинѣ пятаго пополудни мы выѣхали прямо по направленію на городъ Казанлыкъ, оставляя къ востоку Маглишъ и монастырь.

Отъ самаго селенія мы начали взбираться на боковой перевалъ Балканскихъ горъ. Подъемъ оказался крутой, тяжелый, протяженіемъ до 20 минутъ (до 1½ версты). Затѣмъ пошли въ гору, съ небольшимъ подъемомъ. Въ половинѣ 6-го, ровно чрезъ часъ по выходѣ изъ Селци, мы стояли на перевалѣ и увидѣли городъ Казанлыкъ съ его бѣлыми минаретами, роскошными садами, а за неширокою долиною Тунджи цѣпь горъ, окаймляющихъ долину этой рѣки съ юга.

Спускъ съ этого боковаго перевала скверный, крутой, каменистый, протяженіемъ до 2¼ версты. Затѣмъ продолженіе спуска болѣе отлого съ песчанымъ грунтомъ.

Въ 7 часовъ вечера мы спустились въ долину, къ среднему Гузову, сожженному селенію турокъ. Однако, населеніе все было въ сборѣ и группами было расположено близъ дороги.

Чрезъ полтора часа мы выѣхали въ Казанлыкъ. Дорога отъ средняго Гузова идетъ ровная, степная.

Хотя днемъ 18-го іюля я собралъ въ конакъ представителей болгаръ и турокъ города, но пушечная канонада, доносившаяся до насъ съ востока, и полученныя свѣдѣнія о томъ, что городу грозитъ нападеніе съ востока и запада, побудили меня ограничиться лишь краткимъ знакомствомъ съ собранными туземцами.

По просьбѣ коменданта Казанлыка, майора Попова, наша комиссія въ тотъ же день занялась укрѣпленіемъ города съ востока и запада. Городъ находился въ полномъ волненіи, все болгарское населеніе высматало на улицу. На всѣхъ лицахъ были изображены тревога и недоумѣніе. Турецкое населеніе спокойно ожидало событій; имущество турокъ и ихъ семейства были подъ охраною русскихъ консуловъ.

Немедленно все мужское болгарское населеніе вооружилось ружьями, пистолетами, саблями и ятаганами. Нѣсколько сотъ человѣкъ явились съ лоп-

тами и кирками. Ихъ направили за городъ и заставили рыть ложементы. На ночь вокругъ города было поставлено до 700 вооруженныхъ болгаръ въ видѣ аванпостной цѣпи.

Городъ Казанлыкъ весьма представительный городъ. Улицы его широки, дома хорошіе, есть прекрасные трехъ-этажные. На краю города выстроены православный монастырь. Въ турецкой части много мечетей и минаретовъ. Въ городѣ очень много садовъ. Лучшіе изъ нихъ принадлежать туркамъ. Воды въ городѣ изобиліе, благодаря множеству проведенныхъ оросительныхъ каналовъ. Водопроводы расположены густою сѣтью: въ каждый домъ проведена струя свѣжей, чистой воды; во дворахъ большей части домовъ устроены особенные бассейны, обдѣланные мѣстами бѣлымъ красивымъ мраморомъ.

19-го іюля днемъ въ Казанлыкѣ была получена записка о дѣлѣ подъ Лени-Загрой. Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали въ Тырновъ, слѣдуя черезъ Шипкинскій перевалъ.

21-го мы вернулись въ Тырновъ.

Докладывая о вышеизложенномъ вашему сіятельству, я имѣю честь представить, въ видѣ приложеній къ этому рапорту, нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ комиссіею, собранныя гг. офицерами, состоявшими въ моемъ распоряженіи.

Вмѣстѣ съ симъ я имѣю честь представить вашему сіятельству въ переводѣ записку, составленную по моему порученію Славейковымъ (отцомъ) о Травненской нахіи.

Генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ.

Примѣчаніе. Лѣвая обходная колонна, подъ начальствомъ генераль-адыю-танта князя Святополка-Мирскаго, обходившая въ концѣ декабря правый флангъ шипкинской турецкой арміи, слѣдовала черезъ Балканы тою самою дорогою, которою прослѣдовалъ я съ помянутыми выше офицерами. Мнѣ было приказано указывать путь этой колоннѣ, для чего меня и вызвалъ генералъ Радецкій изъ Богота на Шипку. При мнѣ начальникъ штаба генерала Радецкаго, генералъ Дмитровскій, находившійся на позиціи съ 10-го августа до 29-го декабря 1877 г., писалъ окончательныя приказанія генераламъ Святополку-Мирскому и Скобелеву.

Д. С.

II.

Телеграмма изъ Шипки отъ 6-го декабря 1877 года № 52. Боготъ. Правителю канцеляріи завѣд. гражд. частью при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, полковнику Соболеву.

Вслѣдъ командиръ корпуса поручилъ просить васъ прибыть, если возможно, въ Габрово.

Генераль-маіоръ Дмитровскій.

III.

Телеграмма изъ Шипки отъ 10-го декабря 1877 г. № 89. Боготъ. Полковнику Соболеву.

Хотя теперь дороги и занесло снѣгомъ, но можетъ быть представится возможность дѣйствовать, то я вмѣстѣ съ симъ телеграфирую князю Черкасскому, прося его командировать васъ временно мое распоряженіе.

Генераль-лейтенантъ Радецкій.

IV.

Записка отъ генераль-лейтенанта Скобелева отъ 2-го января 1878 г.

Милый Леонидъ Николаевичъ. Ради Бога, забѣгите ко мнѣ поужинать сейчасъ. Мы переговоримъ.

Васъ любящій М. Скобелевъ.

Сообщ. Л. Н. Соболевъ.

О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саянхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ ¹⁾).

Въ статьѣ «О саянхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ», помѣщенной въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» за 1887 годъ, намъ пришлось, за неимѣніемъ документальныхъ свѣдѣній, оговориться, что требовались ли сани при погребеніи царевичей и царевенъ—неизвѣстно, такъ какъ единичное указаніе, бывшее тогда въ виду, что тѣло царевны Татіаны Михайловны «несли на одрѣ, а не на саянхъ», не говоритъ положительно ни за, ни противъ.

Вслѣдъ этому возникло, по поводу нашей статьи, сообщеніе профессора Д. И. Анучина «Объ употребленіи различными народами саней, лодокъ и коней при погребеніи покойниковъ», прочитанное имъ въ засѣданіи императорскаго московскаго археологическаго общества, 22-го января текущаго года ²⁾, которое дозволяло намъ надежду найти въ немъ разрѣшеніе нашей оговорки, но, къ сожалѣнію, надежда наша не оправдалась.

Между тѣмъ, по поводу той-же нашей статьи къ намъ прислано заявленіе, что въ нее слѣдовало бы включить извѣстіе о томъ, что для оказанія почестей высокимъ духовнымъ властямъ ихъ ввозили въ Москву въ саянхъ; не смотря на лѣтнее время; такъ, напр., митрополита Филарета Никитича, при возвращеніи его изъ польскаго плѣна, ввели въ Москву въ саянхъ, и что вообще сани въ древней русской жизни имѣли, очевидно, глубокій смыслъ. При этомъ ставились вопросы: не были ли сани, употребляемыя при погребеніи, какого иного устройства, и почему именно сани удостоивались такого почета?

¹⁾ Читано въ Археологическомъ институтѣ 25-го октября 1888 г., въ третью годовщину кончины основателя его—Николая Васильевича Калачова.

²⁾ „Московскія Вѣдомости“, января 24-го дня 1888 г., № 24.

Все это въ совокупности наложило на насъ обязанность содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, къ разрѣшенію затронутыхъ вопросовъ, но только не на основаніи произвольныхъ выводовъ, а по документальнымъ даннымъ. — и теперь, благодаря, во-1-хъ, открывшейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ Разряднаго приказа, въ «Записныхъ книгахъ» записи о погребеніи царевича Симеона Алексѣвича, во 2-хъ, сообщенію о царевнѣ Ксеніи Годуновой, помѣщенному въ «Исторіи Государства Россійскаго» и, въ 3-хъ, рисункамъ, находящимся въ «Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», можно сообщить болѣе или менѣе опредѣлительныя отвѣты.

Съ тѣмъ, что гробы съ тѣлами царевичей, не то что взрослыхъ, но и скончавшихся въ младенчествѣ, переносились до мѣста погребенія въ саниахъ, знакомитъ упомянутая записи о погребеніи царевича Симеона Алексѣвича, которую, ради заключающихся въ ней свѣдѣній: о совершеніи выноса и отпѣванія, а также и о придворной, по тогдашнему времени, обрядности, приведемъ буквально:

«Юня въ 12-й д. (1669 г.), за 2 часа до свѣта, изволеніемъ Всесильнаго Бога, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, сынъ благовѣрный государь царевичъ и великій князь Симеонъ Алексѣвичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, отъ житія сего отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, отъ рожденія своего въ 4-е лѣто.

«И того жъ числа, въ 4-мъ часу дни, тѣло его благороднаго государя царевича, по ихъ государскому обыкновенному чину, положено въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ соборной церкви Архистратига Михаила, вшедь въ церковь на правой сторонѣ, съ прочими ихъ государскими сродниками.

«А изъ царскихъ хоромъ до переградныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣвича несли столники комнатные.

«А тѣло благовѣрнаго государя царевича и гробъ покрыто было обьярью золотною.

«А у переградныхъ дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ, и гробъ, и тѣло поставлены въ тѣ сани по тѣмъ же (sic) покровомъ; а сверхъ того прежняго покрыва покрыто было бархатомъ золотнымъ.

«А у переградныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича, Постельнымъ и Краснымъ крыльцами, на середнюю лѣстницу, до церкви Собора Архангела Михаила несли столники, перемѣняясь.

«А изъ хоромъ до церкви Архангела Михаила передъ тѣломъ государя царевича шли священники и діаконъ со святыми иконами; а за образы шли пѣвчіе діаконъ и пѣли надгробное.

«А потомъ шли митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимариты и игумены, прежь съ нижняго чину.

«А послѣ того тѣло государя царевича несли.

«А за тѣломъ государя царевича шелъ отецъ его государевъ, благовѣрный великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, въ печальномъ въ смирномъ платьѣ.

«А за нимъ, великимъ государемъ, шли царевичи: грузинской Миколай Давыдовичъ, сибирской Алексѣй Алексѣевичъ, да бояря, и околничіе и думные и ближніе люди, и столники, и страпчіе, и дворяне, и дьяки, и жилицы въ однарядкахъ и въ охобняхъ въ черныхъ, со свѣщами.

«А какъ тѣло благовѣрнаго государя царевича принесено къ церкви Михаила Архангела, и у папертныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича встрѣтили: святѣйшій папа и патріархъ киръ Пансіей александрійскій, великій господинъ святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всеа Росіи.

«А встрѣтя, въ церковь шли передъ тѣломъ благовѣрнаго государя царевича.

«А у церковныхъ дверей изъ саней гробъ съ тѣломъ благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, до мѣста несли столники комнатные.

«А въ церкви литоргію и погребальная дѣйствовали святѣйшіе патріархи: папа и патріархъ киръ Пансіей александрійскій и судія вселенныя¹⁾, великій господинъ святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всеа Росіи, да съ ними митрополиты, и архіепископы, и епископы, и иныя власти и священницы.

«И съ того числа, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, у гроба блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, бояре, и околничіе, и думные люди, и діаки дневали и ночевали по росписи, а съ ними столники, по 10-ти человекъ, перемѣняясь»²⁾.

Дневанье и ночеванье, или дежурство, состояло изъ бояръ, окольничихъ, и думныхъ дворянъ и дьяковъ, по одному отъ каждаго сословія, а съ ними

¹⁾ О титулѣ «Судія Вселенныя», принадлежащемъ патріархамъ александрійскимъ, объясняется въ «Сказаніи антиохійскаго патріарха Θεодора Валсамана о томъ, почему александрійскій патріархъ носитъ золотую лиру и называется судіей вселенскимъ», слѣдующее: Θεοφιλης патріархъ александрійскій былъ призванъ греческимъ царемъ Василіемъ Багрянороднымъ и константинопольскимъ патріархомъ Евстафіемъ, чтобы разсудить ихъ въ ссорѣ, случившейся во время спора. Θεοφιλης учинилъ судъ, которымъ остались довольны оба, и царь и патріархъ, и за умиротвореніе Василій снялъ съ себя царскій вѣнецъ и возложилъ его на Θεοφιλη, а Евстафій надѣлъ на него свой эпитрахиль.—См. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Н. Гиббенета, 1882 г., ч. I, страница 113 и 114.

²⁾ Записныя книги № 16, лл. 262—265, Московскаго стола, Разряднаго приказа, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

при десяти столбикахъ, что и продолжалось до 28-го іюля, т. е. до исхода сорока дней послѣ кончины царевича.

Ознакомясь по содержанію приведенной записи съ тѣмъ, что сани употреблялись и при погребеніи царевичей, при чемъ обивались сукномъ, можно съ полною увѣренностью сказать, что сани употреблялись и при погребеніи царевенъ, и что отмѣтка, сдѣланная въ записи о перенесеніи тѣла царевны Татіаны Михайловны, о томъ, что гробъ ея «несли на одрѣ, а не на саняхъ», служить указаніемъ на исключеніе изъ общаго правила относить гробы съ усопшими царевнами не иначе, какъ въ саняхъ.

Заявленіе же, присланное намъ, что въ статью нашу о погребальныхъ саняхъ слѣдовало бы включить сообщеніе, что для оказанія почестей высокимъ духовнымъ лицамъ, при вѣздахъ ихъ въ Москву, употреблялись и въ лѣтнее время сани, мы дополнимъ тѣмъ, что почестью этою пользовались не одни высокія духовныя лица, но что она предоставлялась и особамъ царствовавшего дома; такъ, напримѣръ, при перенесеніи тѣла царя Бориса Годунова, жены его, царицы Маріи, и сына его Феодора, изъ Варсофьевскаго въ Троицко-Сергіевскій монастырь, бывшая царевна Ксенія Борисовна, находившаяся при проводахъ, ѣхала, не смотря на лѣтнее время, въ закрытыхъ саняхъ¹⁾. Подобная же почесть была оказана, послѣ погребенія царя Алексѣя Михайловича, вдовѣ его, бывшей царицѣ Наталіи Кириловнѣ, которую отъ церкви Архангела Михаила несли въ Верхъ, т. е. во дворецъ, въ саняхъ, о чемъ и упомянуто въ нашей первой статьѣ.

Замѣтно, что при описаніи перенесенія тѣлъ царя Бориса, его жены и сына, взятаго нашимъ знаменитымъ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ изъ записокъ Бера и Петрея, онъ самъ или же, быть можетъ, редакторъ XII тома «Исторіи Государства Россійскаго», вышедшаго послѣ смерти Николая Михайловича, графъ Д. Н. Блудовъ какъ бы усумнился въ вѣрности сказанія Бера и Петрея, что царевна Ксенія, участвуя въ проводахъ, ѣхала лѣтомъ «въ саняхъ», а потому напечаталъ это слово курсивомъ.

Запросъ же, сдѣланный намъ, что не были ли сани, употребляемыя при погребеніи царствовавшихъ особъ, какого инаго устройства, разрѣшается сличеніемъ существующихъ нынѣ саней съ рисунками древнихъ саней, на которыхъ переносились и перевозились мощи святыхъ: великаго князя Владиміра Святославича и сыновей его, князей Бориса и Глѣба, для чего пошѣщаются здѣсь три рисунка, взятые съ фотографическою точностью изъ «Сказаній о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ». Сказанія эти рукописныя, и по словамъ издателя ихъ, Измаила Ивановича Срезневскаго, любопытны, какъ остатокъ письма и расовки первой половины XIV вѣка, письма тщательнаго, рисовки грубой, но письмо и рисовка такихъ лицъ, которыя передавали изводъ рукописи и рисун-

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго, т. XII, стр. 36, изданіе 4-е, Смирдина.

ковъ безъ нарочитыхъ измѣненій и подновленій. А такъ какъ первое сказаніе, по словамъ же г. Срезневскаго, написано лѣтописцемъ Несторомъ около 1113 года, а другое приписывается черноризу Іакову, писавшему около 1074 года, то не подлежитъ сомнѣнію, что рисунки саней, относящихся къ событіямъ 1015 года, вѣрны тогдашнему виду саней, сходственному съ видомъ саней настоящаго времени, то обстоятельство это указываетъ на то, что устройство саней для перенесенія на нихъ гробовъ съ тѣлами скончавшихся царей, царицъ и ихъ дѣтей было одинаковое съ санями, на которыхъ переносились и перевозились гроба съ скончавшимися великими князьями и съ ихъ дѣтьми.

Первый, помѣщаемый ниже, рисунокъ съ надписью: «Святополкъ потаи смерть отца своего», относится къ сказанію о приходѣ къ князю Борису, бывшему въ то время въ походѣ противъ печенѣговъ, вѣстника, сообщившаго ему: «како представися отецъ его Василии (въ се бо имя быше нареченъ въ святомъ хрѣщеніи), и како Святополкъ потаи смерть отца своего, и ночью, проймавъ помость на Берестовомъ, и въ коверъ обервѣтвше, свѣсивше оужи на землю, везше на саняхъ, поставиша въ церкви Святыя Богородица» ¹⁾.

Слѣдующій за этимъ рисунокъ съ надписью: «Несутъ святого Бориса на погребень», относится къ тому мѣсту «Сказаній», гдѣ говорится о святомъ

¹⁾ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, столбецъ 43; рисунокъ же между страницъ 56—57. Изданіе И. И. Срезневскаго, 1860 г.

Борисѣ: «И тако окончаша и възпрятъ неувядомый вѣнецъ. И положиша тѣло его, принесше тая, Вышегородѣ оу церкви святого Василія, въ земли погребоба и» ¹⁾).

Послѣдній рисунокъ съ надписью: «Везуть святого Глѣба на санкахъ въ рацѣ каменѣ»,—относится къ перенесенію мощей святыхъ Бориса и Глѣба во вновь сооруженную великимъ княземъ Изяславомъ церковь, при чемъ совершилось по «Сказаніямъ» слѣдующее чудо: «По семъ же, въземше оузи, повезоша. И яко быша въ дверехъ, ста рака, не поступащи. И повелѣша народу звати: Господи, помилуй!.... И моляхуса Господеви и святыма—и абіе повезоша ²⁾).

Что-же касается до заявленнаго намъ предположенія, что сани въ древней русской жизни имѣли, очевидно, глубокой смыслъ, а черезъ это имъ приданъ былъ особый почетъ, то въ этомъ можно усумниться. Мы смотримъ проще. Намъ кажется, что переносить и перевозить покойниковъ на саяхъ въ доисторическія времена заставляла, просто, нужда, такъ какъ въ той глубокой древности у народцевъ славянскаго племени, до сплоченія ихъ въ Русь, переноска и перевозка покойниковъ производилась исключительно на саяхъ

¹⁾ См. тамъ же, столбецъ 52; рисунокъ же на страницѣ 19-й.

²⁾ См. тамъ же, столбецъ 76; рисунокъ же на страницѣ 128-й.

потому, что другихъ повозокъ не было еще изобрѣнено. Съ такимъ остаткомъ древности можно повстрѣчаться и въ настоящее время на дорогѣ отъ города Павлица, Олонецкой губерніи, на Сумскій посадъ при Вѣломъ морѣ, гдѣ зане-

могихъ въ пути богомольцевъ, идущихъ изъ С.-Петербурга и другихъ мѣстъ въ Соловецкій монастырь, перевозятъ и теперь, не взирая на лѣто, также въ саняхъ, за неизмѣнимъ телѣгъ. Но при развитіи у славянъ знаній и мастерства, или въ періодъ появленія у нихъ двухколесныхъ и четырехколесныхъ колъ (первообразѣ теперешнихъ телѣгъ) ¹⁾, Русь, какъ и прочіе народы, по привязанности къ старинѣ, продолжала переносить и перевозить покойниковъ по прежнему въ саняхъ. И это вошло въ коренной обычай. Обычай же, переходя изъ рода въ родъ, освятился давностью вѣковъ и сталъ примѣняться къ важнымъ событіямъ, для выраженія особаго почета къ лицамъ, имѣвшимъ на это право при жизни, какъ великіе князья и цари, а за ними и ихъ семьи, или заслуживающимъ такой, при встрѣчахъ ихъ, отличительной торжественности, какъ высокія духовныя лица.

Аскалонъ Ник. Труворовъ.

25-го октября 1888 г.

¹⁾ Отзвукъ о существованіи „колъ“ сохранился нынѣ, во 1-хъ, въ наименованіи двухколесной повозки одноколкою и, во 2-хъ, въ поговоркѣ про бобыля: „у него ни кола, ни двора, ни мила живота“. А. Т.

Генераль-фельдцейхмейстеръ Миннихъ

1730 г. ¹⁾.

I.

«1730 г. іюня въ 12 день, по указу ея императорскаго величества, канцелярія главной артиллеріи и еортификаціи, по репорту артиллерійскаго купчины Михаила Вихарева, сего іюня 10 дня, приказали: приторгованныя имъ Вихаревымъ въ артиллерійскій лазаретъ для паренія больнымъ сосновыхъ шишекъ, корчагъ десять у купецкаго человѣка Григорія Иванова, цѣною каждая по три копѣйки, купить и отдать подпоручнику Лутовскому съ роспискою, а денги по торгованной цѣнѣ, всего тридцать копѣекъ, для отдачи оному продавцу выдать означенному купчинѣ Вихареву отъ артиллерійской казначейской должности, записавъ въ расходъ съ роспискою, а ему купчинѣ, отдавъ тому продавцу и взявъ въ пріемъ оныхъ росписку, объявить тое росписку ко оной казначейской должности, и о томъ къ той должности послать указъ». Münnich.

II.

«1730 г. іюля въ 31 день, по указу ея императорскаго величества, канцелярія главной артиллеріи и еортификаціи по рапорту артиллерійскаго купчины Івана Иванова сего іюля 21 дня, приказали: приторгованныя имъ Ивановымъ, по требованію подполковника Фомаса, для умягченія чугунныхъ пушекъ нижеозначенные припасы, а именно: у компанейщика Івана Маркова пива десять анкерковъ по штидесяти копѣекъ, у дворцоваго крестьянина Зиновья Агафонова дровъ березовыхъ три сажени по рублю по тридцати копѣекъ купить, и денги по сторгованной цѣнѣ всего девять рублей девяносто копѣекъ для отдачи онымъ продавцамъ выдать отъ артиллерійской казначейской должности оному купчинѣ, записавъ въ расходъ съ роспискою, а ему Иванову тѣ денги роздать помянутымъ продавцамъ, съ росписками-жь, и тѣ росписки для отчета подать къ казначейской должности и о томъ ко оной должности послать указомъ». Münnich.

Сообщ. А. И. Савельевъ.

¹⁾ Копія съ указовъ, см. Архивъ генераль-фельдцейхмейстера, № 157, св. 23 дѣла 1730 года.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1809—1815 гг.

I.

Комическая опера «Дидона на изнанку».

Въ 1809 году 14-го ноября на Петрозаводскомъ театрѣ, находившемся подъ наблюдениемъ олонеккаго гражданскаго ¹⁾ губернатора, была представлена недавно сочиненная комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ «Дидона и Эней» или «Дидона на изнанку». Поставлена была на сцену эта опера, по всей вѣроятности, по личному желанію губернатора, а потому дѣло обошлось безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, представителемъ которой въ Петрозаводскѣ былъ директоръ олонеккихъ училищъ. (Цензура въ то время находилась въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія). Уже по представленіи оперы, мѣстный цензоръ официально просилъ губернатора прислать ему рукопись для разсмотрѣнія, но не получилъ отвѣта на свое отношеніе. Подобное нарушеніе цензурныхъ правилъ олонеккимъ губернаторомъ было не въ 1 разъ. Въ 1805 году, 30-го августа, на петрозаводскомъ театрѣ была представлена пьеса «Прологъ на всерадостнѣйшій день тезоименитства его императорскаго величества», напечатанная въ типографіи олонеккаго губернскаго правленія безъ разрѣшенія цензуры, при чемъ олонекское губернское правленіе не исполнило даже просьбы своего цензора, состоявшей въ томъ, чтобы ему прислать экземпляръ книги, а также увѣдомить, сколько экземпляровъ этой книги напечатано, по чьему приказанію и кто авторъ, «для подробнѣйшаго о семъ донесенія цензурному комитету». Впрочемъ, «Прологъ» былъ вполнѣ

¹⁾ Олонеккимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ В. Ф. Мертен съ съ 1804—1821 г., см. памятн. книжку Олон. губ. 1868 г., ч. III, стр. 214.

благонамѣренъ по содержанию, а потому цензоръ оставилъ это дѣло безъ послѣдствій. Въ послѣднемъ же случаѣ нарушеніе цензурныхъ правилъ было болѣе серьезное, такъ какъ пьеса едва ли могла получить одобреніе, а потому цензору ничего не оставалось, какъ донести объ этомъ нарушеніи с.-петербургскому цензурному комитету.

Комитетъ, признавъ жалобу вполне основательной, сдѣлалъ донесеніе своему ближайшему начальнику попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцеву, а послѣдній министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому.

Послѣ этого рукопись была вытребована отъ олонеккаго губернатора и передава для разсмотрѣнія въ цензурный комитетъ, который высказался о ней такъ въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія отъ 12-го іюня 1810 года.

«Во-первыхъ: Пьеса сія не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ и каковая есть даже въ «Русалкахъ» и другихъ имъ подобныхъ комическихъ операхъ, не говоря уже о томъ эпизодѣ Виргиліевой Энеиды, которая служитъ оригиналомъ сей пародіи.

«Во-вторыхъ: Вся пьеса преисполнена выраженной слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо, если ихъ произносить Эней или Дидона, или другія важныя особы, напр.: вся глотка пересохла и проч.; а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо съ овчинку показалось и проч.; Охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется.

«Въ третьихъ: Комитетъ почитаетъ неприличнымъ выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и непристойномъ видѣ. Даже въ Русалкахъ князя и княгини не забываютъ своего достоинства и приличной важности.

«Въ четвертыхъ: Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности, напр., Эней говоритъ ему: «Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя суеть», также: «сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро» и проч.

Въ пятыхъ: Пьеса сія вообще ни къ чему иному служить не можетъ, какъ только къ поврежденію вкуса, распространенію подлыхъ выражений въ народѣ и оскорбленію тонкаго чувства благородныхъ зрителей. «Въ уваженіе прописанныхъ причинъ и основываясь на 15 и 18 статьяхъ устава о цензурѣ, коиими предписано при цензорскомъ разсматриваніи сочиненій наблюдать, чтобы въ оныхъ не было мыслей и выражений, оскорбляющихъ нравственность и благопристойность; также на 2 статьѣ того же устава, коею постановлено: главнымъ предметомъ разсматриванія цензурою сочиненій имѣть доставленіе обществу книгъ и сочиненій, способствующихъ къ истинному просвѣ-

ценію ума и образованію нравовъ и удаленію книгъ и сочиненій, противныхъ сему намѣренію...., комитетъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что означенная пьеса не заслуживаетъ быть одобрена ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ».

II.

Донесеніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому о рукописи: «Описаніе достопамятныхъ происшествій въ Арменіи, случившихся въ послѣдніа 30 лѣтъ, т. е. отъ патріаршества Симеонова (1779) до 1809 года. Сочиненіе князя Егора Хубова, переводъ съ армянскаго.»

9 го сентября 1810 года.

«1) Судя по заглавію, въ рукописи сей должны бы содержаться происшествія, случившіяся въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ; но въ самомъ дѣлѣ въ ней описаны только дѣйствія главнокомандовавшего въ тѣхъ странахъ генерала князя Циціанова съ 1803 по 1807 годъ; предшествовавшихъ же обстоятельству авторъ коснулся только слегка.

2) Рукопись сія преисполнена мыслей и выражений оскорбительныхъ для чести покойнаго князя Циціанова, коего дѣйствія, виды и предпріятія во многихъ мѣстахъ представлены въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

3) Все сочиненіе вообще писано слабымъ и недовольно обработаннымъ слогомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаетъ и смыслу.

Цензурный комитетъ, основываясь на правилахъ высочайше конфирмованнаго устава о цензурѣ, коимъ запрещены книги предосудительныя для чести гражданина и сверхъ того имѣя въ виду предписаніе главнаго правленія училищъ отъ 19-го февраля сего года касательно до всемѣрнаго наблюденія за чистотою языка въ книгахъ, на разсмотрѣніе комитета представляемыхъ, нужнымъ находятъ, чтобы вышепомянутая рукопись была исправлена надлежащимъ образомъ господиномъ переводчикомъ, ежели онъ имѣетъ намѣреніе оную напечатать».

Князю Хубову разрѣшено было напечатать его книгу лишь съ высочайшаго разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы «при печатаніи всѣ листы были доставляемы въ цензурный комитетъ для поправленія погрѣшностей въ чистотѣ слога».

III.

Донесеніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ цензора Яценкова 17 декабря 1812 г.

«Представленную въ здѣшній цензурный комитетъ отъ г. Волынскаго рукопись подъ заглавіемъ «Новый Россійскій и Нѣмецкій Букварь» съ нѣмецкимъ переводомъ разсматривалъ я еще въ іюнѣ мѣсяцѣ и возвратилъ сочинителю для исправленія замѣченныхъ мною мѣстъ. Нынѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ сочинитель представилъ оную вторично, яко-бы исправленную. Почему я и разсматривалъ ее вновь въ двойномъ отношеніи: во первыхъ, какъ учебную книгу, назначаемую для обученія юношества, и во вторыхъ, по предмету содержащихся въ оной статей. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нашелъ я въ сей книгѣ слѣдующіе недостатки:

1. Какъ учебная книга, она содержитъ въ себѣ ложныя правила русскаго языка, превратное правописаніе онаго и неправильный слогъ, а также совершенное незнаніе нѣмецкаго языка и неправильный переводъ на ономъ. Въ доказательство чего представляю слѣдующее: 1) Въ Россійскій алфавитъ введены буквы иностранныхъ языковъ, которыхъ въ нашемъ совѣмъ нѣтъ, какъ-то: іотъ, иксъ, цэтъ; также доегласные: ä, ö, ü.

2) Въ нѣмецкомъ алфавитѣ введены буквы русскія, коихъ въ нѣмецкомъ совѣмъ нѣтъ, какъ то: ч, ш, щ, ъ, ь, ы.

3) Въ русскаго правописаніи вводятся такія новости, которыя нѣмъ еще не приняты, а посему не могутъ быть приличны въ книгѣ учебной, назначаемой для учащагося юношества, напр.: сочинитель предлагаетъ писать «Гэврай, мѡбли, лубекъ, княгиня».

4) Вымыслены новыя совѣмъ неслышанныя въ русскомъ языкѣ буквы: тзсг, зсг, зсгтзсг, для которыхъ сочинитель общаетъ вырѣзать особыя фигуры или знаки.

5) Неправильность слога, неясность и вообще незнаніе русскаго языка видны на каждой страницѣ, особенно же въ собственныхъ его сочиненіяхъ.

6) Незнаніе нѣмецкаго языка видно также на каждой страницѣ; нельзя найти ни одной строчки, которая была бы чисто и правильно написана по нѣмецки.

Всѣ таковыя погрѣшности и неприличныя нововведенія могли бы привести въ заблужденіе учащихся и напитать умы ихъ ложными правилами языка, если бы рукопись сія была напечатана.

II. По предмету содержащихся въ сей рукописи статей я замѣтилъ въ оной множество ложныхъ правилъ нравственности, несходство съ церковными нашими книгами, незнаніе исторіи, выраженій предосудительныхъ чести Петра I

и другихъ противныхъ правительству статей. Въ доказательство чего приведу слѣдующее: стр. 8, «говорить приносить честь»; стр. 32, «если ты великъ и властенъ безъ науки, то ты больше ничего не значишь, какъ деревянный болванъ въ мраморномъ храмѣ»; стр. 34, «одинъ знакомый не цѣлый рай», также «остерегайся тѣхъ людей, которые краснорѣчивы». Вообще во всѣхъ молитвахъ есть несходства съ церковными, иныя менѣе важныя, другія существенныя. Я приведу здѣсь только нѣкоторыя: стр. 16, «Царю небесный утѣшителю душъ истинныхъ, иже вездѣ сии». Что сие не есть описка при перепискѣ это доказывается нѣмецкимъ переводомъ: *Tröster der wahren Seelen*, стр. 18; «Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣхахъ родихъ мя мати моя», также «научу беззаконія путемъ твоимъ». Сочинитель вездѣ пишетъ амень вмѣсто аминь и прѣсно вмѣсто присно. Стр. 15, въ символѣ вѣры сии слова: «единосущна Отцу, имже вся быша» переведены такъ: *der mit allem was da war des Vaters Wesens ist*. Также сии слова: «Господа животворящаго и славимаго, глаголаващаго пророки», переведены такъ: «*der den Herrn belebte und dessen Profecierungen verherrlichtet werden*». Стр. 46. Императора Трояна сочинитель счелъ за короля Троянскаго и перевелъ его такъ: «*der Kaiser von Trojaner*». Стр. 64 и далѣе. Астрономическія наблюденія Воынскаго не сходствуютъ съ тѣми, которыя преподаны ученѣйшими въ семь родѣ мужами. Неприлично внушать молодымъ ученикамъ такое ученіе, которое еще не доказано за истинное и можетъ поселить въ незрѣлыхъ умахъ ложныя мысли. Стр. 66. То же сказать слѣдуетъ о мнѣніи сочинителя, объ обитателяхъ неба и земли, гдѣ также предлагается ученіе о герригутерахъ, довольно предосудительное. Всѣ прочія повѣсти, въ сей рукописи приведенныя, преисполнены нелѣпностей, съ здравымъ разсудкомъ несогласныхъ, особенно же предосудительна статья: Побѣда подъ Полтавой; наконецъ, на стр. 85 и далѣе сочинитель приводитъ въ подозрѣніе пользу отъ прививанія коровьей оспы, что совершенно противно благотворнымъ намѣреніямъ правительства о распространеніи сего полезнѣйшаго открытія.

Въ предисловіи къ сей книгѣ сочинитель порицаетъ всѣ изданныя въ семь родѣ сочиненія, поставляетъ свое, можно сказать, на ряду съ богодухновенными твореніями.

По всѣмъ такимъ уваженіямъ признаю я рукопись сію достойною защещенія. О чемъ представляю на усмотрѣніе ¹⁾ комитета.

1812 г., декабря 17, цензоръ Г. Яценковъ.

¹⁾ Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Яценкова.

IV.

Донесеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю С.-Петерб. округа С. С. Уварову на запросъ его, почему не пропущены цензурой басни Измайлова „Раскольникъ Авванумъ“ и „Кошка, превращенная въ женщину“. 21 апр. 1812 года.

Цензурный комитетъ имѣетъ честь донести, что онъ въ 1-ой изъ сихъ двухъ басенъ не находитъ съ своей стороны ничего противнаго правиламъ устава о цензурѣ, но какъ имѣетъ словесное приказаніе его сиятельства господина министра народнаго просвѣщенія, объявленное чрезъ г. директора департамента въ прошломъ генварѣ мѣсяцѣ, чтобы въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволялось ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры, по какой причинѣ въ одной книгѣ выкинута цѣлая статья о раскольникахъ, не заключающая въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры—то комитетъ въ исполненіе таковой воли г. министра принужденнымъ нашелся означенную басню Раскольникъ Аввакумъ запретить печатать.

Что же принадлежитъ до другой басни: Кошка, превращенная въ женщину, то въ оной замѣчены для исправленія сіи три стиха, заключающіе въ себѣ мысль слишкомъ вольную:

„И кошка женщина спать съ мужемъ ужъ легла,
Онъ съ ветерѣніемъ, бѣдвяжка, дожидался минуты роковой“...

по смягченіи которыхъ оная басня къ напечатанію дозволена быть можетъ.

V.

„Сынъ Отечества“: объ англійскомъ парламентѣ.

С.-Петербургскому цензурному комитету.

Въ № 50 журнала «Сынъ Отечества», въ статьѣ объ англійскомъ парламентѣ, замѣтивъ нѣсколько неосторожныхъ выраженій, предлагаю комитету обратить свое вниманіе на выписки пзъ листковъ и на рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ. Нерѣдко находятса въ нихъ изреченія и извѣстія, которыхъ въ нашихъ журналахъ обнародовать невсозможно. При семъ случаѣ предлагаю также имѣть въ виду смягчать мало по малу колкій и грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ Европѣ и къ намъ. Журналисты, писавшіе въ 1812 году, должны иначе писать въ 1815-мъ, мало по малу согласоваться съ намѣреніями правительства и содѣйствовать къ распростра-

ненію мирныхъ сношеній, слѣдую такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей. Само собой разумѣется, что сіе правило должно быть хранимо между членами комитета и при каждомъ случаѣ наблюдаемо столько, сколько благоразуміе и опытность каждому цензору внушить могутъ.

12 декабря 1814 года. Попечитель Слб. учебнаго округа Сергій Уваровъ.

VI.

Принятіе Александромъ I титула короля польскаго.

Отношеніе министра нар. просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову.

10 мая 1815 года.

Милостивый государь мой Сергій Семеновичъ! Въ вышедшемъ вчера листочкѣ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ Сына Отечества» напечатанъ высочайшій его императорскаго величества рескриптъ на имя президента варшавскаго сената графа Островскаго о принятіи его величествомъ титула короля польскаго. Хотя въ семъ листочкѣ и сказано, что рескриптъ почерпнуть изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ», однако жъ ваше превосходительство безъ сомнѣнія сами видите, сколь неприлично помѣщать въ частномъ журналѣ извѣстіе о столь важномъ политическомъ событіи, до Россіи касающемся, когда наше правительство не признало еще за благо обнародовать оное. Весьма неприятно для меня напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ о ихъ обязанностяхъ. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ, милостивый государь мой, сдѣлать строжайшій выговоръ, какъ цензору, одобрявшему помянутый листокъ, такъ и самому издателю «Сына Отечества», которому надлежало бы знать, что подобныхъ статей въ его журналѣ помѣщать не слѣдуетъ; на будущее же время предписать цензурному комитету, дабы отнюдь не позволялъ помѣщать въ частныхъ изданіяхъ ни официальныхъ статей, особенно, высочайшихъ рескриптовъ, ни извѣстій о важныхъ происшествіяхъ, до Россіи относящихся, ежели не будутъ оныя напередъ обнародованы отъ правительства. Пребываю и проч. графъ Алексѣй Разумовскій.

Примѣчаніе. Изъ донесенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю округа отъ 18 мая 1815 года видно, что «никто изъ цензоровъ означеннаго листка не одобрялъ своею подписью и онаго прежде напечатанія не видалъ. Издатель-же для скорѣйшаго сообщенія читателямъ его журнала извѣстія, напечатаннаго въ Варшавѣ съ дозволенія російскаго-же тамъ учрежденнаго правительства, не усумнился напечатать оное, не представивъ цензору въ рукописи для разсмотрѣнія и подписанія».

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

1824 г.

11 сентября 1824 года бывшій министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ провнесь въ главномъ правленіи училищъ рѣчь, весьма характерную для лица, занимавшаго въ то время постъ главнаго насадителя просвѣщенія въ народѣ. Рѣчь эта была въ свое время напечатана въ «Запискахъ департамента народнаго просвѣщенія», 1825 г., кн. I-я:

«Милостивые государи! Благоугодно было его императорскому величеству облечь меня честию предсѣдательства между вами. Чувствую и сожалью, что болѣзни и старость лѣтъ моихъ, измѣняя моему усердію, не допускають меня дѣйствовать съ тою подвижностію и быстротою, съ какою желалъ бы я священной воли его быть исполнителемъ. Но я имѣю въ васъ, почтенные сотрудники мои, надежныхъ помощниковъ, и потому твердо увѣренъ, что недостатокъ силъ моихъ вознаградится вами къ общей пользѣ ревностію. Ваши труды и старанія облегчатъ мое бремя; ваше попеченіе и прозорливость подкрѣпятъ мою мерцающую память и слабѣющіе взоры. Намъ поручено дѣло важное: надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ русскаго юношества. Мы дадимъ Богу и отечеству отвѣтъ, если незначительно будемъ исполнять долгъ свой и обязанность. Благодарность или справедливыя укоризны родителей, счастье или злополучіе дѣтей ихъ готовятся изречь надъ нами судъ свой въ будущія времена. Перенесемъ воображеніемъ чрезъ 6 или 7 пятилѣтій впередъ, и взглянемъ мысленно на послѣдствія нашихъ дѣяній. Мы увидимъ великое число разсѣянныхъ по пространству Россіи мужей, иныхъ ратующихъ въ полѣ, иныхъ засѣдающихъ въ судѣ, иныхъ упражняющихся въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ. Всѣ они, въ юныхъ лѣтахъ своихъ, наставляемы были людьми, подъ нашимъ смотрѣніемъ находившимися. Наставленія въ маломъ возрастѣ, подобно цѣлебнымъ или вредоноснымъ, для тѣлеснаго здравія, сокамъ, дѣйствуютъ на человѣческой разумъ, нравъ и душу, и часто остаются до самой глубокой старости неизгладимыми. Итакъ, если воспитываемое во множествѣ

училищъ юнoшество отъ нерадѣнія нашего возрастеть и возмужаетъ съ вѣкторными недостатками и пороками, если неутвержденное въ благоговѣніи въ Богу, въ преданности государю и отечеству, въ любви къ правдѣ, въ чувствованіи чести и человѣколюбія заразится оно лжемудрыми умствованіями, вѣротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостію и пагубнымъ самолюбіемъ, во-влекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею, если, говорю, подобныя небреженія допустятся быть существующими въ училищахъ, или не возьмутся къ отвращенію ихъ всѣ возможныя мѣры, то сколько впослѣдствіи времени произойдетъ отъ того зла и въ воинскихъ ополченіяхъ, и въ судебныхъ засѣданіяхъ, и въ исполненіи всякихъ должностей, и въ семействахъ, и вообще въ пользахъ общежитія. Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Онѣ сколько полезны въ благонравномъ человѣкѣ, столько же вредны въ злонравномъ: ибо служатъ ему способами къ изобрѣтенію и удобнѣйшему исполненію внушаемыхъ въ него страстями побужденій и къ развращенію тѣхъ, кои безъ коварныхъ его совѣтовъ остались бы въ простотѣ ума и сердца своего добродушными. Сверхъ сего науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы приуготовлять его быть худымъ и бесполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ. Но правила и наставленія въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ доброй нравственности, нужны всякому, не выводятъ никого изъ опредѣленнаго ему судьбою мѣста и во всѣхъ состояніяхъ и случаяхъ дѣлаютъ его и почтеннымъ, и кроткимъ, и довольнымъ, и благополучнымъ. Благочестивый поселянинъ, прилежный въ дѣлѣ своемъ, добрый мужъ, чадолюбивый отецъ, мирный сосѣдъ, умѣренный въ своихъ желаніяхъ, не скучающій въ потѣ лица доставать себѣ насущный хлѣбъ, несравненно просвѣщеннѣе для меня, нежели хитрый мудрецъ, знающій всѣ науки, но который, послѣдуя движенію безнравственныхъ страстей своихъ, мучитъ самъ себя безпрестанными мечтаніями и совращаетъ другихъ съ истиннаго пути спокойной жизни. Я увѣренъ, милостивые государи, что сія понятія мои объ истинномъ просвѣщеніи не различаются съ вашими, и надѣюсь, что на семъ основаніи, творя волю пославшаго насъ, можемъ мы усердіемъ и попеченіемъ своимъ призвать на себя благодать Божію, удостоятся монаршаго благоволенія и принести посильныя услуги отечеству».

Сообщ. А. В. Смирновъ.

Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ: „Домъ сумасшедшихъ“.

1825 г.

Балагуръ, что все святое ¹⁾
 Въ смѣхъ и шутку обратилъ,
 И безсмысліе пустое
 Въ видъ блестящій нарядилъ.
 Ничего не давъ въ замѣну
 Имъ осмѣянныхъ даровъ,
 То какою же дать цѣну
 Остротъ пустыхъ лишь словъ?
 Сердцу злomu и безъ вѣры —
 Гордому при томъ безъ мѣры,
 Даръ витійства будетъ то-жъ,
 Что разбойнику дать ножъ.
 Дать видъ глупой и нелѣпой
 Вѣкъ нашъ красящимъ умамъ
 Лишь злодѣй одинъ свирѣпой
 Можетъ, не краснѣя самъ.
 Скалозубъ нашъ забавляетъ
 Слабоумныхъ лишь людей —
 Просвѣщенныхъ удвляетъ
 Только дерзостью своей.
 Здѣсь являясь не съ защитой
 Просвѣщенныхъ тѣхъ мужей;
 Въ старости моей маститой
 Жаль молодыхъ монахъ друзей.
 Страстью молодость набита
 Къ остротъ пустыхъ лишь словъ:
 Не составилась бы свита
 Остроумнѣйшихъ ословъ.

¹⁾ Ибо цѣль сочиненій почтеннаго друга человечества и истиннаго сына отечества г. Шишкова доказать красоту и пользу церковныхъ священныхъ нашихъ книгъ представлена тутъ въ шутовскомъ нарядѣ—читая то, одинъ только Адромелехъ можетъ съ удовольствіемъ улыбнуться. Авторъ (1825 г.).

Послѣ мерзкой сей утѣхи
 Не послѣдовалъ бы плачь?
 А пресѣчь такіе смѣхи
 Лучшій цензоръ есть палачъ!
 Не кричи, поэтъ любезный,
 Что безграмотный старикъ
 Смѣетъ дать совѣтъ полезный.
 Вреденъ этотъ тебѣ крикъ.
 Отъ насмѣшекъ пользы мало
 Или вовсе ничего;
 Есть острѣй твоего жало;
 Такъ ужалать самого.
 Ты имѣешь даръ поэта —
 Данъ тебѣ онъ не на смѣхъ:
 Имъ блистай ты къ пользѣ свѣта,
 А кощунствовать есть грѣхъ.
 Не болтай, что я не мастеръ,
 Такъ какъ ты, писать стихи.
 Я имѣю добрый пластырь
 Залечить твои грѣхи.
 И безъ правилъ стихотворства
 Можетъ чистая душа
 Шалунамъ не дать потворства,
 Къ нимъ любовію дыша.
 Не болтай того ты мнѣ,
 Что пригрезилось во снѣ.
 Во дни думай лишь благое,
 Не пригрезится пустое ¹⁾.
 Если мой совѣтъ сномъ новымъ
 Усыпить тебя когда,
 Уголокъ мнѣ дать съ Хвостовымъ
 Для меня то не бѣда.
 Но что-бъ въ явѣ онъ не сбился
 Надъ твоею головой,
 Даруй, Богъ, чтобъ озарился
 Свѣтомъ истины умъ твой!!!
 Умъ безъ вѣры есть гнилушка,
 Что блистаетъ по ночамъ;
 Но при свѣтѣ то игрушка
 Не прелестная очамъ.
 Брось изъ черепа химеры ²⁾
 И пустова не труби,
 Питай сердце духомъ вѣры,
 Бога чти и всѣхъ люби!!!

¹⁾ Молись, да и соннымъ безмолвіемъ просвѣтятся, зрѣніемъ судьбъ Твоихъ, Господи.

²⁾ Химеры избрали себѣ въ жилище не умныя головы, а пустые черепа.

Автор (1825 г.).

Не съ ехиднымъ яда жалою,
 Какъ сокрытая змѣя —
 Воспаленъ къ добру бывъ жаромъ,
 Написалъ въ любви къ вамъ я.

М. Жуковъ,

а не Жуковский, котораго окуталъ ты длиннымъ саваномъ, сельской житель, 77-ти-лѣтній старикъ, помѣщикъ села Благовѣщенскаго.

Примѣчаніе. Авторъ препроводилъ это стихотвореніе къ А. С. Шишкову, называя его „другомъ протекшей юности“, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: „Довольно уже протекло времени, какъ духъ мой (слившійся нѣкогда во едино съ духомъ вашимъ) сосредоточился только въ самомъ себѣ. Я находился нѣсколько лѣтъ, такъ сказать, въ пріятной для меня спячкѣ, услаждаясь удовольствіемъ не мѣшать благородному духу вашему дѣйствовать на пользу общую,—особенно же въ настоящемъ вашемъ званіи министра просвѣщенія. Но отъ сей пріятной спячки разбудили меня стихи невѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ Домъ Сумасшедшихъ (sic)“.

9-го марта 1825 г.

Сообщ. 7-го іюля 1876 г. Н. П. Барсуковъ.

Отъ Редакціи. Курьезное посланіе нѣкоего Жукова къ Шишкову, 1825 года, извлеченное нами изъ архива „Русской Старины“, въ сообщеніи Николая Платон. Барсукова, является однимъ изъ интересныхъ примѣчаній къ тексту весьма извѣстной шутки-сатиры А. Θ. Воейкова: „Домъ Сумасшедшихъ“; полный текстъ ея напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одна писана рукою самого автора. См. „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ IX, стр. 579—604; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 584—590.

Алексѣй Ивановичъ Лакомте

въ 1812—1842 гг.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., томъ LX, въ «Повѣсти о самомъ себѣ»,—посмертныя записки академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, гл. XIV—XV, на стр. 305-й и далѣе, упоминается объ Алексѣѣ Ивановичѣ Лакомте. Я сынъ упоминаемой личности, и былъ пріятно изумленъ и польщенъ тѣмъ, что прочиталъ здѣсь о моемъ отцѣ. Въ первый разъ въ жизни я встрѣтилъ печатный отзывъ о личности моего отца. Мнѣ тѣмъ болѣе это пріятно, что отзывъ о личности моего отца весьма хорошій. Мнѣ лестно, что мой отецъ, какъ я узнаю изъ «Записокъ», пользовался расположеніемъ, даже болѣе, пріязнью такихъ высокоуважаемыхъ лицъ, какъ покойный профессоръ и академикъ А. В. Никитенко.

Отецъ мой, по мѣсту своей службы, занималъ весьма скромное общественное положеніе, и я никогда бы не вздумалъ самъ говорить о немъ печатно, если бы не сдѣлано было о немъ упоминаніе въ «Запискахъ». Понимая всѣми высокоцѣнный журналъ «Русская Старина» какъ хранилище фактовъ истины и правды, я рѣшаюсь напечатать въ немъ въ дополненіе, разъясненіе и исправленіе напечатаннаго о моемъ отцѣ.

Отецъ мой былъ сынъ роялиста-эмигранта, Ивана Петровича Лакомте, прѣѣзжавшаго въ Россію въ свитѣ принца Конде; Ив. Лакомте принятъ былъ въ русскую службу съ чиномъ надворнаго совѣтника и находился при дворѣ въ качествѣ учителя (какого-либо предмета или искусства—не знаю). Дѣдъ мой женатъ былъ на воспитанницѣ графа Разумовскаго. Родители моего отца скончались въ Петербургѣ скоропостижно. Осталось послѣ нихъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ мой отецъ и братъ его, мой дядя Адрианъ Ивановичъ. Мальчики были присланы, по высочайшему повелѣнію, на воспитаніе въ Москву въ университетскій благородный пансіонъ. Надо полагать, что отецъ вышелъ изъ пансіона (вѣроятно, по окончаніи курса) во время войнъ Россіи съ Франціею, впрочемъ, гораздо позже 1812 года. По выходѣ изъ пансіона, бумагъ отца не оказалось: можетъ быть, онѣ совсѣмъ не были присланы изъ Петербурга, можетъ быть затерялись въ Москвѣ въ 1812 году. Начальство пансіона выдало ему аттестатъ, написавши его по памяти «Лакомте»; дядѣ позже былъ выданъ аттестатъ съ буквою н, «Лакомте». Такъ и впоследствии

ствіи меня и брата, воспитывавшихся въ гражданскихъ заведеніяхъ, писали: Лакомте, а двухъ другихъ братьевъ, воспитывавшихся въ военныхъ заведеніяхъ, писали: Лаконте.

Не знаю, служилъ-ли мой отецъ въ военной службѣ въ качествѣ вольноопредѣляющагося, какъ пишетъ А. В. Никитенко, но онъ дѣйствительно участвовалъ въ походахъ противъ французовъ и имѣлъ медали за кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ. Братъ моего отца, Адрианъ Ивановичъ, служилъ также въ военной службѣ, на Кавказѣ, во время войны Россіи съ Персією, 1826—1828 гг.; отличился и былъ награжденъ за храбрость при взятіи Агалыча.

Свѣдѣнія о воспитаніи отца и о первыхъ годахъ его службы я имѣю, какъ преданіе, отъ моей матери. По смерти отца я остался 10-ти лѣтъ.

Послѣ походовъ противъ французовъ отецъ, надо думать, находился хотя и при военномъ генералѣ Юзefовичѣ, но занимался гражданскими дѣлами, былъ бухгалтеромъ штаба 1-й уланской дивизіи, какъ значится въ выданномъ уже мнѣ метрическомъ свидѣтельствѣ.

Женился отецъ въ Москвѣ на падчерицѣ Дмитрія Петровича Смирнова, роднаго дяди Николая Михайловича Смирнова, бывшаго калужскимъ, а потомъ петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ (его супруга, А. О. Смирнова, хорошо извѣстна многочисленнымъ читателямъ «Русской Старины»).

Хорошее образованіе отца, основательное знаніе французскаго языка, владѣніе русскимъ языкомъ—были извѣстны нѣкоторымъ авторитетнымъ лицамъ въ Москвѣ; мнѣ приходилось слышать уважительные отзывы о моемъ отцѣ отъ бывшаго директора главнаго педагогическаго института, впоследствии сенатора, И. И. Давыдова, и отъ историка М. П. Погодина; они помнили отца по университетскому пансіону. Вѣроятно, благодаря этимъ лицамъ, мой отецъ, не имѣя никакого диплома на званіе преподавателя французскаго языка, въ 1830-хъ годахъ получилъ мѣсто учителя французскаго языка и надзирателя при существовавшемъ въ то время (послѣ закрытомъ) мужскомъ отдѣленіи московскаго воспитательнаго дома, а въ 1840-хъ годахъ получилъ такое же мѣсто при московскомъ коммерческомъ училищѣ. На этомъ послѣднемъ мѣстѣ своей службы мой отецъ скончался въ 1842 году, 42-хъ лѣтъ.

Какъ преподаватель и воспитатель, отецъ мой пользовался любовью и уваженіемъ своихъ учениковъ; такой отзывъ мнѣ, напр., сдѣлалъ директоръ гимназіи императорскаго челоуѣколюбиваго общества А. А. Голицынскій, бывший воспитанникъ московскаго воспитательнаго дома.

Михаилъ Лакомте,

преподаватель исторіи и географіи реальнаго училища и женской гимназіи въ г. Иваново-Вознесенскѣ, бывший директоръ Саратовской гимназіи.

Михаилъ Шумскій,

МНИМЫЙ СЫНЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1878 г. помѣщена весьма интересная замѣтка о гр. Аракчеевѣ и Шумскомъ, т. XXI, стр. 180—184, статья покойнаго тайн. совѣтника Боричевскаго; къ его статьѣ присоединяю мое воспоминаніе изъ весьма дальнихъ лѣтъ о Шумскомъ.

На южномъ краю Витебска, за шоссеинымъ мостомъ чрезъ протокъ Витьбы, стоялъ каменный католическій костель тринитарьевъ; а нѣсколько далѣе за нимъ небольшая деревянная церковка или часовня кладбищенская. Здѣсь погребены два мои малолѣтніе братья. Родители мои пожелали поставить ограду и крестъ на ихъ могилахъ, и въ одинъ лѣтній день пошли на кладбище со мною. Тутъ мы нашли большую пережвну. Когда погребали зимою втораго моего брата, то налѣво, т. е. къ востоку отъ могилы его, была ограда, и въ ней стоялъ крестъ съ надписью, теперь же не стало ни ограды, ни креста. Первый я замѣтилъ эту пережвну и сталъ спорить, что мы стоимъ не у могилы братьевъ. Въ спорѣ этомъ мать моя приняла мою сторону, потому что хорошо помнила сосѣдственную ограду. Какъ вдругъ отецъ спросилъ у нея, а не помнить ли она, чья это была ограда и чья могила?

— «Какъ же, хорошо помню. Могила сына Шумскаго», — отвѣтила мать.

— «Ну, такъ, найди же теперь, гдѣ она», — сказалъ отецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не нашлось креста съ такою надписью.

— «Куда же дѣвались и крестъ, и ограда Шумскаго?» — спросила мать.

— «Да негодяй Шумскій продалъ мертваго сына какому-то прїѣзжему генералу за 500 руб. Вотъ и все тутъ», — отвѣчалъ отецъ.

— «Какъ? На что же этому генералу мертвый мальчикъ?» — спросили мы оба съ удивленіемъ.

— «Да не онъ самъ, а дворянскія бумаги его. Онъ-то-лежитъ на мѣстѣ, вотъ тутъ, и никому не нуженъ, а бумаги его пошли въ ходъ, и послужатъ кому нужно. Пропойца Жабко (служившій въ губернскомъ правленіи) хлопоталъ объ этомъ мѣсяца два или три тому назадъ и смастерилъ все дѣло исправно и гладко. Получилъ-то онъ за труды цѣлую сотнягу; да, кажется, уже пропилъ ее до послѣдней копѣйки. А Шумскій взялъ въ аренду какую-то небольшую деревушку и уѣхалъ изъ Витебска; а чтобъ почище спрятать концы, уничтожилъ и крестъ, и ограду на могилѣ сына. Пошлый пройдоха». Таковъ былъ отвѣтъ моего отца.

Стараго Шумскаго я зналъ и помню очень хорошо. Онъ былъ бѣдный шляхтичъ и содержалъ въ Витебскѣ гостинницу, или, правильнѣе сказать, жалкій постоялый дворъ съ биллиардомъ. У него, кромѣ умершаго старшаго

Михаила, были еще два сына. На арендѣ, по его же словамъ, онъ выигралъ какъ на мылѣ, и потомъ лѣтъ черезъ десять опять былъ въ Витебскѣ и содержалъ ученическую квартиру. И онъ, и дѣти его поступили въ однодворцы, потому что ни петербургская герольдія, ни учрежденное потомъ отдѣленіе ея въ Кіевѣ не утверждали никакихъ дворянскихъ документовъ безъ надлежащаго приложенія; а у Шумскаго, не то что у Аракчеева, приложеній этихъ быть не могло.

Посланный Аракчеевымъ генералъ Бухмейеръ издержалъ 500 руб. ассигнаціями или, по тогдашнему курсу, 166 руб. 66 коп. 1 деньгу и 1 полушку серебромъ на всю порученную ему комиссію....

М. Маркъс.

Енисейскъ

1888 г. 11 октября.

П о э т ъ Ц е д л и ц ъ .

Обращаемъ вниманіе на одну распространенную ошибку, встрѣчающуюся во всѣхъ хрестоматіяхъ и въ изданіяхъ сочиненій Жуковского и Лермонтова: послѣ заглавія стихотвореній «Ночной Смотръ» и «Воздушный корабль» обыкновенно въ скобкахъ приводится невѣрное обозначеніе имени нѣмецкаго поэта, у котораго они заимствованы. Имя славнаго автора «Nächtliche Heerschau» и «Geisterschiff» было не Зейдлицъ, а Цедлицъ (Zedlitz, см. напр. «Deutsche Literaturgeschichte» von Robert König, elfte Auflage (1881), 622—623).

В. И. Шенрокъ.

М. В. Буташевичъ - Петрашевскій

† 7-го декабря 1866 г.

Въ LVI томѣ (1887 г., октябрь) «Русской Старины» на страницѣ 424, въ примѣчаніи отъ редакціи сказано, что Петрашевскій умеръ въ 1867 г., 7-го декабря, въ Минусинскѣ. Это требуетъ исправленія.

5-го января 1867 г. я прибылъ въ Енисейскъ и 6-го вечеромъ видѣлъ двухъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ села Бѣльскаго съ похоронъ Петрашевскаго; Бѣльское лежитъ по староачинскому тракту, въ 100 верстахъ отъ Енисейска, и похороны совершились 4-го января. Слѣдовательно, невѣрность здѣсь, кромѣ мѣста, еще и во времени, простирается на цѣлый годъ, потому что смерть Петрашевскаго послѣдовала 7-го декабря 1866 г.

Въ 1857 г. онъ находился въ Иркутскѣ и тамъ, по надѣлавшей много шуму дуэли чиновника Беклемишева съ другимъ чиновникомъ Неклюдовымъ, указалъ, при осмотрѣ трупа, на направленіе пули, якобы невозможное при дуэли. Это очень не понравилось тогдашнимъ властямъ въ Иркутскѣ, и потому его привлекли къ отвѣту и заключили въ тюремный замокъ; оттуда, не смотря на заступничество архіерея, отправили въ Усолье, а потомъ въ Минусинскій округъ, подъ надзоръ полиціи, съ запрещеніемъ вѣзда въ городъ.

Страдая болѣзнію сердца, Петрашевскій неоднократно просилъ дозволенія пріѣхать въ городъ, хотя на время, для медицинскаго совѣта съ окружнымъ врачомъ.

Между тѣмъ засѣдатель помѣстилъ его на особенной квартирѣ, съ которой онъ не долженъ былъ отнюдь отлучаться. Квартира эта состояла изъ отдѣльной избушки, которая, къ несчастью, не была проморожена предыдущею зимою.

Одну изъ многихъ египетскихъ казней въ Сибири составляютъ насѣкомыя — тараканы. Это не европейскіе тараканы (*Blatta orientalis*), темнобурые, большіе и тяжелые, а прусаки (*Bl. germanica*), зеленоватые, малые и проворные. Крестьяне, чтобы избавиться отъ нихъ, хотя на время, въ самыя жестокіе морозы, градусовъ въ 40, выселяются изъ своихъ избъ куда нибудь по соседству, отворяютъ двери, выставляютъ окна и наваливаютъ на полъ груды снѣгу. Это называется вымораживаніемъ, безъ котораго насѣкомыя до того размножаются, что ни потолка, ни стѣнъ, ни стола, ни полатей, ни наръ совсѣмъ бываетъ не видно; а полъ весь застилается мягкимъ ковромъ скнутыхъ тараканами при линяннн кожидъ и лопнувшихъ яичныхъ шѣшекъ. Въ такой избѣ сѣтнаго ничего держать нельзя. Все будетъ съѣдено въ нѣсколько часовъ. Даже промоченные сапоги и съ подошвами уничтожаются быстро, а о заплываннн подъ бѣлье, въ носъ, въ глаза, уши и ротъ, и объ укусахъ ихъ и говорить нечего. Въ такой квартирѣ долженъ былъ жить Петрашевскій.

Пріѣхавъ въ деревню исправникъ и, наглядно убѣдившись въ справедливости его жалобы на таракановъ и на засѣдателя, предавшаго его имъ на съѣде-

ніе, дозволилъ перебраться на другую квартиру и отпрапортовалъ о томъ г-ну губернатору Замятнину, брату министра юстиціи. Сейчасъ же послѣдовало перемѣщеніе Петрашевскаго въ Енисейскій округъ, въ село Бѣльское, съ запрещеніемъ въѣзда въ городъ. Чрезъ Енисейскъ провезли его ночью... Въ Бѣльскомъ же онъ и умеръ.

Окружной врачъ, А. И. Вицынъ, пріѣзжалъ изъ города вскрывать трущъ Петрашевскаго, какъ скоропостижно умершаго. Смерть была послѣдствіемъ поврежденія клапановъ сердца. Врачъ былъ пораженъ, какъ рѣдкостью, величиною вскрытаго мозга, вѣсившаго несравненно болѣе пяти фунтовъ.

Въ 1882 году на могилѣ Петрашевскаго поставленъ временно деревянный крестъ ¹⁾.

Gravis fuit vita, laevis sit ei terra!

М. Марксъ.

Примѣчаніе. Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій — кончившій полный курсъ наукъ въ Александровскомъ лицей въ С.-Петербургѣ и затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ, былъ сынъ штабъ-доктора, на рукахъ котораго скончался графъ М. А. Милорадовичъ, сраженный пулею декабриста Каховскаго въ день смуты 14-го декабря. Милорадовичъ весьма былъ привязанъ къ своему другу, доктору, дѣйствительному статскому совѣтнику, Василю Буташевичъ-Петрашевскому: ему онъ подарилъ самыя драгоценныя изъ своихъ бумагъ, т. е. высочайшіе рескрипты, грамоты и проч. Бумаги эти (какія лишь, конечно, уцѣлѣли) подарены были намъ, въ 1865-мъ году, покойною вдовою доктора Петрашевскаго — Феодорою Дмитриевною, женщиною весьма умною, образованною, но крайне скупой и холодной къ сыну. Мы, въ свою очередь, по составленіи статьи по этимъ бумагамъ, каковая и была напечатана въ «Военномъ Сборникѣ», изд. 1869 г., книга 10, принесли эти историческіе матеріалы въ даръ библиотекѣ е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, во дворцѣ города Павловска, въ библиотекѣ котораго они и находятся.

Для генеалогіи фамліи М. Буташевичъ-Петрашевскаго отмѣтимъ, что онъ имѣлъ трехъ родныхъ сестеръ—нынѣ всѣ три вдовы. Старшая, Софья Васильевна была замужемъ за генераль-лейтенантомъ П. Θ. Деморомъ; вторая, Ольга Васильевна, за генераль-майоромъ Нпк. Поповымъ; третья, и много ихъ моложе, Александра Васильевна, въ 1862 г. вышла замужъ за Александра Ивановича Семевскаго († 15 іюля 1879 г.), достопамятнаго и при жизни весьма уважаемаго земскаго дѣятеля въ Псковской губерніи, гдѣ оставилъ онъ по себѣ самую добрую память горячимъ участіемъ и починомъ въ основаніи народныхъ школъ, реального училища въ Великихъ Лукахъ, банка, судо-сберегательныхъ товариществъ и проч.

Ред

¹⁾ Проживавшимъ въ Бѣльскомъ г. Никитой Всеволожскимъ.

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ

въ 1861 году.

Мы весьма признательны уважаемому Владиміру Дмитріевичу Философову за сообщеніе подробностей интереснаго дѣла, о растратахъ въ Динабургскомъ арсеналѣ,—подробностей въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ подлинномъ производствѣ онаго; равно интересно указаніе на мало извѣстныя черты доброты и благодушія въ характерѣ Н. О. Сухозанета («Русск. Стар.» изд. 1889 г., т. LXII, апрѣль, стр. 131). Должно, однако, замѣтить, что, быть можетъ, это благодушіе,—а вѣрнѣе старость и ослабленіе умственныхъ силъ низвели Н. О. Сухозанета—въ кратковременную бытность его во главѣ Царства Польскаго—до поведенія, вызвавшаго взрывъ негодованія его современниковъ и полное осужденіе его нравственной личности въ потомствѣ.—На страницахъ «Русской Старины» рассказано было объ этомъ не мало; довольно упомянуть о запискахъ генераль-лейтенанта П. С. Лебедева («Русская Старина» 1874 г., томъ XI: «Послѣдняя польская смута»—«Записки очевидца», «Время генерала Сухозанета 1861 г.» стр. 116—130. Тогда-же, въ 1861—1862 гг., сложилась пѣсна-шутка, многія строфы каковой посвящены были Николаю Онуфріевичу Сухозанету и его дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ отрывки изъ этой шутки-пѣсни:

.
Вотъ пріѣхалъ. Казаками
Окружился, да войсками.
Занялся старикъ смотрями.
Чтобъ покончить все заразъ,
Вздумалъ онъ отдать приказъ
Оскорбительный для насъ:
«Если васъ де будутъ бить,
Молча все переносить
И обидчикамъ не мстить».

Что ему конфедератив?
Онъ заглядывалъ въ палатки,
Чистилъ тюфяки да матки.

Караулил не съ проста
Онъ отхожія мѣста —
Чтобъ была въ нихъ чистота.

К—новъ генералъ
Адъютанта роль игралъ:
Чуть шинель не подавалъ.

«Я законъ», намъ молвилъ онъ,
(А извѣстно, что законъ
Мертвой буквой начиненъ),

Къ нуждамъ нашимъ нѣмъ и глухъ,
Одного м—ра другъ,
Съ нами гордъ былъ, какъ пѣтухъ.

А вотъ съ «совѣстью жолнерской»
Показался съ рожей звѣрской
М—вичъ толпѣ дерзкой.

Да потомъ уже узнали,
Что такъ страшны не бывали
Черти, какъ ихъ малевали.

Служить онъ безъ укоризны,
Не гнететь своей отчизны,
Ляхъ доволенъ имъ капризный.

Словомъ, всѣ адѣсь не мѣшали
Тяжко обижать москалей
(Популярности искали).

Въ бунтъ народный не мѣшались,
Но къ народу подбивались:
«Коцея музыки» боялись.

Подъ конецъ, Сухозанетъ
Осрамился на сто лѣтъ,
Распотѣшилъ бѣлый свѣтъ.

Въ праздникъ матушки царицы
Ляхъ затѣялъ отложиться,
Не хотѣлъ о ней молиться.

А кто окна освѣщаль,
Вензель царскій выставялъ,
Тѣмъ ошопки выбивалъ.

Стало жаль министру пули,
Проглотилъ за то шиллюю
Тридцать перваго іюля.

Ляхи стали межъ собой
Праздникъ праздновать иной,
День сліянія съ Литвой.

А министръ былъ убѣжденъ

Что коль слово молвить онъ,
 Въ мигъ порядокъ водворень!
 За войсками причесъ съ страхомъ,
 Крикнулъ онъ мятежнымъ ляхамъ,
 «Пропадайте вы всѣ прахомъ!
 Праздникъ праздновать не смѣть,
 По костеламъ гимнъ не пѣть,
 Иль—въ работѣ будетъ плеть;
 Лавокъ чуръ не запирасть,
 Оконъ вамъ не освѣщать,
 Или—штыкъ пойдетъ гулять!»
 Ляхи хвостъ предъ нимъ задрали,
 Съ громкимъ смѣхомъ совершали,
 Все то, что имъ запрещали.
 По костеламъ ишу служили,
 Магазиновъ не отырыли,
 Ночью городъ освѣтили.
 Розвадовскій не отсталъ:
 Самъ примѣръ всему подалъ,
 Лампы, люстры зажигалъ.
 Молча, старецъ перенесъ
 Тотъ щелчокъ, что дали въ носъ,
 Лишь почувствовалъ
 А царю доносить самъ:
 «Миръ я давъ бунтовщикамъ,
 Тотчасъ въ чистую подамъ».

 И смѣется ляхъ надъ нами;
 Въ плѣнъ опять сдались мы сами
 Вмѣстѣ съ пушками, штыками.
 Опорочена, измята
 Слава русскаго
 Клaniaйся-жь скорѣй, ребята!

Къ Воспоминаніямъ В. М. Сорокина.

„Русская Старина“ изд. 1888 г., книга XII.

[Замѣтка бывшаго студента с.-петербургскаго университета].

Въ статью В. М. Сорокина вкрались нѣкоторыя неточности, на которыя нижеподписавшійся, какъ бывший студентъ историко-филологическаго факультета (1855—1859 гг.) с.-петербургскаго университета, считаетъ долгомъ указать.

Профессоръ М. И. Касторскій былъ, въ концѣ 1850-хъ гг., весьма уже пожилой человѣкъ и дѣйствительно не безъ странностей, но до страсти любившій свой предметъ. Онъ читалъ филологамъ не только древнюю исторію, но и древнюю географію, представлявшую въ запискахъ Касторскаго одну номенклатуру. Русскую же исторію мы, филологи, слушали у Устрялова, а не у Касторскаго. Одною изъ самыхъ рѣзкихъ странностей послѣдняго было то, что онъ прерывалъ свою лекцію вмѣстѣ со звонкомъ, хотя бы послѣдній заставлялъ его на полуфразѣ, причемъ рѣзко обозначалъ въ своей тетради мѣсто, на которомъ остановился. Такъ, я очень хорошо помню, какъ одну изъ своихъ лекцій М. И. Касторскій началъ словомъ—«Однако»...

Баронъ Мих. Ос. Косинскій не былъ еще инженернымъ офицеромъ, когда положилъ начало или, по крайней мѣрѣ, участвовалъ въ устройствѣ таврической школы. Это, вѣроятно, описка В. Л. Сорокина; къ числу такихъ описокъ должно отнести и заявленіе о данномъ будто-бы въ гимназій прозвищѣ Д. И. Писареву—«дѣвочка». Классъ, въ которомъ былъ приходящимъ ученикомъ Д. И., былъ на годъ моложе и на два или на три старше тѣхъ, въ которыхъ были пансіонерами я и В. Л. Сорокинъ. Приходящимъ ученикамъ вообще рѣдко даются прозвища, потому что они сталкиваются съ своими товарищами пансіонерами только на время уроковъ. Такъ было и въ 3-ей гимназій, гдѣ одно-ременно, хотя и въ разныхъ классахъ, воспитывались Д. И. Писаревъ, В. М. Сорокинъ и я. Классъ Писарева отличался особеннымъ обиліемъ отличныхъ учениковъ, такъ что при выпускѣ, въ 1856 году, начальство затруднялось, кому дать золотую медаль. Первые три ученика, Д. И. Писаревъ, Я. Я. Цвѣтковъ (бывшій профессоръ механики въ Петр. Разум. академіи) и К. Ф. Ординъ (бывшій вице-директоръ какого-то департамента), имѣли совершенно одинаковыя баллы, по 5 изъ всѣхъ предметовъ и притомъ со дня поступления въ гимназію. Въ концѣ концовъ старшинство дано было, кажется, по времени

пробыванія въ классахъ гимназій, такъ что золотая медаль была присуждена Ордину, большая серебряная—Писареву, а малая—Цвѣткову..

Характеризуя общее направленіе студентовъ своего времени и указывая совершенно справедливо на избытокъ оживленія студентовъ надвигавшимися реформами, которымъ они не только шли, но даже бѣжали на встрѣчу, В. М. Сорокинъ въ своихъ воспоминаніяхъ забылъ упомянуть объ одномъ изъ самыхъ рьяныхъ ораторовъ въ курительной комнатѣ и въ XI аудиторіи, впоследствии известномъ этнографѣ П. И. Чубинскомъ, о борьбѣ образовавшихся въ то время въ средѣ студентовъ двухъ партій: либерально-демократической и сдержанно-аристократической. Представителями послѣдней былъ покойный П. П. Демидовъ и Бенардаки. Нечего и говорить, что первая была гораздо многочисленнѣе, въ виду чего послѣдняя и рѣшилась сдѣлать первый шагъ къ сліянію обѣихъ партій и затѣяла обѣдъ. У меня до сихъ поръ сохраняется приглашенный билетъ на этотъ обѣдъ, присланный мнѣ Бенардаки, съ которымъ мы даже не были знакомы. Однако, цѣль, съ которою было сдѣлано это приглашеніе, побудила меня явиться на этотъ яко-бы товарищескій обѣдъ, послѣ котораго Всев. Крестовскій, тогда еще студентъ 2-го курса, читалъ свои стихи, а затѣмъ подъ аккомпанементъ рояля мы хоромъ пѣли марсельезу и пили брудершафтъ, обязывавшій, какъ извѣстно, говорить другъ другу ты. Мнѣ пришлось выпить его съ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, но практиковать налагаемую нами добровольную обязанность говорить другъ другу ты намъ съ нимъ не пришлось, ибо я скоро оставилъ университетъ и съ тѣхъ поръ мы нигдѣ даже не встрѣтились.

В. Н. Р.

Замѣтки и поправки.

Послѣднія книги „Русской Старины“ изд. 1888 г. чрезвычайно интересны, отъ первой страницы до послѣдней, и я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Но въ воспоминаніяхъ В. М. Сорокина вкрались двѣ небольшія неточности: „Русское Слово“ было запрещено въ одинъ годъ съ „Современникомъ“, т. е. въ 1866 г., а не въ 1862 г., а именно: „Русское Слово“ по первой книгѣ, а „Современникъ“ по четвертой книгѣ были запрещены именно въ 1866 году; тогда-же Д. И. Писаревъ былъ заключенъ въ крѣпость. Писаревъ сотрудничалъ въ „Русскомъ Словѣ“ въ послѣдніе годы его существованія, слѣдовательно, главнымъ образомъ, при Г. Е. Благовѣщенскомъ и А. Благовѣщенскомъ и лишь началъ при графѣ Г. А. Кушелевъ-Везбородко—основателѣ и первомъ издателѣ «Русскаго Слова».

Проф. протоіерей Полисадовъ оставилъ университетъ въ 1870 или 1871 годахъ, а не около 1858-го или 1862 г.

В. И. Шенрозь.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

(Сентябрь 1888 г.).

Не далѣе какъ въ половинѣ сентября 1888 года, помню, въ субботу вечеромъ, усѣлся я въ вагонъ московско-брестской желѣзной дороги, чтобы отправиться на станцію «Голицыно» (вторая отъ Москвы), провести воскресенье у хорошаго моего знакомаго, нѣбьющаго тамъ ферму.

Едва двинулся поѣздъ съ московской станціи, узнаю, что въ сосѣднемъ отдѣленіи нашего вагона ѣдетъ генераль Н. М. Пржевальскій.

Съ Николаемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ я одновременно учился въ смоленской гимназіи и отлично его помню по 1850, 1851, 1852 и 1853 гг. Упоминаемые Николаемъ Михайловичемъ, въ его автобіографіи, напечатанной въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., учителя: Федотовъ, Дьяконовъ, Домбровскій, священникъ Доронинъ, инспекторъ Соколовъ, хорошо знакомые мнѣ люди.

Въ декабрѣ 1853 года, увлекаемый теченіемъ, я поступилъ въ военную службу, затѣмъ, по окончаніи войны, служилъ въ 8 стрѣлковомъ баталіонѣ, расположенномъ въ городѣ Житомирѣ.

Здѣсь въ 1858, 1859, 1860 и 1861 годахъ любовь къ охотѣ сблизила меня съ страстнымъ охотникомъ Аркадіемъ Семеновичемъ Беневскимъ, офицеромъ того же баталіона¹⁾, а впоследствии товарищемъ Н. М. Пржевальскаго по Николаевской академіи генеральнаго штаба, куда оба они поступили въ концѣ 1861 года.

Слушая лекціи въ академіи, А. С. Беневскій и Н. М. Пржевальскій были неразлучны въ охотничьихъ походахъ.

Въ 1864 году, когда я служилъ въ Кіевѣ, въ штабѣ кіевского военнаго

¹⁾ Нынѣ амурскій губернаторъ и наказной атаманъ амурскаго казачьяго войска.

округа, А. С. Беневскій по окончаніи курса въ академіи, назначенъ былъ на службу въ тотъ же штабъ и отъ него въ продолженіи пяти лѣтъ я много слышалъ о Николаѣ Михайловичѣ, такъ какъ А. С. и Н. М. были между собою въ постоянной перепискѣ.

Еще въ академіи А. С. и Н. М. рѣшили посвятить себя далекимъ путешествіямъ. Сначала Африка и охота на тигровъ была ихъ мечтою, впоследствии въ письмахъ изъ Польши Ник. Мих. выражалъ влеченіе къ Восточной Сибири.

Чтобы приготовить себя къ перенесенію трудностей путешествій, Ник. Мих. и Арк. Сем., изъ Петербурга, въ мартѣ, забирались въ лѣса Финляндіи и проводили тамъ недѣли три, охотясь на глухарей, не имѣя сношеній съ населеніемъ, ночуя на снѣгу, и все необходимое: запасы снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и платья, переносили на себѣ.

Со времени поступленія моего на службу мнѣ не приходилось встрѣчаться съ Ник. Мих., поэтому, услышавъ, что онъ ѣдетъ въ одномъ вагонѣ со мною, я воспользовался случаемъ повидать извѣстнаго всему міру путешественника, котораго я зналъ мальчикомъ.

— «Извините, ваше превосходительство, что я позволяю себѣ заговорить съ вами. Вы, кажется, въ дѣтствѣ, воспитывались въ смоленской гимназіи и не помните ли ученика Я....?».

Николай Михайловичъ вспомнилъ и любезно усадилъ противъ себя.

Поговоривъ о давнемъ гимназическомъ времени, названныхъ выше учителяхъ, я передалъ, что зналъ, объ А. С. Беневскомъ, слышать о которомъ Ник. Мих. былъ весьма радъ.

— «Жалѣю, сказалъ Николай Михайловичъ, что мнѣ не по пути, а я бы не подѣлился сдѣлать лишнихъ 1,000 верстъ, чтобы повидаться съ Аркадіемъ Семеновичемъ».

Перешолъ разговоръ къ охотѣ.

На мои слова, что для него не могутъ быть интересны мѣста, которыми мы довольствуемся, Николай Михайловичъ сказалъ:

— Знаете, я бы съ удовольствіемъ поохотился въ мѣстахъ возлѣ Петербурга и Москвы. Меня не разъ и приглашали, но я отказывался и, какъ вы думаете, почему? Непріятно мнѣ отдавать себя на потѣху и обирательство здѣшнимъ мужикамъ, а безъ соприкосновенія съ ними обойтись тутъ трудно. Въ Тибетѣ, изъ особыхъ побужденій, могутъ быть нападенія, но открыто, разъ же я взялъ дикаря къ своему конвою, я могу быть вполне увѣренъ, что онъ ничего у меня не тронетъ, не обманетъ и, въ случаѣ надобности, положитъ даже за меня свою голову. Нѣтъ, лучше пообождать.

О предстоящемъ путешествіи Николай Михайловичъ, между прочимъ, говорилъ:

— Я пошелъ особою дорогою и свернуть съ нея не въ правѣ. Долженъ

послужить наукѣ и обществу, пока въ силахъ. Богъ дастъ, вернусь тогда на покой, въ родныя мѣста Смоленской губерніи.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ. Николай Михайловичъ ѣхалъ тоже до станціи «Голицыно», проститься съ своимъ братомъ и его семьей, жившими тогда неподалеку на дачѣ.

Пожелавъ искренно Николаю Михайловичу счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, я выразилъ надежду встрѣчи съ нимъ, когда онъ будетъ жить въ родныхъ мѣстахъ.

Надеждѣ этой, къ прискорбію общему, не суждено было сбыться.

Дня два, три спустя я прочелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о выѣздѣ Николая Михайловича изъ Москвы.

П. Н. Яковл.

10 ноября 1888 г.

Москва.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАСЕКЪ ¹⁾

† 24 марта 1889 г.

I.

26-го марта 1889 г., въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ, опустили въ могилу одну изъ талантливейшихъ русскихъ женщинъ, Т. П. Пасекъ. Ея похороны были болѣе, чѣмъ скромны. Покойная, вообще, любила простоту.

Всѣ друзья и родные покойной окружали простой крашенный гробъ Татьяны Петровны. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, М. И. Семевскій произнесъ глубоко прочувствованную рѣчь, которая приводится здѣсь полностью.

— «Новая могила сокрыла въ себѣ русскую женщину-писательницу, труженицу, обладавшую замѣчательнымъ умомъ и дарованіемъ. Нѣкогда супруга также писателя Вадима Вас. Пасека,—Татьяна Петровна была средоточіемъ кружка, окружавшаго ея мужа въ Москвѣ, въ концѣ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, кружка мыслящихъ русскихъ людей, пламенно любившихъ дорогое отечество, желавшихъ ему преуспѣянія и усиленно для него трудившихся. Въ этомъ кружкѣ—яркою звѣздой горѣло имя профессора Гравовскаго. Самъ Вадимъ Вас. Пасекъ—былъ писатель даровитый и во всеоружіи научныхъ знаній, что дало ему возможность составить нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ о Россіи. Смерть рано лишила Татьяну Петровну горячо любимаго ею мужа и друга. Молодая вдова осталась съ двумя малютками-сыновьями и съ незначительными средствами, но она обладала замѣчательною энергіею и двигательницею ея была любовь, глубокая любовь... Она взростила своихъ дѣтей и дала имъ превосходное образованіе,

¹⁾ Газета «Новости», 27-го марта 1889 г.

прямо подготовивъ къ поступленію въ университетъ московскій, всегда ею особенно почитаемый, такъ какъ изъ-подъ сѣни этого разсадника наукъ и знаній вышли лучшіе, сердечно любимые друзья ея и ея мужа, все люди науки и обширныхъ заслугъ во славу и преуспѣяніе Россіи....

«Изъ сыновей ея—старшій, Александръ, проявилъ свою дѣятельность нѣсколькими трудами, въ особенности, находясь при князѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Орловѣ, впоследствии русскомъ послѣ во Франціи. Труды эти, при мощномъ у престола Царя-Освободителя предстательствѣ князя Орлова, привели къ отмѣнѣ въ Россіи тѣлесныхъ наказаній (указъ 17-го апрѣля 1863 г.). Другой сынъ Татьяны Петровны,—Владиміръ Вадимовичъ, явился усерднымъ и весьма способнымъ дѣятелемъ въ новой области служенія,—именно, въ акцизномъ управленіи, замѣнившемъ, ко благу русскаго народа, прежнюю, не доброй памяти, откупную систему. Въ этой области труда Владиміръ Вадимовичъ Пассекъ явился не только честнымъ, способнымъ чиновникомъ министерства финансовъ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, но и составителемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ записокъ, относящихся къ улучшеніямъ въ сферѣ того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ.

«Исполнивъ священный долгъ матери-руководительницы, воспитавъ въ своихъ сыновьяхъ честныхъ, усердныхъ и способныхъ слугъ отечеству, Татьяна Петровна имѣла ужасъ лишиться обоихъ сыновей и, именно тогда, когда ей оставалось лишь наслаждаться плодами своихъ заботъ о нихъ....

«Она пережила этотъ ударъ....

«Мало того, ничѣмъ другимъ, какъ трудомъ, исполненнымъ ума и дарованія, она спѣшила заглушить свое ужасное горе. Татьяна Петровна взялась за перо ¹⁾ и вотъ на страницахъ историческаго журнала «Русская Старина» съ 1872 года стали появляться ея обширныя Записки... Онѣ обратили на себя общее вниманіе живостью очерковъ русскаго общества 1820—1850 годовъ и талантливостью характеристикъ длиннаго ряда замѣчательныхъ русскихъ людей, подвижниковъ преуспѣянія русскаго народа... Записки эти явились затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи и имѣли также большой успѣхъ; послѣдній, третій томъ этихъ замѣчательныхъ мемуаровъ русской женщины былъ ея предсмертнымъ трудомъ...

¹⁾ См. Воспоминанія Т. П. Пассекъ 1810—1874 гг. въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. VI; 1873 г., т. VII; 1876 г., т. XV; XVI; XVII; изд. 1877 г., т. XVIII; XIX; XX; изд. 1878 г. т. XXI; XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV; изд. 1886 г., т. XLIX; LII; изд. 1887 г., т. LVI.

«Съ замѣчательной энергіей Татьяна Петровна, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, удрученная горемъ, величайшимъ изъ всѣхъ скорбей,—горемъ матери, оплакивающей своихъ взрослыхъ, умныхъ, прекрасныхъ сыновей, предпринимаетъ въ 1880 году изданіе дѣтскаго журнала «Игрушечка». Она осуществляетъ мысль, которая одушевляла ее еще въ началѣ 1850 годовъ, мысль объ изданіи журнала для отрочества, которая не могла тогда осуществиться по обстоятельствамъ, не отъ нея зависѣвшимъ... Нынѣ журналъ ея для дѣтей былъ принятъ обществомъ съ любовью и участіемъ, имѣлъ несомнѣнный успѣхъ—и это тогда, когда для самой издательницы, дожившей до маститой старости, виденъ былъ уже, по ея собственному выраженію, «другой берегъ»!... Безтрепетно, съ глубокимъ сознаніемъ исполненныхъ своихъ обязанностей матери и дѣятельницы общественной, Татьяна Петровна ожидала конца своей труженической жизни... Присутствующіе здѣсь—люди ей близкіе, ея друзья и почитательницы,—а у нея ихъ было множество,—никогда не забудутъ этой замѣчательно умной, пріятливой и всегда отзывчивой къ чужому горю женщины. Ея бесѣда была услудою; сколькихъ она ободрила, утѣшила и вразумила, во дни скорби къ ней обращавшихся.. Смерть смежила ея уста, но имя ея останется въ ряду нашихъ труженицъ и писательницъ, служившихъ честию и украшеніемъ современнаго имъ рускаго общества».

II.

«Русская Старина», съ глубокою признательностью вспоминая, что мы имѣли истинное удовольствіе видѣть въ средѣ своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ незабвенную Татьяну Петровну Пассекъ не разъ еще возвратится къ этой истинно замѣчательной русской женщинѣ. Въ данное время мы напоминаемъ ея строки, внесенныя покойной писательницей въ нашъ альбомъ «Знакомые».

«Татьяна Петровна Пассекъ родилась 1810 года, 25-го Іюля, въ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, въ имѣнни своего дѣда,—селѣ Новоселѣ, гдѣ провела первое дѣтство—и первый разъ увидѣла, еще младенцемъ, близкаго родственника своего Александра Ивановича Герцена. Въ ребячествѣ—до восьмилѣтняго возраста часто видалась съ Александромъ Ивановичемъ и вмѣстѣ играли. Съ девяти лѣтъ до 13—воспитывалась въ пансіонѣ г-жи Донквартъ въ Москвѣ и въ пансіонѣ г-жи Воше; потомъ семь лѣтъ провела въ домѣ отца А. И. Герцена и вмѣстѣ съ Сашей училась до своего замужества съ Ва-

димъ Васильевичемъ Пассекъ, съ которымъ прожила 10 лѣтъ и осталась послѣ него съ двумя сыновьями, Александромъ и Владиміромъ. Дѣти мои воспитались дома до поступленія въ московскій университетъ, гдѣ кончили курсъ кандидатами. По участіи графа Сергія Григорьевича Строгонова и графа Уварова, просила разрѣшенія издавать журналъ для отроческаго возраста. Въ это время была Крымская война, императоръ Николай Павловичъ—журнала не разрѣшилъ. Я съ дѣтьми уѣхала за границу въ 1859 году,—гдѣ прожили слишкомъ два года. Въ 1871-мъ году, находясь съ дѣтьми моими въ Петербургѣ, познакомилась я въ квартирѣ Ивана Михайловича Сѣченова съ редакторомъ только что начавшагося періодическаго изданія «Русская Старина», Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ, который пригласилъ меня участвовать въ его изданіи,—помѣстить въ немъ мои воспоминанія «изъ дальнихъ лѣтъ», гдѣ и появились онѣ въ первый разъ—но вскорѣ были запрещены.

«Спустя два года, по желанію и совѣтамъ Михаила Ивановича, я получила разрѣшеніе снова печатать въ «Русской Старинѣ» мои записки, гдѣ и печатались онѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Потомъ изданы были отдѣльно съ прибавленіемъ, въ двухъ частяхъ. Впослѣдствіи разрѣшено было изданіе для отроческаго возраста—періодическое изданіе «Игрушечка», принято въ обществѣ съ любовью и участіемъ и это—когда мнѣ 70 лѣтъ и видѣнъ другой берегъ. 16-го октября 1880 года.

«Прошло шесть и сколько пережито въ это время, сколько тяжелаго, сколько хорошаго ушло въ вѣчность, но чувство дружбы къ тѣмъ, съ которыми сблизила меня судьба, живо, и мое сердечное участіе къ начавшемуся при мнѣ изданію «Русской Старины», оно дорого и близко мнѣ, сохранилось и дружеское чувство къ ея уважаемому издателю.

Татьяна Пассекъ.

12-го февраля 1886 г.

(Альбомъ М. И. Семевскаго «Знакомые» рукопись, томъ II, стр. 47—49).

Примѣчаніе. Т. П. Пассекъ скончалась въ С. Петербургѣ 24-го марта 1889-го года, въ 2½ часа пополуночи, погребена въ Ново-Дѣвическомъ монастырѣ 26-го марта 1889 г.

М. С.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

II ¹⁾.

Москва.

X.

О Москвѣ и о посѣщеніи въ ней различныхъ лицъ въ замѣткахъ нашихъ оставляемъ мы многое не напечатаннымъ, иначе долго не довелось бы выбратъся изъ Бѣлокаменной, а между тѣмъ предъ нами еще дистанція огромнаго размѣра—вся матушка Волга. Но перечисляя выше лицъ въ Москвѣ, мною посѣщенныхъ, я упомянулъ о посѣщеніи Михаила Григорьевича Черняева. Ему и бесѣдѣ съ нимъ отведу двѣ три страницы въ настоящихъ моихъ наброскахъ.

Михаилъ Григорьевичъ, нашъ одноклассникъ по Дворянскому полку, гораздо, впрочемъ, насъ старшій по выпуску,—лицо, всегда насъ живо интересовавшее. У него мы видѣли цѣлый алтарь, созданный изъ образовъ, и шкафъ для храненія щитовъ, копій, мечей, шашекъ, блюдъ, ковшей, чашъ, братинъ и прочихъ предметовъ, ему поднесенныхъ въ Россіи, Сербіи, въ предѣлахъ Средней Азій и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ только гремѣло его имя. Личность Черняева въ высшей степени характерная, и что бы ни говорили его многочисленные противники, но это имя останется не только на скрижаляхъ русской исторіи, но, что еще важнѣе, въ памяти народной; никогда, между прочимъ, не забудется то, что Михаилъ Григорьевичъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262.

былъ первый вождь въ побѣдоносномъ вторженіи Россіи въ Среднюю Азію; никогда не забудется, что съ ничтожной горсточкой славныхъ русскихъ воиновъ—и съ запретомъ въ карманѣ о томъ, чтобы не двигаться впередъ, съ запретомъ, который онъ такъ и оставилъ въ карманѣ,—Черняевъ двинулся и взялъ твердыни Ташкента. То былъ первый ударъ славнаго русскаго витязя, и затѣмъ Россія изъ года въ годъ, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, заполонила цѣлыя пространства необъятнаго царства. Кто съ той поры и понынѣ въ Россіи не знаетъ Михаила Григорьевича! Это—человѣкъ, весь изъ нервовъ состоящій, человѣкъ движенія, беззавѣтной отваги, пламенно любящій отечество, глубоко сознающій его мощь, достоинство и значеніе.... Мы далеко бы отвлеклись отъ нашихъ путевыхъ замѣтокъ, если бы послѣдовали за нимъ въ его воспоминаніяхъ, охотно, въ живой и увлекательной рѣчи намъ излагавшихся въ московской нашей съ нимъ бесѣдѣ, далеко ушедшей за полночь. Я позволю себѣ здѣсь привести лишь нѣсколько самыхъ отрывочныхъ штриховъ изъ его сказанія, причемъ ограничиваюсь лишь нѣсколькими данными къ періоду его юности; его воспоминанія о близкомъ къ намъ времени, 1875—1878 годахъ, оставляемъ въ замѣткахъ нашихъ, въ архивѣ «Русской Старины», до того времени, когда наступитъ для нихъ хотя бы относительная историческая давность.

Михаилъ Григорьевичъ родился въ 1828 году, въ Бендерахъ, гдѣ отецъ его служилъ. Родомъ Черняевъ изъ Новгорода и въ эпоху разгрома Велико-Новгородской державы предокъ Черняева былъ сосланъ въ одинъ изъ остроговъ обширнаго Московскаго царства. При двоецарствіи Петра и Іоанна Черняевы значатся въ числѣ дворянъ. Отецъ Михаила—Григорій Черняевъ въ 1805 году кончилъ курсъ въ шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ Новоингерманландскомъ полку, дослужился до майора и, оставя военную службу, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Могилевской губерніи; ему покровительствовалъ князь М. С. Воронцовъ, въ корпусѣ котораго во время войнъ служилъ Григорій Черняевъ. Женатъ онъ былъ на французкѣ. Михаилъ Григорьевичъ воспитывался въ могилевской губернской гимназіи, въ которой дошелъ до IV класса, откуда перешелъ въ Дворянскій полкъ въ 1841 году, гдѣ шелъ все время очень хорошо и фамилія его постоянно была на красной доскѣ. «Прохожденіе четырехъ классовъ гимназіи, говорилъ намъ М. Г., очевидно, послужило хорошимъ залогомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ моимъ въ наукахъ». Мальчикъ, подобно отцу своему, постоянно являлъ порывы къ самостоятельности, за что неоднократно разжаловывали его изъ ефрейторовъ въ рядовые кадеты, но юноша ни мало не падалъ духомъ и шелъ въ

наукахъ превосходно. На 17-мъ году онъ выдержалъ послѣдній выпускной экзаменъ съ правомъ поступить въ артиллерію съ прикомандированіемъ къ генеральному штабу; оставшись, однако, по собственному желанію, еще на годъ въ Дворянскомъ полку, М. Г. вышелъ въ гвардію, именно въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, прапорщикомъ.

«Объ образѣ тогдашняго воспитанія въ Дворянскомъ полку могу замѣтить, разсказывалъ намъ М. Г., что оно было жестокимъ; но зато тамъ выработывались характеры сильныя. Я помню своихъ товарищей,—все они прошли школу жизни чрезвычайно суровую. Командиръ нашъ, генераль Пущинъ, считался человѣкомъ образованнымъ, но образование это, по моему, не простиралось далѣе знанія французскаго языка и поверхностной начитанности ¹⁾. Приведу примѣры его обращенія съ воспитанниками. Однажды насъ вводятъ въ столовое зало (это было вскорѣ послѣ моего поступленія въ Дворянскій полкъ). Мертвая тишина. Является Пущинъ и начинаетъ рѣчь держать.—Я, говоритъ, восемь лѣтъ командуя полкомъ, и т. д., и кончилъ тѣмъ, что скомандовалъ: «Конвойныя, введите арестантовъ!» Эти арестанты были изъ предшествовавшаго выпускному классу—Сброжекъ и Облудкій. Преступленіе ихъ заключалось въ томъ, что у Облудкаго нашли въ сапогѣ нюхательный табакъ, а Сброжекъ что-то такое отвѣтилъ не ладно ротному командиру, Ч***, который сначала пожаловался, а когда увидѣлъ, какъ принялъ эту жалобу Пущинъ,—хотѣлъ было на попятный дворъ, но уже было поздно. Эти несчастные кадеты идутъ блѣдные какъ смерть.

— Лѣсу! закричалъ Пущинъ.

Принесли двѣ скамейки и ворохъ розогъ. Кадетъ разложили на двухъ скамейкахъ, какъ разъ противъ нашей роты, и начали ихъ сѣчь. Я смотрѣлъ сначала на эту экзекуцію съ какимъ-то любопытствомъ, но затѣмъ у меня потемнѣло въ глазахъ, я упалъ и, не помню какъ, очутился у фельдшера. Съ тѣхъ поръ такой страхъ былъ у меня и такое отвращеніе къ этому дому воспитанія, что ужасъ!

Другой образчикъ нашего воспитанія.

Вел. князь Михайль Павловичъ былъ за что-то разсерженъ на Пущина. И вотъ однажды повели Дворянскій полкъ въ первый кадетскій корпусъ на репетицію майскаго парада. Пріѣзжаетъ вел.

¹⁾ Въ обширномъ архивѣ «Русской Старины» давно лежатъ записки покойнаго Веригина, одного изъ сослуживцевъ по гвардіи съ Пущинимъ; въ этихъ запискахъ много, между прочимъ, для характеристики этого человѣка.

князь (онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ) и начинаетъ распекать, что шевелятся во фронтѣ. Затѣмъ, обратившись къ Пушину, говоритъ:

— Вы, кажется, сами прошли хорошую школу, а между тѣмъ не умѣете служить!

Пушинъ когда-то былъ разжалованъ въ солдаты.

Кадеты съ репетиціи, обыкновенно, возвращались прямо въ свои камеры, а тутъ, видимъ, ихъ повели прямо въ манежъ. (Я въ то время былъ въ неражированной ротѣ и въ строй не выходилъ). Потомъ рассказывали, что Пушинъ поступилъ ужасно, а именно: онъ предложилъ ротнымъ командирамъ вызвать тѣхъ, кто, какъ было замѣчено, шевелился во фронтѣ; чтобы смягчить наказаніе, ротные вызвали лучшихъ кадетъ. Но Пушинъ точно также закричалъ: «лѣсу!» Принесли семь скамеекъ, розогъ, и началась порка. Одного запороли такъ, что онъ не могъ уже встать. Его за-мертво принесли въ нашу роту и положили на кровать; затѣмъ пришелъ докторъ и засѣченного замертво перенесли въ лазаретъ. Это былъ кадетъ Яниковъ; этотъ-то случай, впрочемъ, и сгубилъ Пушина, хотя онъ еще цѣлый годъ у насъ оставался послѣ этого. Дѣло въ томъ, что кадетъ Яниковъ имѣлъ какихъ-то родственниковъ при императрицѣ, которые и довели до свѣдѣнія ея величества о всемъ случившемся. Послѣ экзекуціи у Яникова стала постоянно болѣть грудь, вслѣдствіе чего его взяли изъ корпуса и опредѣлили въ гражданскую службу. Такимъ образомъ это дошло, черезъ императрицу, до свѣдѣнія государя Николая Павловича, и тогда Пушину приказано было быть осторожнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было наказывать розгами не иначе, какъ по рѣшенію комитета, составленнаго изъ инспектора классовъ и ротныхъ командировъ, подъ предсѣдательствомъ Пушина, и это нѣсколько его сдерживало. И что только невидѣлывалъ у насъ этотъ бѣшенный человѣкъ! Бывало, поѣдетъ въ городъ, тамъ у него выйдетъ какая нибудь неприятность, онъ пріѣзжаетъ въ столовое зало и всѣхъ, кто за чернымъ столомъ, начинаетъ пороть безпощадно.

Изъ учителей моего времени, продолжалъ М. Г., припоминаю Иррина Иванова Введенскаго, онъ оживлялъ нашъ классъ и превосходно говорилъ; Бычкова, Афанасія Ѳедоровича; это былъ также преподаватель съ обширными знаніями, въ высшей степени добросовѣстный и отлично читалъ русскую словесность. Фортификацію преподавали намъ Загоскинъ и А. И. Шмидтъ. Законъ Божій читалъ свящ. Рождественскій,—человѣкъ сердечный и хорошій преподаватель; и Исторію—Мих. Ив. Касторскій, педантъ въ высшей степени; надъ нимъ подтрунивали.

Товарищество въ наше время было удивительное. У насъ, между прочимъ, не было обыкновенія бить новичковъ; суровость нравовъ была такъ велика, что у насъ и подъ розгами считалось за безчестье выдать товарищей. Батальоннымъ командиромъ былъ Грунтъ, живодеръ въ высшей степени; такъ однажды онъ въ лагеряхъ какого-то воспитанника вздумалъ пороть. А вѣдь считалось молодецествомъ закусить палецъ или что нибудь и не кричать подъ розгами. Онъ его поретъ—ни звука.

— «А! тебя не пробираетъ. Переверните его на животы!»... Но тутъ между кадетами произошелъ бунтъ... Результатомъ его было то, что семь человекъ сослали на Кавказъ въ линейные батальоны юнкерами.

Что касается до Пущина, то ему предложено было ѣхать за границу, и тамъ онъ сначала ослѣпъ, а потомъ и умеръ.

Любовь къ военному дѣлу, какъ ни странно это сказать, прививалась у насъ самою суровостью воспитанія.

Въ каждой ротѣ было у насъ по два старыхъ унтеръ-офицера, все большею частію изъ золотой роты; они получали отличное содержаніе и назывались «дядьками». Назначеніе этихъ унтеръ-офицеровъ было рассказывать кадетамъ про походы и сраженія, дабы возбуждать охоту къ военному дѣлу.

Государь Николай Павловичъ сердечно обращался съ кадетами. Я до сихъ поръ помню, какъ мы всё заплакали, когда онъ поздравилъ насъ съ производствомъ въ офицеры.

— «Поздравляю васъ офицерами, сказалъ государь. Если кто изъ васъ будетъ въ несчастіи, обращайтесь прямо ко мнѣ, а я съ своей стороны надѣюсь, что вы, въ случаѣ нужды, не выдадите вашего стараго петергофскаго товарища».

Я поступилъ въ военную академію въ 1849 г., когда во главѣ ея стоялъ ген.-адъют. И. О. Сухожанетъ. Расскажу эпизодъ про него. Государь Николай Павловичъ замѣтилъ, что на выходахъ во дворцѣ весьма мало бываетъ академическихъ офицеровъ. И вотъ мы получаемъ (это было во время Рождества) повѣстки въ 8 часовъ утра прибыть въ академію и дожидаться прибытія директора. Мы всё собрались, ждемъ. Вотъ 12 часовъ уже, проголодались ужасно. Намъ разрѣшили на пять минутъ выдти, чтобы что нибудь съѣсть. Выбѣжали мы въ кондитерскую, захватили пирожковъ и маршъ назадъ. До 8 часовъ вечера дожидались, когда пріѣхалъ отъ Сухожанета курьеръ и сказалъ, что генераль сегодня не будетъ и что его пр—во приказали завтра собраться въ 8 часовъ и ожидать его. Такимъ образомъ онъ въ свое-

образной формѣ оставилъ насъ безъ обѣда. На другой день онъ пріѣхалъ въ 4 часа пополудни и разругалъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день былъ дежурный отъ академіи и писалась бы вице-директору репортичка—кто не былъ, какія лекціи были, и приказано было пріѣзжать къ нему въ домъ къ 8-ми часамъ вечера, послѣ лекцій, и дожидать, пока онъ потребуетъ къ себѣ; а если выйдетъ, то не подходить и не рапортовать ему, пока онъ самъ не скажетъ. Со мной былъ такой случай у него. Я пріѣхалъ въ 8 часовъ и стою съ репортичкой. Онъ отправляется въ театръ; проходить мимо меня, показывая видъ, что не замѣчаетъ, и уѣзжаетъ. А приказъ былъ такой: въ 8 часовъ пріѣхать и до 12 дожидать, если не будетъ раньше отпущенъ. Въ 12 часовъ Сухозанетъ возвратился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «извольте». Подходить нужно было по всѣмъ правиламъ и рапортовать».

Михаилъ Григорьевичъ въ дальнѣйшемъ разказѣ своемъ сообщилъ намъ множество интересныхъ подробностей объ участіи своемъ въ войнѣ на Дунаѣ въ 1854-мъ году, въ Севастополѣ 1855 г., въ Средней Азіи 1865—1866 гг. и въ Турецко-Сербской войнѣ 1876 г., вызвавшей на борьбу всю Россію и имѣвшей такія громадныя послѣдствія... Передача этихъ подробностей завлекла бы насъ слишкомъ далеко и мы ограничимся сообщеніемъ здѣсь одного эпизода изъ эпопеи среднеазиатскихъ походовъ Черняева... Эпизодъ этотъ вполне характеризуетъ не только его мужество и рѣшительность, давно, впрочемъ, извѣстныя, но главное—его отличное знаніе свойствъ среднеазиатскаго населенія и какъ надо съ нимъ дѣйствовать.

— «Когда заходитъ рѣчь о дѣйствіяхъ нашихъ въ Азіи, въ обществѣ ли, или въ печати, то обыкновенно думаютъ, что стоитъ намъ только двинуться по направленію къ Индіи, какъ тамъ все возстанетъ противъ англичанъ,—непростительное самообольщеніе. Каждый народъ тяготится чужеземнымъ господствомъ, какъ бы оно мягко ни было, и всегда готовъ воспользоваться случаемъ, чтобы его сбросить. За примѣрами ходить не далеко. Возьмемъ вассальныя отношенія Сербіи и Румыніи до послѣдней войны. Чего, повидимому, нужно было обѣимъ странамъ, а между тѣмъ сколько обоими народцами было пролито крови, чтобы достигнуть официальной независимости, тогда какъ фактически они давно уже ею пользовались. Въ данномъ случаѣ то же самое. Если индійцы въ тайнѣ недовольны англичанами, то и среднеазіаты совсѣмъ не прочь вернуться къ своему прошлому родному. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что если мы двинемся на англичанъ, то индійцы тотчасъ же ударятъ на нихъ съ тылу, а среднеазіаты подымутъ знамя бунта противу насъ. И тѣ и другіе будутъ

ожидать результата единоборства, чтобы со всѣхъ концовъ устремиться на побѣжденнаго. Такимъ образомъ вопросъ о движеніи противъ Индіи есть вопросъ о преобладаніи надъ всѣмъ азіатскимъ материкомъ съ его миллиарднымъ населеніемъ. По этому поводу разскажу я,—говорилъ намъ М. Г.,—одинъ изъ эпизодовъ, который случился немедленно послѣ взятія мною Ташкента. Послѣ взятія этого города я не смѣлъ вступить въ него, не смотря на то, что онъ покорился, оружіе было отобрано и всѣ пушки намъ были сданы. Кстати объ ихъ пушкахъ. Надо замѣтить, что передъ этимъ ташкенцы напали на уральскихъ казаковъ, при которыхъ было всего лишь два горныхъ орудія; ташкенцы, которыхъ было до 10,000 человѣкъ, окружили сотню нашихъ казаковъ со всѣхъ сторонъ; они двое сутокъ отбивались отъ нихъ, ожидая помощи. Последняя, дѣйствительно, была выслана, но, увидя огромное скопище враговъ, помощь вернулась назадъ и оставила казаковъ на жертву ташкенцамъ. Тогда казаки бросили двѣ пушки и рѣшились пробиваться сквозь эту толпу; лошадей своихъ зарѣзали и рѣшили, что раненыхъ не будутъ подымать. Результатомъ было то, что изъ 100 человѣкъ вернулось 47, и всѣ раненые, которые могли идти, остальныхъ же раненыхъ, требовавшихъ помощи, они бросали на мѣстѣ и видѣли, какъ ихъ убивали враги. Захвативъ два брошенныя орудія, въ теченіи зимы отлили, по ихъ образцу, 48 орудій, а такъ какъ у нихъ мѣди не было, то они употребили въ дѣло самовары и другую мѣдную посуду.

Такимъ образомъ, повторяю, я не смѣлъ войти во взятый городъ въ виду его крайне многолюднаго населенія, въ которомъ утонула бы горсточка моихъ витязей, и стоялъ я около Ташкента лагеремъ. Крѣпостная стѣна тянулась на 24 версты. У насъ было войска 1,100 человѣкъ и 10 пушекъ. Между тѣмъ бухарскій эмиръ, еще не зная о взятіи Ташкента, двинулся ему на помощь, предварительно собравъ до 70,000 человѣкъ. Когда я взялъ Ташкентъ, эмиръ дошелъ до переправы черезъ Сыръ-Дарью и оттуда прислалъ ко мнѣ посольство съ весьма грознымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, требовалъ немедленнаго моего отступленія, грозя иначе истребить всѣхъ до послѣдняго человѣка. — «Ты, писалъ онъ мнѣ, долженъ помнить, что не только Ташкентъ принадлежалъ моимъ предкамъ, но и Россія до города Владиміра». — Положеніе мое было критическое. Имѣя 85 раненыхъ на рукахъ, я находился у громаднаго города, на вѣрность котораго никоимъ образомъ не могъ положиться, а между тѣмъ скопища враговъ какъ тучи надвигались на меня.

Положеніе мое, однако, облегчалось нѣсколько тѣмъ, что въ самой средѣ многочисленнаго населенія Ташкента была довольно значи-

тельная партія недовольныхъ прежнимъ азіатскимъ управленіемъ страны; тамъ еще до приближенія моего къ этому городу стала образовываться партія въ пользу присоединенія его къ Россіи.

Итакъ, получаю я письмо отъ эмира бухарскаго; въ отвѣтъ ему я высказалъ, что пока у меня останется хоть одинъ солдатъ, онъ, эмиръ, не увидитъ Ташкента, и не совѣтывалъ ему ссориться съ Россіей. Виѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ послалъ нарочнаго въ Оренбургъ; то было время, когда купцы съ караванами бухарскихъ товаровъ были на нижегородской ярмаркѣ; я просилъ всѣхъ этихъ купцовъ задержать. Затѣмъ я созвалъ старшинъ городскихъ и объявилъ имъ, что посольство прибыло, будучи вполнѣ увѣренъ, что они уже знаютъ какъ о посольствѣ, такъ и о содержаніи письма эмира, такъ какъ они имѣли открытыя сношенія съ Бухарой (такой огромный городъ, имѣющій въ окружности 24 версты, невозможно было блокировать).

«Да, говорятъ, мы слышали».

— А знаете, что эмиръ пишетъ?

«Нѣтъ, не знаемъ», но, конечно, они отлично знали въ чемъ состояло письмо.

Я говорю: «переводчикъ, читай». И вотъ фізіономіи старшинъ стали вытягиваться при чтеніи письма. Надо вамъ замѣтить, что нашествіе бухарскаго эмира обыкновенно сопровождалось крайними неприятностями не только для мужчинъ, но и для женщинъ мѣстнаго населенія.

Когда письмо было прочтено, я сказалъ старшинамъ:

— Теперь вы отправляйтесь домой, заложите всѣ городскія ворота и не пускайте никого ни въ городъ, ни изъ города, а я пойду на встрѣчу эмиру. Если я одержу верхъ, тогда между нами все останется по старому. Если же верхъ одержитъ бухарскій эмиръ, тогда совѣтую вамъ напасть на меня съ тылу и тѣмъ пріобрѣсти его благоволеніе.

Они обѣщали съ точностію все исполнить.

Между тѣмъ бухарскій эмиръ, получивъ мое письмо, повернулъ на Коканъ, и тогда установилось между мною и населеніемъ Ташкента самое полное довѣріе. Мы понимали другъ друга».

Но оставимъ Москву и москвичей и ѣдемъ далѣе въ Троице-Сергіеву лавру ¹⁾.

¹⁾ Между многими книгами и брошюрами, трактующими объ этой обители, укажемъ на «Историческое описаніе Святотроицкой Сергіевой лавры». М. 1882 г., въ 8 д. Время основанія монастыря относится къ 1350-мъ годамъ. Изъ источниковъ къ исторіи обители одинъ изъ важнѣйшихъ есть паданная академикомъ А. Ф. Бычковымъ: «Лѣтописъ Троице-Сергіева монастыря».

III.

Троице-Сергіева лавра.

I.

На пути вспоминаемъ, что эти 60 верстъ, отдѣляющія древнюю обитель отъ первопрестольной столицы, проходимы были, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, безчисленными богомольцами и богомолицами—пѣшкомъ, при чемъ шли на поклоненіе чисто великорусскому московскому святому угоднику не только простые люди, но и верховные вожди нашего отечества. Сама великая Екатерина II, очень хорошо знавшая, какъ высоко стоитъ и чтится народомъ память святаго Сергія, не только осыпала его обитель всевозможными дарами и приношеніями, главнымъ образомъ въ признательность за счастливое восхожденіе свое на престоль государства Россійскаго и за упроченіе ея державной власти, не только она посылала сюда дары, но совершала къ угоднику благоговѣйное хожденіе пѣшкомъ съ блестящею свитою, подобно тому, какъ сюда же шествовала, и неоднократно, ея предшественница и тетушка императрица Елисавета Петровна. Это поклоненіе со стороны Екатерины, почитательницы Вольтера и другихъ скептиковъ-философовъ XVIII вѣка, весьма знаменательно.— Намъ нынѣ не доводится ни уставать, ни обливаться потомъ въ качествѣ паломника: мы съ полнымъ удобствомъ катимъ сюда по чугункѣ. Вотъ и лавра.

Путь отъ вокзала къ ея стѣнамъ свершаемъ въ очень плохенькихъ дрожкахъ; клячки дрянныя, экипажи скверные; сбруя чуть не рогожая; извозчики ободранные. Невольно думается: что бы сдѣлалъ сосѣдь нашъ нѣмецъ въ такомъ бойкомъ мѣстѣ и такъ много посѣщаемомъ, какъ Троице-Сергіева лавра?! Дорога бы лежала у него отъ вокзала скатертью; экипажи были бы щегольскіе, извозчики были бы настоящіе бюргеры, съ сигарой въ зубахъ, съ газетой въ рукѣ,—словомъ сказать, такъ бы и блистало тою чистотою, тѣмъ комфортомъ, которые составляютъ неизмѣнные спутники общенароднаго развитія за рубежомъ нашего отечества. Но у насъ тутъ, почти подъ самой Москвой и, повторяю, въ мѣстѣ, въ которомъ въ сутки перебиваются тысячи всякаго люда, ничто еще не напоминаетъ о цивилизаціи. Самый посадъ при Лаврѣ представляетъ большія залежи грязи, безобразной булыжной мостовой. Въ гостинницѣ монастырской

мы встрѣчаемъ толпу оборванныхъ, грязныхъ служителей, словомъ, Европы нѣтъ и не видно.

Спѣшимъ въ монастырь. Тутъ во всѣхъ постройкахъ видна новизна или старина, далеко не отдаленная. Все, надо, впрочемъ, признать, чисто, все выбѣлено, все лоснится, все блеститъ. Народъ такъ и кипитъ повсюду. Миѣ объясняютъ, что такъ какъ еще май мѣсяцъ и полевая работа только лишь въ началѣ, то народъ спѣшитъ выслать сюда своихъ богомольцевъ и въ особенности богомолковъ. Въ церквахъ, предъ главнымъ алтаремъ и въ придѣлахъ, идетъ ужасная давка и пробиться къ алтарю нѣтъ возможности. На трапезѣ, устраиваемой ежедневно монастыремъ народу, море головъ... Вокругъ церквей, виднѣется ли колодезь, стоитъ ли монументъ какой съ незначительной чугунной оградой изъ цѣпи и каменныхъ тумбъ, вы видите многихъ ползущихъ на колѣняхъ и благоговѣнно лобзающихъ либо эту цѣпь, либо ковшикъ съ чистою водою. И думаютъ эти простые, эти добрые русскіе люди, что всѣ эти предметы были при самомъ чудотворцѣ Сергіи, что ко всему этому св. угодникъ прикасался своими устами, а потому всѣ эти предметы вмѣщаютъ въ себѣ живительную силу, которая и воспріимается при благоговѣнномъ прикосновеніи къ этимъ священнымъ яко-бы предметамъ; и къ чему было бы разубѣждать этихъ простыхъ людей: они пришли сюда издалека, нѣкоторые тысячи за двѣ версты, преодолевая тяжкую нужду, нерѣдко питаюсь Христовымъ именемъ, либо борясь съ тяжкимъ тѣлеснымъ недугомъ... И пусть уйдутъ съ тѣмъ же чувствомъ безпредѣльнаго благоговѣнія къ памяти святаго подвижника, который предъ ними вырастаетъ въ какомъ-то мнѣческомъ образѣ. Эта сѣрая масса не знаетъ ни вѣка, когда жилъ святой Сергій, ни его подвиговъ, во славу отечества и церкви имъ совершенныхъ; эта масса не можетъ даже прочесть сказанія о его дѣяніяхъ: она погружена во мракъ безграмотности; но она по преданію и инстинктивно чтитъ въ немъ святаго мужа, любившаго отечество, молившагося и благословлявшаго народъ русскій на все доброе, на все благое, а нынѣ предстательствующаго у престола Всевышняго за всѣхъ бѣдствующихъ, страждущихъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ... И эта масса молится и поминаетъ въ своихъ молитвахъ его святое имя.

Мы спѣшимъ къ намѣстнику Лавры. Радужно встрѣчаетъ онъ насъ и съ чувствомъ искренняго уваженія приближаемся мы къ этому почтенному старцу.

Архимандритъ Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, воспитанникъ перваго московскаго кадетскаго корпуса 1835—1840 гг., прекрасно кончивъ курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи,

поступилъ въ лейбъ-гвардіи Волинскій полкъ и усердно несъ въ немъ полковую службу въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, съ 1840 по 1852 годъ. Онъ уже былъ капитанъ гвардіи; предъ нимъ лежала блестящая дорога дальнѣйшей карьеры—полковникъ, генераль, командиръ бригады, дивизія, быть можетъ, корпуса. Между тѣмъ въ воздухѣ пахло порохомъ, надвигались грозныя тучи восточной войны и ополченія противъ насъ всей Европы, а съ этой бурей, конечно, явились бы и боевыя отличія для браваго капитана, — но онъ уже пресыщенъ свѣтскою жизнью и суетой суетъ; ничто въ немъ его не соблазняетъ; и вотъ Л. А. Кавелинъ удаляется въ Оптину пустынь, въ Калужской губерніи, и въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1852 по 1857 годъ, въ иноческихъ подвигахъ готовить себя къ отреченію отъ міра, къ постриженію въ монахи. Этотъ постригъ человѣка, съ глубокимъ сознаниемъ всей важности предпріяятаго подвига, человѣка, покидавшаго въ мірѣ и почетъ, и блестящее положеніе, человѣка глубоко и искренно религіознаго, совершается 7-го сентября 1857 года, въ той же пустыни. Въ томъ же году новый инокъ Леонидъ отправляется на дальній востокъ членомъ іерусалимской духовной миссіи, въ званіи іеромонаха. Въ 1864—1865 годахъ мы его видимъ тамъ начальникомъ помянутой миссіи; съ 1865 по 1869 годъ онъ занимаетъ постъ настоятеля Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ имянуемаго, монастыря; наконецъ, съ 1877 г. онъ занимаетъ высокій постъ намѣстника Троице-Сергіевой лавры и съ честью и величайшимъ достоинствомъ несетъ труды, съ этимъ высокимъ званіемъ сопряженные; его чтутъ, его уважаютъ. Съ тою отзывчивостью на все хорошее, съ тѣми способностями, которыми отличались и отличаются очень многіе питомцы корпусовъ, архимандритъ Леонидъ издавна посвятилъ себя, кромѣ трудовъ служебныхъ, съ его духовнымъ званіемъ сопряженныхъ, трудамъ въ области науки. Это искренній и, какъ подобаетъ вообще монаху, вполне безкорыстный подвижникъ въ области научнаго труда. Его сообщенія, его очерки, его изслѣдованія по археологіи, исторіи церкви и исторіи государства русскаго, его труды по отношенію къ жизнеописаніямъ достопамятныхъ дѣятелей русскихъ, наконецъ, по обзорнѣю разныхъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ и цѣнныхъ для науки въ нихъ открытій,—всѣ эти труды, если ихъ перечислить, доходятъ до цифры 700 нумеровъ; въ ихъ найдете въ историческихъ и археологическихъ повременныхъ изданіяхъ, сборникахъ и извѣстіяхъ, въ разныхъ духовныхъ органахъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ, наконецъ, во множествѣ отдѣльныхъ брошюръ. Въ какой бы обители о. Леонидъ ни былъ, онъ всюду принимался, прежде всего, за обзорнѣе ея древлехранилища, за исторію той обители, за изслѣдованіе

о тѣхъ или другихъ достопамятностяхъ, съ этимъ монастыремъ соединенныхъ. А пріобыкъ онъ владѣть перомъ давно; мы помнимъ, еще въ юныхъ годахъ, переглядывая «Журналъ военно-учебныхъ заведеній», очень полезный для своего времени журналъ для юношества, мы въ немъ нашли, подъ 1839 годомъ (сентябрь), статью Льва Кавелина, нынѣ архимандрита Леонида, о бородинскихъ маневрахъ. Любилъ и любить архитектуру и науку архимандритъ Леонидъ и всегда внимательно и дружественно относится онъ къ подвижникамъ словесности и исторіи. Нашъ предшественникъ, въ качествѣ издателя историческаго повременнаго сборника, О. М. Бодянской, былъ наиболѣе близкимъ человѣкомъ, даже другомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, архимандрита Леонида. «Императорское московское общество исторіи и древностей» видитъ въ почтенномъ архимандритѣ одного изъ самыхъ усердныхъ своихъ членовъ. Любопытно, что, будучи еще въ міру, писалъ онъ и стихи; въ архивѣ «Русской Старины» мы съ удовольствіемъ находимъ слѣдующій переводъ архимандрита Леонида изъ его любимаго нѣкогда поэта Мицкевича. Переводилъ, конечно, не архимандритъ, а еще бравый гвардейскій офицеръ Левъ Александровичъ Кавелинъ, въ то время, когда онъ печатался въ «Иллюстраціи», издававшейся А. П. Башуцкимъ въ началѣ 1840-хъ годовъ.

Достоуважаемый отецъ архимандритъ, вѣроятно, не посѣтуетъ, если мы выпишемъ одинъ изъ его поэтическихъ переводовъ за время 1840 года.

Вилія.

(Переводъ изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкевича).

Вилія, рѣкъ родныхъ царица,
Вилія славится давно;
Ликъ ея свѣтлѣй денницы,
Золотое кроетъ дно...

У литвинки лѣкъ нѣжиѣ,
Сердце чище и свѣтлѣе (припѣвъ).

* * *

Вилія ковенской долиной
Протекаетъ межъ цвѣтовъ.
Предъ литвиночкой-богиней
Цвѣтъ литовскихъ молодцовъ:
Всѣ краснѣй и милѣй
Розъ, тюльпановъ п лилей.

* * *

Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Мчатся съ ней черезъ скалы,
 Къ груди холодной прижимаетъ,
 Плещутъ мутные валы.
 И вотъ оба мчатся дружно
 Въ море съ пѣною жемчужной.

* *

Отъ цвѣточковъ отдалилась,
 Вилья къ Нѣману спѣшить,
 А литвинка загордилась,
 Нашихъ юношей бѣжить:
 Чужеземецъ ей по сердцу,
 Предалася пновѣрцу.

* *

Но грозить напрасно рокъ;
 Глухо сердце и потокъ;
 Сердце любить и страдаетъ..
 Вилья къ Нѣману спѣшить,
 Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Лаской, нѣгою поя.
 Дѣва плачетъ и страдаетъ,
 Въ кельѣ грусть свою тая.

* *

Такъ литвинку молодую
 Чужеземецъ увлечетъ
 Въ страну дальнюю, чужую,
 Въ бездну гори и заботъ.
 И въ забвеніи, въ слезахъ
 Ты потонешь, какъ въ волнахъ.

Застали мы отца архимандрита за большимъ трудомъ: онъ занимался составленіемъ научнаго обзора описанія громаднаго собранія рукописей незабвеннаго археолога графа А. С. Уварова. Это собраніе заключаетъ въ себѣ до 2,250 манускриптовъ, изъ которыхъ лишь до 750 было нѣкогда описано П. Строевымъ, остальные не были изслѣдованы, и значеніе ихъ не было опредѣлено. Архимандритъ Леонидъ, съ обычной своей пытливостью и знаніемъ дѣла, трудится надъ составленіемъ этого весьма важнаго для науки обозрѣнія и описанія. Рукописей много есть въ этомъ собраніи вполне драгоцѣнныхъ и древнѣйшія изъ нихъ, хотя, конечно, весьма немногія, восходятъ до конца XV-го и начала XVI-го столѣтій. О важности этого труда мы можемъ убѣдиться изъ небольшого сообщенія, которое, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ архимандритъ Леонидъ на страницахъ «Русской Старины» (изданіе 1888 года, т. LIX, июль), въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Откуда родомъ святая великая княгиня Ольга» (стр. 215 и слѣд.). Извѣстно, что на основаніи свидѣтельства соста-

вителя пространнаго житія святой Ольги въ Степенной книгѣ, т. е. въ памятникѣ русской письменности XVI-го вѣка, утвердилось мнѣніе, что святая Ольга «изъ плесковской страны, иже отъ области царствія русскія земли», т. е. разумѣлась псковская страна («Русская Старица», стр. 216), между тѣмъ, въ одномъ изъ историческихъ сборниковъ второй половины XV-го вѣка, принадлежащихъ собранію графа А. С. Уварова, архимандритъ Леонидъ нашель, подъ 903 годомъ, въ обрывкѣ изъ древняго лѣтописца такіа строки: «Игоря же (Олегъ) жени въ болгарѣхъ; поять за него княжну именемъ Олгу. И бѣ мудра вельми». Далѣе слѣдуетъ описаніе похода Олега на Царьградъ. Въ замѣткѣ, составленной по нашей просьбѣ архимандритомъ Леонидомъ, въ развитіе разъясненія своей находки, авторъ приводитъ весьма любопытныя соображенія, подтверждающія указанія найденнаго имъ списка XV-го вѣка о томъ, что Ольга только въ воображеніи составителя ея житія, относящагося, по времени созданія сего житія, на цѣлыя 100 лѣтъ позже нынѣ найденнаго лѣтописца, была изъ псковской страны, между тѣмъ какъ она именно была не кто другая, какъ княжна болгарскаго рода, въ каковой странѣ и былъ древній городъ Плесковъ, основанный еще Константиномъ Великимъ.

Не пойдемъ, однако, на этотъ разъ за розысканіями архимандрита Леонида въ сокровищницу рукописей, имъ нынѣ описываемыхъ; отправимся въ монастырскую бібліотеку.

Библіотека Лавры приведена въ отличный порядокъ и многочисленное собраніе рукописей описано однимъ монахомъ, каковое описаніе, составляющее обширный томъ, помѣщено въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ». Это описаніе—вполнѣ солидный вкладъ въ отечественную науку—весьма долго оставалось неизданнымъ, и, слѣдовательно, могло подвергнуться всякой случайности утраты; благодаря только энергіи и настоянію архимандрита Леонида обязаны мы, что помянутое описаніе явилось, наконецъ, на страницахъ «Чтеній общества исторіи и древностей російскихъ» и сдѣлалось достояніемъ всѣхъ тѣхъ лицъ, для которыхъ особенно важно знать сокровища бібліотеки Троице-Сергіевой лавры.

Многихъ подвижниковъ науки взростила и взлелѣяла эта обитель какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и подъ своею сѣнью! Не вспоминая длиннаго ряда опочившихъ ея тружениковъ, главнымъ образомъ подвизавшихся въ стѣнахъ московской духовной академіи, въ этой же лаврѣ находящейся, упомяну лишь о нѣсколькихъ лицахъ, нынѣ живущихъ въ Троице-Сергіевомъ посадѣ и извѣстныхъ въ ученой

литературѣ русской и славныхъ своей профессорской дѣятельностью въ духовной академіи, таковы, напр., Евгений Евстигнеевичъ Голубинскій, ординарный профессоръ помянутой академіи, небольшого роста, коренастый, сильный мужчина; онъ живетъ въ своемъ собственномъ домикѣ, заботливо и прекрасно выстроенномъ, въ которомъ, конечно, бібліотека занимаетъ, какъ говорится, красный уголь. Онъ не словоохотливъ, но въ немъ видна мощь ума глубокаго, видна сила трудолюбца замѣчательнаго; его исторія русской церкви въ древнѣйшемъ ея періодѣ занимаетъ чрезвычайно почетное мѣсто не только въ литературѣ русской, но и въ сферѣ науки всего славянскаго міра. Николай Ивановичъ Субботинъ, профессоръ той-же духовной академіи; мы его посѣтили также въ его собственномъ домикѣ, видѣли его громадную бібліотеку и длинныя ряды его собственныхъ изданій.

Николай Ивановичъ родился въ 1827 году, получилъ образованіе во владимірской семинаріи, прошелъ духовную московскую академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1852 году; въ 1862 году онъ выступилъ, во всеоружіи знаній раскола, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ силъ своихъ, трудится неустанно на этомъ поприщѣ; сдѣлано г. Субботинимъ чрезвычайно много. Его историко-полемическія статьи, его біографическія этюды и характеристики вожаковъ раскола, въ его недавнемъ прошломъ и въ современномъ быту, сослужили большую службу отечеству. Онъ является носителемъ свѣта въ тотъ густой мракъ, который, къ вѣщему упроченію и развитію на Руси раскола, окутывалъ дѣятельность его многочисленныхъ вожаковъ и многомиліонную паству... Любопытно, что до 1862 г. цензура своимъ запретомъ писать о расколѣ была охранительницею этой болѣзни русскаго народа; она, т. е. та-же цензура, не доброй памяти дореформеннаго быта, съ близорукостью невѣжества, была лучшею помощницею вождей раскола; но вотъ въ 1862 году Н. И. Субботинъ, тогда еще молодой профессоръ, срываетъ эту завѣсу; его изслѣдованія, основанныя на массѣ добытыхъ документовъ, вводятъ грамотную Россію во всѣ тайники и лабиринты истинно мертваго царства русскаго раскола и оказывается, что именно гласность есть самое лучшее и самое сильное оружіе для борьбы съ этимъ страшнымъ противникомъ, въ теченіи 200 лѣтъ чрезвычайно далеко раскинувшимъ свои сѣти. Николай Ивановичъ Субботинъ не ослабѣваетъ и понинѣ въ своей публицистическо-ученой дѣятельности. Кромѣ отдѣльныхъ монографій и журнальныхъ статей и сообщеній, онъ въ теченіе уже тринадцати лѣтъ издаетъ журналъ «Вратское Слово»; это изданіе, по два выпуска въ мѣсяцъ, является весьма важнымъ источникомъ для каждаго, кто пожелалъ бы познакомиться

съ положеніемъ и движеніями въ области раскола, а въ то-же время и сильнымъ органомъ для борьбы съ нимъ. Сердечно желаемъ, чтобы труды Н. И. Субботина, повторяю, значительные и по количеству, и по ихъ значенію для государства, продолжали бы встрѣчать сочувствіе въ правящихъ сферахъ и, если не поддержку, то, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали бы себѣ, хотя бы и по какимъ нибудь недоразумѣніямъ, препятствія. Вообще дѣятельность этого человѣка, какъ мы ее понимаемъ, заслуживаетъ признательности каждаго русскаго, желающаго свѣта въ области мрака, въ которомъ погрязаютъ многомиліонные послѣдователи раскола. Познакомились мы съ молодымъ подвижникомъ науки И. Н. Корсунскимъ (род. въ 1849 году). Онъ интересовалъ насъ въ томъ отношеніи, что вся его научно-историческая дѣятельность посвящена изученію трудовъ и изясненію значенія многочисленныхъ заслугъ Филарета, митрополита московскаго (Дроздова), этого великаго свѣточа православной русской церкви. Г. Корсунскій—воспитанникъ тульской духовной семинаріи и московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1874 году. Занявши въ академіи мѣсто бібліотекаря и приватъ-доцента по кафедрѣ греческаго языка и словесности, онъ выступилъ, если не ошибаюсь, на ученую дѣятельность въ 1882 году, когда за свое сочиненіе «Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта» удостоенъ былъ степени магистра богословія и когда вслѣдъ затѣмъ занялъ кафедру, въ качествѣ доцента академіи по тому же предмету. Въ его учено-литературной дѣятельности, какъ мы уже выше замѣтили, видное мѣсто занимаютъ труды, посвященные памяти Филарета, митрополита московскаго. Назову нѣкоторые изъ нихъ:

«О подвигахъ Филарета, митрополита московскаго, въ дѣлѣ перевода библии на русскій языкъ» (М. 1883 г.).

«Филаретъ, митрополитъ московскій, въ своихъ катехизисахъ» (Москва, 1883 г.).

«Проповѣдническая дѣятельность Филарета, митрополита московскаго» (1884—1886 г.).

«Филаретъ, митрополитъ московскій, въ его отношеніяхъ и дѣятельности по переводу библии на русскій языкъ» (1886 г.).

«Дѣятельность митрополита московскаго Филарета въ холеру 1830—1831 гг.» (Москва 1887 г.) и проч.

Надо признать, что И. Н. Корсунскій избралъ благую часть, отдавъ свой талантъ, какъ ученаго труженика, на ознакомленіе многочисленныхъ читателей съ разнообразною и глубочайшаго значенія для православной русской церкви дѣятельностью Филарета Дроздова; онъ же, какъ государственный человѣкъ и какъ ученый и,

наконецъ, какъ іерархъ-администраторъ, представляетъ своими трудами источникъ для изученія не для одного ученаго и писателя, а для цѣлаго ряда изслѣдователей. Въ подтвержденіе этого стоитъ лишь напомнить объ издающемся нынѣ, по мысли и по плану оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, превосходномъ сборникѣ: «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. Моск. и Колом., по учебн. и церк.-государств. вопросамъ». (О первыхъ томахъ этого монументальнаго изданія были отзывы въ «Русской Старинѣ» 1886 и 1887 гг.) Какой неизсякаемый источникъ мудрости и результатовъ великаго опыта духовнаго правителя и мыслителя! ¹⁾.

II.

Нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ провела пишущій эти строки въ посадѣ Лавры, у Анны Дмитріевны Бантышъ-Каменской. Весьма образованная женщина, Анна Дмитріевна есть старшая дочь извѣстнаго историка Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго и внука въ высокой степени замѣчательнаго архивиста и ученаго Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. Она удалилась отъ суеты мірской весьма давно и вотъ уже 23 года живетъ въ Сергіевскомъ посадѣ. Въ маленькой квартиркѣ Анны Дмитріевны, нанимаемой ею въ деревянномъ домикѣ какого-то обывателя посада, все дышетъ стариной: стѣны украшены портретами, писанными на эмали и полотнѣ, портретами ея именитыхъ родичей и предковъ: тутъ и Кантемиры, и Кантакузены, и разные другіе бояре и боярыни XVIII и начала XIX вѣковъ; и говоритъ Анна Дмитріевна о нихъ точно о вчерашнихъ знакомыхъ, ее посѣтившихъ; живая рѣчь ея исполнена крайне интересными и характерными замѣтками,—такъ бы и хотѣлось все запечатлѣть въ своей памяти, но карандашъ нашъ не успѣваетъ слѣдить за ея бойкими разсказами. Съ особенною любовью говоритъ Анна Дмитріевна о своемъ отцѣ, который былъ дѣйствительно чело-вѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ: высоко-образованный, весьма гуманный, Дмитрій Николаевичъ былъ отличнымъ губернаторомъ въ предѣлахъ отдаленной Сибири въ 1826—1830-хъ годахъ,

¹⁾ Въ архивѣ «Русской Старины» довольно много копій съ помянутыхъ мнѣній и отзывовъ іерарха русской церкви; мы начали было помѣщать ихъ въ очеркѣ о его жизни, но какъ только сталъ являться въ свѣтъ, выпускъ за выпускомъ, превосходный сборникъ К. П. Побѣдоносцева, то мы прекратили тисненіе нашихъ рукописей-копій Филарета,—такъ какъ въ сборникѣ, съ перваго же его тома, стали являться онѣ съ подлинниковъ, а потому несравненно въ болѣе точномъ и полномъ видѣ. Ред.

вѣрнымъ другомъ своихъ друзей, и помощникомъ и защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ страдающихъ. Гораздо раньше, чѣмъ отъ Анны Дмитриевны, мы слышали воспоминанія о Дмитріи Николаевичѣ Бантышъ-Каменскомъ, съ какой сострадательностью онъ относился къ тѣмъ изгнанникамъ - декабристамъ, которые были привозимы въ 1826—1828-хъ годахъ въ Тобольскъ и отправляемы далѣе. А какъ любилъ онъ свое отечество, какъ много потрудился для него, между прочимъ въ качествѣ историка: взорщенный въ атмосферѣ московскаго главнаго архива, въ челѣ котораго стоялъ его отецъ, Дмитрій Николаевичъ очень рано посвятилъ себя изслѣдованію въ области исторіи Россіи; какъ составитель исторіи Малороссіи, какъ составитель разныхъ біографій достопамятныхъ людей земли русской, онъ приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Великій Пушкинъ считалъ его «настоящимъ историкомъ» и обращался къ нему за совѣтами и указаніями, когда составлялъ исторію Пугачевского бунта. Несравненно бѣльшій авторитетъ въ области науки отечественной исторіи—безсмертный Карамзинъ писалъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Жизнь его или, лучше сказать, дѣятельность его, какъ администратора въ отдаленной Сибири, вызвала нареканіе и преслѣдованіе со стороны сильныхъ враговъ его: начальника, генераль-губернатора Капцевича, а во главѣ этихъ враговъ стоялъ всемогущій въ 1830 годахъ графъ Сперанскій. Эпоху этихъ гоненій Бантышъ-Каменскій подробно рассказалъ въ обширной рукописи, озаглавленной имъ «Шемакинъ судъ въ XIX столѣтіи». Съ словоохотливостью чловѣка, извѣдавшаго утѣсенія и горе и ищущаго въ судѣ потомства найти возмездіе своимъ утѣснителямъ, Бантышъ-Каменскій съ горячностью подробно рассказалъ объ этомъ судѣ. Лишь извлеченіе напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1873 года, томъ VII, стр. 735—784. Впрочемъ, что же мы говоримъ о немъ и его трудахъ: еще недавно, именно въ ноябрѣ 1888 года, по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія Дмитрія Николаевича, мы посвятили, смѣемъ думать, довольно живой очеркъ его памяти. Для насъ лично эта память особенно дорога. «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», трудъ Бантыша-Каменскаго, былъ одинъ изъ первыхъ по времени трудовъ изъ русской исторіи и изъ жизнеописаній русскихъ дѣятелей, нами не то что прочтенный, но, можно сказать, проглоченный: до того онъ показался интереснымъ мнѣ, бывшему еще 17 лѣтнимъ юношей; кто знаетъ, быть можетъ, чтеніе именно этого труда и дало намъ толчекъ посвятить себя нашей скромной дѣятельности въ области отечественной исторіи вообще и изученію ея за XVIII и XIX вѣка въ особен-ности.

Любопытенъ, между прочими разсказами Анны Дмитріевны, дочери нашего историка, разсказъ о вскрытіи могилы князя Александра Даниловича Меншикова; онъ, впрочемъ, мало различествуетъ съ тѣмъ, что было напечатано нами изъ записокъ самого Вантыша-Каменскаго (см. «Р. Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 735—784).

Курьезенъ поступокъ правнука, сподвижника Петра Великаго, именно генераль-адъютанта князя А. С. Меншикова, который послѣшилъ доложить императору Николаю Павловичу о присылкѣ то бо лъскимъ губернаторомъ къ нему, кн. Меншикову, брови и нѣсколькихъ лоскутковъ отъ одежды Александра Даниловича; докладъ этотъ много повредилъ нашему историку въ его служебной карьерѣ и, можно сказать, былъ со стороны Меншикова одною изъ странностей. Вообще этотъ человѣкъ—мы говоримъ о князѣ А. С. Меншиковѣ,—отличавшійся большимъ умомъ, былъ, если такъ можно выразиться, не на высотѣ своего положенія. Въ ряду многочисленныхъ лицъ, говорившихъ намъ объ этомъ дѣятелѣ эпохъ Александра I, Николая I и Александра II, мы слышали о немъ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ; русское общество знаетъ Меншикова по безчисленнымъ его острословіямъ и анекдотамъ, но въ то же время признаетъ въ немъ крайняго себялюбца, эгоиста, не только не сѣмѣвшего, при своемъ громадномъ умѣ, стать въ ряды подвижниковъ великихъ освободительныхъ идей Александра II, а, напротивъ, дѣлавшаго все, что было въ его силахъ, къ противодѣйствію великимъ реформамъ Государя-Освободителя. Любопытно, что князь, какъ извѣстно, вель обширныя записки, а между тѣмъ, какъ утверждаютъ, послѣ его смерти проданъ былъ домъ въ одной его усадьбѣ, а вмѣстѣ съ домомъ проданы и эти записки, при чемъ, конечно, не позаботились узнать объ ихъ существованіи; если этотъ слухъ несправедливъ, то пріятно было бы услышать его опроверженіе. Всю жизнь князь А. С. Меншиковъ собиралъ и собралъ громаднѣйшую бібліотеку; въ ней было множество книжныхъ сокровищъ либо по крайней рѣдкости изданій, либо вообще по значенію содержанія книгъ и брошюръ. Мы помнимъ эту бібліотеку: она занимала обширное зало въ томъ домѣ, въ которомъ обиталъ старый вождь севастопольскаго гарнизона; но вотъ умираетъ князь; для перевозки изъ его квартиры вещей вся бібліотека сбрасывается въ беспорядочныя кучи среди обширной залы; изъ этой кучи прислуга, а за ней и букнисты растаскиваютъ на стороны наиболѣе цѣнныя изданія, при чемъ въ невѣжествѣ своемъ разрозниваютъ томы; все остальное сгребается въ безобразныя груды и новый владѣлецъ бібліотеки князя Меншикова недоумѣваетъ, куда сдать всѣ эти залежи книжныхъ сокровищъ; затѣмъ не придумы-

вають ничего лучшаго, какъ пожертвовать это книгохранилище юнкерскому училищу въ Ставрополь Кавказскій. По какой ассоціаціи идей обширное книгохранилище человѣка весьма просвѣщеннаго, интересовавшагося самыми разнообразными областями знанія и собравшаго весьма много изъ того, что появлялось лучшаго въ его жизни на книжныхъ рынкахъ, предназначено было въ даръ одному изъ военныхъ училищъ, каковымъ являлось юнкерское училище въ Ставрополь — это объяснить невозможно! Просто слѣпой случай. И вотъ множество ящиковъ съ книгами отправляется на окраину Россіи. Къ счастью, въ Тифлисъ, во главѣ археографической комиссіи состоялъ незабвенный ученый и труженикъ по исторіи Кавказа Адольфъ Петровичъ Берже. Его настоянію предъ мѣстными просвѣщенными властями Кавказа мы обязаны тѣмъ, что библиотека свѣтлѣйшаго кн. А. С. Меншикова была доставлена въ Тифлисъ, тамъ, насколько возможно, разобрана, и то, что необходимо для тифлискаго общественнаго книгохранилища и музея, то оставлено въ Тифлисъ, а въ Ставрополь направлены либо дублеты, либо книги дѣйствительно полезныя для образованія военной молодежи.

Весьма дорогъ былъ архивъ князя А. С. Меншикова, уже не говорю о временахъ, когда онъ дѣйствовалъ на государственномъ поприщѣ, какъ лицо, довольно близкое къ императору Александру I, и въ особенности близкое къ императору Николаю, но архивъ родоначальника князя А. С. Меншикова, А. Д., питомца Петра I. Самъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, жившій въ 1887 г. въ Баденъ-Баденѣ, сообщалъ намъ, чрезъ посредство В. И. О—й, объ этомъ архивѣ славнѣйшаго изъ птенцовъ Петра, но намъ неизвѣстно—отправленъ ли этотъ архивъ въ какое-либо общественное книгохранилище, и мы опасаемся за судьбу этого собранія драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ...

Но вотъ предъ нами представитель тоже вполне исторической фамиліи, прямой потомокъ одного изъ крупныхъ дѣльцовъ и птенцовъ Петра Великаго—это графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой. Мы встрѣтили почтеннаго старца и провели у него вечеръ въ одномъ изъ номеровъ монастырской гостиницы Троице-Сергіевскаго посада, въ которомъ и мы остановились. Мы увидѣли предъ собою румянаго свѣжаго старика семидесяти шестилѣтняго. Графъ Михаилъ Владиміровичъ родился 23-го мая 1812 года; рано, подъ руководствомъ своей просвѣщенной матери, полюбилъ онъ церковную старину дорогаго отечества и впослѣдствіи посвятилъ многіе свои досуги на изученіе ея древностей. Ему, какъ извѣстно, принадлежать изслѣдованія о древностяхъ Ростова Великаго (1848 года), Пскова, роднаго намъ

города (1860 г.); изъ подъ-пера гр. М. В. Толстаго вышли рассказы изъ исторіи русской церкви (1865—1872 гг.),—вообще трудовъ, принадлежащихъ ему, много, и гр. М. В. совершенно напрасно отмѣтилъ въ нашемъ «Альбомѣ—знакомые», что «таланту ему далъ Богъ мало»; что это напрасно, мы видѣли изъ празднованія 50-лѣтняго юбилея этого почтеннаго писателя: читатели помнятъ, конечно, изъ газетныхъ статей тотъ длинный рядъ телеграммъ и самыхъ сочувственныхъ вообще привѣтовъ, которыми чествованъ былъ графъ М. В. Толстой въ помянутый правдникъ его научно-литературной дѣятельности... А интересенъ, въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что фамилія Толстыхъ дала Россіи чуть-ли не дюжину писателей, и притомъ вполне даровитыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ этой плеядѣ работниковъ въ области науки и литературы мы должны отнести изъ графовъ Толстыхъ графа Федора Петровича († 1883 г.),—великій художникъ скульптуры, медальеръ, живописецъ; графа Дмитрія Николаевича († 1885 г.); графа Алексѣя Константиновича — романиста и поэта; графа Дмитрія Андреевича, историка и президента императорской академіи наукъ; гр. Ивана Ивановича, весьма даровитаго и хотя еще молодого, но вполне справедливо почитаемаго за свои труды археолога; историка и изслѣдователя церковной старины графа Михаила Владиміровича Толстаго, съ которымъ мы въ настоящую минуту бесѣдуемъ въ Троице-Сергіевомъ посадѣ; но въ челѣ этой плеяды даровитыхъ русскихъ людей, конечно, всякій русскій поставитъ графа Льва Николаевича, высокохудожественными произведеніями котораго въ области словесности русской и, наконецъ, нравственными и философскими идеями и ученіемъ котораго заинтересованъ не только міръ русскій, но и западная Европа. А еще изъ Толстыхъ, не графовъ, нельзя не назвать покойнаго Юрія Васильевича, бывшаго товарища обер-прокурора святѣйшаго синода, писателя трудолюбиваго въ области исторіи и принадлежавшаго къ старшей вѣтви Толстыхъ, ведущей свой родъ тоже отъ одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго, воеводы покореннаго Азова.

Позвольте, однако, мы засиживаемся съ людьми науки; отмѣтимъ же хоть что нибудь изъ предметовъ, насъ заинтересовавшихъ въ Лаврѣ.

Въ комнатахъ митрополита все дышетъ воспоминаніями о высокопреосвященномъ Филаретѣ Дроздовѣ. Мы здѣсь съ любопытствомъ обозрѣли также большое собраніе живописныхъ портретовъ русскихъ государей и іерарховъ, остановились мы въ особенности передъ портретомъ царицы Прасковьи, каковой портретъ нѣкогда воспроизвели въ снимкѣ, приложенномъ въ нашей монографіи о жизни этой въ высшей степени характерно-типичной женщины эпохи преобразования Россіи. Въ ризницѣ, которая занимаетъ 4 большихъ покоя, множе-

ство вещей необыкновенно интересных: тутъ иконы XIII—XVI вѣковъ; антиминсы холщевые XVI и XVII столѣтій; псалтырь Іоанна IV, его кафтаны, его сѣдельный приборъ, уздечка, пороховница; тутъ разныя плащаницы, работы особъ царской фамилии XVII и даже XVI вѣковъ... Впрочемъ, всё эти предметы перечислять не доводится, такъ какъ въ путеводителяхъ и описаніяхъ Лавры обо всемъ этомъ упомянуто съ достаточной подробностью. Здѣсь и ризы, пожертвованныя Іоанномъ IV, а также многіе вклады императрицы Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Екатерины II: разныя церковныя сосуды, пелены, архіерейскія, митрополичьи мигры, шапки; чрезвычайно интересный покровъ царя Василя Іоанновича, лазоревый камчатный 1525 года; въ монастырѣ же находятся малыя пушки 1608—1609 годовъ, чугуныя ядра и картечь, называвшаяся «Троицкій чеснокъ». Тутъ и ковры, вышитые, какъ я уже сказала, различными царицами и княгинями, и древній портретъ знаменитаго защитника «въ смутное и прискорбное время», архимандрита Діонисія; превосходный, по сходству съ оригиналомъ, портретъ Филарета Дроздова, за семь лѣтъ до смерти святителя, исполненный кистью художника Шпревича (портретъ хранится подъ стекломъ, въ рамѣ). Рукописей въ библиотекѣ 823, а каталогъ ихъ печатный, оттискъ изъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей,» озаглавленъ такъ: «Описаніе славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры» (Москва 1878—1879 гг., части I, II и III).

Изъ могилъ въ оградѣ Лавры, могилъ дѣятелей близкаго къ намъ времени, насъ остановила передъ собою могила почтеннаго Степана Алексѣевича Маслова, съ 1820 по 1860 годъ бывшаго секретаремъ императорскаго московскаго общества. Родился онъ въ 1793, умеръ же въ 1879 году и стяжалъ себѣ память чловѣка въ высшей степени просвѣщеннаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Не далеко отъ него могила народнаго трибуна нашихъ дней Ивана Сергѣевича Аксакова: глыба гранита съ водруженнымъ на ней крестомъ и уже съ потускнѣвшею и вывѣтрившеюся надписью, въ которой не безъ труда читаемъ: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся; блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣ Бога узрятъ» и проч.

За стекломъ въ одномъ изъ шкаповъ ризницы мы нашли слѣдующее письмо Петра Великаго:

— «Аннушка и Лизенька, здравствуйте. Мы съ матерью, слава Богу, здоровы и съ сего моменту идемъ въ путь свой. Дай Боже васъ паки въ радости видѣть; а когда будете въ Петербургѣ, тогда большую сестру Натальюшку и внучатъ поцѣлуйте за насъ. У Коломны въ 17-го мая 1722 года. Петръ».

Приводимъ одинъ изъ документовъ собранія А. Д. Бантышъ-Каменской, сообщенныхъ ею намъ въ бытность у нея въ посадѣ Лавры:

— «Николай Николаевичъ!») Въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, сколько мнѣ извѣстно, должны быть свѣдѣнія о прежнемъ, во времена еще государя императора Петра Великаго, прожектѣ канала для соединенія рѣки Оки съ Дономъ подъ названіемъ Ивановскаго. Я прошу васъ собрать и доставить мнѣ въ спискахъ какъ начальныя предположенія, до устройства сего канала относящіяся, такъ начертаніе, съ какимъ намѣреніемъ онъ былъ назначенъ и для чего потомъ оставленъ. Есть-ли могутъ въ архивѣ отысканы быть и еще какіе-либо прожекты тогдашняго времени, касательно устройства водяныхъ сообщеній по другимъ мѣстамъ имперіи, то примите на себя трудъ прислать мнѣ и объ нихъ сколько можно обстоятельное свѣдѣніе. Вручитель сего, г. инженеръ подполковникъ Апухтинъ, представитъ вамъ о томъ, что теперь наипаче для меня по Ивановскому каналу нужно и что я прямо отъ васъ ожидать буду. Съ возвращеніемъ его изъ Тулы въ Москву онъ можетъ, съ дозволенія вашего, заняться собраніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, есть ли бы первыя, по мѣстной ему извѣстности сего канала, нашлись не во всемъ полны. Вообще удовлетвореніемъ желанію моему вы особенно меня обяжете. Пребываю съ отличными къ вамъ уваженіемъ. Принцъ Георгій Голштинскій.

Тверь.

30 ноября 1810 г.

№ 4063.

М. И. Семеовскій.

Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ.

[Къ «Путевымъ замѣткамъ, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» 1889 г., томъ LXI, апрѣль, стр. 238].

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ мой дѣдъ М. П. Погодинъ, никому не проданъ и принадлежитъ его невѣсткѣ Аннѣ Петровнѣ Погодиной, вдовѣ его старшаго сына Ивана Михайловича, которая въ немъ и живетъ. Что же касается больницы душевнобольныхъ (Совой Мотлевича), то она помѣщается въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, который принадлежалъ покойному дѣду, но послѣдній въ немъ не жилъ.

А. Д. Погодинъ.

Прямѣчаніе. Владѣнія М. П. Погодина начинались съ угла Савинскаго переулка и доходили почти до Плющихи; на этомъ большомъ пространствѣ было около шести домовъ, принадлежавшихъ Михаилу Петровичу и имъ приобрѣтенныхъ, если не ошибаемся, въ 1836 году; по крайней мѣрѣ, о своей покупкѣ онъ, модъ этимъ именно годомъ, писалъ къ Н. В. Гоголю, приглашая его пріѣхать изъ Спб. и поселиться у него на Дѣвичьемъ полѣ.

Ред.

Кн. П. П. Вяземскій.

Въ статьѣ моей «Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ», напечатанной въ апрѣльской книгѣ «Русской Старинѣ» 1889 г., вкралась описка. Князь Вяземскій, въ началѣ 1860 годовъ бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, на стр. 102 названъ Петромъ Андреевичемъ, что невѣрно: у этого князя Вяземскаго, съ которымъ я былъ лично знакомъ, было имя и отчество—Павелъ Петровичъ.

Профессоръ Н. Эирсовъ.

») Бантышъ-Каменскій, началн. главн. арх. м. и. д. въ Москвѣ, † 1814 г.

Трехсотлѣтіе города Саратова.

Саратовская ученая архивная коммиссія, въ ознаменованіе приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Саратова, постановила издать сборникъ статей и матеріаловъ, относящихся до исторіи Саратовскаго края. Въ первомъ томѣ сборника предположено перепечатать безъ исключенія все, что писалось о краѣ отъ Геродота до 1700 года включительно, и затѣмъ въ этотъ же томъ войдутъ матеріалы и статьи о краѣ, появившіеся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, пріобрѣтеніе которыхъ для библіотеки коммиссіи, или для каждаго изъ ея членовъ сопряжено, по ихъ рѣдкости, съ трудно-устраняемыми препятствіями. Во второмъ томѣ предполагается издать нѣсколько монографій по мѣстной исторіи.

Такъ какъ въ библіотекѣ коммиссіи и книгохранилищахъ Саратова не имѣется многихъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые необходимы для изданія «Саратовскаго историческаго сборника», то коммиссія поручила мнѣ обратиться ко всѣмъ любителямъ старины съ покорнѣйшею просьбою: не оставить коммиссію увѣдомленіемъ объ имѣющихся у нихъ рукописяхъ, рѣдко встрѣчающихся книгахъ и статьяхъ, а такъ же и о всѣхъ другихъ матеріалахъ по археологін, исторіи и этнографіи Саратовскаго края и затѣмъ ихъ высылкой во временное пользованіе коммиссіи.

Коммиссія будетъ искренно благодарна тѣмъ лицамъ, которыя сообщеніемъ матеріаловъ окажутъ ей содѣйствіе въ изданіи «Сборника».

Предсѣдатель коммиссіи, князь Л. Голицынъ.

П о п р а в к и

къ очерку «Болгарское ополченіе и его сформированіе».

[«Русская Старина» изд. 1889 г., томъ LXII, книга апрѣль].

Приводимъ исправленія нѣкоторыхъ мѣстъ въ текстѣ нашего очерка:

		Напечатано:	Читай:
На стр. 151	строка 17	достигалъ этого не неприятностью	достигалъ этого неприятностью
»	» 156	» 30 но если Д. Г. Анучинъ не могъ познакомиться съ моею личностью	но если Д. Г. Анучинъ, состоя помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, не могъ познакомиться съ моею личностью
»	» 156	» 33 что я, Н. С. Ивановъ, состоя помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами	что я, Н. С. Ивановъ, въ началѣ войны состоялъ при левомъ штабѣ
»	» 157	» 10 или кн. В. А. Черкасскій его помощникъ	кн. В. А. Черкасскій, ни его помощникъ.

И. С. И.

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870—1889.

Изъ двадцати лѣтъ изданія этого журнала семи годовъ вовсе не имѣется въ продажѣ, ни одного экземпляра, а именно: изд. 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1882 и 1887 гг.—Это обстоятельство вызываетъ многократныя сѣтованія, къ намъ обращаемыя со стороны тѣхъ лицъ, которыя желали бы имѣть возможно полный экземпляръ этого журнала, украшеннаго гравюрами лучшихъ художниковъ и необходимаго для любителя отечественной исторіи, а равно весьма полезнаго для различныхъ справокъ въ области родной старины и жизнеописаній многочисленныхъ русскихъ дѣятелей.

Но если уже нельзя имѣть въ настоящее время помянутыхъ годовъ этого историческаго журнала, то мы долгомъ считаемъ предупредить нашихъ читателей, что въ близкомъ будущемъ нельзя будетъ приобрѣсти и еще семи годовъ „Русской Старины“, а именно изданія: 1870 г. (третье изданіе), 1877, 1878, 1879, 1881, 1883 и 1886 гг. Нѣкоторыхъ изъ этихъ годовъ осталось менѣ десяти экземпляровъ, и ни одного изъ нихъ не осталось болѣе пятидесяти экземпляровъ; поэтому кто изъ читателей „Русской Старины“ желалъ бы имѣть еще этотъ журналъ въ возможно болѣшемъ числѣ годовъ, и имѣя въ виду, что новыхъ изданій минувшихъ лѣтъ не предвидится дѣлать вслѣдствіе дороговизны таковаго тисненія, то помянутыя лица благоволятъ постѣшиться приобрѣсти названные годы „Русской Старины“.

При выпискѣ одновременно трехъ и болѣе годовъ „Русской Старины“ возможна, по соглашенію съ редакціею, уступка; въ противномъ случаѣ цѣна каждаго года журнала „Русская Старина“ прежнихъ лѣтъ девять руб. съ пересылкою.

Завѣдующая конторою «Русской Старины» А. Н. Писарева.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пинара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Банланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ѳ. Карбанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Стряковымъ рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

На лицо —50 экземпляровъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія, — между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Мурамина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варуны-Секрета, Л. И. Рикорда, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, вынѣ археолога И. А. Гольшева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Барнгатена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассея;—Воспоминанія М. И. Венюкова о засѣденіи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Сомовскаго;—Н. Мизно;—г. Тальберга;—г. Лисенно;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Ивониннова: Арсеній Мацѣвичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. М. С. Голицынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавией въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы, — всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

 На лицо 33 экземпляра.

33*

12-я книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича; — императора Александра Николаевича; — императрицы Маріи Александровны; — профессора Н. И. Пирогова; — академика Л. А. Стрякова; — Хаджи-Мурата; — М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.); — историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростислава (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара; — архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между дружными статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II. — Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Словьева. — Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.). — Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева. — Записки Д. И. Завалишина. — Записки князя М. С. Голицына. — Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣднія въ 1838—1843 гг.). — Записки Сельскаго Священника. — Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг. — Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.). — Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.). — Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона. — Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго. — Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ. — И. П. Голевъ 1805—1880 гг. — Амурское дѣло (1850—1863). — Украинфильство, статья профессора Н. И. Костомарова. — Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова. — Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. — Воспоминанія изъ дальнихъ гѣтъ г. М*. — Исторія моей жизни и моихъ страстей — бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шилова (1802—1862 гг.). — Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг. — Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855). — Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг. — Академич. граверы: Л. А. Стряковъ — очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній; — И. П. Пожалоствъ — его автобіографія и художественная дѣятельность. — Къ біографіи И. Н. Айвазовскаго. — А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія М. И. Мулкова. — И. А. Крыловъ и его басня „Конь“. — „Общество поощренія русскихъ художниковъ“ — изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова. — Записки И. Е. Селванова (1859 и 1864—1867 гг.). — Графъ Н. П. Румянцовъ, — историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова. — Оренбургскіе пожары въ 1879 г. — Языкъ любви (1774 г.). — Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“). — А. С. Пушкинъ. — И. А. Крыловъ. — М. Ю. Лермонтовъ. — М. Д. Деларю. — Ѳ. М. Достоевскій. — М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“). — А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ — **восемь рублей** съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

На лицо 43 экземпляра.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марьи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Вакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: прежняго памятника на могилѣ Артемія Волинскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирной; — Зап. де-Санглена; — Зап. адм. П. В. Чичагова; — Воспом. Беккера о раззореніи Москвы, 1812 г.; — Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.; — Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.; — Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ; — Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.; — Архіерейскій хоръ при арх. Смараглѣ, 1837 г.; — Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.; — Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.; — Имп. военная академія въ 1831—1843 гг. воспом. кн. Н. С. Голицына; — Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г. воспом. В. В. Струве; — Воспом. О. А. Пржевальскаго; — Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова; — Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.; — Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова; — Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ; — Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.; — Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова; — Воспом. черногорца Драговича; — Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ; — Въ Прибалтійскомъ краѣ; — Кн. Ал. Мих. Горчаковъ въ его рассказахъ изъ прошлаго; — Зап. Ал. Фед. Ваггоута, 1806—1883 гг. — Очерки: Ближній бояринъ Ав. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова; — Первенцы имп. російск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова; — Петровская бригада, 1683—1883 гг.; — Коронаціи русск. император. и императрицы, 1724—1856 гг.; — Лейб.-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I; — Гр. М. Н. Муравьевъ-Вилenskій въ отзывѣхъ о немъ русскихъ людей; — М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.; — Як. Петр. Ваклановъ; — Ос. Сем. Ганчаръ; — Гр. Егоръ Франц Капуринъ; — Ник. Ив. Широковъ; — Нина Алекс. Грибоѣдова; — Филаретъ, митроп. московскій; — Мачарій, митроп. московскій и коломенскій; — Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій; — Иринея, архіеп. иркутскій; — Инноцентій, архіеп. херсонскій; — Амвросій, архіеп.ск. тверской; — Историческій памятникъ въ Переяславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ; — Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. Ад. П. Берже; — Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.; — Могила Артемія Волинскаго; — Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Дonato; — Имп. Иосифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ; — Александръ I и Николай I, въ 1812—1854 гг.; — Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.; — Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.; — Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г.; — кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.; — Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.; — Поѣздка подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго. — В. А. Жуковскій, — К. Н. Батушковъ, — В. К. Кюхельбекеръ, — А. С. Пушкинъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — Г. Г. Шевченко, — А. С. Хомяковъ, — Вас. и Ив. Кирѣевскіе, — Н. В. Гоголь, — гр. А. К. Толстой, — Ф. М. Достоевскій, — и проч. и проч. въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

На лицо 7 (семь) экземпляровъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1886 г.

Содержаніе: Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Состав. Гельбигъ.—Зап. Ал. Мих. Тургенева,—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.).—Э. И. Стогова,—О. Я. Мирковича (1840 г.).—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.).—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. П. М. Колмакова.—Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1850 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учил. правовѣдѣнія, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунай и въ Севастополѣ, 1854—1855 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Крыжановскаго.—Воспом. декабристовъ А. П. Бѣляева и М. И. Муравьева-Апостола.—Воспом. Татьяны Петр. Пассекъ.—Польская смута, 1861—1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго.—Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петербур. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевенское сраженіе 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1881—1883 гг.—Записки композ. Гавр. Як. Ломакина,—артиста Л. Л. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Кнѣзьяни.—Феофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1706—1741 гг., очеркъ И. Я. Морозкина.—Митроп. Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Андр. Ганъ, биогр. очеркъ Е. С. Некрасовой.—Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семеновскаго, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ.—Н. И. Пироговъ, очеркъ жизни и рассказы о немъ.—В. И. Водовозовъ, воспом. о немъ и посмертн. стихотв.—Проф. живоп. И. И. Кѣлеръ.—Гр. Дм. Ал. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже.—Война съ Польшою въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ, 1831 г.—Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ К. К. Мердеру.—Рассказы объ имп. Николаѣ I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка К. Д. Каверина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собралъ П. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.,—С. Т. Аксакова, 1857 г.,—С. П. Шевырева, 1858 г.,—Н. М. Языкова,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолинскаго,—Н. Добролюбова,—Н. А. Некрасова,—Походъ русской арміи въ Индію, проектъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штукенберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Слѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щенкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди О. А. Мѣркина.—Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Як. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матюшинъ.—Генер. Н. И. Ендокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матѣ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣев. Милютинъ, гравир. на мѣди акад. И. И. Пожало-стинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломакинъ, грав. В. В. Матѣ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ.—Ад. П. Берже и В. И. Водовозовъ, грав. на мѣди О. А. Мѣркина.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.,—проф. И. И. Кѣлеръ, грав. И. И. Матюшинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 іюня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятники Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Пирогова;—памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова, сооружен. въ 1885 г. и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матѣ;—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Сиб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

 На лицо 10 экземпляровъ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общество это сообщило нижеслѣдующій отчетъ съ просьбою его напечатать:

Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1 январю 1889 г. располагало капиталомъ въ 136.555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6.008 р. 48 к., израсходовано 5.374 р. 11 к. Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1—въ 300 р. Единовременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1.220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 р.). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 р., 1—300 р., а вмѣстѣ съ ранѣ назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіи января и февраля: 1 лицу—50 р., 1—45 р., 2 по 30 р., 1 по 20 р., итого 175 р. Семѣ 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособіе въ 200 р., вмѣстѣ же съ назначенными ранѣ выданы пенсіи въ теченіи января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80, 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 р., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2.437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125, другаго 45 р.), всего же въ теченіи января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплачено 895 р. Выдано стипендій въ теченіи января и февраля 1 студенту—150 р.; 6 студентамъ по 45 р., а всего 420. Дочери двухъ лицъ зачислены на бесплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9-е изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6000 экзempl. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе комитета 2 бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе комитета въ память А. Я. Герда, 1 бесплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ въ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Ватеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества, въ видѣ «дружнинской копѣйки» 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены общества. Признаны также пожизненными членами общества В. М. Соболевскій, П. И. Бларамбергъ, А. С. Посняковъ, Г. А. Джаншиевъ, М. А. Саблягъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Лукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ, въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».—Предсѣдатель общества Конст. Конст. Арсеньевъ (Сбп. Васильевскій остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ 10¹/₂—12 ч. утра; казначей Яв. Григ. Гуревичъ (уголь Лиговки и Бассейной, Гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Васил. Ив. Семейскій (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ 5¹/₂ до 7 часовъ. Членъ комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская Скатертный переулокъ, домъ Муремцевой).

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество.

I.

Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 и 500 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13-го мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Крижаняча до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросъ: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльных нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеназложенную тему нынѣ продолженъ до 11-го мая 1890 года, причѣмъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 руб., за второе же, по достоинству, 500 руб.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

II.

Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Θ. Гильфердинга въ 1,000 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества сямъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Θ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византийскаго и славянскаго стариннаго за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургъ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11-го мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеннеложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются премією въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Вышелъ въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ первый томъ сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

(ИЗДАНИЕ АВТОРА)

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШАГО ПЕРВАГО ТОМА: Губернскіе очерки.—Невинные рассказы. Въ послѣдующіе томы войдутъ слѣдующія соч.: Т. II: Сатры въ прозѣ.—Признаки временн.—Письма изъ провинціи.—Итоги.—Т. III: Исторія одного города.—Помадуры.—Въ средѣ умѣренности.—Т. IV: Господа ташкенцы.—Дневникъ провинціала.—Культурные люди.—Т. V: Господа Головлевы.—Благонамѣренные рѣчи.—Т. VI: За рубежемъ.—Письма къ тетенькѣ.—Сборникъ.—Т. VII: Современная идиллія.—Круглый годъ.—Пошехонскіе рассказы.—Недоконченныя бесѣды.—Т. VIII: Сказки.—Пестрыя письма.—Мелочи жизни.—Т. IX: Пошехонская старина. Все изданіе печатается въ девяти томахъ большаго формата, куда войдутъ, кромѣ новыхъ, всѣ 22 книги отдѣльныхъ изданій (отъ 400 до 450 л. журн. формата), стоившія свыше 38 р., безъ пересылки.

Все изданіе будетъ окончено въ декабрѣ 1889 г.; желающіе получить изданіе, по мѣрѣ отпечатанія отдѣльныхъ томовъ, не ожидая его окончанія, могутъ нынѣ же подписываться на него; вышедшіе томы будутъ доставляемы имъ немедленно.

ЦѢНА для подписавшихся: 15 р. безъ пересылки, и 20 р.—съ пересылкою; въ продажѣ—по выходѣ въ свѣтъ послѣдняго тома: 20 р. безъ пересылки, и 25 р. съ пересылкою.—Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія при типографіи М. М. Стасюлевича въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2 лин., д. № 7.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжн. складѣ типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., д. № 7) и въ книжн. магазинѣ П. И. Карбасникова (Литейная, 48), Рязкера (Невск. просп., 14) и Цинзенлинга (Невск. просп., 46); въ Москвѣ: въ книжн. магазинѣ П. И. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (на Кузнецкомъ-Мосту); иногородные высылаютъ по почтѣ исключительно въ книжный складъ типографіи М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. Остр., 2 л., 7).

РАЗСРОЧКА подписки допускается на слѣдующихъ условіяхъ. 1) для городовыхъ—уплачивается, при полученіи перваго тома, 5 руб., и за снѣгъ при полученіи слѣдующихъ 5 томовъ, по 2 рубля за каждый, а всего 15 руб.; на бесплатное полученіе остальныхъ трехъ томовъ выдается билетъ; 2) для иногородныхъ—при подпискѣ 5 р., по доставкѣ перваго тома 3 р., а второго и слѣдующихъ до седьмаго—по 2 р., всего 20 рублей; остальные два тома будутъ доставлены бесплатно съ почтою по адресу подписавшихся, немедленно послѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

Первый томъ этого изданія вышелъ въ свѣтъ въ апрѣль 1889 г.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить Собраніе его очиненій, а именно: томъ III—Боснія, Герцеговина и старая Сербія, и томъ IV—Исторія балтійскихъ славянъ.

Вдова покойнаго писателя, Варвара Францевна Гильфердингъ, предоставила подписчикамъ „Русской Старины“ получить эти обширныя книги за весьма уменьшенную цѣну, а именно по цѣнѣ 1 р. 35 коп. каждый томъ, съ пересылкою.

Томы I и II, также бывшіе въ распоряженіи ред. «Русской Старины» разошлись до послѣдняго экземпляра, да и томовъ III и IV осталось весьма мало экземпляровъ, а именно: всего лишь по восьми экземпляровъ.

Поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ «Новаго
Времени» и др. новая книга:

С. И. ЗАРУДНЫЙ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

Историко-біографическій эскизъ Гр. Джаншіева.

Цѣна **ОДИНЪ** руб.

Его-же:

«ВЪ ЕВРОПѢ»

Впечатлѣнія и мысли туриста.

Цѣна **ДВА** руб.

ВЪ МАГАЗИНѢ АВГ. ѲЕД. ЦИНЗЕРЛИНГА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

новую книгу

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢВА

(1780—1809)

россійскаго дворянина и военно-служилаго человѣка.

Спб., 1888 года, изд. «Русской Старины», въ 8 долю, стр. 168.

Рукопись изъ собранія А. А. Титова.

Записки Толубѣва, при рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ русскихъ людей XVIII-го вѣка, составляютъ интересный вкладъ въ собраніе записокъ и сказаній о временахъ минувшихъ. Написаны Записки Толубѣва съ добродушнымъ юморомъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о бытѣ дворянъ-помѣщиковъ; много въ нихъ подробностей и о бытѣ крестьянъ конца XVIII-го вѣка, объ ихъ увеселеніяхъ, предрасудкахъ и повѣрьяхъ русскаго народа; о магнатахъ южной Россіи, о всѣхъ тягостяхъ военно-служилаго быта конца прошлаго и первыхъ лѣтъ текущаго столѣтій, много интересныхъ данныхъ о кровавой кампаніи противъ французовъ 1806—1807-хъ годовъ, участникомъ которой былъ Толубѣвъ, и проч., и проч. Записки Толубѣва впервые являются въ печати.

Цѣна книги **ДВА** рубля съ пересылкой.

Для подписчиковъ на «Русскую Старину» цѣна книги: «Записки Толубѣва» **ОДИНЪ** рубль съ пересылкой.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старины»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами.

Цѣна **ТРИ** рубля съ пересылкою.

II. Первое прибавленіе къ этой Росписи 1885—1887 гг. съ 12-ю гравюрами. Цѣна **ОДИНЪ** руб.

III. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семейскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

IV. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семейскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ДВА** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны **4 руб. 50 коп.**, обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.

VI. Записки Сельскаго Священника, о протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **одинъ** руб. съ пересылкою.

VII. Русскіе достопамятные дѣятели въ гравированныхъ лучшими художниками портретахъ, **третье собраніе.** Спб., 1889 г., въ 8 д. Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» — **ДВА** рубля съ пересылкою.

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:
ТРЕТЬЕ СОБРАНИЕ
ПОРТРЕТЫ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
[НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна **ЧЕТЫРЕ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе вышедшаго **третьяго** сборника гравюръ
 „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинь. — Графъ Тотлебенъ. —
 Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. —
 М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинь — Гр. С. Стро-
 гановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдо-
 кимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Ку-
 кольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-
 Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лер-
 монтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розен-
 геймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. —
 Отшельникъ Федоръ. — Памятникъ и барельефъ на
 общей могилѣ Воынецкаго, Еропкина и Хрущова. —
 Памятникъ Славы.

Получить эту книгу можно въ редакціи «Русской Старины»,
 С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7, и во всѣхъ
 ея конторахъ.

Цѣна этого собранія гравюръ для подписчиковъ «Русской
 Старины» *1889 года* **ДВА** рубля съ пересылкою (вмѣсто 4 р.).

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Авг. Фед. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885, 8 д., стр. 300.

Цѣна ТРИ руб. съ перес.

Все изданіе этой книги принадлежитъ магазину Августа Федоро-
вича Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

Первое прибавленіе

къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ
русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди и на деревѣ.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ перес.

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—

Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867 — 1888.

 Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издер-
жекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для
пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ
въ С.-Петербургѣ».

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Востъ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

Императоръ всероссійскій.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачивають за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и пногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюру Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1888 г.

съ приложеніемъ гравюръ: ликъ св. Владиміра, портреты: Готлобъ Тотлебенъ; — В. Т. Нарѣжнѣй; — И. А. Анненковъ; — П. Е. Анненкова; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ (грав. на мѣди); — А. К. Пфель (грав. на мѣди); — С. М. Макарова; — Л. Л. Леонидовъ; — И. Н. Крамской (грав. на мѣди); — М. Гр. Черняевъ (грав. на мѣди); — Генрихъ Мозеръ; — Мозафаръ-Эддинъ; — Кушъ-Бегм. Рисунки: сартская женщина; — ауль киргизовъ; — курдская крѣпость, и др.

Содержаніе: Записки адм. П. В. Чичагова; — Разказы Пр. Ег. Анненковой, жены декабриста; — Такинѣв Бичуринъ въ воспом. его внучки; — Записки Д. И. Ростиславова; — Посмертн. зап. проф. А. В. Никитенко; — Н. Н. Мурзакевича; — Воспом. артиста Л. Л. Леонидова; — М. С. Щепкинъ, воспом. о немъ артистки А. И. Шубертъ и очеркъ Н. В. Кукольникъ; — Воспоминанія художника И. Е. Рѣпина; — Воспомин. А. Н. Яхонтова о Паркосельскомъ лицѣѣ, 1833—38 гг.; — О. М. Бодянский въ его дневникѣ, 1849—50 гг.; — Воспом. В. М. Сорокина о петерб. университетѣ 1860-хъ гг.; — Студенскія волненія въ Москвѣ 1861 г. и въ Казани въ 1882 г., воспом. бывшаго попечителя П. Д. Шестакова; — Записки моряка-художн. профес. А. П. Боголюбова, 1856—57 гг.; — А. Н. Сѣровъ, 1857—71 гг., воспомин. о немъ и его письма К. И. Званцева; — 8 сентября 1862 г., изъ воспомин. графа П. А. Валуева; — Воспом. о голодѣ на сѣв. Россіи 1868 г.; — Воспом. художника В. В. Верещагина: Самаркандъ въ 1868 г., — Набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1877 г.; — Импер. Александръ II на звѣриныхъ охотахъ 1849—1876 гг.; — Воспом. кн. П. А. Путятина; — Савъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г., замѣтки кн. В. Д. Дабиза.

Исслѣдованія, историч. и біографич. очерки: Откуда родомъ св. вел. княгиня Ольга? арх. Леонида; — Смыслные и заточенные въ острогѣ Соловецк. монастыря въ XVI—XIX вв., историч. очеркъ М. А. Колчина; — Карлъ XII въ 1709 г., сообщ. Я. К. Гротъ; — Гр. Готлобъ Тотлебенъ 1715—63 гг., очеркъ Г. К. Рѣпинскаго; — Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастили 1768 г., сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій; — Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царств. Александра I, изслѣд. Н. К. Шильдера; — Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв., очеркъ магистра русск. исторіи В. И. Семеновскаго; — Я. П. Кузьневъ въ 1812 г.; — Партизанъ А. С. Фигнеръ въ 1813 г.; — Мих. Кир. Бобровскій; — Германскій принцъ Вильгельмъ въ Россіи въ 1817 г.; — Вильгельмъ I, импер. германскій, въ бытность его принцемъ прусск. 1821—33 гг.; — Импер. Николай I въ его резолюціяхъ 1827—33 гг.; — Л. В. Дубельтъ, біографич. очеркъ и письма; — П. Н. Кривцовъ, 1791—1843 гг.; — А. И. Герценъ въ 1820—41 гг.; — П. К. Менюковъ, арестъ его въ 1848 г.; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — Русско-венгерская война 1849 г.; — Гр. Н. И. Евдокимовъ 1804—73 гг., біографич. очеркъ, сост. И. И. Ореусъ; — Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853—54 гг., изслѣд. А. Н. Петрова; — Рушукскій отрядъ 1877—78 гг., истор. очеркъ М. П. Степанова; — Кн. Вл. А. Черкасскій какъ устроитель Болгаріи, ст. Д. Г. Анучина; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ, очеркъ жизни и дѣятельн., 1835—1887 гг.; — К. К. Арагеимъ; — А. К. Пфель; — Н. М. Пржевальскій, его автобіографія.

Писатели въ ихъ произведеніяхъ, письмахъ и біографіяхъ: В. А. Жуковский, — В. Т. Нарѣжнѣй, — А. С. Пушкинъ: вновь открыты строфы романа „Евгеній Онѣгинъ“, — М. Ю. Лермонтовъ, — Н. П. Огаревъ, — Д. М. Князевичъ, — К. Н. Батюшковъ, — Н. В. Гоголь, — А. О. Смирнова, — Н. И. Костомаровъ, — Ал. Ник. Майковъ, — К. К. Рубинштейнъ, — Къ литературной и обществ. исторіи 1820—1830 гг., сообщ. В. Е. Якушкинъ. Художники: К. П. Брюловъ, — Антонъ Гр. Рубинштейнъ, — Ф. Г. Солдатовъ, и др.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

рдашева. Архивъ старыхъ дѣлъ до 1812 г., И. И. Шимко и А. А. Гоздово-Оломбѣвскаго. Обзорнiе и описанiе документовъ; обзорнiе распадается на пять отдѣловъ: О дѣлахъ Генеральнаго вора—А. А. Востокова. Близкая канцелярiя при Петрѣ Великомъ и ея дѣла—И. Я. Токарева. Расправная палата при Сенатѣ—А. А. Голубева. Дополнительная опись книгамъ писцовымъ, межевнымъ и переписнымъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ м—ства юстиции, и о печаткахъ, хранящихся въ Московск. архивѣ м—ства юстиции.—Архивъ М—ства Юстиции, подъ свѣтью своею въ составѣ въ немъ служащихъ, соединяетъ группу труженниковъ во всеоружii научныхъ знаний. Монументальный трудъ описанiя—это основа всего, что долженъ прежде всего исполнить каждый правильно устроенный архивъ—ведется, подъ руководствомъ директора архива, заслужен. профессора Н. А. Попова, превосходно; должно лишь пожелать, дабы появленiе каждой новой книги шло не съ столь громадными промежутками времени, ибо на двадцать лѣтъ пять выпусковъ—это маловато, но, быть можетъ, сумма на изданiе недостаточна на более частое тисненiе томовъ «Описанiя»¹⁾.

Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскiй. Изданiе съ 700 фототипными портретами. Спб., четыре тома, въ 6. 8 д., 1886—1889 гг. Цѣна 40 руб.; томе, два тома, безъ портретовъ, 10 руб.

Въ 1872 г. былъ изданъ Акад. Наукъ «Словарь гравированныхъ портретовъ», трудъ того же собирателя и перваго по его свѣдѣнiямъ знатока русской гравюры; тотъ «Словарь» заключалъ въ себя лишь краткiй перечень портретовъ съ замѣтками о рѣдкости и цѣнности ихъ и онъ сослужилъ хорошую службу, явившись руководствомъ любителямъ и собирателямъ русскихъ гравюръ; онъ оправдалъ цѣль его составителя, способствуя къ возбужденiю, въ нашихъ собирателяхъ, охоты въ русскимъ гравюрамъ. Въ 15 лѣтъ, минувшихъ съ выходомъ «Словаря»,

прибавилось множество свѣдѣнiй и замѣтокъ о русскихъ гравюрахъ; число портретовъ нѣкоторыхъ историческихъ русскихъ личностей, какъ объясняетъ Д. А. Ровинскiй, удвоилось и утроилось, при чемъ розысканы чрезвычайно важные и неизвестные до того времени портреты; явились сочиненiя, монографii и каталоги, внесши въ отечественную иконографiю много свѣдѣнiй, были даже выставки портретовъ русскихъ людей и иноземцевъ русской службы, словомъ явилось такое значительное количество новыхъ свѣдѣнiй въ этой области знанiя, что обобщить ихъ въ новомъ изданiи «Словаря» явилось настоятельною необходимостью. И вотъ онъ явился въ свѣтъ въ объемистомъ изданiи, вмѣстившемъ въ себя до 2,000 отд. лицъ, съ которыхъ было выполнено до 10,000 листовъ гравированныхъ портретовъ; добрая половина этой цифры приходится на царскiе портреты. Планъ расположенiя изданiя, обстоятельность сообщаемыхъ собственно о гравюрахъ и ихъ исполнителяхъ свѣдѣнiй, свѣдѣнiя о появленiи въ Россii первыхъ портретовъ, ходъ портретной живописи и портретнаго гравированiя въ Россii—не оставляютъ желать ничего лучшаго; это трудъ, который займетъ на всегда первое мѣсто во всей литературѣ о русской гравюрѣ, чтобы и когда либо о ней не печатали; что касается до текста биографiй тѣхъ лицъ, съ которыхъ были исполнены гравюры, то онъ представляютъ, на ряду съ необходимыми данными, нѣрѣдко весьма характерныя замѣтки человека весьма начитаннаго, при томъ не стѣсненнаго узкими цензурными условiями, въ характеристикахъ выдающихся лицъ, почему эти характеристики и вышли не шаблоннаго пошиба; можно съ ними согласиться или нѣтъ, но въ интересной своеобразности имъ никакъ нельзя отказать. Советуемъ посвятить, подобно намъ, приобрѣтениемъ роскошнаго изданiя (ц. 40 р.): 700 фототипическихъ снимковъ съ лучшихъ и рѣдкихъ гравюръ исполнено превосходно; между тѣмъ отпечатано этого изданiя всего, кажется, 200 экз. и они уже въ большей половинѣ раскуплены; несомнѣнно, что въ будущемъ они сдѣлаются рѣдкостью и цѣна ихъ весьма повысится. М. С.

¹⁾ Только что вышла въ свѣтъ книга шестая «Описанiя» этого архива, Москва, 1889 г. Ц. 3 р.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская ливія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (55 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (33 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (7 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (89 экз.) съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (10 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

ІЮНЬ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Графъ Готлобъ-Нуртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Гл. IV и V. Сообщ. Г. К. Рѣвнскій	513	IX. Княгиня Жанета (Іоанна) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича. Сообщ. П. П. Псаевичъ	707
II. Жизнь Андрея Болотова, описанная имъ самимъ для своихъ потомковъ. 1799 и 1800 гг.	535	X. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М.	717
III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенно, 1828—1829 гг.	577	XI. Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. Ѳ. Сумцовъ	725
IV. Михайлъ Нирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. (Оконч.). Состав. П. О. Бобровскій.	599	XII. Михайлъ Евграфовичъ Салтыковъ, автобіогр. замѣтки, письма, стихотвореніе. † 28 апрѣля 1889 г.	733
V. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1861 г. Сообщ. проф. Н. А. Ѳирсовъ	623	XIII. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, очеркъ къ его біографіи. † 28 апрѣля 1889 г.	755
VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Гл. V.	641	XIV. Матеріалы и стихотв.: Два указа 1734 г. (701). — Русскіе на Шницбергенѣ въ 1747—1748 гг. (703). — Н. П. Огаревъ (682 и 724). — Братья В. В. и К. В. Сякорскіе (696). — Князь Николай Чернигорскій въ С.-Петербургѣ (773)	
VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексій Ивановичъ Шадринъ, рассказъ странника-богомольца	661	XV. Библиографическій листонъ.	
VIII. Къ новѣйшей исторіи монастырей, записка архимандрита Игнатія Мальшева, 1869 г.	683		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравир. на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ (второе исправлен. тисненіе).

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Бадашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го юня 1889 г.

Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городского хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабинъ и П. Коналовъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ то время, когда дѣятельность городскихъ думъ въ столицахъ Россіи хорошо известна нашему обществу, о городскихъ управленіяхъ провинціи свѣдѣнія ограничиваются болѣею частью отрывочными сообщеніями мѣстныхъ корреспондентовъ въ газетахъ, да болѣе или менѣе талантливыми обзорными дѣятельности ихъ въ журналахъ, причѣмъ, однако, элементъ сатирической и обличительной имѣетъ преимущественное мѣсто. Названный сборникъ даетъ свѣдѣнія положительныя, охватывающія различныя стороны какъ въ дѣятельности органовъ городского самоуправления, такъ и въ современномъ состояніи городского хозяйства. Свѣдѣнія эти вовсе не касаются столицъ, а относятся до 50 губернскихъ городовъ Россіи, какъ европейской, такъ и Сибири. Трудъ въ высокой степени полезный, вполне достигающій цѣля его составителя, уважаемаго городского головы Самары П. В. Алабина, дать матеріалъ для сравненія положенія городского хозяйства и самостоятельности горожанъ на Руси до введенія городского положенія 1870 г. и спустя почти 25 лѣтъ; свѣдѣнія относятся до 1886 года. Вотъ содержаніе этого весьма интереснаго сборника: личный составъ управленія въ 50 губернск. городахъ.—Почетные граждане.—Народонаселеніе.—Количество владѣемой городомъ земли и доходъ отъ нея.—Богослужебныя зданія.—Число домовъ и строеній.—Городской бюджетъ.—Особыя обложенія.—Торговля, промышленность, ремесла, фабрики, заводы, ярмарки.—Городскія кредитныя учрежденія.—Городская полиція.—Пожарная команда.—Страхованіе.—Квартирная воинская повинность.—Воинская повинность.—Учебныя заведенія.—Библіотеки, музеи, картинныя галереи, ботаническій садъ, метеорологическая станція, общество любителей естествознанія, ученые архивныя комиссіи.—Печатные органы городского управленія и городскія типографіи или литографіи.—Часть медицинская.—Общественное при-

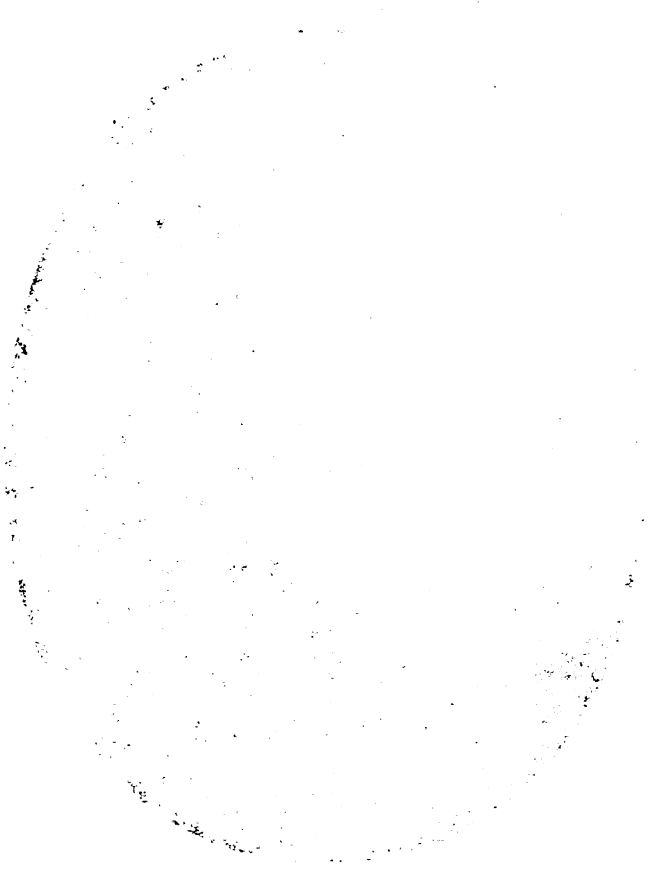
рвіе.—Станціи спасанія на водахъ.—Замощеніе улицъ.—Освященіе.—Водопроды.—Выгоны.—Городскіе телефоны.—Ковно-железныя дороги и почта.—Садоводство и огородничество.—Общественныя городскія сады.—Театры и цирки.—Общественныя памятники.

Какъ предпріятіе, произведенное энергіей и издержками частныхъ лицъ, изданіе этого замѣчательнаго сборника, быть можетъ, и не будетъ имѣть продолженія, а потому весьма желательно, дабы хозяйственный департаментъ м-ства внутр. дѣлъ взялъ на себя это дѣло и, время отъ времени, также по самымъ позитивнымъ даннымъ, у него сосредоточивающимся, издавалъ бы такыя сборники данныхъ, до положенія городовъ нашего отечества относящихся; желательно при этомъ, дабы и увядные города, хотя бы на первыхъ порахъ главнѣйшіе, ибо нѣкоторые изъ нихъ гораздо значительнѣе губернскихъ, также введены были бы въ таковой сборникъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. Цѣна 3 р.

Въ шестой томъ этого обширнаго почтеннаго труда вошли: исторія бывшихъ московскихъ сенатскихъ архивовъ за время съ 1812 по 1843 гг.—Опись чертежей, существовавшихъ въ Разрядѣ во второй половинѣ XVII вѣка.—А. В. Магаровъ, бывший кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ: слѣдств. надъ нимъ коммиссія, 1732—1734 гг.—Слѣдственныя о раскольникахъ коммисіи 1733—1739 и 1745—1757 гг.—«Указная книга помѣстнаго приказа» по рукописи XVII вѣка. Общей редакціей шестой книги этого превосходнаго сборника завѣдывалъ управляющій архивомъ Н. А. Поповъ, сумѣвшій соединить въ архивѣ, какъ видно изъ всего этого изданія, дѣльныхъ, трудолюбивыхъ и весьма свѣдущихъ сотрудниковъ.

Сдѣлаемъ два маленькихъ замѣчанія, чисто внѣшнихъ: хотя отдѣлы «Описанія» рѣзко разграничены, но нумерацію страницъ слѣдовало бы имѣть не по отдѣламъ, какъ теперь, а сплошь по каждой книгѣ; необходимо также дѣлать постраничныя указанія содержанія, т. е. колонны-титлы.

W. B. ...

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

А. Суворовъ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 17 МАЯ 1889 Г.

ВСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

IV¹⁾.

Извѣстіе о взятіи Берлина, какъ само собою разумѣется, произвело громадное въ Петербургѣ впечатлѣніе. Въ проектѣ доклада конференція по этому поводу высказала: «что счастливо въ дѣйство произведенная экспедиція на Берлинъ есть гораздо большей важности и знатности, больше королю прусскому причинила урону, больше союзникамъ сдѣлала вспоможенія и больше побѣдоносному Вашего Величества оружію славы принесла, нежели сперва думать можно было, ибо сверхъ того, что убитыми, плѣнными и дезертирами непріятель всемирно болѣе шести тысячъ человѣкъ потерялъ, и сверхъ того, что лучшіе королевскіе литейные и оружейные и пороховые заводы въ конецъ раззорены, а арсеналы и магазины опустошены, и сверхъ того, что казна Вашего Императорскаго Величества полтора милліона талеровъ получаетъ, а армія во все то время не имѣла урону болѣе, какъ только до ста человѣкъ, конференція почитаетъ еще важными и, такъ сказать, рѣшительными приобрѣтеніями:

«1) что непріятель, который, можетъ быть, съ знатною частію Европы увѣренъ былъ, что здѣшнія войска ни скорыхъ и искус-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34.

ныхъ походовъ дѣлать, ни его атаковать не могутъ и который дѣйствительно по тому распоряжалъ свои мѣры, теперь, ко изумленію своему, видитъ совсѣмъ противное. Генералы его подъ Берлиномъ не посмѣли ожидать дѣйства тѣхъ благоразумныхъ распоряженій, кои къ нападенію на нихъ генераломъ-поручикомъ графомъ Чернышевымъ учинены были, а скоростижная ихъ ночью ретирада не спасла, однако, ихъ отъ скорости войскъ Вашего Императорскаго Величества. Такимъ образомъ, всемѣрно надлежитъ, чтобъ непріятель на будущую кампанію несравненно въ большей заботѣ и крайности былъ, а союзныя войска больше облегченія и свободныхъ рукъ имѣли;

«2) что симъ предпріятіемъ вытщеньъ король прусскій изъ Силезіи, а генералъ его Гильзенъ очистилъ совсѣмъ Саксонію. Генералъ баронъ Лаудонъ, оставаясь теперь наки съ особымъ корпусомъ и главнымъ командиромъ въ Силезіи, отъ извѣстнаго его проворства и ревности можно надѣяться, что онъ покажетъ тамъ новыя общему дѣлу заслуги. Обратился подлинно король прусскій со всею силою въ Саксонію, и можно опасаться, что сперва нѣсколько потѣснитъ имперскую армію и виртембергскія войска и можетъ быть покусится берлинское посѣщеніе отомстить надъ Дрезденомъ. Но какъ графъ Лессіи тамъ еще прежде будетъ, да, конечно, и графъ Даунъ скоро подоспѣетъ, то по меньшей мѣрѣ столько ожидать можно, что король прусскій тамъ ничего рѣшительнаго не сдѣлаетъ, но такъ же, какъ прошлую зиму, себя и австрійскую армію изнурять станетъ, а все сіе столько подѣйствуетъ, что неотъемлемая у Вашего Императорскаго Величества рука Господня благословитъ вашу, теперь никакого безпокойства опасаться не имѣющую, армію сдѣлать будущею кампаніею славное всей войнѣ окончаніе.

«Великодушіе Вашего Императорскаго Величества и милосердіе собою склонно награждать оказуемую ревность и заслуги. Но какъ показанныя нынѣ дѣла искусства и мужества имѣютъ служить для переду примѣрами, то, дабы оныя еще достопамятнѣе были, конференція ласкаетъ себя рабскою надеждою, что Ваше Величество толь охотнѣе соизволите оказать знаки монаршей милости и благоволенія, и потому пріемлетъ смѣлости все-нижайше представить:

«1) что къ генералу Фермору, который въ то время всею

армією командовавъ, отправленъ будетъ отъ конференціи похвальный указъ;

«2) генераль-поручикъ графъ Чернышевъ командовавъ особливо сею экспедиціею и исполнилъ съ крайнею ревностію и мужествомъ; потому, не будетъ-ли угодно его полнымъ генераломъ всемилостивѣйше пожаловать. Старѣе его въ арміи тамо одинъ только графъ Румянцевъ, почему о немъ предается на высочайшее соизволеніе;

«3) генераль-поручикъ Панинъ счастливому исполненію сей экспедиціи много способствовалъ, почему и къ нему похвальный указъ изъ конференціи отправленъ будетъ;

«4) графъ Тотлебенъ командовавъ особымъ корпусомъ и, взявъ Берлинъ, все то исполнилъ, что требовалось, и для того не будетъ ли всемилостивѣйше угодно пожаловать его въ генераль-поручики, оставляя всегда при легкихъ войскахъ» ¹⁾).

Докладъ этотъ не получилъ, однако, утвержденія въ отношеніи къ главному виновнику торжества: Тотлебенъ не былъ произведенъ въ генераль-поручики и былъ награжденъ только слѣдующею грамотою отъ 23 октября, подписанною «по именному ея императорскаго величества указу» членами конференціи:

«Нашему генераль-маіору графу Тотлебену.

«Изъ полученныхъ отъ нашего генерала графа Фермора доношеній и присовокупленныхъ къ тому рапортовъ генерал-поручика графа Чернышева и вашихъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣли съ какою отличною храбростію и мужествомъ вы въ сей экспедиціи поступали и по занятіи сего города (sic) все то исполнить старались, что вамъ предписано было, и потому чрезъ сіе всемилостивѣйше восхотѣли объявить вамъ нашу монаршую милость и благоволеніе за оказанную вамъ при семъ важномъ происшествіи знаменитую услугу и обнадежить, что оная никогда предъ нами забвенна не будетъ, увѣрены пребывая, что вы примѣрнымъ мужествомъ удостоитесь и дальнѣйшей императорской милости и благоволенія, съ которыми вамъ благосклонно пребываемъ» ²⁾).

Когда же вновь назначенный командующимъ графъ А. Б. Бутурлинъ прислалъ въ Петербургъ экземпляръ напечатанной

¹⁾ Сенатскій архивъ, черновые доклады конференціи.

²⁾ Дѣло сенатскаго архива.

Тотлебенюмъ реляціи о походѣ его на Берлинъ, то въ отвѣтъ получилъ рескриптъ, въ которомъ было сказано, «что реляція та сочинена крайне продерзостно, ибо онъ (Тотлебенъ) свою заслугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генерала-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ и австрійскаго генерала графа Лессія, съ его корпусомъ, ругаетъ такимъ образомъ, какъ бы ненависть между двухъ союзныхъ войскъ и холодность между самими дворами произвѣсть искалъ; дѣйство же нашей артиллеріи хотя и хвалить и преимущество ей предъ непріятельскою даетъ, но тѣмъ не меньше порочить ея состояніе ¹⁾, объявляя, что портится она сама при сильномъ дѣйствованіи; большая же продерзость еще въ томъ состоитъ, что, не подавъ главнокомандующему столь обстоятельнаго рапорта, ниже доставя его сюда, столь противно всѣмъ воинскимъ правиламъ осмѣлился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать и прегрѣшенія милосердіемъ нашимъ прикрывать обыкли, то заблагоразсудили мы, объявляя ему нашъ праведный гнѣвъ и неудовольствіе, повелѣть, чтобъ онъ тотчасъ старался проступокъ свой загладить и паки нашу милость заслужить точнымъ всего того исполненіемъ, что ему отъ васъ приказано и впредъ поручаемо будетъ, разумѣя, буде онъ прежде не отрекся или не отречется отъ сего сочиненія, ибо въ такомъ случаѣ сіе дѣло молчалию предано быть имѣеть. Вамъ же, вслѣдствіе того, повелѣваемъ приказать ему: 1) чтобъ онъ у графа Чернышева просилъ прощенія въ вашемъ только присутствіи или при двухъ только свидѣтеляхъ, а по нуждѣ хоть письменно; 2) чтобъ всѣ экземпляры, сколько ихъ есть, конечно, собралъ и вамъ представилъ; 3) чтобъ формально и письменно на нѣмецкомъ языкѣ отрекся отъ сего сочиненія, при-совокупляя къ тому, что оно происходитъ, конечно, отъ его непріятелей и такихъ людей, которые хотятъ сдѣлать подозрительнымъ его усердіе къ нашей службѣ и произвести холодность между двумя высокими союзными дворами; 4) сіе отрицаніе имѣеть быть напечатано въ кенигсбергскихъ газетахъ.

¹⁾ Иными словами, Тотлебенъ оскорбилъ главнаго артиллерійскаго дѣла мастера, изобрѣтателя „секретныхъ“ гаубицъ и члена конференціи графа П. И. Шувалова. Г. Р.

Генераль-поручикъ графъ Чернышевъ не будетъ, уповательно, доволенъ сею сатисфакціею; но вы ему объявить имѣете, что прощениемъ въ показанной графомъ Тотлебенемъ ему обидѣ покажетъ онъ намъ новый опытъ своего безпредѣльнаго къ службѣ усердія и что это вмѣнится ему отъ насъ въ заслугу»¹⁾).

Независимо отъ этого рескрипта, и самому Тотлебену, 20-го ноября 1760 г., былъ посланъ слѣдующій указъ конференціи: «чѣмъ больше склонны мы награждать оказуемые къ службѣ нашей ревность и усердіе и чѣмъ охотнѣе признавали мы существительныя ваши заслуги во время двухъ послѣднихъ кампаній и особливо при Берлинской экспедиціи, тѣмъ натурально къ большому гнѣву и неудовольствію получили мы напечатанную вами и обнародованную о сей экспедиціи реляцію, ибо вы не подали обстоятельнаго и порядочнаго рапорта о всей экспедиціи главнокомандующему, чего ваша должность требовала, а сдѣлали такой самовольный поступокъ, который не только въ дисциплинированныхъ арміяхъ, но и въ вольныхъ земляхъ едвали позволителенъ.

«Но при разсматриваніи сей реляціи гнѣвъ нашъ тѣмъ болѣе умножился, что, во первыхъ, вы сами, превознося вашу заслугу, не хотѣли дожидаться, чтобъ свидѣтельство въ томъ мы вамъ подали, чтѣ, однакожь, для самага вашего самолюбія было бы гораздо сходственнѣе, и чрезъ то показали, какъ бы сами себѣ воздаяніе доставить могли. Второе, что главная ваша похвала является основана быть на храбрости подлинно нашего войска, но вы поносите болѣе всю армію, внушая такую непозволительною піекою всему свѣту, якобы предпріятіе ваше отъ нея препятствовано паче, нежели подкрѣпляемо было. Третіе, что, показывая чувствительную и самую наглую обиду генералу-поручику графу Чернышеву, оскорбляете вы тѣмъ всѣхъ прочихъ вышнихъ генераловъ въ такое время, когда, дѣйствительно, онъ вашимъ командиромъ былъ, когда, дѣйствительно-жъ, его приближенію и учиненнымъ приготовленіямъ къ атакѣ Гильзенова корпуса взятіе Берлина приписывать должно, и когда напротивъ показанныхъ отъ васъ ему досадъ и ослушаній онъ, превосходя себя, а единственно службу и долгъ въ виду имѣя, старался рекомендовать вашу храбрость и искусство. Четвертое, что показанную чрезъ

¹⁾ Соловьевъ, 24, стр. 319 и 320.

то союзникамъ нашимъ важную услугу и самое благодѣяніе обратили имъ въ такое поношеніе, что подобныхъ услугъ никто болѣе имѣть, а наименьше съ вами у дѣла быть похочеть, такъ что изъ того заключать надлежало-бъ, якобы вы ненависти между союзными войсками и холодность между дворами возпричинствовать искали. И пнятое, что хотя превосходное дѣйствіе нашей артиллеріи предъ непріятельскою вы самымъ дѣломъ свидѣтельствуете, однакожь, въ то время хитрымъ и прямой искренности весьма противнымъ образомъ стараетесь охулить свѣту ея прочность.

«Вы не можете не чувствовать, колико тѣмъ преступили вы вашъ долгъ и военныя узаконенія и колико нужно загладить толь вредительный примѣръ для воинской дисциплины, коликое сіе поправленіе для васъ тягостно быть имѣло-бъ, и чего наше правосудіе притомъ требуетъ.

«Но какъ всегда превозмогаетъ наше природное милосердіе и мы не хотимъ еще совсѣмъ забвенію предать прежнихъ вашихъ заслугъ, которыми вы снискали нашу милость и благоволеніе, а притомъ твердо вѣримъ, что вы крайне соболѣзнуете и раскаиваетесь о своемъ въ скорости и безъ разсужденія учиненномъ поступкѣ, то хотимъ на сей разъ сію, инако не прощаемую, вину вамъ всемилостивѣйше отпустить и забвенію предать но вамъ надлежитъ, оную чувствуя, во первыхъ, все то безъ отрицанія исполнить, что вамъ отъ нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина приказано будетъ, а потомъ стараться новымъ усердіемъ и лучшимъ воинскихъ регулъ наблюденіемъ заслужить паки нашу императорскую милость на мѣсто бѣдственныхыхъ для васъ слѣдствій нашего гнѣва»¹⁾.

Между тѣмъ еще 5-го ноября Тотлебенъ подалъ въ отставку, ссылаясь на то, что кампанія кончилась, ѣздить верхомъ онъ не въ состояніи, лихорадка его длится 4 мѣсяца, а при Глогау контуженъ бомбою, отъ чего правое ухо не слышитъ, и, наконецъ, не знаетъ русскаго языка²⁾; но видно, или имъ очень дорожили, вслѣдствіе недостатка въ генералахъ, или за него заступался Воронцовъ, которому, намекая на необходимость подкрѣпить

¹⁾ Моск. архивъ, м-ва и. д., № 32, 1760 г.

²⁾ Тоже, 1761 г., № 106.

пѣхотою ввѣренный ему корпусъ легкихъ войскъ, онъ жаловался на гоненія со всѣхъ сторонъ, говоря, что не имѣетъ пріятелей никого инаго, кромѣ рядоваго солдата ¹⁾, потому что 4 декабря 1760 г. послѣдовалъ на его имя рескриптъ такого содержания:

— «Мы съ сожалѣніемъ усмотрѣли, изъ доношеній нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина, что слабое состояніе вашего здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства принуждаютъ васъ просить увольненія изъ нашей службы. Мы не обыкли кого либо насильно въ оной удерживать, но какъ война приходитъ теперь почти къ окончанію, и мы въ продолженіе службы вашей болѣе, нежели когда либо имѣемъ надобность, а притомъ увольненіе ваше нынѣ воспослѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ, кои подвержены различнымъ истолкованіямъ, то въ уваженіе чести и знатности нашей службы, въ милостивомъ напоминаніи всѣхъ вашихъ донынѣ показанныхъ ревностныхъ заслугъ, и всегда различая оныя отъ временныхъ случаевъ, не можемъ мы теперь согласиться на дозволеніе просимаго абшида; пачеже столько увѣрены пребываемъ о похвальномъ вашемъ желаніи прямой и существенной славы и о вашемъ къ намъ усердіи, что отправленнымъ нынѣ къ нашему генералу-фельдмаршалу графу Бутурлипу рескриптомъ повелѣли не токмо всѣ легкія войска и назначенные имъ въ подкрѣпленіе два пѣхотные полка такимъ образомъ въ команду вашу отдать, чтобъ вы отъ него только зависимы были и повелѣнія получали, но и еще сей вашъ корпусъ столько умножить, сколько' потребно будетъ для тѣхъ намѣреній, о которыхъ отъ него вамъ пространнѣе объявлено будетъ.

«Мы не сумнѣваемся, что толь знаменитое возвращеніе нашей милости примете вы такимъ образомъ, чтобъ еще болѣе къ вамъ умножилась наша повѣренность и благоволеніе, напротивъ чего можете твердо увѣрены быть, что въ начальникѣ вашемъ найдете вы всегда себѣ благодѣтеля и предстателя, а отъ насъ получите справедливое и достойное заслугъ вашихъ воздаяніе. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны» ²⁾.

Рескриптъ этотъ былъ полученъ Бутурлинымъ 13-го декабря

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, VII, 419, 421.

²⁾ Дѣло сенатскаго архива.

въ Мариенбургѣ и онъ того же числа послалъ Тотлебену слѣдующее письмо:

— «Хотя я думаю, что ваше сіятельство и безъ того, по данному отъ меня позволенію, и поруча уже вашу команду полковнику князю Амилахорову, для пользованія отъ вашихъ болѣзней сюда въ Мариенбургъ ѣхать изволите, но какъ я между тѣмъ съ сегодняшнимъ курьеромъ получилъ отъ ея императорскаго величества нашей августѣйшей государыни къ вамъ такими всевысочайшими милостями наполненный особый рескриптъ, то я за нужно нахожу вашему сіятельству о томъ чрезъ сіе знать дать, съ присовокупленіемъ, чтобъ вы приѣздомъ сюда, елико состояніе вашего здоровья дозволить, ускорили, дабы я оный рескриптъ вамъ персонально вручить, а притомъ и увѣрить васъ могъ о моей къ вамъ особой конзидераціи, съ которою я есмь вашего сіятельства послушный слуга ¹⁾».

Польщенный «толикими милостями», Тотлебенъ остался на службѣ и въ письмѣ къ канцлеру графу Воронцову, «своему отцу и благодѣтелю», клялся употребить остальные дни жизни для того, чтобъ показать себя достойнымъ довѣрія и милости августѣйшей монархини ²⁾. Въ письмѣ же къ императрицѣ отъ 22-го декабря ³⁾, указывая, что къ подачѣ прошенія объ увольненіи отъ службы побудили его «несказанныя въ командѣ его трудности, отъ которыхъ, какъ во время кампаніи, такъ и на зимнихъ квартирахъ, ни одной ночи спокойно проводить не могъ, но все свое здоровье потратилъ и отъ полученной при Цорндорфѣ раны въ голову, а въ послѣднюю кампанію отъ контузіи бомбою въ томъ же мѣстѣ головы, слухъ и память весьма слабы стали» ⁴⁾, онъ писалъ, что заслужить выраженные въ рескриптѣ

¹⁾ Какъ это письмо, такъ и другія, на которыя мы ссылаемся, находятся въ сенатскомъ дѣлѣ.

²⁾ Соловьевъ, 24, стр. 321.

³⁾ Моск. арх. м-ва ин. д., 1759—60 г., № 31.

⁴⁾ По свидѣтельству генеральнаго штабъ-доктора фонъ-Аша, произведенному 21 декабря 1760 г. по распоряженію Бутурлина, Тотлебенъ «дѣйствительно находился въ поврежденномъ здоровьѣ: отъ порубленнаго черепа и ганы въ правой щекѣ боль въ головѣ; отъ лошадиного удара въ грудь тяжелая одышка; четверодневная лихорадка; одышка и сухой кашель точно происходятъ отъ крѣпости въ печенкѣ, въ правомъ боку и въ томъ мѣстѣ онъ чувствительную боль имѣеть». (Московск. архивъ м-ва иностр. дѣл., 1760 г., № 13).

4 декабря обнадеживанія онъ находится не въ состояннн, «хотя бы сто жизней имѣлъ», но ввѣряемую ему команду, какъ ни слабъ, съ радостію будетъ управлять и надѣется принести ея величеству честь и пользу, особенно въ виду того, что къ корпусу его придана пѣхота, и онъ будетъ находится непосредственно подъ начальствомъ Бутурлина, «котораго, дѣйстви- тельно, за отца и благодѣтеля своего почитаетъ».

Въ отвѣтъ на это,—какъ объявилъ Бутурлинъ 18 января 1761 г.—«всевысочайше повелѣно было, предавая все прошедшее совершенному забвенію, обнадежить его вновь монаршею милостію», не смотря на то, что на требованіе напечатать опроверженіе реляціи о взятія Берлина Тотлебенъ, 20-го декабря. отвѣчалъ Бутурлину, что сдѣлать это не дозволяетъ ему честь, такъ какъ реляція та согласна съ истиною, и что онъ готовъ лучше умереть, или понести тягчайшее наказаніе ¹⁾).

V.

Кампанію 1761 года предположено было вести энергично и начать ее, по возможности, ранѣе, чтобы побудить Фридриха II къ заключенію честнаго и прочнаго мира, но не перемирія, о которомъ былъ поднятъ вопросъ Франціею и которое нашимъ правительствомъ считалось крайне вреднымъ, такъ какъ давало прусскому королю средства собраться съ силами и, по окончаніи его, напасть на союзниковъ съ большимъ разчетомъ на успѣхъ. «Если нынѣшнюю кампанію не дѣйствовать со всѣхъ сторонъ съ крайнею ревностью, — сказано было въ рескриптѣ Бутурлину, — то надобно опасаться самыхъ вредныхъ слѣдствій и, напротивъ того, сильными и поспѣшными дѣйствіями всѣ опасности отвратятся и можно будетъ ожидать самыхъ полезныхъ плодовъ отъ нынѣшней войны» ²⁾).

Корпусъ Тотлебена былъ оставленъ въ Помераніи и долженъ былъ распространяться въ этой области какъ можно далѣе

¹⁾ Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, 1761 г., № 34.

²⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 24, стр. 372.

Въ началѣ января онъ возвратился изъ разрѣшенной ему въ декабрѣ истекшаго года поѣздки въ Данцигъ ¹⁾ и одержалъ даже надъ непріятелемъ «знатный авантажъ», причемъ, какъ писалъ Бутурлинъ ²⁾, основываясь на рассказахъ лицъ, посланныхъ Тотлебенемъ съ этимъ извѣстіемъ, — командиръ его находился въ великой опасности и именно, переплывая рѣку, едва не утонулъ и спасся только благодаря сильной лошади ³⁾. Присовѣтовавъ ему «впредь въ подобныя отваги не вдаваться, но паче оныхъ остерегаться», Бутурлинъ еще 13 января, основываясь на извѣстіяхъ о заключеніи австрійцами перемирія съ пруссаками, представлялъ императрицѣ о приостановленіи, «по австрійскому примѣру», дѣйствій корпуса Тотлебена до будущей кампаніи и войско его, «для потребнаго имъ отдохновенія и снабденія нужными вещами, изъ нынѣшнихъ мѣстъ назадъ подвинуть и хотя въ Помераніи же, но близъ Польши такимъ образомъ расположить, чтобъ имъ потребное пропитаніе доставлять можно было, а, напротивъ того, три туда марширующіе пѣхотные полки (т. е. назначенные въ команду Тотлебена) и совсѣмъ назадъ взять» ⁴⁾. Въ томъ же духѣ Бутурлинъ писалъ и 2 февраля, а между тѣмъ распорядился, чтобы командиръ означенныхъ пѣхотныхъ полковъ, бригадиръ Бекетовъ, не ходилъ далѣе назначенныхъ въ Помераніи мѣстъ, и именно Шлаге и Кранге, и 14 января приказалъ Тотлебену не заходить далеко ⁵⁾. Получивъ это приказаніе, Тотлебенъ разгорячился и, указавъ на неудобства, происшедшія для него отъ отзыва пѣхоты, 18 января написалъ Бутурлину рапортъ, въ которомъ позволилъ себѣ помѣстить слѣдующія выраженія: «изъ вашего высокографскаго сіятельства ордера я усматриваю, съ крайнею печалью, что ваше сіятельство гнѣвны; токмо, ежели ваше сіятельство приказать соизволите, то я прикажу пѣхотѣ назадъ маршировать и тогда мнѣ уже возможности не будетъ о ихъ субсистенціи стараться, почему непріятель легкія войска въ нѣсколько дней изъ Помераніи вы-

¹⁾ Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина, д. № 42.

²⁾ Ордеръ 16 января.

³⁾ Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина.

⁴⁾ То же.

⁵⁾ Реляція 13 января 1761 года.

гонить и всё до сихъ мѣстъ стараніе и труды вашего сіятельства безъ всякой пользы останутся» ¹⁾.

«По дружбѣ моей къ вашему сіятельству,—отвѣчалъ на это Бутурлинъ 24 января,—не могу оставить вамъ не примѣтить, что мнѣ не бездосадно было изъ рапорта вашего видѣть ваши экспрессіи, которыя вы, при всѣхъ вашихъ ревностныхъ и похвальныхъ распоряженіяхъ о возвращеніи назадъ пѣхоты, употребили; ваше сіятельство знаете, что долгъ главнаго командира требовалъ о пропитаніи и безопасности всѣхъ частей ввѣренной ему арміи попеченіе имѣть. Сему долгу надобно было и приписывать мои напоминанія, которыя я вашему сіятельству въ наставленіе о томъ дѣлалъ, и буде и въ тотъ часъ съ надлежащимъ послушаніемъ исполнялись, то главному командиру о своихъ въ томъ резонахъ безъ огорченія представлять, столь наипаче, что подобныя экспрессіи, вмѣсто усилія въ службѣ, общее неудовольствіе произвести могутъ. Со всѣмъ тѣмъ я единственно только о томъ примѣтить хотѣлъ, а, впрочемъ, прошу увѣрену быть, что я совершенное во всемъ на васъ надѣяніе имѣю и въ томъ отнюдь вы сомнѣваться не можете о моей неложной дружбѣ и почтеніи» ²⁾.

Когда же Тотлебенъ прислалъ письмо, на французскомъ языкѣ, съ извиненіями въ своихъ «экспрессіяхъ», оскорбившихъ Бутурлина, указывая на то, что онъ не знаетъ русскаго языка, и прося не считать его, стараго солдата, способнымъ нарушить долгъ подчиненности и почтенія къ главному начальнику арміи и къ тому, кого онъ обожаетъ и любитъ болѣе, чѣмъ отца ³⁾, то Бутурлинъ, «обнадеживая, что никакой досады не имѣетъ, но паче истинную дружбу сохраняетъ, не сомнѣваясь и во взаимной, такъ что и бывшія его изъясненія и учиненныя примѣчанія за минувшее уже дѣло поставляетъ», задалъ вмѣстѣ съ тѣмъ новую головомоюку Тотлебену въ томъ же ордерѣ отъ 4 февраля ⁴⁾. «Изъ рапортовъ вашихъ усмотря,—писалъ онъ,—строгій вашъ поступокъ съ подчиненными, обойтись не могу вновь вамъ примѣтить,

¹⁾ Московск. арх. м-ва ин. дѣлъ № 50.

²⁾ То же.

³⁾ То же.

⁴⁾ Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ. № 49.

что хотя всемѣрно надобно строгость наблюдать, однакожь, въ томъ и нѣкоторую умѣренность имѣть и различіе дѣлать, какъ, на примѣръ, при наказаніи рядовыхъ казаковъ за оплошное содержаніе ихъ пикета подлежало-бъ съ старшинами нѣсколько легче поступить, которыхъ вы также шпицрутенами наказали. Отъ подобнаго неразличія неминуемо произойдетъ въ людяхъ огорченіе, уныніе и нерадѣніе къ службѣ, а персонально къ вамъ неудовольствіе. Сіи справедливыя уваженія заставляютъ меня вашему сіятельству оное для переду больше менажировать. Равномѣрное обстоятельство усмотрѣлъ я и съ арестованными отъ васъ бригадиромъ Краснощокowymъ и полковникомъ Перфильевымъ. Можетъ быть, они того по своимъ винамъ заслуживаютъ, но время было напередъ о томъ мнѣ представить и довольствоваться только отказомъ имъ отъ команды, столь наипаче, что помянутый арестъ, по усмотрѣніи ихъ преступленія, и отъ меня уже учиненъ быть могъ бы и что подобное арестованіе бригадира безъ главнаго командира не только воинскимъ регуламъ противно, но не иначе бываетъ, какъ развѣ въ криминальныхъ дѣлахъ и произведеніи напередъ слѣдствія. По симъ резонамъ также оставиться не могъ вашему сіятельству, какъ пріятель, совѣтовать впредь въ такихъ дѣлахъ болѣе умѣренности употреблять. А какъ между тѣмъ намѣрены вы ихъ прислать сюда съ показаніемъ ихъ винъ, то гораздо лучше сдѣлать было, когда бы вы, имъ шпаги возвратя, сіе дѣло на мое усмотрѣніе отдали»¹⁾.

Не успѣла кончиться эта переписка, какъ Тотлебенъ, которому 6 февраля было объявлено монаршее благоволеніе за попеченія его о доставленіи въ армію медикаментовъ изъ Берлина²⁾ и въ особенности за все то, что имъ до тѣхъ поръ было

¹⁾ Изъ рапорта Тотлебена отъ 28 января 1761 г. (моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, № 49) и изъ реляціи Бутурлива отъ 2 февраля (моск. арх. м-ва юст.) видно, что бригадиръ Краснощокowy и казачій полковникъ Перфильевъ были арестованы за слабое смотрѣніе за ихъ подчиненными, за происшедшія отъ того продерзости и за неисполненіе ордеровъ Тотлебена о недопущеніи насильствъ надъ жителями.

²⁾ Въ бытность въ Берлинѣ Тотлебенъ приказалъ поставить въ Данцигъ, для арміи, „нѣкоторое число разныхъ медикаментовъ“. Реляція Бутурлива 2 января 1761 г. Г. Р.

сдѣлано въ Помераніи, поразилъ Бутурлина новымъ своимъ поступкомъ.

7-го февраля Бутурлинъ получилъ отъ него два, посланные въ одномъ конвертѣ, рапорта отъ одного и того же 6-го числа. Первымъ изъ нихъ онъ доносилъ: «я здѣсь и въ Ригенвальдѣ имѣю великое число провіанта и фуража, которое я хотѣлъ бы отправить въ столпенскій магазинъ. Отъ вчерашняго числа идетъ великій дождь, отъ чего дорога весьма худая сдѣлалась, и вода такъ много умножилась, что большая часть хорошаго фуража остаться или сжечь должно, когда неприятель впередъ подвинется. Пѣхота отъ такой худой дороги великій уронъ имѣть будетъ и многія государевыя лошади вовсе пропадутъ. Магазиномъ моимъ въ Столле и въ Лауенбургѣ, кои не мало наполнены, корпусъ мой пользоваться не можетъ, понеже неприятель, который вдвое меня сильнѣе, конечно, меня въ Польшу провожать будетъ. Въ Польшѣ особливо легкимъ войскамъ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ является и притомъ отъ патрулинговъ и безпокойствъ безпрестанно въ безсиліе приведены будутъ. Пѣхотѣ недостатокъ является къ предбудущей кампаніи аммуничныхъ вещей и тягостей. Гусарскіе полки еще не обмундированы, идутъ многіе нагишемъ и нѣсколько сотъ человѣкъ идутъ пѣшіе. Сіи многія и прочія обстоятельства, а особливо, когда шведы и австрійцы съ неприятелемъ перемиріе заключили и чрезъ то причину подали, что такой неприятельскій сильный корпусъ ¹⁾ противъ меня наступаетъ и всѣми важными экспедиціями препятствуетъ, то на благоразсужденіе вашего высокографскаго сіятельства оставляю не соблаговолено ли будетъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ, что между россійско-императорскою и неприятельскою арміею на нѣсколько недѣль или, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца перемиріе заключить и въ это время пѣхотные и гусарскій

¹⁾ Тотлебенъ доносилъ передъ тѣмъ Бутурлину, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ принцъ Генрихъ прусскій, съ знатнымъ корпусомъ войскъ, пойдетъ вскорѣ изъ Силезіи въ Померанію. Считая, что эти извѣстія, подтверждаемыя и съ другихъ сторонъ, „не гораздо имовѣрными быть кажутся“, Бутурлинъ поручалъ, однако, Тотлебену „быть въ осторожности“, но паче въ случаѣ съ превосходною силою устремленія на него неприятеля, отступить въ назначенныя мѣста (ордера 4 и 6 февраля 1761 г.). Г. Р.

полки, изъ коихъ послѣдніе уже три года винтеръ-квартиръ не имѣли, могли бы поправиться. Я попеченіе имѣть буду, чтобы мой корпусъ до 1 апрѣля такъ же, какъ понынѣ, безъ платы изъ казны ея императорскаго величества, но изъ непріятельскихъ земель довольствовался и въ Помераніи въ покоѣ остаться могъ. И когда отъ вашего высокографскаго сіятельства повелѣнія къ перемирію я имѣть буду, то надѣюсь и до того привести, что непріятель не далѣе впередъ подвинется и мнѣ ту часть Помераніи уступить, которою теперь владѣю, отъ чего російско-императорскому корпусу авантажъ и честь воспослѣдуетъ, что она еще не отступила, но токмо съ регулярнымъ войскомъ соединилась и остальное время до открытія кампаніи на коштѣ непріятельскомъ въ покоѣ остаться и въ добромъ состояніи поправляться можетъ.

«Проектъ подъ литерою А ¹⁾), въ силѣ ордера вашего высокографскаго сіятельства, втунѣ останется при приближеніи такого сильнаго непріятели, развѣ ваше высокографское сіятельство знатный корпусъ отправить изволите, чтобы непріятели разбить, къ чему я весьма безсиленъ нахожусь.

«Ваше высокографское сіятельство ордеромъ повелѣтъ соизволили, чтобы я ретировался до Польши, того не надобно и великій походъ, и возвращеніе не потребно будетъ, ежели ваше высокографское сіятельство пропозицію апробовать соизволите.

Въ другомъ же рапортѣ Тотлбенъ писалъ, что, не зная апробуетъ ли Бутурлинъ представленіе его о перемиріи, но чтобы имѣть время перевезти большое число провіанта и фуража изъ Ригенвальда въ Столпе, безъ помѣхи со стороны непріятели, стоявшаго лишь въ двухъ миляхъ отъ Шлаве, онъ заключилъ перемиріе на четыре дня, на паролъ, съ тѣмъ, чтобы непріятель остался на прежнемъ своемъ мѣстѣ. «Я уповаю, что ваше высокографское сіятельство оное апробовать соизволите, ибо мнѣ изъ того послѣдуетъ авантажъ, что я мой магазинъ въ Столпе могу беречь, а непріятель далѣе впередъ не подвинется, и что пѣхотные полки, при нынѣшнихъ худыхъ дорогахъ, не затруднены будутъ, а притомъ и легкія войска еще большею частію фуража между мною и непріятеlemъ удовольствоваться могутъ».

Въ виду такихъ донесеній, изъ которыхъ въ одномъ испра-

¹⁾ Т. е. проектъ внезапнаго захвата Кольберга; см. ниже.

шивалось разрѣшеніе на перемиріе, а другимъ сообщалось уже о послѣднемъ, какъ о совершившемся фактѣ, Бутурлину, согласно его выраженію, ничего болѣе не оставалось, какъ предписать Тотлебену: «ежели бы онъ увидѣлъ, что воды такъ сильно разлились и ретирада его, особенно же для пѣхотныхъ полковъ съ ихъ артиллеріею, весьма затруднилась, то продолжилъ бы перемиріе отъ своей персоны и своимъ именемъ до дальняго указа, только съ такою именно кондиціею, чтобъ деташментъ его въ тѣхъ мѣстахъ, кои въ Помераніи заняты, съ покоемъ остался, а, между тѣмъ, донести: 1) съ которой стороны пропозиція о перемиріи учинена; ежели отъ генераль-маіора Вернера, то знатно онъ не въ такой силѣ, какъ Тотлебенъ его поставлялъ? 2) Имѣется ли отъ Вернера какое нибудь на перемиріе обязательство, ибо въ рапортахъ ничего о томъ не упомянуто? 3) Какъ велики заведенные Тотлебеномъ въ Столпе и Лауенбургѣ магазины и на сколько времени провіанта и фуража на весь его деташментъ стать можетъ, въ виду чего смѣту и размѣръ учинить, дабы постановленное перемиріе до того времени продолжать можно было; но не взирая на то, что перемиріе постановлено, непріятелю отнюдь не довѣрять и имѣть за поступками его недреманное примѣчаніе, дабы иногда оный, хитрыми своими ухватками, какую либо сѣть не употребилъ ловить и тѣмъ оружію ея величества вреда бы не причинилъ. 4) Во особое уваженіе принять, буде Тотлебеномъ пропозиція Вернеру учинена, не заставитъ ли такой поступокъ непріятеля вознамѣряться и думать, что Тотлебенъ уже такъ ослабѣлъ и ретирада его такъ затруднена, что по крайней необходимости за сіе средство взятъя принужденъ былъ, и не помыслитъ ли, тѣмъ пользуясь, какой либо ударъ дать. По симъ толь важнымъ причинамъ наиприлежнѣйше рекомендуется заблаговременно приготовить къ порядочному выступленію изъ Помераніи и, не полагаясь на непріятельскія увѣренія, наудобовозможнѣйшую предосторожность отъ онаго имѣть».

«Впрочемъ,—прибавилъ Бутурлинъ,—я благонадеженъ, что ваше сіятельство, по вашему благоразумію, ничего не пророните, что къ охраненію вѣреннаго вамъ войска при нынѣшнемъ случаѣ удобнѣйшимъ признаете» ¹⁾).

¹⁾ Ордеръ 7-го февраля.

Не выждавъ отвѣта на упомянутые рапорты свои, Тотлебенъ перебрался въ Столпе и оттуда 7-го февраля донесъ, что хотя перемиріе на четыре дня прусскимъ капитаномъ Адеркасомъ было обнадежено именемъ генерала Вернера, однако, не полагаясь на эти увѣренія, онъ, для осторожности, въ тотъ же вечеръ поставилъ двѣ пушки на рѣкѣ Грабовъ у разореннаго моста при деревнѣ Нѣмецъ, съ тѣмъ, чтобы не допустить неприятеля къ починкѣ этого моста и переправиться по немъ, что и оказалось весьма полезнымъ, такъ какъ неприятель данный свой пароль не сдержалъ: авангардъ его, состоявшій изъ шести эскадроновъ, намѣревался перебраться при томъ мостѣ, для чего и восемь баталіоновъ пришло и былъ подвозимъ лѣсъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе, въ виду сильнаго подъема воды и пальбы изъ поставленныхъ противъ него пушекъ. «Я въ той же позиціи, какъ и 5 февраля находился,—присовокупляя Тотлебенъ,—понынѣ могъ остаться, понеже я отъ неприятеля ничего не опасался, но, видя, что рѣка Вѣпръ у мѣстечка Шлаве съ часу на часъ столь разливалась, что сообщеніе съ Столпе испортилось до того, что нельзя было проѣхать и верхомъ, а тѣмъ болѣе переправить пѣхоту и имѣвшуюся при ней артиллерію, заблагоразсудилъ отступить чрезъ Ригенсвальдъ до Столпе, дабы предупредить несчастіе».

Весьма удивительнымъ показался этотъ рапортъ Бутурлину. Какъ могъ неприятель такъ скоро нарушить свое слово, когда перемиріе было установлено до 10-го числа? «Сіи такъ часто отъ Тотлебена получаемыя перемѣны приводятъ меня утруждать ваше величество неосновательнымъ извѣстіемъ», писалъ онъ императрицѣ ¹⁾ и въ то же время послалъ Тотлебену слѣдующій отвѣтъ: «ваше сіятельство разсудите въ какой я заботѣ нахожусь, не зная на чемъ утвердиться, ибо вы меня увѣрили о перемиріи, а продолжается ли оное и основательное ли съ ихъ стороны имѣете увѣреніе, не упоминаете, о чемъ буду ожидать немедленной присылки обстоятельнаго и точнаго вашего

¹⁾ Реляція 10 февраля. Замѣчательнъ, для характеристикъ Тотлебена, постскриптумъ къ этой реляціи; въ немъ прописанъ рапортъ Тотлебена отъ 8-го февраля о томъ, что хотя неприятель сдѣлалъ нѣсколько тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ, Тотлебенъ, потерялъ только одного гусара, одного казака и одного артиллериста, который утонулъ; напротивъ, неприятель не малый уронъ претерпѣлъ.

рапорта, тѣмъ паче, что о продолженіи онаго перемирія на ваше отдадь разсмотрѣніе» ¹⁾).

Оправдываясь въ томъ, что за малымъ временемъ и болѣзнію не могъ изложить свои рапорты обстоятельно, Тотлебенъ объяснилъ, что предложенія о перемирії онъ не дѣлалъ, а сдѣлано было оно принцемъ Бевернскимъ, приславшимъ капитана Адеркаса, съ обнадеживаніемъ при томъ, что шведы и австрійцы заключили уже перемиріе и что это извѣстно Вернеру. Поэтому и въ виду того, что безъ разрѣшенія главнокомандующаго нельзя было принять такого предложенія, онъ согласился лишь заключить перемиріе на четыре дня, чтобы имѣть возможность перевезти пѣхоту, артиллерію и аммуницію. Намѣреніе же непріятельскаго авангарда перейти черезъ рѣку Вернеръ въ письмѣ своемъ извинялъ незнаніемъ начальника авангарда о перемирії. «Можетъ быть Вернеръ хотѣлъ обмануть, но теперь видитъ, что самъ обмануть, ибо весь русскій корпусъ, безъ малѣйшаго урона, благополучно дошелъ до Столпе». Къ этому Тотлебенъ добавилъ, что Вернеръ, въ письмѣ своемъ, снова упоминаетъ о перемирії и желаетъ прислать капитана Адеркаса, на что онъ, Тотлебенъ, пользуясь разрѣшеніемъ Бутурлина, отвѣтитъ, что хотя не получилъ еще разрѣшенія фельдмаршала на посланное ему о томъ представленіе, но заключить перемиріе самъ собою, не потому, однако, чтобы нуждался въ немъ, а единственно по человѣколюбію, изъ сожалѣнія къ померанскимъ жителямъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы обязательство о перемирії было подписано самимъ Вернеромъ, съ приложеніемъ его печати, а капитанъ Адеркасъ остался амманатомъ и чтобы переходъ непріятеля черезъ рѣку Вѣпръ считался нарушеніемъ мира.

Согласно этому предположенію и было заключено условіе съ Вернеромъ, причемъ было постановлено, что оно должно быть ратификовано принцемъ Бевернскимъ и Бутурлинымъ; но послѣдній отказался исполнить это, ссылаясь на неимѣніе соизволенія на то императрицы; если же съ прусской стороны будутъ домогательства по этому предмету, то, въ надеждѣ на высочайшую апробацію, онъ пришлетъ ратификацію и до получения указа ²⁾).

Домогательства, конечно, послѣдовали, какъ донесъ Тотле-

¹⁾ Ордеръ 10 февраля.

²⁾ Ордеръ 28-го февраля.

бенъ, увѣдомившій затѣмъ, 23-го марта, что Вернеръ желаетъ съ нимъ говорить и просилъ назначить день для свиданія въ Ригенсвальдѣ.

Разрѣшивъ это свиданіе, Бутурлинъ указалъ, однакоже, что такъ какъ Вернеръ самъ проситъ объ ономъ, зная притомъ о болѣзни Тотлебена ¹⁾, то и надо воспользоваться этимъ, имъ самимъ подавшимъ, поводомъ, чтобы не ѣхать въ прусскую сторону и тѣмъ себя «какому несходствію, а паче опасности и самому вреду не подвергать». Поэтому онъ рекомендовалъ отозваться Вернеру, «что хотя на то (свиданіе) моего позволенія вы еще не имѣете, однакоже, получить не сомнѣваетесь, но какъ извѣстнымъ ему образомъ болѣзнь ваша не дозволяетъ вамъ куда либо въ другое мѣсто для того ѣхать и, слѣдовательно, вамъ инаго способа нѣтъ, какъ въ самомъ Столпе съ нимъ видѣться, то вы его и просите, если ему угодно, къ вамъ въ Столпе пріѣхать. А дабы онъ въ томъ какого сомнѣнія не имѣлъ, то изволилъ бы вамъ предварительно сообщить при немъ какихъ людей и эскорта будетъ, дабы и вы толикое число для приѣма его выслать и опять препроводить могли. Что потомъ, а особливо при семъ въ Столпе свиданіи произойдетъ, буду я ожидать немедленнаго съ нарочнымъ увѣдомленія, столь наипаче, что помянутое свиданіе, по бытности Вернера въ Лейпцигѣ, а можетъ быть и у самого короля, нѣчто важнаго въ себѣ содержать будетъ. Между тѣмъ я увѣренъ пребываю, что ваше

¹⁾ Еще 15-го марта Тотлебенъ просилъ освободить его отъ команды на нѣсколько времени и дозволить ѣхать въ Польшу въ деревню, для поправленія въ здоровьѣ, которое со дня на день хуже становилось: „приключаются такіе припадки.—писалъ онъ,—которые пророчествуютъ ближнюю кончину моего вѣка“; но Бутурлинъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, ссылаясь на то, что своею властію этого сдѣлать не можетъ, и предложилъ отдохнуть на мѣстѣ, давъ команду бригадиру Бекетову. Тогда Тотлебенъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы (моск. арх. ин. д. №№ 49 и 50). Представляя это прошеніе и донеся, что онъ отправилъ въ Тотлебену доктора Аша, Бутурлинъ писалъ императрицѣ, что такъ какъ служба Тотлебена, „въ разсужденіи его достоинствъ, по меньшей мѣрѣ, на нынѣшнюю войну полезна и надобна, то не соизволите ли, для удержанія его въ службѣ и лучшаго ободренія, если не нынѣ пожаловать его генераль-поручикомъ, то хотя обнадежить, что при первомъ генералитетскомъ произвожденіи, конечно, награжденъ будетъ. Также не пожалуете-ли ему маентность въ Лифляндіи, чтобы онъ къ пребыванію въ имперіи свое пристанище имѣлъ. Хотя я самъ достоинно вѣдаю, что онъ боленъ, но статья можетъ, что и перемѣна чина сему его прошенію причиною есть, столь больше, что иногда ему обидно, что извѣстный Вернеръ въ генераль-поручики пожалованъ“. (Реляція 27-го марта).

сіятельство, по извѣстному вашему къ ея императорскому величеству усердію и по собственнымъ вашимъ благороднымъ сентиментамъ, ничего того не упустите, чего при подобномъ, иногда въ самомъ дѣлѣ важномъ свиданіи, для пользы службы и интересовъ ея величества, престоерегать наблюдать надобно, и никакими съ непріятельской стороны, иногда чинимыми, хитрыми предложеніями себя уловить не допустите» ¹⁾).

Должно быть, такое наставленіе не совсѣмъ понравилось Тотлебену, потому что въ отвѣтъ на его рапортъ отъ 28-го марта, котораго мы не знаемъ, Бутурлицъ счелъ нужнымъ объяснить ему, что свиданіе съ Вернеромъ весьма нужно, ибо онымъ откроется причина, для чего онъ этого желаетъ, и что порученіе стараться, чтобы онъ въ Столпе пріѣхалъ, сверхъ объясненныхъ уже причинъ, дано и для того, «чтобы въ нужномъ и важномъ иногда дѣлѣ и причинимыхъ какихъ либо новыхъ предложеніяхъ переписки мнновать и, напротивъ того, при персональномъ свиданіи ваше сіятельство лучше въ состояніи были бы, по извѣстному вашему къ службѣ усердію, интересы и пользу ея величества престоеречь, такъ какъ по вашему остроумію и прямой смыслъ всѣхъ Вернеровскихъ предположеній лучше узнать и проникнуть».

Вслѣдствіе этого Бутурлицъ вновь рекомендовалъ «Вернера всемѣрно до того привести, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ и, какъ чаять надобно, что отъ него нѣкоторыя предложенія будутъ, то если эти предложенія клонятся будутъ къ миру, надобно оныя единственно взять ко мнѣ на доношеніе, а если, напротивъ того къ продолженію перемирія, точно на основаніи нынѣшняго, и съ уступкою въ нашу сторону Ремельсбурга и Нейштетина съ уѣздами, то я васъ симъ въ запасъ уполномочиваю, не токмо сіе предложеніе принять, но и подобное перемиріе до 15 (26) мая продлить и на томъ тотчасъ конвенцію заключить» ²⁾).

Послѣ такого разъясненія надобно было повиноваться волѣ главнокомандующаго. Вернеръ былъ приглашенъ и 8 апрѣля пріѣхалъ къ Тотлебену, который и принялъ его, «какъ по его чину требовалось». На другой день Вернеръ предложилъ продолжить перемиріе еще на мѣсяць, на что Тотлебенъ согласился

¹⁾ Ордеръ 24 марта.

²⁾ Ордеръ 30 марта.

и донесъ Бутурлину, что, сколько онъ могъ примѣтить, непріятель весьма радъ былъ бы, еслибы, по его желанію, перемиріе было продолжено еще далѣе, и что Вернеръ «себя оказываетъ человѣкомъ честнымъ и безъ лукавства»¹⁾; но Бутурлинъ изъявилъ согласіе на заключеніе перемирія лишь до 15 мая.

Разрѣшеніе свиданія Тотлебена съ Вернеромъ было одобрено конференціею. «Вы хорошо сдѣлали,—сказано было въ рескриптѣ Бутурлину,—что позволили графу Тотлебену видѣться съ Вернеромъ. Мы почти увѣрены, что если до свиданія дойдетъ, то Вернеръ будетъ или о мирѣ предлагать, или будетъ стараться заподозрить предъ нами нашихъ союзниковъ. Надобно все выслушивать и на первое, не отвѣчая ничего рѣшительнаго, намъ доносить, а на послѣднее и тотчасъ можно отвѣчать, что мы вполне увѣрены въ твердости и искренности нашихъ союзниковъ; да еслибъ и не такъ было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чѣмъ заподозрить ихъ и не устоять въ своихъ обязательствахъ; что всякое нечистосердечное покушеніе послужитъ только къ продолженію раззорительной войны, а къ достиженію мира одинъ способъ—прямо предлагать и показать дѣйствительную готовность къ удовлетворенію обиженныхъ сторонъ».

Вслѣдъ же затѣмъ, по поводу присланнаго Тотлебеномъ Бутурлину письма одного его пріятели изъ Берлина, въ коемъ упоминалось, что миръ между Франціею и Англіею уже заключенъ, и которое было получено Тотлебеномъ во время переговоровъ съ Вернеромъ, конференціею было указано Бутурлину, что и письмо это служило только приготовленіемъ къ тому, чтобы внушенія Вернера произвели свое полное дѣйствіе. Поэтому предписывалось увѣдомить Тотлебена, чтобы онъ остерегался подобныхъ внушеній. Но, исполняя это повелѣніе, Бутурлинъ послалъ Тотлебену ордеръ отъ 12 мая въ такой формѣ, которая давала поводъ думать, что въ средѣ членовъ конференціи существуютъ какъ бы опасенія на счетъ благонадежности Тотлебена. «Хотя я не чаю,—значилось въ этомъ ордерѣ,—чтобы по нынѣшнему вашего сіятельства изъ Помераніи выступленію до какихъ либо къ вамъ отзывовъ съ непріятельской стороны дошло, однакожь, въ силу высочайшаго повелѣнія, на случай чинимыхъ вамъ иногда съ прусской стороны какихъ либо хитрыхъ, а особливо

¹⁾ Репортъ 9 апрѣля 1761 г.

о мирѣ или тому подобному внушеній, предписать нахожу нужнымъ, чтобъ вы весьма отъ того остерегались и оному отнюдь вѣры не подавали, а на чинимыя иногда вамъ персонально при случаѣ съ прусской стороны внушенія съ твердостію и достоинствомъ отвѣтствовали, что сколько извѣстны вамъ высочайшіе ея императорскаго величества сантименты, буде чистосердечнымъ и откровеннымъ съ королевской прусской стороны поведеніемъ можно ея величество преклонить къ снисхожденію и природному человѣколюбію, то, напротивъ того, всякое неискреннее покушеніе утвердить только ея императорское величество въ высочайше принятыхъ однажды намѣреніяхъ, а встрѣчающіяся трудности послужать новымъ побужденіемъ преодолевать оныя. Сіе вашего сіятельства изъясненіе имѣетъ только на случай отзывовъ прусскихъ быть чинено, а безъ того въ вышней тайности у васъ хранено. Да что и когда по тому произойдетъ, немедленно мнѣ рапортовано быть, и о семъ же такъ, какъ отъ себя, а не по повелѣнію объявлять»¹⁾.

Задѣтый этимъ ордеромъ за живое, Тотлебенъ сильно оскорбился имъ. «Секретнѣйшій ордеръ вашего сіятельства сего мѣсяца отъ 12 числа,—отвѣчалъ онъ 16-го мая,—я по эстафетѣ сего числа получилъ, изъ котораго, по высокому его стилю, силы и значенія его содержанія понять не могъ. Я никогда съ непріятельскими генералами корреспонденціи не имѣлъ. Что-жъ принцъ фонъ-Бевеиъ и генераль Вернеръ до сего времени ко мнѣ писали, о томъ все вашему сіятельству рапортовалъ и какія на то повелѣнія отъ вашего сіятельства получалъ, то и имъ отвѣтствовалъ. Я ссылаюсь на всѣ мои объ ономъ рапорты, которые я къ вашему сіятельству посылалъ. Вся корреспонденція касалась перемирія и размѣна плѣнныхъ такъ, какъ ваше сіятельство приказали. Что я съ генераломъ Вернеромъ, противъ моего желанія, здѣсь говорить долженъ былъ, то по особливому вашему сіятельства приказанію чинено, но только я здѣсь никогда съ нимъ наединѣ не былъ, а всегда при томъ другіе были, и что онъ мнѣ говорилъ, я вашему сіятельству по эстафетѣ доносилъ.

«Перемиріе сего числа кончилось²⁾, а я генералу Вернеру писалъ, ежели что впредь къ надобности потребуется, чтобъ онъ

¹⁾ Ордеръ 12 мая 1761 г.

²⁾ Въ ратификаціи принца Беверскаго 3 марта 1761 г. заключеннаго

ко мнѣ болѣе не адресовался, но непремѣнно къ вашему сіятельству писалъ.

«Я еще малый человѣкъ, чтобъ мнѣ въ миръ и прочія важныя дѣла мѣшаться, да и непріятеля можно бы къ посмѣянію привести, ежелибъ объ ономъ ко мнѣ адресовался. Ваше сіятельство милостиво мнѣ справедливость оказать соизволите и повѣрите, что я себя ни къ чему въ употребленіе не дамъ, какъ только о чемъ ваше сіятельство прикажете и что ея императорское величество къ службѣ востребуетъ».

Такой отзывъ нельзя было оставить безъ отвѣта и Бутурлинъ успѣшилъ успокоить обидѣвшагося, пославъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Изъ рапорта вашего сіятельства отъ 16-го числа сего мѣсяца не могъ я безъ сожалѣнія усмотрѣть, что вы секретнѣйшій мой ордеръ не совершенно поняли, а того еще больше, что оный себѣ за обиду почитаете и, можетъ быть, думаете, что оный отъ меня только происходитъ. Въ объясненіе того я вашему сіятельству объявляю, что сей ордеръ къ вамъ отправленъ точно по именному высочайшему повелѣнію и единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ вы въ состояніи были сентименты ея императорскаго величества изъяснить въ случаѣ, буде къ вамъ какіе коварные отзывы съ непріятельской стороны были, чего, по прежнимъ прусскимъ примѣрамъ, а особливо при намѣряемой нынѣ мирной негоціаціи и когда непріятель вездѣ тѣмъ покушается, и чають причина есть. Я васъ увѣрить могу, что свиданіемъ вашимъ съ Вернеромъ и перепискою вашею какъ съ нимъ, такъ и съ принцемъ Бевернскимъ и употребленными при томъ осторожными поступками не только я, но и всевысочайшій дворъ весьма доволенъ.

«Въ разсужденіе чего я, въ надѣяніи на должную вашу осторожность, вашему сіятельству рекомендую помянутый вашъ, въ скорости учиненный, поступокъ поправить и съ Вернеромъ, и съ принцемъ Бевернскимъ по прежнему, буде случай подастся, корреспондовать, а меня только о томъ увѣдомлять» ¹⁾.

Г. К. Рѣпиновій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

14 (25) февраля договора Тотлебена съ Вернеромъ значитъ, что перемиріе было заключено до 1-го (12-го) мая. (Московск. арх. мин. ин. дѣлъ, 1761 г., № 101).

¹⁾ Ордеръ 20 мая 1761 г.

1738 — 1833.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ

ЖИЗНИ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

Часть пятая или начало 35-я.

Плоды 1799 и 1800 годовъ.

НАЧАТО 19 мая 1821
КОНЧЕНО 19 мая 1822
ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

Постоянные читатели «Русской Старины», без сомнѣнія, съ удовольствіемъ встрѣтятъ вновь на страницахъ этого изданія—давняго своего знакомаго Андреа Тимошеевича Болотова. Онъ памятенъ и дорогъ намъ. Дорогъ не потому только, что двадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли истинное удовольствіе украсить его разсказомъ первыя книги нашего историческаго сборника и затѣмъ четыре года сряду, изъ книги въ книгу, продолжали этотъ разсказъ, но потому, что прелесть простодушнаго, честнаго, полной жизненной правды, сказанія Болотова о бытїи русскаго современнаго ему дворянства XVIII-го вѣка — была въ высокой степени привлекательна.

Жизнеописаніе А. Т. Болотова издано нами въ 1870—1873 гг. въ двадцати девяти частяхъ, составившихъ четыре тома; оно охватываетъ время съ конца XVII-го по 1795 годъ, т. е. почти по конецъ XVIII-го вѣка. Этотъ историко-литературный памятникъ занялъ весьма видное мѣсто въ ряду источниковъ новѣйшей отечественной исторіи; по общему признанію нашей исторической критики, Записки Болотова составляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для исторіи быта, главнымъ образомъ, средняго, помѣстнаго великороссійскаго дворянства за время прошлаго столѣтія, почему онъ и является въ числѣ источниковъ въ монументальныхъ трудахъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ напр. историка С. М. Соловьева, а за нимъ и многихъ другихъ писателей и ученыхъ.

Представитель старой, коренной русскои дворянской фамиліи—Андрей Тимошеевичъ Болотовъ — родился въ 1738-мъ году и, по существовавшему тогда закону общей служебной повинности для всего дворянства, рано поступилъ въ военную службу. Въ качествѣ офицера—онъ участвуетъ въ рядахъ русскои арміи въ походахъ и сраженіяхъ семилѣтней войны съ Пруссіей; затѣмъ мы его видимъ адъютантомъ одного изъ генераловъ при дворѣ Петра III; однимъ изъ первыхъ по времени дворянъ, Болотовъ воспользовался манифестомъ 18-го февраля 1762 г., освободившимъ руссійское дворянство отъ обязательной службы; далѣе мы его видимъ — помѣщикомъ села Дворянинова въ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, при чемъ онъ является типичнымъ представителемъ лучшихъ помѣщиковъ — хозяевъ домоводовъ и садоводовъ своего времени; мало этого, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» онъ издаетъ, первый по времени, сельско-хозяйственный журналъ «Экономическій Магазинъ», и въ виду его агрономическихъ свѣдѣній, путемъ труда и науки добытыхъ, Болотовъ приглашается въ управители удѣла (въ той же губерніи, село Богородицкыиный городъ), удѣла питомца Екатерины II — Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (род. 1762 † 1811 г.), съ 1796 года графа Бобринскаго.

Записки А. Т. Болотова — изданіе «Русскои Старины», прерываются 1795 годомъ; мы имѣли предъ собой — 29 частей этого труда и напечатали все, что у насъ было; къ счастью, всѣ эти части шли непрерывно; но, извѣстно,

что Болотовъ велъ свое сказаніе далѣе 1795 года, онъ писалъ его до дней самой глубокой старости, до которой и дожилъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1833-мъ году, 96 лѣтъ отъ роду, и рассказъ его охватывалъ, въ двухъ собственной его руки редакціяхъ — «Черноваго журнала всендневныхъ событій» и обработаннаго уже систематическаго изложенія, время до 1811 года, такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ его покойный внукъ Михаилъ Павловичъ Болотовъ, которому дѣдъ читалъ отрывки изъ записокъ, именно изъ этого времени ¹⁾.

Оставивъ, въ 1796-мъ году, мѣсто управляющаго гр. А. Г. Бобринскаго, А. Т. Болотовъ поселился окончательно въ своемъ имѣніи Дворяниновѣ и прожилъ еще 37 лѣтъ — весь поглощенный литературными и агрономическими занятіями.

Труды эти выразились во множествѣ всевозможныхъ собственноручныхъ рукописей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, въ прозѣ и стихахъ; всѣхъ его сочиненій, кромѣ «Экономическаго Магазина», 40 томовъ, по показанію его внука, было до 80. Труды эти были — историческіе, агрономическіе (домоводство, садоводство, о хозяйств. постройкахъ и проч.) ²⁾, религиозные, критическіе — словомъ изъ разныхъ областей литературы, въ каковыхъ писалъ Андрей Тимофеевичъ: то былъ одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ и самыхъ образованныхъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Сравнительно лишь весьма небольшая часть его рукописей была напечатана; большая же часть была развезена его внуками (онъ имѣлъ одного сына и 4 дочери), въ разные концы Россіи, куда только они разлѣхались, и многія изъ этихъ рукописей были утрачены.

Лучшая часть архива А. Т. Болотова сохранилась у его достойнаго правнука В. А. Болотова, съ честью занимавшаго долгое время — постъ мирового судьи въ С.-Петербургѣ и пользующагося уваженіемъ всѣхъ лицъ, его знающихъ. Сынъ его, Александръ Владиміровичъ, праправнукъ Андрея Тимофеевича, также заботливо относится къ бібліотекѣ и архиву своего знаменитаго прапрадѣда.

Получивъ отъ В. А. и П. А. Болотовыхъ первыя 29 частей рукописи Записокъ А. Т. Болотова, которыя и напечатаны нами въ 1870—1873 гг. въ приложеніи къ «Русской Старинѣ» тѣхъ годовъ, мы въ 1886-мъ году получили найденныя ими у родныхъ еще пять книжечекъ второй обработанной А. Т. Болотовымъ редакціи его Записокъ — именно части 35, 36, и 37, заключающія въ себѣ его рассказъ о 1799—1802 гг., затѣмъ особые томики, заключающіе описаніе 1802 г. съ 7-го октября и 1805 г. жизни этого писателя; такимъ образомъ, между 1795-мъ годомъ, на которомъ прерываются Записки Болотова, изд. при «Русской Старинѣ» 1870—1873 годовъ, и текстомъ теперешняго продолженія описанія жизни «Андрея Болотова» — пробѣлъ въ четыре года; къ нему относится имѣющійся у насъ отъ г. Киселева дневникъ Болотова ³⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 738—753.

²⁾ Многія изъ этого отдѣла рукописи находятся въ «Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства», въ бібліотекѣ Общества.

³⁾ «Черноваго журнала всендневныхъ событій» А. Т. Болотова, составляющаго черновую редакцію его Записокъ и прочихъ его трудовъ, было, по показанію его внука, Михаила Павловича, болѣе 50 томиковъ; изъ нихъ 39 были проданы М. П. Болотовымъ — гг. Киселеву и Самарину, («Русская Старина 1873 г., томъ VIII, стр. 748); нѣкоторые изъ этихъ черновыхъ томиковъ, а именно четыре, переданы г. Киселевымъ въ редакцію «Русской Старины»: дневникъ 1793—1794 гг., 1797—1798 гг., 1799—1800 гг. и 1801—1802 гг.

Помянутыя пять томиковъ рукописи Записокъ А. Т. Болотова,—именно 1799 — 1802 и 1805 годовъ мы представляемъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины». Составлены они А. Т., по его черновому дневнику, въ 1821 — 1827-мъ годахъ и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ болѣе 400 страницъ, въ небольшую 8-ю долю листа; книжечки, какъ и предъидущіе томки, переплетены А. Т. въ бумажный переплетъ; на корешкѣ ихъ надписи: «Описание жизни Андрея Болотова, часть 35, 36, 37».

Содержаніе этихъ частей не богато изложеніемъ крупныхъ историческихъ событій; составитель Записокъ продолжаетъ въ нихъ прежній свой рассказъ о своемъ и сосѣдей своихъ бытѣ. Рассказъ этотъ, не смотря на мелочность, весьма ярко живописуетъ бытъ средняго великорусскаго дворянства во всѣхъ подробностяхъ, касающихся воспитанія, службы по выборамъ, взаимныхъ отношеній помѣщиковъ, въ особенности здѣсь много дано мѣста весьма интереснымъ спорамъ и изложенію хода тяжбъ по размежеванію земель, — что составляло въ концѣ XVIII-го вѣка важный для помѣщиковъ-дворянъ вопросъ; тутъ-же вырисовываются отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; нравы, обычаи, свадебные, похоронные и друг., пиры, гощенія, забавы, сельско-хозяйственные занятія и проч. и проч. Текстъ Записокъ Болотова, какъ и прочихъ въ «Русской Старинѣ», мы печатаемъ дословно точно и вѣрно.

Въ заключеніе этого предисловія не можемъ не повторить того, что мы еще въ 1873 году говорили ¹⁾ о языкѣ «Жизнеописанія А. Т. Болотова»: «Языкъ Записокъ Болотова поистинѣ образецъ чисто русскаго, разговорнаго языка прошлаго столѣтія, выражений, оборотовъ, притомъ такихъ выражений старинныхъ, которыя вполне заслуживаютъ возобновенія въ русской рѣчи, особенно теперь, когда современный нашъ языкъ засоренъ такою массою иностранныхъ словъ, въ замѣну которыхъ существуютъ не только равносильныя, но и того сильнѣйшія, весьма выразительныя, русскія слова... Въ этомъ случаѣ иностранную мѣду мы цѣнимъ дороже собственнаго золота. Свообразный слогъ Болотова, мѣткость его выражений, ихъ картинность и точность составляютъ одну изъ лучшихъ особенностей его Записокъ».

Повторяемъ увѣренность, что давніе читатели «Русской Старины» съ удовольствіемъ встрѣтятъ въ ней, время отъ времени, продолженіе рассказа этого прекраснодушнаго и весьма умнаго русскаго человѣка; безъ преувеличенія можно признать, что устами Болотова говорятъ лучшіе русскіе люди прошлаго вѣка, т. е. тѣ, которые составляли именно сердце и умъ великаго, могучаго богатыря—русскаго народа.

Мих. Семевскій.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 1016.

Мой другъ! Сію часть исторіи моей жизни начну я описаніемъ хотя кратковременной, но по обстоятельствамъ своимъ достопамятной ѣзды моей изъ деревни своей въ Москву. Въ столицу сію призывала меня тогда крайняя нужда. Въ пребывающей въ оной межевой канцеляріи приводимо было тогда къ окончанію тамбовское наше спорное межевое дѣло съ г. Пашковымъ. Болѣе тридцати лѣтъ оно тянулось и все еще не совсѣмъ было рѣшено и кончено. Началось оно еще вскорѣ по изданіи о размежеваніи земель манифеста, черезъ покупку мною и покойнымъ дядею моимъ, изъ пустопорожней подлѣ тамбовской нашей деревни находившейся государственной и до 50 тысячъ десятинъ простиравшейся земли, нѣсколько сотъ десятинъ, отчасти завладѣнной нами, отчасти впустѣ еще лежащей земли, на которую получивъ владѣнные указы, мы и владѣли, хотя оная потомъ и не была намъ еще отмежевана, что въ тогдашнее время не было еще тамъ никакихъ межевщиковъ и межеванья. Черезъ короткое время послѣ того прельстился сею огромною степью славной г. Пашковъ, имѣвшей, на оной маленькой хуторокъ и восхотѣвшей всею оною неправильнѣйшимъ образомъ обовладѣть и черезъ взятаго на свой коштъ землемѣра за собою отмежевать. Но какъ онъ по непомѣрной алчности своей не хотѣлъ удовольствоваться нѣсколькими тысячами десятинъ, а восхотѣлъ не только всею ею незаконнымъ образомъ завладѣть, но и насъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ притѣснить, то и оспорили мы ему въ томъ и, объявивъ оную казенною землею, каковою она и была, довели до того, что онъ, начавъ было межевать, по оную принужденъ былъ неоконченною бросить.

Такъ и осталось тогда сіе дѣло до самыхъ тѣхъ поръ, какъ г. Князевъ опредѣлился вторымъ, но важнѣйшимъ членомъ въ межевую канцелярію, и какъ тогда наступило такое время, въ которое можно было черезъ деньги все въ межевой канцеляріи выработывать и земли сколько хотѣлось покупать изъ казны не только на свое, но и на чужія имена, то и присовѣтывали господину Пашкову купить всю оную степь на чужія имена, но онъ и тутъ съ одной стороны по безпредѣльной алчности своей, а съ другой, не смотря на все свое богатство, по скупости своей, восхотѣлъ сбездѣльничать и купить на семь чужихъ иманъ одну только окружную полосу земли, а всю внутренность удержать за собою безъ покупки, и какъ въ межевой канцеляріи не было еще сей степи и плана, то и продала она ему наобумъ и по его признакамъ и не болѣе 11 тысячъ десятинъ и дала ему своекоштного землемѣра для отмежеванія сихъ узкихъ полосъ, окружающихъ всю степь сію. Тутъ случилось ему по непомѣрной алчности своей сдѣлать непростительную ошибку и при назначеніи въ просьбѣ своей урочищъ, по которымъ ему купить хотѣлось, включить между прочими одно такое урочище, которое за нѣсколько лѣтъ до того продано было мнѣ и за тройную еще цѣну. Сіе, какъ скоро дошло до моего свѣдѣнія, и побудило меня скакать въ межевую канцелярію и, показавъ ей ея ошибку, просить, чтобъ она велѣла тому же землемѣру напередъ отмежевать мнѣ проданную давно уже и мною владѣемую землю, а потомъ уже межевать Пашкову.

А между тѣмъ усмотрѣлъ я и другую Пашкову ошибку, а именно, что онъ, описывая полосамъ своимъ урочища, въ одномъ мѣстѣ не сомкнулъ ихъ между собою, а оставилъ версты на двѣ прорѣху и оное (оний?) входъ во все (всю?) внутренность степи. просилъ межевую канцелярію о продажѣ и мнѣ всей прорѣхи 1,000 десятинъ земли, которое количество мнѣ было и продано и тому же землемѣру велѣно было и отмежевать мнѣ.

Ежели бы г. Пашковъ былъ благоразуменъ и не слишкомъ жадничалъ землею, которая ему, какъ бездѣтному человѣку, вовсе была ненадобна, то могъ бы онъ вмѣстѣ съ проданною ему землею овладѣть безденежно и всею достальною и до 35 тысячъ десятинъ простиравшеюся степью—все дѣло зависѣло отъ того, чтобъ ему, согласно съ повелѣніемъ межевой конторы, позволить

межевщику вымежевать напередъ всѣ проданныя мнѣ земли, а послѣ уже чтобъ отмежевать проданныя себѣ, ибо тогда не кому бы было ему въ томъ полагать преграды и спорами своими всѣ плутни его выводить наружу.

Но человекъ сей не такого былъ свойства, чтобъ послѣдовать гласу благоразумія; я, ѣздивши нарочно для сего осенью въ тамбовскую свою деревню, хотя и предлагалъ ему сіе и даже просилъ о томъ, чтобы онъ меня напередъ успокоилъ и далъ мнѣ вымежеваться, обѣщавая ему не дѣлать, впрочемъ, никакого ему помѣшательства, но онъ не захотѣлъ никакъ на то согласиться, но, взявъ на свой коштъ землемѣра и обогативъ его мздою, велѣлъ ему наискорѣйшимъ образомъ и, не принимая никакихъ и ни отъ кого споровъ, отмежевывать, скачучи на лошадахъ, всѣ проданныя ему полосы, и отмежевать за собою даже и самую ту прорѣху и находящуюся въ оной и мнѣ проданную землю.

Какъ сіе производилъ онъ уже весною и когда меня тамъ не было, то и чертилъ онъ какъ ему хотѣлось и отмежевалъ за собою не только всю степь, но и превеликое множество пахатныхъ сосѣднихъ земель, а въ томъ числѣ и моей земли множество. Симъ растрогалъ онъ меня уже до крайности и принудилъ сказать опять въ межевую канцелярію и подать на него жалобу и объяснить всѣ его плутни и неправильное отмежеваніе за собою безденежно всей степи, а сіе и произвело то, что межевая канцелярія принуждена была все тамошнее межеванье остановить и для полученія о всей этой степи и окрестныхъ дачъ понятія отправить уже нарочнаго казеннаго землемѣра и велѣтъ ему всю ее снять на планъ и принять всѣ какіе будутъ и отъ него споры. А сіе и производилось нѣсколько лѣтъ сряду и какъ планъ со всего тамошняго края былъ въ канцелярію представленъ, то и усмотрѣла она всѣ плутни, и Пашковъ сколько ни старался, но не могъ ничего сдѣлать, а сіе и побудило его все сіе дѣло перевести въ Петербургъ въ тогдашнюю межевую экспедицію; но которая нашла все сіе огромное дѣло столь запутаннымъ, что не знала сама какъ къ нему приступить и что сдѣлать, но, не смотря на всѣ просьбы, пронырства и домогательства Пашкова, рѣшилась послать все сіе дѣло обратно въ межевую канцелярію съ тѣмъ, чтобы она отправила оное въ тамбовскую

межевую контору и оной бы предписала рѣшить сіе дѣло на мѣстѣ по законамъ, когда по порядку дойдетъ до земель сіе дѣло. А посему то контора сія, какъ я прежде уже упоминалъ, и рѣшила сіе дѣло по самой справедливости, и какъ оказалось, что въ проданныхъ Пашкову и ему отмежеванныхъ полосахъ было отмежевано нѣсколько тысячъ десятинъ лишнихъ, то и назначила она отмѣрить ему только то число, сколько ему продано, а изъ излишковъ намѣрить проданную землю мнѣ, которая тогда же мнѣ была и отмежевана, достальную же всю, простиравшуюся на нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, опредѣлила взять въ казну, а за неправильное завладѣніе и присвоеніе себѣ взыскать штрафъ въ казну, нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, съ Пашкова.

Симъ тогда и кончилось дѣло и я болѣе десяти лѣтъ и владѣлъ спокойно отмежеванною мнѣ землею и получалъ съ оной доходъ довольной.

Пашковъ же, будучи симъ конторскимъ рѣшеніемъ недоволенъ, подписалъ апеляцію и дѣло перешло опять въ межевую канцелярію, но и въ оной лежало до самаго сего времени безъ всякаго производства; а и въ сіе время принялась за дѣло, не потому что въ помянутой періодъ времени, по случаю перемѣны правительства, явились еще нѣкоторые просители сей земли себѣ, и нѣсколькимъ дано было отъ государя Павла I-го по нѣскольку тысячъ десятинъ изъ отрѣзанной отъ Пашкова, и канцеляріи нельзя было сихъ удовлетворить, не разсмотрѣвъ рѣшенія конторскаго и не войдя во все дѣло сіе въ подробность. Вотъ въ какомъ положеніи находилось сіе дѣло; но какъ между тѣмъ въ межевой канцеляріи всѣ члены и присутствующіе были уже не прежніе, а совсѣмъ иные, то и опасались оба мы съ сыномъ, чтобъ сіи изъ похлебства г. Пашкову не перековеркали всего конторскаго рѣшенія, и не подѣлали-бъ по пристрастію какихъ нибудь намъ пакостей и не лишили-бъ насъ намъ отмежеванной и владѣемой нами земли, а сіе всего легче могло произойти, если не предупредить и не отвратить зла сего какимъ нибудь образомъ. Для самого себя и спѣшилъ я тогда ѣхать въ Москву, съ намѣреніемъ употребить все, что только можно будетъ для удержанія за собою толико важной и необходимо нужной и надобной земли, безъ которой вся наша

тамошня деревня очень малаго стоила, а съ нею сдѣлалась капиталною и довольно доходною.

Я отправился изъ деревни моей въ сей путь 25-го августа съ намѣреніемъ заѣхать къ родственнику тещи моей и старинному нашему знакомцу и другу Ивану Афанасьевичу Арцибывшеву, живущему въ Серпуховскомъ уѣздѣ, версть съ 15 отъ сего города. Онъ просилъ меня, чтобъ къ нему въ сей разъ на перепутьи заѣхать, и прислалъ даже человѣка, которому показать мнѣ въ селеніе его дорогу. Начало путешествія сего сопряжено было съ той непріятностью, что въ самое то время случилась ненастная дождливая погода, но какъ ни грязно было ѣхать, но я доѣхалъ до обиталища нашего родственника довольно еще рано и, ѣдучи мимо церкви ихъ прихода, засталъ самого его въ оной, дослушающаго обѣдню, и такъ успѣлъ и я еще застать кончикъ оной. По окончаніи же божественной службы ходили мы съ нимъ смотрѣть вновъ построенную имъ церковь, и я далъ ему совѣтъ какъ подвести подъ нее каменной цоколь. Отъ церкви до его дома было не очень близко, и я, по просьбѣ его, согласился доѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ на его дрожкахъ, но скоро раскаялся въ томъ, ибо вдругъ припустилъ на насъ пресильной дождь и измочилъ обоихъ насъ до чрезвычайности. Я обѣдалъ и достальное время дня сего препроводилъ у него, въ Воскресенкахъ, и былъ угощеніемъ его очень доволенъ. Онъ дожилъ почти до старости, будучи не женатымъ, построилъ себѣ хотя изрядной домикъ, но жизнь вель уединенную и хлопотливую и совсѣмъ почти странную. Онъ имѣлъ у себя хотя и денежки, но заботился непрерывно о приумноженіи своего достатка и вмѣсто того, что старость свою проживать въ покоѣ, провоздалъ ее въ непрерывныхъ хлопотахъ и заботахъ, и то и дѣло ѣзжалъ и на чемъ же—на дрожкахъ въ Москву и тамъ строилъ постоянные дворы для отдачи ихъ въ наймы.

Я не могъ всему тому и всему образу его жизни довольно надивиться и, переночевавъ у него, хотѣлъ было по утру продолжать путь свой далѣе, но онъ убѣдилъ меня просьбою остаться у него обѣдать, на что я тѣмъ охотнѣе согласился, что продолжалось все еще ненастье,—которое продолжалось и послѣ обѣда и помочило насъ довольно въ дорогѣ, и мы, ѣдучи очень грязною дорогою, едва успѣли доѣхать ночевать до Молодей. Сямъ

знаменитымъ селомъ владѣль тогда славный богачъ и экономъ Степанъ Егоровичъ Кроткой, — разбогатѣвшей дружно чрезъ употребленіе въ свою пользу огромнаго хлѣбнаго магазина, запасеннаго еще Пугачевымъ, въ его низовой деревнѣ и попоимкѣ онагс—у него (Кроткого) въ деревнѣ оставшаго. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на всѣ его въ семь селеніи строенія, заведенія и разныя украшенія, и наслышался жалобъ на него крестьянъ, измученныхъ множествомъ земляныхъ и другихъ работъ. Переночевавъ въ семь селѣ и обрадовавшись, что погода переменилась и возстановилась опять ясная, продолжали мы свой путь далѣе и по грязной еще дорогѣ дотащились кое какъ до Молодецъ и, выкормивъ тутъ лошадей, успѣли еще въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхать до Москвы.

Подъѣзжая къ сей древней нашей столицѣ и матери всѣхъ русскихъ городовъ и смотря на нее, говорилъ я самъ въ себѣ: о Москва! Москва! въѣзжаю я въ тебя съ безпокойнымъ и смущеннымъ духомъ! и съ какимъ то я изъ тебя выѣду! обрадуешь ли ты меня, или опечалишь!

Я и дѣйствительно озабоченъ былъ тогда множествомъ неприятныхъ обстоятельствъ. Во всей оной не было у меня никакихъ такихъ друзей и знакомцевъ, отъ которыхъ могъ я ласкаться надеждою полученіемъ какой нибудь въ дѣлѣ моемъ помощи; во всей оной не было кромѣ трехъ домовъ мнѣ сколько нибудь дружныхъ и знакомыхъ, а именно: домъ г. Крюкова, Александра Степановича, домъ тетки моей, Катерины Петровны Арсеньевой, и домъ брата ея, Андрея Петровича Давыдова, но отъ нихъ всего менѣе могъ я ожидать какого нибудь себѣ пособія; что-жъ касается до межевой канцеляріи, то во всей оной не было тогда у меня ни изъ судей, ни изъ секретарей, ни изъ канцелярскихъ служителей никого знакомаго, ибо, вмѣсто всѣхъ прежнихъ, были уже совсѣмъ иные люди. Итакъ, единая и наиглавнѣйшая надежда моя была на покровительствующаго всегда мнѣ Господа Бога, съ упованіемъ на котораго я и въѣхалъ тогда въ нашу старушку Москву.

Я остановился въ присканной повѣренными нашими, пріѣхавшимъ прежде меня уже въ Москву, квартиркѣ, въ задней пристройкѣ дома Якова Ивановича Басаргина въ Зарядѣ. Я ни мало не медля приступилъ тотчасъ ко всѣмъ по моему дѣлу

хлопотамъ и всѣ четыре первые дня провелъ въ непрерывномъ почти рысканьи и разъѣздахъ по Москвѣ и въ свиданіяхъ съ людьми для меня нужными, и какъ обо всемъ происходившемъ въ теченіи сихъ дней писалъ я 1-го сентября въ подробности къ моему сыну и въ письмѣ моемъ изобразилъ все тогдашнее мое положеніе и въ какомъ душевномъ смущеніи и разстройкѣ мыслей я находился, и куда, и куда именно ѣздилъ, то для объясненія всего того и помѣщу я письмо оное.

Изъ Москвы, сентября 1-го дня 1799 года.

„Другъ мой Павелъ Андреевичъ! Изъ послѣднихъ моихъ писемъ, посланныхъ къ тебѣ изъ Дворянинова и въ Ламби и въ Гнилое болото на-удачу, гдѣ тебя найдутъ, знаешь уже ты, какое помѣшательство произошло въ производствѣ намѣренія нашего въ разсужденіи ѣзды нашей въ тамбовскую нашу деревню, а именно: то неожиданное обстоятельство, что межевое наше дѣло въ Москвѣ начали слушать, и я писалъ уже къ тебѣ о моемъ опасеніи, что не будетъ ли надобности ѣхать мнѣ въ Москву; а какъ теперь пишу къ тебѣ уже изъ сей столицы, то ты видишь, что я уже въ ней, и что обстоятельства, дѣйствительно, принудили меня, оставивъ всѣ свои нужды и надобности, ѣхать сюда. И слава Богу, что я и рѣшился сюда отправиться, дабы лично узнать обстоятельство нашего дѣла, а не положился на слова нашего повѣреннаго, который ни уха, ни рыла не смыслить и котораго здѣсь и въ пярю (?) не видать, а въ межевой, не только куда далѣе, но и въ подъяческую не пускаютъ. Итакъ, скажу тебѣ, что, отправившись изъ деревни еще 25-го августа, за сдѣлавшимся вдругъ превеликимъ ненастьемъ и испортившеюся дорогою, на-силу, на-силу на третій день къ вечеру въ Москву пріѣхалъ и, остановившись въ домѣ Я. И. Басаргина, по сіе время по Москвѣ все мычусь и разъѣзжаю, и на квартирѣ только что ночую, а теперь пріѣхалъ нарочно поранѣе домой, чтобъ все достальное время дня сего употребить на написаніе къ тебѣ въ оба мѣста, гдѣ я теперь тебя быть думаю, то есть въ Ламби и Паники, писемъ, къ чему теперь и приступаю.

Съ особеннымъ и чувствительнымъ прискорбіемъ скажу тебѣ, мой другъ, что дѣло наше нашель я здѣсь гораздо въ худшихъ

обстоятельствахъ, нежели я думалъ и ожидалъ. Его, дѣйствительно, начали слушать и почти все прослушали и я подоспѣлъ точь въ точь къ самому важнѣйшему пункту времени, то есть къ его рѣшенію, и очень радъ уже тому, что осталось еще столько до рѣшенія времени, что можно мнѣ было еще успѣть познакомиться нѣсколько съ межевыми судьями и узнать въ какомъ оно положеніи и къ чему наклонны господа рѣшители жребія нашего. Словомъ, я никакъ не ожидалъ и не думалъ, чтобъ оно могло быть въ такомъ павостномъ и опасномъ для насъ положеніи!

Коротко, я увидѣлъ, что великая наклонность господъ судей даже къ тому, чтобъ всю нашу покупку уничтожить и кассировать, и оставивъ насъ при одной нашей дачной ничего незначащей земли, всею огромною степенью подарить нынѣшняго г. Пашкова (который будучи не таково скупъ, какъ покойникъ нашъ прежній соперникъ, а еще богатѣе его, для насъ несравненно опаснѣе онаго), утвердивъ, что будто все это его дачная, и что будто тутъ нѣтъ никакой дико-порожней государственной земли. А что всего удивительнѣе, то сдѣланъ такой плутовской подборъ, что легко даже можетъ сіе и статься и имъ такъ рѣшить это дѣло и можно, и все рѣшеніе конторское перековеркать и уничтожить. Они даже поднимаютъ оное на смѣхъ и надъ рѣшеніемъ симъ насмѣхаются. Вотъ каковы нынѣ у насъ дѣла, а мнѣ казалось всегда, да и нынѣ кажется, что контора разобрала все это дѣло очень основательно и рѣшила правильно и свято! Но въ глазахъ госпожи канцеляріи оно ни къ чему не годится. Она съ особливымъ тщаніемъ выискиваетъ всѣ малѣйшія ея упущенія въ рѣшеніи, и старается изъ каждой мухи дѣлать слона, дабы только, привязавшись къ тому, можно было имъ сіе дѣло перековеркать и рѣшить по своему, а какъ—того они сами еще не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ, то по всему тому легко ты можешь заключить, каково мнѣ было, при узнаніи о всѣхъ сихъ принятыхъ обстоятельствахъ. Я смутился чрезвычайно, и было отчего смутиться. Удержаніе за собою нашей покупной и уже намъ было отмежеванной земли, какъ ты самъ знаешь, для насъ превеликой важности. Что наша вся деревня безъ нея? ничего почти не будетъ значить!—почему не сомнѣваюсь, что и тебя сіе не менѣе смутитъ, какъ и меня,

а что всего хуже, то съ прискорбіемъ и огорченіемъ душевнымъ тебѣ скажу, что и теперь еще духъ мой не успокоенъ, и я нахожусь въ мучительной неизвѣстности о томъ, что воспослѣдуетъ и чѣмъ все сіе дѣло кончится. Предвижу только то, что предстоитъ намъ еще премножество хлопотъ и убытковъ знаменитыхъ, и въ разсужденіи сихъ еще хорошо бы, еслибъ они не пропали, а пошли въ тузъ. Бѣды! когда бѣда сія и на деньги еще не пойдетъ, а когда бы пошло, то куда бы уже не шло, земля не того стоитъ, а спокойствіе на вѣкъ всего дороже!

Разсказавъ вератцѣ объ обстоятельствахъ сего проклятаго дѣла, разскажу теперь тебѣ подробнѣе обо всемъ, что успѣтъ я могъ по сіе время сдѣлать. Какъ пріѣхалъ я въ Москву къ праздничнымъ и неприсутственнымъ днямъ, то употребилъ я сіе время на то, чтобъ спознакомиться мнѣ съ важнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ изъ господъ судей, госпоцномъ Пименовымъ. Но особливому для насъ счастьемъ случилось то, что онъ шурина Барнашову, а Барнашовъ знакомъ какъ-то нашему Андрею Михайловичу, и общему нашему съ нимъ повѣренному покровительствовалъ. Итакъ, прежде всего, адресовался я къ сему г. Барнашову и повѣренный нашъ привезъ меня въ домъ къ нему. Онъ принимаетъ меня очень хорошо и ласково, человѣкъ предоброй и любезной (но помни, что онъ былъ до сего въ межевой секретаремъ, а теперь секретаремъ въ ратгаузѣ московскомъ), но какъ бы то ни было, но я прошу его, чтобъ онъ рекомендовалъ меня своему шурина, и чтобъ доставилъ мнѣ съ нимъ свиданіе. Онъ это одолженіе и сдѣлалъ, и чрезъ него назначенъ мнѣ былъ день и часъ, когда бы мнѣ къ нему пріѣхать для переговоровъ и объясненія.

Всѣ мнѣ рекомендуютъ и хвалятъ сего господина Пименова и говорятъ, что онъ доброй человѣкъ, но узналъ же я стороною и то, что онъ и хапуга, любить и взять, но свои глаза паче слуха и видѣнья! День и часъ, назначенной для свиданья, наступилъ: я ѣду къ нему, но отъ воротъ чуть было не принужденъ былъ ѣхать, удивившись, назадъ, услышавъ, что его нѣтъ дома, — но на счастье оказалась это неправда, а онъ былъ дома и изволилъ только сидючи въ креслахъ почивать! и по счастью стучъ, произведенной каретою моею предъ окномъ его, разбудилъ его, и онъ поспѣшилъ выслать звать меня къ себѣ, велѣвшаго было

каретѣ оборачиваться уже назадъ. Вхожу! принимаетъ меня какъ бы давно знакомаго, ласково, пріятно, дружелюбно, словомъ, милой и любезной человѣкъ. Я, кланяясь ему, упрашиваю быть къ намъ благосклоннымъ, употребляю всевозможнѣйшее краснорѣчіе и слышу увѣренія за увѣреніями, что готовъ намъ служить душою и сердцемъ. Но я всему тому худо очень вѣрю, но пользуясь благосклоннымъ его пріемомъ, сажусь и, мало-помалу, вхожу въ дѣло и въ объясненіе онаго. Приносится бывшій со мною планъ, скопированный еще въ конторѣ со всего сего спорнаго дѣла, говоримъ и разговариваемъ цѣлый почти часъ. Я представляю всѣ свои справедливости, а онъ изъясняетъ мнѣ все противное тому, и все то, что для насъ крайне невыгодно и непріятно. И не смотря на то, какъ онъ ни знающъ въ сихъ дѣлахъ и какъ тонко ни знаетъ всѣ обстоятельства нашего дѣла и какъ ни старался умащивать и умазывать всѣ слова свои яркими красками, но я проникалъ всѣ плутовскіе ихъ замыслы, и что у нихъ есть на умѣ сдѣлать,—но какъ бы то ни было, но онъ разстался со мною съ увѣреніемъ служить мнѣ сколько можетъ, и что дѣло наше въ сію недѣлю сужденіемъ вѣрно кончится. На вопросъ же мой, могу-ль я хотя нѣсколько ласкаться надеждою, увѣрилъ онъ, что увѣдомить меня о томъ чрезъ Дмитрія Гавриловича, то есть г. Барнашова, совѣтуя при томъ, чтобъ я между тѣмъ попросилъ и другихъ судей, а именно: главнаго и перваго члена Якова Ѳедоровича Апрелева и третьяго члена Василья Ѳедоровича г. Григоровича. Итакъ, спознакомившись съ симъ, поѣхалъ я на другой день отыскивать тѣхъ. Тутъ надлежало мнѣ изъ одного угла Москвы скакать на другой конецъ и успѣвать утромъ заставать дома. Одного и меньшаго засталъ, а другаго и главнаго уже не засталъ,—проѣзжаю въ межевую, тутъ никто мнѣ незнакомъ! никто не глядитъ, не смотритъ, ни повытчикъ, ни секретарь. Надобно было и того, и другаго задобривать и заставлятъ смотрѣть на себя ласковѣ! тому совъ, другому совъ въ руки, и стали ласковѣ и пріятнѣ. Секретарь Горчаковъ—старичиска и точно Гурковъ нашъ, и сказываютъ плутъ и негодай! Повытчикъ малой молодой и, кажется, лучше. Въ разсужденіи сего за данныя деньги, по крайней мѣрѣ, воспользовался я тѣмъ, что удалось мнѣ заглянуть во всѣ бумаги и матеріалы, приготовленные

для рѣшенія и разсмотрѣнія дѣла, и тутъ то я въ нѣсколько минутъ увидѣлъ все существо всѣхъ апелаций и все, и все и всѣ ихъ плутни и закорючки и крючки дьявольскіе и ужаснулся даже, увидѣвъ ясно всю опасность нашего дѣла. Между тѣмъ въ судейской слушали наше дѣло, это было вчера, а сегодня какъ свѣтъ и гораздо поранѣ, ну-ка я опять за Сухареву башню и на конецъ Москвы къ г. Апелеву и думаю: ну теперь вѣрно застану дома, но что-жь, и дома, а выслалъ сказать, что нѣтъ дома, что ты изволишь? И такъ, по сіе время я его еще не просилъ, Богъ его знаетъ, что то не пустилъ предъ себя. Однако, его сегодня и въ межевой не было, но дѣло продолжали слушать и безъ него. Я былъ опять въ межевой, и ничего нѣтъ скучнѣе какъ быть въ ней по пустывамъ. Пименовъ увѣрилъ меня, что дѣло кончится вѣрно на нынѣшней недѣлѣ сужденіемъ, секретарь увѣряетъ тоже, но недѣли сей остался одинъ только завтрашній день, а дѣло еще не все прослушано, хотя и осталось его мало. Но какъ бы то ни было, но не уповаю я, чтобъ могло оно завтра кончиться, а тамъ придетъ суббота, воскресенье и понедѣльникъ, всѣ три неприсутственные дни; вотъ какое горе! необходимо бы надобно да и хотѣлось бы мнѣ дожидаться положенія мнѣнія или самаго начальнаго рѣшенія, но теперь и Богъ знаетъ когда это будетъ! — Какъ вчера видѣлся я съ Иваномъ Афанасьевичемъ Арцибышевымъ, пріѣхавшимъ также въ Москву, и съ нимъ говорилъ о семъ дѣлѣ, то совѣтовалъ онъ мнѣ адресоваться прямо къ Пименову съ посуломъ, а безъ того дѣло не обойдется. Вижу я и самъ, что онъ говоритъ правду. И такъ, я сегодня нѣкоторымъ образомъ и учинилъ тому начало. Повидавшись съ Барнашовымъ, просилъ его увѣрить своего родню, что я ему, по мѣрѣ его къ намъ добродѣянія, вѣрно служить буду. Онъ и взялся это сдѣлать, Богъ знаетъ что-то будетъ! — Завтра спрошу его о томъ, и, буде услышу, что обѣщаетъ сдѣлать, то и не для чего мнѣ будетъ долѣе здѣсь жить и проживаться по пустому, а можно будетъ мнѣ и домой ѣхать,—Барнашовъ то-же говоритъ. Завтрашній день скажетъ мнѣ, жить ли мнѣ еще здѣсь нѣсколько дней, или ѣхать на время и до рѣшенія домой, оставивъ повѣреннаго дожидаться до самаго рѣшенія и подписанія опредѣленія, что, какъ ни верти, не скоро еще воспослѣдовать можетъ.

Вотъ тебѣ реляція и реляція непріятная и такая сама собою тебѣ уже докажетъ, что по всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ намъ и мыслить о томъ не можно, чтобъ въ нынѣшнюю осень въ Тамбовъ ѣхать!—не до ѣзды теперь туда, а нужно будетъ дожидаться рѣшенія, и быть всякую минуту наготовѣ скакать опять въ Москву, для подписки удовольствія или неудовольствія, и чтобъ не упустить семидневнаго срока. Чтобъ положиться въ семъ случаѣ на повѣреннаго—о томъ и мыслить не можно, не его это дѣло, чтобъ понять смыслъ будущаго рѣшенія, а онъ можетъ только служить увѣдомителемъ. И такъ, какъ намъ можно отлучиться вдаль и чрезъ то подвергнуть себя опасности проронить важнѣйшее для насъ дѣло?—А посему, мой другъ, располагайся и ты своею ѣздою и тебѣ надобно будетъ возвращаться уже домой!—Ежели мнѣ можно будетъ и не будетъ необходимой надобности дожидаться вторника или среды, то я въ субботу или воскресенье поѣду домой, и тотчасъ оттуда поспѣшу ѣхать въ Ламки, чтобъ тамъ побывать и скорѣй домой опять возвратиться, для ожиданія извѣстія изъ Москвы. И теперь я уже не знаю гдѣ мы съ тобою съѣдемся и когда увидимся, всѣ мысли мои теперь спутаны. Къ несчастью, не знаю я, что теперь и въ Ламкахъ происходитъ и все ли тамъ и дома здорово? Впрочемъ, скажу тебѣ, что мнѣ хотя и убыточно здѣсь жить, но дальней скуки я не видѣлъ—былъ въ превеликихъ разѣздахъ, то туда, то сюда, и всѣми своими знакомцами доволенъ. Вездѣ мнѣ рады, а болѣе всѣхъ Александръ Степановичъ Крюковъ, другъ сердечный! Сегодня я обѣдалъ, и гдѣ жъ? у Андрея Петровича Давыдова, на Гороховомъ полѣ, а вчера, ѣдучи отъ Апрелева, заѣзжалъ къ знакомцу и сосѣду твоему Семену Александровичу Неплюеву. Какой это милой и любезной человѣкъ, и достойной вельможа и бояринъ! какъ это онъ меня принялъ, какъ обласкалъ! какъ благодарилъ за твое съ нимъ знакомство, какъ тебя хвалить, и какъ просилъ, чтобъ я къ тебѣ отписалъ, что онъ тебя помнитъ, къ тебѣ изъ Москвы писалъ и хвалится твоею дружбою. Я не преминулъ довести рѣчь до межеваго нашего дѣла. Онъ и самъ вызвался и, разспросивъ, обѣщавъ помочь намъ въ семъ случаѣ. Однако, я не думаю, чтобъ могло изъ сего что нибудь выйти; хотѣлъ онъ поговорить бывшему директору надъ межевою, Мамонову,

чтобъ онъ призвалъ судей межевыхъ и поговорилъ; это далека пѣсня, а лучше когда-бъ онъ поговорилъ Апрелеву, который ему знакомъ, и того-бъ отъ него довольно!

Звалъ меня прїѣхать когда нибудь къ нему обѣдать, и какъ спѣшилъ онъ ѣхать въ сенатъ, то и недолго продолжалось наше свиданіе и Богъ знаетъ удастся ли ему что нибудь намъ въ пользу сдѣлать. Тамъ не просьбы, а денежки надобны! и наше особенное несчастіе, что замѣшались въ наше дѣло тузы и богачи, какъ, напримѣръ, Пашковъ, оба Архаровы, генераль Арбенева, Молчановъ и нѣкоторые другіе. Никто такъ недовосаденъ, какъ Архаровы, по ненасытной и безстыдной алчности своей.

Будучи недовольны милостію государскою и тѣмъ, что пожаловано имъ, Богъ знаетъ за что, такое огромное казенное село, каково Разказово, въ которомъ 30 тысячъ десятинъ земли и побольше, нежели по 15 десятинъ на душу по третьей ревизіи, безсовѣстивѣйшимъ образомъ требуютъ и хотятъ, чтобъ имъ изъ нашей степи прибавлено было еще безденежно 9 тысячъ десятинъ и сдѣлано тѣмъ по 15 десятинъ на душу по 5 ревизіи? Не говори: какъ это можно! нынѣ все возможно и ничего невозможнаго нѣтъ.

А. Арбенева, узнавъ, что по конторскому рѣшенію множество земли назначено отрѣзать отъ Пашкова въ казну, выпросилъ также у раздающаго всѣмъ и всѣмъ и ни за что, ни про что казенныя земли, села и деревни государя нѣсколько тысячъ десятинъ изъ нашей степи, и требуетъ также, чтобъ она ему были даны, а съ такими же просьбами нѣкоторые другіе къ канцеляріи межевой приступаютъ, и она и не знаетъ что и дѣлать съ ними, а то-то самое меня и устрашаетъ и нагоняетъ страхъ и ужасъ; что-жъ касается до нынѣшняго Пашкова, то сей по всѣмъ отношеніямъ еще хуже П. Егоровича, и съ самъ богачемъ, какъ съ чертомъ, не сладишь. Словомъ, все и все въ такомъ критическомъ положеніи, и чудо будетъ, если обойдется дѣло безъ дальнѣйшей апелляціи, когда не отъ насъ, такъ отъ кого нибудь изъ нихъ, ибо какъ ни верти, и какъ судьямъ ни хотѣлось бы всѣхъ удовольствовать, но никакъ будетъ не можно. Претензіи то противоположныя и прихоти неограниченныя и безстыднѣйшія въ свѣтѣ, и все дѣло такъ запутано, что въ самомъ дѣлѣ трудно будетъ его рѣшить, не сдѣлавъ

никому неудовольствія, и Боже сохрани и спаси насъ отъ апелляці дальнѣйшей! нынѣ онѣ всѣ со штрафами и съ заплатою по рублю за десятину, а съ судей только по 10 копѣекъ—пропорціональность изрядная!!!

Болѣе сего писать теперъ некогда и нечего, всего не переговоришь и не перескажешь, почему и окончу письмо сіе сердечнымъ пожеланіемъ.... „и прочая, и прочая.

Написавъ сіе письмо къ сыну моему, не зналъ я куда мнѣ его адресовать и съ какою почтою и по какой дорогѣ отправить, по Орловской ли въ Кромы или по Рязанской въ Донковъ для пересылки въ Паники, въ домъ тестя сына моего г. Опанина, ибо не зналъ, по какой дорогѣ предприметь сынъ мой обратную свою ѣзду ко мнѣ и прямо ли поѣдетъ ко мнѣ чрезъ Тулу, или расположится ѣхать прямою дорогою въ Паники, и застанетъ ли или уже не застанетъ письмо сіе его въ Орловской ихъ деревнѣ. Находяся въ семъ недоумѣніи и полагая почти навѣрное, что онъ находился уже въ дорогѣ и изъ дома своего выѣхалъ и, придерживаясь болѣе того мнѣнія, что поѣдетъ онъ по Тульской дорогѣ и, не доѣзжая до Тулы, заѣдетъ къ зятю моему Воронцову въ Головлино и тутъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ въ Москву, проѣдетъ въ Ламки и тамъ будетъ пріѣзда моего дожидаться, рѣшилъ я адресовать письмо сіе въ Богородицкѣ, для доставленія къ зятю моему Шишкову въ Ламки, и отправитъ оное вмѣстѣ съ письмомъ къ женѣ моей съ воронежскою почтою. А на случай, если сынъ мой поѣхалъ прямою дорогою въ Паники, написать къ нему другое письмо, хотя таковое же, но сокращеннѣйшаго содержанія, и для скорѣйшаго его о себѣ увѣдомленія отправитъ оное по тамбовскому тракту чрезъ Рязань и Донковъ и въ Паники, къ чему тотчасъ и приступилъ и на утрѣ же оба сіи письма, заѣхавъ въ почтовый домъ, и отдалъ самъ, и изъ нихъ послѣднее было и счастливѣе перваго, ибо по стеченію обстоятельствъ сынъ мой получилъ оное и читалъ шестью днями прежде перваго.

А симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ происшествіяхъ письму, за симъ послѣдующему, остаюсь вашъ—и прочая.

Писано сіе 21-го мая 1821 г., въ Дворяниновѣ.

Мой другъ! Между тѣмъ какъ почта мои (письма) развозила, продолжалъ я, съ смущеннымъ и безпокойнымъ духомъ, мываться и разтѣзжать изъ одного края Москвы до другаго, и домогаться какой-нибудь себѣ отрады, и какъ главнѣйшая моя забота была побывать у самого перваго члена межевой канцеляріи г. Апрелева, то чтобъ застать его дома и опять за Сухареву башню не проѣздить по пустому, всталъ я, 2-го числа сентября, уже поранѣе и пустился за Сухареву башню, гдѣ находился, и въ сей разъ былъ счастливѣе прежняго. Онъ принялъ меня и я говорилъ съ нимъ много о своемъ дѣлѣ, но словами его не былъ я ни мало утѣшенъ, а приведенъ былъ еще въ пущее сомнѣніе. Онъ проболтался мнѣ въ своихъ замыслахъ, и я явно усмотрѣлъ величайшую всѣхъ ихъ склонность къ сдѣланію крайней несправедливости и плутовства и для Пашкова возможнѣйшихъ натяжекъ. Чтобъ доставить ему всю нашу огромную степь во владѣніе и ею его, такъ сказать, подарить, и затѣвали они уничтожить всѣ покупки изъ сей степи и утвердить несправедливѣйшимъ образомъ, что будто тутъ вовсе нѣтъ никакой дикопорожней государственной земли, а сіе меня всего болѣе устрашало. Я не сомнѣвался въ томъ, что всѣ они задобрены были либо великими обѣщаніями, либо и самыми уже деньгами отъ Пашкова, и отчаявался уже въ успѣхъ своего дѣла, и тѣмъ паче, что всѣ мои небольшіе посулы за справедливое рѣшеніе моего дѣла ничего не будутъ значить противъ подарковъ или посуловъ богача Пашкова, которому и было за что многими тысячами жертвовать, ибо степь стоила, почитай, милліонъ. И такъ не получивъ отъ г. Апрелева никакой отрады, поѣхалъ я отъ него въ смущеннѣйшемъ состояніи моего духа. Заѣхавъ на почтовой дворъ для отдачи своихъ писемъ и для взятія тѣхъ, кои были ко мнѣ, проѣхалъ въ межевую и, дождавшись какъ начали дослушивать наше дѣло, которому слушанье надлежало въ сей день кончиться, и какъ продолжалось сіе и мнѣ не хотѣлось потерять всего утра, поѣхалъ я отыскивать деревенскаго моего сосѣда старика, князя Ивана Романовича Горчакова, которой женатъ былъ на сестрѣ гремящаго тогда въ свѣтъ, героя нашего Суворова; и какъ мужъ и жена были мнѣ издавна уже знакомы, то оба они были мнѣ очень рады и посѣщеніемъ моимъ довольны, и просили меня, чтобъ я на утріе пріѣхалъ

къ нимъ обѣдать. А въ этотъ день обѣдалъ я у друга своего Александра Степановича Крюкова, котораго ласкою и пріязнію былъ я отъменно доволенъ и охотно обѣщалъ пріѣзжать къ нему какъ можно чаще и провождать у него все праздное мое время, а для меня сіе было и очень встати. Я былъ у нихъ въ домѣ какъ бы у родныхъ своихъ, и мнѣ не было никакъ у нихъ скучно, почему и все достальное время того дня провелъ я у нихъ въ домѣ.

Въ наступившей за симъ день, которой былъ субботней и не присутственной, поѣхавши по обѣщанію моему къ князю Горчакову обѣдать, заѣзжалъ я на минуту въ межевую, для узнанія—окончено ли слушаніе нашего дѣла, но не могъ никакого толку добиться. Князь и княгиня Горчаковы были мнѣ опять очень рады, и я угощеніемъ ихъ былъ очень доволенъ, а того болѣе тѣмъ, что послѣ обѣда случилось мнѣ тутъ видѣть самую жену Суворова, новоиспеченную свѣтлѣйшую княгиню и принцессу Савойскую, а отъ нихъ заѣхалъ я опять къ другу моему Крюкову и провелъ у него все достальное время того дня съ удовольствіемъ.

Какъ послѣдующей за симъ день былъ воскресной и гулевой и никакихъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ не производилось, то на досугъ, повидавшись съ знакомцемъ моимъ, содержателемъ тогдашнимъ университетской типографіи Поповымъ, пріѣзжавшимъ нарочно ко мнѣ по утру, поѣхалъ я обѣдать къ другу моему А. С. Крюкову и имѣлъ удовольствіе получить отъ него письмо отъ сына моего, на его имя адресованное. Письмо сіе писано было имъ уже изъ Ламокъ, 30-го августа, и чрезъ оное узналъ я, что онъ, не дождавшись увѣдомленія моего о нечаянной ѣздѣ моей въ Москву, отправился съ женою своею изъ деревни ихъ по Тульской дорогѣ, и по пріѣздѣ своемъ къ сестрѣ своей Настасѣ въ Головино, поразился, узнавъ, что меня нѣтъ въ деревнѣ и что я уѣхалъ въ Москву. Почему и не сталъ онъ спѣшить ѣздою своею къ намъ, а заѣхалъ къ другой сестрѣ своей Елисаветѣ въ Ламки, гдѣ нашелъ ее родившею дочь, но оной, въ восьмой день послѣ родовъ, и лишившеюся, что туда пріѣхали и родные его Ошанины изъ Паникъ и третья сестра его Ольга съ своимъ мужемъ и что онъ, повидавшись со всѣми ими, расположился воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда я

возвращусь изъ Москвы, и поѣхать вмѣстѣ съ родными его Опаниными въ Паники, въ домъ къ своему тестю, на короткое время, а оттуда, возвратившись въ Ламки, ѣхать уже въ мою деревню къ своей матери и тамъ возвращенія моего изъ Москвы дожидаться.

Возвращаясь къ повѣствованію моему, скажу, что вмѣстѣ со мною случилось тогда обѣдать у г. Крюкова Петру Дмитріевичу Хвощинскому и за обѣдомъ дошла какъ то рѣчь до моего лекарственнаго камня и удивительнаго его дѣйствія отъ каменной и многихъ другихъ болѣзней, и г. Хвощинской рассказывалъ, что есть у него одинъ знакомой человѣкъ, а именно богатой московской купецъ Демидъ Демидовичъ Мещаниновъ, страдающей каменною болѣзнію и находящейся отъ ней въ жалкомъ положеніи. При семъ случаѣ родилась во мнѣ мысль и желаніе услужить изъ единаго человѣколюбія человѣку сему моимъ камнемъ.

Г. Хвощинской брался хотя оной ему доставить, но какъ порошка сего камня со мною тогда не было, а былъ онъ со мною запасной на моей квартирѣ, то посредство г. Хвощинскаго показалось мнѣ продолжительно, а располагался я самъ къ нему съ тѣмъ адресоваться и чрезъ то имѣть случай съ симъ богатымъ домомъ познакомиться, почему, возвратясь на свою квартиру по утру, и отправилъ я повѣреннаго своего Федю отыскивать домъ г. Мещанинова и ему сказать, что какъ мнѣ случилось узнать, что онъ страдаетъ каменною болѣзнію, а у меня есть вѣрное и уже безчисленному множеству людей помогшее отъ сей болѣзни лекарство, то если ему угодно будетъ, такъ бы я ему оное доставилъ. Федя мой дѣло сіе и исправилъ, но въ отвѣтъ велѣно ему сказать, что онъ пришлетъ, когда ему будетъ надобно, а теперь де ѣдетъ онъ въ свою деревню. Отвѣтъ сей принялъ я равнодушно и, переставъ о томъ думать, поѣхалъ въ соборъ къ обѣднѣ помолиться къ Господу и попросить его о вспоможеніи мнѣ въ тогдашнихъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а послѣ обѣдни расположился я проѣхать къ теткѣ моей, г-жѣ Арсеневой, обѣдать, а по дорогѣ, ѣдучи къ ней, заѣхать въ домъ къ сыну ея, а моему внучатному брату Ивану Тарасевичу Арсеневу, съ которымъ я до того времени еще не видался, и тутъ, во время стоянія моего противъ его дома,

случилось со мною странное и такое происшествіе, которому я не могъ довольно начудиться, и ничему иному не приписывалъ, какъ особенному дѣйствию пекущаго о пользѣ моей Божественному Промыслу и явному и скорому услышанію Господомъ моего къ Нему моленія и слѣдствію единственнаго моего на Него упованія и надежды на Его помощь. О удивительномъ семъ происшествіи вотъ что писалъ я къ моимъ роднымъ въ письмѣ моемъ, посланномъ къ нимъ чрезъ два дни послѣ того, при моемъ изъ Москвы отъѣздѣ. Описавши имъ всѣ тогдашнія мои хлопоты и смутное мое положеніе, писалъ я къ нимъ слѣдующее:

„Странной и прямо удивительной случай со мною случился! Въ самое то время, когда по свиданіи со всѣми судьями отъ всѣхъ ихъ получилъ я только пустые комплименты и почти явной отказъ, и когда приведенъ я былъ въ крайнее опасеніе, чтобъ не лишиться всей купленной земли, что хорошоухонько бы и послѣдовало, если-бъ я не пріѣхалъ и хотя бы нѣсколько дней опоздалъ, и когда не зналъ—что начать и дѣлать, и какъ и черезъ кого бъ испытать и поправлять дѣло сіе денежною молитвою, ибо и то мудрено было и ненадежно. Въ самое сіе смутное для меня время случилось мнѣ ѣхать по улицѣ и остановиться противъ одного дома, и послать человѣка спрашивать дома ли хозяинъ, тутъ, гдѣ ни возьмись, одинъ человѣкъ, идущей на встрѣчу и узнавшей меня, заглянувъ въ карету, онъ останавливается позадь кареты, дожидается моего человѣка, спрашиваетъ у него подлинно ли то я и останавливаетъ меня, хотѣвшаго ѣхать далѣе, ибо хозяина того дома не случилось быть дома, сего же человѣка я вовсе и не примѣтилъ. Человѣка сего послалъ ко мнѣ истинно самъ Богъ на вспоможеніе. Я о немъ, а онъ обо мнѣ вовсе не зналъ, что оба мы въ Москвѣ, а что того удивительнѣе, то я желалъ, чтобъ онъ на ту пору случился въ Москвѣ, а онъ самого того же желалъ въ разсужденіи меня.—Ба! ба! ба! откуда ты взялся, мой другъ, воскликнулъ я, его увидѣвъ и узнавъ, и какъ ужасно я радъ тому, что тебя здѣсь вижу!—А я столько же радъ, нашедъ васъ, сказалъ онъ, и тужилъ ужасно, что васъ здѣсь нѣтъ. Словомъ, встрѣча сія была для меня крайне удивительна, а сдѣлалась и полезною, ибо случись же такъ, что этотъ человѣкъ былъ самой тотъ секретарь Морозовъ, которой ворочалъ всею тамбовскою

межевою конторою и котораго, по дружбѣ и благосклонности ко мнѣ, рѣшено было въ конторѣ въ пользу мою сіе дѣло, который самъ писалъ рѣшительное опредѣленіе и былъ мною задруженъ. Но это не все еще, но случись же такъ, что онъ отъ малолѣтства крайней другъ тому изъ здѣшнихъ судей, которой всѣхъ дѣловѣ и важнѣе и которому отъ канцеляріи поручено было писать резолюцію, и онъ у самого сего судьи и живетъ въ домѣ и до меня еще интересовался моимъ дѣломъ, а теперь съ особливою охотою взялся всѣмъ дѣломъ спроворить, сдѣлаться въ семь случаѣ моимъ маклеромъ и помочь мнѣ всего болѣе“...

Вотъ перечень изъ тогдашняго письма моего, касающейся до сего случая, а теперъ продолжу повѣствованіе мое далѣе.

Переговоривъ обо всемъ, что надобно было съ Морозовымъ, общавшимъ мнѣ стараться склонить пріятеля своего судью ко всему для меня хорошему, велѣлъ онъ мнѣ пріѣхать къ нему по утру въ слѣдующей день, дабы узнать болѣе, и съ тѣмъ со мной и разстался, и я тѣмъ болѣе радъ сему былъ, что въ разсужденіи Пименова взялся маклерничать и торговаться г. Барнашовъ, которому обѣщаль я и самому служить. Итакъ, съ отраднѣйшимъ сколько нибудь сердцемъ продолжалъ я свой путь къ теткѣ и, отобѣдавъ у ней вмѣстѣ съ братомъ ея А. П. Давыдовымъ, заѣхалъ опять отъ нея къ другу своему г. Крюкову и у него препроводилъ достальное время дня сего.

На утріе, въ самое то время, какъ собирался я ѣхать къ г. Григоровичу, является ко мнѣ слуга отъ г. Мещанинова и просить пріѣхать къ нему, либо въ 9, либо въ 3 часу, но какъ свиданіе съ судьей было важнѣе Мещаниновскаго, то, сказавъ: „хорошо, хорошо!“, ѣду въ г. Григоровичу, застаю его дома, говорю съ нимъ опять о своемъ дѣлѣ, прошу его, добиваюсь толку и не добьюсь, однако, дается мнѣ обѣщаніе желаніе мое исполнить. Симъ сколько нибудь успокоившись, заѣзжаю я отъ него въ межевую, а оттуда въ ратгаусъ, отыскиваю Барнашова и спрашиваю его, говорилъ ли онъ съ г. Пименовымъ и сколько надобно имъ за благосклонное дѣло моего рѣшенія, и получаю въ отвѣтъ, что потребно къ тому поль-тысячи, а именно: ему 200, Апрелеву 200, да 100 рублей третьему и меньшому судѣ. Сумма сія была хотя, по тогдашней цѣнѣ денегъ, и немаловажная, а особливо по обстоятельству, что со мною не было

тогда столько и денег и я не зналъ гдѣ мнѣ ихъ достать, но какъ удержаніе за собою земли, стоющей несравненно множайшаго, то я при всемъ неудовольствіи за таковой грабежъ и за самое правое дѣло радовался тому, что по крайней мѣрѣ пошла бѣда моя на деньги, и обѣщавши требованіе ихъ выполнить, поѣхалъ въ сенатъ для свиданія съ такимъ же покупщикомъ и тамбовскимъ своимъ сосѣдомъ, оберъ-секретаремъ Ивановымъ, съ которымъ хотѣлось мнѣ переговорить о нашемъ дѣлѣ и посовѣтываться, но не дождавшись онаго, хотѣвшаго туда пріѣхать, ѣду при проливномъ во весь тотъ день дождѣ обѣдать къ г. Крюкову, а послѣ обѣда, заѣхавъ на квартиру и запасшись каменнымъ своимъ порошкомъ, ѣду къ г. Мещанинову.

Богатый старикъ сей принялъ меня въ просторной комнатѣ въ нижнемъ этажѣ огромныхъ каменныхъ палатъ своихъ, установленной по вупеческому обыкновенію множествомъ богатыхъ овладныхъ образовъ, а одинъ какой-то огромной, и въ богатомъ позолоченномъ окладѣ, лежалъ наискось посреди почти комнаты, съ горящимъ предъ нимъ неугасимымъ лампадомъ. Самъ бородатой старикъ, одѣтой въ богатой штофной плафрокъ, принялъ меня сидящимъ на богатой софѣ, ни тепло, ни холодно, просилъ меня сѣсть на стулъ, противъ его за столикомъ стоявшей. Таковымъ почти холоднымъ приѣмомъ будучи не совсѣмъ довольнымъ и жалѣя почти, что къ нему поѣхалъ, не сталъ я долго медлить, но сказалъ ему причину, побудившую меня къ нему ѣхать, и вынувши бумажки съ порошкомъ предложилъ ему оныя для употребленія, но какъ же удивился я, увидавъ, что онъ и хотѣлъ оныя принимать, и нѣтъ, и не смотря на всѣ увѣренія мои на полезность онаго, доказанную безчисленными опытами, властно, но какъ бы еще сомнѣвался и не довѣрялъ мнѣ, такъ что я почти съ досадою на силу, на силу преклонилъ его къ тому, что велѣлъ онъ подать ставанъ съ водою и рюмку, и онъ на силу, на силу согласился, знаменуя себя нѣсколько разъ крестомъ, одинъ приѣмъ тогда же выпить. Послѣ чего, оставивъ ему прочія, всталъ я и, откланявшись, пошелъ вонъ, внутренно смѣясь и досадуя, что онъ, будучи въ состояніи, а не хотѣлъ даже и привстать съ своей богатой софы и поблагодарить меня, какъ надлежало, а разстался со мною почти равнодушно. Но едва я

только вышелъ въ переднюю комнату, какъ вслѣдъ за мною вышелъ какой-то чиновникъ, либо родственникъ его и сталъ подавать мнѣ бѣлую, но не знаю уже какой цѣны, ассигнацію, что, увидѣвъ, не могъ я удержаться отъ того, чтобъ вслухъ не захохотать и столь громко, чтобъ старикъ могъ за дверьми услышать, подавателю не сказать: „что мнѣ это совсѣмъ не надобно, что я не лекарь и не докторъ и что сожалѣю, что Демидъ Демидовичъ во мнѣнїи своемъ обо мнѣ ошибается и по всему видимому счелъ меня какимъ нибудь шарлатаномъ, хотѣвшимъ отъ него, какъ богатаго человѣка, чѣмъ нибудь поживиться, а я совсѣмъ не то, а благородной человѣкъ, желавшій оказать ему важную услугу, по единой добротѣ своего сердца, а отнюдь не изъ корыстолюбивыхъ какихъ видовъ, поклонитесь ему отъ меня и скажите сіе“—и выговоривъ сіе, побѣждалъ я вонъ и, сѣвъ въ карету, уѣхалъ, смѣясь и досадуя самъ на себя, что къ такому ѣздилъ и самъ себя только одурачилъ.

Возвратясь на квартиру, сталъ я дожидаться г. Морозова, хотѣвшаго ко мнѣ въ сей вечеръ прїѣхать, однако, онъ, какъ видно, за проливнымъ дождемъ не бывалъ; я хотя и поогорчился тѣмъ, но на сердцѣ моемъ было сколько нибудь уже легче прежняго.

На другой день, что было уже 7-го сентября, съ самаго утра отправилъ я за Морозовымъ свою уже карету, а Федю своего послалъ на почту за письмами и за газетами. Морозовъ и не преминулъ ко мнѣ прїѣхать, и спроворилъ дѣломъ такъ, что къ неизобразимому моему удовольствію и крайнему меня обрадованію поздравилъ меня, отъ судьи, прїятеля своего, съ рѣшеніемъ дѣла въ мою пользу и съ тѣмъ, что положено уже мнѣнїе и подписана всѣми судьями уже резолюція, что оставить меня при конторскомъ рѣшеніи, а мнѣ болѣе сего ничего было и ненадобно. А того еще болѣе обрадовалъ меня, сказавъ, что чуть ли не самому ему поручаютъ писать и самое опредѣленіе, какъ знающему досконально все сіе дѣло человѣку. За симъ совѣтывались мы съ нимъ о томъ, что дать судѣ, его прїятелю, за выгодное для меня рѣшеніе, и онъ присовѣтовалъ мнѣ дать ему 200 рублей и отослать къ нему ихъ въ тотъ же день, ибо одной сотни было очень мало. Я подарилъ самого его бездѣлкою 10-ти рублями, и будучи доволенъ его дружбою, испол-

нилъ по его совѣту и въ этотъ день отослалъ къ г. Григоровичу 200 рублей, а самому ему далъ свой простудной декохтъ, для леченія простудившагося и занемогшаго судьи, его пріятеля. Самъ же, проводивъ его и дождавшись обратно отвозившей его своей кареты, поѣхалъ сперва въ ратгаусъ, чтобъ повидаться и поговорить съ Барнашовымъ, поручивъ сему поговорить обо всемъ съ роднею его г. Пименовымъ и попросить, чтобъ, въ случаѣ недостатка у меня денегъ въ уплату обѣщанной суммы, согласился онъ обождать оныхъ нѣсколько дней, покуда я приплю оныя по почтѣ изъ деревни, заѣхалъ я въ межевую, чтобъ повидаться съ секретаремъ, но отъ сего грубаго человѣка не могъ добиться ничего. Итакъ, поѣхалъ уже къ другу моему г. Крюкову, у него обѣдалъ и, съѣздивъ съ нимъ въ ряды для покупки кой-какихъ вещей, пробылъ у него до самаго вечера.

На утріе отправилъ я опять карету свою за г. Морозовымъ и, дождавшись его къ себѣ, получилъ чрезъ него благодареніе отъ судьи Григоровича и совѣтъ, чтобъ я ѣхалъ теперь домой, ничего не опасаясь, и не оставлялъ бы даже и человѣка, чему я очень радъ, и послѣдуя охотно сему совѣту, рѣшился на утріе же изъ Москвы въ деревню отправиться. Но какъ нужно было мнѣ повидаться еще съ Барнашовымъ и отдать ему, сколько мнѣ можно было, деньги, то, распрощавшись съ Морозовымъ и попросивъ его объ увѣдомленіи меня о томъ, когда мнѣ надобно будетъ опять пріѣхать въ Москву, поѣхалъ я отыскивать Барнашова, и на-силу, на-силу отыскавъ его, при вторичномъ моемъ пріѣздѣ въ ратгаусъ, опорожнилъ весь свой бумажникъ и отдалъ всѣ деньги, сколько ихъ у меня тогда ни было, и распрощавшись съ нимъ и обѣщавъ немедленно прислать къ нему изъ дома по почтѣ достальныя деньги, для врученія г. Пименову, проѣхалъ обѣдать, и такимъ же образомъ распрощаться съ любезнымъ моимъ Александромъ Степановичемъ Крюковымъ и поблагодарить его за все его и жены его ко мнѣ благопріятіе, и достальное время дня сего препроводилъ у него. А возвращаясь на квартиру, принялся за написаніе того письма къ роднымъ моимъ въ Ламки, изъ котораго помѣстилъ я выше сего отрывокъ, но какъ не зналъ я, гдѣ находился тогда сынъ мой, и не живеть ли еще у тестя своего въ Паникахъ, то желая скорѣй его о себѣ увѣдомить и побудить къ скорѣйшему ко мнѣ въ

деревню прїѣзду, написалъ къ нему и отправилъ съ тамбовскою почтою къ нему въ Даньвовъ и Паники другое письмо слѣдующаго содержанія:

Изъ Москвы, 8-го сентября 1799 г.

„Другъ мой, Павелъ Андреевичъ! Увѣдомляю тебя, что я нахожусь по милости Господней благополучно и теперь гораздо спокойнѣе духомъ, нежели былъ тогда, какъ писалъ я къ тебѣ въ послѣдней разъ. Ибо какъ ни сумнительно было наше дѣло и какихъ мнѣ трудовъ и хлопотъ ни стоило, однако, при помощи прямо Божеской, удалось мнѣ, хотя съ знаменитымъ для насъ убыткомъ, но дѣло наше наладить такъ, что оно наклонилось въ нашу пользу и вчера имѣлъ я то удовольствіе, что меня уже поздравили съ тѣмъ, что резолюція положена въ разсужденіи насъ въ таковой силѣ, чтобъ насъ оставить при рѣшеніи конторскомъ совершенно. Много тебѣ рассказывать, какъ это все происходило и какой особенный, совсѣмъ неожиданный, но прямо полезный случай для меня случился, а только коротко скажу, что никто какъ Богъ! и я въ сей разъ удостовѣрился опять въ справедливости той пословицы, что когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставить. Со всѣмъ тѣмъ хлопотъ было множество, а о трудахъ я уже и не говорю. И какъ теперь начнутъ писать опредѣленіе и сіе, какъ всѣ увѣряютъ, продлится недѣлю, двѣ, или три, или мѣсяць, то чтобъ здѣсь по пустому не жить и не проѣдаться, разсудилъ я ѣхать домой, и тѣмъ паче, что ограбленъ здѣсь господами судьями, такъ что не осталось съ чѣмъ и домой съѣхать и принужденъ былъ занять на съѣздъ деньги, но и всего того мало, а надобно и прїѣхавъ домой посылать еще тотчасъ деньги,—но пропади онѣ совсѣмъ! я уже радъ, что бѣда сія на деньгу пошла,—земля наша не того стоитъ, если мы всю ее удержимъ, дай только Богъ, чтобы совершилось — и то слава Богу, что я прїѣхалъ, а то бы ухнула и вся наша покупка. И какъ мнѣ по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и домой прїѣхавши надобно будетъ ждать увѣдомленія и опять тотчасъ либо самому ѣхать, либо тебѣ въ Москву, то врядъ ли мнѣ можно будетъ отъ дома отлучиться и потому совѣтую и тебѣ безъ дальняго отлагательства ѣхать къ намъ въ Дворяниново,

чтобъ намъ съ тобою скорѣе увидѣться и обо всемъ переговорить и посовѣтовать, и буде письмо сіе застанеть тебя еще въ Паникахъ, то не медли болѣе, а поѣзжай... Я собираюсь завтра по утра ѣхать отсюда домой, и буде что не задержитъ, то въ субботу къ ночи или въ воскресенье къ обѣду поспѣю домой. Болѣе сего писать теперь некогда, а посему и окончу, пожелавъ тебѣ и прочее....“.

Письмо сіе было послѣднее, писанное мною въ сей годъ къ моему сыну, и онымъ кончилась наша съ нимъ въ теченіи сего года переписка. Отославъ оное вмѣстѣ съ прочими на почту, не сталъ я долѣе въ Москвѣ медлить и, дѣйствительно, въ наступившей послѣ сего день съ утра я пустился въ обратный путь, и безъ всякихъ особливыхъ приключеній на другой день къ вечеру домой и пріѣхалъ. Дома нашель я одну только жену мою съ дочерью Катериною, сына же моего еще не было, почему и заключилъ я, что онъ находится либо еще въ Паникахъ, либо въ дорогѣ и на пути къ намъ. Но какъ съ достовѣрностью ничего о томъ не знали, а намъ съ женою надлежало побывать у больной еще дочери моей Елисаветы на родинахъ и привезть отъ нея, гостившую до сего времени у нея, старушку мою тещу, то не стали мы долго медлить, а рѣшились, дни черезъ два, отправиться въ сей путь, въ надеждѣ, что мы сына нашего либо у сестры его найдемъ въ Ламкахъ, либо повстрѣчаемся съ нимъ на дорогѣ.

Между тѣмъ въ оба сіи дни занимался я кое-какими домашними дѣлами и сниманіемъ съ деревъ въ садахъ достальныхъ яблокъ, кои засталъ я еще на нихъ дозрѣвающими, также свиданіемъ съ случившимся тогда быть въ Болотовѣ сосѣдомъ нашимъ г. Огарковымъ, наиглавнѣйшая же забота моя состояла въ скорѣйшемъ отправленіи, по обѣщанію моему, къ судьямъ денегъ, что и исполнилъ на другой же день по возвращеніи моемъ изъ Москвы и отправилъ 250 рублей къ Пименову и Барнашову. Итакъ, тогдашняя ѣзда моя въ Москву стоила мнѣ до 600 рублей, что, полагая, по нынѣшнему (1821 г.) курсу денегъ, составляла болѣе 2,000 рублей, и произвела нарочитую прорѣху въ моемъ капиталѣ. Въ путь свой отправились мы съ утра, сентября 13-го числа, и какъ ни дурна была дорога отъ

ненастья, но мы успѣли пріѣхать обѣдать въ Федешово, а ночевать въ село Слоботку, къ другу и знакомцу нашему Ивану Васильевичу Хомякову, но были такъ несчастны, что въ обоихъ сихъ домахъ не застали хозяевъ дома и принуждены были и обѣдать, и ночевать безъ оныхъ.

Продолжая же путь свой на утріе далѣе, пріѣхали мы въ Тулу еще рано и тутъ, къ крайнему обрадованію моему, съѣхались съ ѣдущимъ уже къ намъ съ сыномъ моимъ, Павломъ Андреевичемъ, съ которымъ, повидавшись и вмѣстѣ отобѣдавши, въ тотъ же день и опять разстались. Онъ съ женою своею поѣхалъ къ намъ въ Дворяниново, а мы продолжали путь свой въ Ламки и, переночевавъ въ Каменкахъ, пріѣхали въ Ламки 15-го сентября по утру. Неоправившаяся еще отъ родинъ своихъ дочь наша Елисавета была намъ очень рада. Тутъ нашли мы родственницу ихъ внягиню Кропоткину и провели съ нею у ласковыхъ нашихъ хозяевъ почти трое сутокъ съ удовольствіемъ, въ которое время успѣлъ я съѣздить въ прежнее свое и тогда еще милое для меня обиталище, городъ Богородицкъ, повидаться съ тамошними своими знакомцами и друзьями и упросить г. Дурова переписать нашъ вексель, по которому должны мы были деньгами и тогда, за московскими убытками, возвратить ихъ ему были не въ состояніи, и онъ охотно на то согласился. Изъ Ламокъ заѣхали мы въ Головинно и повидались и съ родными нашими Воронцовыми, ихъ ближними сосѣдями, и, переночевавъ у нихъ, поѣхали въ обратной путь домой, поспѣвая къ нашему сыну. Но пріѣхали туда не прежде какъ въ обѣду уже 21-го числа, ибо переломившаяся на дорогѣ подъ кибиткою ось сдѣлала намъ, выѣхавшимъ уже изъ Тулы, задержку и принудила противъ хотѣнія возвратиться назадъ въ Тулу и ночевать въ оной, а другую ночь ночевали мы уже въ Федешовѣ, домой же вмѣстѣ съ собою привезли и почтенную и милую нашу старушку тещу.

Съ сего времени начали мы жить уже вмѣстѣ съ нашимъ сыномъ и молодою его женою, бывшею тогда почти уже на сносѣхъ, и заниматься сообща всѣми своими домашними хлопотами и упражненіями. Во всемъ домѣ у насъ сдѣлалось тогда уже живѣе и не такъ уединенно и тихо, какъ было до того времени, а при томъ гораздо предъ прежнимъ и веселѣе, и пріятнѣе.

Какъ осени было тогда только начало, и сады мои имѣли еще въ себѣ довольно красотъ, то всячески старался я доставить молодой нашей семьянинкѣ, при прогулкахъ, возможнѣйшія удовольствія. Сосѣди наши не преминули также насъ посѣщать и дѣлать съ нами свое время, въ чемъ не чувствительно и провели мы достальныя дни сентября мѣсяца. Въ теченіе оныхъ занимался я наиболѣе тремя дѣлами: первое и наиглавнѣйшее состояло въ сочиненіи и написаніи инструкціи приговоренному и нанятому въ тамбовскую нашу деревню прикащику Константину Ломакину. Ибо какъ обстоятельства тогдашнія воспретили намъ самимъ, съ сыномъ, туда въ тогдашнюю осень отправиться и самимъ ввести его въ управленіе, то рѣшились мы отправить его туда одного, но превеликая обоимъ намъ съ сыномъ была комиссія убаять и уговорить сего глупца ѣхать туда безъ насъ. Какіе то бездѣльники наговорили ему о старикѣ моемъ Яковѣ, прежнемъ сослуживцѣ и прикащикѣ моемъ, столько всякаго вздора и нелѣпостей, что онъ совсѣмъ было трекнулъ и не хотѣлъ никакъ туда ѣхать, изъ опасенія, чтобъ старикъ съ женою своею не надѣлалъ ему невѣдомо какихъ золь и бѣдствій, и намъ не малаго труда стоило увѣрить его, что все насказано ему бездѣльниками на смѣхъ, что въ самомъ дѣлѣ ничего того нѣтъ и ему никакого опасенія имѣть не можно, и мы на силу, на силу его уломали, и сему то наемнику надлежало написать подробное наставленіе какъ ему тою деревнею управлять и что и что предпринимать и дѣлать. Второе упражненіе мое состояло въ возобновленіи и продолженіи прежняго моего труда, состоящаго въ описаніи и срисовываніи разныхъ и тѣхъ родовъ родившихся въ моихъ садахъ яблокъ и грушъ, которые въ предслѣдующіе года не были еще описаны и срисованы, и я съ такою прилежностію занимался симъ пріятнымъ для меня комнатнымъ упражненіемъ, что въ сію осень успѣлъ описать и съ красками съ натуры срисовать цѣлую еще сотню разныхъ породъ яблокъ и грушъ и составить изъ того VI часть сихъ описаній, и которая книга хранится у меня еще и по нынѣ въ моей библіотекѣ. Третье и не столько пріятное, сколько скучное, трудное и долговременное занятіе доставляло мнѣ почти ежедневно новосдѣланной въ нижнемъ моемъ длинной прудовъ или сажелке, о которой я неоднократно уже упоминалъ; каменистая

почва и косина положенія самаго мѣста производили то, что вода прокрадывалась сквозь плотину, да и сама она все отваливалась, внизъ осѣдала и портилась. Почему принуждены мы были не одинъ разъ всю воду изъ ней спускать и дно оной утаптывать глиною, и въ соченіи препятствовать водѣ прокрадываться, и хлопотать много и до того, что она мнѣ даже наскучила, и на силу, на силу мы довели ее сколько нибудь до совершенства и до того, что и вода перестала красться и плотина утвердилась. Что-жъ касается до моего сына, то и онъ, кромѣ комнатныхъ своихъ упражненій, выѣзжалъ иногда для осмотра нашихъ лѣсныхъ и полевыхъ угодій, а иногда развѣзжали они съ женою своею по гостямъ, въ дружескіе и сосѣдственные намъ дворянскіе дома.

Наконецъ, наступилъ нашъ октябрь мѣсяцъ, которой называемъ обыкновенно нашимъ фамилінымъ, поелику въ теченіе онаго были многіе изъ ближайшихъ родныхъ моихъ именинниками, либо новорожденными, и первое начало тому учинили, 4 числа, именины сына моего Павла Андреевича, въ которой день была у насъ небольшая пирушка и обѣдалъ у насъ одинъ только г. Добровлонской, изъ прочихъ же сосѣдей не случилось никого дома. Онъ, съ семействомъ своимъ, пробылъ у насъ до самаго вечера и при немъ имѣлъ я удовольствіе получить изъ Москвы письма отъ Морозова, Барнашова и отъ нашего повѣреннаго Федя, увѣдомлявшихъ меня, что наше дѣло идетъ своимъ чередомъ, но опредѣленіе еще подписано не было, а оное все еще сочинялось, и что длилось оно потому, что кромѣ насъ были многіе и другіе просители и судьямъ хотѣлось всѣхъ ихъ по возможности удовлетворять и избирать такія мѣры, чтобъ всѣ сколько нибудь остались довольными.

Черезъ два дня послѣ сего наступилъ день и моего рожденія и я имѣлъ удовольствіе, по милости Господней, дожить до 62 года моей жизни и благодарить Всемогущаго за таковую Его ко мнѣ милость. Праздновать и торжествовать сей день не имѣлъ я еще тогда обыкновенія, а праздновалъ его только духовнымъ образомъ, а сынъ мой ѣздилъ въ сей день къ старику Евграфу Яковлевичу Раевскому, съ которымъ, наконецъ, возобновили наше старинное знакомство, равно какъ и съ домою старинной нашей знакомки и пріятельницы Натальи Петровной Арцибышевой,

живущей въ селѣ Пущинѣ, и ея сыномъ Яковомъ Ивановичемъ, человѣкомъ молодымъ, очень хорошимъ и много о себѣ обѣщавшемъ. Ко всѣмъ имъ ѣздили мы всѣ, 9 числа октября, и сперва были у старика Раевского, которой былъ намъ очень радъ, и видѣли чудиху его жену и дочь, а отъ него проѣхали уже въ Пущино и нашли старушку хозяйку, лежащую въ постели и очень больною, и насъ угощала уже сынъ ея и перезнобилъ было насъ въ своихъ новыхъ, каменныхъ и хорошо отдѣланныхъ палатахъ, ибо случилось быть тогда времени очень холодному, и мы, ночуя у него и спавши въ антресоляхъ, въ прахъ перезаблѣ. Въ вечеру же сего дня видѣлъ я впервые сына и дочь покойной моей правнучатной сестры Пелагеи Васильевны Бакеевой, бывшею замужемъ за Семеномъ Андреевичемъ Раевскимъ, и достопамятно, что съ сего дня началась дружба и знакомство съ сыномъ ея Васильемъ Семеновичемъ Раевскимъ.

Засимъ все время до 17 числа октября, какъ до дня моихъ именинъ, по причинѣ наступившей уже дурной, холодной и дождливой осенней погоды, не позволявшей почти выходить на дворъ, провели мы почти все сидючи въ теплѣ и занимаясь кое какими пріятными чтеніями и другими комнатными упражненіями. А симъ и дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочее.

Писано сіе 26 мая 1821 г., въ Дворяниновѣ.

Мой другъ! День именинъ моихъ и съ онымъ начало моего 62 года праздновали мы и въ сей разъ, по прежнему обыкновению, отправленіемъ въ домъ своемъ божественной службы, а потомъ угощеніемъ, обѣденнымъ столомъ, пріѣхавшихъ ко мнѣ ближнихъ моихъ сосѣдей изъ Татарскаго и изъ Сенина; кромѣ сихъ, былъ у меня и небывалой до того еще гость, молодой г. Арцибышевъ, Яковъ Ивановичъ, но всѣ они по причинѣ прескверной, бывшей въ сіе время, погоды и дурноты дорогъ просидѣли у меня только до сумерокъ и разъѣхались рано. Достопамятно, что въ самой сей день былъ у насъ первой сильной морозъ, погубившей всѣ цвѣты, украшавшіе до сего еще натуру.

Съ сего времени до самыхъ почти заговѣнь и половины ноября не случилось ничего особливаго, и мы все это время за дурнотою погодъ и холодомъ, отъ приближающей уже зимы, принуждены были наольшую часть сидѣть въ теплѣ и заниматься оба съ сыномъ моимъ комнатными упражненіями. Я— продолженіемъ сочиненія ключа къ своему „экономическому магазину“ или общаго алфавитнаго и очень нужнаго реестра и перебираниемъ въ ящикахъ запасенныхъ на зиму яблокъ, а сынъ мой нѣсколько дней занимался перестанавливаніемъ и регулированіемъ въ комнатахъ нашихъ картинъ, также своею музыкою, а въ хорошіе, ясные и тепловатые дни выѣзжалъ прогуливаться, а иногда ѣзжали мы кой куда и въ гости, и угощали у себя къ намъ пріѣзжавшихъ, и проводжали время свое не только безъ скуки, но и довольно весело, а особливо занимаюсь иногда пріятнымъ чтеніемъ книгъ и получаемыхъ журналовъ и газетъ, которые всѣ наполнены бывали неприятными извѣстіями о разбитіи нашихъ войскъ французами въ Голландіи и въ Швейцаріи и о славномъ переходѣ Суворова чрезъ Альпійскія горы. Къ симъ неприятностямъ присовокуплялась и та, что сынъ мой нерѣдко жаловался на головную у себя боль и нездоровье, съ другой стороны смущала и озабочивала всѣхъ насъ и беременность моей невѣстки, и какъ она приближалась къ своему окончанію, то старались мы о запасеніи ея къ сему случаю хорошею и искусною бабкою.

Наконецъ, 12-го числа ноября, кончилась наша осень и выпавшей снѣгъ убѣлилъ всю поверхность полей нашихъ. Въ самое сіе время услышали и отъ присланнаго человѣка къ намъ узнали мы о кончинѣ пуцинской помѣщицы и старинной нашей знакомки Натальи Петровны Арцибышевой, и 14-го числа жена моя съ сыномъ ѣздила на погребеніе оной, мы же съ невѣсткою и прочими оставались дома, ибо сей не можно было уже никуда ѣздить.

Она невѣдомо какъ смущалась и озабочена была не получениемъ себѣ хорошей бабки, за которою послана была давно уже въ Тулу коляска, но что-то долго не возвращалась, а между тѣмъ наступало уже самое критическое время, но за то и обрадована она была до чрезвычайности, когда увидѣла ѣдущую коляску и въ ней самую ту знакомую намъ и искусную бабушку,

которую ей имѣть у себя при родахъ хотѣлось и въ полученіи которой она уже отчаявалась и о томъ очень горевала.

Пріѣздъ оной, обрадовавшей и насъ всѣхъ, былъ очень благовременень, ибо невѣстка моя начинала уже страдать обыкновенными при родахъ муками и въ самую сію ночь подъ 19 число и обрадовано было все наше семейство благополучнымъ разрѣшеніемъ ея отъ бремени дочерью, которую угодно было ей велѣть назвать, по имени матери ея, Евкаториною. Итакъ, содѣлался Павелъ мой отцомъ, а подруга его матерью, а мы съ женою своею получили родную себѣ внуку, и хотя провели всю ночь сію въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ и во всю ее почти не спали, но за то награждены были и удовольствіемъ неизяснимымъ. Мы не преминули въ тотъ же день принести Господу Богу нашему за сіе достодолжную благодарность, а между тѣмъ отправить съ извѣстіемъ о томъ къ отцу и матери невѣстки моей и къ прочимъ роднымъ нашимъ человѣка, также уведомить о томъ и сосѣдей нашихъ, которымъ, однако, за крайнею тогдашнею распутицею нивакъ не можно было вскорѣ пріѣхать къ невѣсткѣ моей на родины и все наше ожиданіе оныхъ было тщетное, одинъ только племянникъ мой Андрей Михайловичъ приходилъ и въ тотъ же еще день для поздравленія всѣхъ насъ съ симъ радостнымъ для насъ происшествіемъ.

Наконецъ, 24-го числа сего мѣсяца, не успѣлъ я по утру по обыкновенію моему еще до свѣта встать, какъ встревоженъ былъ извѣстіемъ, что у зятя моего Петра Ивановича Воронцова, ѣхавшаго во мнѣ, изломалась повозка и онъ самъ, отъ самой Елгинской мельницы, пришелъ пѣшкомъ и не хотя насъ ночью всѣхъ тревожить и будить, легъ и спалъ тогда въ людской избѣ или такъ называемой черной горницѣ, и что лошади его безъ него шарахнулись и ушли и всѣ люди побѣжали искать оныхъ. Вскорѣ за симъ пришелъ и самъ зять мой, которому мы были очень рады. Какъ въ сей день было у меня въ домѣ двѣ иманиницы, дочь и малютка внука и обѣ Катерины Болотовы, то была у насъ всенощная и присылали съ поздравленіями А. Мих. Ладыженскія и Доброклонская и первыя, по приглашенію нашему, пріѣхали къ намъ обѣдать и вмѣстѣ съ нами препроводили весь сей день, а Доброклонской не бывалъ, будучи уже третьей

день боленъ, а на другой день послѣ сего прїѣзжали къ намъ Пановы и, пробывъ у насъ весь день, и ужинали даже у насъ.

Въ наступившей за симъ день ждали мы во весь прїѣзда дочери моей Ольги, но вмѣсто оной передъ вечеромъ прїѣхалъ къ намъ другъ нашъ Василій Ивановичъ Кислинской съ женою, а вслѣдъ за нимъ, наконецъ, и Ольга наша съ своимъ мужемъ, и такъ сдѣлалось у насъ въ домѣ очень людно. Всѣ сіи наши родные гости пробыли у насъ не только весь послѣдующей, но, за сдѣлавшеюся ужасною мятежью, и еще одинъ день, и время сіе провели наиболѣе въ играни въ проклятой и досадной для меня бостонъ, и наши проигралися, будучи не въ состояніи играть съ практическими и такими игровами, каковы были Кислинскіе. Между тѣмъ, получили мы изъ Паникъ, отъ тестя сына моего, извѣстіе, что онъ не прежде къ намъ прїѣдетъ, какъ уже по настаніи зимняго пути.

Наконецъ, разѣхались наши гости, сперва поѣхалъ домой зять мой Воронцовъ, а за нимъ Василій Ивановичъ Кислинской въ радости, обыгравъ моего зятя и сына въ карты, а зять мой Бородинъ поѣхалъ въ Калугу въ горѣ, проигравъ Кислинскому отъ собственной шалости болѣе 40 рублей. Прїѣздъ его ко мнѣ былъ не утѣшенъ, что-то чувствовалъ я къ нему менѣе приверженности, нежели къ Петру Ивановичу Воронцову. Подражалъ онъ во всемъ старшему зятю моему Шишкову, а прова отъ него было очень мало, оба они не лучшѣли, но часъ отъ часу худѣли, оба сдѣлались мотами отъ игры, питья и строенія, и оба раззорялись очевидно, и не терпѣли, чтобъ имъ кто и говорилъ о томъ. Мнѣ всего досаднѣе было, что послѣдней въ сей разъ почти неволею впелелъ и сына моего въ игру, и довелъ его до того, что и онъ рублей съ десять проигралъ.

По отѣздѣ ихъ, принявшись опять за писаніе, имѣлъ я удовольствіе окончить, наконецъ, свою давно начатую трудную и скучную работу, состоявшую въ сочиненіи полнаго къ экономическому своему магазину реестра, которой сочинить я столько лѣтъ собирался и нѣсколько разъ начиналъ, но соскучивъ, опять переставалъ, но въ сей разъ насилу, насилу я его и однимъ почти приѣмомъ кончилъ. Изъ него вышла претолстая книга, и какъ она сдѣлалась весьма нужною и полезною для

всѣхъ имѣющихъ у себя весь мой „Экономической магазинъ“, то хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ въ пользу ихъ былъ и напечатанъ, съ каковымъ намѣреніемъ я наиболѣе и предпріялъ сію работу, однако, всего не удалось мнѣ даже до сего времени еще исполнить, по случаю, что съ типографіями произошла великая пере-мѣна, число ихъ хотя размножилось, но всѣ сочиненія надлежало авторамъ печатать на свой коштъ, а сіе для меня составляло неудобность, почему и осталась книга сія и по сіе время (1821 г.) въ манускриптѣ, и служить только для собственнаго моего употребленія. Окончилъ я сію работу въ самой послѣдней день мѣсяца ноября и удовольствіе мое нарушилось захвораніемъ сына моего, такъ что онъ, весь тотъ день, пролежалъ въ постели, и мы опасались, чтобъ болѣзнь сія не сдѣлалась важною.

По наступленіи мѣсяца декабря, поджидали мы все еще въ себѣ вого нибудь изъ паниковскихъ, но какъ нѣкто не бывалъ, то не стали мы долѣе медлить и на другой день сего мѣсяца окрестили нашу новорожденную малютку, въ моемъ кабинетѣ; воспріемниками были: я съ старушкою моею тещею и дочь моя Катерина съ отсутственнымъ братомъ невѣстки моей, Павломъ Федоровичемъ Опанинымъ, и какъ крестины были не сборные, то и обѣдали у насъ одни только церковные служители, съ ихъ женами, да послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ г. Ладыженской и у насъ ужиналъ. Впрочемъ, досто-памятно, что въ сіе время свирѣпствовала у насъ во всемъ домѣ какая-то особливая прилипчивая простудная лихорадка или катарръ, и многіе люди вдругъ занемогали. Павелъ мой Андреичъ лежалъ даже отъ ней, а немогла даже и родильница наша. Я и самъ чувствовалъ едвали не начало оной, въ въ груди поваливало какъ иглами. Жаловались всѣ сперва на боль въ головѣ, за симъ послѣдовалъ ознобъ и жаръ и кашель, и съ ногъ человѣкъ сваливался, и сіе продолжалось нѣсколько дней сряду. Навезъ къ намъ сію болѣзнь Василій Ив. Кислинской, у него былъ весь домъ его боленъ, а и у насъ сдѣлалось множество больныхъ. Словомъ болѣзнь сія была повсемѣстная, и по слухамъ въ одной Москвѣ было больныхъ до 12 тысячъ человѣкъ и я насилу отпился отъ ней своимъ простуднымъ декоктомъ, и едва успѣвалъ помогать и другимъ многимъ.

На другой день послѣ крестинъ сказали намъ, что будетъ въ сей день къ намъ старшей мой зять П. Г. Шишковъ, но вмѣсто его пріѣхала только наша Елизавета Андреевна съ дѣтми, а на утріе пріѣхала къ намъ на почтовыхъ и сватья наша Прасковья Алексѣевна изъ Орла на родины къ своей племянницѣ и наслѣдницѣ, а въ вечеру того же дня пріѣхалъ и зять Петръ Герасимовичъ и сдѣлалось у насъ опять очень людно и шумно, и дѣти Шишковы шумѣли и рѣзвились безъ милости, между тѣмъ болѣзни размножились и занемогла и самая моя жена, дочь Катерина и Елизавета и насилу ходили.

Какъ время тогда было постное, а сверхъ того наступалъ и нашъ сельской годовой праздникъ и намъ для угощенія гостей нашихъ нужна была рыба, а оной въ привозѣ въ городахъ никакой еще не было, то превеликая для насъ была комиссія снабдить себя нужною свѣжею рыбою, и я принужденъ былъ разослать людей искать купить ее во всѣхъ прибрежныхъ по Овѣ рѣкѣ селеніяхъ, гдѣ она жителями лавливалась, а другихъ разослалъ звать сосѣдей къ себѣ къ празднику. А какъ на ту пору стояла у насъ самая холодная и даже опасная зимняя погода, то не малая забота на насъ была и о томъ, чтобъ не замерзли разосланные и долго не возвращавшіеся люди, но къ великому обрадованію моему всѣ они, кромѣ одного, благополучно возвратились и достали намъ довольное количество рыбы.

Что касается до нашего праздника, то оной въ сей годъ достопамятенъ былъ непомѣрною и чрезвычайною стужею и жестокимъ морозомъ на западномъ вѣтрѣ, которымъ изъ подъ горы всѣ наши хоромы такъ вынесло, что не можно было никакъ быть во всей той половинѣ, которая была въ рѣкѣ, и я принужденъ былъ на сей разъ превратить кабинетъ мой и въ залъ, и въ гостиную, тутъ мы съ гостями и обѣдали, и сидѣли, и ужинали, ибо тутъ было тепло какъ въ банѣ. По счастью, гостей изъ постороннихъ было не много, и одинъ только г. Ладженской съ женою, да Добровлонской безъ жены. Со всѣмъ тѣмъ, гости мои гораздо подпили, и я не помню, когда бы было тому подобное, и всѣ мы были веселы. Зятику моему Петру Герасимовичу что то вздумалось съ Добровлонскимъ съѣздить къ Андрею Михайловичу, и тамъ оба они бросили,

такъ сказать въ печь, цѣлыхъ двадцать рублей, заставивъ бабъ плясать и давъ имъ за пляску оныя, и зятiekъ мой претерпѣлъ сей убытокъ одинъ, ибо проворъ Доброклонской убѣдилъ его играть въ карты, и сыгралъ съ себя ихъ. Сыну моему было въ сей день сколько нибудь лучше, а взамѣнъ того слегла сватья Прасковья Алексѣевна.

Никольщина наша продолжалась нѣкоторымъ образомъ и на другой день, и когда не гостей, такъ людей было довольно пьяныхъ. Мы просидѣли почти весь день подлѣ больной моей сватьи, и къ намъ пріѣхалъ опять г. Ладыженской съ женою, а въ вечеру другъ Андрея Михайловича, пьяненькой Петръ Дмитриевичъ Кузьминъ, и насмѣшилъ насъ своими поступками. На другой день послѣ сего поѣхали отъ насъ наши родные, Шишковы, оставивъ у насъ дѣтей обоихъ Николиноеъ поучиться писать и географіи, и это было еще въ первый разъ.

Черезъ три дня послѣ сего, случилось со мною нѣчто неожиданное. Является ко мнѣ незнакомой человѣкъ живущаго отъ насъ не подалеку небогатаго дворянина Михаила Афанасьевича Шишкина съ письмомъ ко мнѣ отъ нашего тульского губернатора. Я удивился и не понималъ о чемъ бы такомъ писать ко мнѣ губернатору, очень мало меня знающему, а того болѣе удивился, нашедъ въ ономъ просьбу его, чтобъ я усовѣстилъ племянника и сосѣда моего Андрея Михайловича и уговорилъ его не взыскивать съ поманутаго бѣдняка Шишкина 600 руб. денегъ, которыя слѣдовало ему заплатить по рѣшенію бывшаго между ими какого то дѣла, и по которому племянникъ мой оттягалъ отъ него нѣсколько крестьянъ и чрезъ то раззорилъ почти сего добрѣйшаго человѣка. Я охотно желалъ помочь въ семъ случаѣ сему своему сосѣду и, съѣздивши къ племяннику моему, употреблялъ все, что могъ, къ преклоненію его къ оказанію Шишкину сего благодѣянія, но всѣ мои старанія не имѣли ни малѣйшаго успѣха и племянничекъ мой былъ не такого свойства человѣкъ, чтобы могъ сіе благодѣяніе сдѣлать.

Черезъ недѣлю послѣ сего, по долговременномъ и тщетномъ ожиданіи извѣстія изъ Москвы объ окончаніи все еще продолжавшагося въ межевой канцеляріи нашего дѣла, на силу, на

силу обрадованы мы были полученнымъ отъ повѣреннаго нашего Феде увѣдомленіемъ, что дѣло наше, наконецъ, рѣшено, и чрезъ подписаніе опредѣленія кончено, и что мнѣ не было никакой надобности ѣхать самому въ Москву, ибо мы оставлены были съ покоемъ при своихъ купленныхъ и, по рѣшенію конторскому, отмежеванныхъ земляхъ. Итакъ, успокоены мы были въ разсужденіи сего не мало стоющаго намъ дѣла.

Съ сего времени по самой почти праздникъ Рождества Христова не происходило у насъ ничего особливо. Сыну моему давно уже сдѣлалось отъ болѣзни его лучше, равно какъ и тетя невѣстки моей, которая все еще гостила у насъ. Мы оба съ сыномъ занимались ученіемъ дѣтей географіи и выдумывали легчайшіе къ тому способы, а я ежедневно почти занимался еще однимъ новымъ дѣломъ. Охота моя къ писанію чего нибудь и нахожденіе въ томъ и въ сочиненіяхъ кое какихъ особеннаго удовольствія, тотчасъ послѣ окончанія ключа къ „Экономическому магазину“, возродила во мнѣ желаніе заняться вновь какими нибудь экономическими сочиненіями, и какъ послѣ издаванія моего Экономическаго магазина случилось мнѣ многое узнать и открыть изъ экономическихъ вещей новаго и никому еще неизвѣстнаго, то по обыкновенному моему и всегдашнему желанію сдѣлать все то и соотчицамъ моимъ извѣстнымъ, и восхотѣлось мнѣ испытать не можно ли всѣ такія примѣчанія, выдумки и открытія свои сообщить публикѣ, чрезъ напечатаніе ихъ въ видѣ какаго нибудь экономическаго сочиненія и какъ наиудобнѣйшимъ къ тому казалось мнѣ названіе экономическаго корреспондента, то и вознамѣрился я всѣ свои новыя замѣчанія сочинять образомъ писемъ къ пріятелю, и дѣло сіе тогда же, по нетерпѣливости, началъ, и продолжая оное во всѣ праздные и досужные часы даже до сего времени, успѣлъ не только сочинить, но и набѣло переписать довольно таки множество такихъ замѣчаній, и продолжать въ томъ же трудиться и послѣ сего времени, но всѣ сіи новыя мои труды остались тщетными, ибо, живучи въ деревнѣ и не имѣя въ Москвѣ изъ содержателей типографіи такого знакомаго, каковъ былъ нѣкогда Г. Новиковъ и который бы взялся печатать мои сочиненія на свой коштъ, не имѣлъ я

случая и удобства къ произведенію намѣренія моего въ дѣйство. Почему чрезъ нѣсколько времени и пересталъ я заниматься симъ дѣломъ, а все написанное хранится и донинѣ (1821 г.) въ бібліотекѣ моей въ манускриптахъ, и едва ли когда нибудь будетъ напечатано.

Навонецъ, подъ самой праздникъ Рождества Христова наѣхало ко мнѣ множество гостей и все родныхъ и для насъ пріятныхъ. Сперва пріѣхалъ зять мой П. И. Воронцовъ съ дочерью моею Настасьею и сыномъ ихъ Павлушею, а въ вечеру уже имѣли мы удовольствіе встрѣтить, давно уже ожидаемыхъ и никогда еще у насъ не бывавшихъ, новыхъ нашихъ родныхъ Опаниныхъ. Былъ то свать мой Ѳедоръ Васильевичъ Опанинъ съ женою и со всѣми дѣтьми своими, и вмѣстѣ съ ними сосѣдъ ихъ Доримидонтъ Тимофеевичъ Елчинъ и сдѣлалось у насъ людно. Легко можно заключить, что всѣ мы, а всѣхъ болѣе невѣстка моя, были симъ небывалымъ еще гостямъ очень рады. Они пріѣхали къ намъ въ вечеру и въ самое то время, когда у насъ служили всенощную, и какихъ, и какихъ не было при семъ случаѣ взаимныхъ съ обѣихъ сторонъ привѣтствій, ласкъ и поздравленій, и съ какимъ отмѣннымъ удовольствіемъ провели мы тогдашней и довольно уже поздней ужинъ. На утріе же и въ самой праздникъ, не смотря на всю зимнюю стужу, ѣздили мы всѣ къ обѣднѣ, и по возвращеніи изъ церкви всѣмъ многочисленнымъ, роднымъ семействомъ въ радости и съ удовольствіемъ разгавливались и потомъ вмѣстѣ съ приходившими къ намъ славить Христа нашими церковнослужителями обѣдали, а потомъ весь день провели въ пріятныхъ разговорахъ а вечеръ, при шумѣ играющей музыки,—въ играни въ карты, и были всѣ веселы и довольны. Съ такимъ же удовольствіемъ провели мы и второй день нашихъ святокъ съ гостями своими, которыхъ число умножилось еще пріѣхавшимъ къ намъ обѣдать другомъ нашимъ и любезнымъ сосѣдомъ Иваномъ Александровичемъ Ладыженскимъ съ женою, которые провели съ нами весь сей день и даже ужинали. Въ продолженіи дня между тѣмъ, какъ мы занимались съ милымъ и любезнымъ сватомъ моимъ разными пріятными разговорами, играли они въ свой бостонъ, вскружившій всѣмъ имъ собою головы. Всѣ гости мои

продолжали гостить у насъ и во весь третей день нашихъ святокъ; въ оной занялъ я свата своего, какъ такого же охотника до садовъ, какъ и я, показываніемъ ему своихъ яблокъ и всѣхъ книгъ съ описаніями и рисунками всѣхъ породъ яблокъ, родящихся въ садахъ моихъ, а сынъ мой съ женою своею ѣздили въ Семеновское, къ старику Евграфу Яковлевичу Раевскому. Братъ же невѣстки моей, Дмитрій Ѳедоровичъ, со смѣху насъ морилъ своими шутками и рѣзвостями, и мы не видали почти какъ прошелъ день сей. Такимъ же образомъ въ семейственномъ удовольствіи провели все утро и четвертаго дня нашихъ тогдашнихъ святокъ, а послѣ обѣда поѣхалъ свать мой отъ насъ одинъ въ Москву и далѣе въ Ростовъ къ роднымъ своимъ, прочіе же всѣ остались еще у насъ, съ которыми, какъ сей, такъ и весь послѣдующей пятой день нашихъ святокъ, провели мы съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прежніе; въ оной пріѣзжалъ къ намъ опять другъ нашъ г. Ладыженской съ женою, пробылъ у насъ во весь день и вечеръ, и поѣхалъ отъ насъ уже послѣ ужина. А въ шестой день послѣ обѣда всѣ наши новые родные, вмѣстѣ и съ теткою невѣстки моей, поѣхали отъ насъ во свояси и остался у насъ одинъ Петръ Ив. съ Настасьей, а вскорѣ послѣ отъѣзда Ошаниныхъ, пріѣхалъ къ намъ Яковъ Ивановичъ Арцибышевъ, съ ближнею родственницею своею Катериною Яковлевною Бибиковою и просидѣли у насъ до сумерокъ. Что-жь касается до послѣдняго дня сего года и седьмаго дня нашихъ святокъ, то провели мы оной не очень весело: во все утро раздосадованъ былъ я, невѣдомо какъ, женою моею разными дразгами.... а у сына моего разболѣлись какъ то зубы, но какъ г. Ладыженской звалъ насъ въ сей день обѣдать, то, не смотря на все, ѣздили мы къ нему и весь сей день провели у него и довольно весело. У него случился въ сіе время быть братъ его, Гаврила Александровичъ, бывшей также моимъ крестникомъ, и сей, наслѣдуя отъ отца своего шутливой нравъ, веселилъ все наше общество своими шутками и издѣвками, и заставлявалъ неоднократно хохотать и смѣяться. Многіе изъ насъ играли въ любимую свою игру бостонъ, а я, кое съ кѣмъ, въ реверансъ. Хозяева упросили насъ у себя даже и ужинать и мы пріѣхали

домой уже поздно, съ тою непріятностью, что сынъ мой, отъ разболѣвшихся у него опять зубовъ, насилу доѣхалъ, а у зятя моего и Настасьи болѣла что то голова; всѣ мы какъ то переугорѣли тогда въ домѣ у Ладыженскаго. Сямъ окончился тогда достопамятной въ исторіи отечества нашего 1799 годъ, ознаменовавшейся и въ моей жизни многими значительными происшествіями, а кстати къ сему окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ... и прочее.

Писано сіе 28 мая 1821 г., въ Сенкинѣ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1828 г. ¹⁾.

Январь—декабрь.

Январь 7. Давно уже ничего не писалъ я на этихъ страницахъ Приготовленія къ экзамену отнимали у меня все время. Это уже послѣдній: съ окончаніемъ его окончится періодъ моего студентскаго существованія—и я гражданинъ.

Сегодня нашъ курсъ экзаменовался въ римскомъ правѣ. Мнѣ досталось говорить объ опекахъ. Профессоръ похвалилъ меня, но самъ я недоволенъ своими познаніями въ этомъ предметѣ. Да и трудно было, по правдѣ сказать, много успѣть въ сей обширной и сложной наукѣ, записки по коей выданы намъ профессоромъ всего за полторы недѣли до экзамена. Сами же мы не составляли ихъ, потому что онъ обѣщаль съ самаго начала дать намъ свои.

8. У меня чуть было не дошло до ссоры съ Булгаринимъ. По условію, онъ долженъ былъ напечатать въ мою пользу сто экземпляровъ моего сочиненія «О политической экономіи». Это было для меня очень важно, ибо я намѣревался представить оное профессорамъ, какъ диссертацию на степень кандидата. Оно уже нѣсколько дней тому назадъ появилось въ «Сѣверномъ Архивѣ», между тѣмъ для меня не оставлено ни одного экземпляра и въ типографіи уже разобраны доски.

Я изъяснилъ мое сожалѣніе по этому поводу Булгарину. Онъ извинялся забывчивостью и далъ слово, что въ три дня велитъ вновь

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293.—314; мартъ, стр. 507—523.

набрать сочиненіе и напечатать. Я успокоился. Но третьяго дня прихожу въ типографію: тамъ ничего и не слышали отъ Булгарина. Это меня крайне раздосадовало, ибо уже не далеко время, назначенное для представленія диссертациі. Я опять кинулся къ Булгарину и Гречу. Теперь сочиненіе мое набираютъ и оно скоро будетъ напечатано.

26. Наконецъ, кончились экзамены. Сегодняшній былъ изъ богословія: сошелъ хорошо.

Надняхъ тоже вышло изъ печати мое сочиненіе. Профессора весьма одобряютъ его, а публика приняла какъ нельзя лучше. Изъ этого я вывожу два заключенія: первое, что публика наша, значить, еще очень мало свѣдуша въ политической экономіи, второе, что въ ней начинается развиваться вкусъ къ серьезному чтенію.

28. Слушалъ лекцію изъ философіи у профессора Галича. Какъ жаль, что сей отличный профессоръ лишень своей кафедрой въ университетѣ: у насъ нѣтъ ни одного подобнаго ему, кромѣ развѣ Давыдова въ Москвѣ, у котораго тоже отняли кафедру: но я самъ о послѣднемъ не могу судить.

Къ Галичу прежде всего имѣешь довѣріе, ибо видишь, что онъ обладаетъ обширными познаніями. Изложеніе его опредѣленное: онъ выражается ясно и благородно. Его одушевляетъ чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цѣхвой ученыи, а человѣкъ, глубоко преданныи наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично къ тому же много обязанъ ему. Зная, что мнѣ не подъ силу заплатить ему за курсъ 300 р., какъ платятъ другіе его слушатели, онъ предложилъ мнѣ посѣщать его лекціи бесплатно.

29. Говорилъ съ попечителемъ о моей службѣ. Онъ предлагаетъ мнѣ у себя мѣсто секретаря въ 1,200 р. жалованья. Я останусь у него во всякомъ случаѣ на годъ, такъ какъ мнѣ особенно пріятно служить у человѣка, столь просвѣщеннаго и благороднаго, и которому я столько обязанъ. Да и должность секретаря при немъ не обременительна, слѣдовательно не помѣшаетъ мнѣ совершенствоваться въ наукахъ.

30. Сегодня былъ у меня Ростовцевъ. Очень пріятная бесѣда. Этотъ человѣкъ не измѣняется ни въ своихъ чувствахъ вообще, ни въ своемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ. Толковали о прошломъ, вспоминали о декабристахъ.

— «Но что скажете обо мнѣ потомство?» замѣтилъ, между прочимъ, Ростовцевъ, — «я боюсь суда его. Пойметъ ли оно и признаетъ-ли тѣ побудительныя причины, которыя руководили мною въ бѣдствен-

ные декабрьскіе дни? Не сочтеть ли оно меня доносчикомъ или трусомъ, который только о себѣ заботился?»

— «Потомство, возразилъ я,—будеть судить о васъ не по одному этому поступку, а по характеру всей вашей будущей дѣятельности: ей предстоитъ разъяснить потомству настоящей смыслъ вашихъ чувствъ и дѣйствій въ этомъ горестномъ для всѣхъ событіи.

Онъ со слезами на глазахъ обнялъ меня.

Февраль 2. Славный день! Давно уже предлагалъ я товарищамъ, по окончаніи экзаменовъ, устроить дружескій прощальный обѣдъ, для чего каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать по 20 руб. Я давно уже началъ прикапывать эту сумму. Нѣкоторые, по малодушію, отказались, но вотъ дорогія имена тѣхъ, которые съ восторгомъ отозвались на призывъ дружбы: Горловъ, Михайловъ, Армстронгъ, Дель, Гебгардъ 1-й, Гебгардъ 2-й, Клоповъ, Гедерштернъ, Владиславлевъ, Ивановъ, Лингвистъ, Крупскій, Чивилевъ, Щегловъ и Казакинъ.

Мы собрались въ четыре часа къ Горлову. Первый нашъ тостъ за обѣдомъ былъ, по обыкновенію, посвященъ отечеству и государю. За вторымъ бокаломъ шампанскаго каждый долженъ былъ избрать предметъ по сердцу и пить въ честь его. Крупскій пилъ за дружбу; Ивановъ за успѣхи драматической поэзіи; Гедерштернъ за здоровье друзей; Гебгардъ за любовь и дружбу; Дель за отечество; Армстронгъ за честь и дружбу; Михайловъ за свою возлюбленную; Горловъ за святость дружескаго союза; я за счастье и славу друзей.

Въ концѣ обѣда, выпивъ послѣдній бокалъ, всѣ, по общему взаимному побужденію, бросились въ объятія другъ друга. Пять часовъ пролетѣли, какъ мигъ. Какая свобода царствовала въ изліяніяхъ нашихъ чувствъ и мыслей, но какая благородная свобода: въ ней не родилось ни одного чувства, ни одной мысли, ни одного слова, оскорбительнаго для нравовъ, чести и дружбы. Право, отечество могло бы пожелать, чтобы всѣ грядущія поколѣнія его сыновъ были одушевлены такою же правотою сердца и такимъ же благородствомъ стремленій.

Я вернулся домой въ десять часовъ вечера, но сердцемъ и мыслью все еще оставался съ покинутыми друзьями.

5. Былъ въ концертѣ. Здѣсь учредилась Музыкальная академія, преимущественно стараніями господъ Львовыхъ, все семейство которыхъ состоитъ изъ отличнѣйшихъ музыкантовъ. Дѣйствительные (т. е. играющіе или поющіе) члены этой академіи все аматеры, въ

томъ числѣ и дѣвицы. Сегодня сія академія дала свой первый концертъ въ залѣ Кушелева-Безбородко, что въ Почтамтской. Пѣли три дѣвицы изъ знатныхъ фамилій. Прекрасные голоса! Старшій Львовъ привелъ всѣхъ въ восторгъ игрою на скрипкѣ; меньшей тоже превосходно игралъ на віолончели. Концертъ кончился почти въ десять часовъ и я вернулся домой въ каретѣ со Штеричемъ и его матерью.

9. Непріятное происшествіе! Вчера состоялось въ университетѣ факультетское собраніе, на которомъ должны были рѣшать кого изъ выпускныхъ студентовъ нашего курса произвести въ кандидаты. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ нашъ Михайловъ въ большомъ разстройствѣ и сообщаетъ, что онъ не удостоенъ званія кандидата. Признаюсь, я тоже этого не ожидалъ: ибо хотя онъ не отличался особенною усидчивостью въ занятіяхъ, однако, ничѣмъ не уступаетъ въ познаніяхъ тѣмъ студентамъ, кои получили сію степень въ прошломъ году.

Это несчастіе крайне огорчило моего товарища, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ въ противномъ. Я самъ боялся за него меньше, чѣмъ напримѣръ за Армстронга. Теперь онъ, именемъ дружбы, заклиналъ меня спасти его ходатайствомъ передъ попечителемъ. Я и безъ его просьбы уже рѣшился на это и на переговоры съ профессорами, ибо бѣда еще не совсѣмъ неотвратима. Совѣтъ не утвердилъ еще опредѣленія факультета, хотя дѣла сего рода непосредственно принадлежатъ послѣднему.

Я тотчасъ одѣлся и пошелъ къ попечителю. Тронутый до глубины сердца положеніемъ моего бѣднаго товарища, я съ жаромъ просилъ Константина Матвѣича (Бороздина) оказать ему помощь. Михайловъ постоянно пользовался любовью товарищей, начальства и общества: что подумаютъ они о немъ (не говоря уже о его родителяхъ), когда узнаютъ, что онъ не съ такою честью оставилъ университетъ, какъ они надѣялись. Да и право же, это незаслуженно!

Представленія мои подѣйствовали. Благородный и добрый начальникъ обѣщался употребить въ его пользу все свое вліяніе. По моему настоянію, Михайловъ, полчаса спустя, и самъ посѣтилъ попечителя: тотъ обласкалъ его и обнадежилъ.

Причина, почему Михайлову отказываютъ въ кандидатствѣ, та, что онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ полныхъ четырехъ балловъ въ статистикѣ, хотя во всѣхъ прочихъ предметахъ имѣетъ ихъ.

Вечеромъ былъ у Михайловыхъ. Всѣ они очень огорчены. Мишель въ ихъ глазахъ совершенство и они не постигаютъ, какъ профессора могутъ смотрѣть на него иначе. Надо признаться, однако,

что Мишель слишком надѣялся на свои способности и потому занимался довольно поверхностно и на экзаменахъ подѣ часъ отдѣлялся фразами. Должно полагать, что это и было главною причиною его бѣды, а не $3\frac{1}{2}$, поставленные ему въ статистикѣ. Еще огорчило меня, что пока я ходатайствовалъ за него у попечителя, онъ уже успѣлъ побывать у всѣхъ профессоровъ факультета и возстановить ихъ противъ себя неумѣстною горячностью.

— Теперь вся наша надежда на васъ, говорили мнѣ отецъ его и мать,— все зависитъ отъ попечителя, а вы пользуетесь его доврѣемъ.

— Что до меня касается, возразилъ я, — я на все готовъ для товарища, который къ тому же и уменъ, и способенъ. Но пусть же онъ, по крайней мѣрѣ, не возстановляетъ еще больше противъ себя профессоровъ. «Мы готовы исполнить желаніе вашего превосходительства», могутъ они сказать Константину Матвѣвичу, «но повольте вамъ замѣтить, что это будетъ несправедливо». Тогда отъ послѣдняго, конечно, нельзя и требовать, чтобы онъ не согласился съ ихъ приговоромъ. Право давать ученые степени есть священное, неприкосновенное право университета: ни попечитель, ни министръ не могутъ непосредственно мѣшаться въ это».

Я хотѣлъ этими словами доказать Михайлову, какъ неблагоугодно поступилъ онъ, оскорбивъ профессоровъ, и посовѣтовалъ ему завтра опять сѣздить къ нимъ и загладить сегодняшнее неблагопріятное впечатлѣніе, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не мѣшали мнѣ дѣйствовать у попечителя.

10. Попечитель уже говорилъ въ пользу Михайлова съ ректоромъ университета. Между тѣмъ, и самъ Мишель былъ опять у профессоровъ. Они всѣ укоряютъ его за то, что онъ не занимался такъ, какъ слѣдовало и какъ могъ по своимъ способностямъ. Но теперь они, по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчены учтивостью моего товарища.

Итакъ, сегодня ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало. Между тѣмъ, на послѣ завтра назначено собраніе университетскаго совѣта, значить, завтра надо пустить въ ходъ всѣ средства: послѣ собранія совѣта уже будетъ поздно.

11. Сегодня попечитель говорилъ мнѣ о дѣлѣ Михайлова уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ сначала. Доброе расположеніе его вдругъ точно исчезло.

— Всѣ профессора, сказалъ онъ мнѣ,— противъ него. Они говорятъ, что онъ на лекціяхъ былъ невнимателенъ, читалъ романы и «Сѣверную Пчелу», вмѣсто того, чтобы слушать, и на экзаменахъ не обнаружилъ твердаго знанія въ наукахъ. Скажи, что же мнѣ дѣлать?

Минута была рѣшительная и я истощилъ все мое краснорѣчіе, чтобы склонить Константина Матвѣевича къ тому, чтобы онъ поговорилъ за Михайлова съ деканомъ факультета, отъ котораго главнымъ образомъ все зависѣло. Попечитель, наконецъ, общался сегодня еще повидаться съ ректоромъ и деканомъ. Слава Богу, еще есть надежда!

12. Сейчасъ имѣлъ разговоръ съ попечителемъ, который сильно огорчилъ меня. Онъ утвердился во мнѣніи, которое я ему внушилъ о Михайловѣ, но за то сказалъ:

— «Университетъ хочетъ въ нынѣшнемъ году произвести слишкомъ много кандидатовъ и потому вашъ факультетъ долженъ ограничиться двумя: тобою и Михайловымъ. Прочіе должны довольствоваться степенью студента».

Итакъ, подумалъ я, бѣдные мои Армстронгъ и Дель, на васъ долженъ пасть жребій, по справедливости заслуженный Михайловымъ! Я старался, по возможности, доказать Константину Матвѣичу, что несправедливо обидѣть въ нынѣшнемъ году тѣхъ, которые въ прошломъ или будущемъ несомнѣнно получили бы отличіе, право на которое признано за ними всѣми профессорами. Онъ молчалъ. Не знаю, убѣдилъ ли я его: въ противномъ случаѣ, буду оплакивать свое рвеніе относительно Михайлова.

Михайловъ объявилъ мнѣ, что деканъ сталъ ласковѣе къ нему, попечитель тоже подаль надежду, но дѣло пока остается не рѣшеннымъ: собраніе университетскаго совѣта сегодня не могло состояться потому, что почти всѣ члены филолого-историческаго факультета больны. Опять надо ждать недѣлю, а можетъ быть и больше. Это и мнѣ лично неудобно. Я не могу явиться къ князю А. Н. Голицыну, пока не получу официально своей степени кандидата. Да и дѣла мои по службѣ тоже отъ того терпятъ.

14. Наконецъ, сегодня состоялось собраніе университета и молебствіе, какъ всегда бываетъ при началѣ новаго курса. Но намъ еще не объявили нашихъ ученыхъ степеней.

Законъ, въ прошедшемъ году изданный о недопущеніи на службу разночинцевъ, начинаетъ уже оказывать свое дѣйствіе—и на этотъ разъ благотѣльное. Нынѣшній годъ въ университетѣ было втрое больше слушателей, чѣмъ въ предъидущемъ.

Вечеромъ я слушалъ лекцію у Галича. Отъ него поѣхалъ къ Ростовцеву, а съ нимъ вмѣстѣ къ родственнику его Уварову. Въ домѣ послѣдняго я буду читать тремъ молодымъ людямъ русскую словесность и получать за сіе по 10 рублей за билетъ. Какая разница съ моимъ Острогожскимъ учительствомъ: тамъ я получалъ по

десяти рублей въ мѣсяцъ за ученика, занимаясь съ нимъ по пяти часовъ въ день.

Я экзаменовалъ моихъ будущихъ учениковъ. Они едва знаютъ русскую грамматику, хотя меньшему изъ нихъ уже пятнадцать лѣтъ. За то они превосходно изучили французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

15. Сегодня въ университетѣ торжественно объявили всѣмъ кончившимъ курсъ студентамъ ихъ ученыя степени. По нашему факультету слѣдующіе произведены въ кандидаты: изъ казеннокоштныхъ Крупскій и Чивилевъ; изъ своекоштныхъ: Армстронгъ, Дель, Зенковичъ, Михайловъ и я. Михайловъ съ восторгомъ бросился тутъ же ко мнѣ на шею.

Затѣмъ мы всё пошли благодарить нашего почтеннаго, любимаго попечителя. Онъ принялъ насъ ласково и просилъ поддерживать честь университета тамъ, гдѣ будемъ служить.

Итакъ, слава Богу, никто не остался обиженъ!

17. Серафима Ивановна (Штеричъ) очень заботится съ нѣкотораго времени о моихъ удовольствіяхъ. Она не пропускаетъ случая, когда можетъ сдѣлать меня участникомъ концерта или какого-нибудь зрѣлища. Вчера она хотѣла взять меня съ собою, но меня не было дома. За то сегодня она отдала въ мое распоряженіе два билета въ концертъ дѣвицы Гедике. Я одинъ отвезъ Полънову и мы вмѣстѣ отправились въ филармоническую залу. Слушателей было довольно. Между ними встрѣтилъ я Булгарина, который, будучи обязанъ завтра дать публикѣ отчетъ о семъ концертѣ, зорко во все взгляды ваялся въ залѣ: прислушивался къ шопоту посѣтителей, наблюдалъ за ихъ лицами, одеждой; слѣдилъ за каждымъ движеніемъ смычка, за каждымъ прикосновеніемъ пальчиковъ артистки къ фортепіано,—однимъ словомъ, собиралъ матеріалъ для своей пчелы, которая на слѣдующій день поднесетъ однимъ медъ, а другимъ горечь.

Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Напечатано ваше сочиненіе?

— Давно, отвѣчалъ я,—за что усердно васъ благодарю.

— Впередъ прошу распоряжаться самимъ въ моей типографіи, какъ угодно. Тамъ исполнять все, что вы прикажете.

Я поблагодарилъ за сію литературную учтивость и мы разошлись.

Концертъ былъ хорошъ. Дѣвица Гедике превосходно играла на фортепіано. Но дѣвица Гебгартъ довольно слабо пѣла. Г-нъ Сусманъ съ необыкновеннымъ искусствомъ проигралъ на флейтѣ претрудныя варіаціи, но въ варіаціяхъ этихъ все достоинство ихъ въ трудности. Я искалъ въ нихъ чувства и поэзіи, а нашелъ метафи-

зику, которую надо слушать умомъ, а не сердцемъ. Нынѣ прорывается странный вкусъ въ музыкѣ, особенно среди любителей: отличнымъ артистомъ почитается тотъ, кто умѣетъ быстро и отчетливо передавать массу самыхъ запутанныхъ, многосложныхъ тоновъ. Конечно, это достоинство, но не единственное же въ музыкѣ. Это одинъ механизмъ, одна форма сего божественнаго искусства, которое, само по себѣ, есть не иное что, какъ выраженіе идеальной жизни чувствомъ, такъ какъ поэзія въ тѣсномъ смыслѣ есть выраженіе оной чувствомъ и понятіемъ.

18. Былъ въ музыкальной академіи на репетиціи Моцартова «Турецкая увертюра» прекрасна; она и исполнена была превосходно. Дѣвица Ассиеръ пѣла сегодня восхитительно. Евсеевъ, одинъ изъ тенористовъ придворной пѣвческой капеллы, тоже привелъ всѣхъ въ восторгъ. Весь концертъ шелъ какъ нельзя лучше.

19. Слушалъ метафизическую лекцію у Галича. Говорено было о происхожденіи вещей. Конечно, и у Шеллинга въ этомъ отношеніи гипотезы, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ онъ изъясняетъ процессы и постепенности сотворенія. Тѣмъ не менѣе, никто изъ предшествовавшихъ философовъ, можетъ быть, кромѣ одного Платона не обнялъ такъ хорошо общаго одинаго начала жизни и отношеній къ ней всѣхъ конечныхъ вещей.

24. Сегодня въ девятомъ часу утра имѣлъ я слѣдующій разговоръ съ моимъ благодѣтелемъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Объявивъ ему, что я кончилъ курсъ въ университетѣ и произведенъ въ кандидаты онаго, я началъ благодарить его за доставленіе мнѣ этого счастья.

— Не меня должны вы благодарить, возразилъ онъ,—но Бога. При всемъ моемъ желаніи для васъ сдѣлать то, что сдѣлано, я, безъ Его всемогущей помощи, могъ бы встрѣтить непреодолимые къ тому препятствія.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ продолжалъ:

— Онъ, Святою Своею милостью указалъ мнѣ средства, какъ переимѣнить ваше состояніе. Служите человѣчеству въ Его духѣ. Будьте распространителемъ между людьми Его святой истины, тогда вы возблагодарите Его достойнымъ образомъ, тогда Онъ вышетъ васъ новыми благодѣянiami. Никогда не забывайте, что мудрость земная, всѣ человѣческія познанія ничто, если они замствованы не отъ одинаго свѣта истины вѣчной и непреложной. При семъ только свѣтѣ видимъ мы вещи ясно и чисто и можемъ

идти безопасно на всякомъ пути жизни и ко всякой цѣли. Но что вы теперъ намѣрены дѣлать съ собою?

— Хочу остаться, отвѣчалъ я,—на нѣкоторое время при попечителѣ здѣшняго университета, Бороздинѣ, который предлагаетъ мнѣ при себѣ мѣсто секретаря.

— Хорошо! Однако, желательно было бы, чтобы вы поставили главнымъ предметомъ своимъ просвѣщеніе и чтобы дѣятельность ваша вся сосредоточилась въ кругу его.

Онъ еще довольно долго говорилъ со мною очень благосклонно и въ такомъ же духѣ, какъ началъ. Въ заключеніе, смотря на меня пристально и съ нѣжною заботливостью, онъ еще сказалъ:

— Очень радъ, что вижу тебя на томъ пути, на которомъ желалъ видѣть! Ты теперъ и въ лицѣ перемѣнился, то есть сталъ гораздо лучше и свѣжѣе.

Наконецъ, я ему откланялся и ушелъ отъ него глубоко растроганный.

26. Былъ на репетиціи въ музыкальной академіи. На меня произвела сильное впечатлѣніе Фантазія Бетховена, превосходно разыгранная оркестромъ. Въ ней невинность поетъ про свою жизнь, исполненную высокой простоты и тихаго, чистаго счастья: эти сладостные звуки точно вызываютъ передъ тобой дни золотаго вѣка. Какая нѣжность въ этомъ соло флажіолета подъ аккомпаниментъ фортепiano, или въ семь адажіо скрипокъ! Сколько милаго и трогательнаго въ хорѣ дишкантовъ, который довершаетъ очарованіе, сливаясь съ звуками мастерски управляемаго оркестра.

Я уѣхалъ домой, не слушая другихъ піесъ: мнѣ хотѣлось въ цѣлости унести впечатлѣніе, полученное отъ божественной «Фантазіи».

Мартъ 4. Опять на репетиціи въ такъ называемой Нарышкинской музыкальной академіи, которая учредилась почти въ одно время съ Львовскою. Послѣднюю составляютъ отличнѣйшіе по талантамъ аматеры столицы, безъ разбора ихъ положенія въ свѣтѣ. Первая состоитъ изъ блестящей знати, или, такъ называемаго, «бонъ-жанра». Въ ней принимаютъ также участіе артисты, тогда какъ въ Львовскую академію они не допускаются даже въ качествѣ слушателей во время концертовъ. Естественно, эти два музыкальные учрежденія соперничаютъ между собой. Львовская академія беретъ перевѣсъ талантами своихъ членовъ, особенно самихъ господъ Львовыхъ. Не мало блеска сообщаютъ ей также придворные пѣвчіе, которыми управляетъ старикъ Львовъ.

Академія Нарышкинская называется такъ потому, что даетъ свои концерты въ великолѣпной залѣ оберъ-егермейстера Димитрія

Львовича Нарышкина. Ея отличительныя черты: знатность членовъ, блестящее освѣщеніе, многочисленный оркестръ и роскошное угощеніе, которое совсѣмъ отсутствуетъ въ первой академіи.

Но и въ Нарышкинской есть нѣсколько хорошихъ пѣвцовъ, напримеръ, господинъ Пашковъ, отличный тенористъ, дѣвицы Медянскія и т. д.

Мы отправились на репетицію съ камеръ-юнкеромъ Штеричемъ, заѣхавъ первоначально къ портному, которому я заказалъ себѣ сдѣлать новое платье къ празднику, ибо, по обстоятельствамъ, я долженъ теперь щеголять въ кургузомъ фракѣ, цвѣтномъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ съ циммермановскою шляпою въ рукахъ.

Зала академіи поразила меня размѣрами и великолѣпиемъ: вездѣ мраморъ и позолота. Оркестръ уже гремѣлъ, когда мы вошли: играли какую-то увертюру. Впереди другихъ музыкантовъ стоялъ небольшой толстячекъ: онъ весь трясся, подпрыгивалъ, размахивалъ руками и по временамъ пронзительно вскрикивалъ «пiano». Это извѣстный Кавось, дирижирующий въ здѣшней академіи оркестромъ.

Вышли двѣ сестры Медянскія, прекрасныя, какъ ангелы, и ангельскими голосами запѣли арію, которая, какъ тогда фантазія Бетховена, унесла меня въ свѣтлый, идеальный міръ. Голоса у этихъ прелестныхъ созданій чистые, нѣжны, проникающіе прямо въ душу. Слушая ихъ, я понималъ, какъ Улиссъ могъ забыть все, забыть самого себя, упоенный звуками пѣсенъ сирены.

Насладившись пѣніемъ, мы со Штеричемъ пошли осматривать комнаты Нарышкина. Какое богатство, какая роскошь и сколько во всемъ вкуса и изящества! Зеркала, вазы, картины, бронза, бархаты и штофъ расположены самыми живописными группами и узорами. По маленькой, обитой роскошными коврами, лѣстницѣ мы сошли въ баню: въ ней пристало купаться граціямъ. У стѣны мягкій, обитый штофомъ диванъ или, вѣрнѣе, широкое ложе, вдоль стѣны зеркала.

На обратномъ пути въ залу музыки мы встрѣтили самого хозяина, который очень вѣжливо намъ отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Его сѣдая голова на фонѣ богатыхъ занавѣсей съ розовыми фигурами—вся эта блистательная пышность и видъ старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину: мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что все это не больше, какъ пыль, и можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ...

Между тѣмъ въ залѣ пѣли итальянскую арію: ее исполнялъ неаполитанскій посланникъ графъ Лудольфъ. И голосъ, и фигура почтеннаго лысаго графа вызвали во мнѣ далеко не поэтическое представленіе о козлѣ.

Затѣмъ было исполнено оркестромъ и спѣто разными лицами и хоромъ еще нѣсколько пѣсѣ и все кончилось въ пять часовъ.

11. Сегодня состоялся у Нарышкина самый концертъ, на репетиціи котораго я надняхъ присутствовалъ. Я пріѣхалъ ровно въ шесть часовъ. Нѣсколько дамъ уже расхаживало по богато убраннымъ комнатамъ. Въ первой изъ нихъ стояли, выстроясь въ два ряда, лакеи и арапы въ блестящихъ ливреяхъ. Мало по малу, комнаты наполнялись знатью Петербурга. Здѣсь были графы, князья, первые чины двора и правительственные лица, съ супругами и дочерьми. Они разсыпались по комнатамъ и жужжали, какъ рой пчель. Надо было осторожно двигаться въ толпѣ, чтобы не толкнуть какуюнибудь статсъ-даму или красавицу. Послѣднихъ было не мало—по крайней мѣрѣ, многія казались такими подъ блескомъ огней и своихъ роскошныхъ нарядовъ. И надо отдать справедливость свѣтскимъ дамамъ высшаго круга: ихъ внѣшнее воспитаніе такъ утончено, что весьма успѣшно скрываетъ недостатокъ въ нихъ внутренняго содержанія. Если онѣ, въ сущности, не больше, чѣмъ куклы, то все-же прелестныя куклы, которыя весьма ловко и непринужденно движутся и говорятъ по твердо заученнымъ правиламъ искусства. Наряды ихъ вообще пристойны и красивы, за исключеніемъ чепцовъ замужнихъ женщинъ, которые имѣютъ видъ мѣшка, горизонтально растянутаго поверхъ головы.

Я, между прочимъ, видѣлъ здѣсь одну изъ первыхъ красавицъ столицы, графиню Солмогубъ: она, поистинѣ, очаровательна.

Часа полтора уже ходилъ я по комнатамъ, любясь и наблюдая, а зала концерта все еще не отворилась. Наконецъ, двери ея распахнулись: изъ нихъ хлынули цѣлые потоки свѣта. Концертъ довольно долго продолжался. Я былъ опять до глубины души тронутъ пѣніемъ дѣвицъ Медянскихъ. Ребенокъ лѣтъ тринадцати, Мартыновъ, превосходно игралъ на фортепіано и возбудилъ всеобщее удивленіе.

16. Сегодня столицѣ объявлено о заключеніи мира съ персами: шестьдесятъ четыре милліона рублей и провинціи Нахичеванская и Эриванская—вотъ для Россіи плоды окончившейся войны. Милліонъ рублей и титулъ графа Эриванскаго пожалованы генералу Паскевичу. Производившій мирные переговоры Обрѣзковъ тоже получилъ триста тысячъ рублей, чинъ тайнаго совѣтника и орденъ. Щедрія награды! Государь, говорятъ, очень обрадованъ симъ событіемъ. Награждая участниковъ въ немъ, онъ хочетъ показать, что милости у него всегда также готовы, какъ и кары.

Итакъ, и безъ того обширныя владѣнія Россіи увеличились еще лоскуткомъ земли. Политики утверждаютъ, что это пріобрѣтеніе

полезно потому, что будетъ служить защитой нашимъ границамъ. Мнѣ же кажется, что оно только является новымъ доказательствомъ передъ Европою того, что мы не дадимъ себя въ обиду, но она въ этомъ и безъ того уже перестала сомнѣваться. Не захотимъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, отнять у англичанъ Индію. Для этого, во всякомъ случаѣ, недостаточно еще ослабить персовъ. Да и къ тому же еще вопросъ: мы ли восторжествовали бы надъ англичанами превосходствомъ нашихъ физическихъ силъ, или они надъ нами своею политикою и образованіемъ?

25. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. У завтра и обѣди былъ вмѣстѣ съ Серафимою Ивановною (Штеричъ) и пажемъ Россети въ университетской церкви. Весь день, до четырехъ часовъ, проведенъ въ скучныхъ визитахъ. Къ счастью, ночью выпалъ такой снѣгъ, что можно было ѣздить на саняхъ.

Обычай ѣздить въ большіе праздники съ поздравленіями очень древній и существуетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Сначала это, безъ сомнѣнія, принадлежало къ числу религіозныхъ обрядовъ, а послѣ, съ утонченіемъ общежитія, обратилось въ житейскую формулу. Формула сія есть одна изъ тѣхъ фальшивыхъ монетъ въ свѣтѣ, фальшивость которой одинаково извѣстна и дающему, и принимающему. Сколько глупостей, которымъ слѣдуютъ и тогда, когда смѣются надъ ними!

Апрѣль 8. Каждый почти день изъ Петербурга отправляется часть гвардіи въ Турцію. Государь со всѣми генералами и дипломатическимъ корпусомъ провожаетъ солдатъ до заставы.

Итакъ, роковой часъ ударилъ для Турціи. Спросите въ Петербургѣ всѣхъ, начиная отъ поденщика до перваго государственнаго человѣка, что думаютъ они о предстоящей войнѣ?—«А то, отвѣтятъ они вамъ,—что Турція погибла!» Столь увѣрены нынѣ русскіе въ своемъ могуществѣ.

Турція, можетъ быть, и не погибнетъ, судя по политикѣ Англіи и т. д. Но то неоспоримо, кажется, что въ войнѣ съ Россіей она не найдетъ для себя ничего, кромѣ поражений и стыда. Довѣріе къ твердости государя очень сильно въ народѣ.

Говорятъ, императоръ объявилъ Европѣ, что въ предстоящей войнѣ не будетъ искать завоеваній, но что накажетъ Турцію за оскорбленіе, которое та нанесла ему и Россіи въ своемъ первомъ гати-ше-рифѣ. Англія замѣтно безпокоится. Рассказываютъ, что она прислала нашему двору запросъ: какое употребленіе сдѣлаетъ Россія изъ побѣдъ своихъ въ Турціи? На это ей ничего не отвѣчали. И что отвѣчать? Она не вѣритъ тому, чтобы Николай дѣйствовалъ безко-

рыстно; она не понимает, что ему нужна слава, а не владѣнія,—а въ нашъ вѣкъ еще только одинъ родъ славы удивляетъ—это слава великодушія. Англія боится за Индію. Но если Россія въ самомъ дѣлѣ имѣетъ виды на послѣднюю, то, во всякомъ случаѣ, будетъ дѣйствовать безъ шуму и постепенно. Ну, тогда и ставьте ей преграды.

15. Былъ въ итальянской оперѣ. Играли Сороку-воровку. Мадамъ Шоберлехнеръ пѣла прелестно. Вся пѣса вообще шла очень хорошо, особенно послѣдняя сцена втораго акта. Я былъ въ ложѣ г-жи Штеричъ. Съ нами вмѣстѣ сидѣла г-жа Лореръ, пожилая, умная и очень приятная дама. Театръ былъ полонъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Прелестное пѣніе Шоберлехнеръ и другихъ заставило жалѣть, что онъ пришелъ къ концу.

26. Государь уѣхалъ въ армію. Если война начнется, то это для того, чтобы усилить могущество Россіи и озарить славою царствованіе Николая. Но какой порядокъ вещей будетъ плодомъ сего? Будетъ борьба, борьба кровавая, за первое мѣсто въ ряду царствъ вселенной—борьба между новымъ Римомъ и новымъ Кароагеномъ, т. е. между Россіей и Англіей. На чью сторону склонятся вѣсы судьбы? Англія могущественна, Россія могущественна и юна.

Май 1. Обѣдалъ и вечеръ провелъ вмѣстѣ съ моимъ генераломъ (Бороздинымъ) у его сестеръ. Домъ ихъ почти у самыхъ Триумфальныхъ воротъ, такъ что, не выходя изъ него, можно было видѣть изъ окошекъ всѣхъ шедшихъ и ѣхавшихъ на гулянье въ Екатерингофъ. Съ трехъ часовъ уже начали пробираться туда ремесленники, сидѣльцы и прочее. Улица постепенно наполнялась и, наконецъ, въ половинѣ шестаго часа потянулись непрерывною цѣпью и экипажи. На тротуарахъ народъ кипѣлъ, какъ волны. Я не видалъ, однако, признаковъ большаго удовольствія: на всѣхъ лицахъ лежала какая-то холодная задумчивость. Красавицы, въ своихъ розовыхъ и желтыхъ шляпкахъ, сидѣли въ экипажахъ вытянувшись чинно, точно на смотру. Я стоялъ у окна и передавалъ свои наблюденія милой моей собесѣдницѣ, дѣвицѣ Бороздиной.

9. Сегодня я перемѣнилъ квартиру. Давно уже собирался я это сдѣлать, но г-жа Штеричъ все уговаривала меня повременить. Теперь же обстоятельства заставляютъ ее отдать въ наймы почти весь свой домъ и я этимъ воспользовался, чтобы, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе. Я нанялъ двѣ небольшія, чистыя и свѣтлыя комнаты за 18 рублей въ мѣсяцъ. Это не дорого. Такая цѣна возможна только въ отдаленной части города, какъ Семеновскій полкъ, куда я уже и переселился. Прощаніе съ госпожею Штеричъ и ея сыномъ было трогательное и сопровождалось взаимными увѣреніями въ дружбѣ. Весь домъ ласково меня проводилъ.

Июнь 2. Сегодня по обыкновению, пошелъ утромъ къ своему генералу и сидѣлъ въ особой комнатѣ, дожидаясь, пока отъ него уйдутъ чиновники съ докладами. Вдругъ мнѣ объявляютъ, что сдѣланъ доносъ на Галича. Его обвиняютъ въ томъ, что у него на дому бывають не дозволенные философскія собранія. Изъ посѣтителей никто не поименованъ, кромѣ меня. Очевидно, хотять погубить этого благороднаго, чистаго и кроткаго мудреца учителя добродѣтели, а вмѣстѣ съ нимъ и меня.

Человѣкъ, сдѣлавшій сей доносъ, погубивъ Галича, конечно, получить имя патріота и благонамѣреннаго, а погубивъ меня, удовлетворить своей личной ненависти. За что?

Что до меня касается, онъ немного ошибся въ расчетѣ: я не дѣлалъ тайны изъ моихъ посѣщеній лекцій Галича. О нихъ знаютъ мой начальникъ Бороздинъ и Блудовъ: первый, потому что я считаю себя обязаннымъ платить довѣріемъ за его довѣріе ко мнѣ, а второй, по своимъ связямъ съ первымъ. Но Галичу, вѣроятно, запретятъ чтеніе частныхъ лекцій. Я лично много отъ этого потеряю, ибо много уже обязанъ ему и его наставленіямъ, но лучшая часть ихъ еще оставалась впереди.

3. Сегодня моя квартирная хозяйка объявила мнѣ о побѣдѣ, одержанной нами надъ турками. Первую вѣсть о семъ она услышала изъ устъ сидѣльца въ мелочной лавкѣ, который съ восторгомъ ей о томъ объявилъ. Съ восторгомъ же подтвердили ей это и на рынкѣ, гдѣ всѣ торговцы восклицали: «слава Богу!»

4. Новости, рассказываемыя на рынкѣ, столь же достовѣрны, какъ и тѣ, о которыхъ толкуютъ въ гостиныхъ. Наши войска не побѣду одержали, а только перешли черезъ Дунай.

9. Вчера вечеромъ генералъ мой мнѣ объявилъ, что мы сегодня ѣдемъ съ нимъ въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ училищъ. Онъ немедленно отправилъ меня въ канцелярію генераль-губернатора за билетомъ, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ выдается. Я отдалъ отношеніе дежурному, но билета не получилъ потому, говорилъ онъ, что у нихъ всѣ бланки вышли. Сегодня въ семь часовъ утра поѣхалъ я къ правителю канцеляріи, г-пу Позняку. Тотъ учтиво отвѣчалъ мнѣ, что сію минуту поѣдетъ въ канцелярію самъ и прикажетъ удовлетворить меня. Наконецъ, я дѣйствительно получилъ билетъ и мы отправились на Бертовъ заводъ. Но оказалось уже поздно: мы просрочили пятью минутами, т. е. приѣхали на пристань въ началѣ десятаго часа. Судно едва отчалило отъ берега, но пока мы хлопотали у Берта, чтобы его остановили, пароходъ, испускающая клубами густой и черной дымъ, уже, какъ стрѣла, мчался по

гладкой поверхности Невскаго устья. Пришлось вернуться домой. Мы порѣшили ѣхать сегодня же въ 5 часовъ вечера. Паровое судно только дважды въ день отходить въ Кронштадтъ: по утру въ 9 часовъ и въ пять вечеромъ.

На этотъ разъ мы пріѣхали во-время. Съ судна подали сигналъ; пассажиры толпою хлынули на палубу и минуту спустя мы уже были на серединѣ рѣки.

Изобрѣтеніе парохода одно изъ чудесъ нашего вѣка. Стоя на палубѣ, спокойно сидя въ каютѣ, вы съ невѣроятною быстротой, почти незамѣтно, переноситесь вдаль: такъ ровенъ ходъ судна, до такой степени двигающая его сила подавляетъ колебаніе волнъ. Одинъ только шумъ колеса, которое быстро вращается подъ дѣйствіемъ пара и, какъ плугъ, взрываетъ водную равнину, нарушаетъ тишину, среди которой судно, безъ всякихъ внѣшнихъ пособій, одною внутреннею силою совершаетъ путь свой.

Я остался на палубѣ, желая насладиться видомъ моря. Петербургъ убѣгалъ отъ нашихъ глазъ:

«Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ».

Еще только шпицы Петропавловской башни сверкали во мглѣ призрачнаго тумана, да бѣлѣли нѣкоторыя зданія. Правый берегъ залива, суровый и дикій, еще синею полосою извивался вдали и, наконецъ, исчезъ. Лѣвый берегъ, усѣянный дачами и деревеньками, представляетъ оживленную картину. Передо мной промелькнули: Сергіевскій монастырь, Стрѣльна, Петергофъ и Ораніенбаумъ. Берегъ этотъ, сначала пологій, постепенно возвышается, тянется цѣпью холмовъ, увѣнченныхъ лѣсомъ, и въ заключеніе точно утопаетъ въ безднѣ водъ. Прямо противъ глазъ разстилалась безпредѣльная пелена моря. Въ первый разъ еще созерцалъ я эту величественную красоту мрачной и грозной стихіи и,

«Какъ очарованный, у мачты я стоялъ!»

Вѣтеръ порывисто дулъ, вдымая довольно крупныя волны. Онѣ ударили въ нашъ пароходъ и, разбиваемыя колесомъ его, убѣгали прочь, пѣнясь и дробясь въ брызгахъ. Я сошелъ въ каюту и долго смотрѣлъ на борьбу волнъ: онѣ одна другую преслѣдовали, одолевали, бѣжали въ гору и тяжело, съ плескомъ, точно съ воплемъ, обрушивались въ пучину. Мимо насъ то и дѣло проносились другія суда на всѣхъ парусахъ. Въ восемь часовъ мы приблизились къ Кронштадту и поплыли вдоль гавани, на стѣнахъ которой длинною цѣпью выстроены пушки. Гавань отъ множества корабельныхъ

мачтъ имѣеть видъ лѣса, обожженнаго молніей. Корабли стояли очень тѣсно.

Мы сошли на берегъ у самой гауптвахты и вдоль крѣпостной стѣны пошли въ городъ. Намъ отвели двѣ довольно приличныя комнаты въ Итальянскомъ трактирѣ. Но мы не захотѣли въ нихъ оставаться и пошли передъ сномъ еще посмотрѣть городъ. Онъ довольно великъ, но хорошихъ строеній въ немъ мало. Лучшія изъ нихъ всѣ казенныя зданія.

На другой день по утру мы съ генераломъ приступили къ осмотру училища. Оно здѣсь настоящая развалина. Учителя его бѣдствуютъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ въ Россіи.

Въ 9 часовъ мы пошли къ обѣднѣ. Пѣвчіе пѣли плохо, но еще больше наскучила намъ длинная и безсодержательная проповѣдь, произнесенная священникомъ послѣ литургіи.

Затѣмъ мы съ архитекторомъ Щедринымъ пошли смотрѣть вновь строящіяся укрѣпленія, которыми обводится западная часть Кронштадта. Они должны быть непреодолимы: съ одной стороны огромныя глыбы гранита, прикрытыя тесаннымъ камнемъ; съ другой стороны казематы составляютъ первую наружную стѣну. Другая такая же будетъ позади казематовъ. Мы говорили съ нѣкоторыми старыми моряками объ укрѣпленіяхъ Кронштадта вообще: они утверждаютъ, что всякая эскадра, которая вздумала бы прорваться къ Петербургу черезъ маленькій проходъ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ, должна неминуемо обратиться въ щепы.

Генераль нашъ обѣдалъ у генераль-губернатора Рожнова, а мы въ трактирѣ. За однимъ столомъ съ нами сидѣлъ доминиканскій монахъ и еще человекъ три иностранца. Въ четыре часа мы уже опять были въ гавани, сѣли на яликъ и поплыли мимо массы кораблей къ нашему пароходу. Обратное плаваніе совершили также благополучно и пріятно.

Кронштадтъ весьма не богатый городокъ. Жители торгуютъ лѣсомъ, хлѣбомъ, печенымъ и въ муку. Но торговля ихъ ограничивается собственнымъ портомъ. Капиталовъ купеческихъ считается 132.

25. Сегодня попечителемъ Демидовскаго училища въ Ярославлѣ, Безобразовымъ, было предложено мнѣ мѣсто профессора исторіи въ семъ заведеніи. Съ этимъ мѣстомъ сопряженъ чинъ коллежскаго асессора, 2,000 рублей жалованья, казенная квартира — однимъ словомъ жизнь мирная, обеспеченная и независимая. Я попросилъ времени для размышленія.

28. Я отказался отъ предлагаемаго мнѣ въ Ярославлѣ мѣста. Тамъ ожидало меня спокойствіе и обеспеченность; здѣсь бури, пре-

вратности, но болѣе обширное поле дѣятельности. Я избираю послѣднее. Многие изъ моихъ знакомыхъ осуждаютъ меня за сей отказъ. Но вотъ что мнѣ сказалъ мой милый Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, когда я совѣтовался съ нимъ объ этомъ: «если ты хочешь обыкновенной доли и спокойствія, то поѣзжай. Если же ты хочешь больше дѣла и пользы, но въ то-же время и больше труда и заботъ, то оставайся здѣсь. Первое умнѣе, второе благороднѣе».

7. Вчера утонулъ, купаясь, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по университету, Клоповъ, выпущенный вмѣстѣ со мною кандидатомъ. Это былъ юноша двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный, нѣжный, съ жаждою къ наукамъ, единственный сынъ у родителей, страстно любившихъ его. Сегодня я бросилъ горсть земли на его гробъ.

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
 Всѣ дни утратами считаемъ;
 На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
 И что-жъ? Ихъ гробы обнимаемъ!»...

Августъ 23. Кончены мои примѣчанія къ цензурному уставу. Сие постановленіе произвело своего рода судорожное потрясеніе. Уже возникли жалобы на слишкомъ большую свободу мыслей, которая будто бы онымъ допускается. Тѣ изъ гасителей свѣта, кои потонѣ другихъ, скрываютъ свои замыслы противъ его духа и нападаютъ на неопредѣленность иныхъ изъ подробностей. Имъ хотѣлось побудить правительство къ новому пересмотру устава и къ пополненію его, то есть къ постановленію ограниченій тамъ, гдѣ оно, руководясь политической мудростью, съ намѣреніемъ ничего не сказало.

Съ цѣлью устранить вліяніе сихъ людей, попечитель поручилъ мнѣ составить защиту сего постановленія въ главныхъ его положеніяхъ и разсмотрѣть, какія нужны дополненія по распорядительной его части: ибо, въ самомъ дѣлѣ, въ семъ отношеніи требуются нѣкоторыя поясненія.

Послѣ трехнедѣльныхъ занятій я кончилъ это трудное дѣло. На сихъ дняхъ оно должно быть представлено министру. Признаюсь, я съ удовольствіемъ думаю объ этомъ трудѣ: это моя первая работа въ законодательномъ смыслѣ и направлена къ тому, что мнѣ всего дороже — къ распространенію просвѣщенія и къ огражденію правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную духовную жизнь. Нѣкоторые изъ людей свѣдущихъ и друзей просвѣщенія, прочитавъ мои разъясненія и дополненія, пожелали со мной познакомиться и въ лестныхъ выраженіяхъ изъявляли мнѣ свое удовольствіе. Профессоръ К. И. Арсеньевъ очень доволенъ моимъ трудомъ; Галичъ тоже, баронъ

Розенкампфъ, предсѣдатель бывшей комиссіи составленія законовъ, тоже призывалъ меня къ себѣ и изъявилъ свое полное одобреніе.

Сентябрь 4. Всѣ эти дни занимался съ попечителемъ разсмотрѣніемъ примѣчаній моихъ къ ценсурному уставу. По совѣту компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхѣ этого дѣла лицъ пришлось кое-что смягчить, а статью относительно сатирическихъ сочиненій на пороки духовенства надо было значительно передѣлать. Теперь все кончено, и сегодня будетъ отправлено къ министру.

Многое въ этомъ уставѣ и примѣчаніяхъ къ нему не понравится кое-кому. Его одушевляетъ желаніе отечеству благоденствія съ помощью просвѣщенія, развитіе котораго невозможно безъ благогоразумной свободы мыслей.

Послѣднія слова моихъ «примѣчаній» были написаны сегодня ночью. Луна свѣтила въ незавѣшенное окошко моей комнаты и озаряла мирнымъ свѣтомъ мой письменный столикъ съ бумагами, въ которыя я вложилъ часть моей души. Чистое свѣтло-голубое небо сверкало звѣздами. Вокругъ постепенно водворялась тишина; еще только изрѣдка раздавались стукъ ѣдушаго мимо экипажа, лай собаки, звонъ часоваго колокола, бьющаго четверти. За перегородкой, отдѣляющей мой крохотный кабинетикъ отъ хозяйской квартиры, разговариваютъ шопотомъ, чтобы не помѣшать моимъ занятіямъ. И на душѣ у меня ясно, спокойно.... Если вѣрить предзнаменованіямъ, усилія наши намѣтить въ русскомъ обществѣ тропу къ свѣту должны увѣнчаться успѣхомъ!...

29. Сегодня съ горестью услышалъ, что моему любезному Ростовцеву (Якову) оторвало ядромъ руку ¹⁾. Вообще носятъ непріятные слухи. Говорятъ, что подъ Варною весь лейбъ-егерскій полкъ изрубленъ: спаслось только десять или двѣнадцать человѣкъ. Въ столицѣ уныніе. Боятся не за славу отечества, которая отъ этихъ частныхъ неудачъ еще не можетъ омрачиться, но каждый трепещетъ за жизнь близкихъ ему. Негодуютъ на Дибича, приписывая ему послѣднія неудачи.

Октябрь 5. Слышалъ слѣдующій анекдотъ. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— «Можно-ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?»

«Да, ваше величество: только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ».

— «Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся»

¹⁾ Это впоследствии оказалось невѣрнымъ.

сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни!» воскликнулъ императоръ.

15. Сегодня содержатель извѣстнаго въ Петербургѣ пансіона г-нъ Курнандъ предложилъ мнѣ читать у него права. Плата 1,600 рублей въ годъ, что вмѣстѣ съ казеннымъ моимъ жалованьемъ дастъ мнѣ въ годъ до 2,600 рублей. Положено начать курсъ съ 1-го ноября.

Декабрь 1. Наконецъ, сегодня только читалъ я первую лекцію въ пансіонѣ Курнанда.

Разсказывали мнѣ, между прочимъ, вчера еще новую черту характера государя. Нѣкто Беклешовъ, служа въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ Николая Павловича, тогда еще великаго князя (навлекъ на себя его неудовольствіе), вслѣдствіе чего долженъ былъ подать въ отставку. Нынѣ онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ опять принять его на службу. Государь милостиво отнесся къ письму и приказалъ передать Беклешову черезъ Бенкендорфа:

— Я забываю то, чѣмъ мнѣ досаждаютъ другіе. Скажите Беклешову, чтобы онъ просилъ у меня должности, какую самъ считаетъ для себя приличною.

2. Надняхъ я видѣлся съ Ростовцевымъ, въ первый разъ послѣ кампаніи. Онъ много любопытнаго разсказывалъ о ней и читалъ мнѣ письмо изъ Константинополя отъ брата своего Александра, который взятъ турками въ плѣнъ при несчастномъ пораженіи гвардейскаго егерскаго полка. Александръ Ростовцевъ пишетъ, что турки чрезвычайно хорошо обращаются съ плѣнными русскими; описываетъ подробно сраженіе, въ которомъ взятъ въ плѣнъ. Яковъ Ивановичъ показывалъ письмо государю, который, прочитавъ его, сказалъ:

— «Благодарю тебя, что ты показалъ мнѣ это письмо. Изъ него вижу я, что егерскій полкъ не посрамилъ себя въ семъ несчастномъ дѣлѣ. Я былъ другихъ мыслей, но теперь вижу истину и чрезвычайно радъ, что сія истина въ пользу храбрыхъ воиновъ, которые вполнѣ исполнили свой долгъ».

Я очень пріятно провелъ вечеръ съ Ростовцевымъ: онъ не перемѣнился: сердце его цѣло, какъ и обѣ руки.

1829 г.

Январь 1. 12 часовъ ночи. Новый годъ встрѣчаю я съ перомъ въ рукѣ; готовлю юридическія лекціи. Но нынѣшній вечеръ дѣло это особенно затруднено. Квартира моя граничитъ съ обитаемымъ какой-то старухи, похожей на колдунью романовъ Вальтеръ-Скотта. Тамъ до сихъ поръ не умолкають буйныя пѣсни вакханокъ, которыя сдѣлали, кажется, порядочное возліаніе въ честь наступающаго года. Удивительно, какъ наши женщины низкаго сословія преданы пьянству. Весь домъ, въ которомъ я квартирую, не исключая и моей хозяйки, наполненъ сими грубыми твореніями, которыя не упускають случая предаться самому безшабашному разгулу. Ссоры и формальныя побойща обыкновенно заключаютъ ихъ бесѣды и одна угроза квартальнаго заставитъ ихъ мести улицы усмирять этихъ жалкихъ дѣтей невѣжества.

Но вотъ новый годъ встрѣчаю я разсужденіями о предметахъ, весьма не изящныхъ. Впрочемъ, природу человѣческую надо наблюдать во всѣхъ ея видахъ и, къ несчастью, пороки людей представляютъ обильную жатву истинъ, конечно, горькихъ, но необходимыхъ для точнаго познанія человѣка.

Какія событія ознаменуютъ наступающій годъ? Въ прошедшемъ году у насъ на Руси произошло довольно новаго. Твердая дѣятельность Николая произвела много перемѣнъ во внутреннемъ управленіи.

Довольно упомянуть о цензурномъ уставѣ, который есть самый вѣрный отпечатокъ духа и намѣреній нашего царя. Онъ рѣшаетъ или, по крайней мѣрѣ, старается рѣшить въ немъ вопросъ, который, съ коварнымъ двумысліемъ, предлагали фанатики и поборники старыхъ предразсудковъ: полезно-ли Россіи просвѣщеніе? и рѣшаетъ это въ смыслѣ положительномъ: конечно, это въ теоріи, а какъ будетъ на практикѣ — увидимъ.

Мое личное положеніе слѣдующее: я служу секретаремъ при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Константинѣ Матвѣевичѣ Бороздинѣ. Я не знаю человѣка съ болѣе благороднымъ сердцемъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова то, что мы называемъ человѣкомъ просвѣщеннымъ. Онъ не учился систематически, по читалъ много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлялъ еще болѣе. Онъ имѣетъ обширныя познанія въ русской исторіи, которую изучалъ, какъ патриотъ и вмѣстѣ какъ философъ. Умъ его возвышенъ. Поэтическая

фантазія нерѣдко уноситъ его изъ области нашей мертвой и горестной дѣйствительности въ чистую, свѣтлую область идей и хотя онъ не любитъ нѣмецкой философіи, но это только на словахъ, ибо, самъ того не замѣчая, почти во всемъ слѣдуетъ ея могучему гению. Онъ ждетъ для Россіи лучшаго порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смиреніемъ несетъ тягости общественныя. Въ этомъ отношеніи я его называю не иначе, какъ праведнымъ гражданиномъ. Но сей человѣкъ, столь образованный и благородный, не одаренъ той силою воли, которая приспособляетъ обстоятельства и вещи къ своимъ идеямъ. Одушевленный высокими чувствами, онъ, кажется, готовъ идти противу превратностей, въ которыя всѣ мы вовлекаемся странною игрою жизни.

Но, уstraшенный пучиною страстей, въ которыхъ вращаются люди, онъ отступаетъ назадъ, не по малодушію, а по недостатку силы и присутствія духа.

Я пользуюсь его довѣріемъ и любовью и съ избыткомъ плачу ему тѣмъ же.

Февраль 13. Профессоръ Бутырскій открылъ въ залѣ высшаго училища публичный курсъ «словесности вообще и російской въ особенности».

Я получилъ отъ него билетъ. Въ залу едва-ли набралось человѣкъ шестьдесятъ и въ томъ числѣ, невѣдомо какъ, попавшія туда двѣ дамы. Да и эти немногочисленные слушатели едва-ли не попали сюда по ошибкѣ, думая, что ихъ приглашаютъ посмотрѣть на разныя заморскія штуки и диковинки, ибо дай только нашей публикѣ замѣтить, что ты хочешь говорить съ ней о чемъ нибудь полезномъ и серьезномъ, то увидишь передъ собой одно пустое пространство.

Профессоръ выказалъ въ сей лекціи обыкновенные свои качества и недостатки. Онъ говорилъ съ привлекательнымъ краснорѣчіемъ, рассуждалъ въ томъ философскомъ духѣ, цѣнилъ произведеніе словесности съ тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ, которые снискали ему репутацію перваго изъ современныхъ въ Россіи профессоровъ словесности. Но онъ, какъ и всегда, мало держался систематическаго порядка, бросался въ эпизоды и не всегда былъ точенъ въ выборѣ выраженій своихъ мыслей.

18. Я прочиталъ Шекспирова «Гамлета» въ очень хорошемъ переводѣ Вронченки, который, сказать мимоходомъ, не будучи по-этомъ самостоятельнымъ, какъ переводчикъ, одушевленъ жаромъ и силою истиннаго поэта. Шекспиръ поразилъ меня глубиною и величіемъ своего гения. Онъ, такъ сказать, сжимаетъ въ своихъ могучихъ

объятіяхъ природу и исторгаетъ у ней такія тайны, которыя, говоря его словами:

«И не снились нашимъ мудрецамъ».

Какъ глубоко проникъ онъ въ сердце человѣческое! Какъ хорошо знаетъ онъ философію жизни, т. е. философію страстей и бѣдствій человѣческихъ! Могучій и великій духомъ, какъ просто и спокойно созидаетъ онъ эти образы, изъ коихъ каждый съ своимъ характеромъ, съ своими страстями и мыслями можетъ назваться представителемъ человѣчества.

Мартъ 21. Философско-юридическій факультетъ здѣшняго университета предложилъ мнѣ занять кафедру естественнаго частнаго и публичнаго правъ, которая по болѣзни профессора Лодія остается праздною. Я согласился съ удовольствіемъ. Это прекрасное средство къ собственному моему усовершенствованію, особенно въ дикціи. Весь факультетъ единогласно былъ за меня. По его мнѣнію я, владѣя даромъ слова и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, могъ бы принести университету большую пользу моими лекціями. Не доставало только утвержденія университетскаго совѣта. Тамъ ректоръ, который ко мнѣ недрожжелательно относится, возсталъ противъ моего назначенія и я былъ отвергнутъ. Вотъ его причины: «съ нѣкоторыхъ поръ мы безпрестанно получаемъ выговоры отъ министра и отъ попечителя. Никитенко пользуется довѣріемъ послѣдняго, слѣдовательно онъ въ этомъ виноватъ, слѣдовательно онъ не имѣетъ философскаго духа, слѣдовательно не долженъ преподавать естественное право въ университетѣ». Сильно и убѣдительно! Признаюсь, мнѣ крайне хотѣлось воспользоваться неожиданнымъ предложеніемъ факультета и потому неудача меня печалила.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

МИХАИЛЬ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784 — 1848.

IV ¹⁾.

[ОКОНЧАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ].

Ученый богословъ-ориенталистъ не рѣдко навѣщаль своихъ друзей учениковъ въ Жировицахъ ²⁾. Здѣсь онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и всѣ, начиная отъ епископовъ, постоянно или временно здѣсь жившихъ, и до послѣдняго учителя семинаріи, оказывали протоіерею Бобровскому знаки особеннаго вниманія и почтенія. Епископъ Зубко и протопресвитеръ Тупальскій, „патріархъ жировицкой семьи“, дорожили его независимымъ, спокойнымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи. Его прямой и устойчивый характеръ, при благородствѣ его души и чувствительномъ сердцѣ, ставилъ его внѣ сферы интригъ. „Какъ человѣкъ, Бобровскій стоитъ выше всякихъ похвалъ. Прекрасная, благородная душа, преданное, чувствительное сердце, прямой и устойчивый характеръ ³⁾“.

Не было ни одного важнаго событія въ Жировицахъ, о которомъ не посылалась бы вѣсточка въ Шерешевскому отшельнику. Онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ семинаріи, на совѣщаніяхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ уніатскому вопросу, какъ равно на разнаго рода семейныхъ торжествахъ. Особенною

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116; т. LX, стр. 333—352; т. LXII, стр. 325—356.

²⁾ Отъ Шерешева въ 80 верстахъ.

³⁾ Изъ «воспоминаній», писанныхъ въ 1836 году. Отрывокъ изъ рукописи сообщенъ дочерью Янковскаго Теофилой Васильевой, живущею въ городѣ Варшавѣ.

П. В.

благосклонностью заслуженный профессоръ пользовался въ семействѣ Тупальскаго ¹⁾).

Извѣстный между униатами литераторъ Плакидъ Янковскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Крупісу“ (Жировицы), описывая бытъ и занятія „жировицкой семьи“, посвятилъ нѣсколько страницъ М. Бобровскому, представляя его душою жировицкаго общества. Люди, имѣвшіе близкое отношеніе къ реформамъ обрядовъ греко-униатской церкви въ обширной литовской епархіи, предшествовавшихъ воссоединенію, дорожили спокойнымъ, но никогда не лишеннымъ критики, взглядомъ на дѣло греко-униатской церкви. Поэтому и мнѣнія Бобровскаго во многихъ отношеніяхъ становились руководящими, а его дѣйствія всегда согласовались съ требованіями общаго блага.

Дочь Янковскаго, Теофила Васильева, передаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную характеристику профессора, относящуюся къ посѣщенію имъ Жировиць.

„Имя вашего достойнаго дяди и онъ самъ хорошо мнѣ знакомы; въ послѣдній разъ я его видѣла въ 1844 г. Наружность его отчетливо запечатлѣлась въ моей памяти: маленькаго роста, полненькій, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, подвижный и веселый. Мы, дѣти, гурьбою бѣгали за нимъ, это былъ нашъ общій любимецъ; мы, бывало, тянули жребій, которому изъ насъ достанется честь отгонять мухъ вѣточкой во время его послѣобѣденнаго сна; на мою долю чаще другихъ приходилось просяживать съ вѣточкой надъ обожаемымъ нашимъ другомъ, такъ какъ онъ, изучивъ насъ, находилъ меня менѣе другихъ шаловливою. Конечно, мы услѣвали и надобѣдать ему порядкомъ, такъ что не разъ приходилось ему спастись отъ насъ разными хитростями. Не помню гдѣ отецъ мой упоминаетъ о слѣдующемъ случаѣ: проходили мы съ нашимъ дорогимъ другомъ около церкви, вдругъ онъ становится плечами къ церковнымъ дверямъ, простираетъ руки и кричитъ: „убѣгайте, дѣти, домой, церковь рушится“! Мы стремглавъ раз-

¹⁾ Къ намъ дошла слѣдующая собственноручная записка Миханла Кирилловича, въ видѣ билетна (переводъ): «Профессоръ эмеритъ Бобровскій имѣетъ честь просить профессора Янковскаго на обѣдъ, въ домъ супруги офиціала въ 12 часовъ дня, 25 января 1834 г.».

бѣжались, онъ же въ это время скрылся отъ насъ, послѣ же со смѣхомъ упрекалъ насъ, говоря: „то-то, друзья! оставили меня одного подъ развалинами церкви и даже не оглянулись“.

Съ 1837 года дѣло воссоединенія приближалось къ развязкѣ. Необходимо было для общаго блага и сподовиствія побудить высказаться заслуженнаго профессора, мнѣніе котораго имѣло такой вѣсъ для духовенства. Вотъ что пишетъ по этому поводу Янковскій:

„Съ понятною деликатностью къ исключительному положенію и характеру профессора Бобровскаго, поручено было протопресвитеру Тупальскому, пользовавшемуся давнею дружбою и уваженіемъ Бобровскаго, сообщить ему о вполнѣ уже тогда созрѣвшей мысли воссоединенія“.

„Опытный протопресвитеръ повель было рѣчь издалека“.

— „Вы столько разъ бывали въ Римѣ и даже тамъ долго проживали, скажите же намъ, профессоръ, правда ли: что въ Римѣ есть и монополія спасенія“?

— „Не могу вамъ доложить—отвѣчалъ Бобровскій—такъ какъ на этой сдѣлѣѣ, если она и существуетъ, нѣтъ моего рукоприкладства (ja się do tego nie pisałem“).

„Далѣе того разговоръ уже не заходил“¹⁾.

Въ спискѣ 114 духовныхъ лицъ литовской греко-униатской епархіи, которыя по своимъ способностямъ и нравственному достоинству составляли „самое чело греко-униатскаго духовенства“, и объявились подписками споспѣшествовать благому дѣлу соединенія униатовъ съ православною церковью“, подъ № 10 значится: „профессоръ эмеритъ бывшаго виленскаго университета, младшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій“²⁾.

Еще ранѣе представленія списка подписавшихся на содѣйствіе къ воссоединенію, епископъ Сѣмашко предложилъ протоіерею Бобровскому занять мѣсто въ коллегіи. „На пастырское предложеніе (отвѣчалъ онъ въ сентябрѣ 1837 г.), осмѣливаюсь доложить, что я не чувствую склонности измѣнить мою сподовиную жизнь на хлопотливую, не только ради исполненія

¹⁾ Холм. мѣс. на 1867 г., стр. 116.

²⁾ Записки митрополита Іосифа, т. II, стр. 30. Списокъ должностныхъ лицамъ и проч. приложенъ къ отчету Іосифа Сѣмашки, отъ 3 октября 1837 года, о состояніи обѣихъ униатскихъ епархій во всѣхъ отношеніяхъ.

іерархическихъ обязанностей, въ которыхъ не имѣю ни склонности, ни способности, но и ради письменныхъ занятій, которыя, въ столицѣ могущественнаго государства, требуютъ навыка и ловкости. Если же по вашему представленію меня вызовутъ въ греко-уніатскую коллегію, то я просилъ бы вмѣстѣ съ вызовомъ меня сохранить мое право на полученіе пенсіи независимо отъ жалованья засѣдателя, а также чтобы я могъ бы выѣхать въ Петербургъ около новаго года, когда установится путь и устроятся мои семейныя дѣла. Дѣлаю эту жертву на опредѣленный лишь срокъ, Богъ дастъ короткій, не ради блеска достоинствъ, потому что ничего такъ не желаю, какъ жить въ спокойномъ углу, но для удовлетворенія желанія вашего преосвященства“.

По этому поводу вотъ что писалъ Бобровскому Іосифъ Сѣмашко (буквально въ переводѣ): „Итакъ, самое горячее мое желаніе, чтобы мы могли вмѣстѣ пожить и послужить, хотя нѣкоторое время (niejaki czasik), теперь исполниться не можетъ. Два раза я говорилъ уже оберъ-прокурору относительно вашей эмеритуры—онъ признаетъ совершенно справедливымъ оставленіе вамъ пенсіи и соглашается доложить объ этомъ Государю, но не ручается вполне за послѣдствія. Подобныя дѣла для министровъ чрезвычайно щекотливы, имъ крайне непріятно получить отказъ на свое представленіе. Намъ было бы еще болѣе непріятно, если бъ получена была на докладѣ неблагопріятная для дѣла Высочайшая резолюція—а слово Государя не легко измѣнить. Итакъ, лучше оставить пока въ сторонѣ это дѣло, чѣмъ подвергать его случайности, тѣмъ болѣе, что переселеніе въ Петербургъ, не знаю, будетъ ли вамъ болѣе пріятно или непріятно. Вотъ я и обманулъ въ надеждѣ имѣть при себѣ достойнаго товарища—для васъ, можетъ быть, только хорошо было бы увидѣть Петербургъ и я не отчаиваюсь видѣть васъ здѣсь, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ. Поручая себя вашей памяти, прошу относиться, въ случаѣ какихъ либо личныхъ дѣлъ, прямо ко мнѣ, какъ къ пріятелю, который остается къ вамъ, м. г., съ истиннымъ уваженіемъ и привязанностью, вашъ нижайшій слуга Іосифъ Сѣмашко, епископъ ¹⁾“.

¹⁾ Переводъ съ польскаго подлиннаго письма отъ 9 октября 1837 года, приклееннаго къ л. 39. Сборникъ писемъ. Въ своемъ отвѣтѣ, 27 января 1838 г. Михаилъ Кирилловичъ благодаритъ епископа за новый знакъ къ нему вниманія.

23 февраля 1838 года умеръ митрополитъ Иосафатъ Булгавъ. Епископъ Сѣмашко назначенъ предсѣдателемъ коллегіи, а Василій Лужинскій ея членомъ и управляющимъ полоцкой епархіей. „Въ скоромъ времени надобно ожидать высочайшаго манифеста о воссоединеніи униатовъ съ господствующимъ въ Россіи вѣроисповѣданіемъ“. (Письмо къ А. Сосновскому).

Послѣ назначенія своего предсѣдателемъ коллегіи епископъ Иосифъ Сѣмашко счелъ своимъ долгомъ представить протоіерея М. К. Бобровскаго къ производству въ старшіе соборные протоіереи. Представленіе мотивируется такимъ образомъ: „Сей ученый профессоръ былъ наставникомъ всѣхъ нынѣшнихъ униатскихъ епископовъ и большей части духовныхъ сего обряда, занимающихъ важнѣйшія мѣста по управленію епархіей и училищному вѣдомству и пользуется общимъ уваженіемъ. Не занимая никакого мѣста, онъ не могъ дѣятельно участвовать въ преобразованіи греко-униатской церкви, но всегда оказывалъ полное повиновеніе и усердіе къ оному. Онъ подвергался лично оскорбленію нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ за восстановление обрядовъ восточной церкви; а благочиніе, въ коемъ онъ проживалъ, оказалось самымъ спокойнымъ и послушнымъ. Сверхъ того, онъ ревизовалъ по распоряженію начальства Мѣлецкое уѣздное училище и оказавшееся сомнительнымъ Лѣбешовское благочиніе, которое и успокоилъ ¹⁾“.

Подчиненіе греко-униатской церкви Святѣйшему Синоду, по видимому, способствовало усиленію въ духовенствѣ литовской епархіи готовности къ воссоединенію. Между тѣмъ волненіе униатскаго духовенства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусской епархіи, обнаружившееся осенью 1838 г. (послѣ поѣздки Скрипицына), и въ Бѣлостоцкой области побудили предсѣдателя коллегіи Иосифа Сѣмашку подать графу Протасову записку объ окончательномъ шагѣ къ воссоединенію униатовъ съ православною церковью. Значительное большинство греко-униатскаго духовенства литовской епархіи уже дало подписки о готовности духовнаго единенія съ православными, дальнѣйшее промедленіе могло бы обострить противодѣйствіе упорствовавшихъ. Оставалось утвердить все это дѣло юридическимъ актомъ, что и испол-

¹⁾ Зап. Иосифа митрополита, т. II, стр. 73.

нено 12-го февраля 1839 года, въ недѣлю православія, въ Полоцкѣ. Для этого туда созваны были главнѣйшіе официальные представители обѣихъ епархій. Актъ возсоединенія утвержденъ Государемъ 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія, словами: „Благодарю Бога и принимаю“.

Протоіерей Бобровскій, какъ не занимавшій официальнаго мѣста, не присутствовалъ на актѣ возсоединенія въ Полоцкѣ, въ числѣ 24 представителей. Получивъ отъ Тупальскаго извѣстіе о предстоящемъ въ Полоцкѣ торжествѣ, онъ писалъ къ нему изъ Шерешева, 18 февраля 1839 года, что „было бы весьма полезно, если бы вы какъ управлявшій епархіей около полустолѣтія и потому хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами, передали потомству исторію начала уніи, ея распространеніе, наклоненіе къ упадку и самое паденіе. Слѣдовало бы подробнѣе остановиться на современныхъ фактахъ, передать послѣдовательное преемство митрополитовъ, начиная отъ Лисовскаго, а равно епископовъ; написать о каждомъ краткую біографію; указать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ для блага уніатской церкви или же способствовалъ къ ея упадку. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базилианскій орденъ. Дѣятелей этого ордена надлежало бы указать. А чтобы работа эта, назидательная для потомства, никого не скомпрометировала бы, разсудительность требуетъ отъ автора употребить перо Тациты“¹⁾).

Въ началѣ сентября 1839 года Михаилъ Кирилловичъ приглашенъ былъ епископомъ Іосифомъ Сѣмашкою въ Вильну, для участія въ торжествахъ по случаю возсоединенія. Изъ письма Сѣмашки (конфиденціального) къ графу Протасову отъ 4 сентября 1839 года видно, что 1-го сентября прибыли въ Вильну для совершенія торжественнаго богослуженія преосвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ литовскій, и Антоній Зубко, епископъ минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ названъ и старшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій. Въ воскресенье, 3 сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базилианскомъ, монастырѣ совер-

¹⁾ Сборн. пис. М. К. Бобровскаго, л. 43. Письмо къ официалу протопресвитеру Тупальскому, 18 февраля 1839 г.

шилось торжественное богослужение трех архиереевъ при необыкновенно большомъ стеченіи народа: „священниковъ къ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей—Тупальскій, ректоръ Гомолицкій и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывшій по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ“¹⁾.

Итакъ, въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православіемъ, роль протоіерея М. Бобровскаго вовсе не была пассивною, какъ полагають нѣкоторые, въ виду того, что его имени нѣтъ въ числѣ 24 представителей греко-униатской церкви, подписавшихъ полоцкій актъ въ февралѣ 1839 года. Мы знаемъ, что онъ самъ не желалъ занимать въ іерархіи положенія достойнаго его дарованій и заслугъ²⁾, но знаемъ также и то, что онъ всегда охотно шелъ на помощь своимъ ученикамъ, то сдерживая порывы слишкомъ ретивыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то устраняя препятствія тамъ, гдѣ являлось опасное сопротивленіе. Самый важный актъ, которымъ собственно и начинается дѣло воссоединенія—введеніе богослужебныхъ книгъ московской печати—вполнѣ былъ согласенъ съ его воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, высказаннымъ еще въ 1830 году. Но еще болѣе важную заслугу Бобровскій оказалъ въ вопросѣ по восстановленію въ униі обрядовъ греко-восточной церкви, со всѣми второстепенными дѣйствіями. Эта мысль укрѣплялась и росла по мѣрѣ развитія его ума и дарованій; она впервые выразилась рельефно въ его вступительныхъ лекціяхъ о св. писаніи въ его проповѣдяхъ, направленныхъ противъ разстлѣвающаго ученія библейцевъ въ Вильнѣ; затѣмъ она осуществилась на дѣлѣ его практическими указаніями воспитанникамъ главной духовной семинаріи при совершеніи богослуженія въ св. николаевской виленской церкви съ 1827 г. Дѣло это, при его дѣйствительномъ, активномъ участіи, продолжало

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37. Здѣсь кстати припомнить о событіи 1817 года, въ день св. Троицы. Невольно скажешь при этомъ, вмѣстѣ съ Янковскимъ: «Судьбы Господни не исповѣдимы».

²⁾ Михаилъ Кирилловичъ, какъ передавалъ мнѣ нынѣ почти столѣтній старецъ свяш. Левцкій, «много работалъ надъ присоединеніемъ уни къ православію и, кажется, что его руководствомъ и планами пользовался Іосифъ Сѣмашко. (Сообщено). П. В.

развиваться во всѣхъ благочиніяхъ послѣ начертанія епископами, въ 1834 году, извѣстной программы, но не ранѣе конца 1836 г. Возстановленіемъ греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ и введеніемъ книгъ московской печати сдѣлано было все то, что собственно и было необходимо сдѣлать прежде совершенія акта воссоединенія. Какъ „наставникъ архипастырей и большей части духовныхъ, занявшихъ высшее положеніе въ обѣихъ епархіяхъ“, онъ сдѣлалъ все, что могъ и считалъ обязаннымъ сдѣлать по совѣсти, не выходя изъ очерченнаго себѣ круга, но предоставляя завершать дѣло „достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ“ ученикамъ своимъ.

V.

Занятіе славистиной и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.

Филологическіе и библиографическіе труды.—Ошибочное сужденіе профессоромъ Коляловича и Кочубинскаго.—Значеніе Бобровскаго въ русской наукѣ.—Образъ жизни заслуженнаго профессора.—Поездка его въ Полоцкъ (1844 г.).—Посѣщеніе шерешевского отшельника архіепископомъ Іосифомъ Сѣмашкою (1846 г.).—Послѣднія минуты жизни и кончина 21 сентября 1848 г.—Памятникъ надъ могилою.—Крестъ во имя Кирилла и Меводія, принесенный въ даръ шерешевской церкви.— Судьба бібліотеки, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ, поселившись въ м. Шерешевѣ, не прекращалъ своихъ любимыхъ занятій славистиной, филологіей и археологіей. Въ бібліотекѣ, перевезенной изъ Вильны въ 1834 году, находились весьма цѣнныя славянскія книги, кирилловскаго и глаголическаго шрифта, прибрѣтенныя Бобровскимъ на собственные средства за границу, большею частію въ Венеціи. По составу своему и мысли ея обладателя бібліотека шерешевская занимала тогда первое мѣсто въ западной Россіи и была единственною въ своемъ родѣ. Кромѣ книгъ, Бобровскій привезъ съ собою въ Шерешеву: снимки съ древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, тетради съ своими библиографическими записками, свои черновыя путевыя замѣтки или дневникъ и нѣсколько весьма цѣнныхъ рукописей; въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ: знаменитую Супрасльскую и древнюю харатейную псалтирь; первая взята была изъ Супрасли,

въ 1824 г., подъ росписку (№ 1), послѣдняя—изъ Николаевской виленской церкви. Были у него и другія цѣнныя вещи—памятники благочестія древнихъ славянъ. На свободѣ Михайлъ Кирилловичъ продолжалъ свои филологическія изслѣдованія и подготовлялъ матеріалы для нѣкоторыхъ изданій, о чемъ онъ писалъ къ епископу Яворовскому, сообщалъ своему другу И. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ.

Существуетъ мнѣніе, что заслуженный профессоръ, живя въ деревенской глуши, совершенно бросилъ литературныя занятія и поэтому не оставилъ никакихъ работъ, достойныхъ его богатыхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній.

Но съ этимъ мнѣніемъ не согласуются факты, нами приведенные въ извѣстность. Въ спокойномъ уголку шерешевскомъ, Михайлъ Кирилловичъ исподволь, но постоянно накоплялъ филологическіе матеріалы въ особыхъ тетрадахъ въ формѣ библиографическихъ замѣтокъ и записокъ; кромѣ трудовъ надъ старопечатными книгами и рукописями старославянскими онъ приготовилъ къ печати: „Исторію славянскихъ книгопечатенъ въ Литвѣ (литовской Руси)“; наконецъ, у него же были собраны матеріалы для исторіи церкви у славянъ. О первомъ трудѣ упоминаетъ въ своемъ словарѣ Эстрейхеръ, говоря, что „эта рукопись была у Бобровскаго въ 1846 г.“.

Но главные занятія М. Бобровскаго состояли въ работахъ по славянской филологіи и онъ долго делѣялъ мысль объ изданіи имъ Супрасльскаго рукописи и лѣтописца Подола (извѣстнаго теперь подъ именемъ лѣтописца литовскаго). Обѣ эти рукописи, какъ видно изъ переписки, открыты были М. К. Бобровскимъ лѣтомъ 1823 г.

Характеристика профес. М. О. Кояловича, основанная на событіяхъ 1823 и 1824 гг. и на секретныхъ аттестаціяхъ В. Пеликана, человѣка партіи, ультрамонтана, враждебнаго въ бѣлому греко-уніатскому духовенству, ошибочна. Сужденія г. Кочубинскаго въ недавно изданной имъ книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія—Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ“ (Одесса, 1888 г.) даютъ превратную оцѣнку дѣятельности профессора Бобровскаго въ области славяновѣдѣнія и не согласны даже съ фактами его послужнаго списка. Все это опровергается письмами М. К. Бобровскаго

въ Тупальскому и Сѣмашеѣ. Друзей интимныхъ—*ad intimis* Бобровскій не имѣлъ въ лагерѣ, противномъ свѣтскому клиру въ русской уни. Имѣющаяся же въ нашемъ распоряженіи переписка М. К. Бобровскаго объясняетъ переходъ Супрасльской рукописи изъ его рукъ, помимо его желанія. Обѣ открытыя имъ рукописи онъ думалъ самъ издать русскимъ шрифтомъ и съ этою цѣлью заказалъ одной виленской типографіи славянскій шрифтъ для Супрасльской рукописи и выписалъ Софійскій Временникъ (для справки съ своимъ лѣтописцемъ). Въ 1838 году проф. Эйхвальдъ и друзья (между ними Востоковъ?) уговорили Бобровскаго послать Супрасльскую рукопись для переписки въ Копитару, а въ слѣдующемъ 1839 году у него потребовали отсылку въ литовскую консисторію лѣтописца Подола. И вотъ что Бобровскій, между прочимъ, писалъ по этому поводу Пинскому епископу Михаилу Голубовичу: „Сохранивъ у себя Лѣтописца Подола, въ изданіи котораго я самъ отчасти принималъ участіе, съ особенною радостью отсылаю теперь этотъ рѣдкій историческій памятникъ въ правительственное учрежденіе въ той надеждѣ, что онъ дойдетъ до археографической комиссіи и, наконецъ, исполнится желаніе приснопамятнаго государственнаго канцлера Румянцева и рукопись издана будетъ такимъ же способомъ, какимъ былъ изданъ Несторъ, отецъ русскихъ историковъ ¹⁾“.

Слѣдовательно, Михаилъ Кирилловичъ: 1) открылъ южно-русскаго лѣтописца, извѣстнаго по польскому изданію Даниловича подъ именемъ: „Литовскаго лѣтописца и русской хроники“, 2) намѣренъ былъ самъ издать его русскимъ шрифтомъ, такимъ же, какимъ изданы были другія русскія рукописи на иждивеніе графа Румянцова. Но намѣренія Бобровскаго издать самому: 1) хорватскую хронику, списанную имъ въ ватиканской библиотекѣ въ 1820 г., 2) житія святыхъ и проповѣди Іоанна Златоуста, и 3) лѣтописца Подола, содержащаго литовско-русскую хронику, не были приведены въ исполненіе, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; для этого нужны были: во 1-хъ — средства, во 2-хъ мѣстныя удобства, а въ Шерешевѣ нельзя было

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 43 обор., 44, 45. Рапортъ въ литовскую консисторію 5 декабря 1839 г., № 17, рапортъ епископу Пинскому, архимандриту Вытенскому Михаилу Голубовичу, 10 декабря 1839 г., № 18.

имѣть даже и хорошаго переплетчика. Первая (хорватская) рукопись издана Куколевичемъ (за границею) спустя три года послѣ кончины Бобровскаго, вторая—Супрасльская—еще до сихъ поръ не издана; въ 1851 году въ Вѣнѣ издалъ часть ея послѣдователь Копитара—Миклосичъ, но только не съ подлинника, а по списку Копитара. Накопленные же Бобровскимъ многолѣтнія филологическія изслѣдованія вмѣстѣ съ другими матеріалами и снимками исчезли послѣ его смерти, а куда—увидимъ ниже. Чтѣ Бобровскій былъ страстнымъ любителемъ и глубокимъ знаткомъ древностей славянскихъ и русскихъ, что онъ зналъ цѣну сдѣланнымъ имъ открытіямъ и потому тщательно сохранялъ цѣнныя рукописи (не довѣряя даже монастырю) и что на эти предметы смотрѣлъ, какъ на вещи не подлежащія отчужденію, а тѣмъ менѣе какъ на средство для обогащенія; все это достаточно выяснено въ нашихъ изслѣдованіяхъ; напротивъ, какъ свидѣтельствуяютъ люди, къ нему близкіе, онъ и при небольшихъ своихъ средствахъ, со времени пятилѣтняго путешествія по Европѣ (особенно со времени пребывания въ Венеціи въ 1820 году), на приобрѣтеніе и собраніе книгъ и рукописей, въ теченіе почти четверти столѣтія, затратилъ свои собственныя и не малыя деньги. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ множество снимковъ (facsimile) и далъ каждой разсмотрѣнной имъ рукописи, гдѣ либо въ Европѣ и въ западной Россіи, библиографическую оцѣнку.

Собирая книги и рукописи, имѣвшія прямое отношеніе или къ греко-славянскому богослуженію, или къ русской народности, онъ, однако, не покидалъ надежды важнѣйшія изъ нихъ издать самому славянскимъ или русскимъ шрифтомъ. Въ наукѣ славянской филологіи онъ былъ піонеромъ въ Россіи и, по всей справедливости, долженъ быть названъ самымъ виднымъ дѣятелемъ по сохраненію русской народности между униатами западной Россіи.

Мы, наконецъ, приближаемся къ концу жизни этого достойнѣйшаго литовско-русскаго ученаго слависта-богослова, котораго жизнь и дѣла, во многихъ отношеніяхъ поучительныя, не могутъ быть исчерпаны въ настоящемъ очеркѣ.

Наружность Михаила Кирилловича послѣ воссоединенія съ

православіемъ измѣнилась въ томъ отношеніи, что онъ сталъ носить усы и бороду. Одѣяніе въ рясѣ и мѣховой бобровой шапкѣ его особенно тѣшило: онъ доволенъ былъ восстановленіемъ обычаевъ старины, по археологическому рисунку, только не совсѣмъ доволенъ былъ своею ужъ слишкомъ невзрачною бородкою; случалось подсмѣивался надъ безбородымъ своимъ викарнымъ отцемъ Савинскимъ и не безъ гордости смотрѣлъ на благообразіе своихъ двухъ дьячковъ: Ивана Шумовскаго и Иосифа Сѣмашку (однофамильца и одноимяника архипастыря).

Житейская обстановка протоіерея всегда была весьма скромною. Его шерешевскій домикъ—состоялъ изъ четырехъ комнатъ, сѣней и кухни. Налѣво отъ сѣней гостинная, украшенная изображеніями четырехъ евангелистовъ, вывезенныхъ изъ Італіи, чрезвычайно изящной живописи. Надъ диваномъ былъ портретъ государя Николая Павловича, котораго протоіерей считалъ самымъ лучшимъ монархомъ своего вѣка, „самымъ лучшимъ отцомъ насъ всѣхъ“ (письма къ Тупальскому и Сосновскому). Прямо противъ входа находился письменный столъ, всегда заваленный кипю бумагъ и текущею корреспонденціей. На каминѣ была старинная мраморная фигура, для помѣщенія цвѣтовъ, до которыхъ Михаилъ Кирилловичъ съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ. На право—входъ въ спальню и библіотеку: книгами, исключительно старинными, между которыми красовались бѣлые вороны (*albi corvi*), установленъ былъ шкафъ во всю стѣну отъ пола до потолка. Заслуженный профессоръ, достигнувъ 64-хъ лѣтняго возраста, читалъ безъ очковъ и сохранилъ привычку передъ сномъ читать, лежа въ постелѣ, всегда съ карандашемъ въ рукѣ. На право отъ сѣней—столовая, весьма скромная, съ нѣсколькими большими клѣтками, наполненными множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, и еще смежная со столовой комната для гостей или ночлежниковъ.

Передъ окнами гостинной лѣтомъ красовался роскошный цвѣтникъ, съ самыми затѣйливыми цвѣтами. Получить цвѣтокъ изъ рукъ профессора или прелата (какъ его называли сосѣди) считалось величайшимъ вниманіемъ; за домомъ фруктовый садъ съ отборными сортами яблонь, грушъ, черешень и вишенъ. На противоположной сторонѣ двора помѣщались парники. Уходъ за цвѣтниками, парниками и садомъ былъ обычнымъ привилегированнымъ утреннимъ занятіемъ отца Михаила.

Обязанности приходскаго священника протоіерей Михаилъ выполнялъ съ самою строгою акуратностію и въ этомъ отноше- нии вполнѣ усвоилъ себѣ привычки своего престарѣлаго отца Кирилла: то же участіе къ ближнему, таже строгость къ самому себѣ, снисходительность къ ошибамъ другихъ и самая горячая готовность оказать помощь нуждающимся. Навѣстить больного и укрѣпить причастіемъ умирающаго, во всякое время дня и ночи, въ ненастье и стужу, были естественнымъ влеченіемъ сердца любящаго и чувствительнаго къ страданію ближняго

Въ воскресные и праздничные дни въ церкви, всегда переполненной прихожанами, между которыми было не мало като- ликовъ, протоіерей говорилъ поученіе на червоно-русскомъ или галицкомъ языкѣ. Проповѣдникъ, прочитавъ съ разстановкою дневное евангеліе, объяснялъ евангельскій рассказъ въ выраже- нияхъ самыхъ простыхъ, неизысканныхъ, а въ заключеніе, за- крывая книгу, произносилъ слово, относившееся къ обыденной жизни своихъ прихожанъ. Рѣчей своихъ Михаилъ Кирилловичъ не записывалъ. «При погребеніи хозяина или хозяйки всегда го- ворилъ слово, изображая похвальные дѣла умершаго съ присово- купленіемъ назиданія, сообразуясь съ жизнію покойнаго, или видя нужду истреблять пороки при мысли о смерти. Его обли- ченія большею частію направлены были къ истребленію въ на- родѣ пороковъ, особенно пьянства и разврата». (Протоіер. Мих. Токаревскій). Рѣчи Бобровскаго, по словамъ архіепископа Фила- рета, служили образцомъ краснорѣчія для духовныхъ пастырей, какъ по мысли, такъ и по стилю; его бесѣды съ амвона, по своей искренности, полныя любви къ ближнему и заботы о его благо- состояніи, о мирѣ и спокойствіи, имѣли воспитательное значеніе для народа; въ рѣчахъ отца Михаила простолудины всегда на- ходили, по своему, глубокіе намеки; плодovitая мысль проповѣд- ника облекалась въ естественныя и простыя формы.

Въ другомъ домѣ, бывшемъ при церкви Рождества Богоро- дицы (Пречистенской), помѣщался причтъ и богадѣльня для пре- старѣлыхъ и увѣчныхъ (на нѣсколько кроватей). Для разныхъ церковныхъ хозяйственныхъ распоряженій существовало братство.

Обычными собесѣдниками заслуженнаго профессора, по вече- рамъ, кромѣ всендза Пануфника и викарнаго священника Са- винскаго, были офицеры, квартировавшей въ м. Шерешевѣ

артиллерійской бригады. Отъ времени до времени навѣщали своего профессора бывшіе его ученики, члены «Жиговицкой семьи», особенно Янковскій и Голубовичъ. Изъ сосѣдей бывалъ чаще всѣхъ страстный библиофилъ Владиславъ Тренбицкій, который пользовался расположеніемъ слависта-ориенталиста. У него Тренбицкій, кажется, учился еврейскому языку. Нерѣдко протоіерей вель состязанія съ еврейскими раввинами въ мѣстной синагогѣ, лучшемъ каменномъ зданіи въ мѣстечкѣ. Въ шерешевской синагогѣ можно было встрѣчать ученыхъ раввиновъ изъ Бердичева, Варшавы и т. д.

Въ 3-хъ верстахъ отъ м. Шерешева, въ имѣніи Обрубѣ, жило семейство его единственного брата Юсифа, доктора философіи, также ученаго и, притомъ, хорошо знавшаго агрономію. Братья жили между собою съ дѣтства почти неразлучно въ самой тѣсной дружбѣ. Хозяйство въ Обрубѣ процвѣтало. Тѣнистый садъ съ роскошными цвѣтниками и пчелами служилъ приманкою для Михаила Кирилловича, когда въ досужее время онъ навѣщалъ пѣшкомъ семейство своего брата. Заботливость о воспитаніи и судьбѣ своихъ малолѣтнихъ племянниковъ, послѣ того, когда они, въ 1843 году, лишились своего отца, была непримѣрная. Случалось, онъ съ ними игралъ и забавлялся. На образованіе и устройство ихъ въ учебныя заведенія Михаилъ Кирилловичъ прилагалъ особенное попеченіе и давалъ всѣ способы. Только впоследствии мы поняли, чѣмъ обязаны своему дядѣ—наставнику и опекуну. Каждого изъ насъ онъ изучилъ и каждого старался направить, согласно со способностями и наклонностями.

Михаилъ Кирилловичъ поддерживалъ свои добрыя отношенія въ бывшимъ ученикамъ своимъ, занимавшимъ важнѣйшіе посты въ воссоединенной духовной іерархіи. Въ ноябрѣ 1844 года, пользуясь своею поѣздкою въ Полоцкъ, для доставленія меня въ корпусъ, Михаилъ Кирилловичъ навѣстилъ, между прочими: епископа Михаила (въ Жиговицахъ), архіепископа Антонія (въ Минскѣ), архимандрита Филарета (бывшаго ректоромъ Полоцкой семинаріи) и архіепископа Василя—въ Витебскѣ. Встрѣтивъ въ Витебскѣ (куда онъ нарочно ѣздилъ изъ Полоцка) знакомаго ему гравера Кисличнаго (окончившаго курсъ С.-Петербургской академіи художествъ), Бобровскій пожелалъ передать ему бывшій у него вѣстѣ св. Параскевы, „драгоценный памятникъ

славянского благочестія“, съ тѣмъ, чтобы Кисличный вырѣзалъ рисунокъ его на мѣди и прислалъ къ нему одинъ литографированный оттискъ. По этому поводу онъ писалъ къ Филарету въ Полоцкъ: „По присылкѣ мнѣ одного экземпляра съ мѣстными вѣдомостями, я могъ бы заняться историко-критическимъ его описаніемъ. Это служило бы дополненіемъ къ описанію креста св. Евфросиніи (Полоцкой)“.

„Благодарность учениковъ своимъ наставникамъ есть самый драгоценный небесный даръ. Кажется, еще первый разъ въ своей жизни я испыталъ это на р. Двинѣ. Радужный сердечный приемъ отшельника изъ подъ Бѣловѣжской пущи напомнилъ мнѣ о благихъ временахъ патріарховъ и о моемъ путешествіи между славянами въ Далмаціи и въ Чешской Прагѣ ¹⁾“.

Въ слѣдующемъ 1846 году шерешевского отшельника осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Это посѣщеніе, какъ дань благодарности великаго западно-русскаго архипастыря своему наставнику, на склонѣ его жизни, послужило доказательствомъ, что и на берегахъ р. Вилии не оскудѣвалъ тотъ даръ небесный, о которомъ Михаилъ Кирилловичъ говоритъ въ письмѣ къ любимѣйшему ученику своему, жившему на р. Двинѣ.

Около половины мая 1846 г. профессоръ получилъ слѣдующую записку отъ епископа Михаила Голубовича, изъ Жировицъ. „Къ тебѣ, дорогой профессоръ, явятся два гриба: одинъ громадный, съ присовокупленіемъ многихъ волнушекъ, другой такъ себѣ—малозначущій, который, однако, присоединится къ истребленію вашихъ запасовъ. Объ угрожающемъ вамъ опустошеніи (*desolatii i devastacii*), архіепископъ вотъ что пишетъ (буквально): „Я думалъ было миновать Шерешево, разъ что въ сторонѣ, другой разъ, что, кажется, у нашего батьки Бобровскаго прошлымъ лѣтомъ градъ побилъ воловъ, которые онъ кормилъ къ моему приѣзду. Но послѣ подумалъ: не заѣхать, будетъ сердиться—а воловъ не пожалѣемъ (не пожелаемъ?), вѣдь тогда будетъ Петровъ постъ. За то пусть таки похлопочетъ прокормить меня три дня со свитою, да еще въ день рожденія Государя Императора,

¹⁾ Изъ письма къ архимандриту Филарету Малишевскому отъ 22 января 1845 г. Сборн., л. 47, 48.

попотчивать насъ чѣмъ либо, хотя бы съ шерешевской приправой“.

„Къ этому времени, продолжаетъ преосвященный Михаилъ, и я явлюсь въ Шерешево, вѣроятно, со стороны Янова, къ 25 іюня. Приѣду валежкѣ безъ свиты, такъ какъ и четверку лошадей не легко добыть. Искренне говорю, не хотѣлось бы быть кому либо въ тягость и былъ бы очень радъ, если бы можно было для посѣщенія церквей, лежащихъ въ сторонѣ, нанимать четверку лошадей. Буду ждать оффиціального отзыва и вашего совѣта ¹⁾“.

Посѣщеніе архипастыремъ скромнаго жилища въ Шерешевѣ и деревенскаго домика въ Обрубѣ до глубины души тронуло профессора, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его строкъ въ письмѣ къ архіепископу. „Свободныя какъ бы родственныя отношенія въ домашнемъ кругу семейства (моего покойнаго брата) навсегда оставили благія чувства благодарности въ сердцахъ тѣхъ, которые были осчастливлены вниманіемъ столь высокихъ гостей. Столѣтняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбитая молніей, садовыя деревья, склонившія свои вѣтви подъ тяжестью плодовъ, рощицы, охраняющія отъ солнечнаго припека, цвѣтистыя луга, увѣнчивающіе плодоносныя нивы—всегда напоминаютъ будущему жителю обрубской избушки, что тамъ было мѣсто отдохновенія, а здѣсь стопы на орлахъ уносящіяся. Присланныя вещи на память, принятыя съ величайшею благодарностію, служатъ новымъ доказательствомъ удовольствія, доставленнаго нашимъ хозяйствомъ. Ихъ раздѣлъ согласенъ съ архипастырскими намѣреніями—для сестры китайскіе плоды, а для деревенщины профессора—американскіе“ ²⁾.

Посѣщеніе Іосифомъ Сѣмашкою и Михаиломъ Голубовичемъ

¹⁾ Подлинное письмо Михаила епископа отъ 9 мая 1846 года прилежно между двумя отпусками писемъ М. К. къ архіепископу Сѣмашкѣ отъ 25 іюля и 29 августа 1846 года. Кстаті приведемъ здѣсь замѣчаніе Платида Янковскаго въ его характеристикѣ. «Отрадно было видѣть, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженнаго мужа наши возсоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника». Холм. мѣсяц. на 1867 г. стр. 117.

²⁾ Изъ письма М. К. къ архіепископу Іосифу Сѣмашкѣ, отъ 25 іюля 1846 Сборн. л. 49, на об.

съ большою свитою и пѣвчими Шерешева было послѣднимъ лучемъ свѣта въ скромной деревенской жизни ученаго мужа...

Устроивъ въ слѣдующемъ 1847 году своихъ племянниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и обезпечивъ при вторичномъ замужествѣ свою сестру—вдову покойнаго брата, Михаилъ Кирилловичъ остался въ полномъ смыслѣ слова—сиротою, скучаль, даже впадалъ въ уныніе и 21 сентября 1848 года сталъ жертвою жестокой холеры. Никого изъ близкихъ родныхъ не было при его внезапной кончинѣ. Библіотека, рукописи, филологическіе матеріалы, записки, письма и разные документы—всѣ эти сокровища науки—исчезли. И все вдругъ опустѣло...

Очевидецъ священникъ Іоаннъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Антоній) оставилъ слѣдующее описаніе о послѣднихъ минутахъ жизни глубоко чтимаго духовенствомъ и прихожанами благочиннаго.

„Покойный профессоръ, въ началѣ второй половины сентября мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи священниковъ Пружанскаго благочинія, бывшемъ въ домѣ настоятеля Сухопольской церкви священника Сильвестра Пероцкаго. Жара въ то время была необычайная и въ м. Шерешевѣ свирѣпствовала холера. Протоіерей привезъ съ собою какія-то капли, которыя употреблялъ каждый разъ передъ принятіемъ пищи. Онъ ихъ принялъ до обѣда, а послѣ обѣда заснулъ, по обыкновенію, сидя въ креслѣ. Чтобы не помѣшать отдыху отца благочиннаго, присутствовавшіе на совѣщаніи священники въ это время вышли въ садъ. Проснувшись, Бобровскій къ вечеру уѣхалъ домой, повидимому, совершенно здоровый. На слѣдующій день, утромъ, священникъ Іоаннъ, оставшійся на ночлегъ въ домѣ Сухопольскаго священника, получилъ письмо изъ Шерешева. Его просили поспѣшить какъ можно скорѣе приѣздомъ, чтобы напутствовать св. дарами умирающаго благочиннаго. Отецъ Іоаннъ засталъ Михаила Кирилловича въ страшныхъ мученіяхъ... Врачи употребляли усилія, чтобы спасти страдальца (между прочимъ—сажали его въ холодную ванну), все было тщетно: холера развилась въ сильной степени и черезъ нѣсколько часовъ протоіерей скончался“.

„Во время болѣзни и смерти благочиннаго въ домѣ былъ страшный безпорядокъ. Некому было присматривать за цѣлостію его имущества. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, секретарь

протоіерея (надо полагать, такъ названъ дьячекъ Иванъ Шумовскій) сталъ прибирать разныя вещи покойнаго въ свои руки. Замѣтивши расхищеніе имущества, о. Іоаннъ пригласилъ становаго пристава (Лозинскаго), для опечатанія имущества. Викарный священникъ (о. Михаилъ Савинскій), весьма преданный своему настоятелю, былъ до крайности пораженъ его смертью, плакалъ навзрыдь, но имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ: съ горя, тотчасъ послѣ кончины своего благодѣтеля, сталъ прикладываться къ бутылочкѣ: „Niema tego Prałata!“ (нѣтъ моего прелата), приговаривалъ онъ съ плачемъ: „Trzeba wupic!“ (Сообщено изъ зап. Кургановича).

Михаилъ Кирилловичъ скончался на 64 году своей жизни, похороненъ у алтаря кладбищенской церкви и надъ его могилою, издивеніемъ духовенства Пружанскаго благочинія, тогда же сооруженъ памятникъ въ видѣ пирамиды изъ громаднаго дерева Бѣловѣжской пуши.

Въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и другихъ главнѣйшихъ пунктахъ обѣихъ епархій, вездѣ, гдѣ были ученики и почитатели Бобровскаго, отслужены торжественныя панихиды съ колокольнымъ перезвономъ во всѣхъ православныхъ храмахъ...

Безъ сомнѣнія не одна могила съ скромною деревянною пирамидою въ видѣ обелиска напоминаетъ окрестнымъ жителямъ о почившемъ въ м. Шерешевѣ ученомъ славистѣ. Скажемъ словами его ученика Янковскаго: „Судьбы Божіи неисповѣдны. Кто знаетъ, можетъ быть, этому человѣку, не успѣвшему по волѣ обстоятельствъ, упрочить свою память на томъ высшемъ литературномъ поприщѣ, къ которому онъ такъ отлично былъ приготовленъ, именно суждено было обезсмертить эту память въ единственно интимномъ значеніи слова, среди скромной сельской паствы, унося съ собою не гласную, но и неувыдаемую заслугу, и тихія слезы убогихъ людей“. Другой ученикъ его Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій) говоритъ яснѣе: „Профессоръ Михаилъ Бобровскій не былъ, да и не могъ быть, оцѣненъ современниками, но его не забудетъ исторія“. Вся жизнь этого человѣка была проникнута стремленіемъ къ высшему идеалу и всѣ его труды запечатлѣны беззавѣтнымъ служеніемъ науцѣ: этимъ идеаломъ было объединенное славянство съ его самобыт-

ной культурой. И мы знаемъ, какъ велики были его стремленія, какъ ласковы были его отношенія къ ученикамъ, и какъ онъ неумолимо строгъ былъ къ самому себѣ.

Въ Бозѣ почившій протоіерей Михаилъ Бобровскій принесъ въ даръ шерешевской Пречистенской церкви большой напостольный серебряный крестъ, завязанный имъ въ память первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ Веллеградѣ въ 1819 году, во время путешествія его по славянскимъ землямъ Европы съ учеными цѣлями. Крестъ шестиконечный, вышиною въ 7 вершковъ, вѣсомъ 48 лотовъ серебра; на верхней серебряной вызолоченной дощечкѣ, въ видѣ свитка пергамента, находится славянская надпись: І. Н. Ц. І. Распятіе рельефное вызолоченное греко-восточнаго изображенія. (Прибавка эта сдѣлана въ 1850-хъ годахъ гродненскимъ епископомъ Игнатіемъ Желъзовскимъ). По раменамъ вырѣзаны: Божія мать и Іоаннъ Богословъ. Подъ распятіемъ голова Адама и его остова; въ нижней части вырѣзаны орудія страстей Господнихъ. Внутри хранится нѣсколько частей святыхъ мощей, наглухо задѣланныхъ. На другой сторонѣ, гдѣ находятся мощи, рельефно отчеканено: І. С. Х. ¹⁾).

Въ своемъ трудѣ, послѣ 35 лѣтнихъ усилій для розысканія матеріаловъ, мы желали воздать теперь только частицу благодарности своему первому воспитателю, наставнику и опекуну; со временемъ, если позволятъ обстоятельства, мы не теряемъ надежды на пользу славянской науки представить въ нашу Академію наукъ подробное изложеніе жизни замѣчательнаго ученаго. Письма, важнѣйшіе труды Бобровскаго и доставленные намъ документы, снимки и собственноручные списки частей Супрасльской рукописи мы считаемъ своимъ долгомъ передать на храненіе въ Виленскую Публичную библіотеку. Въ Вильнѣ профессоръ Бобровскій получилъ богословское образованіе (1808—1812 г.), здѣсь развилась, окрѣпла и дала роскошные плоды его профессорская дѣятельность, созрѣлъ талантъ проповѣдника слова

¹⁾ Сообщение шерешевского благочиннаго протоіерея Михайла Токаревскаго 7 мая 1886 года. Кромѣ драгоценнаго креста, покойный протоіерей оставилъ на ризы кусокъ шелковой фіолетоваго цвѣта матеріи, шитой золотыми цвѣтами, прекраснаго рисунка.

Божія; здѣсь брошены имъ первыя сѣмена славянской культуры между русскими униатами и здѣсь, въ аудиторіяхъ бывшаго университета и главной духовной семинаріи, въ теченіи 18 лѣтъ (съ 1814 по 1833 годъ), раздавалось мощное слово профессора священнаго писанія и библейской археологіи, призывавшее духовное юношество къ просвѣщенію свѣтомъ истины.

Остается рассказать вкратцѣ обстоятельства, объясняющія исчезновеніе нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ рукописей, писемъ къ моему дядѣ славянскихъ филологовъ и ученыхъ греко-униатовъ, его учениковъ, составленной имъ славянской библиографіи и его весьма цѣнной библіотеки. Обо всей этой весьма печальной исторіи можно было бы и промолчать, если бы не встрѣчалось иногда нареканій отъ людей, незнакомыхъ съ прискорбными фактами.

Разсказъ отца Іоанна Кургановича (впослѣдствіи архимандрита Антонія) обрывается вызовомъ пристава для опечатанія имущества. Мой отчетъ дорисуетъ картину крайне безпорядочныхъ дѣйствій и безцеремонныхъ отношеній мѣстной свѣтской и духовной власти къ имуществу почившаго ученаго и оставленнаго имъ ученаго скарба.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года, для устройства предстоящаго брака своей сестры—моей матери—Михаилъ Кирилловичъ рѣшился продать свою драгоценную библіотеку помѣщику Владиславу Тренбицкому, съ правомъ пожизненнаго пользованія ею. Сдѣлка эта состоялась въ Бѣлостокскомъ судѣ, 5 августа 1847 года, и на основаніи ея Тренбицкій обязался уплатить Бобровскому, при совершеніи акта, 2000 золотыхъ (300 руб. сер.), что онъ и сдѣлалъ, а остальные деньги, въ количествѣ 18,000 золотыхъ (2,700 руб. сер.), обязался уплатить, въ теченіе девяти лѣтъ, вдовѣ покойнаго его брата, по второму браку (1847 г.) Васневской, а въ случаѣ ея смерти, племянникамъ профессора Бобровскаго (а ея сыновьямъ). На другой день послѣ кончины Михаила Кирилловича вице-благодѣтельный Викторъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Викентій, настоятель Супрасльскаго монастыря), родственникъ о. Іоанна, распорядился передачею библіотеки Тренбицкому, отсылкою какихъ-то бумагъ въ грузномъ тюфѣ, въ Вильну, къ архіепископу Іосифу, и составленіемъ,

вмѣстѣ съ ассесоромъ Лозинскимъ, описи имущества. Эти дѣйствія вице-благочиннаго (безъ всякаго участія дворянской опеки) были незаконны, ибо имуществомъ наслѣдниковъ покойнаго, который былъ потомственнымъ дворяниномъ, никто не могъ распоряжаться безъ вѣдѣнія дворянской опеки. Мало того—послѣдняя вступила въ права свои не ранѣе, какъ по истеченіи трѣхъ недѣль послѣ кончины Михаила Бобровскаго. Она приняла имущество 16 октября 1848 года по описи, составленной протоіереемъ Кургановичемъ и приставомъ Лозинскимъ. Сама же опека не сдѣлала ни одного шага для удостовѣренія въ точности составленной описи и ея оцѣнки. Въ чемъ состояли охранительныя мѣры надъ имуществомъ, какъ со стороны Кургановича (онъ же потомъ былъ и депутатомъ отъ духовенства при дворянской опекѣ), такъ и со стороны членовъ дворянской опеки (помѣщиковъ Сеньковскаго, Вредта, Протасевича)—наслѣдникамъ неизвѣстно. Возбужденная переписка по этому дѣлу открыла беспорядки и злоупотребленія со стороны членовъ Пружанской дворянской опеки и мѣстной духовной власти. Въ первоначальную опись, составленную представителемъ духовной власти, не вошло даже ни одного вѣточка бумаги: драгоценныя рукописи, масса тетрадей съ библиографическими записками, письма отъ разныхъ лицъ, какъ будто даже и не существовали! Протестъ и жалобы наслѣдниковъ остались безъ удовлетворенія, виновники растраты остались безъ должнаго законнаго возмездія! Теперь оказывается, что одна болѣе значительная часть этого въ высшей степени важнаго для науки матеріала попала въ руки обладателя бібліотеки Владислава Тренбицкаго, другая же часть разобрана по рукамъ добрыми сосѣдями, пожелавшими что либо имѣть у себя для памяти о великомъ ученомъ славистѣ. Остались не при чемъ только племянники, дѣйствительные наслѣдники личныя трудовъ и писемъ Михаила Кирилловича.

Тренбицкій, уплативъ только десятую долю слѣдуемой суммы денегъ за бібліотеку, но не давъ никакого обезпеченія въ томъ, что договоръ 5 августа имъ будетъ исполненъ, не поцеремонился перевезти ее въ свое имѣніе Линово, захвативъ кстати чужія книги и рукописи, бывшія во временномъ пользованіи Бобровскаго (между ними—и древнюю харатейную псалтирь св. Нико-

лаевской церкви). Мало того, Тренбицкій, какъ слышно отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, присвоилъ себѣ даже частную переписку (что также подтверждено и показаніями очевидцевъ): три или четыре мѣшка съ бумагами (кромѣ библіотеки) поступили въ обладаніе Тренбицкаго. Впослѣдствіи оказалось, что часть бумагъ и переписки попала въ другія руки, чѣмъ и объясняется, по моему мнѣнію, обнаруженіе, между прочимъ, второй половины Супрасльской рукописи у какаго-то г. Стрельбицкаго, отъ котораго четыре тетради попали въ Петербургъ, а прочія достались графу Замойскому ¹⁾. Какъ видно изъ хода многолѣтней переписки съ опекою, образъ дѣйствія мѣстныхъ властей, депутата отъ духовенства, дворянской опеки и пристава или ассесора,—во всемъ этомъ дѣлѣ набрасываетъ на нихъ весьма некрасивую тѣнь и даетъ понятіе объ отношеніяхъ этихъ людей къ памяти ученаго и къ собственности оставленныхъ имъ малолѣтнихъ сиротъ, ближайшихъ наслѣдниковъ его имени и имущества.

Итакъ, библіотека и многія бумаги съ письмами Бобровскаго перешли къ Тренбицкому въ 1848 году. Уплативъ до 1050 руб. матери наслѣдниковъ, умершей въ 1854 году, онъ откладывалъ уплату остальныхъ денегъ (1,650 руб. кромѣ $\%$), потомъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а послѣ его смерти, въ началѣ 1860-хъ годовъ, библіотека перешла къ наслѣдникамъ Тренбицкаго, которые также неудовлетворили законныхъ претензій наслѣдниковъ Бобровскаго.

¹⁾ Дѣло по архиву литовской духовной консисторіи за № 928: «О смерти пружанскаго благочиннаго профессора Михаила Бобровскаго». Переписка наслѣдниковъ Бобровскаго съ дворянскою опекою, по поводу злоупотребленія опекуна Сеньковского и проч.—Библиографія (польская) Эстрейхера, т. I, стр. 101, гдѣ сказано о сочиненіи Бобровскаго подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ», съ оговоркою: «эту рукопись Бобровскій имѣлъ въ 1846 г.» Тамъ же, подъ фамиліей Владиславъ Тренбицкій (Trebicki) сказано, что онъ оставилъ нѣсколько десятковъ томовъ библиографическихъ записокъ.—Лит. епарх. вѣд. 1866 г. № 20, 21. «Древняя харатейная псалтирь виленской св. Николаевской церкви»—ст. П. Янковскаго. Авторъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Тренбицкимъ, какъ литераторъ, и съ мѣстнымъ духовенствомъ; въ его разсказѣ по поводу перехода рукописей отъ Бобровскаго къ Тренбицкому неточности очевидны; сличи мою статью «Судьба супрасльской рукописи», изд. въ 1887 г. П. В.

Бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ говорилъ мнѣ, что онъ желалъ приобрѣсти библіотеку профессора Бобровскаго для виленскаго музея; наслѣдники Тренбицкаго за нее спрашивали 10,000 руб. сер.; цѣна эта генералъ-губернатору Кауфману показалась слишкомъ большою и библіотека продана въ Варшаву ординату графу Замойскому. Не у графа ли Замойскаго въ Варшавѣ хранится та часть трудовъ и писемъ Бобровскаго, которые попали къ помѣщику Тренбицкому при перевозѣ въ Линово купленной имъ библіотеки?

Въ числѣ книгъ, попавшихъ въ руки Тренбицкаго и перешедшихъ отъ него или къ его наслѣдникамъ, или къ графу Замойскому, находилось не мало рѣдкостей; упомяну только о двухъ мнѣ извѣстныхъ: 1) золотая медаль въ память Воздвиженія честнаго и животворящаго креста съ греческой надписью и осмиконечнымъ крестомъ, и 2) псалтирь на пергаментѣ *in folio*, написанная съ титлами замѣчательно отчетливымъ и красивымъ почеркомъ. Заглавныя буквы отдѣланы золотомъ и киноварью. На поляхъ съ большимъ искусствомъ представлено въ символическихъ изображеніяхъ, отдѣланныхъ золотомъ и красками, содержаніе каждаго псалма.

Древняя харатейная псалтирь, какъ мнѣ извѣстно, продана однимъ изъ наслѣдниковъ Владислава Тренбицкаго, кажется за 10,000 руб., графу Шереметеву, и находится теперь въ музеѣ Императорскаго русскаго общества древней письменности. Только благодаря заботливости и розыскамъ протоіереевъ Михаила Токаревскаго и Николая Жуковича, мнѣ удалось, въ февралѣ 1888 г., получить нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ особенное значеніе для біографіи имѣетъ сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго (съ 1830 по 1847 г.); онъ хранился у отца Владиміра, сына священника Андрея Кургановича, глубокаго почитателя профессора.

Передъ окончаніемъ печатанія настоящаго очерка мы получили отъ протоіерея Андрея Демяновича, настоятеля Замковой церкви въ Варшавѣ, коллекцію снимковъ съ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей, писанныхъ кириллицей и глаголицей, Ватиканской и Парижской библіотекъ, полный списокъ Хорватской лѣтописи, съ замѣтками, и нѣсколько другихъ цѣнныхъ для

филологіи матеріаловъ, всего до 40 предметовъ. Эти снимки приобрѣтены о. Демяновичемъ отъ какого-то помѣщика и берегались имъ въ церковной ризницѣ. За сохраненіе и доставленіе намъ этихъ документовъ приносимъ усердную благодарность о. Андрею.

П. О. Вобровскій.

15 апрѣля 1889 г.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРИИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА V ¹⁾.

Панихида по Бездннскимъ крестьянамъ, убитымъ при столкновеніи ихъ съ военной силой.—Переписка казанскаго губернатора и попечителя учебнаго округа по поводу этого событія.—Розыскъ рѣчи Аф. Прок. Шапова, произнесенной имъ на панихидѣ.—Содержаніе этой рѣчи, личность автора ея и настроеніе умовъ въ Казани, вызванное манифестомъ 19 февраля—по донесенію кн. Вяземскаго Министру Нар. Пров.—Отношеніе казанскаго архіепископа къ дѣлу.—Письменное объясненіе проф. Шапова по поводу его рѣчи на имя архіепископа Аевнасія съ изложеніемъ ея содержанія.—Разслѣдованіе дѣла о панихидѣ и о рѣчи Шапова начальствомъ казанской духовной академіи.—Высылка Шапова въ С.-Петербургъ.—Заявленіе девяти студентовъ казанскаго университета академическому начальству.—Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла и рѣшеніе.

1861-й годъ.

Манифестомъ покойнаго Государя Императора отъ 19 февраля 1861 года возвѣщенъ былъ русскому народу великій социальный переворотъ. Вслѣдъ затѣмъ случилось извѣстное кровопролитіе въ селѣ Безднѣ Спасскаго уѣзда (Казанск. губерніи).

По убитымъ въ этомъ кровопролитіи крестьянамъ въ Казани была отслужена панихида въ кладбищенской церкви. Въ ней приняли участіе и студенты университета.

Слухъ о ней, а равно и о рѣчи, произнесенной во время нея преподавателемъ университета и духовной академіи Шаповымъ, распространившись по всему городу, дошелъ сейчасъ же до начальника

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXI, мартъ, стр. 557—576; т. LXII, апрѣль, стр. 85—106

губерніи. Послѣдній не замедлилъ, 17-го апрѣля 1861 г., увѣдомить о немъ попечителя князя Вяземскаго и просилъ его «для предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ не оставить распоряженіемъ о нѣкоторомъ болѣе строгомъ наблюденіи за духомъ, мнѣніями и дѣйствіями студентовъ ¹⁾». Попечитель 18-го апрѣля опредѣленно ему отвѣчаетъ, что «рѣчь преподавателя Щапова, произнесенная имъ въ церкви на панихидѣ по убитымъ крестьянамъ, какъ принадлежащаго къ духовному званію, не подлежитъ обсужденію казанскаго университета, но что вообще такой со стороны его поступокъ не одобряется университетскою корпораціею и возбудилъ въ ней неудовольствіе противъ него». Что же касается духа студентовъ, то «до сихъ поръ не замѣчено между ними ни противословнаго, ни противоправительственнаго раздраженія». Впрочемъ, за дальнѣйшее князь Вяземскій не ругается ²⁾.

Желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о панихидѣ, онъ обращается къ инспектору Янишевскому съ просьбой сообщить ему о бывшихъ на панихидѣ студентахъ, а также и о томъ—не замѣтно ли вообще между студентами вреднаго направленія по поводу происшедшихъ событій ³⁾.

Инспекторъ отвѣчаетъ, что фамилии всѣхъ студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, ему неизвѣстны, но число ихъ, какъ онъ послѣ слышалъ, доходить до ста или до ста двадцати ⁴⁾. Относительно «вреднаго вліянія» онъ говоритъ, что «кромѣ увлеченій молодости, заставляющихъ иногда студентовъ впадать въ ошибки», имъ «ничего до сихъ поръ замѣчено не было, что бы имѣло вредный политическій характеръ ⁵⁾».

Послѣ этихъ справокъ казанская администрація начала вникать глубже въ происшествіе. Губернаторъ Козляниновъ потребовалъ у Щапова рѣчь, произнесенную имъ на панихидѣ. Щаповъ сказалъ что кто-то изъ студентовъ у—та взялъ ее у него послѣ произнесенія ⁶⁾. Попечитель предлагаетъ инспектору разыскать эту рѣчь, «однако, безъ огласки» «и не придавая дѣлу особенной важности ⁷⁾».

Инспекторъ, получивъ это предложеніе, отвѣчаетъ, что онъ не

¹⁾ Дѣло канц. попеч., 1.

²⁾ Тамъ-же, 2.

³⁾ Тамъ-же, 5.

⁴⁾ Д. к. п. Однако, шестерыхъ онъ называетъ: Рычковъ, Смирновъ Иванъ, Егоровъ, Лебедевъ, Косьминскій, Дементьевъ и Беневитскій.

⁵⁾ Тамъ-же, 11.

⁶⁾ Тамъ-же, 7.

⁷⁾ Тамъ-же, 23.

находить «никакихъ средствъ исполнить это безъ довольно большой огласки между студентами, ибо указаніе Щапова совершенно неопредѣленное». «Огласка же, по соображенію инспектора,—«можетъ послужить къ совершенному уничтоженію рѣчи г. Щапова, если она существуетъ, и такимъ образомъ повредить общему ходу дѣла ¹⁾».

22-го апрѣля 1861 г. кн. Вяземскій обо всемъ, что онъ узналъ по дѣлу панихиды, сообщаетъ министру народнаго просвѣщенія, представивъ при этомъ какое-то подметное письмо, которое, по его словамъ, «есть явная мистификація и насмѣшка, вѣроятно, студентовъ». «Надо сказать, замѣчаетъ кн. Вяземскій, что подметныя письма и пасквили вообще здѣсь въ ходу». А о панихидѣ, о которой—«много разнородныхъ толковъ», онъ слышалъ слѣдующее: «говорятъ, что Щаповъ сказалъ, что ученіе Спасителя было демократическое; что онъ говорилъ по поводу Антона Петрова, о лжепророкахъ, являющихся между низшими слоями общества, и о вѣрѣ въ нихъ народа вслѣдствіе вѣковаго пренебреженія о его просвѣщеніи; о проліяніи крови неповинныхъ, вслѣдствіе несовершенства нашего законодательства; говорилъ будто бы о конституціи, какъ единственномъ условіи для успѣшнаго устройства новаго положенія.

«Дѣло происходило въ церкви, Щаповъ принадлежитъ къ духовному званію, въ этомъ качествѣ произнесъ рѣчь послѣ панихиды; дѣло производится въ духовномъ вѣдомствѣ и оно такъ важно, что мнѣ кажется необходимымъ имѣть положительное свѣдѣніе отъ его высокопреосвященства для правильнаго обсужденія степени его (Щапова) виновности въ отношеніи къ университету, въ который онъ приглашенъ, какъ временный преподаватель,—для ближайшаго съ нимъ ознакомленія. Профессоры университета осуждаютъ сильно его выходку и вообще его неосторожность, но многіе полагаютъ, что онъ преподаватель весьма полезный и долженъ исправиться при большемъ столкновеніи съ людьми практическими. Условія его затворническаго воспитанія и, вообще, всей его жизни объясняютъ отчасти его промахи и увлеченія; но трудолюбіе его, ученость, талантъ—несомнѣнны, и въ отсутствіи всякаго вѣроломства я также вполне убѣжденъ. По моему убѣжденію необходимо дѣйствовать примирительно,—и лица и сословія дѣйствуютъ неосторожно и не имѣютъ политическаго такта; раздражительность и выходки однихъ вызываютъ раздраженіе и выходки въ другихъ. Можетъ быть, карать иногда необходимо и за ошибки, и за проступки, но опасно увеличивать раздраженіе и осо-

¹⁾ Д. К. П., 24.

бенно заслужить упрекъ въ несправедливости потому, что много нынѣ скопилось ошибокъ и проступковъ со всѣхъ сторонъ. Неосторожныхъ выходовъ было много, и сплетни расходятся ежеминутно и мгновенно по всему городу. Члены одного и того же семейства, смотря по возрасту, негодуютъ на настоящее преобразование и стремятся возбудить кризисъ безъ ясной мысли о его исходѣ, или сочувствуютъ съ нетерпѣливымъ и неосторожнымъ увлеченіемъ ¹⁾».

Между тѣмъ и архіепископъ казанскій и свѣяжскій Аѳанасій съ своей стороны производилъ дознаніе, призвавъ Щапова. Послѣ словеснаго съ нимъ объясненія, архіепископъ Аѳанасій велѣлъ ему изложить содержаніе рѣчи его, Щапова, письменно; но Щаповъ не представилъ этого изложенія. Увѣдомля объ этомъ казанскаго военнаго губернатора, архіепископъ замѣчаетъ: «я считаю нужнымъ присовокупить, что Щаповъ служить не только въ духовной академіи бакалавромъ, но и въ у—вѣ адъюнктъ-профессоромъ, что о немъ, по прошенію его, производится въ академическомъ правленіи дѣло объ увольненіи его не только отъ духовно-училищной службы, изъ академіи, но и отъ духовнаго званія». Поэтому архіепископъ Аѳанасій думаетъ, что въ случаѣ дальнѣйшей уклончивости Щапова дать письменное объясненіе, кромѣ полицейскаго дознанія, его можно будетъ подвергнуть законному слѣдствію, которое должно быть назначено по распоряженію военнаго губернатора ²⁾. Но Щаповъ представилъ, наконецъ, преосвященному Аѳанасію письменное объясненіе ³⁾. Вотъ оно: «по требованію вашего высокопреосвященства объясняю, что я сказалъ рѣчь въ кладбищенской церкви, послѣ панихиды по убитымъ крестьянамъ Спасскаго уѣзда, села Бездны, по невольному состраданію къ несчастнымъ, согласно съ обще-христіанскимъ человѣколюбивымъ сочувствіемъ къ нимъ. Когда на кладбищѣ толпами собирались студенты у—та, я пошелъ вслѣдъ за ними и узналъ, что они хотятъ отправить панихиду по «убіеннымъ въ смятеніи». Это стеченіе съ христіанско-человѣколюбною цѣлью возбудило во мнѣ слезы и я тутъ-же на кладбищѣ набросалъ на бумагѣ краткую рѣчь, предполагая сказать ее на какой нибудь могилѣ, гдѣ сначала думали служить панихиду. Когда панихиду рѣшились служить въ церкви, то какъ ни удерживался я, но вмѣстѣ съ слезой рѣчь моя невольно излилась изъ глубины души, когда человѣкъ 400 въ одинъ голосъ, многие со слезами, заплѣли: «вѣчная память». Это церковное собраніе напо-

¹⁾ Д. канц. попеч., 12 и 13.

²⁾ Тамъ-же, 16 и 17.

³⁾ Тамъ-же., 18.

мянуло мнѣ извѣстныя въ древне-христіанской церкви агапы, когда всѣ пѣли и всякій, кто вдохновлялся, говорилъ какое нибудь назиданіе. Я говорилъ не возмутительныя слова, почему и не было и не могло быть на кладбищѣ никакого смятенія. Я говорилъ: Христось Богъ нашъ, возвѣщая истинную свободу и братство, отъ Пилатова суда умеръ на крестѣ, искупивъ Своею кровію всѣхъ насъ. Вы, други, увлеклись ложною свободою, возвѣщенною (?) вамъ вашимъ ложнымъ пророкомъ. Тутъ я вкратцѣ говорилъ объ историческомъ происхожденіи ложныхъ пророковъ въ Россіи, которые въ первой половинѣ XVIII в. являлись въ Россіи и называли себя Христами. Потомъ изъ этого я вывелъ, что убитые увлеклись ложною свободою, потому что мы не уяснили имъ истинной свободы, не заботясь почти нисколько о ихъ просвѣщеніи. Я заключилъ: «Вы пали по невинному невѣдѣнію жертвой за то, что мы, служа просвѣщенію, не просвѣтили васъ, заблудшихъ сыновъ отечества. Простите насъ. Миръ праху вашему и вѣчная память». Когда я только что кончилъ рѣчь и весь былъ въ волненіи, кто-то изъ студентовъ у—та взялъ у меня рѣчь. Я даже не обратилъ на него никакого вниманія, потому что въ рѣчи ничего возмутительнаго не было. Рѣчь эта, говорятъ, изорвана, какъ ненужная болѣе никому»¹⁾.

Дѣло о панихидѣ разбиралось и въ духовной академіи, такъ какъ ея студенты тоже въ ней участвовали. Ректоръ академіи, архимандритъ Іоаннъ, сдѣлавъ дознаніе по этому происшествію, представилъ собранію членовъ внутренняго правленія записку слѣдующаго содержания: «Немедля начавъ по сему обстоятельству дѣлать имъ (студентамъ) допросы порознь, онъ убѣдился, что присутствіе ихъ при панихидѣ было дозволено ими себѣ безъ всякаго предварительнаго или обдуманнаго намѣренія и безъ точныхъ свѣдѣній о сущности сего дѣла; между тѣмъ сами студенты, по собственному побужденію, сочли нужнымъ представить ему, ректору, письменное объясненіе по сему дѣлу. Отъ студентовъ ректору прописано: «вслѣдствіе разнесшихся въ городѣ неблагопріятныхъ толковъ объ отправленной со стороны у—та въ церкви градскаго казанскаго кладбища панихидѣ по крестьянамъ, убитымъ въ селѣ Везднѣ Спасскаго уѣзда, и замѣченнаго присутствія ихъ, студентовъ, при сей панихидѣ, и вслѣдствіе допросовъ его, ректора, дѣланныхъ имъ, студентамъ, по одиночкѣ, они считаютъ долгомъ, для опроверженія, неумѣстныхъ постороннихъ толкованій и предупрежденія дальнѣйшихъ, представить объясненіе общихъ ихъ мыслей по этому дѣлу: 1) 16-го сего апрѣля они услышали, что отъ

¹⁾ Д. к. н., 19 и 20.

у—та будетъ отправлена панихида по означеннымъ убиеннымъ. Они воспользовались «свободнымъ отъ занятій временемъ» и отправились на панихиду. «Это они сдѣлали безъ всякаго плана». Не зная самой цѣли панихиды, они присутствовали при ней безъ всякой особой цѣли, а единственно побуждаемые христіанскимъ состраданіемъ и сожалѣніемъ къ крестьянамъ». Что касается рѣчи Щапова, то они «слышали только нѣсколько отдѣльныхъ словъ» «по нераздѣльности обыкновенной его дикціи, а также и потому, что Щаповъ говорилъ рѣчь прерывающимся голосомъ». До самаго произнесенія г. Щаповымъ рѣчи они не знали ни о какой и ни о чьей рѣчи». Подъ такого рода объясненіемъ подписалось 37 человекъ. Собраніе членовъ внутренняго правленія, выслушавши это, опредѣлило: «принять къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребныхъ случаяхъ соображенію». Кромѣ этого, оно также опредѣлило: «строжайшимъ образомъ обязать студентовъ, чтобы впредь, во избѣжаніе подобныхъ неприятныхъ случаевъ, они, съ величайшею осмотрительностью обдумывали свои поступки и ни подъ какимъ видомъ не дозволяли себѣ присоединяться къ постороннимъ дѣламъ» ¹⁾.

Такъ разбирали это дѣло въ Казани. Но въ Петербургѣ оно обратило на себя серьезное вниманіе, такъ какъ въ немъ увидали важную политическую демонстрацію. Вслѣдствіе этого, для ея изслѣдованія въ Казань, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ генералъ-адъютантъ Бибииковъ ²⁾. Что такое онъ нашелъ—изъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, не видно. Можно усмотрѣть только то, что онъ имѣлъ объясненіе съ попечителемъ кн. Вяземскимъ и съ профессорами университета, которые ему представлялись, въ результатѣ же пріѣзда его въ Казань получилось его предписаніе о высылкѣ Щапова въ Петербургъ ³⁾. Это произошло 28-го апрѣля, а 29-го попечитель рекомендуетъ Щапова министру, какъ человека «трудолюбиваго, ученаго и съ особеннымъ навыкомъ, выразившаго въ послѣднее время желаніе быть командированнымъ въ С.-Петербургъ, въ надеждѣ быть причисленнымъ къ археографической комиссіи». Князь Вяземскій проситъ обратить на Щапова вниманіе ⁴⁾. Послѣдній, получивъ 200 руб. прогонныхъ денегъ, выѣхалъ ⁵⁾.

¹⁾ Д. в. п., 29 и 30.

²⁾ Тамъ-же, 8.

³⁾ Тамъ-же, 31.

⁴⁾ Тамъ-же, 38.

⁵⁾ Тамъ-же, 40. Щапова провожали очень много студентовъ и нѣсколько чиновъ полиціи съ жандармскимъ полковникомъ во главѣ. Когда пароходъ отошелъ отъ казанской пристани, Щапову было объявлено, что онъ находится подъ арестомъ.

Затѣмъ и духовное вѣдомство не оставило казанскую панихиду своимъ вниманіемъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго синода, «для приведенія въ должную ясность участія въ этомъ происшествіи лицъ духовнаго вѣдомства», «командировалъ въ Казань оберъ-секретаря синода коллежскаго совѣтника Олферьева вмѣстѣ съ духовнымъ лицомъ», «по назначенію митрополита московскаго» ¹⁾). Къ счастью «лицъ духовнаго вѣдомства», вдругъ, неожиданно для всѣхъ, сами студенты у—та успѣли ихъ оправдать ²⁾). Они, въ числѣ 9 человекъ, подали «во внутреннее правленіе» казанской духовной академіи письменное объясненіе такого содержанія: «До насъ дошли слухи, что инициатива панихиды, совершенной 16-го апрѣля, приписана преимущественно студентамъ духовной академіи. Мы же нижеподписавшіеся утверждаемъ, что она принадлежитъ студентамъ у—та, равно какъ и переговоры съ куртинскимъ священникомъ и всѣ распоряженія и расходы по этому случаю; вслѣдствіе чего мы считаемъ долгомъ заявить это правленію духовной академіи. Вообще, студенты духовной академіи были посторонними и случайными посѣтителеми при панихидѣ и мы не знаемъ, какъ они тутъ случились». А вслѣдъ за 9-ю подписями—Postscriptum ³⁾): «Подписалось подъ этимъ объясненіемъ такъ мало потому, что большая часть студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, разъѣхались на каникулы, а нѣкоторые считаютъ излишнимъ подписываться теперь, думая, что ихъ спросятъ послѣ» ⁴⁾).

Это-то обстоятельство, кажется, и послужило поводомъ къ тому, что въ Казань для изслѣдованія дѣла о панихидѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. О томъ, какимъ образомъ онъ велъ изслѣдованіе и какихъ достигъ результатовъ—въ архивѣ университетскомъ не имѣется данныхъ: извѣстно только то, что «объ оказавшемся по сему дознанію было представлено мин. внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія». Здѣсь по «оказавшемуся» были сужденія. Государь императоръ, «разсмотрѣвъ ихъ, высочайше соизволилъ повелѣть»: 9 студентовъ, подписавшихся подъ вышеприведеннымъ

¹⁾ Д. к. п., 43.

²⁾ Сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько человекъ изъ духовной академіи поплавились не дешево за свое участіе въ панихидѣ.

³⁾ Подписавшіеся подъ заявленіемъ: Кулаевскій, Протопоповъ, Беневитскій, Умновъ В., Федяй, Ягодинскій, Николай Песковъ, Пребдстингъ, Тутолминъ.
Н. 'Ф.

⁴⁾ Д. к. п., 47.

объясненіемъ, исключить изъ у—та; «относительно-же прочихъ студентовъ оставить это дѣло безъ послѣдствій» ¹⁾).

Совѣтъ у—та выслушалъ все это въ засѣданіи 2-го декабря и постановилъ: «донести попечителю, что изъ числа студентовъ, упомянутыхъ въ этотъ предложеніи, Беневитскій, Пребстингъ и Тутолминъ утверждены въ званіи дѣйствительныхъ студентовъ и не подлежатъ болѣе вѣдѣнію у—та—объ удаленіи-же остальныхъ сообщить правленію у—та, что исполнено» ²⁾).

ГЛАВА VI.

Мѣры правительства къ предотвращенію студенческихъ беспорядковъ.—Разъясненія министра графа Путятина.—Вопросъ о выборѣ студенческихъ депутатовъ съ точки зрѣнія инспектора студентовъ казанскаго университета и съ точки зрѣнія министра народнаго просвѣщенія.—Тревожныя вѣсти изъ Петербурга.

1861 г.

Вслѣдъ за исторією, рассказанною въ предъидущей главѣ, правительство принимаетъ слѣдующія мѣры къ предотвращенію студенческихъ беспорядковъ въ университетахъ на будущее время.

«Государь императоръ,—пишетъ графъ Путятинъ, который, между тѣмъ, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, казанскому попечителю,—признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами по случаю непрерывно возникающихъ беспорядковъ, удостоилъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, высочайше повелѣтъ соизволилъ ³⁾»:

¹⁾ Д. к. п., 51. Это сообщилъ министръ народ. просвѣщ. графъ Путятинъ кн. Вяземскому.

²⁾ Тамъ-же, 54. Беневитскаго, Н. Пескова и В. Умнова въ это время уже не было въ Казани, такъ какъ всѣ они были удалены изъ города за другіе беспорядки, какъ дальше узнаемъ, но исключеніи послѣднихъ двухъ изъ у—та. Кромѣ В. Умнова и Протопопова, остальными 4-мя (Кулаевскій, Федяй, Ягодинскій, Н. Песковъ) тѣмъ-же высочайшимъ повелѣніемъ было разрѣшено поступить въ у—тъ или на службу (84, 105, 117). Беневитскому, Тутолмину и Пребстингу были выданы свидѣтельства на званіе дѣйств. студент. (92).

³⁾ Вслѣдъ за бумагой, въ которой министръ сообщаетъ высочайшее повелѣніе, послѣдовала отъ него другая, разъясняющая это повелѣніе. Для болѣшаго удобства, разъясненія и дополненія министромъ нѣкоторыхъ пунктовъ высочайшаго повелѣнія мы будемъ приводить въ выносахъ. Н. О.

1) Производить прѣмные экзамены желающимъ поступить въ у—тъ въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ у—та, къ округу коего принадлежитъ гимназія.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ у—та, воспрещая положительно всякія сходки безъ разрѣшенія начальства, и объясненія съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищъ ¹⁾).

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ, шумнаго одобренія или порицанія преподаванія ²⁾).

4) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ у—тѣ. Не исполняющихъ сихъ правилъ, не смотря на сдѣланныя имъ напоминанія, увольнять изъ у—та, не подвергая ихъ какимъ либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ ³⁾).

¹⁾ Разъясн. министра: «Но какъ между тѣмъ можетъ встрѣтиться студентамъ надобность въ дозволенныхъ уже начальствомъ совѣщаніяхъ по предметамъ, имѣющимъ учебную или благотворительную цѣль, на примѣръ, употребленіе жертвуемыхъ ими же суммъ на пособія своимъ товарищамъ, заведеніе общихъ для собственныхъ учебныхъ занятій—библіотекъ и т. п., то для распоряженія въ такихъ случаяхъ и заявленія унив. начальству о нуждахъ студентовъ, правленіе избираетъ отдѣльно по каждому факультету или разряду онаго и курсу, кромѣ перваго, по нѣскольکو студентовъ, при чемъ отъ старшаго курса, какъ болѣе зрѣлаго, выбираются до четырехъ, отъ прочихъ, кромѣ перваго, не болѣе двухъ отъ cadaго.

Собираемая ими жертвуемая денги, съ изъясненною цѣлью, должны храниться въ правленіи университета и быть употребляемы по назначенію выборныхъ студентовъ, но съ согласія и одобренія ректора или инспектора».

²⁾ Разъясн. министра: «Студентъ, позволившій себѣ это, не смотря на сдѣланное ему двукратное напоминаніе, нарушеніе порядка, исключается изъ списка студентовъ, или-же, смотря по степени вины, удаляется изъ у—та. Исключенный, по истеченіи года, можетъ быть принятъ вновь въ у—тъ, если представитъ удовлетворительное свидѣтельство объ его поведеніи за время небытности въ у—тѣ; удаленный же не только лишается вовсе права на поступленіе въ тотъ-же у—тъ, но и въ другіе у—ты допущенъ не будетъ, для чего о немъ и дается своевременно свидѣніе всѣмъ у—тамъ. Само собой разумѣется, что этимъ ограничивается взысканіе за такіе проступки, которые не подлежатъ суду по законамъ».

³⁾ Разъясн. министра: «Университетское начальство, не принимая особенныхъ мѣръ побужденія къ посѣщенію лекцій, должно съ тѣмъ болѣею

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью аудиторіи, съ предоставленіемъ при томъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17 лѣтняго возраста. Отмѣнить форменную одежду и не дозволять пошеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7, 8 и 9) говорить объ освобожденіи отъ денежнаго взноса, о назначеніи стипендій и пособій. Все это предоставляется отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Выборъ ректоровъ и проректоровъ производить на точномъ основаніи устава 1835 г.

10) Данную въ 1851 г. ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ оной, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкціи.

11) О правахъ окончившихъ курсъ, которыя предписывается сохранить, какъ они были.

12) Предоставить М. Н. Пр. составить соображенія объ увеличеніи содержанія преподавателей въ у—тахъ.

13) Всѣ вышеописанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно «и по мѣрѣ возможности».

Сообщая это высочайшее повелѣніе попечителямъ учебныхъ округовъ къ руководству и исполненію, графъ Путятинъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять, что добросовѣстное исполненіе университетскими преподавателями ихъ обязанностей составляетъ самое существенное условіе сохраненія университета въ спокойствіи и должномъ порядкѣ, и далѣе пишетъ: «гг. ректоры и деканы, слѣдя непрестанно за ходомъ университетскаго преподаванія, помогутъ менѣе опытнымъ своимъ совѣтомъ и указаніями, а въ случаѣ нужды и напоминаніями, дабы предотвратить то легкомысленное небреженіе, или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей». Въ заключеніе министръ говоритъ объ отвѣтственности за возрастающее молодое поколѣніе, которая поκειται на учащихъ и управляющихъ, въ томъ числѣ и на немъ, министрѣ: «потому снисходительность къ тѣмъ, кто уклоняется отъ исполненія своего долга,

строгостью удостовѣряться на переводныхъ (курсовыхъ) экзаменахъ, въ какой мѣрѣ студентъ воспользовался преподаваніемъ. Студентъ, не выдержавшій удовлетворительнаго переводнаго испытанія, исключается изъ университета».

как противузаконная, не должна и не будетъ имѣть мѣста» ¹⁾. Прочитавъ вышеизложенное, инспекторъ студентовъ, профессоръ Янишевскій, почелъ нужнымъ донести, что онъ признаетъ предложенную министромъ мѣру объ избраніи студенческихъ депутатовъ чрезъ правленіе университета не цѣлесообразною, и предложилъ на благоусмотрѣніе начальства свое мнѣніе по этому предмету.

«Что касается до выбора депутатовъ правленіемъ, а не студентами, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи попечителю, то я долженъ сказать, что на депутатовъ, избранныхъ правленіемъ, студенты будутъ смотрѣть недовѣрчиво и вслѣдствіе этого будутъ возникать неудовольствія, такъ что было бы гораздо удобнѣе предоставить самимъ студентамъ избирать депутатовъ, только представляя ихъ на утвержденіе правленія у—тета» ²⁾.

Попечитель это мнѣніе инспектора представилъ на благоусмотрѣніе министра и получилъ въ отвѣтъ: «имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что такой порядокъ не согласенъ съ духомъ высочайшаго повелѣнія о недозволении между студентами сходокъ и соборщъ, такъ какъ всякое допущеніе массы учащихся къ какому бы то ни было избранію изъ среды своей можетъ и будетъ служить всегда поводомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, къ запрещеннымъ студенческимъ сходкамъ, отклоненіе коихъ и даже самаго повода къ тому должно быть предметомъ особой заботливости начальства» ³⁾.

Это предписывалось 13-го сентября 1861 года.

Вскорѣ произошли безпорядки въ с.-петербургскомъ у—тетѣ. Начали ожидать ихъ и въ казанскомъ, почему министръ спѣшить напомнить попечителю объ обязанности его, попечителя—кн. Вяземскаго, потушить безпорядки, если они случатся.

«Вслѣдствіе безпорядковъ,—увѣдомляетъ министръ телеграммой,—закрыты лекціи и входъ въ с.-петербургскій университетъ; если въ вашемъ университетѣ возникнутъ замѣшательства, требующія сильныхъ мѣръ, то обратитесь къ губернатору и съ его разрѣшенія употребите тѣ-же средства» ⁴⁾. Ожиданіе оказалось основательнымъ.

¹⁾ Высоч. пов. Д. к. п. 1 и 2; разъяснен. мин. Д. к. п. 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

²⁾ Д. к. п. 26.

³⁾ Тамъ-же, 30.

⁴⁾ 26-го сент. — Д. к. п. 14.

ГЛАВА VII.

Октябрьская студенческая исторія. — Поводъ и предлогъ къ ея произведенію. — Студенческая демонстрація противъ профессора Больцани. — Демонстрація противъ инспектора Янишевскаго въ его квартирѣ. — Закрытіе университета. — Уличная демонстрація предъ квартирой попечителя по сообщеніямъ о ней кн. П. П. Вяземскаго и казанскаго полиціймейстера.

1861 г.

Безпорядки не замедлили случиться. Поводомъ къ нимъ послужило неудовольствіе студентовъ на профессора физики Больцани, лекціи котораго студенты считали неудовлетворительными. Это они высказывали инспектору въ студенческой читальной. Болѣе другихъ горячился исключенный студентъ Олигеръ, однако, выбранный студентами въ библиотекари этой читальной.

Такъ какъ это сдѣлалось извѣстнымъ попечителю, то онъ и поспѣшилъ сообщить объ Олигерѣ военному губернатору, прося его выслать Олигера изъ города, какъ человѣка вреднаго для спокойствія университета ¹⁾).

Это распоряженіе попечителя, въ соединеніи съ неудовольствіемъ на профессора Больцани, вызвало сейчасъ же студенческую исторію. Въ предложеніи своемъ отъ 7-го октября попечитель сообщаетъ совѣту университета: «студенты казанскаго у—тета, въ числѣ около 30 человѣкъ, явились сегодня ко мнѣ съ жалобой на неудовлетворительное преподаваніе профессора физики Больцани, при чемъ объявили, что лекцій, читанныхъ имъ въ аудиторіи, они не понимаютъ, письменныхъ же лекцій онъ не сдаетъ. Все это рѣшительно отнимаетъ у нихъ средства заниматься надлежащимъ образомъ физикой. вмѣстѣ съ тѣмъ эти же студенты просили меня о удаленіи изъ города уволеннаго въ прошедшемъ году изъ у—тета, по распоряженію начальства, студента Олигера» ²⁾). Тутъ попечитель спрашиваетъ совѣтъ у—тета: — можетъ-ли Олигеръ, подавшій, какъ онъ узналъ, прошеніе о зачисленіи его въ студенты, быть принятъ въ у—тетъ.

Еще не выслушали члены совѣта этого предложенія попечителя, какъ отъ князя Вяземскаго, 8-го октября, въ совѣтъ поступаетъ дру-

¹⁾ Дѣло канц. попеч., 2. — 5-го октября.

²⁾ Примѣчаніе: спрашивая объ этомъ, онъ получаетъ увѣдомленіе отъ полиціймейстера, что Олигеръ выѣхалъ изъ города. Н. О.

гое, въ которомъ, послѣ указанія на предложенныя министромъ мѣры, уже извѣстныя намъ, но не извѣстныя до того времени совѣту, сообщается о новыхъ безпорядкахъ, случившихся въ квартирѣ инспектора ¹⁾. А въ квартирѣ инспектора, 8-го октября, произошло вотъ что. Къ нему пришла толпа студентовъ и попросила служителя Козловскаго доложить о своемъ приходѣ. Тотъ доложилъ. «Въ это время, рассказываетъ инсп. Янишевскій, я пилъ чай въ комнатѣ, отдѣляющейся отъ залы двумя другими комнатами». Инспекторъ вышелъ къ нимъ. Они требовали объясненій. Онъ объявилъ, что не можетъ съ ними объясняться. Тогда они закричали: «Вонъ, вонъ! мы не хотимъ инспектора, намъ не надо инспектора». «Всѣ-ли пришедшіе кричали, заключаетъ свой рассказъ Янишевскій, я рѣшительно не могу сказать; этихъ криковъ я никакъ не ожидалъ, я былъ такъ ошеломленъ, что не видѣлъ даже кто у меня былъ» ²⁾. Такъ рассказываетъ г. Янишевскій. Для бѣльшей полноты приведемъ рассказъ унтеръ-офицера Козловскаго, его служителя.

«Пришелъ студентъ Егоровъ и спрашиваетъ: можетъ-ли инспекторъ принять?»

— Они кушаютъ чай, еще не одѣвши, отвѣчаетъ Козловскій. Егоровъ ушелъ въ читальную комнату. Немного погодя пришла толпа студентовъ, и кто-то изъ нихъ попросилъ доложить инспектору объ ихъ приходѣ.

«Онъ, рассказываетъ Козловскій, сидѣлъ тогда за чаемъ въ одномъ халатѣ и тотчасъ, вставши, вышелъ къ студентамъ въ залу.

«Студенты стали ближе подвигаться къ инспектору и всѣ въ голосъ закричали: вонъ, вонъ!» ³⁾.

Обо всемъ случившемся инспекторъ немедленно донесъ попечителю ⁴⁾.

Объ этихъ-то новыхъ замѣшательствахъ попечитель увѣдомляетъ совѣтъ.

Въ тотъ-же день состоялось его засѣданіе, гдѣ было рѣшено «вопросъ о сборищѣ» «обсуждать въ цѣломъ совѣтѣ, председательство въ которомъ просить его сіятельство принять на себя»; Олигера въ студенты не принимать ⁵⁾, «прекратить на время чтеніе лекцій до восстановления спокойствія» ⁶⁾. и, наконецъ, совѣтъ, «возмущенный по-

¹⁾ Дѣло 3.

²⁾ Д. с. к. 35.

³⁾ Тамъ-же, 392.

⁴⁾ Д. к. п. 13.

⁵⁾ Тамъ-же, 5.

⁶⁾ Тамъ-же, 6.

ступками студентовъ въ квартирѣ инспектора и члена совѣта, считая себя оскорбленнымъ ими», рѣшилъ просить его сіятельство о производствѣ «формальнаго» слѣдствія этихъ поступковъ, съ цѣлью открытія виновныхъ, которые, по мнѣнію совѣта, подлежатъ уголовному суду ¹⁾). Лишь только у—тъ былъ закрытъ, какъ въ него губернаторомъ была назначена рота батальона внутренней стражи подъ начальствомъ маіора Вержбицкаго, которому, «въ видахъ сосредоточенія власти», было поручено и полицейское управленіе въ у—тѣ, съ содѣйствіемъ со стороны университетскихъ чиновниковъ, помощниковъ инспектора. Эта стража должна была прибыть къ 6 часамъ вечера. Еще до ея прибытія въ студенческой читальной собралась большая толпа студентовъ, которая, по сообщенію помощника инспектора Зоммера, «громогласно кричала при рукоплесканіи ура и браво», когда читала объявленіе о закрытіи у—та.

Прибыла стража. Студенты вышли изъ читальной комнаты въ швейцарскую, гдѣ имъ маіоромъ Вержбицкимъ было прочтено распоряженіе о закрытіи у—та и о предписаніи занять его карауломъ. Они вышли изъ у—та.

Многіе изъ студентовъ разошлись. По крайней мѣрѣ, официальная бумага сообщаетъ: «нѣкоторые изъ нихъ оставались съ полчаса на улицѣ и дѣлали ребяческія выходки противъ кн. Вяземскаго, инспектора и караула, который они называли новыми воспитанниками у—та ²⁾).

«Новые воспитанники» вошли и расположились въ у—тѣ. Такъ кончилось 8-е октября ³⁾). Въ слѣдующее 9-е число произошли новыя студенческія волненія. Въ этотъ день, доносилъ телеграммой князь Вяземскій министру народнаго просвѣщенія, «скопище студентовъ въ теченіе двухъ часовъ толпилось около у—та, требуя моихъ объясненій. Маіоръ Вержбицкій и полковникъ Витте объявили, что я не имѣю права объясняться ни съ скопищемъ, ни съ депутатами, что объясненія излишни, дѣло идетъ законнымъ путемъ и, кромѣ указаній правительственныхъ, никакими побужденіями я руководствоваться не могу ⁴⁾). Это сообщеніе попечителя, столь краткое по той

¹⁾ Д. к. п., 6.

²⁾ Д. с. к. 20.

³⁾ Впрочемъ, вечеромъ того-же числа полиціймейстеръ сообщаетъ: «я узналъ, что студенты собираются къ товарищамъ въ домъ Темникова, а потому, вытребовавъ квартирантовъ къ себѣ, обязалъ ихъ подпиской, чтобы они сборищъ у себя не допускали». (Д. с. к. 113 и 114).

Н. О.

⁴⁾ Д. с. к. 29.

причинѣ, что оно сообщается въ телеграммѣ, дополняется сообщеніемъ полиціймейстера Витте ¹⁾. Когда баронъ Витте объявилъ студентамъ объ отказѣ попечителя входить съ ними въ какія бы то ни было объясненія, то,—такъ пишетъ въ своемъ донесеніи онъ, «выслушавши это отъ меня, они стали громко вызывать попечителя, сопровождая эти возгласы аплодированьемъ» ²⁾. Онъ, въ качествѣ оберегателя общественнаго спокойствія, естественно, началъ ихъ уговаривать о прекращеніи вызововъ и аплодисментовъ. Но они не внимали, продолжая кричать»; при этомъ «изъ толпы слышалось слово подлець!» Баронъ не знаетъ только къ кому оно относилось и къмъ было произнесено. Покричавъ и похлопавъ нѣкоторое время, студенты пришли къ убѣжденію о тщетности ихъ вызововъ. Послышались голоса: «Господа, пойдемъ!» ³⁾. И они отправились. «Они пошли, говорить бар. Витте, толпой мимо у—та и клиники и что-то запѣли».

Баронъ не знаетъ, что они запѣли, потому что онъ «не могъ вслушаться», и весьма по уважительной причинѣ: «отъ того, объясняетъ онъ,—что продолжалъ дѣлать имъ внушенія вести себя какъ слѣдуетъ образованнымъ людямъ» ⁴⁾.

Изъ дальнѣйшаго сообщенія барона Витте видно, что студенты встрѣтились съ начальникомъ губерніи и были имъ подозваны. Подозванные, «они выражали недовѣріе къ извѣщенію университетскаго начальства о закрытіи у—та; но услышавъ подтвержденіе о томъ его превосходительства, нѣкоторые изъ нихъ гласно увѣряли, что не сочувствуютъ поступкамъ своихъ товарищей, и крайне скорбятъ о закрытіи университета» ⁵⁾.

¹⁾ Донесеніе Вержбицкаго не противорѣчатъ донесенію полиціймейстера.

²⁾ Д. с. к. 112.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, 113.

ГЛАВА VIII.

Предварительныя мѣры къ разслѣдованію исторіи 8 и 9 октября.—1861 г. Телеграммы попечителя казанскаго учебнаго округа и министра народнаго просвѣщенія по этому предмету.—Сообщеніе губернатора Козлянинова о заявленіи студентовъ IV и V курсовъ медицинскаго факультета, ему сдѣланномъ.—Засѣданіе совѣта университета 10-го октября 1861 г.;—постановленіе его состоявшееся въ этотъ день, объ исключеніи нѣкоторыхъ студентовъ.

1861 г.

9-мъ октяbremъ безпорядки, собственно говоря, на этотъ разъ кончились. Теперь начинается разбирательство дѣла. Просматривая официальные бумаги, къ нему относящіяся, мы прежде всего знакомимся съ цѣлымъ рядомъ телеграммъ между попечителемъ казан. учебн. округа и министромъ народнаго просвѣщенія, вызванныхъ этими безпорядками.

Эти телеграммы служатъ какъ-бы введеніемъ къ тѣмъ даннымъ о дѣлѣ, которыя добыты потомъ судомъ университетскимъ и слѣдствіемъ надъ студентами, участвовавшими въ безпорядкахъ. Онѣ открываются еще 8-го октября телеграммой попечителя къ министру ¹⁾, гдѣ сообщается о закрытіи у—та и о назначеніи въ него караула, и гдѣ также испрашивается позволеніе нарядить надъ виновными «формальное слѣдствіе».

9-го октября министръ отвѣчаетъ ²⁾: «разрѣшаю производить слѣдствіе чрезъ губернатора и виновныхъ предать уголовному суду». Попечитель въ тотъ-же день ставитъ министру вопросъ ³⁾: слѣдуетъ-ли приступить къ исключеніямъ, лишеніямъ стипендій, на основаніи университетскихъ правилъ, или ожидать формальнаго слѣдствія, которое по нынѣшнимъ безпорядкамъ, вѣроятно, будетъ назначено на общемъ основаніи? И получаетъ въ отвѣтъ: «если только нѣкоторые студенты производятъ безпорядки, то, исключивъ ихъ, просить губернатора объ удаленіи главныхъ зачинщиковъ изъ города, на что онъ получить разрѣшеніе отъ своего министра. Если волненіе только въ нѣкоторыхъ курсахъ, то закрыть эти курсы. Если оно общее по всему университету, то закрыть его» ⁴⁾.

¹⁾ Д. к. п., 26.

²⁾ Тамъ-же, 38.

³⁾ Тамъ-же, 30.

⁴⁾ Тамъ-же 37.

Попечитель не замедлил отвѣтить на нее такъ: «Медики двухъ старшихъ курсовъ не одобряютъ безпорядковъ; по соглашенію съ губернаторомъ, будутъ приняты мѣры для скорѣйшаго возобновленія практическихъ лекцій. По курсамъ участниковъ не возможно раздѣлить. Зачинщики и главные участники будутъ удалены» ¹⁾).

Дѣйствительно, 9-го числа, въ день безпорядковъ предъ квартирой попечителя, медики 4-го и 5-го курсовъ, обратившись въ зданіи клиники къ военному губернатору Козлянинову, заявили, что они не участвуютъ въ безпорядкахъ и имъ не сочувствуютъ ²⁾).

Это заявленіе Козляниновъ сообщилъ попечителю, а послѣдній совѣту, который въ своемъ засѣданіи 10-го октября постановилъ допускать къ занятіямъ въ зданіи клиники по прошеніямъ и особымъ билетамъ, выдаваемымъ тѣмъ, кого будетъ разрѣшено допустить. Рядъ телеграммъ заканчивается телеграммой министра, въ которой попечитель получаетъ отъ него слѣдующее лаконическое предложеніе ³⁾: «Можно исключать и лишать стипендій тѣхъ, кои положительно изобличены въ производствѣ безпорядковъ». Это было 10-го октября въ день засѣданія совѣта, когда онъ, подъ предѣлательствомъ князя Вяземскаго и подъ охраной военнаго караула, въ первый разъ долженъ былъ заняться вопросомъ о происшедшихъ безпорядкахъ и о возстановленіи спокойствія въ университетѣ. Основываясь на послѣдней телеграммѣ министра народнаго просвѣщенія, совѣтъ у—та послѣдшилъ, прежде всего, очистить университетъ отъ тѣхъ лицъ, которыхъ считалъ еще прежде неблагонадежными, и потому, не дожидаясь результатовъ формальнаго слѣдствія надъ участвовавшими въ безпорядкахъ, въ это же засѣданіе постановилъ ⁴⁾: «1) гг. студентовъ Кирилова, Виктора Умнова, Конради, Елпидина, Егорова Александра и Осипова исключить изъ у—та и удалить изъ города, 2) гг. докторантовъ Петрова и Пескова, по ихъ вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города, но ходатайствовать предъ г. министромъ народн. просвѣщ. о дозволеніи имъ окончить свои экзамены въ другомъ у—тѣ, равно бывшихъ студентовъ: Олигера ⁵⁾, Маккавѣева, Линдемана и окончившаго нынѣ курсъ Беневитскаго тоже, по вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города; объ этомъ сообщить г. губернатору съ присовокупленіемъ къ этому того, что совѣтъ

¹⁾ Д. в. п., 35.

²⁾ Тамъ-же, 41.

³⁾ Телегр. Д. в. п., 39.

⁴⁾ Д.—8.

⁵⁾ Уволеннаго уже.

считаетъ также вреднымъ присутствіе въ городѣ исключеннаго студента Христофорова, такъ какъ онъ, не смотря на официальные запрещенія, являлся въ зданія университета» ¹⁾).

Н. А. Ойрсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Исключеніе 4-хъ студентовъ состоялось 16-го октября, а 14-го октября начальникъ жандармовъ секретно спрашиваетъ объ именахъ исключенныхъ въ 1861 г. ²⁾ Изъ секретнаго-же ему отвѣта мы узнаемъ, что въ 1861 г. пока исключено было 10 человекъ ³⁾.

¹⁾ Д. к. п., 31.

²⁾ Тамъ-же, 67.

³⁾ Тамъ-же, 71 и 72.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

V¹⁾.

Со времени появленія русскихъ войскъ на р. Энгеликѣ (въ началѣ апрѣля 1858 г.) наибъ Малой Чечни посылалъ къ Шамилю гонца за гонцомъ съ донесеніями о нашихъ успѣхахъ и съ просьбами о немедленной помощи. Имамъ убѣдился, что дѣло, затѣянное нами, нешуточное. Не теряя времени, онъ кивнулъ кличъ во всѣмъ подвластнымъ ему горцамъ, и вскорѣ уже стали доходить до Н. И. Евдокимова извѣстія о появленіи крупныхъ непріятельскихъ партій на предгоріяхъ и плоскости Большой Чечни. Считаая себя на первое время обезпеченнымъ съ той стороны войсками, расположенными въ Аргунскомъ ущельѣ и въ аулѣ Большой Чечень, онъ продолжалъ неуклонно и самолично распоряжаться замиреніемъ и выселеніемъ мало-чеченскихъ обывателей. Но около 20-го апрѣля получены были свѣдѣнія, что сборы непріятели усилились, что самъ Шамиль принялъ надъ ними начальство, что значительное скопище появилось въ лѣсахъ близъ Воздвиженскаго и что Шалинское укрѣпленіе было даже, въ теченіи двухъ сутокъ, обстрѣливаемо изъ орудій. Всѣ эти обстоятельства понудили Н. И. Евдокимова, оставивъ часть своихъ войскъ для завершения начатаго дѣла въ Малой Чечнѣ,

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387.

подвинуться съ главными силами на Аргунь. Вдоль по теченію этой рѣки, отъ Воздвиженскаго до Сунжи,—онъ, съ свойственною ему предусмотрительностію, расположилъ свои отряды такъ, что пробиться сквозь нихъ безнаказанно непріятелю не представлялось возможности. Попытокъ на это, однако, можно было ожидать, такъ какъ враждебныя скопища наводнили собою все нагорье Большой Чечни, отъ р. Хулхулау черезъ р. Бассъ, до Мезеней; а часть ихъ, между тѣмъ, производила работы на Даргинь-Дукъ, гдѣ возведено было нѣсколько заваловъ и испорчена устроенная нами дорога.

Такимъ образомъ, благодаря энергической дѣятельности Шамиля, войскамъ Чеченскаго отряда, послѣ 8-ми-мѣсячной тяжелой кампаніи, пришлось, вмѣсто необходимаго для нихъ отдыха, расположиться на оборонительныхъ позиціяхъ и нести трудную сторожевую службу. Вызывалось это, очевидно, необходимостію: надо было окончателно обезпечить себя со стороны лежавшей въ нашемъ тылу Малой Чечни, прежде чѣмъ рѣшиться на какія либо новыя наступательныя предпріятія.

На счастье наше, Шамиль сначала полагалъ, что апрѣльскія дѣйствія Н. И. Евдокимова въ Малой Чечнѣ ограничатся, какъ то бывало прежде, раззореніемъ нѣсколькихъ ауловъ. Онъ не ожидалъ столь быстрого и полного отпаденія отъ его власти того многочисленнаго и воинственнаго населенія, которое служило сильнымъ подспорьемъ для утвержденія его могущества; когда же положительно въ этомъ убѣдился, то поправить дѣло было уже поздно. Все вниманіе его, поэтому, сосредоточилось теперь на Большой Чечнѣ, гдѣ легко могли повториться тѣ-же событія, что и въ Малой. Личное присутствіе имама, въ сопровожденіи огромныхъ скопищъ, возымѣло свое дѣйствіе на мѣстныхъ жителей: они спрятали свои семейства и свое имущество по дальнимъ лѣснымъ тущамъ, заградили дороги завалами и, повидимому, приготовились къ упорной оборонѣ. Только нѣсколько десятковъ семей, не вѣрившихъ въ возможность найти покой иначе, какъ подъ русскою властью, переселилось, пользуясь близостію нашихъ войскъ, въ Умахань-Юртъ.

Успокоивая и возвышая духъ мѣстныхъ жителей, Шамиль, однако, не оставлялъ своего намѣренія вторгнуться въ Малую Чечню и жестоко покарать отпавшее отъ него населеніе. Вся-

кія ухищренія пущены были имъ въ ходъ для того, чтобы развлечь вниманіе стоявшихъ на Аргунѣ отрядовъ нашихъ и прорваться съвозъ ихъ цѣпь; но всѣ эти попытки были безуспѣшны, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ приказалъ начальникамъ отрядовъ держаться, временно, въ строго-оборонительномъ положеніи и не предпринимать никакихъ движеній, пока не разъяснится окончательно, куда направлены главныя силы противника. Между тѣмъ, въ Малой Чечнѣ, вновь устроенныя аулы дѣятельно укрѣплялись, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, переселенцы сами могли постоять за себя, не требуя тотчасъ же поддержки войскъ, которыя можно было употреблять для другихъ дѣйствій.

Такъ протянулись дѣла до конца мая; какъ вдругъ Н. И. Евдокимовъ встревоженъ былъ извѣстіями о серьезныхъ беспорядкахъ по близости отъ Владикавказа и о возстаніи назрановскаго общества, обитавшаго по верхней Сунжѣ и низовьямъ Ассы ¹⁾. Трудно было сомнѣваться въ томъ, чтобы Шамиль, повсюду имѣвшій своихъ агентовъ, не воспользовался столь благопріятнымъ для него обстоятельствомъ и не попытался ворваться въ Малую Чечню со стороны бывшаго Владикавказскаго округа, т. е. тамъ, гдѣ мы менѣе всего его ожидали—какъ онъ имѣлъ полное основаніе предполагать.

Но Н. И. Евдокимовъ и тутъ предупредилъ его. Получивъ доленіе о назрановскихъ происшествіяхъ и понимая серьезность ихъ значенія въ данную минуту, онъ не замедлилъ принять всѣ

¹⁾ Назрановцы еще съ 1810 г. считались «мирными», но это не мѣшало имъ разбойничать не хуже другихъ чеченцевъ. Надлежащему надзору за этимъ обществомъ мѣшала его разбросанность по мелкимъ хуторамъ, среди гѣсныхъ трупобъ, гдѣ легко могли укрываться всякіе бродяги и хищники; туда же Шамиль не преминулъ высылать своихъ агентовъ, подстрекавшихъ народъ противъ русской власти. До поры до времени пламя тайлось подъ пепломъ, но когда, въ 1858 г., рѣшено было соединить населеніе въ большіе аулы, подъ нашъ ближайшій надзоръ, и приказаніе это было объявлено жителямъ, они открыто возстали, послали Шамилю приглашеніе идти къ нимъ и, подерѣвленные своими сосѣдями: галашевцами и карабулаками (тоже отъявленными разбойниками), атаковали Назрановское укрѣпленіе. Къ счастью, находившійся тогда во Владикавказѣ полковн. Зотовъ, извѣщенный о готовившемся бунтѣ, успѣлъ заблаговременно подкрѣпить находившіяся въ укрѣпленіи войска и успѣшно отразилъ нападеніе.

мѣры для противодѣйствія намѣреніямъ Шамиля, о которыхъ, очевидно, догадывался, давно изучивъ тактику своего противника. Войскамъ Чеченскаго отряда, расположеннымъ на Аргунѣ, приказано было вернуться въ Малую Чечню, для успокоенія и ободренія только что покорившихся намъ жителей, а также и для достойной встрѣчи всякихъ непріятельскихъ покушеній съ этой стороны.

Догадки Н. И. Евдокимова оправдались: находясь около поста Нестеровскаго, онъ получилъ извѣстіе, что Шамиль, рассчитывая на содѣйствіе назрановцевъ и другихъ туземцевъ бывшаго владикавказскаго округа, собралъ до 8-ми тысячъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ, переправился черезъ верховья обихъ Аргуновъ и спустился по Кусуль-Кундуку (хребеть, отдѣляющій р. Ангеликъ отъ р. Гойты) на южныя окраины Малой Чечни. Вслѣдствіе этого отдѣльныя колонны наши были немедленно распредѣлены по разнымъ пунктамъ такъ, что вполне прикрывали плоскость, Сунженскую линію, Владикавказъ и заслоняли отъ непріятели весь назрановскій округъ.

Появленіемъ своимъ въ ущельѣ Гойты Шамиль надѣялся снова взволновать Малую Чечню, но долженъ былъ горько разочароваться, не встрѣтивъ тамъ никакого сочувствія. При такомъ настроеніи мѣстныхъ жителей опасно было продвигаться далѣе къ сѣверу, потому что ближайшіе отряды наши могли бы отрѣзать ему путь отступленія въ Черныя горы; вслѣдствіе этого, укрываясь за лѣсами, покрывающими уступы названныхъ горъ, онъ двинулся далѣе на западъ и, 9-го іюня, сдѣлалъ попытку прорваться на плоскость къ аулу Ачхой. Послѣ кровопролитной схватки съ отрядомъ полковника Алтухова (при чемъ особенно отличились нижегородскіе драгуны), горское скопище должно было отступить въ нагорные лѣса. Но Шамилю все еще не хотѣлось уходить; перейдя черезъ р. Фортангу, въ земли галашевскаго общества, онъ, 11-го іюня, занялъ аулы Алкунъ и Мужичъ, а 1-го іюля двинулъ партію въ 1,500 чел., подъ начальствомъ своего сына, Кази-Магомы, въ Аки-Юртосвое ущелье. Это было уже послѣднею его попыткою прорваться на плоскость, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ быстро стянулъ къ угрожаемымъ пунктамъ всѣ имѣвшіяся подъ рукою войска, и непріятель, видя, что при дальнѣйшемъ наступленіи онъ мо-

жетъ быть окруженъ нашими отрядами, долженъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ. Между тѣмъ, оставаться долѣе среди галашевскаго общества для Шамиля тоже было затруднительно, потому что немногочисленное мѣстное населеніе не имѣло возможности продовольствовать его крупныхъ скопищъ. Вслѣдствіе этого, онъ, 15-го іюня, снова двинулся уступами Черныхъ горъ, на востокъ, къ Мереджамъ, направивъ партію Саибдуллы къ Датаху; затѣмъ, пройдя черезъ земли акинскаго и шубутовскаго обществъ, имамъ перевелъ свои скопища черезъ оба Аргуна, распустилъ часть ихъ по домамъ, а самъ удалился въ Ведень.

Эпизодъ назрановскаго возстанія и диверсія, предпринятая Шамилемъ, надѣлали не мало хлопотъ и тревогъ Н. И. Евдокимову. Только послѣ пораженія, нанесеннаго горцамъ полковникомъ Алтуховымъ, и сбора во Владикавказѣ достаточныхъ силъ у него нѣсколько отлегло на сердцѣ. „Теперь я гораздо спокойнѣе,—писалъ онъ 12-го іюня полковнику Бблику, находившемуся въ Малой Чечнѣ,—ибо дѣла немного поустроились. При вашей бдительности, надѣюсь, что Шамиль обмануть насъ не успѣетъ; въ горахъ же пусть дѣлаетъ, что хочетъ, это для насъ все равно. О галашевцахъ я также ничего не думаю и желалъ бы, чтобы Шамиль увелъ ихъ въ горы. Меньше останется сквернаго народа, а хуже галашевцевъ нѣтъ на горѣ....

Р. S. Вотъ уже 5 сутки, какъ я не имѣю ни одной ночи и пользуюсь сномъ лишь по временамъ, когда часть, а когда два“¹⁾).

Вышеописанныя событія въ окрестностяхъ Владикавказа не замедлили, впрочемъ, ни на одинъ день имѣвшася въ виду лѣтнаго движенія къ верховьямъ Чанты-Аргуна. По отступленіи Шамиля, Н. И. Евдокимовъ немедленно распорядился восстановленіемъ порядка въ назрановскомъ обществѣ и казню зачинщиковъ; а какъ только убѣдился, что непріятель окончательно ушелъ за Аргунъ и что Малой Чечнѣ болѣе не угрожаетъ опасности, онъ сталъ исподоволь и незамѣтно для противника стягивать войска въ укрѣпленія Воздвиженское и Аргунское, гдѣ къ 30-му іюня они и сосредоточились.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 1-й.

„Чтобы достигнуть цѣли экспедиціи: покоренія горнаго пространства между Терекомъ и Аргуномъ (такъ пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій съ 1-го по 5-е іюля 1858 г.), надобно было, съ перваго же шагу, преодолѣть самое сильное изъ препятствій, которое представляетъ намъ здѣшная война—гряды крутыхъ и заросшихъ дремучимъ лѣсомъ хребтовъ, которая тянется безъ малѣйшаго перерыва изъ края въ край, черезъ все лѣвое крыло, ограждая почти непроходимымъ поясомъ высокія и голыя поляны, составляющія внутренность горъ. Обойти лѣсную гряду съ тыла изъ Владикавказа черезъ Акинское общество оказалось неисполнимымъ, по тому расчету, что это движеніе потребовало бы 9-ти переходовъ поперегъ многихъ хребтовъ, при чемъ обезпеченіе сообщеній поглотило бы большую часть отряда; кромѣ того подобное направленіе заставило бы обнажить передъ непріателемъ Чечню на довольно продолжительное время. Я предпочелъ положиться на мужество и боевую опытность ввѣренныхъ мнѣ войскъ и пробиться черезъ лѣсныя горы съ лица. Но полный успѣхъ подобнаго предпріятія былъ возможенъ только при томъ условіи, чтобы непріатель не былъ заранѣе готовъ встрѣтить насъ на избранномъ пути. Иначе, при невообразимыхъ препятствіяхъ, которыя мѣстность представляетъ здѣсь на каждомъ шагу, потеря съ нашей стороны могла быть не соразмѣрна даже съ важностію самаго предпріятія, какъ она ни велика“ ¹⁾).

Руководствуясь такими соображеніями, Н. И. Евдокимовъ началъ съ того, что отвлекъ вниманіе противника отъ Чанты-Аргуна и заставилъ его серьезно опасаться за другія мѣста. На сей конецъ онъ приказалъ начальнику штаба Чеченскаго отряда, полковнику Зотову ²⁾, съ заранѣе прибывшими въ Аргунское ущелье войсками, производить демонстраціи у Даргинъ-Дука. Демонстраціи эти, производившіяся 28-го и 29-го іюня и соединенныя съ рекогносцировкой по обоимъ берегамъ Шаро-Аргуна, возымѣли желаемое дѣйствіе. Шамиль, опасаясь болѣе

¹⁾ Воен.-уч. арх., Отд. II, № 6602, в.

²⁾ Впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи, командовавшій русскими войсками подъ Плевною, во время штурма 30-го августа 1877 г.—Записки его см. въ «Русской Старинѣ», 1886 г., томъ XLIX.

всего за Даргинь-Дукъ, черезъ который отерывался путь въ самое сердце непокорныхъ горъ, немедленно усилилъ, до 2-хъ т. человекъ, стоявшія тамъ партіи набовъ: Лабазана и Дубы. Можно было, поэтому, надѣяться, что всякое движеніе въ другую сторону принято имъ будетъ лишь за диверсію, что главныя силы имама будутъ стянуты на Даргинь-Дукъ и намъ придется имѣть дѣло съ одними обывателями Чанты-Аргунскихъ верховій.

Николай Ивановичъ любилъ ковать желѣзо пока оно горячо, и потому, прибывъ, въ ночь съ 30-го іюня на 1-е іюля, къ Аргунскому укрѣпленію, немедленно распорядился движеніемъ сосредоточенныхъ тамъ войскъ въ намѣченномъ направленіи. Передовой эшелонъ, подъ начальствомъ полк. Зотова, выступилъ въ 2 часа пополудни и на другой день овладѣлъ съ боя ауломъ Соси-Ирзау, лежащимъ въ глубинѣ Дачу-Борзойской долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Чанты-Аргунъ вырывается изъ глухой тѣсины на болѣе широкое мѣсто, въ то время еще не очищенное отъ лѣса. Узнавъ объ этомъ быстромъ успѣхѣ, Н. И. Евдокимовъ прибылъ къ передовымъ войскамъ. По его приказанію, взятый аулъ былъ укрѣпленъ и занятъ двумя баталіонами; тогда же приступлено къ восстановленію находившагося здѣсь полуразрушеннаго моста и къ вырубкѣ лѣса, покрывавшаго ложбину рѣки.

Работы эти служили какъ бы прологомъ для слѣдовавшихъ за ними необычайно трудныхъ дѣйствій. Предстояло пробиваться черезъ хребты, покрытые сплошнымъ лѣсомъ, на пространствахъ 6-ти или 7-ми верстъ, по мѣстности вполнѣ намъ неизвѣстной и не имѣвшей никакихъ путей сообщенія. Другаго исхода не оставалось, потому что наступать прямо по дорогѣ, танувшейся по ущелью, обставленному лѣсистыми утесами и прегражденному завалами,—значило подвергать войска еще большей опасности.

На эту дорогу, кромѣ того, горцы стянули всѣ свои наличныя силы, потому что менѣе всего ожидали нашего движенія цѣликомъ черезъ лѣсъ. Чтобы еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ заблужденіи, Н. И. Евдокимовъ приказалъ, 3-го іюля, рубить просѣку отъ поляны, гдѣ стоялъ передовой отрядъ, вверхъ по ущелью. Непрiятель завязалъ перестрѣлку и, готовясь принять атаку, сталъ устраивать новые завалы въ столь близкомъ

разстояніи отъ нашей цѣпи, что можно было слышать съ его стороны шумъ падающихъ подъ топоромъ деревьевъ.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ ночи войска наши поднялись съ своего бивака и двинулись по указанному направленію, въ двухъ колоннахъ: передняя, подъ начальствомъ полковн. Зотова, задняя—полков. Баженова. Приходилось взбираться по горному откосу Мескинъ-Дукъ, поднимающемуся крутыми уступами отъ Аргуна до вершины большаго хребта. Горцы, благодаря взошедшей лунѣ, замѣтили, однако, наше движеніе, бросились изъ ущелья наперерѣзъ ему, и уже на второмъ уступѣ горы войска были встрѣчены огнемъ засѣвшаго въ лѣсу непріятеля, который вслѣдъ засимъ началъ охватывать и фланги передовой колонны. Полк. Зотовъ, сознавая опасность всякой остановки при подобныхъ условіяхъ, продолжалъ безостановочно идти впередъ; стремительныя атаки шедшаго въ головѣ колонны 5-го баталіона Куринскаго полка не давали противнику опомниться ¹⁾, и горцы, выбитые послѣдовательно съ семи горныхъ уступовъ, сброшены были, наконецъ, въ чрезвычайно глубокой оврагъ Джомагинъ (Чертова балка). Во время этого горячаго дѣла колонна полковн. Баженова, обремененная вьюками, только что вступала въ лѣсъ. Она прошла его безъ выстрѣла, такъ какъ всѣ усилія и все вниманіе непріятеля обратились на передовыя войска.

За оврагомъ Джомагинъ, къ которому подошли теперь войска наши, лежала окруженная обрывами и перелѣсками Барандинская поляна, за которою, черезъ рѣдкій лѣсъ, открывались другія поляны, такого же характера; вдали были видны уходившія толпы непріятеля. Самый оврагъ, въ случаѣ упорной обороны, могъ считаться непроходимымъ; но охотниковъ защищать его не оказалось, а напротивъ, мѣстные жители, стоя на другой сторонѣ оврага, громко приглашали насъ идти къ нимъ безъ опасенія. Вслѣдствіе этого, Н. И. Евдокимовъ, прибывшій къ авангарду, немедленно перевелъ черезъ Джомагинъ всю передовую колонну. Грозный Мескинъ-Дукъ остался за нами.

Въ дѣлѣ 4-го іюля противъ насъ дрались два наиба: шатоевскій—Батока и акинскій—Гамзадъ; чаберлоевскій набѣ, Лаба-

¹⁾ Только на 5-мъ уступѣ лихой баталіонъ этотъ, усталый до изнеможенія, смѣненъ былъ свѣжими частями.

занъ, прибылъ къ вышеназванному оврагу въ то время, когда дѣло еще продолжалось, и хотѣлъ выждать насъ при подъемѣ на поляну, но видя, что мѣстные жители не намѣрены съ нами драться, поспѣшно отступилъ; ичкеринскій наибъ, Адиль, пришелъ въ тотъ же день въ аулъ Зуаны, но не успѣлъ къ дѣлу ¹⁾).

„Чистосердечно долженъ донести,—писалъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій—въ этотъ день испытанная войска кавказской арміи показали во всемъ блескѣ. Мы вступили теперь въ страну, никогда не выдавшую русскаго съ оружіемъ въ рукахъ; лѣсной поясъ пройденъ и, вмѣстѣ съ нимъ, населеніе, воспитанное въ вѣчной войнѣ и чувствѣ кровной вражды къ намъ. Вѣроятно, также, примѣръ прошлаго и нынѣшняго годовъ, примѣръ многочисленнаго населенія, призвавшаго нашу власть и устраиваемаго теперь къ своему благу русскимъ правительствомъ, начинаетъ дѣйствовать на горцевъ; по крайней мѣрѣ, въ шатоевскомъ обществѣ, куда мы теперь вступили, жители не бѣжали въ лѣсъ и не стрѣляютъ въ насъ; они остались въ своихъ домахъ и завели уже нѣкоторую торговлю съ войсками. Не рѣшаюсь еще говорить слишкомъ много объ этомъ обстоятельстве, но примѣръ этотъ можетъ распространиться далеко. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ начались кавказскіе походы, мы ведемъ войну въ населенномъ краѣ и, подходя къ горской деревнѣ, видимъ жителей, спокойно ожидающихъ насъ въ своихъ домахъ ²⁾“.

Переходъ черезъ Мескинъ-Дукъ открылъ главному Чеченскому отряду доступъ въ нѣдра горъ, занятыхъ непокорными племенами; но пока не было проложено сообщеніе черезъ пространство, оставшееся въ тылу, наши войска стояли на Варандинской полянѣ въ совершенно изолированномъ положеніи. Сзади ихъ лѣсные хребты смыкались сплошнымъ поясомъ. Впереди лежали другіе, хотя не столь густые, лѣса, черезъ которые путь открывался только по узкой полянѣ, выющейся съ вершины на вершину, между буграми и оврагами, на 7

¹⁾ Наши потери въ дѣлѣ 4-го іюля: убиты 1 офицеръ и 6 нижн. чиновъ, ранено 5 офиц. и 24 нижн. чина.

²⁾ Воен.-уч. арх., отд. II, № 6602. в.

версть протяженія, до большаго Варандинскаго поля, за котрымъ поднимаются уже нагіе хребты. Отряду по необходимости пришлось распространиться одновременно въ обѣ стороны: назадъ, чтобы открыть сообщеніе съ аргунскимъ укрѣпленіемъ, а впередъ, — чтобы заблаговременно захватить мѣстность, на которой непріятель могъ подготовить средства къ новому упорному сопротивленію.

На основаніи этихъ соображеній, Н. И. Евдокимовъ уже 5 іюля направилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кауфмана, внизъ по Чанты-Аргуну, къ аулу Зонахъ, для рубки просѣки вдоль по ущелью; а на встрѣчу ему, для такой же работы, приказалъ идти войскамъ, оставленнымъ въ Соси-Ирзау, подъ начальствомъ полк. Наумова. На другой день остальные войска Чеченскаго отряда приступили къ рубкѣ лѣса вверхъ по Чанты-Аргуну, по направленію на ауль Большія Варанды.

Рекогносцировка, произведенная 7 іюля Н. И. Евдокимовымъ, показала ему, что лежащій къ югу отъ нашего расположенія лѣсъ занятъ сильною непріятельскою партіею. Имѣя въ виду, что намъ предстояло наступать по этому направленію и что непріятель не преминетъ воспользоваться каждымъ днемъ, чтобы воздвигнуть намъ новыя преграды, онъ немедленно собралъ всѣ сколько нибудь свободныя отъ работъ войска и, поручивъ начальству полк. Баженова 4 баталіона, 3 стрѣлковыя роты и 4 горныя орудія, приказалъ ему очистить впереди лежащую лѣсную полосу. Приказаніе было выполнено совершенно успѣшно, и 9 іюня передовыя войска наши стояли уже на большомъ Варандинскомъ полѣ. Лѣсная полоса осталась окончательно за нами, но слѣдовало принять мѣры, чтобы безповоротно утвердиться на занятомъ пространствѣ; а потому, лишь только устранена была непосредственная близость противника; Н. И. Евдокимовъ снова налегъ, со всею энергіею, на производство необходимыхъ работъ для устройства сообщеній съ тыломъ отряда. Мелкія непріятельскія партіи хотя и не переставали при этомъ тревожить насъ, но уже серьезно помѣхою быть не могли.

Шамиль, очевидно, былъ очень встревоженъ послѣдними успѣхами нашими на верховьяхъ Чанты - Аргуна. Получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ самъ послѣшно прибылъ въ эту сто-

рону и отдалъ приказаніе набамъ всѣхъ подвластныхъ ему горскихъ обществъ вести туда своихъ людей. Въ ожиданіи подкрѣпленій, онъ собиралъ окрестныхъ обывателей, приводилъ ихъ къ присягѣ на газаватъ (священную войну); внушалъ имъ, что наше движеніе въ Шатой есть только набѣгъ, и убѣждалъ еще разъ сразиться съ русскими, предоставляя имъ затѣмъ покориться своей участи, какова она ни будетъ. Увѣщанія стараго имама и страхъ передъ нимъ произвели желаемое дѣйствіе. Въ нѣсколько дней силы стоявшаго противъ насъ непріятельскаго скопища возросли опять до 9 т. человѣкъ, при 3-хъ горныхъ орудіяхъ. Съ ними Шамиль занялъ весьма крѣпкую позицію, за оврагомъ Ахкѣ, перерѣзывающимъ большое Варандинское поле перпендикулярно Чанты-Аргуну; позиція эта была усилена завалами, и таковыя же, кромѣ того, были устроены и на правомъ берегу рѣки, противъ ауловъ Вашингуръ и Цаганъ, въ защиту находившихся тамъ мостовъ, отъ которыхъ расходились дороги во всѣ мѣста прилежащаго края.

Забываясь прежде всего объ обезпеченіи своего тыла и сообщеній, Н. И. Евдокимовъ до поры до времени ничего не предпринималъ противъ позиціи Шамиля, поджидая окончанія работъ, рассчитывая затѣмъ атаковать эту позицію всѣми своими силами и надѣясь, что противъ ихъ натиска не устоятъ никакія твердыни. Между тѣмъ, положеніе Шамиля становилось день ото дня затруднительнѣе: огромное скопище, имъ собранное, истребляло, какъ саранча, всѣ запасы мѣстныхъ жителей, а пользы имъ пока не приносило. Чтобы выйти изъ этого положенія и отвлечь наше вниманіе отъ Шатоевской долины—средоточія путей и ключа всей западной части горъ,—имамъ рѣшился на отчаянное средство; и вотъ, 24 іюня, получено было у насъ извѣстіе, что онъ, оставивъ пѣхоту свою на позиціи, самъ съ 3-мя т. конницы двинулся ночью на западъ, въ землю Галашевскаго общества, гдѣ уже побывалъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Но Н. И. Евдокимова трудно было застать врасплохъ. Онъ предвидѣлъ возможность повторенія попытки Шамиля противъ Малой Чечни, и потому, углубляясь съ главнымъ отрядомъ въ нѣдра горъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для охраны прочихъ частей ввѣреннаго ему края. Поэтому, не тревожась диверсією своего противника, онъ, напротивъ, рѣшился воспользоваться

ею для нанесенія окончательнаго удара оставленному на верхнемъ Аргунѣ скопищу, и 30-го числа, по завершеніи всѣхъ необходимыхъ работъ, приказалъ атаковать непріятельскую позицію.

Обстоятельства и на этотъ разъ сложились въ нашу пользу, такъ какъ по уходѣ Шамиля немедленно возникли несогласія между мѣстными жителями и тавлинцами. При отсутствіи единства, противники потеряли всякую энергію, такъ что одинъ огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ очистить грозную Варандинскую позицію и разсѣяться. 1 августа, по вновь устроенному тамъ мосту, двинуть былъ на правый берегъ Чанты-Аргуна особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кемпферта, который, разрушивъ находившіеся тамъ завалы, произвелъ рекогносцировку внизъ по ущелью, гдѣ должна была быть устроена дорога къ Зонахскому укрѣпленію. Тогда же получено было Н. И. Евдокимовымъ извѣстіе о томъ, что, въ самый день занятія нами Варандинской позиціи (30 іюня), ген.-маіоръ Мищенко на голову разбилъ скопища Шамиля, вторгнувшіяся въ назрановское общество. Такимъ образомъ, избѣгая столкновенія съ нами въ Шатоѣ (сохраненіемъ котораго онъ сильно дорожилъ), имамъ потерпѣлъ два пораженія разомъ и лишился на нѣкоторое время всѣхъ средствъ продолжать сопротивленіе.

Занятіе Шатоа, въ которомъ мы теперь стали твердою ногою, открывало доступъ во всѣ стороны, по естественнымъ путямъ, которые непріятель не могъ преградить: на западъ, черезъ абинское общество, къ Владивавказу; на югъ, черезъ Хевсурію, въ Закавказье; на востокъ, черезъ Шаро-Аргунъ, въ самое сердце неповорныхъ горъ.

„Съ открытіемъ этого послѣдняго пути—писалъ Н. И. Евдокимовъ—падаютъ сами собою укрѣпленія, воздвигнутыя горцами на Даргинъ-Духъ, которыми они хотѣли заградить намъ доступъ по просѣвѣ, проложенной нынѣшнею весною. Много трудовъ предстоитъ еще войскамъ Чеченскаго отряда для того, чтобы вполне утвердиться въ ущельѣ обоихъ Аргуновъ; но уже теперь я смѣю сказать: главное сдѣлано ¹⁾“.

¹⁾ Воен. Уч. арх., отд. II, № 6602 в., журналъ воен. дѣйствій главн. Чеченскаго отряда, съ 15 іюля по 1 августа.

Послѣднимъ успѣхомъ нашимъ, дѣйствительно, рѣшалась участь обширнаго края. Когда Чеченскій отрядъ вышелъ на шатоевскую долину, пробившись черезъ лѣсистые хребты, ограждавшіе ее сплошнымъ поясомъ дебрей (около 20 в. въ ширину),—тогда мѣстные жители поняли, что дѣло кончено, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ для нихъ гибельно, такъ какъ никакихъ задатковъ успѣха не имѣетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, затаенная вражда въ такъ долго тяготѣвшему надъ ними ученію мюридизма, насильственно поддерживаемому тавлинцами, вспыхнула вдругъ съ полною силою. Такъ, еще 7-го августа, они напали на тавлинцевъ, уведившихъ аманатовъ отъ шатоевскаго населенія; причемъ много мюридовъ было изрублено и потоплено въ рѣкѣ. Во время кратковременнаго отсутствія Н. И. Евдокимова, къ ген.-майору Кемпферту прибыли люди изъ ауловъ, лежащихъ на Шаро-Аргунѣ, прося избавить ихъ отъ тавлинскихъ шаекъ. Они сами провели назначенный для сего отрядъ (2¹/₂ баталіона и 5 сотень) къ мѣсту расположенія скопища Кази-Магомы, которое и было наголову разбито.

14-го августа явилась къ начальнику Чеченскаго отряда депутація старшинъ шатоевскаго общества съ изъясненіемъ покорности; въ слѣдующій же день прибылъ изъ дальняго аула Итумъ-кале (резиденція наиба, управлявшаго чантіяцами, акинцами и обществами кистинскими) тамошній старшина Дуга, съ просьбою о помощи своимъ соплеменникамъ, готовымъ возстать противъ Шамиля. Такъ какъ вѣрность шатоевцевъ была обезпечена взятіемъ у нихъ заложниковъ, то Н. И. Евдокимовъ счелъ возможнымъ продвинуться еще далѣе, и 16-го числа послалъ по направленію на Итумъ-Кале отрядъ подъ начальствомъ полковника Баженова (2¹/₂ батал., 4 сотни, 4 горн. орудія). Съ приближеніемъ этого отряда къ названному аулу, и по сдѣланнымъ имъ двумъ сигнальнымъ пушечнымъ выстрѣламъ, жители поднялись и истребили всѣхъ находившихся у нихъ тавлинцевъ, кромѣ лишь наиба Гамзадъ-Хаджи, которому удалось спастись бѣгствомъ. По вступленіи русскихъ войскъ въ Итумъ-Кале, тамъ учреждено наше управленіе, съ жителей взяты заложники и немедленно приступлено къ разработкѣ дороги для сообщенія съ главнымъ отрядомъ, расположеннымъ въ Шатоѣ, на урочищѣ Гакко.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ событіемъ, возстаніе противъ власти имама стало быстро распространяться по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Въ аулахъ, которые были поближе къ нашимъ войскамъ и могли рассчитывать на ихъ поддержку, мѣстные жители стали убивать, безъ разбору, всѣхъ находившихся среди нихъ тавлинцевъ, такъ что многимъ изъ послѣднихъ пришлось искать спасенія у русскаго начальства. Одновременно съ симъ, разныя горскія общества присылали къ Н. И. Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности и сами приводили заложниковъ, даже изъ такихъ мѣстъ, куда оружіе наше еще далеко не проникло. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли поборилось 11 обществъ, и замиреніе Шатоя довершилось покорностію наиба его, Батока, который, наконецъ, явился въ нашъ лагерь со всѣмъ своимъ семействомъ. Николай Ивановичъ принялъ его какъ стараго знакомаго, зла не помянулъ и даже оставилъ Батока, по прежнему, наибомъ. Прибыли къ намъ и депутаты отъ полу-тавлинскаго общества Чаберлой, проживавшаго за Шаро-Аргуномъ; но отдѣлять особую колонну за эту рѣку, при наличномъ состояннн войскъ, не представлялось возможности. Вообще, дѣйствующій отрядъ охватывалъ своимъ расположеніемъ такое обширное пространство, какое только могло быть занято; каждая изъ составляющихъ его частей или наблюдала за стоявшимъ на Шаро-Аргунѣ непріателемъ (колонна полк. Наумова), или, главнымъ образомъ, усиленно производила разныя работы, необходимыя для прочнаго занятія края. Приходилось, до времени, отказываться отъ новыхъ успѣховъ,—какъ бы они ни казались заманчивы и блистательны.

Впрочемъ, уже тѣ результаты, которые за послѣднее время были достигнуты доблестными войсками Чеченскаго отряда, являлись настолько серьезными, что можно было лишь удивляться имъ. Лучшій цѣнитель ихъ, кн. Барятинскій, въ письмѣ начальнику отряда, отъ 17-го августа, говорить слѣдующее:

„Вы приводите меня въ восторгъ вашими дѣлами, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Я представилъ васъ къ ордену св. Александра Невскаго и спспѣшаю сообщить вамъ новую милость Государя Императора: нижнимъ чинамъ вашего отряда высочайше имъ пожаловано, за дѣла отъ 1-го до 5-го іюля, по

одному рублю серебромъ,—что доказываетъ, сколько самъ Государь цѣнитъ храбрость и труды вашихъ войскъ.

„Радуюсь впередъ, что великіе князья лично удостовѣрятъ Государя Императора въ видѣнномъ ими, столь дѣйствительномъ, успѣхѣ войскъ лѣваго крыла ¹⁾. Я, съ своей стороны, жду съ нетерпѣніемъ свиданія съ вами, чтобы обнять васъ отъ всего сердца... Еще разъ благодарю васъ и прошу вѣрить въ неизмѣнность моихъ чувствъ къ вамъ ²⁾“.

Пока шло это безкровное завоеваніе еще совсѣмъ невѣдомаго для насъ края, Кази-Магома вновь сталъ собирать свои тавлинскія скопища на верховьяхъ Шаро-Аргуна. Сознавая свое безсиліе удержать мѣстныхъ жителей отъ покорности русской власти, онъ вознамѣрился, по крайней мѣрѣ, наказать отпадшихъ и, 21-го августа, устремился на Чантійскіе аулы, но, встрѣченный обывателями, поддержанными летучимъ отрядомъ майора Арцу-Чермоева, былъ отброшенъ. Уйдя затѣмъ, съ своими товарищами, въ аулы Шароевскаго общества, расположенные подъ самымъ снѣжнымъ хребтомъ, Кази-Магома остановился тамъ, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ удержать въ повиновеніи хотя это племя, черезъ которое начавшееся народное движеніе могло распространиться и на лезгинъ. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, онъ, 27-го августа, предпринялъ новую попытку противъ отложившагося аула Хачерой, отъ котораго войска наши были далеко; но и тутъ дѣло кончилось неудачно; хачероевцы сами, безъ посторонней помощи, отразили его нападеніе.

Безпокойный сосѣдъ этотъ, наконецъ, надоѣлъ Н. И. Евдокимову, и онъ приказалъ полковн. Бѣлику, которому ввѣренъ былъ особый отрядъ, двинуться къ верховьямъ Шаро-Аргуна и отбросить непріятеля за рѣку. 30-го августа, при переходѣ черезъ высокій переваль между руслами обоихъ Аргуновъ, отрядъ полк. Бѣлика, застигнутый сильною мятежью, принужденъ былъ остановиться; но состоявшія при немъ двѣ сотни чантійскихъ всадниковъ, поддержанныя мѣстными жителями, продолжали идти впередъ, неожиданно атаковали партію Кази-Магомы и опрокинули ее за Шаро-Аргунъ.

¹⁾ Въ эту осень вел. князья Николай и Михаилъ Николаевичи посѣтили Кавказъ и проѣхались по Аргунскому ущелью.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

Послѣ этой схватки военныя дѣйствія въ Аргунскомъ ущельѣ могли считаться повонченными, и Чеченскому отряду оставалось лишь продолжать и довершать предпринятые имъ крупныя работы, въ число коихъ входило, между прочимъ, возведеніе трехъ укрѣпленій на Чанты-Аргунѣ: Зонахъ (около аула того же названія), Шатоевскаго (на урочищѣ Гаько, на послѣднемъ лагерномъ мѣстѣ нашей главной колонны) и Евдокимовскаго (близь аула Итумъ-Кале). Работы и, вообще, замиреніе края подвигались такъ быстро, что уже 5-го октября великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, посѣщавшіе въ тотъ годъ Кавказъ, могли проѣхать по всему Аргунскому ущелью вполне безопасно.

За постановкою тутъ русскаго дѣла на твердую почву, Н. И. Евдокимовъ, согласно желанію главнокомандующаго, перенесъ свою дѣятельность снова въ западную часть лѣваго крыла. Кн. Барятинскій, имѣя въ виду постоянно тревожное положеніе Военно-осетинскаго округа, приказалъ окончательно приступить къ предполагавшемуся уже (какъ мы видѣли выше) поселенію въ большіе аулы, правильнымъ образомъ, туземцевъ назрановскаго, галашевскаго и карабулакскаго обществъ, а прежнія ихъ жилища, лежавшія въ глубинѣ лѣсныхъ ущелій, уничтожить. Затѣмъ, приказано было проложить удобную дорогу въ верховьяхъ р. Ассы, дабы имѣть удобное сообщеніе съ вновь покорившимися обществами, жившими между верхними частями Терека и Аргуна. Для содѣйствія всѣмъ этимъ предпріятіямъ командировано было изъ Закавказья, въ распоряженіе начальника лѣваго крыла, еще 6 баталіоновъ, первые эшелоны коихъ уже 19-го октября прибыли во Владикавказъ.

Подъ наблюденіемъ и руководствомъ Н. И. Евдокимова дѣло по устройству большихъ ауловъ повелось энергично и успѣшно. Одновременно съ симъ часть войскъ рубила просѣку по Ави-Юртовскому ущелью, въ глубь Черныхъ горъ, а наибъ Малой Чечни, Сайбъ-Дула, по приказанію начальника лѣваго крыла, собралъ партію вооруженныхъ жителей и производилъ набѣги на непокорныя намъ общества, гнѣздившіяся въ лѣсныхъ тущобахъ по верховьямъ Ассы и Фортанги. Абреки, проживавшіе тамъ, принуждены были, наконецъ, поворотиться, выдали находившихся у нихъ русскихъ плѣнныхъ и обязались выселиться на плоскость.

Къ концу года путь отъ Верхне-Сунженской линіи на Аргунскую былъ открытъ и отъ обитателей нагорныхъ мѣстъ, сведенныхъ на плоскость, отнята надежда на возможность возвращенія себѣ независимости. Между Терекѣмъ и Аргуномъ не оставалось болѣе ни одного непокорнаго общества.

Между тѣмъ Шамиль, убѣдившись, что въ Малой Чечнѣ дѣло его окончательно проиграно и что теперь русское оружіе обратится противъ Большой, еще съ половины ноября сталъ усиливать свои скопища на Шаро-Аргунѣ, а въ концѣ мѣсяца объявилъ поголовное ополченіе во всѣхъ еще подвластныхъ ему чеченскихъ, дагестанскихъ и лезгинскихъ обществахъ; одновременно съ этимъ, онъ распространялъ въ народѣ слухъ, что появившаяся въ томъ году комета служила вѣстницею гибели христіанъ и что султанъ турецкій уже выслалъ сильное войско, для поддержки угнетеннаго на Кавказѣ мусульманства. Извѣстія объ этомъ понудили Н. И. Евдокимова оставить (1-го декабря) Галашевскій отрядъ и прибыть къ предѣламъ Большой Чечни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ приказаніе начальнику Кумыкскаго округа, флигель-адъютанту полковн. вн. Святополькъ-Мирскому, двинуться въ Аухъ, въ видахъ содѣйствія предпріятіямъ войскъ Прикаспійскаго края и для развлеченія вниманія непріятеля.

Съ первыхъ же чиселъ декабря крупныя скопища противника начали спускаться на плоскость Большой Чечни. Часть ихъ расположилась около Маюртупа, а главныя силы, предводительствуемыя Казы-Магомой, остановились въ ущельи р. Басса. На Шаро-Аргунѣ остались тавлинцы, подъ начальствомъ трехъ наибовъ. Съ ихъ стороны, по приказанію Шамиля, сдѣлана была попытка овладѣть переправою черезъ Чанты-Аргунѣ, у Башинъ-Кале, съ цѣлью отрѣзать Евдокимовское укрѣпленіе отъ Шатоевскаго; но начальство наше, предупрежденное о замыслахъ противника, своевременно приняло мѣры для защиты угрожаемаго пункта; да и мѣстные жители, опасаясь мести тавлинцевъ, зорко слѣдили за ними и немедленно подняли тревогу, когда тѣ, въ ночь съ 10 на 11-е декабря, поднялись на Чантійскій переваль. Непріятель, видя себя открытымъ, не рѣшился идти далѣе и опять отступилъ за Шаро-Аргунѣ.

Таеъ какъ около половины декабря работы въ западномъ раіонѣ лѣваго крыла могли считаться оконченными, то Н. И.

Евдокимовъ безотлагательно приступилъ къ распоряженіямъ по сосредоточенію своихъ силъ, для наступленія въ Большую Чечню.

Съ этою цѣлью собрано было, 20-го декабря, на правомъ берегу Аргуна, противъ укрѣпленія Бердыкель, 5³/₄ баталіоновъ пѣхоты, 1 дивизіонъ драгунъ, 11 сотенъ казаковъ и 3 сотни милиціи, при 18-ти орудіяхъ; а въ крѣп. Воздвиженской—6 баталіоновъ, 4 сотни и 10 орудій.

Планъ Н. И. Евдокимова, для ближайшихъ дѣйствій, состоялъ въ томъ, чтобы по возможности неожиданно и быстро занять ущелье Басса и тѣмъ отдѣлить населеніе, жившее между этою рѣкою и Аргуномъ, отъ вліянія тавлинцевъ. На сей конецъ сдѣланы имъ были слѣдующія распоряженія:

Полковнику Баженову, съ частью отряда, стоявшаго въ Воздвиженской, 21-го числа двинуться черезъ Аргунское укрѣпленіе и раззоренный аулъ Дуютень на перевалъ къ р. Бассу, дабы такимъ образомъ зайти въ тылъ чеченскимъ поселеніямъ, находящимся въ лѣсистой полосѣ между этою рѣкою и Аргуномъ, и, угрожая ичкеринскимъ ауламъ Таузенъ и Алистанжи, заставить непріятели очистить аулы нагорной Чечни.

Полковнику Черткову, въ то-же время, съ остальными войсками, собранными у Воздвиженской, перейти на правый берегъ Аргуна и остановиться на Шалинской просѣвѣ, выжидая подкрѣпленія изъ главнаго отряда. Съ этими силами, полк. Чертковъ, составляя авангардъ главной колонны, двигавшейся вслѣдъ за нимъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кемпферта, долженъ овладѣть урочищемъ Бассымъ-Берды и тамъ ожидать прибытія главнаго начальника Чеченскаго отряда.

Планъ этотъ былъ выполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Непріатель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, очистилъ урочище Бассымъ-Берды, а узнавъ о появленіи колонны полк. Баженова на пути къ ичкеринскимъ ауламъ, поспѣшно ушелъ на правый берегъ Басса. Въ тотъ же вечеръ старшины ауловъ лѣваго берега стали являться въ нашъ лагерь, съ изъявленіемъ покорности, а на другой день уже началось выселеніе мѣстныхъ жителей на плоскость. Такою же покорностію встрѣчаемъ былъ и полк. Баженовъ, во время исполненнаго имъ крайне затруднительнаго перехода; ему, такъ-же, мѣстные обыватели не оказали никакого сопротивленія.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни главный отрядъ занимался вырубкою окрестнаго лѣса и проложеніемъ дороги отъ Бассымъ-Берды къ Воздвиженской. При этомъ непріятель, выставивъ орудія на правомъ берегу Басса, стрѣлялъ по нашему лагерю, но вреда не причинилъ почти никакого. 24-го числа прибыли въ Большую Чечню остальные части войскъ, находившихся на работахъ въ Галашевскомъ и Акинскомъ обществахъ; изъ нихъ 3 баталіона, 2 сотни и 2 орудія присоединены къ главной колоннѣ, а 2 баталіона къ колоннѣ полков. Баженова.

Послѣднему, который при дальнѣйшемъ движеніи своемъ долженъ былъ выдержать двукратный бой съ устремившимися противъ него полчищами Кази-Магомы, дано было приказаніе направиться къ аулу Агашты, на Бассѣ, дабы тѣмъ облегчить движеніе главной колонны.

31-го числа, оставивъ при вагенбургѣ у Бассымъ-Берды большую часть кавалеріи и 8 ротъ при 14-ти орудіяхъ, Н. И. Евдокимовъ двинулъ остальные войска далѣе, въ глубину Басскаго ущелья, при чемъ главныя силы наступали лѣвымъ берегомъ, а особая колонна, подъ начальствомъ полк. Черткова—правымъ. Непріятель, повидимому, вовсе не ожидалъ этого наступленія, потому что сопротивленія намъ почти никакого не было оказано, хотя на правомъ берегу рѣки войска наткнулись на укрѣпленіе, воздвигнутое по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Тѣмъ не менѣе, въ такой лѣсной трущобѣ, какою представлялось тогда Басское ущелье, подвигаться впередъ надо было съ оглядкою. Н. И. Евдокимовъ, испытавшій всякіе сюрпризы горной войны, зналъ это лучше, чѣмъ кто либо; а потому, продвинувъ колонну генераль-маіора Кемпферта версты на 4 впередъ, остановилъ ее на новой позиціи, верстахъ въ 2-хъ отъ Агашты, и тотчасъ же приказалъ приступить къ устройству дороги и вырубкѣ окрестнаго лѣса.

Почти одновременно съ главнымъ отрядомъ приблизилась къ Агаштѣ, съ другой стороны, колонна полк. Баженова. Находившаяся тамъ непріятельская партія, видя себя отовсюду угрожаемою, зажгла аулъ и отошла къ Таузеню, а мѣстные жители, одинъ за другимъ, стали являться съ изъявленіемъ покорности. Вообще, со времени движенія нашего въ Басское ущелье и до конца года, вышло на плоскость болѣе 800 семействъ; потеря же

наша, въ обѣихъ колоннахъ, ограничивалась 5-ю офицерами и 76 нижн. чинами, выбывшими изъ строя.

Такъ завершился 1858-й годъ, представляющій по истинѣ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ жизни Н. И. Евдокимова. Русская власть прочно водворилась на всемъ протяженіи недоступнаго дотолѣ Аргунскаго ущелья; Малая Чечня, прежнія экспедиціи въ которую стоили намъ столько крови—окончательно покорена; наконецъ, положено основаніе для овладѣнія главною резиденціею Шамиля—Веденемъ, откуда онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ деспотически распоряжался имуществомъ и жизнью подвластныхъ ему племенъ. Теперь часы этой власти были уже сочтены.

За подвиги, оказанные въ продолженіе 1857-го и 1858-го годовъ, Н. И. Евдокимовъ, кромѣ четырехъ высочайшихъ благоволеній, награжденъ былъ золотою шапкою, украшенною алмазами, орденомъ Бѣлаго Ора и орденомъ св. Александра Невскаго съ мечами.

И. О.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ШАДРИНЪ

РАЗСКАЗЪ СТРАННИКА-ВОГОМОЛЬЦА ¹⁾.

Родился я, знаете, въ 13 году, въ Архангельскѣ,—сынъ морскаго фейерверкера. Остался 3-хъ лѣтъ послѣ отца и 6-ти поступилъ кантонистомъ въ морской учебный полкъ. Сто десять человѣкъ насъ посадили, это самое, на корабль и повезли въ Кронштадтъ. Десять лѣтъ учился, побивали крѣпко, сѣкли больше, знаете, за баловство. Уроки я училъ хорошо-съ; учили св. исторію, катехизисъ, ариеметику, до тройнаго правила, грамматику, начало геометріи; водили, это самое, на ученье портняжить, сапожничать, вязать ковры изъ веревокъ и изъ сукна. Пища, знаете, не важная была: щи почти что пустыя, а каша больше съ постнымъ масломъ—очень строго было-съ!

До 18 лѣтъ былъ кантонистомъ-съ, потомъ, знаете, унтеръ-офицеромъ. Въ 43-мъ году въ образцовый полкъ, въ Царскомъ Селѣ; генераль-майоръ Полишко—очень строгій былъ; 1 годъ два мѣсяца, знаете, хлѣбъ пекъ, дрова носилъ, воду; потомъ на царскомъ смотру, это на Царицыномъ лугу, императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ—произведенъ образцовымъ унтеръ-офицеромъ-съ.

Потомъ поступилъ это обратно, для показанія пріемовъ взрослымъ кантонистамъ—ужъ на службѣ состоятъ, знаете, это называются ранжированныя роты. Десять человѣкъ дадутъ на выучку—9 убей, десятый чтобы былъ выученъ! Носокъ, знаете, черезъ порогъ ломали! Очень трудная-съ служба была.

Нашель, знаете, старушку, которая согласилась назвать меня

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468 и 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 587—630.

сыномъ; пошли это къ военному министру Чернышеву, просьбу подали — перевели въ медико-хирургическую академію-сь, можетъ быть, изволите знать—унтеръ-офицеромъ въ фельдшерскую школу. Учили, знаете, анатомію, фармакологию-сь, рецептуру, ботанику-сь, цвѣтъ-сь, подаіе помощи мнимоумершимъ. Основанія человѣческаго тѣла-сь, значить, шкелеть; онъ висить, все основаніе его, какая кость съ какою соединяется-сь; вскрытіе тѣлъ тоже-сь.

Президентъ былъ, Шлегель-сь, въ 1842 году, тайный совѣтникъ; послѣ его президентъ Бальбаяки, тоже тайный совѣтникъ-сь. Послѣ его въ 59-мъ году Чистовичъ, бывшій прозекторъ анатоміи. По латыни тоже учился. Это самое амо—люблю, лего — читаю, авдіо—слышу, даціо—тоже глаголь, забылъ что значить-сь; или опять номинативусъ — родительный, дативусъ — дательный, аккузативусъ—винительный, аблативусъ—творительный, вокативусъ—не знаю ужъ какой-сь, не припомню. Голова—капуть, глаза, знаете, окулусъ, зубы—дентисъ. Зубы раздѣляются на 3 части-сь, 32 зуба: пересѣкающіе, раздрающіе и расширяющіе. Лобная кость—осса фронтисъ; затылочная—осса цветтисъ; темянная—осса-асумъ-сь. Въ человѣкѣ 24 позвонка-сь и 24 ребра, а также эта подвздошная кость-сь, она показываетъ въ родѣ кнжала. Между бедрыными костями, выше, находится тазъ-сь, называется пелевисъ. Въ 24 позвонкахъ находится мозгъ; когда поясница, знаете, заболить, первое средство въ лѣтнее время льду—очень уничтожаетъ.

Вотъ вы изволили слышать Пироговъ-сь операторъ, Николай Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ; три раза въ Севастополь ѣздилъ, когда у насъ была война. По высочайшему повелѣнію-сь ему приказано было вскрывать всѣхъ-сь, ни на кого не смотрѣть. Отъ великаго князя Михаила Павловича (онъ старше былъ Николая Павловича) докторъ былъ присланъ, умеръ, и велѣно было отнюдь не вскрывать-сь, а онъ, т. е. Н. И., мнѣ извѣстно доподлинно-сь, ночью временемъ вскрылъ, чтобы узнать, какая болѣзнь—все практиковался-сь.

Медицинская часть—народъ хорошій. Чистовичъ былъ прозекторомъ, надворный совѣтникъ. Пришла старушка просить, знаете, не вскрывать тамъ родственника. Сиверсъ, помощникъ инспектора, сказалъ: «сейчасъ напишу записку, чтобы взять это самое тѣло изъ анатомическаго театра». Тѣло, знаете, отдали и вынесли не вскрытое въ часовню-сь. Часа черезъ два или три пришелъ Чистовичъ:

— Гдѣ тѣло?

Отвѣтъ, знаете, что, согласно приказу Сиверса, отдали это самое. Чистовичъ приходитъ въ конференцію-съ:

— Зачѣмъ же вы отдали тѣло?

— Имѣю право-съ.

— Нѣтъ! Вы можете распоряжаться пищею и дровами-съ, а не тѣлами.

— Я—графъ.

— Я графа не знаю, вы капитанъ, а я подполковникъ-съ, и велѣлъ, знаете, взять тѣло назадъ.

Я еще Чистовичу чинилъ перья. Золотую медаль они получили-съ, теперь президентъ академіи-съ. Пріѣзжалъ Енохинъ, штабъ-докторъ гвардіи, арміи и флота; 19 медалей имѣлъ-съ, тоже, знаете, тайный совѣтникъ, вмѣстѣ съ президентомъ сидѣлъ-съ.

Студенты были каверзники, особенно вольнослушатели; проживали, знаете, въ 1-й и 2-й Госпитальной улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Когда, знаете, я ходилъ къ нимъ перья чинить, за это мнѣ платили-съ. Пошлютъ иногда къ родителямъ, это самое, съ письмомъ-съ—принесу кому 30, кому 50 цѣлковыхъ. На окошкахъ у нихъ эти черепа-съ.

Сейчасъ распоряженіе старушкѣ дадутъ на угщеніе-съ, приведутъ неблагородныхъ дѣвицъ разныхъ; прокутится—придешь, знаете, по утру, а онъ ходитъ по комнатѣ, свиститъ!

На лекцію придутъ, подполковникъ Шандрокъ-съ за безпорядки—тоже доносятъ—на недѣлю на хлѣбъ, на воду. Коли два года не выдержать, зачисляется въ фельдшера, въ Царское село-съ. Строго было.

Дежурные доктора, вмѣсто того, чтобы, знаете, дежурить, ходили-съ на практику-съ, и платили за себя тѣмъ, что побѣдише-съ, 25 рублей иногда, только чтобъ дежурный докторъ былъ.

* *

Въ 58-мъ ходилъ, знаете, въ Архангельскъ въ отпускъ и шель дорогою-съ по 50 и 60 верстъ въ сутки, желательно было, знаете, застать родительницу—ей 83 года было. Въ іюлѣ мѣсяцѣ у насъ въ Архангельскѣ ночью такъ свѣтло, какъ днемъ. Пришелъ въ Архангельскъ въ 11 часовъ вечера; прихожу, стучу въ кольцо-съ (кольцо большое у воротъ). У сосѣдей, прежде, знаете, спросилъ-съ, такая-то въ живности-ли?—въ живности, говорятъ. Отворяетъ сводная сестра—родительница, знаете, вышла второй разъ замужь.

— Что вамъ, кавалеръ?

— Нельзя-ли переночевать, говорю-съ.

Пустили. Взошелъ въ комнату-съ, старушка сидитъ на кровати. Я говорю:

— Здравствуй, бабушка.

«Здравствуй, кавалеръ».

— Я тебѣ принесъ письмо отъ сынка Алексѣя Иванова.

«Нѣтъ, ужъ мой сынъ два года померъ!»

— Какъ-же такъ, онъ и посейчасъ со мною черезъ кровать спалъ?

«Нѣтъ, мнѣ черезъ полицію объявлено ужъ два года, что онъ померъ».

Она, знаете, просила перевести меня въ городъ Архангельскъ, для поддержки престарѣлыхъ силъ; отвѣтили: сынъ не можетъ быть переведенъ (потому что я, знаете, нуженъ былъ-съ). Сама родительница не могла, знаете, за отвѣтомъ-то идти въ полицейское управление, была въ параличѣ, послала дочь Матрену Ефремову, та и объявила ей, что мой братецъ, а твой сыночекъ умеръ!

Встала она это на костылѣ, знаете.—я упалъ въ ноги:

— Маменька, я сынъ вашъ, вотъ, говорю, тутъ живетъ такой-то, тутъ такіе-то; сестра моя старшая пишетъ, ея письмо прочиталъ-съ, все не удостовѣряется, все смотреть, смотреть, а не признаетъ-съ! Слышу разъ говорить:

— Матрена, это не сынъ мой, у меня плѣшивыхъ не было.

Тоска меня взяла-съ; подхожу, это самое, къ ней:

— Маменька, я уйду, вы меня сыномъ не называете.

— Постой-ка, говорить, нагнись, а у меня тутъ на затылкѣ бородавочка—ощупала.—Нѣтъ, ты мой! Вотъ что я тебѣ скажу, и стала, знаете, тутъ говорить: «домикъ-то нашъ вѣдь проданъ».

— Кто же это?

— Да вотъ Матрена.

Видите-съ: портъ-то въ Архангельскѣ какъ уничтожили-съ, мужа ея въ Кронштадтъ, въ портовые роты, и ей тоже надо въ Кронштадтъ ѣхать; она какъ, знаете, сказала, что я умеръ, родительница домъ-то и продала-съ, думала я больше не приду, себѣ по смерти уголъ выговорила-съ!

— Какъ такъ, говорю, вѣдь купчая и духовное завѣщаніе на мое имя!

Сейчасъ я, знаете, разсердился, пришелъ въ полицейское управление; тамъ на мѣсто моего крестнаго отца полковника Ольховскаго, знаете, былъ Пупковъ, подполковникъ-съ. Я стою, знаете; тутъ мои товарищи квартальные надзиратели, одинъ офицеръ, другой чиновникъ изъ учителей-съ. Я говорю: здравствуйте!

— А! Алексѣй Ивановичъ! Здравствуйте!

— Какимъ манеромъ, говорю, сестра моя могла продать домъ?

— Это не знаемъ, это она обдѣлала, говорятъ, съ Пупковымъ.

Потомъ ожидаюсь; Пупковъ приѣзжаетъ.

— Здорово!

— Какимъ, позвольте, манеромъ моя сестра имѣла право продать домъ, который оставленъ мнѣ по духовному завѣщанію родителемъ-съ?

Онъ говоритъ:

— Много васъ шляется, черезъ 25 лѣтъ придетъ; нищій...

— Извольте удостовѣриться-съ, мои товарищи и сосѣди-съ, гг. квартальные надзиратели.

Онъ спрашиваетъ: — Развѣ знаете?

— Помилуйте, г. подполковникъ, вмѣстѣ были въ учебномъ полку, въ пѣвчихъ вмѣстѣ были. Говорю Пупкову: коли не можете по моему дѣлу, такъ и такъ-съ, подаю записку губернатору.

Онъ оробѣлъ, подзываетъ въ отдѣльную комнату:

— У васъ купилъ 9-го рабочаго экипажа отставной унтеръ-офицеръ, скажите, чтобы домъ очистилъ, или ко мнѣ чтобы явился.

Я пошелъ домой и объявилъ родительницѣ:

— Маменька, такъ и такъ; домъ бы очистилъ или самъ-бы явился къ полиціе-мѣстеру Пупкову. Она говоритъ:

— Что хочешь, сынокъ, то и дѣлай.

Спустился внизъ, съ нимъ поздоровался, говорю:

— Кто вы такіе?

— Я, говорить, хозяинъ.

— Хозяинъ не ты, а я; впрочемъ, старикъ (онъ старше меня былъ), мнѣ съ тобою нечего говорить; очисти домъ или явись къ полиціе-мѣстеру Пупкову.

Онъ надѣлъ, знаете, серягу и отправился.

Что онъ ему сказалъ—не знаю—къ вечеру же домъ мой очистилъ.

Такъ день, другой прошелъ. Родительница померла черезъ шесть сутокъ. Сестра, знаете, и говорить-съ:

— Ты хлопоталъ, теперь какъ хочешь хорони.

— Я, говорю, знаю, что дѣлать, похороню.

Взялъ всѣ документы-съ, это знаете, пошелъ къ сосѣду Осипу Петрову, мяснику, денежному, знаю; поздоровался, онъ призналъ.

— Извольте купить домъ.

— Какъ же могу купить домъ, коли онъ проданъ.

— Вотъ тебѣ всѣ документы, и онъ мнѣ за домъ 245 цѣлковыхъ далъ. Ее похоронилъ приличнымъ образомъ; шесть недѣль старушки читали, а сестра моя въ скоромъ времени отправилась въ Кронштадтъ.

Потомъ, какъ знаете, похоронилъ ее, городъ-то не портовый сталъ, я отправился въ другое мѣсто, для присканія занятій, потому въ 60 г. въ отставку вышелъ.

* *

Жилъ я въ Москвѣ; опредѣлили меня—изволите знать, докторъ Крассовскій, лечитъ меланхолю—въ домъ умалишенныхъ, мужской и женскій; Крассовскаго зналъ, знаете; студентомъ. Тутъ еще находился, въ домѣ умалишенныхъ, Иванъ Яковлевичъ, можетъ изволили слышать; а послѣ него іеромонахъ Серафимъ—его разъ купечество увезли къ себѣ воровать, 13 дней искали, нашли въ лаптяхъ.

Былъ тутъ, знаете, еще директоръ фабрики Мазурина, Эдуардъ Саксъ, съ ума сошелъ; денегъ много прогулялъ и въ самомъ жалкомъ-съ видѣ былъ доставленъ; всѣ деревья переломалъ, со священника шляпу схватилъ, бросилъ. Кто ежели свещеть или кто, знаете, около идетъ только—дерутся! Въ шашки играютъ такъ умно, умно, а потомъ давай драться-съ!

Эдуардъ Саксъ очень труденъ сдѣлался, дали знать въ Англiю, что выздоровленія, знаете, не предвидится, Крассовскій самъ писалъ-съ. Приѣхалъ родной братъ и сынъ, но онъ его не могъ признать; вырвалъ у брата золотые часы и всѣ ихъ на полу растопталъ ногами-съ. Проплакали они и уѣхали обратно въ Англiю-съ. Потомъ пришла бумага-съ, чего бы ни стало, какъ можно скорѣе привезти его туда по распоряженію его супруги и брата. Сдѣлали распоряженіе, былъ назначенъ-съ докторъ Ревельштейнъ изъ евреевъ, знаете, переводчикъ англичанинъ, я и еще служитель и взята была сумашедшая рубашка съ собою. Дорогою ужасное безпокойство дѣлалъ-съ! Руки, знаете, связаны, ничего не можетъ, такъ харкаетъ въ глаза, «чортъ русскій» кричить. Только одно средство и было: я возьму ему въ спину булавку и запущу, по самую головку иногда—крови то вѣдь не даетъ, знаете—реветъ, ногами брыкается, «чортъ, чортъ русскій», кричить-съ.

Привезли въ Англiю, супруга встрѣтила, знаете, ихъ; версты за двѣ развязали сумашедшую рубашку-съ и ему это все сказали, переводчикъ уговаривалъ-съ—онъ умный, слушаетъ, присмирѣлъ, какъ-то по ихнему все говорилъ-съ.

Брудеръ — это братъ-съ, битки шкафомъ — сухарь, мелекъ дрынгомъ—молоко-съ; это ужъ я доподлинно знаю, потому много разъ слышалъ-съ; вонъ, ту, три, форъ, фэйфъ—вонъ рубль, ту рубль, фэйфъ рубль.... Это я тоже хорошо слышалъ; посѣщали англичане его-съ, брезить—подарить значить—ну т. е., знаете, подарить, что бы лучше смотрѣлъ. Денегъ у него не нашли, 2 чемо-

дана были, нашли только куклы по 20, 25 рублей, животь надорвали отъ смѣха, гдѣ онъ это, гдѣ нибудь да досталъ-съ!

Только развязали—мы съ боку идемъ—какъ размахнулся, здоровый, знаете, такой-съ, товарища моего со всего размаха—тотъ изъ вагона, внизъ головой о камень, совсѣмъ лице разбилъ. Я уже остерегался, знаю, что за булавку не было-бы чего, а товарищъ прямо идетъ безъ всякой обороны! Схватили и прямо въ сумашедшій домъ. Супругу не могъ признать, никого не призналъ-съ. Въ сумашедшемъ домѣ обливаютъ-съ, ведеръ по 10 и болѣе знаете, на голову-съ, такъ что паръ отъ него идетъ; клеенчатая комнаты; кровати съ мѣшками-съ, его тула съ руками и завязжутъ. Въ родѣ креста есть, знаете, его привязжутъ и шагъ впередъ, шагъ назадъ ходить; а окошко открываютъ и зимою, чтобы холоднѣе было; иногда коли не успокоится, то и на 2, на 3 часа окошко откроютъ и случается служитель заснетъ, знаете, то и цѣлую ночь стоитъ открытое—морозъ! Холодные ванны—все связанные-съ. Къ столбу привязжутъ рубашкою, кругомъ ходитъ, знаете, ногами брыкается.

Полковникъ Богдановъ, инженеръ—Исаакій достроивался, неудовольствіе отъ государя императора получилъ—былъ женатый человекъ, такъ какія забавы, знаете, дѣлалъ-съ! Какъ это самое былъ онъ по высочайшему повелѣнію—въ особой комнатѣ былъ. «Принеси, говоритъ, четыре палочки»,—я спроста и принесъ, а у него это пуховая подушка, сафьяновая. Тутъ была комната и въ ней шкафъ, гдѣ его обливали; онъ эти палочки воткнулъ какимъ-то манеромъ въ полъ-съ—ножикъ что ли у него былъ—простыней покрылъ и пухъ туда выбилъ подъ простыню знаете, а шкафъ поставилъ въ дверь, дверь завязалъ полотенцемъ. Щипцы отъ свѣчекъ привязалъ къ палкѣ, а свой мундиръ— въ теченіи ночи, знаете, работалъ— на гвоздь привязалъ какъ будто удавился, а самъ палкой со щипцами стращаетъ: «Я васъ, говорить, кто подойдетъ.»

Я большимъ ножемъ полотенце перерѣзалъ, а тутъ служитель былъ за наказаніе изъ студентовъ (безчестіе барышнѣ большое сдѣлалъ), тотъ взялъ шкафъ, толкнулъ, шкафъ на полковника, а тотъ выскочилъ, да въ свою комнату, да этому, знаете, служителю глазъ совсѣмъ щипцами и выворотилъ-съ. Его перевели на 9 версту, въ домъ умалишенныхъ по высочайшему повелѣнію-съ. Впослѣдствіи выздоровѣлъ, въ генераль-майоры былъ произведенъ; пять рублей награжденья я получилъ отъ него; ужасно памятный—чудеса творилъ-съ.

* *

Въ 73 году не захотѣлъ-съ больше служить тутъ. Ушелъ въ городъ Богородскъ, Московской губерніи, можетъ изволите знать?—

Въ Зуевѣ—Орѣховѣ была холера-сь, почти что 2 мѣсяца. Въ Шуйскѣ-Ивановѣ, тоже фельдшеромъ, знаете.

Тутъ старость постигла, вздумалъ пойти Богу молиться.

Денегъ было у меня скоплено 32 рубля-сь,—виновать, водку тогда употреблялъ-сь. Сплю и вижу знаете, что надобно это самое идти постранствовать.

Пошелъ я въ Саровскую пустынь Тамбовской губерніи-сь, къ отцу Серафиму; ничего особеннаго нѣтъ,—монашествующіе-сь.

Оттуда пошелъ къ Тихону Задонскому, мощи на открытіи находятся. Потомъ въ Кіевѣ-сь; тамъ любопытно. Монастырь великолѣпный это, и мощи на открытіи-же; гробы простыя-сь, есть и кипарисоваго дерева-сь. Иванъ страдатель безъ гроба, пеленою покрытъ, Богу такъ угодно: 12 братьевъ-сь, которые монастырь строили; 11 братьевъ, когда Господь Богъ спросилъ, чего они желаютъ, спасенія спросили, а 12-ый братъ женатъ былъ, имѣлъ, знаете, дѣтей, тотъ пожелалъ злата и сребра. Одинадцать братьевъ на нарахъ такихъ лежатъ всѣ, гробовъ нѣтъ, подъ одною пеленою, а 12 братъ сперва, знаете, на бочку лежалъ за это серебро и злато, а теперь Господь Богъ простилъ, на спинкѣ, и они подвинулись къ нему.

Въ монастырѣ очень хорошо. Внизу къ мощамъ ходъ, идутъ со свѣчами, все угоднички-сь! Возлѣ этого монастыря верстахъ въ 2¹/₂, еще монастырь-сь. Игумень, до 40 человекъ содержитъ, выстроилъ своими, знаете, трудами; продовольствіе, это самое, тамъ странничкамъ производить и дѣлаетъ наставленія; когда подъ благословеніе подходятъ-сь, спрашиваютъ его: кому скажетъ «идти» благословить—иди, а нѣтъ, говорить «костямъ на мѣсто»—ужь лучше не ходи. Очень худащавъ-сь и наставленіе и просфору-сь и деньгами знаете награждать-сь, небольшимъ количествомъ, 20, 30 копѣекъ.

Кіевъ очень, весьма хорошо; войска много-сь; 4 дивизіи-сь; митрополитъ стоитъ; монашества много-сь; пѣніе по хохлацки, говорятъ тоже-сь больше по хохлацки.

Къ Почайской Божьей матери пойдутъ поляки и жида-сь; поляки добрые, чайку дадутъ-сь, или сахарку-сь; ну отъ жидовъ и просить грѣшно!

Оттуда обратнымъ образомъ, знаете, въ Софроньевской пустыни, въ Черниговской губерніи,—хорошій съ украшеніями монастырь-сь. Игумень отецъ Обросимъ предсказываетъ; колейникъ пускаетъ къ нему кто дастъ, да кто въ хорошемъ одѣяніи-сь. Я говорю: «я прошелъ 4,000 верстъ, да что-бъ мнѣ къ благословенію не подойти, мнѣ говорю, знаете, можетъ быть никогда больше и не предвидится». — «Подожди, говорить, старичекъ»—въ скоромъ времени меня

и пустиль-сь; ну, знаете, пустиль, а онъ на полу сидить-сь, на подушечкѣ. Я согрѣшилъ, знаете, къ благословенію подошелъ, а самъ подушечку пощупалъ, думаю не пуховая-ли—соломой набита-сь!

Благословилъ, я ему и имя не говорю; онъ говоритъ, что братъ Алексѣй нужно-бы воздержанія, ты крѣпко пилъ; теперь одумался ужъ поздно; не употребляй, лучше 3, 4 раза чаю напейся. Богъ отъ этого избавить и благословилъ идти къ Соловецкимъ угодникамъ-сь.— «Я, говоритъ, знаю, что ты изъ холодной стороны»,—все мнѣ правду истинную сказаль-сь и имя мое ужъ какъ и не знаю узналь-сь! Даль онъ мнѣ 60 копѣекъ, просфору и послалъ меня къ отцу Варнавѣ-сь, самый ихъ казначей, знаете, я отъ него награжденіе получилъ чаемъ и сахаромъ-сь.

Въ Киевѣ хохлы не пьютъ чаю-сь, только у евреевъ въ корчмѣ развѣ; виноградную водку пьютъ-сь, пьяны не напиваются.

Монахи хорошо живутъ; по праздникамъ, знаете, 3, 4 рюмки водки-сь и бутылка пива; 3, 4 кушанья; службы много; поведенія хорошаго-сь.

Вотъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ въ Ростовѣ-сь, гуляющіе монахи. Архимандрита услали за разныя штуки; родственниками всё мѣста заняль-сь, лавочку родственнику открылъ.

У Сергія Троицы, знаете, слабы, ой слабы!

Въ Глинской пустыни слабо тоже-сь; поминки были, настоятель померъ. Избираютъ себѣ намѣстника, одна сторона хочетъ, другая не хочетъ, знаете,—безпорядокъ. «Я, говоритъ, на тебя прощеніе подамъ, ты мужикъ». «А ты мѣщанинишко»

Изъ хорошихъ, знаете, монастырей Вологодской губерніи Семигородской Божьей Матери—монашество хорошее-сь. Въ Соловецкой обители строго, слѣдятъ сильно, знаете; женскому полу не дають жить больше 3-хъ, 4-хъ, 5-ти дней.

* *

Шель я на Глинскую пустынь, Давыдовскую, къ Николѣ Грѣша, подъ Москвою, Новый Иерусалимъ, Сергія Троица; оттуда къ Спасителю-сь, потомъ въ Ярославль. Въ Соловецкой обители уже два раза былъ.

Между Ярославской и Вологодской губерніями Селиверствъ Преподобный, въ старыя времена былъ монастырь; когда Литва шла-сь, его раззорили, а мощи были русскими закопаны-сь. На этомъ мѣстѣ построена эта самая церковь, въ 1860 году. Явилась, знаете, странница къ священнику, проситься на ночлегъ; ей во снѣ является

батюшка Селиверстъ преподобный-сь: «возьми ключъ изъ-подъ подушки и объяви священнику, вмѣстѣ съ нимъ иди, дорога указана». Она встала-сь и священнику не объявляла, знаете, ничего-сь; не объявила она, думала, приснилось ей пустое, безъ всякаго вниманія-сь; умылась, Богу, знаете, по обряду христіанскому помолилась и хотѣла къ священнику подойти подѣ благословеніе, проститься-сь—и сдѣлалась она, знаете, недвижимая-сь. Она говоритъ: «Господи, что это значитъ?» такъ все это было какъ слѣдуетъ, обояніе было-сь—и вспомнила этотъ сонъ-сь, стала кричать: «Батюшка, говоритъ,—ползкомъ къ нему подползла,—я видѣла, говоритъ, сонъ, только вамъ говорить не объяснила; что, говоритъ, у меня, гдѣ спала, видѣла, говоритъ, ключъ, возьмите ключъ и пойдите вмѣстѣ». Потомъ, знаете, священникъ одѣлся, думаетъ, что это вздоръ. Она ползкомъ пошла-сь—не могу, говоритъ, ходить—поползла на то мѣсто, гдѣ ночевала, открыла подушку и видитъ ключъ, беретъ его и отдаетъ священнику; священникъ взялъ и она съ нимъ ползкомъ пошла-сь. А тутъ около церкви часовенка—служили когда то—доползла, ну, говоритъ, батюшка, отворяйте: 3 раза вернули ключемъ, отворяются двери и тутъ гробъ-сь и надпись: «Батюшка Селиверстъ преподобный». Она недвижимая; батюшка, говоритъ, за мое прегрѣшеніе оставьте меня Богу молиться въ этой часовнѣ и она продолжала это молебствіе свое, знаете, 3 дня и 3 ночи, все недвижимая была-сь. Послѣ услышала голосъ: «Ты не хотѣла вѣрить, что тебѣ снилось, хотѣла тайно уйти, не хотѣла объявить духовника; я тебя хотѣлъ по смерти наказать и прощаю тебя за твое, говоритъ, поклоненіе 3 дня и три ночи—вставай!» Она встала какъ будто-бы невредима, какъ будто, знаете, ни въ чемъ не бывало-сь.

Потомъ священникъ повелъ ее къ себѣ и сталъ просить, чтобы нѣсколько времени прожить у него, и донесъ объ этомъ преосвященному владыкѣ; тотъ, какъ слѣдуетъ, знаете, быть, освидѣтельствовалъ гробъ Селиверста преподобнаго, донесъ въ высочайшій Синодъ. По разобраніи Св. Синода, какъ въ одинъ годъ было съ Тихомъ Задонскимъ-сь—два раза мощи въ одинъ годъ не открываются-сь,—монастыря не построили, одна церковь, для странниковъ 2 флигеля—множество, знаете это самое, народа ходить на поклоненіе-сь. Такъ будетъ въ лѣсу, нѣсколько чистаго мѣста будетъ-сь. И каждый день ему бывають панихиды-сь. Бываетъ много исцѣленій, даже которые безъ ногъ были, глухонѣмые; зрѣніе давалъ батюшка!

* * *

Во всѣхъ вообще монастыряхъ-сь даровыя обители. Разныхъ пустынь до 30 прошелъ. Въ пустынѣ лучше, чѣмъ въ большомъ бога-

о мѣ монастырѣ-сь, и примуть, знаете, и накормятъ лучше; 500, 600 человекѣкъ пройдутъ. Въ Кіевѣ 6—700 человекѣкъ разговлялось, обѣдало все даромъ-сь, каждому по $\frac{1}{2}$ яйца-сь—вѣдь надобно яицѣ начистить! по куску пасхи и кулича и три дня это продолжалось.

Теперяче какъ вамъ объяснить: Троица Сергія вѣдь богаче Кіева, но монастырѣа благочестиваго только человекѣкъ 6—7.

* * *

Семигородской Божьей Матери, въ Вологодской губерніи. Она матушка отъ 7 городовъ удалялась, избрала отъ большой дороги въ 9 верстахъ въ лѣсу; явилась тутъ, знаете, сотворила много чудесъ исцѣлений, старинная самая, историческая, въ 1329 году!

Въ настоящее время архимандритъ Александръ, изъ Архангельской губерніи-сь, годовъ ему не болѣе 55, не имѣетъ бороды и усовъ-сь; благочестивый человекѣкъ, росту 2 аршина $13\frac{3}{8}$ вершка-сь, силы необыкновенной! При моей бытности-сь, когда я былъ, возьметъ подъ лѣвую мышку соли куль и несетъ; самъ трудится, работаетъ, хомуты, знаете, переправляетъ-сь, пашетъ вмѣстѣ съ братією-сь!

Около ея Матушки Семигородской, лѣсъ, принадлежитъ ей; придутъ крестьяне, знаете-сь, у него просить лѣсу, на мельницу—онъ имъ велитъ, какой угодно, говорить, выбирайте, и дасть. Пища для странниковъ и страницѣвъ весьма великолѣпная. У монастырствующихъ 2 или 3 подрясника и двое или трое сапогъ—онъ, знаете, имъшиваетъ. Странниковъ награждаетъ по 50, 60 коп. серебромъ и чай, сахаръ дается-сь. Монашествующимъ зависть сдѣлалась, что раздаетъ лѣсъ на мельницу, на дома, сдѣлали на него негодованіе, знаете, доносъ, владыкѣ высокопреосвященному Вологодскому. Внезапно пріѣзжаетъ высокопреосвященнѣйшій, въ 1882 году, и пошелъ по кельямъ, а они, знаете, донесли, что находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи, что отецъ Александръ все истощилъ; онъ и пріѣхалъ внезапно-сь и видитъ, что въ кельяхъ-сь 2, 3 подрясника, 2, 3 сапогъ; потомъ обошелъ и въ монастырѣ—встрѣчаетъ его Александръ, какъ по военному, знаете, такъ и по духовному, съ честью, съ крестомъ, отворили двери—и видитъ, что монастырѣ красотою и всѣмъ въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде былъ, и потомъ, выходя, знаете, изъ монастырѣ-сь и объявляетъ архимандриту Александру: «что мнѣ сдѣлано донесеніе твоими подчиненными братіями, что будто-бы ты весь монастырѣ привелъ въ самую бѣдность, но какъ я вижу въ настоящее время, что какъ онъ у тебя находится въ 5 разъ лучше и какъ ты роздалъ принадлежащій къ монастырѣю лѣсъ, даю тебѣ въ полное распоряженіе лѣсъ и монастырѣ, и монастырствующихъ», и его наградишь

крестомъ. И теперь находится въ здоровомъ положеніи-сь. Коровъ имѣеть до 70, всякую лошадь самъ объѣзжаетъ. Въ какой праздникъ, знаете, въ его келейкѣ сидятъ всѣ монашествующіе, а онъ въ концѣ и ихъ поучаетъ — благочестивый человекъ! Подкову разгибаетъ; ни обѣдни, ни утрени не проспять. Онъ строго монашествующихъ держитъ: однимъ словомъ, говорить, не позволяю по деревнѣ ходить....., а водочки рюмку дать, $\frac{1}{2}$ фунта сахару и $1\frac{1}{2}$ осьмушки чаю. Иконы у нихъ очень древнія-сь!

Въ Шенкурскѣ явленная икона Божіей Матери; игумень тоже весьма хорошій, монахи въ полномъ распоряженіи (послушаніи?), для странниковъ пища хорошая. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ церкви очень рѣдки-сь.

Въ Кунгурѣ было, знаете, недавно-сь, будто странники выставили окошко, а потомъ первоначально залѣзли въ келью къ архимандриту и спрашивали будто-бы денегъ, знаете, а онъ это самое говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ, а деньги въ кассѣ», и билъ его будто-бы молоткомъ, а потомъ взяли да прирѣзали и взяли деньги, нашли, вышли въ окошко и ушли. Потомъ денегъ не нашлось у архимандрита, а деньги большія у него были.

* *

Въ Черниговской губерніи въ селѣ Велейки—селеніе у нихъ, знаете, называется по большой дорогѣ—явилась икона Николая Угодника хохлушкѣ Марфѣ, которая объявила священнику; тотъ донесъ высокопреосвященному и приѣзжалъ и эту икону не тронулъ; хотѣли ее вынести, она не дается въ руки и на этомъ мѣстѣ выстроить монастырь. Она, Марфа вдова, знаете, плачетъ-сь, что «у меня, говорятъ, возьмутъ икону», но ее утѣшаютъ священникъ и проч.; говорятъ тебѣ, новый хорошій домъ построить. Много, всѣ странники и странницы въ Кіевъ и изъ Кіева туда заходятъ. Много исцѣленій было. Священнику того не попадаетъ, что ей всего несятъ, и куда ей, она вдова, вотъ по случаю этому и сдѣлано-сь распоряженіе-сь—священникъ извѣстно желаетъ, чтобы это въ церковь шло, но только икону взять нельзя, недвижима. Вотъ вѣдь что: 2 краски глаза перемѣняютъ! богомольцы тутъ и ночуютъ и наблюдаютъ; свѣчей до 5 т., многія можетъ дорогія въ 1 рубль, все красныя свѣчи, большія, вотъ въ этомъ удивленіе болѣе—чудотворная икона!

Я три дня ночевалъ, очень даже хотѣлось, только видно Богу не угодно; видать, знаете, кто проще, даже удостовѣряютъ-сь!

Священникъ и тотъ не видалъ. У одного глазъ болѣлъ, бѣльмо—надумался, взявъ воску отъ свѣчи и помазалъ—точно лопнуло что,

какъ тряпку снялъ бѣльмо-то-съ! Пошелъ къ священнику, тотъ говорить: молебень надо безпремѣнно отслужить.

У Тихвинской раза три былъ, какъ вамъ объяснить—такого ничего.

* * *

Въ Архангельскѣ есть домикъ Петра Великаго и памятникъ Ломоносову, который громъ и тучу отводилъ, и ему честь дѣлаютъ, когда параль, почестъ, какъ въ Петербургѣ генералиссимусу Суворову дѣлается. Во дворцѣ лодка; какъ онъ лапоть плель, пятки не могъ доплестъ. Тутъ рѣка Двина; Петръ I ѣхалъ, знаете, на лодкѣ, на островъ; поднялся вѣтеръ и волны-съ и онъ, знаете, самъ почти что совершенно хотѣлъ погибнуть. У него тутъ была плеть; онъ ударилъ этой плетью по водѣ и вода раздѣлилась, на одну сторону бѣлая, а на другую черная—и въ настоящее время видно—такъ онъ и проѣхалъ благополучно и назадъ воротился-съ. Дворецъ деревянный и теперь стоитъ благополучно, не поправляются-съ. Въ этомъ дворцѣ есть деньги кожанная, есть и серебряная, кличниками. Соборъ великолѣпный. Народъ добрѣйшій, только поговорка, знаете, сѣверная.

Тамъ, изволите знать, самоѣды въ оленьей шкурѣ, ни штановъ, ни рубашки, также и у женскаго пола-съ. Понять ихъ нельзя-съ. Глаза круглые. У каждаго самоѣда на каждомъ пальцѣ 2, 3, 4 кольца; ѣдятъ сырое мясо; только, знаете, погрѣеть и ѣсть.

! Народъ еще зыряне, черемисы, по русски очень худо-съ говорятъ и по своему тоже говорятъ. Младенцевъ какъ крестятъ: возмутъ его на снѣгъ и катаютъ по снѣгу—«терпи холодъ, терпи голодъ», а впослѣдствіи ужъ, знаете, привозятъ либо въ Архангельскъ, либо въ Холмогоры крестить по христіанскому обряду. Прежде они не были крещены, это ихъ Николай Павловичъ привелъ.

Нужно имъ пищи, сейчасъ: «Гесь, гесь, гесь!» Олень сейчасъ подбѣжить, зарѣжетъ и ѣсть.

У насъ все животныя, знаете, добрыя; медвѣдъ никогда не тронетъ, только лягъ передъ нимъ—понюхаетъ и уйдетъ. Которую ему Егорій коровушку опредѣлилъ, ту съѣстъ, а больше не тронетъ. Часто съ коровами медвѣдъ идетъ и не боится. Лосей ужасно много. Тюленей, знаете, около устья Двины много; въ тоже время на берегъ выходятъ-съ, тутъ ихъ застаютъ охотники. Волковъ очень рѣдко. Дакія свиньи и ковы есть.

На одномъ ночлегѣ ночевалъ я; ихъ тамъ два брата, такъ они въ теченіи года 17 медвѣдей убили; а 18-й,—былъ сдѣланъ у нихъ такой, знаете, шалашъ и на этомъ шалашѣ есть гдѣ имъ залѣзть, съ ружьями они; потомъ веревки привязали къ тумбѣ снизу, провизии

самой положено. Потомъ, если медвѣдъ придетъ, они его и раздражаютъ, выстрѣль сдѣлають, онъ разсердится и хочетъ къ нимъ ползти, а они раскачаютъ тумбу, да его по лбу и еще, и еще, въ лобъ да въ лобъ, попадетъ ему разъ 7 и болѣе; когда они его умають, онъ ляжетъ, кричать станетъ, они и сдѣлають выстрѣль. Одинъ соскочилъ, думалъ, убилъ, а тотъ на него, это самое, да подъ себя, знаете—хорошо, что другой братъ выстрѣлилъ въ ухо, убилъ-сь, только брату въ палець, оторвалъ-сь, а таки убилъ его. Тумбою въ лобъ надо обезсилить, умаять, а то онъ къ вамъ сейчасъ полѣзеть!

Гусей и лебедей много-сь, всѣ птицы прилетаютъ; тамъ озеръ много, такъ по 3—4,000 птицъ, знаете, сидятъ вмѣстѣ. Куропатокъ, глухарей, рябчиковъ очень много—ни почему-сь! Зайцевъ, просто, хоть палкой бейте, у насъ не ѣдятъ. Яйцо 3 копѣйки и курица 3 копѣйки: у насъ простой народъ ни за что не станетъ ѣсть курицы; въ домъ не пустятъ кто ѣсть, знаете, ни за что—пѣтухъ, говорятъ, курицу топчетъ. Нѣмецевъ много, они кушаютъ. Много оленей, а не ѣдятъ, лососины тоже ни за что не будутъ ѣсть-сь! Лебедей запрещено по высочайшему повелѣнію бить, такъ и называется птица царская, а бьютъ потихоньку. Тамъ два завода—перяной и пуховой—раздѣляется. Оленья шерсть идетъ въ Петербургъ въ матрасы, въ Англию идетъ тоже-сь, въ мирное время, знаете. Нынче народъ бѣднѣе, хуже стало, только и работы въ лѣтнее время, когда приходятъ англійскіе корабли. Были шведы тоже, 3 шведскіе корабли въ 1829 году; еще я небольшой былъ, такъ порохъ отъ нихъ отобрали; и обѣды, знаете, и балы, однако, дѣлалъ—когда поѣхали, выдали порохъ обратно.

Самый добрый народъ Архангельской и Вологодской губерніи и баню вытопятъ, и бѣлье тебѣ помогутъ. «Мы сами, говорятъ, въ работѣ, намъ не удастся помолиться, такъ рады хоть принять». Въ праздникъ всѣ пива, эти самыя, варятъ, самыя крѣпкія; странникъ у нихъ первый гость и постель, все шерстяные тюфяки, а подушка пухъ и поль-пухъ—самая этая эссенція хорошая-сь!—еще и на вторую ночь оставляютъ. Народъ, знаете, нечистоплотевъ, у странниковъ насѣкомыхъ много-сь, другіе и въ баню-то не ходятъ. Въ монастыряхъ больницы есть.

* *

Одинъ капитанъ 1-го ранга, по русски перевести—полковникъ, у Николая Павловича разрѣшенія, знаете, просилъ-сь, чтобы до края свѣта, конецъ моря дойти-сь. Корабль «Нидерманландъ» 196-пушечный-сь—на которое разрѣшеніе получилъ и было провизіи приготовлено на 10 лѣтъ, и онъ странствовалъ три года, знаете. Теперь корабли винтовые, а прежде были мачтовые, и онъ дошелъ, знаете,

дотуда, гдѣ ужъ мачты стали за облака задѣвать-сь, жидкость пускать стало! Это описано было, книга есть объ этомъ—и сдѣлалъ обратное обращеніе-сь, назадъ; книга эта сборникъ, въ Кронштадтѣ-сь. Донесъ государю императору; по разсмотрѣніи дѣла, государь императоръ произвелъ его въ адмиралы, по русски перевесть—генераль-майоръ. У нихъ теперича: личманъ—прапорщикъ, капитанъ 2-го рангу—подполковникъ, а этотъ былъ перваго—полковникъ—значить, чинъ только далъ ему, одинъ. А генераль-лейтенантъ—контръ-адмиралъ называется; а генераль отъ инфантеріи—контръ-мейстеръ! А потомъ ужъ графа они получаютъ-сь.

* * *

Къ Артемію Праведному, 140 верстъ не доходя Архангельска-сь, въ лѣвую сторону-сь. Переходы очень трудны-сь, такъ случается 40 и 50 верстъ и выстроены отъ монастыря, знаете, церковныя сторожки. Въ сторожку зайдешь, тутъ находится-сь пища, отъ монастыря приготовленная; треска-сь, сельди-сь, толокно-сь, хлѣба сколько угодно, знаете, 2 или 3 хлѣба-сь. Малыя очень деревни, по 12, по 9 дворовъ: народъ добрый, все больше зыряне, худо понимаютъ по русски, послѣднее слово протягиваютъ-сь. Соломата есть изъ ржаной муки, свѣжее молоко и со сметаной и масло съ этой кашей.

Дойдя до Артемія Праведнаго былъ тамъ, архимандритъ Амфилогій, знаете, очень добръющій былъ, страннику давалъ одежду, рубашку, сапоги-сь.

Все больше хожу я одинъ; отъ Артемія Праведнаго пошелъ, знаете, другою дорогою, чтобы поближе выйти; монашествующіе дали на дорогу хлѣба, палтасины, трески и сельдей и сказали:

— Можешь тутъ скорѣе выйти на большую дорогу.

Я шель знаете, дорогою, можетъ верстъ 13 пршелъ, вдругъ-сь мнѣ встрѣчаются 3 дороги-сь! Я самъ ужъ не знаю, которою дорогою; солнце закатывается, знаете, въ 11 часовъ вечера. Остановился въ лѣсу—звѣрей много ходитъ-сь. Заснулъ, опять проснулся. И вторую ночь остался; сумку эту самую снялъ, лежу, заснулъ: опять проснулся—сумки нѣтъ; а тамъ вся провизія и хлѣбушко былъ-сь, ни при чемъ остался. Поѣсть нечего, отоцалъ; тамъ грибовъ много, бѣлыхъ, груздей. Какъ курю, такъ у меня огонь есть: набралъ грибовъ, да на палочкѣ сжарилъ-сь—какое, знаете, это питаніе, воздушное самое! Отоцалъ до того, соли нѣтъ; 9 сутокъ продолжалось; ни строенія никакого,—только грибы жарилъ.

На десятыя сутки иду, иду, знаете, вижу дорога лучше, вижу стогъ сѣна—и такъ я обрадовался! Отрылъ сѣна и туда залѣзъ, только чтобъ звѣрей не видать-сь—помилуйте, медвѣди, лоси, дикія свиньи

такъ и спуютъ! Въ стогѣ, знаете и заснулъ-съ. Поутру вставши, это самое, очень рано, осмотрѣвши, вижу сторожка, деревянная. Потомъ я въ эту сторожку зашелъ-съ, отошаль, знаете, просто вотъ какъ! Думаю, не найду ли, думаю, корочки—нашелъ двѣ корочки на окошкѣ, потомъ ихъ въ ведрось-съ, пропустилъ,—какъ будто получше стало-съ; перекрестился, думаю, Господи, не придетъ ли кто, дожидался почти полчаса—нѣту-съ, никто не приходитъ.

Вышелъ, знаете, изъ сторожки, тутъ дорога; иду, иду, пройдя такъ почти что версты полторы отъ этой сторожки, вижу, знаете, двое мужчинъ и три бабы сгребаютъ сѣно-съ. Я, подойдя къ нимъ, поклонился, знаете-съ, говорю:

— Богъ на помочь!

— Здравствуй, здравствуй, старичекъ, откуда?

Такъ и такъ, объявляю, 10 дней иду безъ пищи, безъ всего, одними грибами питался.

— Да ты бы, старичекъ, и вовсе не вышелъ, напрасно тебя направили такъ, еще Богъ тебя вынесъ.

— Я, говорю, совсѣмъ отошаль, ноги мои не ходятъ.

Они, знаете, народъ добрый, сейчасъ вынули изъ берестовъ кулебякъ съ рыбой, съ селедкой: пирогъ тамъ такой, сверху толокномъ посыпаютъ, а пекутъ на сковородкахъ, въ каждомъ семействѣ, знаете, штукъ 30, 40 сковородокъ.

И на путь меня направили: «вотъ тутъ, старичекъ, иди, все тутъ иди, никуда не сворачивай»—такъ, знаете, версть около 13 прошелъ; версты, знаете, тутъ не обозначаются, такъ по моимъ ногамъ считаю. Тутъ немного, самую бездѣлицу закусилъ. Какъ я медицинскую-то часть знаю, такъ вдругъ, знаете, знаю, не годится много ѣсть, а они мнѣ дня на три дали.

Знаете, до рѣчки дошелъ; стоятъ тамъ три лодки, никого нѣтъ перевозчиковъ. И около этой рѣчки я ходилъ почти съ часъ и болѣе—никого нѣту-съ! Думаю, я самъ умѣю грести, флотскую-то часть знаю.

Я съ однимъ весломъ переѣхаль, а тѣ весла, должно быть, спрятавы-съ; переѣхаль, знаете, я, какъ слѣдуетъ быть, привязаль ее и вышелъ на берегъ—вижу, самое, деревня, съ полверсты. 2 мужичка плетутъ веревки изъ пакли. Знаете, имъ говорю:

— Богъ на помочь.

— Спасибо, старикъ.

Я и прошу, нельзя-ли, говорю, нѣтъ-ли гдѣ самоварчика, у меня чай и сахаръ есть—они и послали: «иди, говорятъ, въ этотъ домъ». Зашелъ я: со старушкой и молодые люди находятся и прошу, двое,

говорю, послали къ вамъ—они говорятъ: «милости просимъ, самоваръ готовъ». Накормили меня опять, крынку молока. Объ этомъ происшествіи и говорю, какъ я заблудился.

— Куда-же вы теперь?

Говорю, какъ бы выйти на Вологду. Они говорятъ:

— Зачѣмъ же вы переѣзжали, вѣдь вамъ опять надо переѣзжать назадъ.

Такъ, знаете, напившись чая, опять надавали всего, я ужъ имъ старое отдалъ, а новенькое-съ взялъ.

Я, знаете, простился и вышелъ изъ ихъ квартиры—думаю, не врутъ-ли? У этихъ, что плетуть веревочки, спрашиваю—не перевезутъ-ли—а тучи такія нависли—и указали, говорятъ, не заходите мимо огорода, когда переѣдете, а идите прямо. А тутъ-съ лодка, я отъ дождя отъ проливнаго скорѣе подъ лодку, она опрокинута была; я подлѣзь—перекладина-то и выскочила, лодка на меня упала! Грудь стѣснила; на спинѣ перекладина, а подъ животомъ ранецъ мой—совсѣмъ задавило! Я кричу благимъ матомъ, никто не слышитъ.

Молитвы ужъ тутъ, знаете, всѣ перебралъ—лодка тяжелая, — даже, знаете, собакой лаялъ, думалъ, не придетъ-ли это кто хоть на собачій-то лай—народъ тутъ дикій! Звалъ Николая Угодника, первого его батюшку звалъ, помоги ты, говорю, батюшка! Артемій Праведный, можетъ моя молитва не дошла! избавилъ Ты меня отъ звѣря, отъ голода. Изосимъ и Саватій батюшки, помогите, говорю! Это самое, Матушка Семигородская Божья Матерь—она за Вологду будетъ — всѣхъ угодничковъ прошу, никто не приходитъ—давай опять собакой лаять, не придетъ ли кто на собаку!

Вѣдь цѣлую ночь лаялъ, мучался. И дождикъ то пересталъ-съ; промучился такъ почти что до 5 часовъ утра—съ 6 часовъ вечера маялся. Потомъ, знаете, слышу разговоръ, къ перевозу подходятъ, я кричу лихимъ матомъ—не знаютъ-съ, откуда кричу, да народъ дикій и ва крикъ не пойдутъ. Батюшки, кричу, подойдите говорю, ради Господа Бога! Чго же вы думаете? сѣли и уѣхали...

Потомъ знаете опять двое—голосъ-то у меня осипъ — «Дайте, кричу, душу мнѣ на покаенье!» — Вслушались, подходятъ ко мнѣ. Поднимите, говорю, лодку—такъ и такъ!

Какъ ты, говорятъ, остался живъ! совсѣмъ я, знаете, одрябъ; вытасите говорю меня—вытащили, нужно очувствоваться.

«Вотъ тебѣ тутъ тропка, по этой тропкѣ версты $1\frac{1}{2}$ или 2—на большую дорогу и выйдешь». Около этой лодки часа три сидѣлъ и пища-то нейдетъ, не о пищѣ думаю, только какъ бы Господь Богъ поднялъ, одрябъ совсѣмъ.

Спустя часа 3 мужичковъ четверо пришли къ перевозу, я ужъ поправился, и прошу ихъ убѣдительно: вы ужъ меня перевезите черезъ эту самую рѣку-съ. Ну, они говорятъ, садись, садись, говорятъ, старичекъ, и перевезли меня и сдѣлали мнѣ направленіе, на большую дорогу, и сказали, по этой самой дорогѣ иди версты 1 $\frac{1}{2}$. Такъ, знаете, прохожу по этой самой тропкѣ въ лѣвой сторонѣ и вижу колокольня деревянная, знаете, низенькая колокольня, пять колоколовъ-съ и потомъ стоитъ противъ нея одинъ крестъ. Тутъ я немножко, знаете, посидѣлъ и немного пищи употребилъ и опять пошелъ въ путь по указавію.

Знаете, это самое-съ, вышелъ на большую дорогу; пройдя 7 или 8 верстъ, стоитъ деревня, домовъ около 13; попросился ночевать. О своемъ происшествіи — тутъ старички были и молодые были — рассказывалъ. «Какъ, говорятъ, ты живъ остался?»

Потомъ, знаете, переночевалъ, напоили, накормили; пошелъ по большому тракту. Дня 3, 4 шелъ благополучно, какъ слѣдуетъ быть.

* * *

Иду, тутъ-съ городъ Вельскъ, не доходя его опять перевозъ, паромъ, изволите знать, по веревкѣ — со мной вмѣстѣ жандармъ, не знаю откуда онъ. Мы тогда сами испужались втроемъ съ перевозчикомъ!—Богъ его знаетъ, должно быть рыба большая прошла, паромъ совсѣмъ поднялся, мы за веревку схватились, висѣли! Кабы лошадь съ телѣгой хоть одна была, упала-бы она въ рѣку. Какъ прошла рыба, паромъ такъ и леснулся назадъ объ воду, а за рыбой такая волна сильная шла! Жандармъ говорилъ должно быть бѣлужина большая это была-съ.

Такъ, знаете, шелъ я это самое потомъ дня 2. Не доходя до города Вельска верстъ 7-съ, попадается мнѣ одна старушка, годовъ 85 будетъ. Я съ ней поздоровался.—«Откудова, старушка?» Она говоритъ: «я, батюшка, иду изъ Кіева и проживала въ Кіевѣ 8 лѣтъ, говоритъ». Я говорю, знаете, «куда-же ты теперича идешь?» «Я, говоритъ, дальняя, Вятской губерніи-съ». Сзади у ней мѣшокъ больше пуда, а на плечахъ 2 шубы, заплата на заплатѣ; повѣрите Богу! копѣекъ по 6 шуба, продавать такъ 10 копѣекъ не дадутъ, а спереди 2 корзины тяжелыхъ, просфорокъ до 30, знаете, въ нихъ лежатъ-съ, въ корзинахъ. Я говорю: ты бы наняла подводу,—а гдѣ же, говоритъ, денегъ-то взять! Я какъ грѣшнымъ дѣломъ курю, такъ сижу курю, а она такъ отъ меня шагахъ въ 50 и не видитъ меня, не опасается. Вижу она что-то перебираетъ долгое время, съ полъ-часа все я на нее смотрѣлъ. Потомъ, знаете, тихонько къ ней подхожу-съ (самъ въ дорогѣ люблю полюбопытствовать—вѣдь старый да малый тутъ бываетъ), я крадучись по-

дошелъ—вижу просвирокъ до 30, поминальниковъ до 13 или 15; денегъ бумажекъ 9 пятирублевыхъ, 7 бумажекъ по 1 рублю серебромъ.

Я, знаете, ее тронулъ: бабушка, говорю, какъ же ты говоришь, что у тебя нѣтъ денегъ». Она, знаете, обробѣла, такъ испугалась! Я говорю: «вѣдь ты себѣ смерть расклала, вѣдь если-бы ты въ другомъ мѣстѣ расклалась, смерть могла бы получить, обрали-бы все!»

— Батюшка, вѣдь мнѣ дома нужно, до дома надо донести, все пригодится». Такъ я съ ней поговорилъ: «ты деньги не оказывай!»

— «Да вѣдь я думала никого нѣтъ».

— «Да шубы то, говорю, брось!»

— «Нѣтъ, батюшка, все пригодится, ужъ какънибудь доплетусь».

* * *

Съ этой старухой я простился; иду версть 5 или 4—идеть муштина одинъ, чуть чуть ногами переступаетъ, за плечами два листа кровельнаго желѣза; шель босикомъ-съ, ему не болѣе, знаете, какъ 28, 30 лѣтъ. Я говорю: «ты что тихо идешь?»—«А, вотъ, говорить, посмотри!» Три человѣка его обыскали, обобрали, 6 р. 80 коп. нашли и сапоги сняли, а пятки палками избили почти до костей, чтобы бѣжать за ними не могъ. Онъ былъ изъ Костромы, ведерки поправлялъ, заработалъ эти деньги-то.—И я то оробѣлъ!

Версть 7 не доходя Вельска, знаете, идеть, самое это, попался мнѣ одинъ на встрѣчу человѣкъ, и замѣтилъ я въ немъ подозрительное, только что же я могъ сдѣлать, я старикъ!

Прихожу въ городъ Вельскъ, было часовъ 8 вечеромъ, захотѣлось чаю попить, въ трактирное заведеніе зашелъ я. Меня хозяинъ послалъ кверху, потому внизу буфетъ-съ, а вверху комнаты есть-съ. Я, знаете, наверху попросилъ кипяточку, чай заварить. И приходитъ ко мнѣ одинъ человѣкъ; на немъ пальто хорошее, штаны хорошіе, босикомъ, безъ сапогъ, а штаны, знаете, запачканы въ краскѣ, и просить у меня чашечку. А онъ выпивши.—«А отъ меня, говорить, не угодно-ли рюмку?»—Я говорю: «не хочу».—«Вотъ, говорить, какое дѣло: подхожу себѣ къ дому (чай-то мой пьеть), жена меня, говорить, не пускаетъ».—Я говорю: что-же ты можешь сдѣлать, вѣдь ты выпивши! — «Нѣтъ, говорить, я хочу свою жену зарѣзать». — «Что-жъ, говорю, вѣдь въ Сибирь пойдешь, если зарѣжешь!»—Въ такомъ случаѣ, другое могу сдѣлать, возьму да краснаго пѣтуха пушу!—Ну знаете, это самое, это видно доля твоя, коли тебѣ надоѣло на бѣломъ свѣтѣ жить. . . Потомъ, знаете, я не сталъ этиакіе пустяки говорить.—«Ступайте, говорю, въ свое мѣсто;» онъ пошелъ внизъ.

Я чай окончилъ, спускаюсь, знаете, и говорю буфетчику: «вотъ что хочеть сдѣлать!» Онъ говорить: «это по городу, говорить,

первый мастеръ, рѣщикъ и гармоніи, и скрипки дѣлаеть и настройщикъ, до 5 цѣлковыхъ въ сутки зарабатывать можетъ».

Потомъ я, знаете, вышелъ изъ трактира, какой то старичекъ подходить: «пойдемте, говорить, ночевать ко мнѣ-съ». Я, знаете, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ-съ, въ его собственный домъ и вижу, какъ онъ сапожникъ, мастерство имѣеть, мастеровыхъ человѣкъ до 6.

Ну, знаете, самоваръ готовъ, хочеть меня чаемъ поить; я говорю: «я сейчасъ изъ трактира», и рассказываю, то и то говорю.—«Да вѣдь, говорить, вотъ его домъ, видно отсюда, двое сосѣдей черезъ него дома продали, во избѣжаніе, такъ какъ того и смотри пожаръ сдѣлаеть: стружки возьметъ, зажгеть около дома, а самъ катается, точно шутить-съ! Первый, говорить, первый мастеръ. 5 или 6 цѣлковыхъ заработать можетъ!»

Такъ мы, знаете, самое поуживали и улеглись спать. Около такъ 12 или 1 часу ночи вдругъ забили въ набать; я, знаете, почти что не спалъ ничего. Хозяина бужу—что это, говорю, звонять?—А это говорить, набать; вотъ, говорить, этотъ самый домъ и горитъ! Мы побѣжали, знаете, съ хозяиномъ-съ; хорошо, что въ эту самую ночь тихая ночь то была. Сейчасъ тутъ его схватили, въ полицію повели: а онъ ужъ безъ пальто, знаете, въ одной сорочкѣ-съ. Жена и 3 дѣтей выбѣжали въ одной же сорочкѣ изъ своего дома.

Его посадили въ полицію.— Обыкновенное дѣло, въ Сибири будеть-съ!

* * *

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ отецъ свою дочку привелъ въ монастырь, представилъ къ игуменьѣ для опредѣленія въ монастырь-съ; у него для вклада въ этотъ самый монастырь не достаетъ, знаете, денегъ—тутъ, знаете, вкладъ дѣлается. Игуменья говорить, что когда ты, старичекъ, всѣ деньги сполна доставишь, тогда, говорить, и дочку твою могу принять! Богъ его знаетъ, какой вкладъ, можетъ быть 60 рублей, а у него, знаете, можетъ быть рублей 40. Эти деньги ужъ остаются, знаете, если она и выйдетъ.

Отецъ этотъ самый и дочка, знаете, самая пошли обратно домой-съ. Старикъ и дочкѣ вздумалось посчитать деньги, сколько молъ у насъ не достаетъ. И вдругъ, знаете, прискочили три человѣка, схватили его, а она то вырвалась, убѣжала въ лѣсъ. Взяли деньги-съ, его зарѣзали, сняли съ него поддевку и сапоги. А дочка то убѣжала и объявила становому: «вотъ такъ и такъ, говорить, дорогою напали и меня поранили»—2 раны въ руку и она то получила, годовъ будетъ ей 17; «сдѣлайте, говорить, милость, гдѣ ужъ ихъ взять, хоть приберите тѣло отца».

Тоть сейчасъ сдѣлалъ распоряженіе, и дѣвочку взяли они съ собой-съ. Пройдя такъ, знаете, 2 или 3 версты-съ, попадаютъ 2 человѣка; она понятнымъ говорить: «да вотъ, говорить, тятеньки моего поддевка, а вотъ, говорить, на другомъ сапоги». Понятыхъ было 9 человѣкъ, и привели ихъ къ этому зарѣзанному человѣку-съ, вмѣстѣ съ дочерью-съ, этою самою, — они тутъ и повинились, да какъ-же съ, вѣдь поддевка и сапоги!

* * *

Примешь холоду и голоду въ странствіи! Рязанская и Тамбовская губерніи самыя нечистоплотныя, топятъ соломой и каломъ; въ избѣ тутъ-же и коровы, и свиньи, и поросята, корова гадить и у ней (у козяйки) только одна рубаха да понева. Топятъ все еще по черному дыму—какъ-бы только уйти. На одномъ ночлегѣ ночевать выпросился, знаете, никого-съ, ни десятскаго, никого. Она меня пустила-съ, женщина молодая; ну ничего, говорить, дѣдушка, можно, у ней мужъ въ Петербургѣ живетъ. Знаете, самое это, поужинали съ ней, такъ съ вечера разговариваемъ мы: что же, я говорю, у васъ?—Извини, старичекъ, молочка у меня нѣтъ, коровушка, знаете, стельная, можетъ быть она скоро отелится, у меня молочко свое, говорить, будетъ.

Хорошо, знаете, я легъ на печку, она противъ печки. Слышу кричить корова.—«Тетенька, посмотри ты, говорю, стельная корова-то!» «Вѣдь я знаю время-то», говорить. «Да, я говорю, она кричитъ!»—«Богъ съ ней, пускай кричить, холодно». Потомъ, знаете, часа 2. 3 прошло, опять кричить, лихимъ матомъ. Я опять говорю: тетка, да неужели ты Бога то не боишься, встань ты, посмотри пожалуйста.—Она говорить: да что ты, старичекъ, безпокоишься, взяла она лучину, зажгла, да теленка въ подолѣ и принесла, ужъ онъ холодный! Она его на печку отогрѣвать; я говорю: «что его отогрѣвать коли копытца ужъ бѣлыя!»—Такъ, говорить: «дѣдушка, ты никому, сосѣдямъ то въ деревнѣ не говори, будутъ, говорить, смѣяться».

Вотъ вѣдь какой народъ, лѣнивый народъ! Кому я буду говорить? Грязно ужасъ, какъ грязно-съ, что Тамбовъ, что Рязань.

И клоповъ вездѣ по монастырямъ-съ, просто обсыплотъ, знаетел! Такъ сѣлаю ночь и сидишь, ждешь заутрени!

Чего, чего не примешь, не натерпишься!

В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLIII ¹⁾.

Съ полуночи вѣтеръ холодный подулъ
 И листь пожелтѣлый на землю свалился
 И съ ропотомъ грустно по ней пропорхнулъ,
 Отъ вѣтки родной далеко укатился.

* * *

Съ родимой сторонки уносить меня
 Безвѣстной судьбы приговоръ неизмѣнный,
 И грустно, что край оставляю тотъ я,
 Гдѣ жилъ и любилъ я въ тиши отдаленной.

Августъ 1839 г. Чертково.

XLIV.

Тяжела голова моя,
 Мои очи заплаканы,
 Тяжело на душѣ моей,
 Тяжело моя милая.
 Дай склонюсь головою я
 Къ тебѣ, другъ мой, на плечко,
 Къ тебѣ къ сердцу прижмусь я
 Моимъ сердцемъ измученнымъ.
 Сердце сердцемъ излечится
 И забудусь сладкимъ сномъ
 У тебя я на плечиѣ,
 И во снѣ стану видѣть я
 Свѣтлыхъ Ангеловъ Божіихъ,
 И увижу въ среднѣ ихъ
 Я тебя, моя милая...

3-го августа 1839 г.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г. т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388.

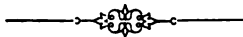
КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ

ЗАПИСКА АРХИМАНДРИТА ИГНАТІЯ

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА УСТАВА

оу учрежденіи епархіальныхъ обществъ Сестеръ Милосердія

1869 г.

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ РОССИИ.

Записка архимандрита Игнатія

1869 г.

Въ 1869 году извѣстная въ то время игуменья Митрофанія составила удостоившійся нѣкотораго вниманія проектъ устава псковской епархіальной общины сестеръ милосердія и другихъ имѣющихся открыться въ нашемъ государствѣ; проектъ этотъ едва не получилъ утвержденія, но, по разсмотрѣніи назначенною для сего правительствомъ комиссіею, былъ отвергнутъ. Вослѣдовало это на основаніи записки, составленной и представленной однимъ изъ членовъ помянутой комиссіи, отцомъ архимандритомъ Сергіевою пустыни, что близъ Петербурга, Игнатіемъ (Малышевымъ). Вотъ эта записка ¹⁾. Ред.

Проектъ игуменья Митрофанія не примѣнимъ къ монастырямъ и къ монашествующимъ лицамъ: это вполне свѣтское учрежденіе, а монастыри и монашество вполне духовныя учрежденія. Справедливость требуетъ всякому предоставить идти своимъ путемъ; желающая быть сестрой милосердія не пойдетъ въ монахини, а призванная въ монашество не пойдетъ въ сестры милосердія. Насиліе же ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено: крѣпостное право уже не существуетъ. И потому, чтобы уяснить задачу и положить грань между свѣтскими и духовными учрежденіями, мы намѣрены по возможности сказать: что есть монахъ, или каковъ долженъ быть монахъ по обѣту,

¹⁾ Оттиски этой записки изъ «Русской Старины» были выпущены въ свѣтъ еще въ 1887 году, но въ журналѣ нашемъ она появляется лишь въ этой книгѣ.

Ред.

данному имъ предъ Богомъ, и насколько будетъ способствовать его духовному восхожденію или нисхожденію такого рода занятія, какія предназначаются проектомъ устава объ обращеніи монахинь въ сестеръ милосердія.

Жаль, что составительница проекта не пожелала обратить вниманіе ни на священное писаніе, ни на каноническія правила, ни на ученіе и уставы святыхъ отцовъ православной церкви; собранныя ею правила заимствованы изъ разныхъ свѣтскихъ учрежденій и къ монашескому быту не приложимы.

Мы увѣрены, что если-бы составительница проекта устава воспользовалась уставомъ для монашествующихъ св. угодника Божія Нила Сорскаго, то не помыслила бы касаться монастырей, да и самой бы ей было бы трудно удалиться изъ своего монастыря.

Живо бы, живо стучали у нея на сердцѣ слова Спасителя послѣдовавшей за Нимъ: „Остави мертвыя погребсти своя мертвецы“.

А чтобы монахъ погребъ своя мертвецы, должно имѣть особенное вниманіе въ жизни, умереть для міра, а жить для Бога: „Мнѣ міръ распяся и азъ мірови“, говоритъ святыи апостоль Павелъ.

Эти многозначительныя слова требуютъ совершенной чистоты плоти и духа; на этотъ путь и выступаютъ избранники Божіи, преимущественно въ лицѣ монашествующихъ, о чемъ свидѣлствуютъ исторія и святые чудотворныя ихъ мощи. Равноангельная жизнь ихъ свидѣлствовалась Духомъ Святымъ, еще во время пребыванія ихъ на земли, почему и церковь именуетъ ихъ земными ангелами и небесными челоуѣками.

Дерзаемъ, за молитвами угодниковъ Божіихъ, сдѣлать хотя краткое извлеченіе изъ духовнаго состоянія.

Блаженный Исихій Іерусалимскій говоритъ: „Какъ невозможно пребывать въ сей жизни безъ пищи и питія, точно также невозможно душѣ, безъ храненія ума, называемаго трезвеніемъ, достигнуть чего нибудь духовнаго, хотя бы кто и поуждалъ себя страхомъ вѣчныхъ мукъ къ удаленію отъ грѣховъ“.

Отцы говорятъ, что истинный исполнитель заповѣдей Божіихъ не только охраняется отъ злыхъ дѣлъ, но остерегается даже того, чтобы и умомъ не преступить заповѣданнаго. „Нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и властемъ и

міродержателемъ тмы вѣка сего, въ духовомъ злобы поднебеснымъ“. (1. Къ Ефес. Гл. 6. Зач. 233. Ст. 12).

Всякій внимательный дѣлатель заповѣдей Христовыхъ долженъ вступити въ эту борьбу противъ духа тмы.

По сказаніямъ отцевъ, что въ мысленной нашей брани побѣды и побѣжденія бывають различныхъ степеней: первая степень брани называется прилогъ, потомъ—сочетаніе, далѣе—сложеніе, за нимъ—плѣненіе и, наконецъ,—страсть. „Блаженъ же иметъ и разбіетъ младенцы ¹⁾ твоя о камень“.

Блаженный Исихій полагаетъ въ семь мысленномъ дѣланіи четыре образа дѣйствованія. „Наблюдать за прилогами, или сохранять сердце въ глубокомъ молчаніи отъ всякаго помысла, или молиться и призывать на помощь Господа Иисуса Христа, или имѣть память смертную“.

Все сіе, сказалъ онъ, возбраняетъ входъ лукавымъ помысламъ. Каждое изъ сихъ дѣланій называется трезвеніемъ ума нашего, т. е. мысленнымъ дѣланіемъ.

Разсмотрѣвъ все сіе, каждый изъ насъ да подвизается приличествующимъ себѣ способомъ о Христѣ Иисусѣ. Умное дѣланіе, по разуму святыхъ отцевъ, превыше всякаго тѣлеснаго дѣланія, и по преимуществу занимаются имъ въ монастыряхъ.

Противъ всѣхъ злыхъ помысловъ призывается Имя Божіе, потому что мы не имѣемъ силы во всякое время сопротивляться лукавымъ помысламъ, какъ сказалъ св. Исаакъ: „Нѣтъ другой таковой помощи, какъ Богъ“.

Посему должно молиться прилежно Владыгѣ Христу съ воздыханіемъ и слезами, говоритъ Нилъ Синайскій: „Помилуй мене, Господи, и непусти мене погибнуть, помилуй мене, Господи, ибо я немощенъ! Господи, посрами борющаго мене бѣса! Упованіе мое! Осѣни надъ главою моею во время бѣсовской брани! Господи, побори борющаго мене врага, и укрьпи, сложе Божій, обуревающіе меня помыслы твоею тишиною!“

Мы должны строго внимать и тому, чтобы не быть самимъ причиною упорнаго нападенія на насъ лукавыхъ помысловъ, за неправильное, ложное и небрежное шествіе путемъ Божіимъ;

¹⁾ Начатки грѣховныхъ помысловъ.

ибо мы должны препровождать сіе духовное жителство съ великимъ усердіемъ и прилежаніемъ, руководствуясь во всемъ божественнымъ писаніемъ, поступая во всѣхъ случаяхъ благочестиво и смиренно. Хотящій достигнуть любви Божіей и истинно спастись всегда долженъ дѣлать дѣло Господа безъ лѣности и тщательно.

Внимай же послѣдующему со страхомъ: если твой образъ мыслей не будетъ смиренъ, то благодать оставитъ тебя и ты будешь впадать самымъ дѣломъ въ тѣ согрѣшенія, въ которыхъ ты искушаешься только одними помыслами. А постоянное пребываніе въ добродѣтели не отъ тебя зависитъ, но отъ благодати, она носитъ тебя на рукахъ своихъ, сохраняя отъ всѣхъ противныхъ обстоятельствъ.

Конечно, намъ сважутъ, что нынѣшнее монашество не такъ занимается умнымъ дѣланіемъ.

На это святой Григорій повелѣваетъ отвѣчать отъ писанія отцевъ такъ: „Не во всѣхъ все было въ совершенствѣ, по недостатку тщанія и по слабости силъ, впрочемъ, малое въ великихъ не всегда мало, великое же въ малыхъ не всегда совершенно; ибо не всѣ подвижники, какъ нынѣшніе, такъ и древніе, не всѣ сохранили до кончины своей одинъ и тотъ же образъ жизни“.

О предупсѣвшихъ же и достигшихъ просвѣщенія св. Григорій говоритъ: „Они не нуждаются въ чтеніи псалмовъ, они пребываютъ въ молчаніи, неослабной молитвѣ и созерцаніи, они соединены съ Богомъ, имъ не слѣдуетъ отвлекать отъ Бога умъ свой и ввергать его въ смущеніе. Ибо умъ таковыхъ прелюбодѣйствуетъ, когда отступить отъ памяти Божіей и займется со вниманіемъ низшими предметами“.

Святой Исаакъ Сирскій, который пишетъ о семъ еще выше, говоритъ слѣдующее: „Когда находятъ сія несказанная радость, тогда отъемлется и молитва отъ устъ, тогда умолкаютъ уста, и языкъ, и сердце—хранитель помысловъ, умъ—кормчій чувствъ, мысль—быстролетающая и неудержимая птица. Тогда мысль не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластія, но управляется другою силою, а не своею собственною, содержится въ тотъ часъ въ плѣну, занимается непостижимыми предметами; гдѣ находится—не понимаетъ“. Онъ называетъ сіе ужасомъ и видѣ-

ніемъ молитвы, а не молитвою. Тогда имъ не молится, но бываетъ выше молитвы, оставляетъ молитву, достигши лучшаго, бываетъ въ изступленіи, не имѣетъ воли, „аще въ тѣлѣ или внѣ тѣла, не вѣдаетъ“, по словамъ апостола (2 Корин. Гл. 12, стихъ 2).

Святый Исаакъ называетъ молитву — сѣменемъ, а сіе взятіемъ рукоятій, когда жнуцій удивляется несказанному зрѣлищу, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ сѣялъ, внезапно въ виду его выросли столь зрѣлые колосыя.

Отцы называютъ сіе состояніе молитвою только потому, что оно имѣетъ начальную причину свою отъ молитвы и во время молитвы даруется святымъ сіе неизреченное дарованіе. Отцы, объясняя сіе состояніе для пользы душъ, употребляютъ произвольныя слова, а наименовать оное съ опредѣлительностію нивто не можетъ. Когда душа духовнымъ дѣйствіемъ подвигнется къ сему Божественному состоянію, содѣляется непостижимымъ соединеніемъ подобною Божеству и просвѣтится лучами великаго Свѣта въ своихъ движеніяхъ; когда умъ сподобится ощутить будущее блаженство, тогда забываетъ себя и все земное и уже не будетъ имѣть никакой мысли.

Еще говоритъ святый Исаакъ въ другомъ мѣстѣ: „Умъ во время молитвы восхищается внѣ своей воли, въ мысли безплотныхъ, которыя невозможно выразить чувственнымъ языкомъ; потомъ внезапно возгарается въ тебѣ радость отъ сей, ни съ чѣмъ несравненной, пищи, умолкаетъ языкъ; изъ сердца непрестанно кипитъ какая-то сладость, и неощутительно часъ отъ часу отвлекаетъ всего человѣка отъ всего; является во всемъ тѣлѣ какое-то наслажденіе и радость, необъяснимая плотскимъ языкомъ, и земное онъ считаетъ пепломъ и прахомъ, отъ дѣйствія въ немъ памяти Божіей. Когда, сказалъ онъ, явится въ человѣкѣ сіе наслажденіе, кипящее во всемъ тѣлѣ его, тогда человѣкъ думаетъ, что Царство небесное не что иное, какъ сіе состояніе“.

Еще въ другомъ мѣстѣ тотъ же святый Исаакъ говоритъ: „Сподобившійся радости о Богѣ не только не обратитъ вниманія на страсти, но даже не помыслитъ о своей жизни: ибо любовь Божія сладостнѣе жизни и разумъ о Богѣ, отъ котораго рождается любовь, гораздо сладостнѣе меда и сота“.

Но все сіе непостижимо и невыразимо, какъ говорить Симеонъ новый Богословъ:

„Какой языкъ скажетъ! Какой умъ объяснить! Какое слово выразить! Страшно, по истиннѣ страшно и превышаетъ всякаго слова! Сидя въ келии на одрѣ, вижу свѣтъ, котораго міръ не имѣетъ. Внутри же себя вижу Творца міра, бесѣдую съ Нимъ, люблю Его и вкушаю, питаюсь до сытости Боговидѣніемъ, соединившись съ Нимъ, превышаю небеса. Сіе знаю вѣрно и истинно, гдѣ же тогда мое тѣло? Не знаю“.

Бесѣдуя о Господѣ, онъ говоритъ: „Онъ любитъ меня, принимаетъ меня въ Себя Самого, на объятіяхъ носить. Живущій на небѣ находится въ сердцѣ моемъ, вижу Его и здѣсь, и тамъ“. И потомъ говоритъ къ Господу: „Вотъ Владыка дѣлаетъ меня равноангельнымъ, даже поставляетъ меня превышаетъ ангеловъ, ибо Онъ для нихъ невидимъ по существу, по естеству неприступенъ; а я вижу Его всячески и Онъ своимъ существомъ соединился съ моимъ естествомъ“.

О семъ разсуждая, св. Симеонъ говоритъ: „Вижу я то, что око не видѣло, ухо не слышало и чего на плотское сердце не пришло; находясь въ семъ состояніи, не только не желаю выдти изъ келии, но хочу сокрыться въ пещерѣ, ископанной подъ землю, чтобъ, находясь тамъ внѣ всего міра, смотрѣть мнѣ на безсмертнаго Владыку моего Создателя“.

Согласно сему и святой Исаакъ сказалъ: „когда снимется съ умственныхъ очесъ человѣка покрывало страстей и онъ взрѣтъ на сію славу, то немедленно умъ возвышается и приходитъ въ ужасъ. Если бы Богъ не положилъ предѣла такому состоянію въ сей жизни, сколько пребывать въ немъ, то человѣкъ, когда бы сіе было допущено, пребылъ бы въ немъ всю жизнь, никогда бы не престалъ отъ взиранія на предметы, столь удивительные. Богъ дѣлаетъ сіе по Своей милости, умаляя на время въ святыхъ благодать, чтобъ они промышляли и пеклись о братіи служеніемъ слова, то есть наставляли ихъ на благочестіе“.

Святой Макарій говоритъ: „достигшіе мѣры совершенства бывають вполне поглощены любовію и сладостію сихъ чудныхъ видѣній, и если бы, сказалъ онъ, человѣкъ имѣлъ въ себѣ дѣйствіе благодати всегда равное, то не былъ бы въ силахъ нести обязанность и тяжесть служенія слову, ни слышать что-либо,

ни говорить о чемъ-либо земномъ, ни имѣть малѣйшаго о чемъ-либо попеченія“. И объяснилъ состояніе совершенныхъ въ благодати притчею: они подобны взошедшимъ на двѣнадцать степеней; но благодать нѣсколько ослабляетъ свое дѣйствіе и они, низшедши на одиннадцатую ступень, на ней пребываютъ. Они не допущены до мѣры полного совершенства, чтобъ имѣть время заниматься съ братіею и пользоваться ихъ служеніемъ слова.

Что сказать о тѣхъ, которые, будучи еще въ семь тѣлѣ, вкусили безсмертныя пищи и, будучи въ семь маловременномъ мірѣ, отчасти сподобились радости, предуготованной въ небесномъ отечествѣ: таковыя не прельстятся ни красотою, ни сладостію сего міра, не убоятся скорбей и бѣдствій, ибо дерзаютъ говорить съ Апостоломъ: „Ничтоже насъ разлучитъ отъ любви Божіа“ и прочее... (Римл., гл. 8, ст. 39), но сіе относится, по словамъ святаго Исаака, только къ тѣмъ, которые сами были зрителями видѣній и служителями сихъ таинствъ, или, наставившись святыми отцами и отъ устъ ихъ научившись истинѣ, провели жизнь свою въ исканіи сего блаженства.

Мы же, непотребные, повинные многимъ грѣхамъ и исполненные страстей, недостойны и слышать таковыя слова, но уповавъ на благодать Божію, дерзнулъ я отчасти привести здѣсь сіи святаго писанія духовныхъ отцовъ, чтобъ познать намъ, каковы мы исполнены окаянства и какому безумію предаемся, заботясь о приобрѣтеніяхъ и преуспѣяніи сего міра, приобрѣтая тлѣнныя вещи, ради сего входя въ молвы и распри, причиняя вредъ душамъ нашимъ, думая симъ дѣлать добро и вмѣняя сіе въ похвалу себѣ.

Но горе намъ! мы не познаемъ душъ нашихъ, не разумѣемъ къ какой мы призваны жизни, какъ говоритъ Святой Исаакъ: „мы вмѣняемъ житіе сего міра, или скорби, или покоя его, какъ бы значущіе что либо“.

Отъ лѣности, міролюбія и небреженія нашего говоримъ, что сіе свойственно было только древнимъ святымъ отцамъ, а намъ невозможно.

Нѣтъ, нѣтъ!

Невозможно только тѣмъ, которые предаются страстямъ самозвольно, не хотая истинно покаяться и потрудиться въ дѣлѣ Божіемъ, которые любятъ вредныя попеченія сего міра.

Господь принимаетъ всѣхъ истинно вающихся, благодѣтельствуеъ и даруетъ славу всѣмъ тѣмъ, которые съ великою любовію и страхомъ ищутъ Его, взираютъ на Его единого и исполняютъ Его заповѣди. Такъ свидѣтельствуеъ все божественное писаніе.

Между древними отцами было много дѣлателей и учителей сего, они назидались и укрѣплялись одинъ отъ другаго; нынѣ же хотя и умалилось число таковыхъ, но если кто съ усердіемъ потщится о дѣлѣ Божіемъ, того благодать наиболѣе вразумляетъ и тому помогаетъ отъ нынѣ и до вѣка; напротивъ, она называется прельщаемыми и прельщающими (Рим., гл. 3, ст. 18) тѣхъ, которые сами не произволяютъ подвизаться и приводятъ другихъ въ нерадѣніе и отчаяніе, говоря: Богъ не ниспосылаетъ нынѣ древнихъ дарованій.

Нѣкоторые не хотятъ слышать, что въ нынѣшнее время есть благодать.

Таковые омрачены великимъ нечувствіемъ, неразуміемъ и маловѣріемъ, говоритъ св. Григорій Синайскій.

Но мы, познавши все сіе изъ святыхъ писаній, если хотимъ имѣть истинное прилежаніе къ Божію дѣлу, то прежде всего удалимся какъ можно болѣе отъ суеты сего міра и постараемся умалить страсти, сохраняя сердца отъ лукавыхъ помысловъ; въ сердцѣ исполняя Божіи заповѣди, при храненіи сердца будемъ непрестанно имѣть молитву.

Это первая степень иноческаго возраста и иначе невозможно умалить страстей, говоритъ Симеонъ новій Богословъ.

Итакъ, по разуму святыхъ отецъ: „безъ совершенной чистоты плоти и духа“ невозможно привлечь благодать: „Блаженни чистиі сердцемъ, яко ти Бога узрятъ“. (Мат., гл. 5, ст. 10).

Узрятъ Его въ благодатныхъ дѣйствіяхъ, которыя преизобильно изливались и изливаются на дѣлателей заповѣдей Христовыхъ.

Да не скажутъ намъ, что нынѣ нѣтъ духоносныхъ отцевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Святый Духъ есть и будетъ, ниже начиная, ниже престаая.

Мы видѣли многихъ современныхъ намъ отцевъ и пользовались ихъ духоносными наставленіями.

Не мѣсто здѣсь исчислять ихъ подвиги и вышеестественныя дарованія; эту истину засвидѣтельствуютъ всѣ тѣ, на которыхъ падали лучи свѣта благочестивой жизни ихъ.

Кому изъ чтущихъ отечественную святыню неизвѣстны современные намъ подвижники и подвижницы благочестія; мы могли бы указать на многихъ, но здѣсь не мѣсто исчислять.

Эти Богомъ избранные сосуды благодати сіяли подвигами вѣры и благочестія; надѣмся, что наши слова будутъ засвидѣствованы всѣми тѣми, которые внимали окомъ вѣры и не были слѣпы, чтобы видѣть, ни глухи, чтобы слышать. Пусть вознесется за нихъ молитвенное воспоминаніе всѣми, которые молитвами ихъ и любовію, растворенною жалостію, получили исцѣленіе душевной болѣзни.

Кто сознаетъ, что его жизнь сохранена отъ гибели, кому путь указанъ къ вѣчности, кто избавленъ отъ невѣренія, кому дана живая вѣра, кому тернистый путь углаженъ, въ чье сердце, изнывающее страданіями, влита была отрада! Вмѣстѣ съ ними скажемъ: это звѣзды путеводныя, это маяки, охраняющіе отъ подводныхъ скаль, это свѣтила, вѣчно сіяющія и просвѣщающія концы земли.

Небезопасно колебать глубоко-духовныя иноческія учрежденія, засвидѣствованныя духомъ святымъ, освященныя вѣвами и усвоенныя всею православною церковью.

Пресловутая по учрежденіямъ Англія съ завистью смотритъ на наши обители, усиливается учредить у себя подобныя, но одни человѣческія средства недостаточны безъ благодати Божіей.

Не имѣя Антоніевъ, Пахоміевъ, Пименовъ, Сисоевъ, Макаріевъ, Θεодосіевъ, не въ состояніи насадить подобный чинъ и благочестіе.

Къ несчастію, многіе изъ насъ порицаютъ безъ разбора все свое, громко возглашая противъ святыхъ обителей.

Не защищаю ихъ недостатковъ,—это иной вопросъ, требующій уясненія, кто въ этомъ болѣе виноватъ; но не слѣдуетъ забывать повелѣнія нашего Искупителя, который въ притчѣ о плевелахъ, на предложеніе исторгнуть ихъ, отвѣчалъ; „Ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы“. (Мат., гл. 13. Зач. 52).

Все очистится въ свое время, въ горнилѣ искушенія: чье дѣло скорить, а чье останется по суду Божию, и мы должны быть осторожны въ сужденіяхъ и осужденіяхъ, дабы не явиться жесточайшими тѣхъ фарисеевъ, которые привели ко Христу жену грѣшницу; Господь предложилъ имъ, говоря: Иже въ васъ безъ грѣха, первый верзи камень на ню. (Іоанна, 8. Зач. 28). Никто не дерзнулъ исполнить предложеніе; обличаемые совѣстію, разошлись единъ по единому.

Неужели нынѣшніе праведники наложатъ руки на святыхъ обители, и въ подражаніе инославнымъ промѣняють чистое золото на мѣдную монету и истинное дѣланіе на призрачное.

Если попущеніемъ Божиимъ совершится что не въ пользу обителей, тогда монашествующіе должны будутъ пѣть вмѣстѣ съ израильтянами: „На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плавахомъ“. (Псаломъ, 136, ст. 1).

Какъ древній Израиль послѣ многихъ плѣненій былъ отвeденъ въ плѣнъ вавилонскій, такъ и новый Израиль-Христіанинъ, послѣ многой борьбы противъ плоти и духа, изшедшій изъ міра и плѣна страстей, опять привлекается въ міръ, опять въ Вавилонъ.

Міръ, съ своей суетой, именуется Вавилономъ, дѣянія его протекають какъ рѣка: и сидитъ Израиль при рѣкахъ вавилонскихъ, вспоминая объ утратѣ Сіона.

Сидитъ и инокъ при рѣкахъ дѣяній, какъ зритель временъ, не безъ страха взирая на мирныя обители, виновныя многихъ духовныхъ дарованій, чтобъ на мѣстѣ созерцательной духовной жизни не водворилась бы суета, молва и мятежь, которые изгоняють изъ обителей собранные плоды благодати и не допускаятъ заниматься дѣяніемъ духовнымъ.

Тогда подвижники благочестія опять отвeдутся въ плѣнъ мысленныхъ браней и рабства страстей.

Какъ древній Израиль въ плѣну вавилонскомъ обѣсилъ органы хваленія Богу, такъ и новый Израиль, возрожденный Богомъ, отложить мысли святыхъ, дерзновеніе къ Богу и дѣянія благія.

Насмѣшливо спросятъ ихъ плѣнившія страсти о пѣсняхъ сіонскихъ?

Молчаніемъ отвѣтять во устахъ грѣховныхъ сѣдящіе, и новый Израиль, какъ древній въ тѣ горькіе дни лишь мыслию скорбною

вспомануть о пѣсняхъ сіонскихъ: „Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждой. Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего“. (Въ началѣ духовной свободы, происходящей отъ дѣланія заповѣдей Божіихъ). „Помяни, Господи, сыны Едомскіе въ день Іерусалимль“. (Въ день общаго восхожденія праведныхъ въ горній Іерусалимъ).

„Дщи Вавилона окаянная (плоть и плотское мудрованіе), блаженъ иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ. Блаженъ иже иметь и разбіетъ младенцы (начатки грѣховныхъ помысловъ) твоя о камень“.

Мы боимся, чтобы не повторился плачь Израиля и въ настоящее (1869 г.) время.

Новое предположеніе проекта не есть ли посягательство на отнятіе умнаго дѣланія и созерцательной жизни, улажаемой самимъ Господомъ.

„Марео, Марео! сказалъ Господь, печешися и молвиши о мнозѣмъ, едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отыметя отъ нея“.

Не слѣдуетъ тревожить Марію,—Марей найдутся.

Мы указали, по возможности, съ духовной точки зрѣнія, на невозможность соединить свѣтскія учрежденія съ духовными.

Архимандритъ Игнатій.

10 іюля 1869 года.

Примѣчаніе. Напечатанная здѣсь записка написана отъ архимандритомъ Игнатіемъ по поводу проекта бывшей игуменіи Митрофаніи (въ мѣрѣ баронеса Розенъ), объ обращеніи женскихъ монастырей въ епархіальныя общины сестеръ милосердія, каковая записка отъ Игнатія была повергнута на высочайшее воззрѣніе блаженной памяти государыни императрицы Маріи Александровны и имѣла послѣдствіемъ то, что проектъ игуменіи Митрофаніи былъ отвергнутъ. Помѣщаемъ эту записку на страницахъ „Русской Старины“ какъ документъ, имѣющій нѣмалѣе исключительный интересъ историческій. Въ 1888 году Записка эта была издана нами, по просьбѣ почтеннаго отца архимандрита Игнатія, въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ.

Ред.

15-го мая 1889 г.

БРАТЪЯ В. В. и К. В. СИКОРСКІЕ,

ординарцы генерала Хрулева.

I.

Къ очерку П. В. Алабина.

Въ «Русской Старинѣ» 1889 года, т. LXI, январь, помѣщена замѣтка одного изъ участниковъ Севастопольской обороны П. В. Алабина, объ ординарцахъ генераль-лейтенанта Хрулева, бывшаго комендантомъ лѣвой половины оборонительной линіи города Севастополя.

Всякое сообщеніе объ эпохѣ Севастопольской обороны, эпохѣ, которая составляетъ лучшую странницу русской военной исторіи, читается съ удовольствіемъ всякимъ истинно-русскимъ человѣкомъ, а еще болѣе дороги эти сообщенія тѣмъ немногимъ участникамъ этой славной обороны, которыхъ еще пощадило неумолимое время. П. В. Алабинъ, сдѣлавъ ссылку на № 5 иллюстрированнаго изданія «Пчела» за 1877 годъ, въ которой былъ помѣщенъ портретъ и краткая біографія бывшаго ординарца генерала Хрулева—Константина Викентіевича Сикорскаго, убитаго 16-го сентября 1876 г. въ Сербин, подъ Шеллеговацемъ, говоритъ, что «не должно безмолвствовать, если въ рѣчахъ о бывшихъ боевыхъ товарищахъ встрѣчается что-либо противное истинѣ», и на этомъ основаніи исправляетъ въ «Пчелѣ» имя убитаго Сикорскаго, называя его не Константиномъ, а Василиемъ. Позволяю себѣ сдѣлать замѣчаніе, что многоуважаемый П. В. Алабинъ, по давности Севастопольскихъ событій, такъ-же впалъ при этомъ въ ошибку. При бывшемъ комендантѣ корабельной стороны и начальникѣ лѣвой половины обороны г. Севастополя генераль-лейтенантѣ Степанѣ Александровичѣ Хрулевѣ состояли, въ числѣ другихъ безсѣнныхъ ординарцевъ, два брата Сикорскіе—Василій и Константинъ Викентіевичи.

Василій Сикорскій поступилъ къ генералу Хрулеву въ началѣ марта 1855 года, при самомъ назначеніи генерала начальникомъ лѣвой половины обороны, младшій же Сикорскій Константинъ—нѣсколько позже; оба брата состояли на службѣ юнкерами въ Якутскомъ пѣхотномъ полку. Оба они были юноши доброй нравственности, оба не по лѣтамъ ретивые и исполнительные служавы, поэтому-то они и пробыли при генералѣ Хрулевѣ до окончанія осады. Бывши еще юнкерами-ординарцами, они заслужили знаки военнаго ордена

Св. Георгія, затѣмъ оба произведены за отличіе въ прапорщики и затѣмъ въ подпоручики и получили ордена Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и 3-й степени съ бантомъ. По окончаніи же обороны, при назначеніи Хрулева на Кавказъ на мѣсто генерала Муравьева-Карскаго, Василій Сикорскій, по его просьбѣ, былъ переведенъ на Кавказъ къ генералу Хрулеву, гдѣ и произведенъ за отличіе по службѣ въ поручики; затѣмъ, по окончаніи Восточной войны, оба брата Сикорскіе вышли по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку. Въ 1876 году въ Сербіи подъ Шеллеговацемъ былъ убитъ младшій изъ Сикорскихъ, т. е. Константинъ Викентіевичъ, старшій же братъ Василій Викентіевичъ жлъ, въ то время, въ Кіевѣ, находясь въ отставкѣ, и о дальнѣйшей его судьбѣ я не имѣлъ возможности собрать никакихъ свѣдѣній.

Приведенная въ заміткѣ П. В. Алабина интересная переписка о револьверахъ, рисующая всю мелочность военной администраціи времени (Сухозанета?). вызываетъ невольную улыбку. Зачѣмъ это могли потребоваться, по окончаніи войны, револьверы, выданные офицерамъ по одному экземпляру на полкъ? Выданы они были тѣмъ лихимъ, боевымъ офицерамъ, которые что-день были лицомъ къ лицу со врагомъ, и понятно, что эти револьверы ежедневно могли быть утрачены со смертію владѣльца револьвера, или отбиты непріателемъ, а если бы они и уцѣлѣли, то какая же бѣда, если и въ мирное время хотя одинъ офицеръ въ полку будетъ владѣть порядочнымъ оружіемъ?! Нѣтъ, ужъ таковъ былъ въ то время (до назначенія военнымъ министромъ Д. А. Милютина) педантизмъ въ военномъ вѣдомствѣ, что обо всемъ и обо всѣхъ плодились переписки въ ущербъ самого дѣла!

Я такъ-же получилъ подобный револьверъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: исполняя должность помощника, по артиллерійской части, начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи, съ 31-го мая 1855 года, я, въ славный день отбитія штурма 6-го іюня, когда троекратныя атаки на батареи 5-го отдѣленія были отражены, былъ потребованъ къ генералу Хрулеву для составленія донесенія начальнику Севастопольскаго гарнизона, генераль-адъютанту графу Остенъ-Сакену.

Выслушавъ мой словесный докладъ, что непріатель при штурмѣ, дѣйствіемъ огня батарей, не былъ допущенъ даже до рва, усталый до изнеможенія герой этого дня (какъ названъ генералъ Хрулевъ въ приказѣ главнокомандующаго арміею) поблагодарилъ меня за труды по артиллерійской части и, подавая мнѣ револьверъ, сказалъ: «возьмите его, благодарителі, на память славнаго нынѣшняго дня».—Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ генерала бумагу слѣдующаго содержанія:

«Помощнику начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи артилеріи подпоручику и кавалеру Вроченскому.

«Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростію. Препровождая вамъ, господинъ подпоручикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости и распорядительности.—Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ корабельной стороны генераль-лейтенантъ Хрулевъ. № 305, іюня 10-го дня 1855 года. Г. Севастополь».

По всей вѣроятности и ординарцы генерала — подпоручики Сикорскіе, Негребецкій и Кишельскій, получили вмѣстѣ съ револьверами предписанія въ родѣ вышеприведеннаго, и совершенно естественно, что возвратить въ штабъ

дивизиі оружіе, полученное на память отъ безгранично-уважаемаго начальника-героя, они не могли, да и требовать это оружіе никто не имѣлъ права. Револьверы были высланы одновременно, какъ въ штабы дивизій, такъ и генералу Хрулеву, а потому не было, кажется, и причины брать ему еще и у начальника 11-й пѣхотной дивизиі револьверы, предназначенные въ полки, тутъ просто вышло какое то недоразумѣніе. Ежедневно, встрѣчая на своихъ батареяхъ ординарцевъ генерала Хрулева, я никогда не слышалъ отъ нихъ ни о какихъ другихъ револьверахъ, кромѣ тѣхъ четырехъ, о которыхъ упомянуто въ предписаніи ко мнѣ за № 305. Револьверъ, полученный мною, и препроводительная грамота моего доблестнаго начальника, изложенная въ столь лестныхъ для меня выраженіяхъ, хранится у меня почетно до нынѣ и, какъ воспоминаніе славной, безпримѣрной Севастопольской защиты, вмѣстѣ съ моимъ офицерскимъ Георгиевскимъ крестомъ будутъ завѣщаны моимъ сынамъ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшія судьбы,
Усердныхъ слугъ отчизны вспоминають
За ихъ труды, за славу, за добро....

М. Вроченскій.

6-го марта 1889-го года,
г. Кіевъ.

II.

К. В. Сикорскій.

Покойный братъ мой Константинъ Сикорскій, убитый въ Сербіи, въ бою съ Турками, служилъ вмѣстѣ со мной въ Якутскомъ пѣхотномъ полку и 1-го апрѣля 1855 г., бывши еще юнкеромъ, назначенъ былъ ординарцемъ къ генераль-лейтенанту Хрулеву, кажется на мѣсто умершаго отъ ранъ юнкера Чекеруль-Куша, и состоялъ ординарцемъ, вмѣстѣ со мной, до конца осады Севастополя, и въ послѣднемъ штурмѣ у горжи Малахова кургана былъ сильно контуженъ осколкомъ гранаты въ плечо.

Во время осады онъ получилъ награды: званъ отличія военнаго ордена, чинъ прапорщика и чинъ подпоручика, а послѣдующіе чины и ордена на Кавказѣ въ рядахъ Виленскаго пѣхотнаго полка, за дѣйствія при покореніи Чечни. П. В. Алабинъ лично зналъ моего брата Константина, но неудивительно, ежели чрезъ 33 года забылъ о немъ.

Въ отношеніи же сообщеннаго свѣдѣнія о полученномъ мною отъ генераль-лейтенанта Хрулева револьверѣ дополняю, что получилъ его при слѣдующемъ предписаніи:

«Состоящему при мнѣ безсмѣннымъ ординарцемъ Якутскаго пѣхотнаго полка господину прапорщику и кавалеру Сикорскому 1-му.

Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера, съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростью.

Препровождая вамъ, господинъ прапорщикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости.

Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ Корабельной стороны генераль-лейтенантъ Хрулевъ».

№ 308.

10 іюня 1855 года.

Г. Севастополь.

Подлинный этотъ документъ у меня сохранился.

Слѣдовательно, это былъ подарокъ лично мнѣ и возвращать его въ дивизию не было основанія и я получилъ одинъ револьверъ, а не два, какъ предполагаетъ г. Алабинъ, да Степанъ Александровичъ и не далъ бы мнѣ двухъ, такъ какъ и другіе его окружавшіе нуждались въ подобномъ оружіи.

Револьверъ этотъ оказался непрактичнымъ,—съ него надо было очень хладнокровно стрѣлять, такъ какъ послѣ каждаго выстрѣла необходимо было снимать разбитый пистонъ, что очень козотно, а иначе пистонъ попадалъ подъ барабанъ и второй выстрѣлъ сдѣлать было невозможно, что и было 27-го августа, во время послѣдняго штурма мнѣ пришлось сдѣлать только два выстрѣла, потому я былъ уже обезоруженъ. Въ этомъ дѣлѣ я былъ раненъ и получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.

Въ отношеніи же назначенія меня ординарцемъ къ генераль-лейтенанту Хрулеву тоже вкралась неточность; по требованію Хрулева были назначены къ нему ординарцами отъ 11-й дивизиі юнкера: отъ Охотскаго полка Лукинъ, отъ Камчатскаго Негребецкій, а отъ Якутскаго юнкеръ, фамилію котораго я забылъ; я же поступилъ ординарцемъ 9-го марта при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 5-го марта нашъ Якутскій полкъ занималъ Камчатскій редутъ и траншеи впереди его, ночью непріятель сдѣлалъ нападеніе на наши траншеи и часть ихъ занялъ, но вскорѣ якутцы опрокинули французовъ и заняли траншеи обратно.

9-я рота, въ которой я состоялъ, находилась въ редутѣ и въ дѣлѣ не участвовала. Изъ траншей дали знать, что недостатокъ въ патронахъ, и требовали присылки ихъ; мой полковой командиръ,

полковникъ Бѣлый, приказалъ мнѣ взять 6 человѣкъ, отнести патроны въ траншеи и роздать ихъ по ротамъ; возвращаясь обратно, я наткнулся на кучку французовъ, оставшихъ при отступленіи изъ нашихъ траншей, которыхъ и привелъ въ Камчатскій редутъ къ полковому командиру; въ то время разговаривалъ съ нимъ какой-то генералъ, какъ оказалось Хрулевъ; я отпраповалъ полковому командиру объ исполненіи порученія и передалъ плѣнныхъ французовъ. Генералъ Хрулевъ подробно меня разспросилъ о видѣнномъ мною, потомъ обратился къ полковому командиру, прося, чтобы меня назначить къ нему ординарцемъ, а состоявшаго при немъ юнкера Якутскаго полка взять обратно въ полкъ, и я только 9-го марта былъ назначенъ ординарцемъ, въ тотъ же день явился къ генералу Хрулеву и оставался при немъ до конца осады.

В. В. Сиворскій.

Г. Дубно, Волынской губерніи.
22 марта 1889 г.

Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ XVIII вѣкѣ¹⁾.

I.

Указъ о наказаніи солдатъ за побѣгъ и кражу лошадей

1734 г.

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію отъ артиллеріи и еортиенкаціи сего сентября 4 дня, по Ея Императорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ поданнаго при меморіалѣ изъ оной канцеляріи экстракта изъ держаннаго Өергера и кригсбрехта приказали: еуркнейхтовъ Осипа Косырева и Максима Сушилаина, которые въ прошломъ 1733 году іюня 30 дня, согласясь съ товарищи со артиллерійскими-жъ фурлейты двумя человеками, чрезъ артиллерійскаго рекрута за денги сочинили себѣ еальшивые пашпорты, съ которыми бѣжали, и въ бѣгахъ украли четырехъ лошадей, съ которыми ихъ въ Переяславѣ Рязанскомъ при продажѣ тѣхъ лошадей переловили и приведены были въ Переяславскую воевоцкую канцелярію, гдѣ по распросамъ они размыскваны трижды и огнемъ зжены, и по розыскѣ тѣ лошади отданы у кого были украдены, за что по кригерехту, по силѣ 95, 189 и 201 артикуловъ, положено было битъ ихъ кнутомъ и послать на селитренные заводы въ работу, а понеже оные еуркнейхты за тотъ побѣгъ и кражу лошадей уже пытаны и огнемъ зжены, и затѣмъ въ прежней службѣ битъ имъ невозможно, того ради отъ приговореннаго наказанія ихъ освободить и послать на вышеписанные селитренные заводы въ работу вѣчно, безъ наказанія, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и еортиенкаціи учинить о томъ по Ея Императорскаго величества указу, сентября 6 дня 1734 года Степанъ Игнатъевъ, канцеляристъ Андрей Васильевъ.

¹⁾ Дѣла сенатскія и военной коллегіи.

II.

Указъ о наказаніи офицера, не объявившаго объ оставшихся у него деньгахъ отъ казенной покупки.

1734 г.

«Указъ Ея Императорскаго величества самодержицѣ (sic) всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію главной артиллеріи и еортиенкаціи:

Сего марта 13 дня по Ея Императорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ присланнаго при доношеніи генерала и кавалера графа еонъ-Вейсбаха экстракта, изъ держаннаго еергера и крингсбрехта, приказали: Ландмилицкаго коннаго Ефремовскаго полку, прапорщика Максима Домашнева, который командированъ былъ отъ онаго полку съ командою въ Саратовъ для покупки лошадей подъ ландмилицію, и дано ему было денегъ три тысячи четыреста семьдесятъ четыре рубля, на которые велѣно покупать лошадей каждую по шести рублевъ, и для записокъ и росписокъ дана ему шнуrowая книга, въ которую записывать каждую лошадь покупкою по шти рублевъ; а бывшіе съ нимъ въ командѣ каптенармусъ Аеанасъевъ, капралъ Козьминъ доношеніями объявили, что оный прапорщикъ, будучи въ Саратовѣ, купилъ лошадей десять по шти рублевъ, а триста тридцать четыре лошади куплены разными цѣнами, по четыре и по пяти рублевъ, и осталось у него, прапорщика, денегъ за заплатою съ шерсти изъ денегъ пошлинъ сто семьдесятъ четыре рубля тридцать двѣ копейки, о чемъ оный, прапорщикъ, показать, что яко бы означенный остатокъ, по прибытіи въ полкъ, хотѣлъ объявить, токмо черезъ три дня оныхъ денегъ не объявилъ, за что по сентенціи и конфирмаціи повелѣно по силѣ 194 артикула учинить ему смертную казнь, чему-бы весьма подлежалъ, но понеже какъ изъ дѣла видно, что прежде сего безпорочно служилъ, и изъ того вышшаго въ интересѣ траты не приключилось, того ради отъ приговоренной смертной казни освободить, а лиша всѣхъ чиновъ, послать на каторгу на три года, а по прошествіи оныхъ лѣтъ написать въ солдаты, и о томъ къ нему генералу и кавалеру тако-жъ о публикаціи (дабы каждый о томъ вѣдалъ и впредь отъ такихъ продерзости воздержался) къ полевымъ и гарнизоннымъ командирамъ и къ обрѣгающимся у набору рекрутъ штабъ и оберъ-офицерамъ послать указы, которые и посланы, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и еортиенкаціи о томъ вѣдать и чинить по Ея Императорскаго величества указу. Марта 28 дня 1734 года. Петръ Измайловъ, примеръ-маэоръ Ломовъ, канцеляристъ Андрей Васильевъ».

Сообщилъ Ал. И. Савельевъ.

РУССКІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ

въ 1747—1748 гг.

Что сѣверные русскіе мореходы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ считали плаваніе къ отдаленному Шпицбергену для промысловъ дѣломъ зауряднымъ, на это имѣется въ нашей исторической литературѣ достаточно фактовъ, наглядно говорящихъ въ пользу нашей предприимчивости и отваги. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія такіа плаванія почитались обыкновеннымъ на сѣверѣ явленіемъ.

Въ архивѣ Д-та Таможенныхъ Сборовъ есть, между прочими, дѣло коммерцъ-коллегіи, въ которомъ по поводу этихъ поѣздокъ заключаются любопытныя гигиеническія свѣдѣнія, знакомящія насъ съ охранительными средствами, употреблявшимися промышленниками во время зимованія на излюбленномъ ими Шпицбергенѣ, или, какъ тогда назывался онъ на языкѣ нашихъ молотцовъ-поморовъ, Грумантѣ, Грулантѣ, для борьбы съ его убійственнымъ, суровымъ климатомъ.

Интересно, что еще въ старину скудная флора Шпицбергена была уже тщательно изучаема нашими мореходами, не съ научною, конечно, но съ чисто-практическою цѣлью найти въ этой скудной флорѣ, такъ сказать, противоядіе отъ скорбута, уносившаго въ могилу многихъ изъ нихъ, менѣе опытныхъ.

Въ 1747 году коммерцъ-коллегія затребовала изъ Архангельской Коммерцъ-конторы справку о томъ, ходили-ли въ прошломъ и нынѣшнемъ-де году кто изъ промышленниковъ въ Шпицбергъ, лежащій въ ледяномъ морѣ, въ Груландѣ, повыше называемаго острова Бриэнландъ, и если ходили, то откуда, и на какихъ судахъ, какіе предметы промысла были съ острова вывозимы, и въ какое время, и какимъ количествомъ людей ходятъ они туда для промысловъ?

Архангельская коммерцъ-контора обратилась было за справками въ мѣстную губернскую канцелярію, въ портовую таможеню и въ казенное сальное управленіе, но въ этихъ учрежденіяхъ она не получила желаемыхъ данныхъ и поспѣшила отписать, что никакихъ-де свѣдѣній она не могла собрать по интересующимъ коммерцъ-коллегію вопросамъ, и уже готовилась опочить на этомъ отвѣтѣ, но въ апрѣлѣ 1748 года коммерцъ-контору выручилъ изъ затрудненія явившійся выгорѣцкой раскольникъ Амосъ Корниловъ, у котораго казенная сальная компанія покупала въ прошлыхъ годахъ моржовое сало, кожи и зубье. На предъявленные конторою вопросы Корниловъ сообщилъ слѣдующее: «о вышеименованномъ-де находящемся въ ледяномъ морѣ въ Грунландіи Шпицбергѣ, который повыше называемаго острова Берн-Эландъ (а не Брэнландъ), то-де онъ, Корниловъ, признаваетъ по картѣ, и называется оной Шпицбергъ россійскими промышленниками Груландъ, а признаваетъ-де потому, что на Груландѣ онъ, Корниловъ, бывалъ самъ въ 737, въ 738 и въ 739 годѣхъ, для собственныхъ своихъ моржовыхъ промысловъ, и тамо-де въ тѣхъ годѣхъ зимовалъ, а отъ 739 года и понынѣ повсягодно для оныхъ промысловъ посылаются отъ него, Корнилова, по одному судну съ промышленниками, изъ которыхъ-де тамо и зимуютъ повсягодно; а въ прошлыхъ-де 1746 и 1747 годѣхъ на оной Груландѣ или Шпицбергѣ ѣздили посланные отъ него, Корнилова, для промысла моржевыхъ звѣрей промышленники: въ 1746 году двинскаго уѣзда изъ поморскихъ волостей, а въ 1747 году отъ города Архангельскаго на новоманерныхъ судахъ, на щерботѣ и на гукорѣ, изъ которыхъ де посланные въ 1746 году на щерботѣ промышленники обратно вывезли къ городу Архангельскому въ 1747 году оныхъ моржовыхъ звѣрей кожи, сало и зубье, а другихъ де никакихъ вещей въ вывозъ съ Груланда не было; а посланные-де въ 747 году на гукорѣ промышленники и нынѣ зимуютъ тамо, которыхъ-де надлежитъ быть обратно въ нынѣшнемъ 1748 году въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, а отъѣздъ туда и пріѣздъ назадъ бываетъ обыкновенно: отъѣздъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, а пріѣздъ чрезъ годъ въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ; а людей-де послано было отъ него, Корнилова, въ 1746 году на щерботѣ десять, а въ 747 году на гукорѣ пятнадцать человѣкъ, которые посылаются по корпусу судовъ; также-де на Груландѣ бываетъ ловъ песцовъ, оленей и бѣлыхъ медвѣдей, находится-жъ-де и пухъ гагачій, а другихъ-де промысловъ тамо, кромѣ вышеизъявленныхъ, никакихъ онъ, Корниловъ, не знаетъ, и отъ другихъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ».

Коммерцъ-коллегія, интересуясь, видимо, этими свѣдѣніями, пожелала имѣть дальнѣйшія, и въ томъ-же 1748 году потребовала,

чтобы Архангельская коммерцъ-контора взяла отъ раскольника Корнилова извѣстіе: посылаемые отъ него промышленники какую больше для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію, и въ случаѣ оной недостатка чѣмъ тамъ довольствуются; а во время того зимованія жительство имѣютъ на берегу-ли, или на своихъ судахъ? И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ зимовье, какое жилье на берегу имѣется-ли, и какіе народы тамъ живутъ, и чѣмъ питаются; и кромѣ его, Корнилова, кто другіе туда промышленники ѣздятъ-ли, и на какихъ судахъ?

Коммерцъ-контора отвѣчала, что выгорѣлкой раскольникъ Корниловъ, въ дополненіе перваго показанія, объявилъ, «посылающіеся отъ него въ вышепоказанное мѣсто промышленники для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію: муку ржаную и яшную, крупу овсяную и яшную, просо, толокно и горохъ, солодъ ржаной, масло коровье и постное, молоко съ творогомъ и проч. съѣстные припасы, а за недостаткомъ провизіи довольствоваться тамъ нечѣмъ, понеже-де въ тамошнемъ мѣстѣ, кромѣ оленьяго мяса, другой провизіи ничего не имѣется; тамъ-же-де промышленники отъ тяжелаго воздуха весьма цинжаютъ и отъ того много умираетъ, а для пользованія-де себя отъ той болѣзни берутъ съ собою ягоду морожку, да сосновыя шишки; да тамо подъ горами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ, растеть трава, которая называется салата, и тою-де травою отъ оной болѣзни промышленники пользуются-жь, чего-де для оную траву и въ зиму запасаютъ; и во время-де того зимованія промышленники имѣютъ жительство на берегу въ избахъ, а оныя избы, такожь и дрова отсюда въ тамошнее мѣсто возятъ на своихъ судахъ, и при тѣхъ судахъ бываетъ при каждомъ суднѣ по два промышленныхъ карбаса: одинъ побольше, а другой поменьше; а тамо на берегу никакого жилья и жителей, кромѣ приѣзжающихъ для означеннаго промысла промышленниковъ, такожь и лѣсу не имѣется; а кромѣ-де его, Корнилова, другіе промышленники туда на лѣтніе промыслы ѣздятъ иностранные люди на корабляхъ для китоловнаго промысла, а тамо не зимуютъ; а изъ російскихъ-де напередъ сего ѣздили на большихъ мореходныхъ судахъ мезенцы, токмо-де отъ великихъ тамошнихъ льдовъ, за погубленіемъ судовъ ихъ и бывшихъ на тѣхъ суднахъ людей, нынѣ уже не ѣздятъ».

Но коммерцъ-коллегія и на этихъ извѣстіяхъ еще не успокоилась. Ее заинтересовалъ самый способъ употребленія травы салаты: вареною ли салатою пользуются, или сырою, или другимъ какимъ образомъ употребляютъ, и въ чемъ именно? Этотъ рядъ вопросовъ снова полетѣлъ въ Архангельскую коммерцъ-контору, которая по допросѣ

Корнилова и сообщила, со словъ послѣдняго, въ коммерцъ-коллегію слѣдующее: «въ лѣтнее де время свѣжую салату парять въ печи и варять на огнѣ въ водѣ и въ квасу, и какъ упрѣтѣ, то оную воду и квасъ пьютъ теплое, а и свѣжую по нуждѣ, кто пожелаетъ, ѣсть можно, а въ зиму запасаютъ квашеную на подобіе капусты сѣченой, и сѣкутъ такъ, какъ капусту, и варять вмѣсто щей, съ мясомъ и съ рыбою и постное, и употребляютъ такъ, какъ щи, а сушеной не запасаютъ для того, что оная трава сушеная быть не можетъ, но отсыриваетъ, и оттого портится. А растеть та трава вышиною въ четверть аршина и повыше, а листья у нея круглыя, величиною съ нынѣшній мѣдный грошевикъ, а стебелекъ тонкой, а берутъ ее и употребляютъ тѣ стебельки съ листьями, кромѣ кореня, а кореня не берутъ и не употребляютъ».

Любознательность коммерцъ-коллегіи была этимъ послѣднимъ сообщеніемъ исчерпана, и она сочла нужнымъ подѣлиться свѣдѣніями о свойствѣ травы салаты съ Академіей Наукъ въ 1749 году¹⁾.

С. Ѡ. Огородниковъ.

С.-Петербургъ, 1889 г.

¹⁾ Арх. Д-а Таможен. Сб. Дѣло Коммерцъ-Коллегіи № общ. описи 2221, № 529, связ. 24.

КНЯГИНЯ ЮАННА (ЖАНЕТА) АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ,

супруга цесаревича Константина Павловича,

род. 17-го мая 1795 г. въ Позенѣ, † 17-го ноября 1831 г. въ Царскомъ Селѣ.

Княгиня Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, старшая дочь польскаго помѣщика, прусскаго подданнаго графа Антона Грудзинскаго, получила отличное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ, въ началѣ XIX вѣка, пансіоновъ въ Варшавѣ; то былъ пансіонъ французской эмигрантки дѣвицы *Vaucher*. Пансіонъ этотъ отличался, какъ рассказываетъ, со словъ своего отца К. П. Колзаковъ, превосходно нравственнымъ направленіемъ; главнымъ руководителемъ этого учебнаго заведенія былъ умный и ученый французскій аббатъ *Malherbes*.

Этому аббату обязана была княгиня Ловичъ тѣми твердыми зачатками религиозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи котораго создалось впоследствии все ея нравственное развитіе и образованіе ¹⁾; воспитаніе свое довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки миссъ Коллинсъ.

Превосходно образованная и блестящая красавица Жанета Грудзинская вернулась изъ Парижа въ Варшаву въ концѣ 1815 года и въ теченіи пяти лѣтъ пребывала предметомъ поклоненія многихъ и во главѣ ихъ цесаревича Константина Павловича, но держала себя съ такимъ тактомъ и достоинствомъ, что предъ нею смолкало всякое злословіе и она пользовалась самою высокою репутаціею. Умъ и красота ея совершенно полонили строптиваго, своенравнаго Константина Павловича,—онъ не только отдалъ ей свою руку и сердце,

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 398—400: «Княгиня Ловичъ», очеркъ К. П. Колзакова.

сочетавшись съ ней, 12-го мая 1820 г., бракомъ, но и отречеся отъ престола Россійской Имперіи ¹⁾.

Дальнѣйшее поведеніе княгини Жанеты Ловичъ (этотъ титулъ данъ былъ ей послѣ брака съ цесаревичемъ) отличалось тѣмъ же достоинствомъ и тактомъ; во время революціи 1830 года молодая женщина проявила мужество и самоотверженную преданность супругу; но глубоко потрясенная кровавыми событіями польской смуты и затѣмъ внезапною кончиною мужа, Жанета Антоновна скончалась почти вслѣдъ за нимъ, въ Царскомъ Селѣ, 17-го ноября 1831 года.

Портретъ Жанеты Антоновны Ловичъ, въ превосходной гравюрѣ академика Л. А. Стрякова, исполненный съ живописнаго ея портрета,—приложенъ при «Русской Старинѣ», изд. 1877 г., томъ XX, октябрь, стр. 252, и кромѣ того въ двухъ нами изданныхъ сборникахъ гравюръ рѣца помянутаго художника.

О княгинѣ Ловичъ сохранилось въ русской печати мало свѣдѣній, но все, что извѣстно и наложено, между прочимъ, въ обширномъ историко-біографическомъ очеркѣ о цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ, составленномъ покойнымъ Е. П. Карновичемъ («Русская Старина» изд. 1877 и 1878 г., томы XIX, XX и XXI), все говоритъ въ пользу ума, характера и вообще нравственныхъ качествъ княгини Ловичъ ²⁾.

Судьба соединила ее съ человѣкомъ весьма строптивого, безпредѣльно вспыльчиваго характера; в. к. Константинъ Павловичъ, что весьма извѣстно, въ моменты гнѣва былъ весьма суровъ, онъ впадалъ иногда въ совершенное раздраженіе и въ эти часы причинялъ не мало огорченія его окружающимъ или подчиненнымъ (см. «Русскую Старину» изд. 1877 и 1878 г.). Между тѣмъ, его супруга была женщина глубоко-религіозная, нѣжно любила его и дѣйствовала на него возможно умиротворяющимъ образомъ.. Вліянію княгини Ловичъ приписывается та настойчивость, съ которою цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ отреченіе отъ престола въ ноябрѣ и декабрѣ 1825 года.

Какъ бы то ни было, но при незначительности свѣдѣній о личности княгини Ловичъ, при крайне маломъ знакомствѣ съ нею, читателямъ нашимъ, конечно, не безынтересно будетъ прочтатъ ея собственноручныя замѣтки о различныхъ религіозно-нравственныхъ правилахъ. Онѣ сохранились на шести весьма маленькихъ лоскуткахъ, исписанныхъ ею на французскомъ языкѣ, крайне мелкимъ, съ трудомъ разбираемымъ, почеркомъ. Сообщены онѣ въ ред. «Русской Старинѣ» весьма обязательно П. П. Исаевичемъ; разобравы, пере-

¹⁾ Миниоестъ Александра I о бракосочетаніи цесаревича Константина Павловича съ княгинею Ловичъ былъ обнародованъ въ Царствѣ Польскомъ 8-го іюля 1820 года.

²⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., т. XX, стр. 375—382, т. XXI, стр. 28, 242, 374—377.

писаны и переведены нашею сотрудницею В. В. Тимошукъ. Замѣтки относятся къ 1830 году; въ ноябрѣ этого года вспыхнула въ Варшавѣ революція, удалившая цесаревича Константина Павловича и его супругу изъ Варшавы. Ред.

I.

1-er de l'an 1830.

De la douceur, de la tempérance et de la résignation.

Notre accord avec les objets hors de nous, c'est à dire la manière de traiter avec les objets extérieurs, peut se réduire à ces trois points: l'art d'en jouir, l'art de s'en passer, l'art de les supporter.

Trois qualités à cet effet, me paraissent, indispensables: être doux avec ses semblables, fort contre les plaisirs, soumis aux maux nécessaires.

Il faut prendre garde, qu'aucune de ces qualités ne se détourne de son objet, car si au lieu d'être fort contre les plaisirs, on est fort contre ses semblables, on les repousse, on en est haï. Si la douceur descend jusqu'à la soumission, elle perd de son caractère, elle devient de la faiblesse. Si on est fort contre les maux nécessaires, c'est à dire, si on veut les combattre, on augmente leur action: on devient impatient et colère. Si on est doux et soumis avec les plaisirs, on devient mou et afféminé. La douceur n'est pas précisément de la bonté. La rudesse est l'opposé de la douceur. La douceur n'est pas non plus l'aménité qui appartient spécialement aux manières. Un homme du monde peut avoir de l'aménité sans être doux. La douceur est une disposition générale produite par la bonté—c'est la condescendance et la flexibilité de notre ton au ton des autres. Mais cette flexibilité doit être volontaire, elle doit être produite avec ressort. Sans ressort, l'homme n'est plus doux, il est faible. Il n'y a pas d'abandon de sa part, il n'y a point de sacrifice, il y a soumission, servitude. La raideur est la trempé dure d'un égoïste; elle est différente de la rudesse. Elle est une arme de l'homme faible pour ne pas se laisser atteindre. Sa violence est la défence de l'homme faible quand il est atteint. La douceur, mansuétude et gentleness. C'est par l'humilité qu'on aborde les hommes, c'est par l'esprit qu'on les pénètre; c'est par la bonté qu'on les gagne et qu'on les conserve. La tempérance nous conduira elle même à dominer le sentiment vif de peines. Résignation—l'orgueil de déployer de la résistance où il ne faudrait que de la soumission.

1-е число 1830 г.

О кротости, воздержаніи и покорности.

(Переводъ). Наши отношенія къ предметамъ внѣшняго міра, т. е. способъ вступать съ этими предметами въ соотношеніе, сводится къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: умѣнно пользоваться ими, умѣнно обходиться безъ нихъ и умѣнно переносить ихъ.

Для этого необходимо, мнѣ кажется, имѣть три качества: быть кроткимъ съ людьми, не увлекаться удовольствіями и переносить неизбѣжныя страданія съ покорностью.

Слѣдуетъ остерегаться, чтобы эти качества не были обращены на несоотвѣтствующіе предметы, ибо если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы быть стойкимъ противъ удовольствій, будетъ твердъ со своими ближними, то онъ этимъ оттолкнетъ ихъ и возбудитъ ненависть къ себѣ. Если кротость будетъ доходить до подчиненія, то она утратитъ свой характеръ и перейдетъ въ слабость. Если человѣкъ будетъ стоекъ противъ неизбѣжныхъ страданій, т. е. если онъ задумаетъ побороть ихъ, то этимъ только усилитъ ихъ и самъ станетъ нетерпѣливъ и раздражителенъ. Если будетъ снисходителенъ и податливъ къ удовольствіямъ, то сдѣлается вялымъ и изнѣженнымъ. Кротость не есть синонимъ доброты. Суровость есть противоположность кротости. Кротость не есть привѣтливость, которая относится главнымъ образомъ къ манерамъ. Человѣкъ свѣтскій можетъ быть любезенъ, не будучи кротокъ. Кротость есть общее настроеніе, вызываемое добротою. Это—уступчивость и снисходительность съ нашей стороны къ мнѣнію другихъ. Но уступчивость эта должна быть добровольная, должна быть плодомъ собственнаго побужденія. Иначе человѣкъ становится уже не кроткимъ, а слабымъ. Въ такомъ случаѣ съ его стороны не будетъ уступки или жертвы, а явится подчиненіе, рабство.

Непреклонность составляетъ отличительную черту характера эгоиста; она отличается отъ грубости. Она есть орудіе человѣка слабого, когда онъ не хочетъ подчиниться другому. Доведенная до крайности, она является защитою человѣка слабого, когда ему угрожаетъ опасность подчиненія. Кротость, тихій нравъ и мягкость. Какъ кротостью можно расположить людей въ свою пользу, умомъ можно покорить ихъ; добротою можно привлечь ихъ и сохранить ихъ расположеніе. Умѣренность дастъ намъ возможность преодолѣть живое чувство страданій. Покорность судьбѣ.

Гордость побуждаетъ насъ прибѣгать къ противодѣйствию въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало бы проявить лишь покорность.

II.

1830.

Comment pouvoir combattre une passion dominante, qui s'est rendue la maîtresse du coeur?

Comment se mortifier et se résoudre à mourir à tout, quand on est sensuel?

Comment pratiquer cette vie intérieure, quand on a toujours aimé la dissipation?

Comment vivre dans un perpétuel renoncement à soi même quand on a toujours aimé le plaisir?

Enfin comment se déterminer à entrer dans une carrière pénible de la pénitence et la soutenir jusqu'à la mort, quand on est accoutumé à la mollesse?

N'est ce pas là votre langage? Sans faire attention, que rien n'est impossible à l'homme chrétien avec la grâce.

* * *

Sensuel. Voluptueux attaché au plaisir des sens. L'homme sensuel attend toute sa félicité d'une frêle machine, qui produit plus souvent la douleur, que la volupté. Sensualisme, système de ceux qui dédaignent la métaphysique, la pensée, ne reconnaissent que les sens et leur empire.

* * *

Dissipation. Action de se dissiper partout des regrets. Dissiper, consumer, détruire, défaire, disperser une armée; le vent dissipe les nuages, la fumée, action de se dissiper, de se délasser de l'étude, ce qui l'opère, lui aide (la lecture, la conversation, le jeu, la promenade etc.) sont des dissipations, évaporations, consumations, consommations, déperditions. Une vie passée dans la dissipation s'achève dans la langueur et dans la tristesse.

* * *

Toutes les créatures que l'homme veut faire servir à ses plaisirs deviennent les instruments de ses peines.

1830.

(Переводъ). Какимъ образомъ побѣдить преобладающую страсть, овладѣвшую сердцемъ?

Какимъ образомъ умертвить себя и рѣшиться умереть для всего, когда ты отъ природы человекъ чувственный?

Какимъ образомъ поступать по правиламъ этой внутренней жизни, когда человекъ всегда любилъ разсѣянную жизнь?

Какимъ образомъ жить въ постоянномъ самоотреченіи, когда человекъ всегда любилъ удовольствія?

Наконецъ, какимъ образомъ рѣшиться вступить на трудный путь покаянія и пребывать въ немъ до смерти, когда человекъ привыкъ къ измѣненной жизни?

Не такъ ли вы говорите? Не обращая вниманія на то, что для христианина нѣтъ ничего невозможнаго, если его поддерживаетъ благодать Божія.

* * *

Чувственный. Чувственность есть сладострастіе по отношенію къ чувственнымъ удовольствіямъ. Человекъ чувственный ждетъ высшаго блаженства отъ слабой машины, причиняющей чаще страданіе, нежели ощущеніе сладост-

наго чувства. Чувственность присуща людямъ, пренебрегающимъ метафизикой, мыслью и признающимъ лишь одни чувства, подчиняясь ихъ власти.

* *

Разсѣяніе. Есть способъ искать развлеченіе отъ угризеній совѣсти. Разсѣять, истратить, уничтожить, передѣлать, разсѣять войско; вѣтеръ разсѣваетъ тучи, дымъ, развлекаться отъ занятій; то, что доставляетъ развлеченіе, что помогаетъ ему (чтеніе, разговоръ, игра, прогулка и т. д.), называется развлеченіемъ, легкомысліемъ. Жизнь, проведенная въ суетныхъ развлеченіяхъ, оканчивается въ истощеніи и скукѣ.

* *

Всѣ существа, воиждь человекъ хочетъ сдѣлать орудіемъ своихъ удовольствій, становятся источникомъ его страданій.

III.

La charité et le monde.

La justice et le monde.

Conscience.

Tôt ou tard, quand les passions sont calmées, la conscience se soulève et imprime à notre conduite le sceau de la forfaiture.

1830.

(Переводъ). Благотворительность и міръ.
Справедливость и міръ.

Совѣсть.

Рано или поздно, когда страсти улягутся, поднимается совѣсть и придаетъ нашимъ поступкамъ характеръ вѣроломства.

IV.

1830.

Les moines passaient le jour à travailler faisant des nates, des paniers et d'autres ouvrages faciles, en méditant l'Écriture Sainte. Ils jeunaient tous les jours, ne prenant leur nourriture que vers le soir, et ne vivant la plupart que de pain et d'eau. Ils s'assemblaient pour prier le soir et la nuit. Ils dormaient peu; gardaient un grand silence et s'exerçaient continuellement à toutes sortes de vertus. Leur travail suffisait non seulement pour les nourrir, mais encore pour fournir à des grandes aumônes.

1830.

(Переводъ). Монахи проводили весь день въ работѣ, дѣлая цыновки, корзины и другія легкія работы и обдумывая текстъ Священнаго Писанія. Они постились ежедневно, вкушая пищу лишь подъ вечеръ и питаясь, по бѣльшей части, лишь хлѣбомъ и водою. По вечерамъ и по ночамъ они сходились вмѣстѣ на молитву; спали мало; проводили большую часть времени въ безмолвіи и прѣзрились постоянно во всевозможныхъ добродѣтеляхъ. Ихъ заработка хватало не только на прокормленіе ихъ, но на раздачу весьма значительной милостыни.

V.

1830.

Spiritualité de l'âme.—L'abbé James.

L'abbé James établit la spiritualité des l'âmes par de preuves morales et par des preuves métaphysiques.

Dans le premier point (preuves morales) par les passions et par la parole.

Dans le second (preuves métaphysiques) par la facultée que nous avons de penser, de nous mouvoir et de nous déterminer librement.

La matière ne peut se mouvoir d'elle même, ce qui renverse tout le matérialisme.

* *

Immortalité de l'âme.

M-r le curé de St. Etienne (en France) prouve dans un traité l'immortalité de l'âme par les attributs divers de sagesse, de bonté, de justice. Par le sentiment unanime de tous les peuples et par le désir que nous avons d'un bonheur sans fin.

* *

Eau vive et surnaturelle, qui fait qu'on ne sent plus l'altération qui inquiète.

* *

Donnez moi cette eau vive de la grâce qui me désaltère pour toujours des plaisirs sensuels.

* *

La samaritaine, elle était schismatique et idolâtre, voilà la corruption de l'Esprit.

L'amour charnel était sa passion et elle était pécheresse publique. Voilà la corruption de son coeur et de toute sa personne.

* *

Ecoutez, rendez vous et travaillez avec la grâce et vous emporterez tout, ce que vous voudrez sur votre esprit et sur votre coeur.

Il faut travailler et ne pas s'effrayer de la rudesse du travail, que la grâce exige quelque affreux qu'il paraisse à la mollesse, la grâce saura bien l'adoucir!

Elle va expier ses désordres par une confession publique.

L'eau morte de ces puits est la figure des voluptés criminelles, ou les âmes charnelles, qui en sont altérées puisent ces eaux corrompues et empoisonnées qui leur donnent la mort.

Elle les quitte et J. C. ') lui donne en leur place l'eau pure et vivifiante de la grâce et elle lui rend par sa pénitence l'eau précieuse par ses larmes.

* *

Craignez et redoutez la corruption:

de l'esprit, la pensée;
du coeur, le désir, la volonté;
et de toute la personne, action;

Mon Dieu!

* *

Jésus dans sa passion souffre pour nous, dans son esprit, dans son coeur, dans son corps.

1830.

(Переводъ). Духовность нашей души.—Аббатъ Джемсъ.

Аббатъ Джемсъ доказываетъ духовность нашей души нравственными и метафизическими доводами.

Въ первомъ случаѣ (доказательства нравственныя) нашими страстями и даромъ слова.

Во второмъ (доказательства метафизическія) нашей способностью свободно мыслить, двигаться и принимать самостоятельныя рѣшенія.

Матерія не можетъ двигаться самостоятельно, это опровергаетъ всю теорію материализма.

* *

') Jésus Christ.

Безсмертіе души.

Священникъ церкви св. Стефана (во Франціи) доказываетъ въ своемъ трактатѣ безсмертіе души присущимъ человѣку умомъ, добротою и чувствомъ справедливости, а также нѣкоторыми другими чувствами, общими всѣмъ народамъ и присущимъ всѣмъ намъ стремленіемъ къ вѣчному блаженству.

* * *

Живая, чудесная вода, утоляющая мучительную жажду.

* * *

Дайте мнѣ этой живой воды, которая отвратила бы меня навсегда отъ чувственныхъ удовольствій.

* * *

Самаритянка была раскольница и идолопоклонница—въ этомъ состояло возвращеніе Духа.

Плотская любовь была ея страстью—она была публичной женщиной. Въ этомъ заключилось извращеніе ея сердца и всего ея существа.

* * *

Внимайте, предайтесь и дѣйствуйте съ благодатью Божіей и вы одержите какую угодно побѣду надъ вашей душою и сердцемъ.

Надобно трудиться, не боясь суровости труда, коего требуетъ благодать Божія, какъ бы ужасенъ онъ ни казался нашей лѣтн; благодать Божія смягчитъ его.

Она искупитъ свои грѣхи всенароднымъ покаяніемъ.

Мертвая вода этого колодца есть прообразъ грѣховныхъ страстей, въ коихъ чувственныя души почерпаютъ ту гнилую и зараженную воду, которая причиняетъ имъ смерть.

Она отрекается отъ нихъ и І. Х. даетъ ей взамѣнъ чистую и живительную воду милосердія. Она же своимъ покаяніемъ и своими слезами дѣлаетъ эту воду для него драгоценною.

* * *

Бойтесь и опасайтесь извращенія:

души, мысли;
сердца, желаній, воли;
и всего существа, поступковъ.

Боже мой!

Христосъ въ своихъ страстяхъ страдалъ за насъ духомъ, сердцемъ и плотію.

VI.

Devoirs.

1830.

Si l'homme ne remplit pas ses devoirs envers Dieu, comment les remplira-t'il envers ses semblables? Que deviendront alors le respect et la soumission que les enfants doivent à leurs parents. La probité des serviteurs envers leurs mattres. Les engagements sacrés des époux? On règneront l'équité, la tempérance, la justice, la clémence? La connaissance de Dieu et de sa loi venant à disparaître sera bientôt remplacée par les malédictions, les passions, l'hommicide, le larcin, l'adultère et le carnage. Car tel est selon un prophète le résultat de l'oubli de Dieu et de sa religion: Revenons à Dieu et servons le avec fidélité.

Обязанности.

1830 г.

(Переводъ). Если человекъ не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ Богу, то въ состояніи ли онъ исполнить ихъ по отношенію къ своимъ ближнимъ? Во что обратятся тогда уваженіе и покорность, которыя дѣти обязаны питать къ своимъ родителямъ? Честность слугъ по отношенію къ господамъ? Священныя обязательства, существующія между супругами? Гдѣ будетъ царствовать тогда справедливость, воздержаніе, правосудіе и милосердіе? Истинное богопочитаніе и повиновеніе его закону исчезнетъ съ лица земли, уступивъ мѣсто страстямъ, проклятію, смертоубійству, воровству, прелюбодѣнію и разбою. Ибо таковы, по словамъ одного пророка, бывають послѣдствія забвенія Бога и его вѣры. Обратимся же къ Богу и будемъ служить ему вѣрою и правдою.

Сообщ. П. П. Исаевичъ.

РОССІЯ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ И ВЪ ПАЛЕСТИНѢ

въ 1856 — 1860 гг.

Въ истекшемъ 1888 году въ печати появилась весьма интересная брошюра М. И. Кази „Добровольный флотъ и Русское Общество пароходства и торговли передъ государствомъ“. (Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 74). Въ этой брошюрѣ многое вполне вѣрно замѣчено о „важныхъ отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности Русскаго Общества пароходства и торговли“, именно той дѣятельности, каковую оно проявило въ концѣ 1870-хъ годовъ, что даже вызвало строгое порицаніе со стороны одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, именно комитета гг. министровъ (Высочайше утвержденное 19 мая 1879 г. мнѣніе комитета гг. министровъ).

Появленіе очерка г. Кази напомнило намъ о нахожденіи въ архивѣ «Русской Старины» другаго, значительно меньшаго, очерка, но относящагося ко времени основанія этого Общества, и той эпохѣ, когда оно, между прочимъ, много потрудилося къ укрѣпленію положенія и значенія Россіи на дальнемъ Востокѣ вообще и въ Палестинѣ въ особенности. Этотъ послѣдній очеркъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно выражаетъ тѣ высокія государственныйя политическія цѣли, какія были преслѣдуемы при основаніи помянутаго общества, значительно впоследствии отъ нихъ уклонившагося.... Мы помѣщаемъ этотъ очеркъ съ особымъ удовольствіемъ на страницахъ «Русской Старины», такъ какъ онъ являетъ новый актъ государственной прозорливости Императора Александра II и одного изъ самыхъ

ближайшихъ его сподвижниковъ, имѣвшаго счастье четверть вѣка постоянно раздѣлять труды Державнаго Вождя Россіи ¹⁾).

Ред.

I.

Русское общество пароходства и торговли существуетъ нынѣ ²⁾ около 30 лѣтъ и въ мысляхъ у всѣхъ значится въ числѣ промышленныхъ предпріятій, зарабатывающихъ своимъ акціонерамъ великіе барыши. Всѣ свыклись съ мыслию, что это общество имѣетъ свою нормальную жизнь и устройство и никому и въ голову не приходитъ, что можно обойтись безъ него. Кто теперь и думаетъ о томъ, что учрежденіе общества было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, щевотливыхъ, даже однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ и знаменательныхъ дѣлъ минувшаго великаго царствованія?

Стоитъ только припомнить о томъ, что означенное общество было учреждено въ 1856 году, немедленно послѣ разрушенія всѣхъ русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, въ то время, когда Россія еще находилась подъ свѣжимъ гнетомъ Парижскаго трактата, когда всякій шагъ нашего правительства былъ запозрѣваемъ и встрѣчалъ дружный отпоръ со стороны всѣхъ Европейскихъ державъ ³⁾).

Сколько было нужно дальновидности, вѣрнаго пониманія русскихъ интересовъ на югѣ, вѣрной оцѣнки развитія русской дѣятельности въ виду неизбѣжной перемѣны обстоятельствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько было необходимо ума, искусства и рѣшимости, чтобы тотчасъ послѣ Парижскаго трактата гласно

¹⁾ См. также свѣдѣнія по предмету настоящаго очерка въ «Обзорѣ дѣятельности морскаго управленія въ Россіи въ 25-ти лѣтіе 1855—1880 г., составленномъ подъ руководствомъ покойнаго Манна (изд. 1880 г.), и въ біографическомъ очеркѣ ген.-адъютанта адмирала Н. А. Адеркаса, составленномъ А. И. Денисовымъ. Севастополь, 1888 г., ч. II-я, стр. 99, 101—106.

²⁾ Записка эта писана въ 1881-мъ году.

³⁾ Парижскій трактатъ подписанъ былъ 30-го марта 1856 г.,—а уставъ Русскаго Общества нар. и торг. уже высочайше утвержденъ 3-го августа 1856 г.

и открыто поставить вопросъ о возрожденіи въ Черномъ морѣ русскаго флота?

Должно припомнить, что въ то время еще не существовало ни броненосцевъ, ни даже сильныхъ желѣзныхъ военныхъ судовъ. Англія и Франція только подъ Севастополемъ начали дѣлать опыты блиндированія деревянныхъ кораблей. Понятія о новыхъ размѣрахъ и формахъ судостроенія въ 1856 г. были еще такъ мало развиты,—что выговоренные для Россіи по Парижскому трактату 6 деревянныхъ корветовъ длиною около 200 фут. считались и нами, и нашими противниками дѣйствительною, хотя не значительною военною силою.

Понятно, что теперь желѣзные пакетботы, сколько бы ихъ ни было, никого не могутъ потревожить и не могутъ даже породить подозрѣнія о желаніи обратить ихъ въ равносильные противникамъ военныя суда. Въ то время смотрѣли на дѣло совершенно иначе и нельзя не сообразить, что наши противники могли съ большою опасливостью отнестись къ созданію на Черномъ морѣ цѣлой флотиліи судовъ, вооруженныхъ тѣми же моряками, которые такъ высоко держали русскій флагъ подъ командою Лазарева, Корнилова, Нахимова, Новоспльскаго, Панфилова, Истомина и т. д.

Надо замѣтить, что „Русское общество пароходства и торговли“, при началѣ своей дѣятельности, вовсе даже не было стѣснено обязанностію имѣть только желѣзныя суда того облегченнаго типа, который уже тогда наблюдался при постройкѣ пакетботовъ. Общество не только могло имѣть деревянные пароходы, но ихъ и имѣло въ самые первые года: оно могло смѣло обратить въ пакетботы пароходъ „Херсонесъ“, такъ много послужившій при оборонѣ Севастополя, и нѣкоторые другіе пароходы бывшаго славнаго Черноморскаго флота.

Государственная, великая заслуга е. и. в. великаго князя Константина Николаевича является въ той немедленной рѣшимости, съ которою онъ поставилъ вопросъ о поддержаніи нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, и въ томъ исполненномъ такта искусствѣ, съ которымъ онъ провелъ вопросъ объ учрежденіи въ Черномъ морѣ сильнаго мореходнаго предпріятія, неразрывная связь котораго съ правительственными цѣлями гласно выражалась опредѣленною значительною субсидіею.

Все это совершилось по личной инициативѣ великаго князя генералъ-адмирала, при личномъ его настояніи, гласно, открыто, безъ всякой тайны даже предъ иностранными правительствами.

Кто близко знаетъ обстоятельства того времени, тому извѣстно (и на это существуютъ самыя неоспоримыя документальныя доказательства), что при учрежденіи Русскаго общества не только не приходила никому въ голову мысль о большихъ барышахъ, но было твердое убѣжденіе, что уставъ общества не можетъ открывать надежды на вѣрныя выгоды.

Уставъ этотъ былъ построенъ преимущественно на интересахъ государственныхъ, политическихъ и именно въ виду этого рѣшено было дать обществу субсидію, безъ которой, при исполненіи первоначальнаго устава, общество не могло бы даже покрывать расходовъ на содержаніе судовъ. Субсидія была назначена въ размѣрахъ не многимъ большимъ противъ тѣхъ, которыми пользовались конкуренты общества — французскіе пароходы *Messageries* и австрійскіе Ллойда.

Первоначальная и, конечно, правильная мысль при учрежденіи общества состояла въ томъ, чтобы при помощи субсидіи оно могло давать акціонерамъ хорошій, но умѣренный дивидендъ, а чтобы бѣольшая часть выгодъ, которыхъ удалось бы достигнуть, обращалась на развитіе морской и торговой дѣятельности въ Черномъ морѣ, т. е. на пользу общественную и государственную, а не въ карманъ акціонеровъ и биржевыхъ дѣятелей.

Барыши Русскаго общества стали поступать и расти только съ того времени, когда, въ противоположность первоначальнымъ мыслямъ вел. князя, стали допускаться послабленія въ сохраненіи устава, а затѣмъ и измѣненія.

Весьма важную роль въ первоначальныхъ основаніяхъ учрежденія Русскаго общества п. и т. играли тѣ заграничныя линіи, содержаніе которыхъ обязательно было на оное возложено.

Линіи эти были: 1) Константинопольско — Аѳоно — Смирно — Яффа — Александрійская; 2) Одессо — Галацкая; 3) условная Одесса — Редуть-Кале — Анатолійская — Константинополь — Галацко — Одесская; 4) Одессо — Марсельская и 5) Одессо — Триестская.

На всѣхъ этихъ линіяхъ Русское общество впередъ стѣснялось на первыхъ трехъ значеніемъ срочной почтовой службы и

конкуренціею съ двумя сильными иностранными компаніями, успѣвшими издавна укрѣпиться на всѣхъ сообщеніяхъ Средиземнаго моря, а на послѣднихъ двухъ—конкуренціею тѣхъ же компаній, какъ хозяевъ конечныхъ портовъ назначенія, т. е. соперничествомъ вдвое опаснымъ, и конкуренціею всѣхъ прочихъ заграничныхъ судовъ, фрахтующихъ товары прямо въ Одессѣ.

Такой характеръ обязательныхъ заграничныхъ линій служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ мало можно было по уставу 1856 г. ожидать выгодъ отъ заграничныхъ оборотовъ общества и какъ необходима была сильная субсидія для поставленія дѣла на твердое основаніе.

Всѣ три срочныя турецкія линіи имѣли, очевидно, значеніе если не исключительно, то преимущественно политическое. Едва ли нужно кому либо доказывать какое значеніе въ русскихъ дѣлахъ на востокѣ можетъ имѣть появленіе тамъ русскаго флага и поддержаніе сношеній съ турецкими портами. Кому не извѣстно, съ какими ревнивыми чувствами относятся къ русскимъ всѣ соперники Россіи на обширномъ востокѣ и какъ важно для Россіи не упускать благоприятнаго времени для завязыванія тамъ такихъ узловъ, изъ которыхъ всегда образуются современемъ выгодныя путеводныя нити.

Великая заслуга в. к. Константина Николаевича заключается именно въ томъ, что онъ имѣлъ искусство создать Русское общество пароходства и торговли къ августу 1856 г. и дать ему возможность тотчасъ же образоваться и достаточно укрѣпиться въ теченіе тѣхъ короткихъ годовъ, пока политическій горизонтъ былъ нѣсколько ясенъ. Съ 1861 года начинается уже рядъ годовъ, среди которыхъ трудно было бы выбрать удобное время для начинанія новой дѣятельности на востокѣ и трудно было бы найти для такого большаго дѣла необходимыя финансовыя средства.

II.

Въ тѣ же благополучные года (съ 1856-го—по 1866 г.) задумано и совершено было другое дѣло, о которомъ сказано въ началѣ, т. е. основаніе у св. гр. Іерусалима обширныхъ русскихъ страннопріимныхъ заведеній.

Въ какой степени начинаніе этого дѣла могло быть труднымъ—доказывается уже тѣмъ, что въ 1856 году всѣмъ былъ, конечно, крѣпко памятенъ тотъ фактъ, что однимъ изъ пунктовъ ультиматума князя А. С. Меншикова въ 1853 г. былъ вопросъ о разрѣшеніи учредить въ Іерусалимѣ русской страннопріимный домъ.

Кто въ 1856 г. еще не памятовалъ о томъ, что весь послѣдній восточный вопросъ возгорѣлся на почвѣ Іерусалимскихъ притязаній, и кто тогда въ Европѣ не повторялъ ежедневно, что Россіи нельзя позволять и заикнуться о какихъ либо преимуществахъ въ св. землѣ, такъ какъ и изъ малой претензіи непременно выростетъ громадное право!

Не смотря на такія затрудненія, в. кн. Константинъ Николаевичъ не остановился тотчасъ послѣ заключенія трактата, въ мартѣ 1856 г., открыто связать учрежденіе Русскаго общества пар. и торговл. съ вопросомъ объ установленіи, въ видѣ первой обязательной линіи, постоянныхъ срочныхъ сообщеній съ Палестиной и св. горою Аѳонскою. Въ томъ же 1856 году уже было послано въ Палестину особое довѣренное отъ великаго князя лицо для изученія на мѣстѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся русскаго паломничества ко святымъ мѣстамъ.

По полученіи отъ сего лица подробныхъ свѣдѣній, доказавшихъ, что русское паломничество находится въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ по неимѣнію нигдѣ русскихъ страннопріимныхъ учрежденій, великій князь тотчасъ приступилъ къ восполненію такого важнаго недостатка.

Въ 1857 и 1858 гг. получено уже было наглядное доказательство того, какая преимущественно политическая цѣль преслѣдовалась великимъ княземъ въ учрежденіи Русскаго общества пароходства и торговли. Тому же довѣренному отъ великаго князя лицу, по соглашенію съ Обществомъ, въ 1857 году было поручено открытіе и установленіе Яффской и Аѳонской линій, учрежденіе вездѣ агентствъ и почтовыхъ мѣстъ. Въ 1858 году

въ Іерусалимѣ, Назаретѣ, Яфѣѣ, Рамлѣ и Кайѣѣ уже были открыты временныя русскія страннопріимницы, а въ 1860 году, благодаря, прежде всего, тому личному монаршему участию, которое 'приняли въ этомъ дѣлѣ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ и государыня императрица Марія Александровна, совершена была закладка тѣхъ обширныхъ русскихъ страннопріимныхъ заведеній, собора св. Троицы и госпиталя, о которыхъ всѣ иностранцы всегда такъ восторженно и съ такою завистью отзываются, а русскіе вообще такъ равнодушно молчатъ.

Въ 1863 году пунктъ ультиматума кн. А. С. Меншикова (1853 г.) оказался исполненнымъ съ тою разницею, что кн. Меншиковъ требовалъ одного незначительнаго дома вмѣстимостью въ 20 комнатъ, а предсѣдатель палестинскаго комитета великій князь Константинъ Николаевичъ сдалъ Россіи: въ самомъ св. градѣ Іерусалимѣ историческое мѣсто близъ самаго храма гроба Господня,—у яфѣскихъ воротъ страннопріимныя пріюты на 600 женщинъ и 300 мужчинъ, госпиталь на 60 кроватей, благолѣпный соборъ, домъ для духовной миссіи, съ помещеніемъ на 80 чел. и съ зимнею церковью, и консульскій домъ; а также пріюты въ Назаретѣ, Яфѣѣ, Кайѣѣ, Рамлѣ и горнемъ градѣ Іудовомъ.

Всѣ эти заведенія уже существуютъ болѣе 18 лѣтъ (писано въ 1881 году) и благоденствуютъ къ славлѣ Россіи и ко благу тысячей русскихъ поклонниковъ, ровно ничего не требуя отъ государственнаго казначейства.

На всѣ эти заведенія было пожаловано въ Бозѣ почившимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ 500,000 р., а остальныя 600 слишкомъ тысячъ были собраны отъ частныхъ пожертвованій и кружечныхъ сборовъ.

Ежегодное содержаніе заведеній вполне обезпечено кружечными копѣчными сборами, имѣется даже въ запасѣ незначительная капиталная сумма, а съ самаго основанія и понынѣ государственная казна не истратила ни копѣйки кромѣ той суммы, которую покойный государь изволилъ опредѣлить на первоначальное устройство.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVIII ¹⁾.

Augenblick.

Нѣтъ, право, эта жизнь скучна,
 Какъ небо сѣрое безцвѣтна,
 Тоской сжимаетъ грудь она
 И желчь вливаетъ непримѣтно,
 И какъ-то смотрится кругомъ
 На все сердитѣй понемногу
 И что-то ничему потомъ
 Уже не вѣрится, ей Богу!

1839 г.

XLIX.

За тучами чуть видима луна,
 Блѣдетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщенѣ,
 Безмолвны стогны, всюду тишина,
 Затихло днѣ бродящее движенье.
 Старинный кремль угрюмо задремалъ
 Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой
 И колоколь гудящій замолчалъ,
 Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлой,
 Какъ старый кремль въ полночной тишинѣ
 Является и призраченъ и страшенъ,
 Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
 И вѣя холодомъ отъ темныхъ башенъ!
 Лежитъ повсюду мертвенный покой,
 Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
 Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
 О ходѣ времени напоминаетъ.

1839 г.

Н. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ОЕОФАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ,

редакторъ журнала «Кіевская Старина», † 12-го марта 1888 г.

Въ мартѣ 1888-го года скончался одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ тружениковъ русской исторической науки, бывший редакторъ журнала «Кіевская Старина», д. с. с. О. Г. Лебединцевъ. Краткіе газетные некрологи гласили, что «Оеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ получилъ образованіе въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1851 году со степенью магистра. До 1864 года онъ проходилъ должности преподавателя воронежской, потомъ кіевской семинарій и экстраординарнаго профессора той же академіи. Съ 4 декабря 1864 г. занималъ должность начальника холмской учебной дирекціи, а въ 1872 г. перемѣщенъ на такую же должность въ городъ Радомъ. По выходѣ въ отставку въ 1882 году, Оеофанъ Гавриловичъ предпринялъ изданіе журнала «Кіевская Старина» и продолжалъ его до 1 января 1888 г., когда разстроенное здоровье заставило его передать этотъ трудъ другому лицу».

Дѣятельность О. Г. Лебединцева въ Холмскомъ краѣ направлена была къ возрожденію греко-уніатскаго населенія въ духѣ православія и русской народности, съ соблюденіемъ уваженія къ его языку и мѣстнымъ обычаямъ. О. Г. Лебединцеву пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южнорусскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простаго народа. Энергическая и разумная дѣятельность О. Г. была оцѣнена правительствомъ и обществомъ. Въ 1886 году 14 января О. Г. писалъ мнѣ: «Я думалъ, что меня уже миновали всякія почести, а вчера получаю отъ люблинскаго епископа бумагу, что холмское братство святобородицкое, «высоко цѣня мои заслуги на пользу православія и народности русской» въ бытность мою начальникомъ

холмской и радомской учебной дирекции, единогласно избрало меня почетнымъ своимъ членомъ. Припоминаю, что тамъ я получилъ пять разъ благословеніе св. Синода»... Въ другомъ письмѣ, отъ 9 ноября 1887 г., Ѳ. Г. мимоходомъ сообщилъ еще одну черту изъ своей дѣятельности въ Холмщинѣ: «Выходитъ, что у меня глаза завидуши, что замѣтилъ мнѣ еще покойный князь В. А. Черкасскій, когда я выпрашивалъ для гимназій и школъ одно за другимъ зданія упраздненныхъ монастырей»...

Важнѣе была дѣятельность Ѳ. Г. какъ основателя и издателя «Кіевской Старины». Давно уже въ Кіевѣ чувствовалась потребность въ мѣстномъ историческомъ изданіи. Еще въ 1880 году, въ 282 № «Кіевлянина», появился фельетонъ «Кіевская старина и новина» за подписью К. Желѣзняка (повидимому, псевдонимъ) съ слѣдующимъ любопытнымъ предисловіемъ:

«Сегодня, 18 декабря, въ день рожденія приснопамятнаго кіевского митрополита Евгенія (1767 г.), мы открываемъ въ «Кіевлянинѣ» особый отдѣлъ, посвященный воспоминанію прошлаго въ кіевской землѣ. Вспоминая съ глубокимъ уваженіемъ о великомъ дѣятелѣ, мы искренно желали-бы позаимствовать у него хотя долю той любви къ родной старинѣ, той ревности и точности въ трудѣ, какими отличался митроносный трудолюбецъ. Уже нѣсколько лѣтъ занимала насъ мысль основать въ Кіевѣ особый періодическій сборникъ—«Кіевская Старина и Новина»; этой мысли оказали было полное сочувствіе почетнѣйшія лица кіевского духовенства, нѣкоторые профессора университета и академіи и покойный основатель «Кіевлянина»; были предлагаемы готовые матеріалы и даже средства на изданіе, но когда стали искать человѣка, который согласился бы принять на себя редакцію сборника, то—все начаша отрицатися... Одни отговаривались недосугомъ, другіе ссылались на тяжелое въ цензурномъ отношеніи время, третьи не вѣрили въ матеріальный успѣхъ дѣла,—и добрая мысль заглохла»...

Въ 1882 г. въ лицѣ Ѳ. Г. Лебединцева нашелся человѣкъ, настолько любившій историческое прошлое роднаго края, что не побоялся ни матеріальныхъ, ни цензурныхъ препятствій, и «заглохшую добрую мысль» объ изданіи въ Кіевѣ историческаго сборника осуществилъ въ формѣ ежемѣсячнаго историческаго журнала подъ названіемъ «Кіевская Старина». «Когда начиналась «Кіевская Старина», писалъ мнѣ Ѳ. Г. 18 іюля 1885 г., ни одного листка писаннаго не оказалось, а увѣреній, обѣщаній цѣлыя горы. Есть люди, что за четыре года ни одной строчки не дали, а послушать ихъ, какъ они рассуждаютъ о «Кіев. Стар.», такъ подумать можно, что они горы написали».

Здѣсь должно еще добавить, что *Θ. Г.*, настойчиво продолжая изданіе «Кіев. Старины», имѣлъ въ виду блестящій примѣръ въ «Русской Старинѣ» и надѣялся поставить со временемъ и свое изданіе такъ же высоко, какъ поставлена «Русская Старина», что можно видѣть изъ слѣдующаго его письма ко мнѣ отъ 5 окт. 1884 г. «Кончается годъ; надо готовиться къ слѣдующему. Подписка, не смотря на стараніе многихъ добродѣльцевъ, осталась на цифрѣ двухъ первыхъ годовъ. Угнетаетъ долгъ, тяжесть работы, невозможность сдѣлать улучшенія, и тѣмъ не менѣе бросать дѣло не хочется. Найдя объявленіе о продолженіи «Кіевской Старины» въ 1885 году, не удивляйтесь дерзости моей. Иначе я не могу назвать этого шага, который дѣлаю, имѣя около 750 подписчиковъ и совсѣмъ опустѣвшій портфель. Но хуже было въ прошломъ году. А воть, Богъ дастъ, переживемъ кризисъ и выйдемъ на гладкую дорогу. *М. И. Семевскій* пять лѣтъ такъ перебывался, а теперь говорятъ, что у него матеріала на десять лѣтъ minimum» ¹⁾).

Мнѣ не пришлось лично познакомиться съ *Θ. Г. Лебединцевымъ* и я знаю его только по письмамъ, которыя онъ присылалъ мнѣ, по поводу печатавшихся въ «Кіевской Старинѣ» моихъ статей. Всѣ его письма полны интереса, содержательны, съ научными или литературными новостями. Въ нихъ ярко отразилась любознательная, энергичная и просвѣщенная личность автора. Въ письмахъ разбросаны меткіе и характерные отзывы о разныхъ лицахъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ «Кіевской Стариной».

Не имѣю данныхъ, чтобы судить объ общемъ характерѣ отношеній *Θ. Г.* къ сотрудникамъ; могу только здѣсь замѣтить, что ко

¹⁾ Эта истина остается таковою же и въ настоящее время (май 1889 г.). Всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній, изслѣдованій, очерковъ, замѣтокъ и цѣлыхъ серий матеріаловъ поступило, въ 1870—1889 г. (по 1 мая), въ распоряженіе «Русской Старины» 6,870 номеровъ; около половины этихъ сообщеній напечатано; нѣкоторыя же почему либо возвращены; затѣмъ безъ малаго половина сообщеній—признаны нами вполне интересными и совершенно приготовленныя къ печати ожидаютъ времени и мѣста къ появленію на страницахъ «Русской Старины». Вполнѣ вѣрно то, что если бы притокъ мемуаровъ, статей и матеріаловъ внезапно прекратился бы,—а онъ продолжается ежедневно,—то, не выходя изъ кабинета нашей редакціи, мы могли бы продолжать лѣтъ двѣнадцать ежемѣсячный выпускъ книгъ «Русской Старины» въ томъ же объемѣ и столь же интересныхъ по содержанію, какъ то ведется уже двадцать лѣтъ,—такъ богатъ архивъ нашего журнала; это не мѣшаетъ намъ, однако, и просить, и принимать новыя сообщенія, такъ какъ таковыя печатаются—не по времени поступленія оныхъ въ редакцію, а по степени интереса и тѣхъ или другихъ соображеній редакціи.

мнѣ лично по научнымъ вопросамъ онъ относился съ рѣдкою доброжелательностію, не смотря на письменное лишь знакомство со мною. Когда я не могъ достать въ Харьковѣ какого-либо спеціального сочиненія, относящагося къ южнорусской исторіи или этнографіи, я обращался къ Ѳ. Г.—у съ просьбой отыскать таковое въ Кіевѣ и выслать мнѣ для временнаго пользованія, что Ѳ. Г. исполнялъ со скоростью. Однажды Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что онъ, повидимому, попалъ на слѣдъ одной не разысканной мною старопечатной книги. «Такая книга, говоритъ Ѳ. Г., есть будто бы въ Орлѣ, въ бібліотекѣ втораго духовнаго училища. Это сказалъ мнѣ вчера черниговскій архіерей Веніаминъ, бывшій тамъ когда-то смотрителемъ училища. За давностію онъ не припомнить ни полнаго заглавія, ни года изданія, ни тѣмъ болѣе содержанія; но по разнымъ сообщеннымъ имъ примѣтамъ это можетъ быть искомая вами книга. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ знакомыхъ въ Орлѣ. Нѣтъ ли кого у васъ? Впрочемъ, поразспрошу и быть можетъ самъ кому-либо напишу. Сообщите, не сохранилось ли указаній на форматъ и объемъ книги». Въ другомъ письмѣ Ѳ. Г. уклонился отъ прямого мнѣ содѣйствія, по слѣдующему благожелательному соображенію:

— «Хотя я и могъ бы вамъ найти въ Москвѣ человѣка, который сдѣлалъ бы нужныя для васъ выписки, но гораздо лучше съ этимъ подождать, чтобы вы сами туда съѣздили. Еще покойный Викторъ мнѣ писалъ: «хотя бы вы кого нибудь прислали въ Румянцевскій музей—разсмотрѣть малорусскій отдѣлъ рукописей, а то лежать безъ пользы и движенія». Тамъ же въ Москвѣ и архивъ малороссійскихъ дѣлъ, до котораго только доторкнулся Н. И. Костомаровъ разъ пять. Самъ онъ говорилъ, что «сокровище неисчерпаемое».

Относясь вполнѣ доброжелательно ко мнѣ, при личномъ незнакомствѣ со мною, Ѳ. Г. въ то же время очень серіозно относился ко всѣмъ моимъ статьямъ, печатавшимся въ «Кіевской Старинѣ», писалъ мнѣ о нихъ, критиковалъ ихъ, очевидно интересуясь ихъ содержаніемъ съ безпристрастной точки зрѣнія человѣка науки. Въ доказательство приведу двѣ выдержки изъ писемъ Ѳ. Г. Напечатавъ въ «Кіев. Стар.» мою статью о коломіякахъ, Ѳ. Г. вскорѣ сообщилъ мнѣ, что у одного изъ кіевскихъ сотрудниковъ «Старины» нашлась цѣлая тетрадь коломіекъ, записанныхъ преимущественно въ лѣвобережной Малороссіи не позже 1840 г., причемъ Ѳ. Г. высказалъ свое мнѣніе о галицкихъ коломіякахъ, какъ поэтическихъ произведеніяхъ позднѣйшей формаціи. «Если образы и чувства въ нихъ живые, говоритъ Ѳ. Г., то языкъ сильно искаженъ и дубоватъ. Народнаго въ

нихъ ровно настолько, насколько творцы ихъ не порвали связи съ народомъ. Народъ тамъ (т. е. въ Галиціи) гораздо больше и гораздо раньше выучился грамотѣ, и весьма многіе изъ него прошли настоящую школу, просвѣтились вполне наукою, но, не въ примѣръ нашей интеллигенціи, сохранили всю непосредственность чувства, а нерѣдко и міросозерцанія. Это исключительное явленіе мыслимо только въ Галиціи, гдѣ нѣтъ ни аристократіи, ни даже буржуазіи, а есть только народъ съ своею особенною интеллигенціею, изъ него вышедшею и съ нимъ живущею. Я много лѣтъ наблюдалъ ее, списывался, говорилъ, читалъ и могу сказать, что большая часть тамошнихъ коломіекъ издѣліе книжниковъ, хотя чувствующихъ, а подъ часъ и думающихъ по народному».

Позднѣе, по поводу одного моего замѣчанія въ сочиненіи объ апокрифахъ о народныхъ словопроизводствахъ, *Ө. Г.* писалъ: «Точь въ точь какъ въ лежащихъ передо мною спискахъ легенды о Кирикѣ, гдѣ слово въ Овручевскомъ повѣтѣ мѣняется въ Овруцкомъ, во Вруцкимъ, въ Обружскимъ, въ Обрубскимъ и, наконецъ, Бобруйскимъ, или «тамъ-ки тече ричка» перешло въ «тамъ Китеча рѣчка», «тамъ ричка Китача тече». Въ дѣтствѣ въ домѣ отца моего слышалъ я колядниковъ, поющихъ: «Видитъ же Богъ, видитъ Творецъ, жомвирь погибаетъ», вмѣсто «же міръ».

Ө. Г. затрачивалъ на «Кіевскую Старину» много труда. «Только что окончилъ книжку, писалъ онъ 28 февраля 1886 г., и чувствую себя какъ-бы слѣзши съ полки въ банѣ. На масляной въ субботу былъ на балу въ дворянскомъ собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корреспонденціи». Немного ранѣе, 29 марта 1885 г., *Ө. Г.* бодро еще писалъ мнѣ: «Я шесть разъ былъ за-границей, и вотъ плоды тамошней науки: ложусь въ 10—11 часовъ, встаю 5—6, послѣ обѣда никогда не сплю, ежедневно два часа на воздухъ и въ движеніи бываю и каждый же день, вставши, обливаю голову холодною водою, а спину и поясницу мокрымъ полотенцемъ вытираю, а потомъ простыней до суха и тепла. Такъ и живу, давно забывъ о томъ, что называется гемороемъ. А ужъ я ли не сижу! Да еще съ моею комплекціею и лѣтами, которыхъ уже 57». Тяжелая болѣзнь однако уже стерегла *Ө. Г.*—ча. и вскорѣ, въ концѣ 1886 года, въ его письмахъ появляются горькія жалобы на ревматизмъ и расстройство нервовъ. Въ концѣ 1886 года *Ө. Г.* подумывалъ уже о прекращеніи «Кіевской Старины»; но высокопресвященный митрополитъ Платонъ, прослышавъ о томъ, пригласилъ

Ө. Г. къ себѣ и, какъ мнѣ потомъ писалъ Ө. Г., «воодушевилъ» его. Глубоко тронутый вниманіемъ и поддержкой со стороны досто-чтимаго митроп. Платона, Ө. Г. рѣшился продолжать изданіе. «Ска-зать откровенно, писалъ онъ по этому поводу, въ запасѣ нѣтъ ни одной статьи, кромѣ повѣстей Шевченка; за годъ истощилъ все, что было; осталась дрянь, которою и рукъ марать не слѣдуетъ. Сооб-щите немедленно, чего можно надѣяться изъ Харькова вообще и отъ васъ въ частности... Всего болѣе заѣдаютъ меня рецензи; не до-будете ли тамъ?»—«Писать мнѣ очень трудно (по болѣзни), жаловался Ө. Г. въ апрѣлѣ 1887 года. Хотѣлъ въ Ярославль поѣхать на архео-логическій съѣздъ, да доктора настаиваютъ, чтобы на лиманъ ѣхалъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ»... Тревожное состояніе духа, вы-званное болѣзнию, обнаруживается почти во всѣхъ остальныхъ пись-махъ Өеофана Гавриловича. «Всѣ эти дни, писалъ онъ осенью 1888 года, я стоналъ, кричалъ и плакалъ отъ невыносимыхъ нерв-ныхъ страданій, повергавшихъ меня въ то «изумленіе», въ какое приходилъ человекъ на дыбѣ или приводится дѣйствіемъ электро-магнитной машины. До такого состоянія, по единогласному мнѣнію врачей, довело меня шести лѣтнее напряженное состояніе, а потому не удивляйтесь, что я объявилъ уже пріостановку изданія, предвѣстницу совершенного прекращенія, если не найдутся продолжатели. Я сдѣ-лалъ все, что могъ, истощилъ всѣ мои силы и средства и оставляю дѣло лишь тогда, когда уже ничего дѣлать не могу». Въ это время до Ө. Г. дошелъ слухъ, что въ Харьковѣ собираются издавать историческій журналъ, слухъ вполнѣ ложный. «Такъ ли?», спраши-валъ меня Ө. Г. «И кому это жизнь надоѣла, что ищетъ ее погубить? Не на шутку готовъ предложить сему храброму воину «Киевскую Ста-рину». Пусть назоветъ ее Южнорусскою, да и ведетъ съ Богомъ въ самомъ Харьковѣ. Программа хорошая; дѣло налажено; все отъ средствъ зависѣть будетъ. Два однородныхъ изданія идти рядомъ не могутъ, когда одно на ладанъ дышетъ».

Здоровье Ө. Г.—ча все ухудшалось, и 30 сент. 1887 г. онъ писалъ:

«Прошло лѣто, а здоровье мое не улучшилось ни на юту. Всякое леченье, кромѣ Маріенбадской воды, оказалось тщетнымъ. Доктора пришли къ заключенію, что у меня не ревматизмъ въ плечахъ, а нервное разстройство—какихъ-то узловъ, какого-то блуждающаго нерва. Что мнѣ дѣлать? Главное условіе леченія—свобода отъ книж-ныхъ занятій. Никогда я не былъ въ такомъ отчаянномъ положеніи. Невыносимая борьба въ душѣ; не знаю, что предпринять, на что рѣшиться».

Въ письмѣ 9 ноября 1887 г.: «Болѣзнь моя—болѣзнь плечевыхъ и позвоночныхъ нервовъ—самая ужасная».

Передавъ «Кіевскую Старину», въ концѣ 1887 года, А. С. Лашкевичу, Ѳ. Г. написалъ мнѣ любопытное письмо, въ которомъ сдѣлалъ общую оцѣнку журнала за первыя шесть лѣтъ его существованія. «Вы не повѣрите, говоритъ Ѳ. Г., какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу. Моя ли только лебединая пѣсня, или я ее пою надъ умершей «Стариной» въ широчайшемъ смыслѣ. Была «Основа», и съ какими великими силами! А долго ли она продержалась? Катенинъ далъ на нее 20,000 руб. сер. А гдѣ они? Потомъ «Метелики» пошли, точно пряничныя пѣтушки... Явилась «Кіевская Старина»... Въ первый годъ подписка была до 800 чел., а расходъ до 10 тысячъ рублей. Каждый годъ подписка понижалась, и каждый годъ я уменьшалъ расходы, особливо на объявленія, а достоинство изданія не шло въ понижающейся степени, и на мой судъ—последній годъ отнюдь не хуже перваго. Будь основной фондъ..., будь у меня помощникъ по редакціи, корректоръ, конторщикъ, будь публикацій въ четверо больше, а главное—готовыя деньги для сотрудниковъ, подписка не понижалась бы, а увеличилась бы вдвое, втрое, и изданіе не только окупало бы себя, но и возвращало затраченный капиталъ; но ex nihilo nihil fit; черезъ силу конь не попретъ; сухая ложка ротъ деретъ; подавляемъ сытъ не будешь и, не сдѣлавъ затратъ, и прибыли не получишь.... Кругъ подписчиковъ самый разнообразный; кромѣ учителей, чиновниковъ, военныхъ, не мало графовъ, князей, высшихъ сановниковъ, архіереевъ, и все это постоянные, даже московскій и закаспійскій генераль-губернаторы. Въ императорской публичной библіотекѣ за какой-то годъ самое большое число требованій было на «Кіевскую Старину». Въ печати никогда ни одного худаго отзыва, а сибирская газета поставила «Старину» напу выше всѣхъ историческихъ журналовъ».

«Большинство статей было бесплатно, а число сотрудниковъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Изъ 50 съ лишнимъ 15 такихъ, что съ ними одними можно вести изданіе».

«Кіевская Старина» за шесть лѣтъ не получила ни одного замѣчанія... Страдала лишь буква і. Вычеркивалось только изъ моихъ статей или что добавлю».....

Феофанъ Гавриловичъ скончался 12 марта 1888 года, наканунѣ выхода въ свѣтъ первой книжки «Кіевской Старины» подъ новой редакціей. На первой страницѣ этой книжки подъ большимъ чернымъ крестомъ было замѣчено, что «въ лицѣ покойнаго новая редакція понесла тяжелую утрату; она потеряла въ немъ дѣятельнаго,

талантливаго сотрудника и умудреннаго опытомъ благожелательнаго совѣтника». Имя Ф. Г. Лебединцева дорого всемъ любителямъ старины. Ф. Г. Лебединцевъ занялъ почетное мѣсто въ ряду дѣятелей русской исторической науки вообще, южнорусской въ особенности. Онъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ просвѣщенный и энергическій охранитель лучшихъ историческихъ преданій народа и выразитель лучшихъ культурныхъ стремленій роднаго края. Такіе люди, какъ Ф. Г. Лебединцевъ, всегда оставляютъ слѣдъ въ исторіи развитія общественаго самосознанія и нравственной культуры. Воспоминаніе о нихъ сохраняется многіе и многіе годы, какъ благодарность прошедшему и надежда на лучшее будущее.

Вдвойнѣ было бы грустно, если бы со смертью Ф. Г. Лебединцева умерла и «Кіевская Старина»; весьма утѣшительно то обстоятельство, что изданіе это перешло въ хорошія руки, новая редакція съ честью и знаніемъ дѣла ведетъ это изданіе по пути усовершенствованія, проложенному настойчивостью покойнаго его редактора.

Н. Ф. Сумцовъ.

Харьковъ.
8 января 1889 г.

родился 15-го января 1826 г.
въ с. спасъ-уголь, тверской гув.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

ЩЕДРИНЪ.

I: 1, 2 и 3. Автобіографическія его замѣтки 1874 и 1887 гг.—
II. Очеркъ Редактора «Русской Старины» 1887-го года:
М. Е. Салтыковъ.—III. Время начала литературной дѣятель-
ности Салтыкова.—IV. Последнее свиданіе съ М. Е. Сал-
тыковымъ.—V. Памяти М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля
1889 г.—VI. 2-е мая 1889 г.—день его погребенія—стихо-
твореніе В. Р. Циглева.

скончался 28-го апрѣля 1889 г.
въ с.-петербургѣ.

I.

Собственноручныя автобіографическія замѣтки Салтыкова.

1.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ, род. 15-го января 1826 г., воспитывался въ императорскомъ Царскосельскомъ лицей, оттуда вышелъ въ 1844 году. Началъ службу въ канцеляріи военнаго министерства, продолжалъ въ вятскомъ губернскомъ правленіи съ апрѣля 1848 г., возвратился въ Петербургъ въ январь 1856 г. Первая повѣсть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1847 г., № 11, „Противорѣчіе“. Умеръ... (28-го апрѣля 1889 г.) ¹⁾.

1874 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины»: «Знакомые», изд. 1888 г., стр. 73).

2.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ. Я родился 15-го января 1826 г., Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ с. Спасъ-Уголь. Десяти лѣтъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, а оттуда въ 1838 году былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Тамъ я началъ писать стихи, за которые былъ часто наказываемъ; тамъ же началъ и печатать ихъ. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотвореніе „Лира“ было помѣщено въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1841 или 1842 года; затѣмъ я печаталъ стихи въ „Современникѣ“ Плетнева. Послѣ выхода изъ лица (въ 1844 г.) стиховъ больше не писалъ. Затѣмъ служилъ и писалъ, писалъ и служилъ вплоть до 1848 года, когда

¹⁾ Слова въ скобкахъ нами приписаны.

Ред.

былъ сосланъ на службу въ Вятку за повѣсть „Запутанное дѣло“¹⁾. Прожилъ тамъ почти 8 лѣтъ и служилъ, но не писалъ.

Въ 1856 г. возобновилъ литературную дѣятельность „Губернскими очерками“ и вплоть до 1868 г. писалъ и служилъ, служилъ и писалъ. Въ 1868 году совсѣмъ оставилъ службу и исключительно отдался литературѣ. Написалъ 22 названія книгъ. Въ настоящее время, одержимый жестокимъ недугомъ, ожидаю смерти. М. Салтыковъ.

21-го сентября 1887 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины» «Знакомые, стр. 208).

3.

Въ одномъ изъ писемъ М. Е. Салтыкова къ редактору „Русской Старины“ говорится, что онъ, еще въ бытность въ Александровскомъ лицѣѣ, писалъ и печаталъ свои произведенія въ тогдашнихъ журналахъ; именно къ 1844 году относятся его стихотворенія, помѣщенные имъ въ „Современникъ“, издававшемся тогда бывшимъ другомъ Пушкина, П. А. Плетневымъ; равнымъ образомъ, М. Е. Салтыковъ помѣщалъ свои, тогда еще весьма юныя, произведенія (стихи) въ „Библіотекѣ для Чтенія“.

„Писалъ я, замѣчаетъ Салтыковъ въ одномъ изъ писемъ къ намъ, стихи и мелкія рецензіи, но съ какого именно времени, этого я и самъ опредѣлить не могу, но, вѣроятно же всего, около 1841 года. М. Салтыковъ“.

1-го апрѣля 1887 г.

См. журналъ «Русская Старина», изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 244 и 562.

¹⁾ Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г.; перепечатана въ сборникѣ «Невинные рассказы». М. С.

II.

Очеркъ редактора „Русской Старины“, февраль 1887 г.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой—наиболѣе даровитые дѣятели въ ряду современныхъ русскихъ писателей. Многочисленныя ихъ произведенія, въ различныхъ сферахъ литературы и различнаго направленія, увѣковѣчили уже ихъ имена въ исторіи нашей словесности.

„Русская Старина“, съ самаго основанія этого изданія, — всегда выражала чувство глубокаго уваженія къ наиболѣе виднымъ отечественнымъ дарованіямъ на поприщахъ—наукъ, словесности и художествъ.

Мы глубоко чтимъ мощный талантъ М. Е. Салтыкова.

По силѣ и глубинѣ его сатиры, нѣтъ ему равнаго за послѣднія тридцать лѣтъ ни въ одной литературѣ.

По силѣ и глубинѣ своей сатиры, по художественной жизненности и правдѣ многихъ типовъ русскаго человѣка, выведеннаго этимъ писателемъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ русскаго народа,—Щедринъ является Гоголемъ нашего времени, но вполне своеобразнымъ, бичующимъ злобу и язвы общественныхъ пороковъ нашего чреватаго всякимъ зломъ времени.

М. Е. Салтыкову-писателю принадлежитъ слава общественнаго дѣятеля, оказавшаго громадныя заслуги отечеству.

Въ славный періодъ реформъ истинно незабвеннаго Государя-Освободителя, М. Е. Салтыковъ явился съ своими „Губернскими очерками“ и нанесъ ими рѣшительный ударъ одряхлѣвшему, насквозь проѣденному взяточничествомъ и казнокрадствомъ, міру русскаго чиновничества (мы говоримъ о чиновничествѣ до реформъ 1860-хъ годовъ).

Это было какъ разъ наканунѣ реформъ, даровавшихъ свободу отъ крѣпостныхъ узъ, новый судъ и земство.

Никто не станетъ отрицать того, что вліяніе, произведенное „Губернскими очерками“ Щедрина, было громадное и притомъ самое благотворное. Въ нихъ, точно въ зеркалѣ, отразилась вся провинціальная, дореформенная, чиновничья Россія.

Будущій историкъ славной эпохи 1856—1866 гг., пересоздавшей весь внутренней строй нашего отечества, отведеть видное мѣсто вліянію русской литературы на реформы, тогда совершенныя; а въ этой литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, бесспорно, М. Е. Салтыковъ ¹⁾.

Мы сказали: бесспорно... Нѣтъ, эта истина, къ сожалѣнію, не всѣми еще усвоена: есть еще, и при томъ въ интеллигентныхъ кругахъ русскаго общества, лица, которыя не знали и не знаютъ Щедрина, которыя его не читали, не читаютъ, а быть можетъ, — и не поймутъ, если начнутъ читать.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго.

Такъ было съ Гоголемъ при его жизни, такъ повторилось и съ Салтыковымъ.

Но умеръ Гоголь, прошли десятилѣтія, и ему созидаютъ памятники, его сочиненія сдѣлались предметомъ изученія въ учебныхъ заведеніяхъ по всему лицу русской земли, — его имя предметъ гордости русскаго, не только образованнаго, но просто грамотнаго человѣка.

Не надо быть пророкомъ: тоже повторится въ будущемъ и съ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ.

Грустно только, что дань уваженія, дань признательности къ лучшимъ нашимъ писателямъ воздается имъ лишь послѣ смерти.

Ө. М. Достоевскому довелось умереть въ убогой квартирѣ Кузнечнаго переулка въ С.-Петербургѣ, и только послѣ его смерти его сочиненія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ по Россіи и сдѣлались извѣстными по всей Европѣ, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ...

Но какъ ни заманчива посмертная слава, пожелаемъ, дабы нашъ единственный во всѣхъ смыслахъ этого слова сатирикъ-художникъ жилъ бы еще многіе, многіе годы и въ

¹⁾ Отметимъ здѣсь, что Михаилъ Евграфовичъ въ тѣ годы трудился не только какъ писатель, но и какъ членъ одной правительственной комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ 1860—1861 гг.), въ которой, подѣ руководящимъ предѣлательствомъ Н. А. Милютина и при участіи К. К. Грота, В. А. Арцимовича и другихъ государственныхъ дѣятелей, — выработана была административная реформа, отдѣлившая администрацію отъ суда и положившая основы земскихъ учрежденій.

сокровищницѣ своего мощнаго дарованія и глубокаго знанія всѣхъ слоевъ современнаго русскаго общества черпалъ бы новыя, высоко художественныя произведенія, прекрасно иллюстрирующія исторію русскаго общества второй половины XIX вѣка.

М. С.

8-го января 1887 г.
Висбаденъ (Германія).

Примѣчаніе: При февральской книгѣ «Русской Старины», изд. 1887 г., (стр. 529—531), въ которой напечатана выше приведенная статья, приложенъ портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравюра на мѣди, прекрасно исполненная талантливымъ художникомъ Ф. А. Мѣркинымъ; портретъ отличается замѣчательнымъ сходствомъ.

М. С.

III.

Письмо М. Е. Салтыкова къ М. И. Семевскому.

„Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, глубоко благодарю васъ за прекрасный портретъ мой, приложенный къ февральской книгѣ „Русской Старины“ (изд. 1887 г.)¹⁾, а равно и за сочувственный обо мнѣ отзывъ, помѣщенный тамъ-же. Я вовсе не такъ высоко цѣню себя, какъ вы (меня цѣните), и отношу это лестное мнѣніе обо мнѣ исключительно вашей благосклонности.

„Что касается до начала моей литературной дѣятельности, то я самъ не могу его съ точностью опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, болѣе 40 лѣтъ, потому что я писалъ стихи еще въ лицѣ (вышелъ въ 1844 г.) и печаталъ ихъ въ „Современникѣ“ Плетнева и даже въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковского.

„Прошу васъ передать мой искренній привѣтъ глубоко уважаемой Елизаветѣ Михайловнѣ.

„Душевно вамъ преданный М. Салтыковъ“.

1-го февраля 1887 г.
(Альбомъ редактора „Русской Старины“ «Знакомые», стр. 338).

¹⁾ Этотъ самый портретъ, какъ вполне одобренный покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ, приложенъ при настоящей книгѣ во второмъ тисненіи, между прочимъ и потому, что «Русская Старина» 1887-го года давно разошлась по подпискѣ вся, до послѣдняго экземпляра.

М. С.

IV.

Послѣднее свиданіе съ Салтыковымъ.

Послѣдніе годы мы лишь изрѣдка посѣщали Михаила Евграфовича изъ опасенія его, больного, тревожить; но 19-го апрѣля 1889 года, въ среду, около полудня, я къ нему заѣхалъ и былъ немедленно введенъ въ небольшой его кабинетъ.

Михаиль Евграфовичъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ халатѣ, у небольшого столика. Онъ былъ привѣтливъ, въ духѣ и вообще я нашелъ его гораздо бодрѣе, чѣмъ то ожидалъ встрѣтить; одно, что возбудило во мнѣ тревогу, это то, что лицо его очень потемнѣло; такимъ же темнымъ я его нашелъ десять дней спустя въ гробу.

Разговоръ хотя и перемежался, но былъ довольно живой. Покойникъ говорилъ объ изданіи собранія его сочиненій и выражалъ сильныя опасенія, что оно не пойдетъ достаточно скоро. Я его разубѣждалъ и ссылался на показанія книгопродавцевъ (г. Цинзерлинга и друг.) о томъ, что подписка идетъ бойко.

— „Ну, что они знаютъ, возражалъ Салтыковъ, — у нихъ подпишутся на какіе нибудь 100 экземпляровъ, они и думаютъ, что это ни въѣсть какой успѣхъ! Вѣдь изданіе-то въ большомъ количествѣ экземпляровъ напечатано, когда-то оно разойдется ¹⁾!“

Далѣе бесѣдуя, я сказалъ, что уже поспѣшилъ и для себя заказать г. Цинзерлингу подписаться и уже получилъ по городской почтѣ квитанцію въ этой подпискѣ.

Михаиль Евграфовичъ заволновался:

— „Какъ такъ подписались?! Да вѣдь это я вамъ послалъ билетъ на даровой экземпляръ собранія моихъ сочиненій! Какъ это вы и не посмотрѣли на подпись мою“...

Я сердечно поблагодарилъ дорогаго и сердечно любимаго писателя и спросилъ за что такое вниманіе:

— „Да вѣдь я читаю „Русскую Старину“, она всегда предомно и доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, — говорилъ Михаилъ Евграфовичъ своимъ нервнымъ прерывающимся голосомъ,

¹⁾ Сколько помню, М. Е. сказалъ мнѣ, что это изд. печатается въ 6000 экз.

за то и послалъ вамъ билетъ на даровой экземпляръ моихъ сочиненій... Какъ это вы и не взглянули на билетъ!”

Еще разъ поблагодарилъ я великаго писателя и навсегда сохранию въ памяти его, дорогія для меня и для труда всей моей жизни—„Русской Старины“, слова. Разговоръ перешелъ на другіе предметы, но объ этомъ когда либо послѣ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, 19-го апрѣля (1889 г.), я получилъ по городской почтѣ визитную карточку Михаила Евграфовича Салтыкова и на ней его рукою написано—какъ бы въ продолженіе его словъ о подаркѣ мнѣ:

И на билетъ написано: „отъ автора“.

Взглянулъ я на билетъ, данный мнѣ на полученіе девяти томовъ сочиненій М. Е. Салтыкова, билетъ за № 17 отъ 7 апрѣля 1889,—и на немъ написано:

„Отъ автора Михаилу Ивановичу Семевскому“.

И билетъ и карточка—поступили отнынѣ въ реликвию историческаго журнала „Русская Старина“.

М. С.

V.

ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.

Салтыковъ - гражданинъ.

Въ Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ Россія потеряла не только могучаго, по таланту, писателя,—она потеряла гражданина, сослужившаго великую службу горячо любимому имъ Отечеству: въ произведеніяхъ пера Салтыкова незабвенный Государь императоръ - Освободитель Александръ II съ самаго начала реформъ, обновившихъ весь внутренній строй Россіи, т. е. съ 1856 г.,—обрѣлъ великую себѣ помощь. Бичъ сатиры Щедрина-Салтыкова, направленный на все угнетавшее, на все мертвившее жизнь старой Россіи, въ теченіе всего царствованія государя — расчищалъ поле для преобразованій, въ особенности въ области прежняго строя администраціи. Щедринъ-Салтыковъ являлъ въ поразительно яркихъ образахъ бичуемыхъ имъ типовъ паразитовъ, которые въ дореформенной старой Россіи поглощали лучшіе

жизненные соки русскаго народа и затѣмъ являлись тормазами его возрожденія въ лучшей жизни.

Такие дѣятели, какъ Некрасовъ, Тургеневъ и Салтыковъ не только высоко даровитые, прямо сказать, гениальные писатели, — они граждане - сподвижники истинно незабвеннаго Обновителя и Освободителя Россіи, они мощью своего творчества въ области словесности русской несомнѣнно являются участниками въ преобразованіяхъ всего внутренняго строя Россіи...

Имя Салтыкова-Щедрина отнынѣ одно изъ тѣхъ именъ, которое должно быть начертано, въ ряду именъ лучшихъ русскихъ людей, на памятникѣ Александра II - Освободителя, въ ряду тѣхъ его сподвижниковъ, которые потрудились вмѣстѣ съ нимъ для созданія новой, свободной Россіи.

Михаилъ Семевскій.

Издатель-Редакторъ «Русской Старины».

Въ день погребенія М. Е. Салтыкова 2-го мая 1889 г., въ газетѣ «Новостя», 1889 г., № 119, помѣщено собраніе откликовъ и впечатлѣній нѣсколькихъ нашихъ писателей, вызванныхъ съ ихъ стороны утратою всей грамотной Россіи великаго сатирика. Въ группѣ этихъ небольшихъ статей, написанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ общаго горя, помѣщенъ приведенный выше нашъ откликъ.

Вспроизводимъ его изъ летучаго листа газеты; да будутъ эти строки нашимъ вѣнкомъ на гробницу великаго писателя и славнаго гражданина нашего дорогаго отечества—М. Е. Салтыкова. Ред.

VI.

Къ массѣ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ знаменитаго нашего писателя — былъ присоединенъ вѣнокъ отъ „Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ былъ почетнымъ членомъ этого старѣйшаго въ Россіи литературнаго Общества, основаннаго, если не ошибаемся, въ 1811 году.

1-го мая 1889 г., т. е. наканунѣ погребенія Салтыкова, по телеграммѣ, полученной нами отъ предсѣдателя помянутаго общества, профессора Н. С. Тихонова, нами переданъ роскошный

вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и съ пальмовыми вѣтвями вдовѣ покойнаго писателя и ею возложенъ таковой на гробъ ея супруга. На лентахъ вѣнка напечатано: „Московское Общество Любителей Россійской Словесности своему почетному члену Михаилу Евграфовичу Салтыкову“.

Равнымъ образомъ, нами передава вдовѣ покойнаго слѣдующая телеграмма, полученная нами изъ Астрахани: „Сегодня (7 мая) отслужена панихида по Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ. Редакція и присутствовавшіе просятъ васъ передать вдовѣ покойнаго чувства безпредѣльной скорби. Астраханскій Вѣстникъ“.

VII.

2-го мая 1888 г.

Опять толпа... опять могила!
 Сатиры русской цвѣтъ и соль
 Смерть беспощадная сразила—
 И въ сердцѣ чувствуется боль...
 Тоска утраты сердце гложетъ!
 Упавшій бичъ — кому поднять!
 И развѣ празднымъ быть онъ можетъ?
 И развѣ нѣкого карать?
 Какъ будто... но сильнѣе слова
 Мысль страшно - ясная одна:
 Среди живыхъ — нѣтъ Салтыкова,
 Среди живыхъ — нѣтъ Щедрина!

В. Р. Щиглевъ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

Выходъ въ свѣтъ перваго тома полнаго собранія сочиненій покойнаго немногими днями предшествовалъ его смерти. Къ ней, конечно, давно надо было готовиться, и тѣмъ не менѣе она является преждевременною. Жаръ, не остывавшій въ покойникѣ до конца, почти наканунѣ смерти придалъ силу его дрожащей рукѣ и онъ набросалъ полторы страницы новаго задуманнаго имъ сочиненія: „Позабытыя слова“. А какъ много у насъ позабытыхъ словъ, тѣхъ словъ, не помня которыхъ не сдѣлаешь никакого дѣла, а весь израсходуешься на однѣ только „мелочи“....

I.

Салтыковъ-Щедринъ—такая двойственность имени имѣеть свой особый смыслъ. Салтыковъ—это говоритъ намъ о цѣломъ родѣ, о старой дворянской фамиліи, къ тому же, какъ нерѣдко у насъ въ дворянствѣ, еще и татарскаго происхожденія; это невольно говоритъ и о дворянскихъ преданіяхъ, о пошибѣ и привычкахъ, коренящихся въ той еще столь недавней „Пошехонской старинѣ“, которая отличалась особымъ „пошехонскимъ раздольемъ“. Щедринъ—это не историкъ-риторъ, не историкъ-панегиристъ, а правдивый бытописатель своей родной старины, родной по крови, но не по духу. Щедринъ—это тотъ, кто, рисуя намъ картины „пошехонскаго раздолья“, постоянно останавливался передъ „человѣкомъ, вѣдющимъ лебеду“, постоянно

желалъ ему „добрыхъ щей“, постоянно вооружался своимъ сатирическимъ бичомъ противъ всего того, что даетъ и теперь возможность вырывать ихъ у него изъ рукъ новоявленному „чумазому“, какъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто злорадствуетъ наступленію этого новаго „чумазовскаго раздолья“.

М. Е. Салтыковъ, увидавъ свѣтъ въ родительскомъ имѣніи, селѣ Спасъ-Усольѣ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губ., 15-го января 1826 г., получилъ обычное дворянское воспитаніе сперва (до 10 лѣтъ) дома, потомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, наконецъ въ Царскосельскомъ лицейѣ, гдѣ въ часы досуга писалъ стихи; за нихъ, правда, ему доставалось (по его же собственному свидѣтельству) ¹⁾, но это не мѣшало ему, подобно другимъ стихотворцамъ на школьной скамьѣ, печататься (въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1841 и 1842 гг. и „Современникѣ“ 1843 г. ²⁾). По выходѣ изъ лицея въ 1844 г., онъ опредѣлился на службу въ канцелярію военнаго министерства, совсѣмъ пересталъ грѣшить стихами, но вскорѣ началъ свое настоящее литературное поприще въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 г. повѣстью (почти бы можно связать романомъ): „Противорѣчія“. Тутъ онъ выступилъ подъ псевдонимомъ М. Непанова, а подъ своею второю повѣстью, появившеюся въ томъ же журналѣ въ мартѣ слѣдующаго 1848 г., выставилъ свои инициалы (М. С.). Публика почему-то не обратила особеннаго вниманія на эти произведенія, хотя они уже были далеко не то, что его стихи ³⁾; въ нихъ уже связывалась оригинальность, въ нихъ зарождался уже будущій Щедринъ. Зато на вторую повѣсть („Запутанное дѣло“) обращено было вниманіе въ такой сферѣ, которая имѣла возможность распорядиться дальнѣйшею участію автора. Тогда какъ разъ возникло дѣло Петрашевскаго; въ связи съ этимъ учрежденъ былъ такъ называемый Бутурлинскій комитетъ, какъ высшее цензурное вѣдомство. Задѣтый за живое строгимъ замѣчаніемъ этого новаго учрежденія (за какія-то провинности) оффиціальной газетѣ военнаго министерства, „Русскому Инвалиду“, тогдашній военный министръ, гр. Чернышевъ, неблагоклонно

¹⁾ Въ Альбомѣ редактора «Русской Старины».

²⁾ Выходившемъ тогда подъ редакціей П. А. Плетнева.

³⁾ Довольно гладкіе и звучные, но съ очевидно навѣянными мотивами.

отнесся къ тому, что служащій у него чиновникъ пишетъ въ журналахъ. Докладъ о повѣстахъ Салтыкова, который, говорятъ, поручено было составить одному изъ литераторовъ, враждебныхъ къ такъ называемой „натуральной школѣ“, вышелъ до того не въ пользу юнаго автора, что его уволили изъ военнаго министерства. Вслѣдъ же затѣмъ, по поступленіи этого доклада въ III-е отдѣленіе, Салтыковъ былъ немедленно отправленъ въ Вятку. Благодаря, надо думать, связямъ своихъ родственниковъ, ему однако же была предоставлена тамъ возможность служить сначала въ штатѣ губернскаго правленія, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія ¹⁾.

Только въ 1855 г.—когда, съ наступленіемъ новаго царствованія, наступила и поворотная точка въ государственной и общественной жизни Россіи—для Салтыкова оказалось возможнымъ вернуться въ столицу. Съ этихъ поръ и до самаго 1868 г. онъ могъ безпрепятственно совмѣщать въ себѣ Салтыкова со Щедринымъ—чиновника, подвигавшагося по ступенямъ служилой лѣстницы, съ писателемъ такъ называемаго „обличительнаго“ направленія. Онъ занималъ довольно видные посты—сперва вице-губернатора въ Рязани и въ Твери, а затѣмъ управляющаго казенною палатою въ Пензѣ, Тулѣ и Рязани. Отставка, при которой получилъ онъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалась, надо думать, необходимою для него, когда, вслѣдствіе печальныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ служилыхъ сферахъ значительно измѣнился взглядъ на писательство служащихъ лицъ, особенно же при томъ смѣломъ сатирическомъ направленіи, какимъ отличался „надворный совѣтникъ Н. Щедринъ“. Громкая извѣстность этого послѣдняго началась съ 1856 г., когда, въ тольео что основанномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ“ покойнаго М. Н. Каткова, стали печататься его „Губернскіе Очерки“, гдѣ подъ именемъ Крутогорска является Вятка, надѣлывшая прослужившаго въ ней цѣлыхъ восемь лѣтъ чиновника богатымъ запасомъ всевозможнаго рода типовъ ²⁾. Уже въ 1860 г. Щедринъ

¹⁾ Дальнѣйшія подробности обо всемъ этомъ можно найти въ статьѣ г. Скабичевскаго въ 216 № «Новостей».

²⁾ Сотрудничая въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Щедринъ появлялся и на страницахъ „Библиотеки для Чтенія“ 1857 и 1858 гг.

изъ „Русскаго Вѣстника“ перешель въ „Современникъ“, какъ бы чуя то измѣненіе въ направленіи Катковскаго журнала, которое стало осязательнымъ образомъ обнаруживаться только значительно позже. Сотрудничество Щедрина въ „Современникѣ“, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ соиздателей, продолжалось до 1866 г., т. е. до закрытія Некрасовскаго журнала ¹⁾. Годъ вступленія Щедрина въ „Отечественныя Записки“, перешедшія въ аренду въ Некрасову, а именно 1868-й, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ выхода Салтыкова въ отставку. Серьезная болѣзнь, постигшая нашего писателя въ 1875 г., заставила его, не бывавшаго до тѣхъ поръ за границу, провести тамъ цѣлый годъ. Жизнь въ Германіи и Франціи, не смотря ни на какія свои преимущества, сопровождалась для него тою тоскою по родинѣ, которою болѣлъ онъ и потомъ, когда тѣ-же заботы о здоровьи заставляли его на время снова покидать Россію. Въ этомъ отношеніи онъ вполне напоминалъ Бѣлинскаго, который такъ хандрилъ въ Парижѣ, и Некрасова, жившаго въ благодатной Италиі и слагавшаго пѣсни не ея небесамъ, а своей суровой и неказистой родинѣ.

Послѣ смерти Н. А. Некрасова, Салтыковъ-Щедринъ, въ 1878 г., самъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и оставался имъ до прекращенія журнала въ 1884 г. Съ этихъ поръ, не имѣя болѣе своего собственнаго органа, онъ былъ обреченъ на участь сотрудника въ чужихъ изданіяхъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и по преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы».

Сильная, до старости юношеская, впечатлительность Щедрина не могла не поколебать его нервной системы, не разстроить мало по малу всего его организма и не развить въ немъ болѣзни сердца,—этого недуга нашего времени по преимуществу. Семейная жизнь, начавшаяся для него въ 1856 г., когда онъ женился на Е. А. Болтиной, могла, разумѣется, лишь до извѣстной степени служить ему пристанью отъ общественныхъ тревоженій. Настоящею поддержкою для его распатаннаго организма служилъ его страстный жаръ, его непоколебимая энергія. Среди

¹⁾ Это не помѣшало Щедрину появиться и во «Времени» М. М. Достоевскаго (1862 г.). Только слѣдующій журналъ той же редакціи, «Эпоха», находился уже въ полемическихъ отношеніяхъ съ Щедринымъ.

сильнѣйшихъ страданій, весь уже, можно сказать, израненный, онъ не выпускалъ изъ рукъ своего славнаго писательскаго знамени.

II.

Конецъ 1840-хъ годовъ — вотъ то время, когда сталъ развиваться Щедринъ. На немъ сказалось тогда то же самое вѣяніе, которое производило такое сильное впечатлѣніе при чтеніи «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Самъ Щедринъ указывалъ въ разныхъ своихъ трудахъ на эту точку отправленія своей литературной дѣятельности, а въ одномъ изъ послѣднихъ: „Мелочахъ жизни“ выставилъ себя остающимся и подъ старость вѣрнымъ своимъ молодымъ убѣжденіямъ. Уже въ повѣсти 1847 г.: „Противорѣчія“ ясно сказала соціальная точка зрѣнія. Замѣчательное въ психологическомъ и даже философскомъ отношеніи, это произведеніе писателя, недавно только достигшаго совершеннлѣтія, вполнѣ бы заслуживало и вниманія тогдашней публики, и перепечатанія его теперь — хотя бы въ видѣ приложенія къ полному собранію его сочиненій, становящемуся посмертнымъ. Вторая повѣсть Щедрина, „Запутанное Дѣло“, была включена имъ въ составъ „Невинныхъ разсказовъ“ (изд. 1863 г.)¹⁾. На нашъ взглядъ, въ ней менѣе психологической и философской глубины, но въ ней зато уже замѣтны значительныя проблески сатиризма, котораго въ „Противорѣчійхъ“ еще почти вовсе не было. Въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ и ярче выступаетъ, притомъ въ сжатой и тѣмъ болѣе сильной формѣ, соціальная идея. „Россія — государство обширное, обильное и богатое — да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ“. — „Все голодные волки поѣли, мама? Да вотъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... Я ѣсть хочу, мама! — „Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты“. — „Когда же убьютъ голодныхъ волковъ?“ — Вотъ подобныя-то мѣста повѣсти, конечно, и обратили

¹⁾ Она находится и въ только что вышедшемъ 1-мъ т. полного собранія его сочиненій. Желательно, чтобы въ это собраніе, въ видѣ дополнительнаго тома, вошло и то, что не включалось въ прежніе отдѣльные сборники произведеній Щедрина.

на себя вниманіе въ 1848 г. То же направленіе и позже постоянно сказывалось у Щедрина—въ цѣломъ рядѣ произведеній, рисовавшихъ съ такою любовью бѣднаго, обездоленнаго человѣка, начиная съ нѣкоторыхъ изъ „Губернскихъ очерковъ“ и кончая „23 сказками“ и „Мелочами жизни“ съ одной стороны и типами дворовыхъ людей въ „Попехонской старинѣ“ съ другой. „Казалось бы, спрашивалъ Щедринъ въ одномъ изъ своихъ довольно раннихъ очерковъ ¹⁾, что общаго между мною и этой случайно встрѣченной мной семьей (семьей изъ народа)... И между тѣмъ я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, приобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни“. И такія теплыя строки попадаютъ намъ даже въ той безпощадной характеристикѣ „Глупова“, которая была начата еще въ „Сатирахъ въ Прозѣ“, а закончена въ „Исторіи одного города“. Даже этотъ, такъ широко понимаемый авторомъ, „Глуповъ“ вызываетъ у него сквозь, такую жолчную брань, слезы живаго участія и состраданія. Сатирикъ заходитъ, конечно, слишкомъ далеко, выставляя „головотяпами“ и самыхъ основныхъ людей „Глупова“, самый народъ „глуповскій“, но въ сущности и тутъ слышится та досада, вытекающая изъ любви, которая вызывается горячимъ желаньемъ, чтобы дорогое намъ существо не давало себя оболванивать.

Въ „Губернскихъ очеркахъ“ рисуется еще передъ нами, въ образѣ Крутогорска, старый „Глуповъ“ — самый конецъ его дореформенной поры, ознаменованный уже страхомъ „градущихъ впереди реформъ“. Но вѣдь именно то и озлобило такъ сатирика противъ Глупова, что и съ наступленіемъ новой поры въ немъ слишкомъ многое осталось по старому. Послѣ довольно кратковременнаго „конфуза“, происходившаго отъ того, что Улита, про которую говорили, что она „ѣдетъ, да когда-то будетъ“, наконецъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхала и застала всѣхъ и все врасплохъ,—наступила пора, когда „глуповскіе“ воротилы—на это стало у нихъ ума—точно стакнулись въ томъ, чтобы свести пріѣздъ Улиты на нѣтъ. „Цѣлые миліоны ничтожнѣйшихъ шаполаевъ, говорилъ сатирикъ, рыскаютъ по градамъ и весямъ

¹⁾ «Развеселое житье» въ «Невинныхъ разсказахъ».

любезнаго отечества со спеціальною цѣлью явно и тайно уничтожать и подрывать дѣйствіе 19-го февраля“.... потому что „въ дурацкой ихъ головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной имъ этимъ ужаснымъ числомъ“ („Письма о провинціи“).

„Возродимся! возродимся!“ стали они кричать въ запуски, у нѣкоторыхъ же изъ нихъ пошли въ ходъ толки объ англійскомъ Selfgovernment и о возможности соединить его съ libre initiative des roméschiks. Другіе утѣшались тѣмъ, что очамъ ихъ вскорѣ предсталъ „Ташкентъ“, также очень широко понимаемый нашимъ сатирикомъ, какъ олицетвореніе всякаго рода „значныхъ полей“, гдѣ можно нажитья да и власть свою показать. „Ташкентцы“, по толкованію Щедрина, — это люди, которые „вообще способны воспользоваться прогонами куда бы то ни было, т. е. взяться за все, что случится“. Рядомъ съ болѣе или менѣе новымъ „ташкентствомъ“, сатирикъ выставилъ, какъ извѣстно, только въ подновленныхъ формахъ, въ сущности старое „помпадурство“ — выставилъ въ образѣ тѣхъ „шалуновъ возрождающейся Россіи“, которые отъ „фрондерства преданнаго“ вскорѣ перешли въ „фрондерство воинствующее“, выѣзжающее на той „благонамѣренности“, которая внушила имъ ихъ „подтягивательную систему“ — съ грознымъ: „разнесу!“ и веселымъ: „фюить!“

Между тѣмъ, съ другой стороны, передъ сатирикомъ выступили Деруновы съ ихъ преемниками Колупаевыми и Разуваевыми, вызывающіе негодованіе даже въ „отставномъ корнетѣ Прогорѣловѣ, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастерѣ, впоследствии оголтѣломъ землевладѣльцѣ, а нынѣ пропавшемъ человѣкѣ“. Но Прогорѣловъ хорошъ хоть тѣмъ, что не вторитъ своей собратіи, бывшимъ „крѣпостныхъ дѣлъ мастерамъ“, приговаривающимъ ехидно: „пускай, дескать, знаютъ поганцы, каково сладка хваленая ихъ свобода!“ На повѣрку, однако же, выходитъ, что и эти, когда-то слушавшіе Грановскаго, добродушные Прогорѣловы, способные и пожалѣть своихъ бывшихъ „подданныхъ“, сами же сознаются, что они, гуманные господа, „ни за кого пальцемъ не шевельнули“, хотя въ то же время умилялись и восклицали: „отечество—святыня!“

Но вотъ наступила и такая пора, воспроизведенная сатири-

комъ уже подъ конецъ его жизни, когда такъ называемое „подтягиванье“ смѣнилось болѣе откровеннымъ: „tout est à refaire“, когда владѣльцы различныхъ Монрепо очень бы ошиблись, если бы стали таить отъ различныхъ „сердцевѣдцовъ“ свою „дворянскую обиду“, такъ какъ скорѣе именно „оказательство“ этой обиды и стало своего рода аттестатомъ на „благонамѣренность“, когда явилось съ другой стороны и казовое заигрываніе съ народомъ и съ такъ называемою „народностью“. Сатирикъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ побѣдоносно изобличаетъ эту фальшь, это приниманіе всеу такихъ святыхъ словъ, какъ—народъ, старина родная! Избытокъ негодованія довелъ его въ „Современной идилліи“ и въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ до какого-то желанія позабыться, вдаваясь съ одной стороны въ своего рода шаржъ и каррикатурность, съ другой—въ фантастичность, среди которыхъ тѣмъ ярче выдѣляется въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ такой правдиво-идеальный и такъ тепло обрисованный народный типъ, какъ Андрей Курзановъ.

Въ своемъ большемъ предсмертномъ произведеніи, „Пошехонской Старинѣ“, нашъ авторъ зато становится вполне объективнымъ, какъ бы возвращаясь къ первой порѣ своей дѣятельности, когда сатиры предшествовали у него бытописательные очерки. „На склонѣ лѣтъ, поясняетъ онъ, охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ и является непреодолимое желаніе высказывать правду, одну только правду“. Но какую же убійственную оказывается она подъ его перомъ, какую улюкою служитъ она всѣмъ тѣмъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить великой поворотной точки въ нашей жизни—19 февраля, ссылаясь на неудачи въ его послѣдствіяхъ и не доискиваясь настоящихъ причинъ такихъ неудачъ.

„Пошехонская старина“—это своего рода оправдательные документы, *pièces justificatives*, къ величайшему изъ произведеній Щедрина—„Господамъ Головлевымъ“. Внимательное изученіе этого послѣдняго даетъ ключъ къ настоящему пониманію Щедрина—и его задушевнѣйшихъ идеаловъ, и того, противъ чего направлялась самая сущность его сатиры. Передъ нами—патріархальная семья крѣпостной поры, управляемая своею государынею - матушкою (такою положительно считаетъ себя Арина Петровна). Она, повидимому, всю себя посвятила своей

Семья, она только для того и живетъ, чтобы увеличивать ея матеріальныя средства, но она не видитъ въ членахъ этой семьи живыхъ людей съ свободной человѣческой душой; она никогда не говоритъ имъ о той „государынѣ совѣсти“, съ которою и сама не справляется; никто изъ нихъ, уже взрослыхъ, не смѣетъ зато даже и пискнуть передъ ней, государыней-матушкой, она держитъ ихъ всѣхъ подъ постояннымъ гнетомъ, то карая, то милуя и выбрасывая провинившемуся кусокъ, она прибѣгаетъ къ подслушиванію и наушничанію, упражняя въ этомъ того, кто представляется ей любимцемъ, на самомъ же дѣлѣ она никого изъ нихъ не любитъ, а только ея властолюбіе польщено тѣмъ изъ нихъ, который къ ней подлащивается и ей холопски подслуживается, она систематически боится любви, отъ которой будто-бы только ослабятся вожжи въ ея рукахъ. И что же? она, наконецъ, видитъ крушеніе своей власти, она слагаетъ ее передъ своимъ «любимцемъ» и убѣждается въ томъ, каковъ этотъ ласковый теленокъ, обращающійся въ хищнаго волка цѣлой семьи. А читатель присутствуетъ и при окончательной гибели всей семьи—при ея вымираніи въ иносказательномъ и даже буквальномъ смыслѣ, какъ слѣдствіи того развращенія, которое вытекало изъ всей ихъ семейной системы. Стоитъ только перенести тѣ же руководящія начала въ другую сферу—болѣе широкую,—и для насъ сдѣлаются ясными причины той деморализаціи, въ силу которой и въ цѣломъ обществѣ можетъ „пропасть совѣсть“ (о чемъ говорится въ одномъ изъ очерковъ Щедрина). Этою-то давнишнею деморализаціею, слѣдствіемъ давнишней ложной системы, и объясняется возможность крушенія самыхъ лучшихъ мѣропріятій, если къ нимъ обращаются слишкомъ поздно.

III.

Какъ относилась къ Щедрина критика? Она тепло привѣтствовала его въ лицѣ Добролюбова, вмѣнившего ему, на основаніи его первыхъ произведеній, въ особенную заслугу то, что у него „выражается чрезвычайно живо сочувствіе къ неиспорченному простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи“. За то въ лицѣ Писарева критика отнеслась къ Щедрина совершенно иначе. Высказавъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній на счетъ огульнаго осужденія Глуповцевъ и чрезмѣрнаго возвеличенія передъ ними Минервы, но въ то же время не оцѣнивъ теплыхъ очерковъ Щедрина изъ народнаго быта, Писаревъ просто обозвалъ произведенія нашего сатирика „цвѣтами невиннаго юмора“ и даже посовѣтовалъ ему оставить сатиру и сдѣлаться популяризаторомъ естественныхъ наукъ. Позже, уже въ 1871 г., основательныя возраженія противъ „Исторіи одного города“ сдѣланы были въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьѣ: „Историческая сатира“¹⁾. Въ статьѣ этой вѣрно замѣчено, что тутъ у Щедрина не отличить сатирика отъ того архивариуса, отъ имени котораго онъ ведетъ свою лѣтопись, и ведетъ „тономъ бюрократическаго презрѣнія къ народу“ (объясненіе этому дано у насъ выше). Въ общемъ статья исполнена уваженія къ сатирику и полнаго признанія его большаго таланта. Полемика, начатая противъ Щедрина въ „Эпохѣ“, отразилась и въ позднѣйшее время въ сужденіяхъ о немъ ея бывшаго сотрудника, Н. Н. Страхова, односторонность которыхъ справедливо указана К. К. Арсеньевымъ. Среди того немногаго о Щедринѣ въ нашей критикѣ, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, рѣзко выдается по своей добросовѣстной основательности именно разборъ его произведеній въ „Критическихъ этюдахъ о русской литературѣ“ К. К. Арсеньева. Мы съ своей стороны старались внимательно и вдумчиво отнестись къ Щедрина во 2-мъ томѣ нашихъ „Русскихъ писателей послѣ Гоголя“. Мы коснулись, вслѣдъ за другими, и слабыхъ сторонъ

¹⁾ Въ апрѣльской книжкѣ; подписана она не полнымъ псевдонимомъ.

„Исторіи одного города“. Мы остановились на томъ, что, налегая на неудовлетворительность результатовъ эпохи преобразованій, зависѣвшую отъ нехватанія у насъ на то наличныхъ силъ, сатирикъ невольно подавалъ поводъ не довольно цѣнить то, что было однако же ею достигнуто, такъ какъ нѣкоторыя силы все же таки нашлись. Мы указывали и на то, что досада сатирика на ту непослѣдовательность, которая заставляла насъ робѣть передъ дальнѣйшими шагами или даже дѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, заставляла его самого иногда проговариваться какъ будто бы въ пользу той эпохи, которая была уже черезъ-чуръ послѣдовательна въ иномъ смыслѣ, такъ какъ въ ту эпоху „только маршировали“. Мы старались намекнуть и на то, что сатирикъ напрасно оставлялъ въ сторонѣ пагубный взрывъ тѣхъ горючихъ матеріаловъ, которые накопились именно въ ту эпоху и достались въ видѣ тяжелаго наслѣдства эпохѣ, за ней послѣдовавшей,—взрывъ, которому мы окончательно обязаны систематическимъ стремленіемъ повернуть назадъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ налегали на то, и продолжаемъ налегать и теперь, что совокупность произведеній Щедрина ясно, однако же, говорить, въ чемъ настоящій корень зла, ясно доказываетъ, что зла этого никакъ не вылѣчить тѣмъ, отъ чего оно происходитъ. Если же корень зла въ томъ, что въ итогъ всевозможныхъ запрещеній оказалось отсутствіе живой человѣческой души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „пропажа совѣсти“,—то и спасеніе въ томъ, чтобы она снова нашлась и заняла свое законное мѣсто. Только тогда, по словамъ Щедрина, „исчезнуть всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распорядиться всѣмъ сама“.

Ор. Э. Мидлеръ.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь, что вполне прекрасная статья о Салтыковѣ по поводу выхода въ свѣтъ 1-го тома «Полнаго собранія сочиненій» появилась въ № 128 «Новостей», 1889 г.; она принадлежитъ извѣстному критику-писателю Александру Михайловичу Скабичевскому.

Ред.

РОД. ВЪ 1820 ГОДУ
Спб

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ
ДОМОНТОВИЧЪ.

Очеркъ къ его біографіи

1820 — 1889.

† 28-ГО АПРѢЛЯ
1889.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXII июнь].

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ ДОМОНТОВИЧЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

I.

Въ тотъ же день, когда скончался великій писатель нашъ, М. Е. Салтыковъ, нѣсколько часовъ спустя, смерть смежила очи другому человѣку, который успѣлъ государственною дѣятельностью своею и высокими нравственными качествами стяжать общее уваженіе въ русскомъ обществѣ: умеръ первоприсутствующій 4-го департамента правительствующаго сената Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей великой реформы освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года, еще одинъ изъ сподвижниковъ Государя-Освободителя Александра II. „Русская Старина“, хранительница, между прочимъ, всего, что относится къ славіи незабвеннаго преобразователя, его дѣлъ и сподвижниковъ, съ чувствомъ глубокой скорби заноситъ на свои страницы имя почившаго вѣчнымъ сномъ смерти Константина Ивановича Домонтовича.

Покойный былъ представителемъ старинной малороссійской фамиліи Домонтовичей. Фамилія эта происходитъ отъ св. князя Довмонта, славнаго вождя земли псковской. Потомки князя переселились сперва на родину князя въ Литву, а затѣмъ въ Малороссію. Во время присоединенія Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ къ Великой Россіи, особенное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ служившій въ Черниговскомъ полку, впоследствии генеральный судья войска Запорожскаго, Иванъ Михайловичъ

Домонтовичъ. Онъ былъ, между прочими, въ числѣ депутатовъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1659 и 1666 годахъ, каковому царю они били челомъ о подтвержденіи и огражденіи правъ Запорожскаго войска. Иванъ Михайловичъ былъ въ числѣ подписавшихъ утвержденныя по этому предмету статьи. Подъ тѣми-же статьями мы видимъ подпись и другаго Домонтовича—Петра. По жалованной грамотѣ 1672 года, генеральный судья Иванъ Михайловичъ получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича въ награду за вѣрную службу нѣсколько помѣстій и, въ томъ числѣ, село Кудровку, Черниговской губерніи. Умеръ онъ въ преклонной старости, въ 1683 году, пожертвовавъ часть своихъ владѣній Крупицкому, близъ г. Батурина, монастырю, гдѣ онъ по временамъ проживалъ и гдѣ похороненъ. Типичная фигура Ивана Михайловича, въ костюмѣ его времени, изображена на большомъ живописномъ портретѣ, находящемся у одного изъ его потомковъ, извѣстнаго и уважаемаго гласнаго С.-Петербургской Думы (съ 1868 г.), тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Домонтовича (род. 1814 г.). Къ этой же фамиліи принадлежитъ умершій на Кавказѣ артиллеріи генераль-маіоръ Василій Васильевичъ Домонтовичъ, кавказскій воинъ-поэтъ; многія стихотворенія его имѣются въ архивѣ „Русской Старины“.

II.

Умершій нынѣ Константинъ Ивановичъ былъ младшій братъ Ивана Ивановича; родился К. И. въ 1820 г., въ С.-Петербургѣ. Образование онъ получилъ въ петербургскомъ университетѣ и затѣмъ слушалъ курсы въ гейдельбергскомъ и другихъ иностранныхъ университетахъ; учился и завершилъ онъ свое образование съ блестящимъ успѣхомъ.

Выйдя въ 1840 г. изъ университета со степенью кандидата юридическаго факультета, Константинъ Ивановичъ въ 1842 г. поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществ¹⁾. Извѣстно, что въ этомъ министерствѣ и въ особенности въ его

¹⁾ Однимъ изъ товарищей К. И. по выпуску изъ университета, также кончившій курсъ со степенью кандидата, былъ кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, славный впоследствіи кавказскій воинъ и нынѣ стоящій во главѣ Ред. управления этою странюю.

департаментъ сельскаго хозяйства, подъ высшимъ просвѣщеннымъ руководствомъ графа П. Д. Киселева, одного изъ даровитѣйшихъ и умнѣйшихъ министровъ императора Николая Павловича, постоянно зрѣла и развивалась мысль объ освобожденіи крестьянъ; а такъ какъ обстоятельства далеко не благопріятствовали еще этой мысли, то заботы всей группы просвѣщенныхъ, ближайшихъ сотрудниковъ графа Киселева направляемы были на улучшеніе быта крестьянъ государственныхъ. Въ числѣ этихъ лицъ, яркой звѣздой горитъ имя незабвеннаго общественнаго дѣятеля и очень умнаго чело-вѣка Андрея Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго (впослѣдствіи статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта). Цѣлый рядъ работъ, имѣвшихъ конечнымъ результатомъ своимъ улучшеніе быта русскаго крестьянина, выпалъ на долю Константина Ивановича Домонтовича, служба котораго началась 1-го іюля 1842 года. Перечислимъ, слѣдуя повзанію формулярнаго о службѣ его списка, — тѣ должности, которыя пройдены имъ: членъ Пензенской комиссіи для уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ; членъ таковой же комиссіи для предварительныхъ изслѣдованій въ Курской губерніи (1844 г.); командированъ въ Маріинскую колонію, Саратовской губерніи, для производства оцѣнки доходовъ этой колоніи (1846 г.); членъ комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ Курской же губерніи; правитель дѣлъ центральной комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ (1848, 1850 гг.); членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ (1856 г.); исполняя прежнія свои обязанности, К. И. является членомъ центральной комиссіи по разсмотрѣнію работъ по соглашенію оцѣнокъ между губерніями и членомъ же комиссіи для соглашенія постановленій, по предмету узаконенныхъ на душу пропорцій поземельнаго надѣла (1856 и 1857 гг.); начальникъ статистическаго отдѣленія при министерствѣ госуд. имуществъ, съ оставленіемъ при прочихъ своихъ должностяхъ (январь 1858 г.) и совѣщательный членъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ; дѣятельный участникъ въ изданіи матеріаловъ для статистики Россіи (1858 г.)¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что, во время службы въ министерствѣ госуд. имуществъ, Конст. Ивановъ помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи свои по сель-

Во все время нахождения своего на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ стойкихъ сторонниковъ дѣйствительнаго улучшения быта сельскаго населенія, какъ основнаго слоя русскаго государства. Но когда на посту министра графа П. Д. Киселева явился Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, задавшійся прежде всего мыслью значительно увеличить въ пользу государства доходы съ государственныхъ крестьянъ, положеніе сторонниковъ дѣйствительнаго улучшения быта сельскаго населенія, а именно А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго, директора департамента сельскаго хозяйства, и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ сдѣлалось довольно тяжело. Извѣстно, что Муравьевъ былъ въ то время пылкій противникъ выше и выше поднимавшагося вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Завязалась глухая борьба между министромъ и группой тѣхъ его чиновниковъ, которые съ радостью шли на встрѣчу освободительнымъ идеямъ государя Александра II. Борьба эта кончилась тѣмъ, что для удаленія Заблоцкаго-Десятковскаго Муравьевъ прибѣгнулъ къ упраздненію департамента сельскаго хозяйства. Это упраздненіе совершено было какъ разъ на столько времени, чтобъ удалить Заблоцкаго-Десятковскаго изъ министерства. Но въ высшихъ правящихъ сферахъ и въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ въ то время былъ большой запросъ на людей, именно закала и убѣжденій А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго, К. И. Домонтовича, Я. А. Соловьева и имъ подобныхъ. Оставившій министерство государственныхъ имуществъ, Заблоцкій - Десятковскій является статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта; въ канцелярію того же совѣта и тогда же приглашенъ перейти, въ званіи помощника статсъ-секретаря, Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ (23-го мая 1859 г.)¹⁾. То было дѣло государственнаго секре-

скому хозяйству и, при особенномъ его содѣйствіи, было предпринято и первое время снабжаемо почти исключительно его статьями ежегодникъ сего министерства: «Памятная книжка для сельскихъ хозяевъ». Этотъ ежегодникъ продолжается подъ вѣдѣніемъ мин-ства госуд. имуществъ и нынѣ; въ подражаніе ему появились потомъ подобныя же частныя изданія. Ред.

¹⁾ Достоинно, однако, вниманія, что М. Н. Муравьевъ настолько успѣлъ замѣтить замѣчательныя способности и усердіе къ службѣ К. И. Домонтовича, что никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ министерства и заявилъ К. И., что

таря В. П. Буткова, которому надо отдать полную справедливость въ томъ, что онъ былъ необыкновенный мастеръ привлекать и окружать себя людьми труда, людьми замѣчательныхъ дарованій. Довольно вспомнить, что по мудрымъ предначертаніямъ Державнаго вождя Россіи, именно при особенно дѣятельномъ участіи государственной канцеляріи, совершены были величайшія преобразованія того времени, каковы: дѣло освобожденія крестьянъ, земская и судебная реформы, питейная, при чемъ рухнули зловѣщей памяти откупа, реформы податная, воинская и многія другія, составившія славу царствованія Государя-Освободителя.

Въ іюнѣ 1859 г. Константинъ Ивановичъ назначенъ для временнаго замѣщенія уѣхавшаго въ отпускъ члена Редакціонныхъ комиссій для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго; въ сентябрѣ того же 1859-го года, по возвращеніи Заблоцкаго, К. И. Домонтовичъ своими работами уже сдѣлался настолько необходимымъ, что, по всеподданнѣйшему докладу І. И. Ростовцева, былъ назначенъ членомъ Редакціонныхъ Комиссій. Колоссальный трудъ былъ поднятъ и исполненъ этими комиссіями доброй, славной памяти, и исполненъ не болѣе, какъ въ полтора года. На Константина Ивановича выпала значительная доля этого труда.

Семнадцатилѣтняя дѣятельная служба въ министерствѣ государственныхъ имуществъ была прекрасной подготовительной школой, изъ которой во всеоружіи опыта и знанія вышелъ этотъ энергическій работникъ. Трудолюбіе и даровитость Домонтовича были такъ велики, что его товарищи, большинство которыхъ и сами были работники весьма способные, относились съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ его трудамъ. Бывало Домонтовичу одной ночи достаточно для редакціи самыхъ сложныхъ докладовъ; при этомъ онъ трудился не только самъ, но и руководилъ еще работами ближайшихъ своихъ помощниковъ; такъ, напр., въ бытность членомъ Редакціонныхъ комиссій, онъ руководилъ обширнымъ трудомъ М. П. Щепкина по предмету составленія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; этотъ большой,

будетъ просить Государя Императора объ оставленіи Домонтовича въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; только при содѣйствіи Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича состоялся переводъ К. И. Домонтовича въ канцелярію Государственнаго Совѣта.

Ред.

въ семи вышедшихъ выпускахъ, сборникъ таблицъ оказался чрезвычайно важнымъ при всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ необходимымъ справочнымъ изданіемъ для Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, когда таковой возникъ въ одинъ день съ объявленіемъ освобожденія крестьянъ, 19-го февраля 1861 года, и когда ему, между прочимъ, доводилось рѣшать многочисленные споры о землѣ между крестьянами и помѣщиками. Кончилась работа Редакціонныхъ комиссій осенью 1860 года; труды эти были внесены въ Государственный совѣтъ, въ учрежденный при немъ, еще въ январѣ 1858 года, Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу; здѣсь тотъ же Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Степаномъ Михайловичемъ Жуковскимъ и немногими другими чиновниками, буквально зарылись въ громаднй трудъ по разсмотрѣнію проектовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Во главѣ помянутаго Комитета стоялъ тогда полный силъ, энергіи и всегда бывшій готовымъ съ самоотверженнымъ усердіемъ выполнить какъ можно лучше волю Государя, его августѣйшій братъ и ближайшій сподвижникъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Засѣданіе за засѣданіемъ слѣдовали въ Главномъ Комитетѣ, и все, что вырабатывалось имъ, получало изложеніе подъ перомъ Жуковскаго и Домонтовича. Общій журналъ длиннаго ряда этихъ засѣданій (съ октября 1860 г. по февраль 1861 г. включительно),—журналъ, при которомъ внесены проекты освобожденія крестьянъ изъ Главнаго Комитета въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, составилъ обширный печатный томъ *in folio*, и большая доля въ составленіи этого превосходнаго труда принадлежала Константину Ивановичу Домонтовичу.

III.

19-е февраля 1861 года было величайшимъ праздникомъ для всей Россіи и, разумѣется, лучшимъ днемъ жизни для непосредственныхъ участниковъ великой реформы, въ первыхъ рядахъ которой стоялъ названный нами государственный дѣятель.

Въ тотъ же день, 19-го февраля, былъ учрежденъ для упроченія, охраны и развитія дѣла освобожденія и устройенія на новыхъ началахъ быта сельскаго населенія Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (вмѣсто бывшаго Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, 1858—1861 гг.). Помощникомъ статсъ-секретаря управляющаго дѣлами этого Комитета, Степана Михайловича Жуковскаго, назначенъ былъ К. И. Домонтовичъ. Лучшаго назначенія не могло быть: въ этихъ двухъ лицахъ Августѣйшій предсѣдатель Главнаго Комитета, Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, нашелъ вполне свѣдущихъ, самыхъ преданныхъ и безпредѣльно усердныхъ сотрудниковъ. Золотая медаль на Александровской лентѣ за труды по освобожденію крестьянъ 19 февраля 1861 г. была вещественнымъ знакомъ благодарности (23-го апрѣля 1861 года) Царя-Освободителя своимъ сотрудникамъ.

Не успѣвъ даже отдохнуть отъ громаднхъ трудовъ по крестьянской реформѣ, К. И. въ государственной канцеляріи отдается всецѣло ежедневной и неустанной работѣ; выполняетъ онъ ее съ необыкновенною добросовѣстностью; дѣло доходитъ до того, что, независимо отъ усиленныхъ занятій во время сессій Государственнаго Совѣта въ зимнее время, Константинъ Ивановичъ каждое лѣто, когда статсъ-секретари Государственнаго Совѣта отправляются на отдыхъ, заступаетъ мѣсто то того, то другого, то по отдѣленію дѣлъ государственнаго секретаря, то въ департаментѣ экономіи, то въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, то нерѣдко одновременно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ государственной канцеляріи, и это ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, каждый разъ не менѣе какъ по четыре мѣсяца! Конечно, въ это время, какъ вакаціонное, засѣданій департаментовъ и Главнаго Комитета или не было, или бывали таковыя гораздо рѣже, чѣмъ во время зимняго сезона, тѣмъ не

менѣ текуція дѣла поступали въ изобиліи, и только при энергіи и необыкновенной быстротѣ въ работѣ Домонтовича возможно было одолѣвать всю эту гряду дѣлъ, при чемъ шла подготовка къ зимнимъ трудамъ государственной канцеляріи и совѣта.

Мы лично застали К. И. Домонтовича какъ разъ среди всей этой громады дѣлъ въ 1864-мъ году, когда пишущій эти строки поступилъ (въ январѣ 1864 г.), въ государственную канцелярію. Живо помнимъ, какъ Домонтовичъ отличался необыкновенной быстротою въ работѣ: чтобы онъ ни взялъ съ собой на домъ для обработки — на другое же утро присылалась эта работа вполнѣ готовою, нерѣдко на многихъ листахъ написанная его связнымъ, съ трудомъ разбираемымъ писцами, почеркомъ, сколько помнится, всегда карандашемъ, и все это являлось въ такой законченной и мастерски исполненной формѣ, что статсъ-секретарямъ ничего не оставалось въ трудахъ К. И. исправлять и передѣлывать.

Понятно, что въ годы кипучей законодательной дѣятельности, каковыми были 1860-е года, такимъ человѣкомъ чрезвычайно дорожили въ правящихъ сферахъ. И въ самомъ дѣлѣ: уже 2-го марта 1861-го года, по приглашенію министра финансовъ, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ учрежденной при этомъ министерствѣ комиссіи для начертанія проекта положенія объ акцизѣ съ питей въ имперіи. Въ 1863 году мы видимъ К. И. участникомъ въ трудахъ комиссіи по пересмотру системы податей и сборовъ, а равно при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ положеній о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (1863 г.).

Въ апрѣлѣ 1863-го года Домонтовичъ получаетъ знакъ отличія въ память введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и, въ томъ же году, — медаль по поводу окончанія составленія положенія о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, каковое положеніе высочайше утверждено 26-го іюня 1863-го года. Впослѣдствіи К. И. получилъ таковой же знакъ за труды по устроенію государственныхъ крестьянъ, какъ равно медаль за труды по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ. Мы упоминаемъ объ этихъ знакахъ и медаляхъ потому, что ими К. И. Домонтовичъ, какъ и другіе участники крестьянской реформы, всю жизнь чрезвычайно дорожили и дорожать.

Есть однако предѣлъ возможнаго и для самыхъ неутомимыхъ и энергическихъ труженниковъ.

Силы К. И. до того, наконецъ, оказались надорванными трудами, что, по требованію докторовъ, онъ вынужденъ былъ, въ январѣ 1865 г., поспѣшить изъ Петербурга за границу, такъ какъ былъ охваченъ тяжкимъ недугомъ—переутомленіемъ нервной системы. „Я до того тогда заработался, впослѣдствіи рассказывалъ намъ К. И. (4-го сентября 1885 г.), что голова моя совершенно помутилась: я не могъ спать цѣлыми недѣлями, мнѣ приходили разныя грезы, всевозможныя видѣнія, галлюцинаціи; упадокъ духа былъ такъ великъ, что я постоянно думалъ о самоубійствѣ. Но вотъ выѣхалъ я изъ Россіи, доѣхалъ до дивной Италіи, и съ перваго же дня пребыванія моего въ Римѣ точно пелена какая-то свалилась съ моего мозга. Прекрасный воздухъ, отдыхъ отъ работы, новизна впечатлѣній,—все это быстро стало освѣжать и восстанавливать мои надорванные силы“.

Отпускъ этотъ продлился, однако, не долго, всего лишь съ января до мая мѣсяца 1865 г.

По возвращеніи изъ за-границы, служба въ государственной канцеляріи окончилась для Домонтовича: въ іюнѣ 1865-го года онъ былъ назначенъ директоромъ департамента окладныхъ сборовъ. Только тогда, между прочимъ, онъ оставилъ должность члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, въ каковомъ министерствѣ обширныя статистическіе труды навсегда остались дорогимъ памятникомъ его служебно-ученой дѣятельности. Въ 1866-мъ г. онъ является членомъ въ комиссіи о финансовыхъ расчетахъ между имперіей и Царствомъ Польскимъ; въ слѣдующемъ году—членомъ особо учрежденной комиссіи для составленія проекта правилъ о мѣрѣ участія казны въ отправленіи дорожной повинности; въ 1868-мъ году онъ трудится въ комиссіи для составленія предположеній о замѣнѣ подушной системы сборовъ болѣе правильными налогами; тогда же мы его видимъ помощникомъ предсѣдателя податной комиссіи, при исполненіи имъ же всѣхъ прочихъ обязанностей. По приглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ К. И. сдѣланъ членомъ комиссіи для пересмотра узаконеній о переселеніяхъ крестьянъ (сентябрь 1868 г.). Къ слѣдующему году относится вполне успѣшное окончаніе имъ смѣты и раскладокъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе

съ 1869-го года, и если намъ не измѣняетъ память, то именно этотъ обширный трудъ былъ увѣнчанъ признательностью, выраженною К. И. Домонтовичу отъ лица всего Государственнаго Совѣта, о чемъ было занесено въ журналъ общаго собранія совѣта и испрошено выраженіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія. Даже вопросъ о постройкѣ казармъ для всѣхъ частей арміи, такъ какъ онъ являлся вопросомъ новаго обложенія сельскаго населенія, не обошелся безъ участія К. И. Домонтовича: онъ былъ назначенъ въ іюнѣ 1869-го года членомъ въ комиссію по сему предмету, состоявшую при военномъ министерствѣ. Опуская участіе его въ нѣкоторыхъ другихъ комиссіяхъ, мы считаемъ однако вполне необходимымъ упомянуть, что въ январѣ 1870-го года К. И. является членомъ въ комиссіи по пересмотру проекта положенія о городскомъ общественномъ управленіи. Такимъ образомъ, весьма важная реформа городского самоуправления, подобно другимъ реформамъ 1860—1870 гг., не обошлась безъ участія, и при томъ весьма дѣятельнаго, Константина Ивановича Домонтовича. Кстати, отмѣтимъ здѣсь, что положительно во всѣхъ поименованныхъ комиссіяхъ Домонтовичъ былъ не номинальнымъ только членомъ, напротивъ, всегда такъ случалось, что крупная доля труда въ каждой комиссіи, куда бы только его ни назначали, именно выпадала на него, и результаты этихъ трудовъ являлись въ формѣ тѣхъ или другихъ выходящихъ затѣмъ законоположеній.

Такъ высоко цѣнились результаты его трудовъ потому, что они всегда отличались и здравымъ обсужденіемъ вопроса, и полною добросовѣстностью: онъ вкладывалъ въ дѣло свою душу. Отъ юности дней своихъ врагъ угодливости, онъ всегда готовъ былъ мужественно отстаивать свои убѣжденія и во многихъ случаяхъ своей жизни выходилъ изъ борьбы преній счастливымъ побѣдителемъ.

Одновременно съ выработкой городского положенія въ 1870 году, въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, пересматривалось дѣло о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Домонтовичъ и сюда призванъ какъ совершенно необходимый участникъ и въ этомъ сложномъ трудѣ.

Вообще во время десятилѣтней службы въ министерствѣ финансовъ (1865—1874 гг.) Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ

ближайшихъ сотрудниковъ тогдашняго министра М. Х. Рейтерна въ лучшую пору его финансоваго управленія. Вмѣстѣ съ нимъ работали тогда К. К. Гротъ, А. П. Неболсинъ, С. А. Грейгъ, князь Д. А. Оболенскій, А. И. Бутовскій, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Д. О. Кобеко и другіе, имена которыхъ будутъ современемъ помянуты вполне добрымъ словомъ въ исторіи русскихъ финансовъ.

Многолѣтняя труженическая жизнь вполне государственнаго человѣка Конст. Иван. Домонтовича завершается назначеніемъ его, 31-го января 1874 года, къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

IV.

Въ сенатѣ К. И. Домонтовичъ, какъ и во всю свою жизнь, явился не сановникомъ, опочившимъ отъ дѣлъ, а труженикомъ неустаннымъ и энергическимъ, чѣмъ и объясняется, что его и здѣсь не забыли господа министры, привлекавшіе его къ трудамъ, не входившимъ въ область сенаторской дѣятельности; такъ, напримѣръ, въ 1879 году, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, для замѣны подушныхъ сборовъ другими налогами; такимъ образомъ онъ трудился въ великомъ дѣлѣ, блистательно довершенномъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге. Въ 1882 году Константинъ Ивановичъ назначенъ первоприсутствующимъ 4-го департамента правительствующаго сената. 1-го января 1885 года, уже кавалеръ Александра Невскаго, Домонтовичъ произведенъ за отличіе по службѣ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Необходимо сказать о службѣ К. И. Домонтовича въ сенатѣ.

Дѣятельность К. И. во главѣ IV департамента сената не прошла безслѣдно и безцвѣтно. Департаментъ этотъ стоитъ особнякомъ между другими департаментами сената. Ему подчинены всѣ коммерческіе суды имперіи—и его рѣшенія направляютъ и руководятъ дѣятельность этихъ судовъ. Но суды эти, да и самый IV департаментъ,—учрежденія стараго устройства, работа коихъ происходитъ среди выполненія ряда формальностей канце-

лярскаго производства. А дѣло торговое, коммерческое—дѣло живое, чуткое къ явленіямъ жизни, къ колебаніямъ рынка, къ вновь возникающимъ экономическимъ потребностямъ. Вводя его въ область канцелярскихъ формальностей—можно пойти въ разрѣзъ съ требованіями жизни, можно втиснуть живое содержаніе въ мертвыя формы. К. И. слишкомъ много послужилъ обновленію русской жизни, чтобы отдать формѣ преимущество предъ содержаніемъ и мы слышали, что глубокое вниманіе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ и вопросамъ торговаго права, доходившимъ до его разрѣшенія, всегда бывало обращено не на узкую формальную сторону дѣла, а на житейскую, на тѣ общіе интересы экономическаго быта, которые могли быть затронуты или такъ или иначе направлены судебнымъ рѣшеніемъ, съ каковыми интересами онъ былъ отлично знакомъ и научно и практически.

Вотъ и весь очеркъ многосложной государственной дѣятельности этого честнаго, даровитаго и полнаго величайшаго усердія сподвижника незабвеннаго государя Александра II; за все это время К. И. сумѣлъ вызвать къ себѣ высокое уваженіе и признательность тѣхъ лицъ, которыя стояли во главѣ государственныхъ труженниковъ того времени. Это всего лучше видно изъ той телеграммы, которою осчастливилъ вдову покойнаго К. И. Домонтовича бывшій предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, при первомъ же извѣстіи, полученномъ, 3-го мая 1889 г., въ Крыму, Его Высочествомъ о кончинѣ сенатора К. И. Домонтовича. Вотъ эта телеграмма:

— „Сегодня только прочиталъ въ газетахъ совершенно неожиданное для меня извѣстіе о кончинѣ вашего почтеннаго мужа. Не могу вамъ сказать, какъ это глубоко меня потрясло и опечалило; въ теченіе нашего, почти тридцатилѣтняго, знакомства я привыкъ такъ моего тезку искренно любить, цѣнить и уважать, что мнѣ невыразимо тяжело знать, что его уже больше нѣтъ. Да подкрѣпите васъ Господь. Константинъ“.

V.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не приобщили къ нему нѣсколько чертъ для характеристики нравственнаго образа Константина Ивановича. Этотъ, какъ его называли нѣкоторые— „рѣдкій человѣкъ“,—рѣдкій по уму и характеру, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и талантомъ къ самой серьезной работѣ, соединялъ замѣчательную скромность; отнюдь никогда не выставлялся онъ своими трудами, никогда не рисовался ими, что уже было бы совершенно противно его въ высшей степени сдержанной, спокойной, крайне скромной природѣ. Трудъ давалъ ему наслажденіе; на полѣ труда онъ нашелъ себѣ и друзей. Всѣ эти лица, каковы Н. А. и Д. А. Милютины, И. С. Тургеневъ, Ю. О. Самаринъ, вн. В. А. Черкасскій, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, М. Х. Рейтернъ, Н. Х. Бунге, М. Н. Любоцинскій, П. П. Семеновъ, Н. И. Стояновскій, Д. О. Кобеко, И. П. Арапетовъ, въ особенности же А. А. Абаза, и нѣкоторыя другія были лучшими, ближайшими его друзьями, и чувство дружбы къ нимъ Константинъ Ивановичъ сохранялъ во всю свою жизнь.

Усердный участникъ, въ теченіи 26 лѣтъ, обѣдовъ 19-го февраля, онъ на этихъ дружескихъ трапезахъ въ рѣчахъ умныхъ, прочувствованныхъ дѣлалъ превосходные очерки нравственныхъ качествъ и заслугъ нѣкоторыхъ изъ сошедшихъ въ могилу его товарищей, людей государственныхъ. Нѣкоторыя изъ рѣчей Константина Ивановича на этихъ обѣдахъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (см. изд. 1885—1888 гг.).

Въ 1881-мъ году К. И. сочетался бракомъ съ Аглаидой Константиновной Мравинской, дочерью ген.-маіора.

Прекрасный мужъ, весьма внимательный, добрый и мягкій по характеру, Константинъ Ивановичъ явился нѣжнымъ отцомъ своихъ двухъ прекрасныхъ малютокъ, сына и дочери; нѣжность и любовь его къ нимъ не имѣли предѣловъ; довольно сказать, что онъ находилъ время каждый день рассказывать имъ особо придуманные самимъ дѣтскіе рассказы, игралъ, самъ устраивалъ для нихъ игрушки и проч. Вообще въ немъ было такъ много добраго отъ

самой его природы, такъ много сердечнаго, что всё эти качества, во всей полнотѣ, особенно обнаружались въ теченіи его восьмилѣтней семейной жизни.

Еще одну черту, и весьма рельефную, отмѣтимъ въ нашемъ дорогомъ покойникѣ. Какъ ни велики были труды Константина Ивановича, но онъ во всю жизнь, а послѣднія 15 лѣтъ въ особенности, каждый день находилъ время для того, чтобы читать и слѣдить за всѣмъ, что выходило въ нашихъ лучшихъ журналахъ или отдѣльныхъ книгахъ мало-мальски замѣчательнаго. Всѣ вопросы, въ особенности внутренней политики, все, что касалось до самыхъ жизненныхъ сторонъ въ бытіи и развитіи дорогаго нашего отечества,—все увлекало и занимало К. И. Домонтовича. Фактъ чрезвычайно знаменательный: наше чиновничество, по крайней мѣрѣ громаднѣйшая его часть, гдѣ бы оно ни получило образованіе, въ училищѣ ли правовѣдѣнія, въ лицей-ли, въ университетахъ-ли, чѣмъ выше поднимается по степенямъ гражданской іерархіи, тѣмъ менѣе и менѣе находятъ времени для того, чтобы слѣдить за произведеніями отечественной, а тѣмъ болѣе иностранной серьезной печати; въ большинствѣ русскіе „дѣловые люди“ казъ-то начинаютъ считать себя выше и умнѣ книгъ....

Домонтовичъ и въ отношеніи постояннаго, до конца дней своихъ, стремленія расширять свои знанія, свое, такъ сказать, самообразованіе, былъ въ высшей степени достойнымъ представителемъ людей поколѣнія 1840-хъ годовъ и государственныхъ дѣятелей 1860-хъ годовъ, незабвенныхъ, славныхъ годовъ въ жизни русскаго народа....

Имѣвъ удовольствіе знать К. И. Домонтовича въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (съ янв. 1864 г.), мы долгомъ своимъ признали, въ качествѣ гласнаго с.-петербургской городской Думы, почтить славную память этого государственнаго и общественнаго дѣятеля добрымъ словомъ. Выписываемъ изъ газеты „Новое Время“ № 4731, изъ отчета засѣданія Думы, нашу небольшую рѣчь и вызванное ею постановленіе общаго собранія с.-петербургской городской Думы 1-го мая 1889 г.

„Одновременно съ утратою нашего великаго писателя М. Е. Салтыкова, — сказали мы, — русское общество понесло другую потерю въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи, сенатора К. И. Домонтовича. Въ на-

чалъ 1860-хъ годовъ петербургская городская дума видѣла его въ средѣ своихъ сочленовъ, гласныхъ Думы, хотя, впрочемъ, весьма короткое время. Занятый, въ сильной степени, участіемъ въ трудахъ Редакціонныхъ комиссій и, затѣмъ, Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, К. И. долженъ былъ оставить Думу, за то, въ помянутыхъ учрежденіяхъ, онъ сослужилъ великую службу дорогому нашему отечеству, какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ трудѣ по обработкѣ и рассмотрѣнію проектовъ Положеній 19-го февраля. Когда эти проекты подверглись всестороннему, въ теченіе весьма многихъ засѣданій, рассмотрѣнію въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, К. И. редактировалъ громаднѣйшій трудъ—журналъ этого комитета и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неутомимо трудился въ области того же крестьянскаго дѣла въ Главномъ комитетѣ и въ Государственномъ совѣтѣ. Далѣе мы его видимъ въ сенатѣ, гдѣ онъ и скончался, занимая высокій постъ предсѣдательствующаго 4-го департамента. Государственныя заслуги К. И. и его высоко нравственныя качества, доставившія ему всеобщее уваженіе, вызываютъ меня на предложеніе нашему предсѣдателю, не признають ли онъ справедливымъ обратиться къ Думѣ съ предложеніемъ выразить чувства глубокаго соболѣзнованія семейству покойнаго, а также нашему уважаемому и старѣйшему гласному И. И. Домонтовичу по поводу тяжелой потери, понесенной ими съ кончиною К. И. Домонтовича. вмѣстѣ съ симъ прошу городского голову предложить собранію выразить нынѣ же уваженіе къ памяти опочившаго обычнымъ, въ таковыхъ случаяхъ, вставаніемъ всего собранія“.

Предложенія эти приняты собраніемъ Думы единогласно.

На гробъ почившаго, въ числѣ другихъ, возложены были цѣнные вѣнки, одинъ съ надписью: „Константину Ивановичу Домонтовичу отъ чиновъ канцеляріи 4-го департамента правительствующаго сената“, а другой съ надписью:

— „Вѣрному другу отъ кружка друзей“.

Сослуживцы его по департаменту окладныхъ сборовъ, въ которомъ онъ былъ почти десять лѣтъ директоромъ (1865—1874), предположили помѣстить тамъ его портретъ. Въ этомъ же департаментѣ 2-го мая и въ церкви правит. сената 11-го мая 1889 г. почтили память покойнаго отправленіемъ по немъ панихидъ.

Вѣчная, добрая и славная память, въ лицѣ К. И. Домонтовича, еще одному изъ сподвижниковъ императора Александра II Освободителя. Съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ ряды этихъ труженниковъ и участниковъ великихъ реформъ, и съ каждымъ годомъ все выше и выше будутъ подниматься имена ихъ въ благодарной памяти русскаго народа, по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться заслуги ихъ и степень участія въ исполненіи благихъ предначертаній незабвеннаго Царя-Освободителя.

Примѣчанія. I. Въ слѣдующей книгѣ «Русской Старинѣ» мы помѣстимъ портретъ Константина Ивановича Домонтовича, исполненный граверомъ И. И. Матюшинымъ съ хорошаго фотографическаго снимка, относящагося ко времени 19-го февраля 1886 г., когда, по случаю 25 лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ, всѣ наличные участники въ трудахъ по этой реформѣ имѣли счастье поднести альбомъ съ своими портретами Его Императорскому Высочеству в. к. Константину Николаевичу, бывшему председателю главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (1860—1861), а затѣмъ и главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи (1861—1882 гг.).

II. Считаемо необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ. Перечитавъ нашъ очеркъ, посвященный памяти К. И. Домонтовича, мы при всемъ томъ, что все въ немъ переданное изложено нами вполне вѣрно и самый характеръ этой благородной личности очерченъ въ самомъ почтенномъ видѣ, тѣмъ не менѣе признаемъ, что общее впечатлѣніе не удовлетворяетъ насъ и едвали удовлетворитъ его друзей. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ является въ нашемъ очеркѣ лишь весьма способнымъ и необыкновенно усерднымъ труженникомъ; между тѣмъ онъ стоялъ гораздо выше и только скромные его приемы не всякому позволяли это видѣть. Недостатокъ матеріаловъ, однако, не позволяетъ намъ выполнить нашу задачу такъ, какъ бы это хотѣлось и какъ бы это слѣдовало... Усердно просимъ ближайшихъ друзей покойнаго сообщить намъ такковыя матеріалы въ видѣ ли документовъ, въ видѣ ли личныхъ воспоминаній и замѣтокъ по поводу настоящаго нашего бѣлаго очерка и характеристики дорогаго покойника. Будетъ-ли, однако, услышанъ нашъ призывъ? Сомнѣваемся, и имѣемъ право сомнѣваться въ виду того равнодушія, съ которымъ приобыкли у насъ относиться къ лицамъ, много потрудившимся для блага нашей великой родины. Много ли, напримѣръ, было сказано въ русской печати друзьями и почитателями Н. А. Милютина послѣ его кончины?—почти ничего, а ужъ онъ ли ни былъ первой величины государственный дѣятель въ исторіи новой и свободной Россіи!

Михаилъ Семевскій.

28 апрѣля 1889 г. С.-Петербургъ.
21-го мая.

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ЧЕРНОГОРСКІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ маѣ мѣсяцѣ 1889 г.

Гость Государя Императора.—18-го мая, послѣ парада, въ Большомъ Дворцѣ, въ Петергофѣ, былъ завтракъ, къ которому были приглашены лица свиты, командиры и офицеры лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. За завтракомъ Государь Императоръ, поднявъ бокаль, провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пью за здоровье князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи».

— 15-го сего мая его высочество князь Черногорскій Николай I назначенъ шефомъ 15-го стрѣлковаго полка, коему Высочайше повелѣно именоваться впредь 15-мъ стрѣлковымъ его высочества Князя Черногорскаго Николая I полкомъ.

13-го мая 1889 г., въ Зимнемъ дворцѣ, имѣли счастье представляться его высочеству Николаю князю Черногорскому и его наслѣднику князю Данилу предсѣдатель славянскаго общества графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, секретарь совѣта В. И. Аристовъ, казначей совѣта В. Г. Чубинскій, члены совѣта: М. О. Мирковичъ, А. А. Кирѣевъ и пр., А. А. Лебедевъ и члены общества: намѣстникъ Александро-Невской лавры, архимандритъ Иннокентій, М. И. Семейскій, Н. К. Шведовъ, князь Ю. Н. Гагаринъ и А. А. Папковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями петербургскаго купечества, съ товарищемъ старшины купеческаго общества Л. О. Абатуровымъ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ привѣтствовалъ его высочество оживленнымъ, полнымъ глубокаго чувства, словомъ и отъ имени славянскаго общества поднесъ его высочеству, для наслѣдника его престола князя Данила, св. Евангеліе, переплетенное въ бархатъ, а архимандритъ

рить Иннокентій и Л. О. Абатуровъ съ товарищами—богатые эмальпированные образа св. Николая.

Пожизненный членъ славянскаго общества М. И. Семевскій представляя экземпляръ издаваемаго имъ журнала, сказалъ:

— «Ваше высочество! Издавая въ теченіе 20 лѣтъ журналъ «Русскую Старину», всецѣло посвященный изученію отечественной исторіи, я многократно имѣлъ и, конечно, буду имѣть случаи украшать страницы его сказаніями о великой борьбѣ Россіи въ союзѣ съ славянскими ей братскими народами за независимость сихъ послѣднихъ. Въ челѣ славянскихъ братій нашихъ издревле стоитъ народъ черногорскій—по своимъ доблестямъ и самоотверженной любви къ отечеству и свободѣ. Мы, члены славянскаго общества, считаемъ себя весьма счастливыми, что привѣтствуемъ верховнаго вождя Черной Горы, олицетворяющаго въ себѣ всѣ высокія качества своего народа и соединяющаго безстрашіе воина съ мудростью законодателя и высокимъ даромъ лучшаго выразителя поэзіи своего народа».

Кромѣ своего журнала, поднесеннаго его высочеству, каковое изданіе князь Черногорскій благосклонно изволилъ принять, М. И. Семевскій представилъ его высочеству, князю Данилу, наслѣднику черногорскаго престола, принадлежащее «Русской Старинѣ» изданіе большой гравюры, портретъ императора Александра II Освободителя, гравюры, исполненной покойнымъ граверомъ его величества, академикомъ Сѣряковымъ. М. И. Семевскій принесъ въ даръ черногорскимъ училищамъ 200 экземпляровъ этой превосходной гравюры.

Гг. Шведовъ и Папковъ поднесли князю свои сочиненія. Князь Черногорскій горячо благодарилъ членовъ славянскаго общества за ихъ всегдашнюю готовность идти на помощь нуждающимся черногорцамъ и затѣмъ долго бесѣдовалъ отдѣльно съ высокоуважаемымъ предсѣдателемъ славянскаго общества, графомъ Н. П. Игнатьевымъ ¹⁾.

¹⁾ Газета «Свѣтъ», 1889 г., 14-е мая.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

- I. Жизнь Андрея Болотова, описанная самимъ имъ для своихъ потомковъ. Часть тридцать пятая, 1799 — 1800 гг. Сообщ. В. А. и А. В. Болотовы. . . 535—576
- II. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1796—1800 гг. Глава LXV 183—220
- III. Дневникъ проф. академика Александра Васильевича Никитенко, 1827—1829 гг. . . . 107—130, 577—598
- IV. Бородинская годовщина. Изъ воспоминаній Теобальда. 1838—1839 гг. 43—58
- V. Воспоминанія стараго студента. Сообщ. В. М. Сорокинъ. (См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, декабрь, стр. 617—647).
Замѣтка по поводу Воспоминаній В. М. Сорокина. Сообщ. В. Н. Рапоповъ 480—481
- VI. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ, 1820—1888 г. Воспоминанія Л. И. Шестаковой, рожд. Глинка . . 161—182

VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг.	389—410	стр.
VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексѣй Ивановичъ Шадринъ, странникъ-богомольецъ въ его собственномъ разсказѣ.	661—681	

Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка, разсказы, матеріалы, зашѣтки.

I. О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ. Сообщ. съ тремя рисунками членъ археографической комиссіи А. Н. Труворовъ.	451—457
II. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Главы IV—V. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	513—534
III. Генераль фельдцейхмейстеръ Минихъ: два его распоряженія по артиллерійскому вѣдомству, 1730 г. Сообщ. А. И. Савельевъ.	458
IV. Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ 1734 г. Сообщ. А. И. Савельевъ.	701—702
V. Русскіе на Шпицбергенѣ въ 1747—1748 гг. Сообщ. С. О. Огородниковъ.	703—706
VI. Княгиня Іоанна (Жанета) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, род. 1795, † 1831 г. Сообщ. П. П. Исаевичъ.	707—716
VII. Михаилъ Шумскій, мнимый сынъ графа Аракчеева. Сообщ. М. Марксъ.	473—474
VIII. Алексѣй Ивановичъ Лакомте въ 1812—1842 гг. Сообщ. М. А. Лакомте.	471—472
IX. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ, 1784—1848 гг. Главы III—V (окончаніе). Сообщ. П. О. Бобровскій.	325—356, 599—622
X. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщ. о. В. И. Жмакинъ.	313—324

- XI. Братья В. В. и К. В. Сикорскіе, ординарцы генерала Хрулева. Сообщ. М. Вроченскій и В. В. Сикорскій
696—700
- XII. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, продолженіе, 1859—1861 гг. Сообщ. профессоръ Н. А. Өирсовъ. 85—106, 623—640
- XIII. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М. 717—723
- XIV. Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1860—1861 гг. Сообщ. В. Д. Философовъ. 131—133
- XV. Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ въ 1861 г. Пѣсня-шутка. Сообщ. г. Агафоновъ. 477—479
- XVI. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, † 7-го декабря 1866 г. Сообщ. М. Марксъ 475—476
- XVII. Къ новѣйшей исторіи монастырей. Записка архимандрита Игнатія Малышева, по поводу проекта устава объ учрежденіи епархіальныхъ общинъ сестеръ милосердія, составлен. игуменіей Митрофаніей въ 1869 г. 683—695
- XVIII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Историко-біографическій очеркъ по бумагамъ фамилнаго его архива и прочимъ матеріаламъ. Главы IV—V. Сост. И. И. Ореусъ 357—387, 641—660
- XIX. Болгарское ополченіе и его сформированіе въ 1875—1879 гг. Замятки и воспоминанія И. С. Иванова
135—159
Поправки. Сообщ. И. С. Ивановъ 512
- XX. Последній бой за Шипку. По поводу воспоминаній В. В. Верещагина. Очеркъ ген.-м. Л. Н. Соболева. 1877—1878 гг. 411—450
- XXI. Александръ Васильевичъ Головинъ въ его заботахъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулынки. Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи. (Окончаніе). Очеркъ состав. и сообщ. Н. Н. Куликовъ.
1—34
- XXII. Путевые очерки, замятки и наброски М. И. Семейскаго. Поѣздка по Россіи въ 1888 г.: II. Москва. III. Троице-Сергіева лавра 221—262, 489—511
Замятка къ «Пут. очеркамъ»: Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ.
Сообщ. А. Д. Погодинъ 511

- XXIII. Дворянскій полкъ. 82-я годовщина его учрежденія. 1807 г.—14-го марта—1889 г. Сообщ. Ю. С. Лось-Рожковскій. 263—272
- XXIV. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, † 28-го апрѣля 1889 г. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. Ред. 755—772
- XXV. Князь Николай Черногорскій въ С.-Петербургѣ 13-го мая 1889 г. 773—774
-
- XXVI. Трехсотлѣтіе города Саратова. Сообщ. кн. Л. Гольцынъ 512
- XXVII. Замѣтки и поправки. Сообщ. В. И. Шенрокъ. . . 481
-

Исторія русской литературы.

- I. Матеріалы для исторіи цензуры 1809—1815 гг. 459—465
- II. Александръ Семеновичъ Шишковъ, 1824 г. Сообщ. А. В. Смирновъ 466—467
- III. Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ «Домъ сумасшедшихъ», 1825 г. Сообщ. Н. П. Барсуковъ . 468—470
- IV. Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія о немъ и его письма. Сообщ. Е. Н. Ахматова. 273—312
- V. Сорока-воровка. Повѣсть А. И. Герцена. Подлинная рукопись автора, 1846 г. Сообщ. Т. П. Пассекъ. 59—81
- VI. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія, 1838—1839 гг. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова 134, 160, 388, 682
- VII. Поэтъ Цедлицъ. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 474
- VIII. Историко-литерат. матеріалы и письма въ 1853—1855 гг.: в. к Константинъ Николаевичъ, Даль, Шевыревъ. 35—42
- IX. Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. профессоръ Н. О. Сумцовъ . 725—732
- X. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Сообщ. П. Н. Якови. 482—484
- XI. Татьяна Петровна Пассекъ, † 24-го марта 1889 г. Рѣчь на ея могилѣ и замѣтка. Ред. 485—488
- XII. Михайлъ Евграфовичъ Салтыковъ, † 28 апрѣля 1889 г.
1. Біографическо-критическій очеркъ. Сообщ. профессоръ Ор. О. Миллеръ. 744—754

апрѣль—юнь «РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1889 г.	v
	стр.
2. Автобіографическія замѣтки М. Е. Салтыкова	735—736
3. Замѣтка о значеніи М. Е. Салтыкова въ отече- ственной литературѣ (1887 г.). Ред.	737—739
4. Письмо М. Е. Салтыкова къ редактору «Русской Старины», мартъ 1887 г.	739
5. Последнее свиданіе, 19 апрѣля 1888 г. Ред.	740
6. Въ день кончины М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля 1889 г. Ред.	741
7. День погребенія М. Е. Салтыкова 2-го мая 1889 г.: стихотвореніе. Сообщ. В. Р. Щиглевъ.	742

Портреты и рисунки.

- I. Портретъ Михаила Кирилловича Бобровскаго, греко-уніатскаго каноника, — профессора виленскаго университета въ 1814 - 1832 гг. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 345).
- II. Портретъ адмирала Ивана Алексѣевича Шестакова, гравироваль художникъ В. В. Маттэ.
(При стр. 1).
- III. Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ, второе тисненіе.
(При стр. 513).
- IV. Рисунки къ очерку А. Н. Труворова о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи въ древней Руси.
(Стр. 455—457).
- V. Чертежи къ очерку Л. Н. Соболева: „Бой за Шипку“.
448—449

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Наша жизнь. Стихотворенія П. А. Куескова. Спб., 1889 г., въ м. 8 л., стр. X+250. (На оберткѣ IV-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
2. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Изданіе Тверскаго Историческаго Музея. Тверь, 1888 г., въ 8 д., стр. 74. (Тамъ-же).
3. Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскаго. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. Москва, 1888 г. въ большую 4 д., стр. II+242+XVIII.
4. Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Часть: I (XV—XVII стол.); одинъ выпускъ части II (первая половина XVIII в.) и часть III (приложеніе). Составилъ завѣдующій музеемъ Н. Е. Бранденбургъ. Спб., 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).

5. С. П. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Москва, 1889 г., въ м. 8 д., стр. 170. («Русск. Стар.» кн. VI).
6. Сергій Ал. Бѣлокуровъ. Матеріалы для русской исторіи. Москва, 1888 г., въ 8 д., стр. 574. (Тамъ-же).
7. Рейнгольдъ Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изд. Археографич. комиссіи. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. LXXXVI+309+29. (На оберткѣ V-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
8. Новые матеріалы и труды о патриархѣ Нпконѣ, ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 78. (Тамъ-же).
9. Кубанское казачье войско 1696—1888 гг. Сборникъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. Е. Д. Фелицинь. Воронежъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 438, съ иллюм. красками картою города Екатеринодара, портретами и политинажами. (Тамъ-же).
10. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.—Книга пятая Москва, 1888 г., въ б. 8 д., стр. XIII+508+156. (Тамъ-же).
11. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фототипными портретами. Спб., четыре тома, въ б. 8 д., 1886—1889 гг. (Тамъ-же).
12. Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городского хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабинъ и П. Коноваловъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. (На оберткѣ VI книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
13. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).
14. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. 1889 годъ. Томъ II, выпускъ I. Подъ редакціей С. С. Краснодубровскаго, съ приложеніемъ трехъ картъ Саратова. 1889, въ 8 д., стр. 245. (Тамъ-же).
15. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г. и М. Д. Скобелевѣ ординарца его Петра Дукмасова. Спб., 1889 въ 8 д., стр. XXI+465, съ двумя снимками писемъ и двумя картами. (Тамъ-же).
16. Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаніямъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга по желѣзнымъ дорогамъ: Финляндскимъ и Балтійской. Составилъ и изд. Н. П. Федотовъ. Спб., 1889 г., стр. 300. (Тамъ-же).
17. Карта и 19 подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей въ районѣ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ихъ дачными окрестностями. Спб. 1889 г. Состав. и изд. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
18. Дачныя мѣстности по Финляндской желѣзной дорогѣ: Теріюки; Тюресева; Ваммельсуу; Черная рѣчка; Метяюля съ двумя планами. Спб., 1889 г. Изд. второе. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
19. Описаніе и подробный планъ дачной мѣстности Райвахо. Спб., 1889 г., второе изд. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
20. Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. 1788—1818. Біографическій очеркъ. Состав. И. И. Бажаринъ, Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. VII+87.